

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

1868

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 25 дня 1868 года.

Цензоръ Протоіерей *С. Зверновъ*.

О ДРЕВНИХЪ ИКОНАХЪ.

(МНѢНІЕ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА) ^(а).

За пять дней до своей блаженной кончины митрополитъ Филаретъ препроводилъ изъ Москвы на имя о. намѣстника Троицкой Лавры, а. Антонія дѣло о древнихъ иконахъ при слѣдующемъ письмѣ:

Отцу намѣстнику миръ! — Между моими бумагами попалось мнѣ дѣло, въ которомъ мнѣ довелось защищать дѣйствительную древность нѣкоторыхъ древнихъ иконъ, и въ томъ числѣ иконы пресвятыя Троицы, храмовой въ лаврскомъ Троицкомъ Соборѣ. По сему послѣднему обстоятельству не сохранить ли сіе дѣло въ числѣ рукописей Лаврской бібліотеки?

Ф. М. Московскій.

Ноября 14 дня 1867 г.

Изъ первыхъ строкъ этого письма видно, что святитель не задолго до своей кончины, какъ бы предчувствуя приближеніе оной, занимался разборкой своихъ дѣловыхъ бумагъ, изъ которыхъ указанная относится къ 1853 году. Отъ 7-го мая сего года св. Синодъ препроводилъ къ митрополиту корректурные листы рукописи подъ заглавіемъ: «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка», съ приложеніемъ снимковъ съ 40 древнихъ иконъ, и требовалъ отъ него, чтобъ по разсмотрѣніи листовъ рукописи и снимковъ съ иконъ онъ

(а) Доставлено въ редакцію профессоромъ М. Д. Академіи С. К. Смирновымъ.

представилъ о нихъ свое заключеніе св. Синоду. Рукопись, какъ видно изъ дѣла, была предварительно разсмотрѣна цензоромъ С.-Петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета, архимандритомъ Кирилломъ (въ послѣдствіи епископомъ мелитопольскимъ) и представлена съ мнѣніемъ цензурнаго комитета въ св. Синодъ. Въ опредѣленіи комитета сказано: «Комитетъ мнѣніемъ своимъ положилъ: испросить у Святейшаго Синода разрѣшенія: могутъ ли быть одобрены къ печатанію между снимками съ иконъ при сочиненіи: «Исторія школъ иконописанія въ Россіи,» снимки съ иконъ, хранящихся у раскольниковъ, съ указаніемъ, что та или другая икона находится именно на Преображенскомъ кладбищѣ, или другихъ, принадлежащихъ раскольникамъ, мѣстахъ».—Въ 3-мъ корректурномъ листѣ «Исторіи Русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка» между прочимъ подъ рубрикою «Греческое письмо» говорится слѣдующее: «Чтобы сдѣлать основательное заключеніе о рисункѣ и раскраскѣ древнихъ Византійскихъ иконъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность каждому опредѣлить достоинства ихъ, необходимо указать нѣсколько иконъ, привезенныхъ изъ Греціи въ древнія времена, и дошедшихъ до нашего времени безъ всякаго поновленія. Мнѣ кажется, что этой задачи невозможно выполнить. Г. Сахаровъ, основываясь на лѣтописныхъ извѣстіяхъ, преданіяхъ, описаніяхъ монастырей и архелогическихъ извѣстіяхъ, помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, составилъ полное подробное описаніе сохранившихся до нашего времени 40 византійскихъ иконъ. Повѣряя это описаніе съ различными памятниками, мы находимъ, что изъ всѣхъ сорока ни одна икона не можетъ безъ сомнѣнія быть признана за греческую. Образовъ, принесенныхъ изъ Греціи до XV вѣка, чрезвычайно мало, всѣ они поновлены по нѣскольку разъ. Известно, что при поновленіяхъ въ прежнее время иконники пе-

реписывали по большей части иконы заново, замазывали и нижнія подниси, перекрашивали свѣтъ и поля, покрывали другими красками ризы, переписывали лица, и нерѣдко дѣлали на иконахъ приписки. Очень ясно, послѣ двухъ-трехъ подобныхъ поновленій, не остается никакой возможности судить о первобытномъ еостояніи иконы. Приведемъ примѣры: 1) древнѣйшая изъ иконъ, принесенныхъ въ Россію, икона Владимірской Божіей Матери, находящаяся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, поновлена въ 1514 г. митрополитомъ Симономъ, а въ 1566 г. митрополитомъ Аванасіемъ, и, какъ кажется, еще разъ послѣ 1812 года. Въ настоящее время ее невозможно и рассмотреть хорошенько. 2) Спасъ на престолѣ, принесенный изъ Владиміра, былъ поновленъ два раза: 1) въ 1518 г. митрополитомъ Варлаамомъ, а въ 1700 г. Георгіемъ Зиновьевымъ. Недавно съ этого образа сняли нѣсколько слоевъ олифы и нѣсколько слоевъ краски съ полей и свѣта. Подъ этими слоями открылось не поновленное греческое письмо, а простописьмо Зиновьева, совершенно сходное съ другими его произведеніями. 3) Тоже самое должно сказать и о Новгородской иконѣ Спаса, которая переписана Кирилломъ Улановымъ, объ иконѣ Дмитрія Селунскаго въ Успенскомъ соборѣ, и Спаса Нерукотвореннаго въ Авдониновомъ монастырѣ, написанныхъ вновь на старыхъ доскахъ. 4) Знаменитая икона Божіей Матери Смоленской поновилась въ 1669 г. и 1812 г. (въ Ярославлѣ). 5) Тихвинская — въ 1634 г. и половинѣ XVIII вѣка живописцемъ Дураковымъ (смотри Изслѣд. г. Сахарова). 6) Таковую же участь потерпѣли иконы въ Софійскомъ соборѣ Петра и Павла, Софіи Премудрости и въ другихъ Новгородскихъ церквахъ иконы. Знаменія, Николая (въ Дворищен. соборѣ), Пятницы Парасковіи и т. д. Донская Божія Матерь въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, Бла-

годатное небо въ Архангельскомъ, и Устюгское Благовѣщеніе въ Успенскомъ соборѣ.»

Въ силу предписанія св. Синода, митрополитъ отъ 4-го іюня того же 1853 года препроводилъ въ св. Синодъ слѣдующее донесеніе:

«Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 7 дня прошедшаго мая, № 21, съ приложеніемъ рисунковъ и корректурныхъ листовъ «Исторіи Русскихъ школъ иконописанія до конца 17 вѣка» предписано мнѣ, по случаю сужденій о святыхъ иконахъ, находящихся въ московскихъ храмахъ, каковыя сужденія требуютъ мѣстной повѣрки, войти въ разсмотрѣніе, и представить заключеніе, по возможности, въ непродолжительномъ времени.

Дабы разсмотрѣть сей предметъ удовлетворительно, для сего нужно, кромѣ наглядной повѣрки, собрать не мало свѣдѣній, на что потребно не малое время. Но дабы удовлетворить предписанному Святѣйшимъ Синодомъ условію поспѣшности, долгомъ поставляю представить тѣ соображенія, которыхъ основанія имѣю въ виду:

1) Сочинитель, сдѣлавъ положеніе, что въ половинѣ 16 вѣка встрѣчаются извѣстія объ отступленіи нѣкоторыхъ изъ нашихъ иконописцевъ отъ греческихъ образцовъ, въ доказательство ссылается на Стоглавъ, и въ немъ на то обстоятельство, что на образѣ Святыя Троицы у посоховъ одни пишутъ перекрестье у трехъ, другіе у одного, а на греческихъ иконахъ не писали. Одна поперечная черта на посохѣ (сдѣланная, можетъ быть съ мыслию, что въ образѣ Ангела явился Сынъ Божій) значитъ ли *отступленіе* иконописанія отъ древнихъ образцовъ!

2) Другое доказательство вышепоказаннаго положенія сочинитель представляетъ уже изъ 17 вѣка, изъ письма изографа Іосифа. Но не показано, откуда это взято.

3) Третье доказательство вышепоказаннаго положенія представляеть то, что въ 1554 году въ Москвѣ «всѣ освященныя церкви и честныя иконы...огнемъ погорѣли», и что государь велѣлъ писать иконы, кому что приказано, и что псковскіе иконники взялись написать четыре иконы. Извѣстіе, что всѣ церкви и иконы погорѣли, очевидно, преувеличено: но оно можетъ смущать неразборчивыхъ, и потому вредно, и безъ изъясненія и исправленія не должно быть допущено до изданія.

4) Далѣе сказано, что вышеупомянутыя четыре иконы, на которыя указано въ доказательство отступленія отъ греческихъ образцовъ, попъ Сильвестръ призналъ «писанными со старыхъ греческихъ образцовъ», и что сіе мнѣніе утвердилъ соборъ. И такъ въ семь случаѣ соборъ опровергаетъ мнѣніе сочинителя «Исторіи Рускихъ школъ иконописанія.»

5) Сочинитель пишетъ: «эти образа (отличающіеся правильностію рисунка и раскраскою подходящіе къ живописи), по моему мнѣнію, писаны древними италіанскими художниками. Для примѣра приведу образъ Владимірской Божіей Матери, находящійся въ соборной церкви Срѣтенскаго монастыря, образъ Святыя Троицы, приписываемый Рублеву, въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой Лавры». И такъ по мнѣнію сочинителя, лаврскій образъ, приписываемый Рублеву, писанъ древнимъ италіанскимъ художникомъ. Сего нельзя принять за истину по слѣдующимъ причинамъ: 1) сочинитель самъ приводитъ общепринятое мнѣніе, что сей образъ писанъ Рублевымъ; 2) въ Сергіевой Лаврѣ постоянно сохраняется преданіе, что сей образъ писанъ Андреемъ Рублевымъ при преподобномъ Никонѣ; 3) сочинитель не представляетъ ничего въ опроверженіе сего общепринятаго мнѣнія и постояннаго мѣстнаго преданія. 4) Онъ не представляетъ никакого опре-

дѣленнаго доказательства своего новаго мнѣнія. 5) Мнѣнію его ни мало не благопріятствуетъ характеръ иконописанія сей иконы, который есть чисто греческій. Итакъ должно заключить, что сочинитель безъ нужды и безъ основанія бросаетъ неблагопріятную тѣнь на сей высокочтимый предметъ церковной православной русской древности.

6) Выраженія: «стоящіе Спасы» и «двѣнадцать Спасовъ» неприличны. Можно выразиться болѣе правильно, и вмѣстѣ болѣе благоговѣнно.

7) Сочинитель утверждаетъ, что «имѣли вліяніе на наше иконописаніе по временамъ и западныя искусства, и болѣе всего итальянская живопись, столь близкая въ древнихъ произведеніяхъ своихъ къ Византійской школѣ». Мнѣніе, которое, по неопредѣленности своей, можетъ быть принято въ очень обширномъ значеніи, и въ такомъ случаѣ оно помрачаетъ достоинство православнаго иконописанія. Но на чемъ оно основано? Сочинитель говоритъ: «На этѣхъ данныхъ.» На какихъ? Во первыхъ, на томъ, что образъ святаго Троицы, приписываемый общимъ мнѣніемъ Рублеву, по мнѣнію сочинителя, писанъ итальянскимъ художникомъ. Итакъ онъ доказываетъ свое мнѣніе другимъ своимъ мнѣніемъ, котораго нетвердость выше показана.

На какихъ же данныхъ? — На сравненіи и несходствѣ лицаваго подлинника съ лицевымъ мѣсяцесловомъ императора Василія. Но сей послѣдній мѣсяцесловъ можетъ ли доказывать что нибудь, кромѣ ограниченной способности мастера, предоставляю разсудить хорошо знающимъ дѣло. Скудость и единообразіе картинъ его показываетъ, что это произведеніе одного небогатаго воображенія. Краснописецъ Минеи думалъ о томъ только, чтобы рукопись для царя украсить картинками, а не о томъ, чтобы представить рисунки лучшаго иконо-

писанія по разнымъ предметамъ, по принятымъ въ церкви образцамъ.

На какихъ еще данныхъ? На томъ, что тѣ же праздники и святые не одинаково пишутся. Но это не доказываетъ того, что разности пришли именно изъ Италіи.

8) Сочинитель говоритъ, что Сахаровъ насчиталъ сохранившихся 40 византійскихъ иконъ, но что «изъ всѣхъ сорока ни одна икона не можетъ безъ сомнѣнія быть признана за греческую». Это значить однимъ почеркомъ пера уничтожить церковную древность, особенно чтимую. Такъ не дѣлаются основательныя дѣла. Сочинитель позволить намъ недоубрять ему до тѣхъ поръ, пока онъ не перечтетъ всѣ сорокъ иконъ, и не объяснитъ, почему такая сомнительна.

9) Сочинитель говоритъ, что икона Божіей Матери Владимірская въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ поновлена въ 1514 и 1566 годахъ и еще разъ послѣ 1812 г. На послѣднее указаніе едва ли найдетъ онъ доказательство. Но положимъ, что указанія справедливы. Доказано ли симъ, что икона перестала быть греческою? Ни мало. Иконы, особенно чтимыя, какова сія, сохраняются въ церкви въ совершенной неприкосновенности. Сіе можно видѣть и въ томъ, что поновленіе иконы есть предметъ молитвы и записи въ лѣтописи. Изъ сего должно заключить, что поновленіе, если и было, происходило съ крайнею осторожностію. Въ чемъ же оно состояло? Можетъ быть только въ снятіи потемнѣвшей и повредившейся олифы и наложеніи новой. Въ семъ случаѣ икона не перестаетъ быть чисто греческою. Можетъ быть въ исправленіи краскою какой нибудь малой и несущественной части иконы. И въ семъ случаѣ икона не перестаетъ быть греческою. И такъ сочинитель безъ точнаго доказательства наводитъ сомнѣніе на сохранность иконы Божіей Матери Владимірской.

10) Онъ говоритъ еще, что «въ настоящее время ее не-

возможно и рассмотреть хорошенько.» Это неточно. Мы хорошо могли разсматривать ее, когда случалось въ крестномъ ходѣ видѣть ее стоящую противъ солнца. Ея лице довольно явственно и благолѣпно. Въ двухъ извѣстныхъ раскрашенныхъ изданіяхъ оно невѣрно съ подлинникомъ, и имѣетъ непріятный видъ.

11) Сочинитель говоритъ, что, при очищеніи въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ иконъ въ 1852 году, съ иконы Спасителя на престолѣ, принесенной изъ Владиміра, «сняли нѣсколько слоевъ олифы и нѣсколько слоевъ краски съ полей и свѣта», и «что открылось не поновленное греческое письмо, а просто письмо Зиновьева.» Неточность сего показанія можно видѣть изъ сего же самаго показанія. Если сняли нѣсколько слоевъ не только олифы, но и краски съ полей и свѣта: то почему же не могли снять тѣхъ же слоевъ и съ самаго образа? А если сняли нѣсколько слоевъ красокъ и съ образа: то слой работы Зиновьева, какъ одинъ изъ верхнихъ, долженъ принадлежать къ числу снятыхъ, а открывшійся нижній слой долженъ быть древнѣе Зиновьева.

Синодальная контора при очищеніи иконъ Успенскаго собора приняла тщательныя мѣры какъ для вѣрности дѣла, такъ и для предотвращенія не вѣрныхъ свѣдѣній о производимомъ дѣлѣ. Сверхъ надзора Успенскаго протопресвитера съ сакелларіями, она поручила имѣть ближайшій надзоръ за дѣломъ одному священнику и одному діакону, свѣдущимъ въ иконописаніи, и вести журналъ производимаго дѣла. Изъ него можно видѣть, что сняты поправочные слои не съ полей только иконы, но и съ самаго изображенія, и слѣдственно открывшееся внизу изображеніе, не есть новое исправочное, а древнее.

12) Чтобы не подумали, «что мы усиливаемся показать чистый видъ древности, гдѣ онъ не сохраненъ», замѣтимъ, что

показаніе сочинителя о поновленіи всего изображенія иконъ Софіи Премудрости Божіей и Апостоловъ Петра и Павла въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, по всей вѣроятности, справедливо. На сіе жаловались ревнителю церковной древности во время самаго возобновленія, по распоряженію, заочно съдланному блаженныя памяти митрополитомъ Серафимомъ.

13) Сочинитель указываетъ на образъ Рождества Христова «на Преображенскомъ кладбищѣ въ главной моленной,» и далѣе неоднократно упоминаетъ о иконахъ сего кладбища. На сіе надобно сказать во первыхъ, что законъ и правительство признаетъ Преображенскій богадѣленный домъ, какъ челоуѣколюбивое заведеніе, но не признаетъ раскольническаго Преображенскаго кладбища, и потому сіе послѣднее названіе можетъ быть употреблено только по нуждѣ въ полемическомъ смыслѣ. Въ вторыхъ, по моему мнѣнію, нельзя по справедливости и безъ вреда допустить, чтобы въ изслѣдованіяхъ о древности публично ссылались на иконы, находящіяся въ раскольническихъ часовняхъ, поелику сіи иконы недоступны общему дознанію; а потому о нихъ ненаказанно могутъ быть распространены такія преувеличенныя свѣдѣнія относительно ихъ древности, которыя не будучи справедливы, будутъ однако служить раскольникамъ къ усиленію мнѣнія о важности ихъ учрежденій, и слѣдственно къ усиленію раскола. Въ третьихъ опубликованіе того, что у раскольниковъ есть древнія иконы, можетъ породить затруднительный юридическій вопросъ, не должно ли будетъ духовное начальство преслѣдовать судомъ обнаруживающееся такимъ образомъ святотатство; ибо могутъ о нѣкоторыхъ у раскольниковъ находящихся иконахъ представлены быть доказательства, что онѣ не могли дойти до нихъ иначе какъ чрезъ святотатство, а святотатство закону давности не подлежитъ.

14) Сочинитель, уничтожая большею частію греческую

иконную древность въ церкви, находить ее въ частныхъ рукахъ, у Молошникова въ образѣ Чуда архистратила Михаила. Но на представленномъ рисункѣ, глава и крестъ церкви обличаютъ дѣло русскаго художника.

15) Греческою же иконою, или подражаніемъ новгородца греческой иконѣ, почитаетъ сочинитель Распятіе, которое называется «знаменитымъ» (вѣроятно, между раскольниками). Но на сей картинѣ Ангелъ въ графской коронѣ, подносящій чашу для принятія крови изъ ребра Господня, очевидно есть подражаніе новгородца вымыслу западному. Что за мысль въ томъ, что Ангелъ принимаетъ кровь Господню въ чашу, и не допускаетъ ее падать на землю?— Она должна пасть на землю, дабы, какъ говоритъ преданіе, означенное на сей самой картинѣ, крестить главу Адамову погребенную подъ Голговою, и даже, чтобы вся земля крестилась кровію Христовою, и приобщилась крови Христовой, дабы симъ положено было начало очищенію ея отъ проклятія Адамова и возведенію ея въ первобытную чистоту и нетлѣніе.

16) Сочинитель приводитъ мнѣніе, что «Корсунское письмо есть мифъ», и прилагаетъ свое заключеніе: «я не рѣшаюсь ни признавать Корсунское письмо, ни отвергать существованія его въ древности». Это почти тоже, что сказать: нельзя ни утверждать ни отрицать того, принесъ ли Равноапостольный Владиміръ иконы изъ Корсуны. Это опять бросаетъ весьма темную тѣнь на весьма чтимую церковную древность: и на какомъ основаніи? На томъ, что сочинитель не находитъ «достаточныхъ основаній».

17) Сочинитель говоритъ, что «памятники Русскаго иконописанія не восходятъ ранѣе 16 вѣка». Сіе положеніе не можетъ быть принято безъ доказательства, и особенно въ той неопредѣленности, съ какою выражено, не можетъ быть признано справедливымъ, и оскорбляетъ Русскую церковную древность.

18) Въ числѣ присланныхъ при корректурныхъ листахъ рисунковъ есть такіе, которые противорѣчатъ исторической истинѣ, и такіе, въ которыхъ нѣкоторыя части имѣютъ неестественный и безобразный видъ. Цензоръ отчасти замѣтилъ сіе, и требовалъ на рисунокъ № 19 поправить бороду. Но онъ забылъ, что дѣло идетъ о древнихъ иконахъ, и новая борода лишитъ икону вѣрнаго представленія древности. По справедливости и по предосторожности изображенія, противорѣчающія исторической истинѣ и безобразныя, не должны быть допущены до изданія въ свѣтъ: и потому, что оскорбляютъ святыню и подають случай къ глумленію, и еще болѣе потому, что дали бы случай не разсудительнымъ почитателямъ древности размножать неправильныя изображенія.

Хотя сіе разсмотрѣніе не исчерпываетъ всего содержанія корректурныхъ листовъ: однако оно, по моему мнѣнію, достаточно, чтобы сдѣлать о нихъ слѣдующее заключеніе:

Означенные корректурные листы и рисунки не могутъ быть допущены къ напечатанію въ настоящемъ ихъ видѣ и составѣ: потому что заключаютъ въ себѣ много недоказаннаго и несправедливаго, оскорбительнаго для древней церковной святыни и могущаго произвести вредныя впечатлѣнія въ умахъ народа».

18-го Іюня того же года митрополитъ препроводилъ въ Св. Синодъ слѣдующее дополнительное донесеніе по тому же дѣлу о иконахъ:

«Въ дополненіе къ донесенію моему отъ 4 дня сего іюня № 237 о корректурныхъ листахъ Исторіи иконописанія, долгомъ поставляю представить о нѣкоторыхъ древнихъ иконахъ свѣдѣнія, истребованныя мною отъ протопресвитера большаго Успенскаго собора ⁽⁶⁾.

б) Василія Ивановича Забодоцкаго-Платонова.

Слѣдующіе вопросы были мною заимствованы изъ содержанія корректурныхъ листовъ; а отвѣты принадлежать про-топресвитеру.

1-й Вопросъ: Икона Владимірскія Божіей Матери была ли поновляема въ 1514 году; какъ сіе происходило, и въ чемъ сіе состояло?

Отвѣтъ: Хотя въ нѣкоторыхъ записяхъ, особенно въ новѣйшихъ, по сказанію Софійскаго Временника (Ч. II стр. 295) о поновленіи иконы Владимірскія Божіей Матери, ясно говорится, что въ 1514 году митрополитъ Варлаамъ поновилъ ее; но это сказаніе относительно самой иконы представляется сомнительнымъ, потому что предмѣстникомъ митрополита Варлаама митрополитомъ Симономъ снятъ съ подлинной иконы Владимірской списокъ, который и хранится въ Петропавловскомъ придѣлѣ собора. Списокъ этотъ признается самымъ вѣрнымъ (Москов. древн. Снегирева объ Успен. соборѣ стр. 17) и при очищеніи его въ 1852 году оказался очень явственнымъ.

Съ подлинника снятъ вѣрный списокъ; списокъ оказался явственнымъ, слѣдовательно и подлинникъ былъ явственъ, а если былъ явственъ, то на что поновлять его? Времени отъ снятія списка протекло не болѣе, а можетъ быть и менѣе десяти лѣтъ. Случаевъ на такое короткое время, омрачившихъ икону подлинную, какъ-то: пожаровъ, въ соборѣ не было: а посему остается большое недоумѣніе на счетъ поновленія въ 1514 году подлинной иконы.

Если же согласно сказанію и принять поновленіе, то нельзя принять его въ полномъ смыслѣ относительно ликовъ Богоматери и предвѣчнаго Младенца.

Копія съ подлинной иконы Владимірскія Божіей Матери, находящаяся нынѣ въ Срѣтенскомъ монастырѣ, снятая, какъ извѣстно, тотчасъ по перенесеніи подлинной изъ монастыря

въ Соборъ Успенскій, и списокъ Владимірской Богоматери, письма Митрополита Симона, не имѣютъ вокругъ себя тѣхъ изображеній, какія нынѣ находятся вокругъ подлинной, стоящей въ Успенскомъ Соборѣ. Мѣра и того и другаго списка не только въ ликахъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, но въ доскѣ равна; но на поляхъ подлинной иконы, или вѣрнѣе на рамѣ, въ которую она вставлена, написано двѣнадцать Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ, покрытыхъ вычеканенными сихъ праздниковъ изображеніями (съ сими 12 праздниками въ алтарѣ Успенскаго Собора на правой сторонѣ престола есть икона, незакрытая окладомъ), а на спискахъ въ Срѣтенскомъ монастырѣ и Симона митрополита сихъ праздниковъ нѣтъ. На списокъ Симона митрополита вверху написаны: посреди Деисусъ, по сторонамъ Деисуса по архангелу и по апостолу, а на поляхъ иконы и внизу оклады безъ изображеній. И сверхъ сего какъ 12 чеканныхъ изъ золота изображеній праздниковъ на подлинной иконѣ устроены Великимъ княземъ, какъ имъ же устроены и самый серебряный кіотъ (Сказ. о иконѣ Влад. стр. 31), то не это ли названо поновленіемъ?

2-й Вопросъ: Была ли икона Владимірской Божіей Матери поновлена въ 1566 году?

Отвѣтъ: Этотъ годъ былъ продолженіемъ нравственнаго омраченія Іоанна IV; митрополитомъ былъ святой Филиппъ. Ни въ житіи святаго митрополита Филиппа, ни въ исторіи объ Іоаннѣ IV, о поновленіи иконы Владимірской Богоматери не говорится, да и не было причины или случая къ тому. И послѣ бывшаго въ 1547 году большаго пожара, когда сгорѣли Успенскаго Собора паперти и кровля, внутренность Собора осталась неприкосновенною. Въ особенности же объ иконѣ Владимірской лѣтоисецъ говорить, что, при семъ пожарѣ, *сама Богоматерь сохраняла и соблюдала* не только

свой образъ, но и всю церковь покрывая и защищая (Степен. кн. II. 248. 249).

3-й Вопросъ: Иконаписьма Алимпіева: «Царь царемъ» была ли переписана въ 18 вѣкѣ Кирилломъ Улановымъ?

Отвѣтъ: Сія икона въ прошедшемъ 1852 году была очищена. На третьемъ слобъ красокъ найдена надпись: ЗСЕ (7205) поновленъ былъ сей святой образъ труды иконописца Кирилла Уланова. Итакъ по словамъ самаго Уланова икона не переписана, а поновлена, и то по мѣстамъ, о чемъ и составлена запись съ иллюстраціею, гдѣ описано все, что при очищеніи открылось».

Къ сему послѣднему отвѣту можно прибавить слѣдующее: въ журналѣ объ очищеніи Алимпіевой иконы въ 1852 году, составленномъ во время самаго очищенія, подписанномъ художникомъ очищавшимъ, священникомъ и діакономъ, наблюдавшими за симъ, и потомъ протопресвитеромъ, сакелларіями и соборнымъ старостою, между прочимъ читается слѣдующее: «за сими закрасками открыты остальные мѣста подлинника, кромѣ митры на Спасителѣ, которая оставлена съ первою поправкою, по причинѣ ветхости подлинной». Итакъ поправка осталась на одной митрѣ, а вся икона, по снятіи поправокъ, открыта древняя. При журналѣ находится между прочимъ снимокъ открытой по снятіи поправокъ надписи на картѣ въ рукѣ Предтечи. Характеръ письма всей надписи показываетъ древность восходящую далеко выше временъ поправщика Уланова.

Сія свѣдѣнія и соображенія подтверждаютъ то заключеніе, которое изложено въ донесеніи моемъ отъ 4 дня».

ШЕСТЬ ПИСЕМЪ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

1. Къ ректору М. Д. Академіи, Архимандриту Филарету, въ послѣдствіи Архіепископу Черниговскому.

Въ «Разсужденіи о постахъ» не нравится мнѣ вступленіе. Что это такое, что всякой юноша ставитъ себя защитникомъ церкви противъ ея враговъ? Для юноши не скромно, для церкви оскорбительно и цѣли сочиненія не благопріятно. Прежде нежели назидаете ученіемъ о постѣ, вы уже смутили читателя мнѣніемъ, что его отвергають, и что онъ требуетъ вашей защиты. Не простѣ ли было бы начать тѣмъ, что нѣкоторые, соблюдая посты, не довольно знаютъ начало и важность сего установленія, а другіе, не довольно зная сіе, позволяютъ себѣ небреженіе о семъ установленіи, и потому надобно показать истину, чтобы вразумить невѣдущихъ и возбудить небрежныхъ?

Свидѣтельства о постѣ собраны хорошо; но не вездѣ хорошо употреблены. Говорить, что постъ есть *учрежденіе апостольское*, и что онъ утверждень Димитріемъ и Викторомъ на соборѣ, значитъ противорѣчить себѣ, если не объяснить сего тѣмъ, что апостольское учрежденіе было въ примѣрѣ, а не въ писанномъ правилѣ и потому подверглось разнообразію въ исполненіи. Подобная борьба свидѣтельствъ между собою не разъ встрѣчается. Въ одной статьѣ говорится, что

постъ составляетъ семь недѣль, безъ субботныхъ и воскресныхъ дней, и что сорокъ дней кончатся прежде страстной седмицы; и даже не сказано, что это два разные счета. Въ одномъ примѣчаніи мясоестіе сырной недѣли осуждается, и постъ среды и пятка сей недѣли называется еретическимъ; справедливо и то и другое: но надлежало сказать о семъ такъ, чтобы не было вида сбивчивости и противорѣчія. Непощеніе въ воскресные и субботные дни требуетъ объясненія: чтобы не вздумали ѣсть мясо въ четырехдесятиницу. Чтобы въ постъ прекращаемы были *всп домашнія упражненія*, это не походить на дѣло; и даже странно, что сочинитель сказалъ сію странность, и не позаботился о доказательствѣ. На одной страницѣ, Златоустъ опредѣляетъ три поста, а Левъ четыре: и сіе разсказывается такъ, какъ будто тутъ нѣтъ никакого разнорѣчія. Вскорѣ приводится въ примѣчаніи свидѣтельство Іеронима, гдѣ мнѣніе о трехъ четырехдесятиницахъ приписывается Монтанистамъ: и сочинитель не позаботился, чтобы св. Златоуста отличить отъ Монтанистовъ. Что празднованіе Успенія Божіей Матери *учреждено* при Маврикіи, не самоправно ли сказано? Легко ли вдругъ опредѣлить никогда неизвѣстный праздникъ? Не вѣроятнѣ ли, что онъ праздновался и прежде по преданію, но или не повсемѣстно, или не съ полнымъ уваженіемъ, и отъ того подтвержденіе, которое вы называете новымъ учрежденіемъ?

Что за слово: *годиный*? *Седмичный* говоримъ отъ слова *седмица*. Неужели *годиный* отъ *годица*? Отъ *года годовый*.

Годиच्या времена! Что такое? И среда и пятокъ развѣ не годовыя времена, какъ заключающіяся въ году, подобно четырехдесятиницамъ? Надобно говорить опредѣленнѣе.

Преосвященный Викарій справедливо замѣчаетъ, что лучше бы не пропустить посты 29 августа, 14 сентября, и 5 января.

Конецъ слова: разсужденіе богато свидѣтельствами, и будетъ очень хорошо, и можетъ быть напечатано съ пользою, если исправятся недоговорки и несоображенія сочинителя.

17 Сент. 1836.

2. Къ нему же.

Цѣлованіе даю вамъ, отецъ ректоръ, во имя Господа воскресшаго; также и сотрудникамъ и сподвижникамъ вашимъ на поприщѣ ученія въ Лаврѣ и Виѳаніи. Богъ благословитъ всѣхъ Васъ.

Засимъ не мало мнѣ говорить съ вами, послѣ молчанія, кажется, съ начала сего года. Прежде всего, не думайте, что это было намѣреніе молчать: это было все намѣреніе писать.

Вы поѣхали въ Москву не дождавшись разрѣшенія. Не было его потому, что только изъ письма о Вашемъ отбытіи узналъ я, что просите разрѣшенія. Со мною въ семь суда нѣтъ: но для предосторожности впредь скажу, что увольнять самого себя есть поступокъ весьма неофициальный, и, если дойдетъ до высшаго начальства, могущій имѣть непріятныя послѣдствія.

Ни литографію учредить, ни уроки литографировать, безъ сомнѣнія, вамъ не позволятъ. Двадцать лѣтъ довѣренности начальства писать и читать свои уроки должны были бы родить въ духовныхъ училищахъ классическія книги. Въ наказаніе за то, что не ревностно симъ пользовались, Богъ посылаетъ время недовѣрія.

Печатать переводы святыхъ Отцевъ дѣло весьма хорошее, полезное и достойное всякаго поощренія. Но искрошить каждаго святаго Отца на части, потомъ смѣшать всѣхъ, и такимъ образомъ печатать,—не знаю, похвалите ли это и вы, хотя таковъ почти вашъ проэктъ. Въ изданіи періодическомъ срочномъ это оправдывается журнальною поспѣшностію и по-

требностию разнообразія для журнала: но вы предпринимаете изданіе не срочное; потому оно меньше терпитъ смѣси, а больше требуетъ порядка. Напримѣръ, въ самомъ началѣ вы хотите напечатать два слова Григорія Богослова о Богословіи. Гдѣ же прочія три? Чѣмъ оправдать можно расторженіе сихъ словъ, очевидно имѣющихъ общее единство, и составляющихъ небольшое цѣлое? Если бы захотѣли издать въ новомъ переводѣ всего св. Григорія: очень хорошо! Если пять словъ о Богословіи, и это хорошо. А два? Не понимаю, какъ пришла такая мысль.

И то не въ порядкѣ, что мы беремъ дѣлать произвольное, не исполнивъ долгаго. Вамъ порученъ отъ С. Синода переводъ, помнится, толкованія пасв. евангелиста Матѳея. И дѣло такое хорошее, что безъ приказанія можно было бы охотно за него приняться. Но сдѣлано ли оно хотя по приказанію? Помнится, еще нѣтъ.

Письма св. Василія великаго хорошо бы перевести всѣ. Дѣло не огромное, удобораздѣлимое по частямъ, для многихъ нужное, для всякаго полезное, и если переводъ будетъ хорошъ, книга сія можетъ получить обширный ходъ.

Всего не выскажешь, что приходитъ мнѣ на мысль при чтеніи вашего оглавленія къ будущимъ книгамъ. Думаю надобно договаривать о семъ на мѣстѣ. Или докажите мнѣ превосходство вашего плана, или начертайте другой.

Теперь надобно поспѣшить сказать о другомъ дѣлѣ. Строительный Комитетъ и г. Бове думаютъ видѣть ученическія ошибки въ планѣ, составленномъ профессоромъ Академіи художествъ, не подозрѣвая себя въ ученическомъ непониманіи плана. Хотя бы вспомнили объ учтивости, чтобы возражать скромнѣе, и тѣмъ меньше обнаружить свое незнаніе, или невѣдѣніе, того что подъ глазами, какъ напримѣръ, вы говорите, что въ смѣтѣ нѣтъ подокожныхъ лещадей, а въ смѣтѣ по-

ложено подьоконники покрыть желѣзомъ, что по опыту прочнѣе. И для чего проспали зиму, и вошли представлениемъ о перемѣнахъ въ планѣ, когда настало время исполнять? Спѣшу сказать вамъ, чтобы вы ничего не дѣлали по своимъ мудрованіямъ, а по плану. Я могу согласиться только на небольшое, напримѣръ, на продвиженіе сообщительной галлерей до внутренняго корридора и на чугунную лѣстницу, и о семъ надобно представить комиссіи Д. У. Вы забыли взять въ соображеніе, что планъ разсматривался Государемъ Императоромъ.

Прошу не прогнѣваться, что я много молчалъ, и вдругъ много спору.

Спб. 9 Апр. 1838.

3. Къ нему же.

Теперь, отецъ ректоръ, всѣ сочиненія, вашихъ учениковъ возвращены вамъ отъ меня.

Сочиненіе о пророчествѣ Михея можетъ идти за тремя одобренными мною прежде: но лучше, естли еще пересмотрѣно будетъ. Нѣкоторыя мѣста могли быть короче, и въ тоже время яснѣе.

Посылаю часть одежды для новопостригаемаго. Дни открытаго испытанія, вѣроятно, приму предположенные вами: но теперь еще не могу сказать сего рѣшительно. Скажу ближе къ сроку.

10 Іюня, 1838.

4. Къ нему же.

Для двухъ новопостригаемыхъ у васъ, отецъ ректоръ, я послалъ чрезъ Сухаревское подворье къ вамъ двѣ рясы. И о семъ вамъ сказываю.

Говорилъ мнѣ издатель журнала министерства (народнаго) просвѣщенія, что онъ хочетъ отнести къ вамъ и къ про-

Фессору прот. Голубинскому, съ приглашеніемъ доставить ему что-либо въ его журналъ.

Я бы совѣтовалъ принять сіе приглашеніе.... Когда соберемъ мы издавать свой журналъ? Между тѣмъ недовѣрчиво спрашиваютъ, что у насъ думаютъ, особенно по философіи. Пусть бы что-нибудь прочитали, и увидѣли, что мы, по благодати Божіей, мудствуемъ въ цѣломудріи. Скажите сіе о. Протоіерею. Миръ всѣмъ вамъ.

31 Окт., 1838.

Б. Къ Спасобородиной Игуменіи Маріи

Въ отвѣтъ на ея письма, въ которыхъ она выражала чувствуемый ею страхъ смерти и трепетное чаяніе себѣ приговора отъ правосудія Божія

Христось воскресе! Да утвердится сіе слово и сила его въ сердцѣ рабы Божіей Игуменіи Маріи. Слышите также слово св. Златоуста и нестрашитесь исполнить оное: *Никтоже да боится смерти, прощенія бо отъ гроба возсія* (св. Іоанна Златоустаго, слово на Пасху).

Премудро и утѣшительно наставляетъ насъ вселенскій учитель. Естьлибъ онъ сказалъ только: Не бойтесь смерти, потому что отъ Гроба возсіяла жизнь, мы были бы еще въ сомнѣніи: можемъ ли быть въ общеніи съ сею жизнью, по грѣхамъ нашимъ? Но когда онъ не велитъ бояться смерти потому, что *прощеніе отъ гроба возсія*; то намъ, грѣшнымъ, надобно только покаяніемъ и вѣрою отверзти души наши, и въ нихъ внидеть возсіявшій отъ гроба Христова свѣтъ прощенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свѣтъ жизни Господа воскресшаго. И такъ, послушайтесь святаго Златоуста, и не предавайтесь страху смерти, въ упованіи на прощеніе Христово; а еслии страхъ сей приходитъ, не смотря на желаніе ваше удалить его, терпите его безъ смущенія, какъ отъ Господа посылаемое вамъ средство къ смиренію помысловъ.

Примите, какъ утѣшеніе въ болѣзни вашей, и то, что се-

стры ваши заботятся съ любовію о васъ. Господь призритъ на сіе, какъ на плодъ вашего дѣланія.

Одинъ врачъ къ вамъ отправился, другой кажется отправится завтра. Господь да вразумитъ ихъ. А вы пользуйтесь ихъ совѣтами, съ мыслию, что *Господь создалъ врача и отъ земли врачеванія*, какъ сказано въ священной книгѣ.

Господь да поможетъ вамъ, и сестрамъ да дастъ молитву вѣры спасающей.

Москва. 1852 года, 31 Марта.

6. Варваръ Мих. Нарышкиной.

Воистинну воскресе Христосъ!—Радость Его да будетъ неотъемлема отъ васъ; и да будетъ въ васъ силою жизни. Сегодня въ одно время получилъ я двоякое доброе извѣстіе о вашемъ здоровьѣ: отъ васъ, и отъ Маргариты Михайловны. Она пишетъ между прочимъ, чтобы я не отвѣчалъ ей, а написалъ бы къ вамъ. Но мнѣ тѣмъ больше хочется и ее не оставить безъ отвѣта, дабы и вы и она знали, что я съ утѣшеніемъзираю на любовь, которая соединяетъ васъ такъ же, какъ и при-рода.

О скорби, которою посѣтилъ Господь семейство князя Сергія Михайловича, уже я знаю и отъ него самого, и писалъ ему. Теперь Маргарита Михайловна подала мнѣ мысль, съ которой я соглашаюсь: что для княгини Татианы Михайловны одно изъ сѣдствъ утѣшенія можетъ найдтись въ ея внукахъ; впрочемъ Господь да покажетъ ей средство утѣшенія, какое Самъ вѣдаетъ лучше.

Если вы не слушаетесь совѣтовъ, чтобы меньше дѣлать дѣла: то вотъ, вмѣсто эпитиміи, дамъ я вамъ нѣсколько дѣлъ.

Во первыхъ, когда посѣтитъ васъ Екатерина Владиміровна, скажите ей отъ меня: Христосъ воскресе. И если не скоро будетъ отвѣчать, то прибавьте: простимъ вся воскресеніемъ.

Тѣже слова годятся отъ меня Михаилу Михайловичу Евреинову.

А Григорью Яковлевичу ^(а) скажите, что полезнѣе написать однимъ рецептомъ болѣе, для имѣющихъ въ томъ нужду, нежели писать поздравительное письмо къ человѣку, такъ лѣнивому, какъ я; къ нему же скоро придетъ лишній больной на руки, Преосвященный Владимірской. ^(б)

Довольно для моей лѣности и для дня, въ который я дважды ѣздилъ во Дворецъ по свѣгу и подъ свѣгомъ съ неба, и еще съ большимъ расположеніемъ къ бездѣйствію возвратился отъ щедраго пиршества Царицы Матери.

26 Марта, 1828 года.

Скажите отъ меня и еще нѣсколько разъ: Христось воскрес! начиная отъ сестрицъ вашихъ.

(а) Доктору Высотскому.

(б) Преосв. Пареній.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ АѦНАСІѦ,

АРХІЕПИСКОПѦ КАЗАНСКОМЪ.

Въ началѣ января 1868 года скончался преосвященный АѦанасій архіепископъ Казанскій. Я съ нимъ сблизился и жилъ при немъ 7 лѣтъ, когда онъ былъ епископомъ въ Томскѣ. Предлагаемая читателю свѣдѣнія о немъ относятся преимущественно ко времени пребыванія его въ Томской епархіи.

Преосвященный АѦанасій родился Костромской губерніи въ уѣздномъ городѣ Буй. Отецъ его Григорій Соколовъ былъ здѣсь пономаремъ, мать звали Еленой. Мірское имя ихъ сына было Андрей. Родители Андрея были очень бѣдные, и городъ Буй самый бѣдный, а приходъ бѣднѣе прочихъ. Они болѣе пропитывались своими трудами, нежели отъ церкви: мать ходила лѣтомъ наниматься у крестьянъ жать хлѣбъ, а отецъ—косить. Часто не имѣли куска хлѣба, но очень были благочестивы и богобоязливы, ибо каждую ночь вставали по нѣсколько разъ Богу молиться и что имѣли, пополамъ дѣлили съ нищими и бѣдными. Сынъ всегда со сладостію ихъ воспоминалъ и со слезами о нихъ разговаривалъ, особенно о матери, которая его вседушевно любила. Когда еще ему было 6 лѣтъ, весной было великое наводненіе отъ рѣки Костромы,

протекающей въ Буѣ; отрокъ Андрей пошелъ чрезъ рѣку по переходамъ, упалъ въ воду и потонулъ; видѣлъ его одинъ крестьянинъ, какъ онъ шелъ по перекладамъ, и сказалъ о несчастіи родителямъ; бросились искать его въ водѣ, нашли и вытащили безчувственнаго и откачали. Господь хранилъ сего отрока и предуготовлялъ его быть пастыремъ своей церкви. Когда ему было четыре года, стоялъ онъ у разлива воды, бывшаго посреди улицы. Подходить къ нему чиновникъ и спрашиваетъ: мальчикъ, что ты тутъ стоишь и смотришь?— Онъ ему отвѣтилъ: стою и смотрю на гусей. Чиновникъ: Что же нашель тутъ любопытнаго? — Мальчикъ: смотрю, что они бѣлы и я хочу быть бѣлъ, какъ эти гуси.— Чиновникъ посмотрѣлъ на него, головой покачалъ и сказалъ: «это будетъ великій философъ», — и съ тѣхъ поръ внимательно слѣдилъ за судьбою отрока. Со временемъ изъ отрока вышелъ архіерей и когда этотъ архіерей проѣзжалъ свой родной городъ Буѣ, чиновникъ пошелъ его поздравить съ святительскимъ саномъ и разказалъ ему описанный случай дѣтства его.

5-ти лѣтъ Андрей былъ выученъ родителемъ грамотѣ и потомъ самъ училъ мірскихъ мальчиковъ въ домѣ родителя и этимъ пособлялъ пропитываться своимъ домашнимъ; въ церкви вмѣсто отца читалъ и пѣлъ, а отецъ занимался крестьянскою работою. Съ 8-ми лѣтъ началъ Андрей проситься въ семинарію, но родители по бѣдности не могли его свезти, къ великому огорченію его. Однажды онъ пересматривалъ отцовскія бумаги, попалась ему греческая азбука и онъ былъ очень радъ этому и самъ выучился греческой азбукѣ. Когда ему было 10 лѣтъ, отецъ совсѣмъ было собрался везти его въ семинарію въ Кострому, но вечеромъ наканунѣ выѣзда пріѣхали родные звать отца его на свадьбу, и сколько Андрей ни плакалъ, его не слушали и отложили ѣхать въ Кострому до другаго дня, но протекло еще 2 года и

уже 12-ти лѣтъ отвезли его въ семинарію. О! какой радости исполнился тогда мальчикъ! Родитель, привезши его въ семинарію, вручилъ учителю. Учитель спросилъ отца: выучилъ ли ты сына своего чему нибудь дома?—Онъ отвѣтилъ: «я и самъ ничего не знаю, чему же я его научу, вы спросите его самого». Учитель началъ его экзаменовать; потомъ сказалъ его родителю: «благодарю, старикъ, сынъ твой будетъ человѣкъ, только молитесь о его здоровьѣ». Потомъ сказалъ своимъ ученикамъ: «вотъ вы сидите по 3 года, а мальчикъ Андрей Соколовъ только пріѣхалъ, а больше всѣхъ знаетъ». Потомъ опять обратился къ отцу: благодарю, благодарю, старикъ, что позаботился о сынѣ.—Старикъ отвѣтилъ: «батюшка, я право самъ ничего не знаю, а онъ всё самъ копался въ бумагахъ». Поступилъ Андрей въ семинарію 12-ти лѣтъ, въ 1812 году.

Онъ продолжалъ ученіе свое съ большимъ успѣхомъ, такъ что всѣ наставники удивлялись ему и признавали его превосходство передъ всѣми товарищами его. Но много еще ему препятствовала бѣдность, ему не на что было купить свѣчь, бумаги, чернилъ, перьевъ и сургучу. Бывало, говорить, товарищи обѣдать, а я къ присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ выбрасывали соръ, и выбираешь тамъ лоскутки бумаги, старья перья и конверты, а кто нибудь дастъ грошъ на свѣчу; такъ-то я учился въ семинаріи. Бывало какъ отпустятъ насъ къ празднику Рождества Христова, бѣжишь въ однихъ сапогахъ безъ чулокъ, а пальцы наружу, въ одномъ кафтанѣ безъ шубы, на головѣ кожаный картузь, а морозъ 30 градус.; бывало весь побѣлѣешь и начнешь снѣгомъ оттираться. Всего натерпѣлся. Однажды мы ѣхали домой, вчетверомъ, на одной лошади, ѣхали всю ночь и крайне устали и перезябли. Добравшись до ночлега, бросились всѣ на печь, а изба сдѣлана почерному и мы всѣ въ теплѣ уснули крѣпко. Утромъ хозяева затопили печь, а про насъ и забыли, что мы на печи;

потомъ когда пришла пора ѣхать, вспомнили насъ, а мы всё угорѣли и были безъ чувствъ; вытащили насъ на дворъ, на снѣгъ, начали оттирать снѣгомъ, а мы все ничего не чувствуемъ; наконецъ показались признаки жизни и насъ втащили опять въ избу, положивъ среди пола на солому; тутъ-то мы пришли въ себя и замѣтили, что лежимъ всё голые въ снѣгу; тутъ опять ночевали, а домой привезли больныхъ.— Вотъ уже дважды Господь спасалъ отъ напрасныя смерти будущаго пастыря церкви.

Мать бывало, — вспоминалъ онъ, — говорить: учись, Андрюша, какъ хочешь; на насъ не надѣйся; а не будешь учиться, то готовься подъ красную шапку, т. е. въ солдаты. Бывало надобно отправляться въ семинарію, а мать плакать, что нечего дать на дорогу, бѣгаетъ, бѣгаетъ, никто не даетъ; схватить свой кокошникъ и заложить; принесетъ 70 к. асиг. и скажетъ: «вотъ, Андрюша, заложила послѣдній кокошникъ, да надобно кринку масла отдать въ придачу». Однажды позвали насъ въ консисторію сказывать стихи. Когда я началъ говорить, протоіерей каедральный, старикъ, ласково взглянулъ на меня и сказалъ: ты, Соколовъ, будешь архіерей. Это слово такъ меня поразило, что полились слезы изъ глазъ. Успѣхи мои сдѣлались извѣстны въ моемъ родномъ городѣ. Придешь домой на вакацію, а мать говоритъ: «Андрюша, что это меня стали очень уважать и почитать бѣдную пономарскую жену; начали звать въ гости и протопопицы и не знаютъ гдѣ меня посадить. Это видно чрезъ тебя, что ты хорошо учишься, и всё готовятъ тебѣ невѣсть. Вотъ Елена въ какую попала честь». Между тѣмъ я началъ заниматься домашнимъ учительствомъ и на добытыя деньги посылалъ рдительницѣ гостинцы; она каждый гостинецъ омочала слезами.

Обучалъ я одного вѣмца читать и говорить по русски. Его жена и свояченица хотѣли иногда со мною пошутить, какъ съ

молодымъ студентомъ; но я никогда не обращалъ вниманія на нихъ. Онѣ начнутъ браниться: это монахъ нелюдимый. Нѣмецъ скажетъ: «Глупыя, это не только монахъ, но и архіерей будетъ»; а я все это слагалъ въ сердцѣ своемъ.

Ректоромъ семинаріи тогда былъ архимандритъ Макарій, послѣ бывшій начальникъ Алтайской миссіи, въ епархіи своего ученика епископа АѦанасія, бывшаго Андрея Соколова. Этотъ ректоръ назначилъ Андрея Соколова въ СѦб.етербургскую академію, не спросивъ о его согласіи, — вдругъ нечаянно ему объявили, чтобы собирался скорѣй въ дорогу въ Академію. Соколовъ испугался, однако противиться власти не сталъ, видя въ этомъ волю Божию, и въ Академіи благополучно кончилъ курсъ наукъ. Потомъ пожелалъ въ монахи и испросилъ на это благословенія отъ родителей. Въ монашествѣ онъ переименованъ АѦанасіемъ. Потомъ проходилъ должность бакалавра въ С. П. Акидеміи, профессора, инспектора и ректора во многихъ семинаріяхъ: въ Псковѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Твери и наконецъ былъ ректоромъ въ С.-Петербургской семинаріи, а въ 1841 г. посвященъ въ Епископа Томскаго и Енисейскаго.

Когда оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ пріѣхалъ объявить мнѣ о назначеніи въ архіереи, тогда я, говорить, перекрестился и сказалъ: «буди воля Господня надо мной; какъ тебѣ Господи угодно, тако да будетъ, только одного прошу: дай мнѣ любить паству, мнѣ назначенную». Услышалъ меня Господь, и доднесъ такъ люблю свою паству, что и выразить не могу.

Родитель не видалъ его уже епископомъ, а только архимандритомъ; но родительница раба Божія Елена сподобилась его встрѣтить епископомъ, ибо онъ проѣздомъ въ Томскъ заѣзжалъ въ свой городъ Буй и погостилъ нѣсколько дней у своей родительницы, жившей у зятя, протоіерея Буйскаго, съ внучатами. Кромѣ сестры, бывшей въ замужествѣ за этимъ про-

тоіереемъ, преосв. Аванасій имѣлъ еще брата Никанора Соколова, который, по окончаніи курса, вышелъ въ свѣтское званіе и женился на дворянкѣ и живетъ въ помѣстьѣ. Родительница, проводивши своего сына архіерея въ Томскъ, уже не видала его болѣе; но на смертномъ одрѣ она была утѣшена извѣстіемъ, что сынъ ея преосвященный Аванасій Томскій получилъ отъ Царя награжденіе орденомъ Святыя Анны 1-й степени: она перекрестилась, заплакала, и скончалась.

Преосвященный Аванасій трудился въ Томской епархіи 12 лѣтъ съ половиною, оставя по себѣ вѣчную память, ибо въ теченіи 12-ти лѣтъ открылъ 85 приходовъ съ новыми церквами вновь, а о 20 церквахъ тоже съ новыми приходами заведено дѣло. Онъ каждую недѣлю служилъ и ни одного праздника и табели не пропускалъ безъ службы. Каждую литургію говорилъ проповѣдь безъ приготовленія и говорилъ со слезами, всѣхъ до единого заставилъ плакать; а когда идетъ бывало изъ церкви, то всѣхъ благословляетъ, большихъ и малыхъ, и очень любилъ за литургіей причащать дѣтей, — это первое его утѣшеніе. Каждому былъ доступенъ; съ малымъ и великимъ, богатымъ и бѣднымъ входилъ въ разговоръ; былъ совершенный безсребреникъ и милостивъ безмѣрно, никогда бывало не заведетъ у себя денегъ, беспощадно ихъ раздаетъ, очень нуждающимся по 100 руб. сер. давалъ. Весьма любилъ собирать книги и имѣлъ большую библіотеку; когда мы отправляли ихъ въ Иркутскъ, то всего вышло 145 пудовъ вѣсу. Даже тѣхъ людей любилъ, кто любилъ книги. Въ церквахъ по своей епархіи собралъ великія библіотеки, ибо принуждалъ всѣхъ священниковъ выписывать книги. Онъ обогатилъ почти всѣ церкви вкладами, серебряными окладами, церковною утварью, облаченіемъ и колоколами. До него церкви въ Томской епархіи были самыя скудныя, но какъ его всѣ очень любили, тѣмъ ни въ чемъ ему не отказывали; бывало скажетъ

прихожанамъ: надо бы вамъ такіе-то колокола или ризы, или иное что,— и смотришь — черезъ 3 мѣсяца все готово; его слово было законъ, что сказалъ, то и будетъ. Даже самые раскольники его очень любили. Онъ поставилъ 6 церквей единовѣрческихъ. Когда первый разъ объѣзжалъ епархію по мѣстамъ самымъ глухимъ, то раскольники всѣ изъ деревень разбѣжались: «вотъ, батюшки, послѣднее время, уже и къ намъ антихристъ ѣдетъ», — такъ они величали Христова пастыря. Но онъ ихъ побѣдилъ такъ, что они послѣ сами раскаивались и лежали у него въ ногахъ, прося прощенія и благословенія.

Какъ же онъ могъ привлечь общее расположеніе къ себѣ? Своимъ смиреніемъ и любовью и ласковымъ обхожденіемъ, ибо онъ въ проѣздъ по епархіи въ каждомъ селѣ служилъ всенощную и литургію; на всенощной читалъ житія св. отецъ по Четии-менеѣ и съ объясненіемъ, — онъ всѣ Четии-миней перевелъ на русскій языкъ, — а на литургіи всегда говорилъ проповѣдь и во время проповѣди самъ бывало плачетъ, а народъ больше его плачетъ и даже кричатъ: «вотъ Богъ какого намъ послалъ пастыря; бывало только слышимъ, что есть какіе-то архіереи, а теперь мы батюшку нашего видимъ и съ нимъ разговариваемъ». Гдѣ на дорогѣ случится деревня, то подѣзжая къ ней, самъ выйдетъ изъ кареты и идетъ пѣшіи и благословляетъ народъ и со всѣми разговариваетъ и обо всемъ спрашиваетъ; пришедши на средину деревни, скажетъ: «выносите изъ домовъ иконы сюда ко мнѣ, я вамъ отслужу молебенъ съ водосвятиемъ». Народъ отвѣчаетъ: «батюшка, ваше владычество, у насъ иконъ нѣтъ писаныхъ, а все маленькія мѣдныя». Владыка скажетъ: «какія есть, выносите всѣ». Всѣ вынесутъ и станутъ въ кругъ, а Владыка отслужитъ молебенъ и освятитъ воду и всѣхъ жителей покропитъ. Видя это въ первый разъ и слыша при этомъ еще пѣвчихъ, они бывали внѣ се-

бя отъ радости, а Владыка съ ними разговариваетъ и спросить: «далеко ли отъ васъ церковь и часто ли бываете въ ней». Они отвѣтятъ: «Ваше владычество, до церкви-то 150 верстъ, да мы никогда въ ней и не бываемъ». Владыка: «вы бы свою выстроили, это для васъ было бы лучше, у васъ бы была своя церковь и свой священникъ и къ вамъ стали бы ѣздить другіе и ваше бы селеніе была не деревня, но село, это бы для васъ была большая честь». Они отвѣтятъ: «ваше владычество! это бы хорошо, да этого не возможно сдѣлать: мы люди бѣдные, да неученые, церковь поставить не бездѣлица». Владыка: «какъ-нибудь вамъ Богъ поможетъ; пріѣзжайте въ Томскъ, я вамъ дамъ сборную книгу и добрые люди вамъ помогутъ». Что же? мужички сибиряки согласятся и скажутъ: «ну, ваше владычество, мы васъ, такого ангела, не прогнѣваемъ, вашъ совѣтъ добрый какъ-нибудь исполнимъ». Что же? чрезъ годъ владыку приглашаютъ на освященіе церкви. Владыка спросить: «развѣ уже готова? Они отвѣтятъ: посмотри-ка, владыко, за ваши святыя молитвы и за благословеніе, выстроили какую, словно невѣста прекрасная, иконостасъ вызолотили и колоколовъ накупили», — и владыка радуется и всегда освящать ѣздилъ самъ.

Эти сибиряки бывало говорятъ раскольникамъ: «куда вы глупые, разбѣжались и чего устрашились,— это къ намъ пріѣхалъ не человекъ, а ангелъ». И вотъ тѣ, которые бѣгали, очень бывало сожалѣють о томъ и ежели на другой годъ архіерей поѣдетъ, то уже первые выбѣгутъ встрѣчать и сами признаются, что они противъ него прегрѣшили. А если въ которой деревнѣ есть учитель раскольническій, то сами они его приведутъ ко Владыкѣ и скажутъ: «вотъ, ваше владычество, этотъ-то все насъ и сбиваетъ, не велитъ намъ ходить въ церковь». А владыка имѣлъ даръ слова необыкновенный: съ двухъ словъ заградить уста его; тотъ замолчить, а му-

жички всё закричатъ: «Эй, дядя Иванъ, это видно не съ нами глупыми говорить: теперь видимъ, что ты ничего не знаешь; да можешь ли ты, простецъ, и говорить съ Христовымъ святителемъ». Это очень радовало владыку, ибо до него всё эти люди писались раскольниками и въ самомъ Томскѣ, въ Пасху, болѣе десяти человекъ въ церкви не бывало, а при немъ почти ни одного раскольника не осталось, каждое воскресенье полны всё церкви народа. Первый томскій епископъ Агапитъ мало что успѣлъ; человекъ онъ былъ болѣзненный, ни съ кѣмъ не занимался и по епархіи ѣздилъ очень мало. Съ начала и АѦанасія боялись и бѣгали изъ деревень въ лѣса, но послѣ такъ его полюбили, что каждый за счастье почиталъ принять отъ него благословеніе. Когда онъ ѣздилъ по епархіи, то старались узнавать гдѣ онъ поѣдетъ и на ту дорогу изъ стороны верстъ за 100 выѣзжали принять благословеніе съ женами и дѣтьми. Самъ владыка рассказывалъ: «бывало ѣдешь по пустынѣ и по степи; вдругъ толпа народу, спросишь: что это за люди? они скажутъ, что выѣхали верстъ за 100 только принять отъ него благословеніе». Владыка мимо толпы никогда не проѣдетъ, но остановится, выйдеть изъ экипажа и всёхъ благословитъ, со всёми поговоритъ. Этимъ самымъ привлекъ сердца. До того его любила цаства, что имя АѦанасія для каждаго было дорого, и за глаза не звали его иначе какъ *батюшка нашъ владыка*.

Въ Томскѣ, въ домовоіи своей церкви, каждое воскресенье и праздникъ выходилъ на литію и величаніе и во всё праздники самъ помазывалъ масломъ отъ лампы праздника; а между каѦизмъ самъ читалъ житіе святаго, или какое слово праздничное, ходило столько народа, что не только не могла вмѣститъ церковь, но и залъ и паперть не вмѣщали. На литургіи всегда говорилъ проповѣди безъ приготовленія и очень хорошо объяснялъ тексты священнаго Писанія. Еван-

гелія, Апостола, Пророчествъ и Псалмовъ,— такъ что я подобнаго въ жизни не слыхалъ и не читалъ. Произношеніе у него было явственное, выразительное и громогласное, говорилъ всегда со слезами, очень уже слезливъ. Я прежде не такъ-то любилъ нынѣшнихъ проповѣдниковъ, и пользы никогда отъ нихъ не получалъ; но Аѳанасія 7 лѣтъ не могъ насытиться, хотя онъ и безпрестанно говорилъ. Онъ всю Библию зналъ на память и очень любилъ самъ пѣть, — это первое его утѣшеніе было. Воскресные антифоны самъ съ діаконами пѣлъ, другой разъ пѣвчіе на хорахъ. Вотъ къ какому пастырю Господь меня послалъ; потерпѣлъ я много скорбей, но живя при немъ, до преизбытка былъ утѣшенъ. Только о томъ много я сожалѣлъ, что онъ своихъ проповѣдей не пишетъ, и это все придетъ въ забвеніе; впрочемъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, что нибудь останется. Когда бывало начнетъ онъ меня хвалить за то, что я описалъ свои странствія и путешествія, я скажу: «владыка святой! я хотя и неученый, невѣжда, но все же какъ нибудь да написалъ; а тебя намъ чѣмъ будетъ помянуть? Мужъ ты ученый и Богъ тебѣ далъ великіе таланты, но ты ничего намъ не оставишь; какъ хочешь владыка, а Богъ съ тебя взыщетъ за сокрытіе талантовъ». Онъ же, выслушавъ сіе, скажетъ: «отецъ Парѳеній! когда и Аѳанасій помретъ, то что нибудь найдутъ послѣ него»; и это меня немного утѣшало; а точно, у него рукописей воза два есть. Когда спросишь: «что это, владыка, у васъ за рукописи?» онъ отвѣтитъ: «все мои бывшіе переводы».

Замѣчательно, что онъ очень мало спалъ, иногда цѣлую недѣлю бывало не спитъ, такъ что начнетъ ему дѣлаться дурно; но чѣмъ онъ занимался по ночамъ — ему только извѣстно; я жилъ подъ его спальнею, и то не могъ узнать. Первую недѣлю Великаго поста самъ бывало читаетъ всю службу, ничего не ѣстъ, развѣ немного холодной воды выпьетъ,

а послѣ преждеосвященной съѣсть просфору и запыетъ теплою водою. По субботамъ и воскресеньямъ служилъ въ соборѣ и самъ причащалъ всѣхъ до одного — человѣкъ сотъ по пяти. Также и въ Страстную недѣлю самъ прочитаетъ въ три дня всѣхъ 4-хъ евангелистовъ, и ежедневно самъ служитъ литургіи. Также и въ пасхальную недѣлю ежедневно служилъ по разнымъ приходскимъ церквамъ и каждую литургію говорилъ проповѣди. Во всѣхъ крестныхъ ходахъ и при встрѣчѣ иконъ всегда самъ присутствовалъ: ни грязи, ни морозы его не останавливали. 27 мая 1850 года, онъ встрѣтилъ чудотворную икону, приносимую изъ села Спасскаго за 18 верстъ, икону Спаса Нерукотвореннаго, и послѣ встрѣчи служилъ литургію въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Послѣ обѣдни пришелъ на закуску къ отцу архимандриту Виктору, настоятелю монастыря, и только хотѣли чай пить, какъ приходитъ почтмейстеръ Михаилъ Матвѣевичъ. Владыка вынимаетъ изъ кармана просфору и даетъ, говоря: «вотъ вамъ, Мих. Матв., просфора;» почтмейстеръ, принявъ просфору, вынимаетъ изъ кармана посылку и даетъ владыкѣ, говоря: «владыка святой, пріими же и ты отъ меня просфору.» Владыка, принявъ, посмотрѣлъ, поцѣловалъ и заплакалъ; и сейчасъ же пошелъ въ церковь, примолвивъ: «идите со мною всѣ пѣть благодарный молебень.» Это онъ получилъ отъ Царя орденъ св. Владиміра 2-й степени. Послѣ молебна всѣ возвратились къ архимандриту, тутъ сказалъ онъ: «когда Христосъ Спаситель меня утѣшилъ такою царскою милостію, то я всѣ три иконы, принесенныя въ Томскъ, провожу до мѣста». Такъ и сдѣлалъ. 23-го іюня, прямо послѣ литургіи пошелъ провожать икону Божіей Матери на рѣку Обь, въ село Богородское, за 60 верстъ; все шель пѣшкомъ въ митрѣ и въ мантии, несмотря на проливной дождь; послѣ литургіи 12 верстъ отойдя, въ деревнѣ Зерцалахъ пилъ чай и обѣдалъ. Потомъ

шелъ 13 верстъ и ночевать пришелъ въ село Нелюбино. Здѣсь пришедши прямо въ церковь, началъ всенощную, а по утру литургію служилъ и говорилъ проповѣдь. Послѣ литургіи прямо изъ церкви въ путь, а дождь не перестаетъ лить. 15 верстъ отойдя, среди бора обѣдалъ; потомъ прошелъ еще 20 верстъ и переправившись чрезъ р. Обь, въ село Богородское, прямо вступилъ въ церковь и началъ всенощную, а по утру служилъ литургію и говорилъ проповѣдь. Немного закусивъ, поѣхалъ обратно домой на коняхъ. До того бывало устанетъ, что людей не узнаетъ. Однако, слава Богу, всѣ три иконы проводилъ до мѣста: двѣ изъ нихъ — Спасителя, за 18 верстъ, до села Спасскаго, и икону Николая чудотворца до села Семилужнаго за 30 верстъ. Вотъ и прошла у нашего владыки радость, теперь наступаютъ скорби и скорби великія, такъ что едва перенесъ, — чуть жизни не лишился.

Пріѣхавъ въ Томскъ, онъ нашелъ необходимымъ строить новый соборъ, потому что въ Томскѣ ветхій Троицкій соборъ деревянный давно уже сломанъ, и на время обращена въ соборъ приходская Благовѣщенская церковь; но она была очень тѣсна. Въ одно время, служа литургію въ соборѣ, пресвященный сказалъ въ проповѣди, что для города необходимъ новый соборъ, и просилъ у всѣхъ помощи. Потомъ приказалъ подать блюдо, снялъ съ головы свою митру и пожертвовалъ на соборъ. Потомъ снялъ съ шеи часы золотые въ 300 р. с., и положилъ на соборъ. Тутъ же еще положилъ всѣ свои деньги 1.500 р. с. и сказалъ: «вотъ, православные, что я имѣлъ у себя, все пожертвовалъ на соборъ вамъ; теперь вы должны жертвовать каждый по своей силѣ.»

Пожертвованія полились обильно; кто далъ миллионъ кирпича, кто тысячу пудовъ желѣза, кто десять тысячъ сер. денегъ. Вскорѣ избрали мѣсто и заложили соборъ огромный, только не знаю въ которомъ году, потому что это было еще

до моего прїѣзда. Строили его 6 или 7 лѣтъ и надѣялись въ 1850 году совсѣмъ окончить и уже начали забивать послѣдніе кирпичи. Владыка ежедневно ѣздилъ любоваться на соборъ. 1850 года іюля 25, я былъ со владыкою на самомъ куполѣ. Владыка пошелъ съ верху прежде меня, а я остался на куполѣ; вдругъ пришелъ мнѣ помысль: «а что ежели, помилуй Богъ, соборъ упадетъ, тогда и костей-то не соберешь», — и я такъ испугался, что бѣгомъ побѣжалъ внизъ, догнавъ владыку на сходахъ,— онъ спросилъ: «что ты бѣжишь»? Я сказалъ: «какой-то страхъ напалъ.» Онъ еще спросилъ: «неужели соборъ опасенъ»? Я сказалъ: «очень опасенъ, такъ что я всегда боюсь на него лазить, только изъ уваженія къ вамъ слѣдую за вами». Онъ спросилъ: «что же ты находишь опаснаго»? Я сказалъ: «владыка святой! скажу откровенно: крѣпкаго-то ничего не нахожу; посмотри-ка ты на право, что это такое»? Онъ остановился и посмотрѣвъ, сказалъ: «а давно ли эта щель и велика ли»? Я сказалъ: «какъ соборъ дѣлаютъ, такъ и щель эта; она съ самага фундамента и до самага купола». Онъ сказалъ: «буди воля Божія, что будетъ— увидимъ».

26 іюля благовѣстили ко всенощной, ибо 27 ч. царскій день. Мы со владыкою сидимъ на крыльцѣ и смотримъ на соборъ, какъ мастера лезятъ по куполу и забиваютъ послѣдніе кирпичи. Владыка говоритъ: «вотъ отецъ Паревній, какъ бы не всенощная, мы поѣхали бы на соборъ». Потомъ пошли въ церковь; я во-внутрь, а онъ остался слушать въ залѣ. Еще не начали читать шестопсалміе, какъ загрѣмѣло что-то. Мы подумали, что громъ. Келейники сидѣли на кухнѣ и сказали другъ другу: что это такое, что земля задрожала, не соборъ ли упалъ. Выбѣжали вонъ — смотрятъ, а уже собора нѣтъ. Келейникъ заплакалъ и говоритъ: «какъ я теперь доложу владыкѣ,—я убью его этимъ словомъ, онъ не вынесетъ»; однако

подошелъ ко владыкѣ. Владыка: «что ты, Филиппъ, весь измѣнился? Онъ сказалъ: «ничего, владыко; что-то очень стукнуло на соборѣ». Владыка скоро побѣжалъ чрезъ залъ на крыльцо, — взглянулъ, а собора уже нѣтъ; закричалъ: «Филиппъ, Филиппъ, соборъ упалъ, подай скорѣй холодной воды»; а Филиппъ прежде еще припасъ ее. Владыка немного охладился, перекрестился и сказалъ: «Господи, буди воля твоя, только очень жаль народа, мастеровъ.» Потомъ подошелъ къ церковнымъ дверямъ и стукнулъ въ нихъ. Экономъ сей-часъ изъ алтаря къ нему подошелъ. Владыка тихонько сказалъ: «соборъ упалъ, скажи отцу Пареевнѣю.» Я всегда стоялъ у заднихъ дверей, какъ странникъ. Экономъ тотъ-часъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: соборъ упалъ. Я, услышавъ, побѣжалъ — смотрю, собора уже нѣтъ, только пыль столбомъ. Я было бросился въ залъ, подумавъ, неслучилось ли чего съ владыкой. Онъ мнѣ навстрѣчу и сказалъ: «ступай къ собору, а я велѣлъ коней закладывать.» Я побѣжалъ къ собору. Прибѣжалъ, уже около него тысячи народа; однако боятся близко подходить, потому что все еще валятся стѣны и лѣса. Я спросилъ: «а мастеровъ видно всѣхъ задавило?» Мнѣ сказали: «много народа задавило, только не знаемъ, мастера попали ли туда». Я побѣжалъ кругомъ и, увидѣвъ одного мастера, спросилъ: всѣ ли вы живы? Онъ сказалъ: «мы, слава Богу, всѣ живы, только что слѣзли и хотѣли садиться ужинать, и какъ загрѣмѣло, мы всѣ сдѣлались внѣ себя; а много должно быть задавило зрителей, ибо, когда мы слѣзли, народъ все восходилъ къ верху». Я сказалъ: «слава Богу, что вы всѣ живы остались; по крайней мѣрѣ владыкѣ будетъ полегче». Потомъ пріѣхалъ и владыка и весь городъ сбѣжался оплакивать разрушеніе своего собора. Владыка объѣхалъ кругомъ; увидя меня, спросилъ: «что, мастеровъ всѣхъ что-ли задавило?» Я сказалъ: «слава Богу, ни одного не задавило, всѣ живы». Онъ

поѣхалъ домой. Задавило 6-ть человекъ, всё разночинцевъ-зрителей: одного консисторскаго столоначальника, который только-что кончилъ протоколъ на кладбищенскую церковь, и побѣжалъ было полюбоваться на соборъ, но тутъ и погибъ. Соборъ и до нынѣ стоитъ въ развалинахъ и много было владыкъ скорби, такъ что онъ едва это перенесъ, и здоровья своего много утратилъ; бывало скажетъ: «отецъ Паревій, берегись поминать мнѣ про соборъ, онъ очень тяжекъ для меня».

Другая скорбь была владыкъ: прислали въ Томскую консисторію секретаря, злонамѣреннаго и недоброжелательнаго человека, который затягался со владыкой и консисторіей; даже высушилъ владыку и замучилъ его бумагами. Черезъ него владыка два года не ѣздилъ по епархіи. Эти скорби угнетали его 3 года, пока секретарь не былъ уволенъ, и много у него унесли здоровья.

Церковныя службы владыка совершалъ очень великолѣпно и благоговѣйно, читалъ велегласно, съ умиленіемъ. Нрава былъ простосердечнаго, безъ хитрости. Трижды въ годъ самъ раздавалъ милостыню нищимъ, только возьметъ бывало меня и келейника для порядка: въ Рождество Христово, въ свои именины 18 января, и на Пасху. Каждый разъ раздавалъ по 150 рублей сер., а на свои нужды часто занималъ денегъ,—безсребренникъ былъ. Принималъ къ себѣ каждаго; доклада не дожидался и почти ему не нуженъ былъ и келейникъ; только кто стукнетъ дверью, онъ и выбѣгаетъ встрѣчать; а ежели дверь заперта, то самъ отпереть, приметъ и распроситъ; такъ что кто его не видалъ, то и не узнаютъ бывало, что это архіерей. Въ гости пригласятъ, никогда не откажется. Въ великіе праздники ко всѣмъ ѣздилъ съ визитомъ, но ни у кого долго не сидѣлъ, напитоковъ дорогихъ не терпѣлъ; дома пищу употреблялъ самую простую, соусовъ, жаркихъ и пиро-

говъ почти вѣкогда небывало на его столѣ, только развѣ для гостей, когда пригласить кого къ себѣ обѣдать. Въ домѣ большой чистоты и убранства у него не было, а все какая-то простота христіанская. Былъ весьма трудолюбивъ; чуть дѣла вѣтъ лѣтомъ, идетъ въ садъ съ келейниками, самъ землю копаешь, траву полеть, сучья обрубаешь, — иногда до изнеможенія устанеть. Устроилъ прекрасный садъ и насадилъ множество разнаго рода деревъ; среди сада сдѣлалъ гору, гдѣ мы съ нимъ часто сиживали, а наипаче вечерами; выкопалъ два озера и выпустилъ много карасей. Онъ очень любилъ грамотныхъ, самъ своимъ штатнымъ служителямъ давалъ уроки, — задасть урокъ и назначить время выучить. Если выучите къ этому времени, то вотъ вамъ по рублю сер. Что же, — ночи бѣдныя не спятъ, и выучать. Онъ вмѣсто рубля — дастъ полтора. Всѣ штатные — дѣти и жены выучились грамотѣ. Любилъ очень дарить книгами и иконами, — спросить: «знаешь ли грамотѣ»? Кто знаетъ, тому и книгу подарить. Мнѣ книгъ надарилъ рублей на 300 серебромъ.

Наконецъ дождался 1854 года, который принесъ намъ обимъ много перемѣнъ въ жизни; много мы въ этотъ годъ пролили слезъ и много утѣшены, даже до преисполненія. 18 января, на свои именины, владыка съ вечера служилъ всенощную святителю Аванасію Александрійскому, — служилъ, по обычаю, съ двумя архимандритами, двумя протопопами и двумя іеромонахами и полнымъ хоромъ пѣвчихъ, — торжественно; отъ народа тѣснота необыкновенная; я стоялъ съ пѣвчими на хорахъ и кое-что имъ указывалъ, ибо пѣвчіе мнѣ были всѣ — какъ родныя дѣти; я ихъ любилъ, а они меня еще больше. Владыка всю всенощную служилъ со слезами: пѣвчіе говорятъ: что-то нынче очень расплакался владыка». И я этому не мало удивлялся, — въ именины надо быть веселому, а онъ плачетъ. Послѣ всенощной, по обычаю, позвалъ меня ужинать и эконо-

номъ съ нами. Владыка ничего не ѣстъ, безпрестанно вздыхаетъ и ничего не говоритъ, о причинѣ же не догадывались. Послѣ ужина владыка позвалъ меня въ залъ и долго со мной говорилъ. Потомъ на прощаньѣ благословилъ меня и очень крѣпко пожалъ мою руку. Но я все это принялъ запросто. Проводилъ меня до лѣстницы и сказалъ: «прости, прости, отецъ Паревній, да постоимъ еще здѣсь и поговоримъ со мной». Еще простояли съ часъ. Я вижу, что онъ весь не свой, то сдѣлается очень грустенъ, то какъ бы перемогается. Я подумалъ, что владыка не здоровъ чѣмъ нибудь. Поутру началъ служить торжественную литургію, и всю литургію такъ плакалъ, что едва могъ говорить возгласы; всѣ недоумѣвали, что это значить. Проповѣдь говорилъ о томъ, какъ на свѣтѣ все превратно и непостоянно, и самая дружба и любовь сколько при разлукѣ приносятъ скорби и печали. И впродолженіи всей проповѣди такъ плакалъ, что едва могъ выговаривать слова. Но народъ такъ растрогалъ, что въ церкви раздавались плачь и рыданіе. Послѣ литургіи съѣхалось со всего города духовенство и начали соборный молебенъ святителю АѦанасію Александрійскому. Владыка въ мантіи и клобукѣ стоялъ въ алтарѣ. Но когда начали оканчивать молебенъ, онъ потребовалъ митру и омофоръ, вышелъ въ Царскія врата, сталъ на своемъ мѣстѣ и приказалъ звонить къ другому молебну; владыка приказалъ начать молебенъ Святителю Иннокентію Иркутскому. Всѣхъ удивило, для чего это владыка служилъ другой молебенъ, чего никогда не бывало. Иные говорили: видно владыкѣ былъ сонъ какой нибудь. Послѣ молебна всѣ пошли на закуску. Было болѣе 200 человекъ и все значительные люди; всѣ поздравляли его со днемъ ангела. Женщинъ не было, — онъ не принималъ ихъ въ торжественные дни. Послѣ закуски человекъ 80 близкихъ людей и всѣхъ священниковъ оставилъ обѣдать; весь обѣдъ былъ веселый

и радостный, потому что владыку всё сердечно любили. Послѣ объѣда подали шампанское за здравіе владыки. Но у владыки полились изъ глазъ слезы и онъ, вынувъ изъ запазухи письмо, отдалъ стоявшему близъ него своему другу Сергѣю Петровичу Соколову, смотрителю почтамта, сказавъ прерывающимся голосомъ: «вотъ друзья мои, послѣдовала въ жизни и обстоятельствахъ нашихъ перемѣна и наступила всегдѣшняя разлука»,—и зарывавъ побѣжалъ въ спальню. Соколовъ началъ читать бумагу, возвѣщавшую, что преосвященный Аѳанасій Томскій переводится въ Иркутскъ въ архіепископы. Это поразило всѣхъ присутствующихъ, забыли про шампанское: раздался въ залѣ плачь и рыданіе. Всѣ побѣжали по домамъ съ заплаканными глазами, и въ одинъ часъ слухъ о переводѣ владыки облетѣлъ по всему Томску. Въ каждомъ домѣ плачутъ какъ по родномъ мертвецѣ, говорятъ: «неужели мы разлучаемся съ нашимъ батюшкою; неужели онъ насъ оставляетъ; неужели мы не будемъ слышать его медоточныхъ словесъ»? На другой день я пошелъ къ своимъ знакомымъ, они сдѣлались даже нездоровы оттого, что всю ночь проплакали. Въ Томскѣ прожилъ владыка еще, отъ 18 января по 17 марта. Въ это время пріемная его ежедневно была полна приходившими простаться съ нимъ; пріѣзжали за 800 верстъ крестьяне только проститься съ владыкою. Вся епархія о немъ плакала, да и правду сказать: едвали Томская епархія увидитъ подобнаго архипастыря.

На сырной недѣлѣ, мы уложили въ дорогу всё его книги, вышло 145 пудовъ вѣса. Въ одинъ вечеръ, замѣтивъ его очень грустнымъ, я спросилъ: «владыка святой! о чемъ ты очень скорбишь, или ѣхать тебѣ неохота»? Онъ мнѣ отвѣтилъ: «отецъ Пароеній! скорблю потому, что ѣхать не на что, денегъ нѣтъ, а просить займы у мірскихъ не хочется и дѣло съ ними такое заводитъ мнѣ не совсѣмъ прилично». Я сказалъ:

«какъ денегъ у тебя нѣтъ? ты получилъ на 12 лошадей прогоны: неужели этихъ денегъ тебѣ неостанетъ»? Онъ сказалъ: «уже ихъ нѣтъ ни копейки, всѣ раздалъ. Да какъ же не дать, каждый идетъ прощаться: кому рубль сер., другому два, иному три, инымъ по пяти и даже по десяти руб. давалъ; вотъ всѣ и раздалъ и ѣхать не съ чѣмъ». Я посоветовалъ владыкѣ обратиться къ эконому архіерейскаго дома, человѣку честному но скупому.

Экономъ почелъ за счастье дать владыкѣ заимообразно 500 руб. сер. Первую недѣлю поста владыка говѣлъ и потомъ совершилъ обрядъ православія по уставу, хотя нѣкоторымъ это и не очень понравилось. Подъ 2-е воскресенье самъ служилъ всенощную, какъ бывало прежде, все плакалъ и въ другихъ возбуждалъ слезы. Послѣ всенощной пригласилъ меня съ экономомъ ужинать. Какъ только вошли, онъ встрѣчаетъ насъ словами: «подите друзья мои, подите мои собесѣдники: послѣдній разъ поужинаемъ вмѣстѣ, уже завтра вечеромъ не будемъ вмѣстѣ;» такія его слова паче огненныхъ стрѣлъ пронзили меня, я упалъ на землю и горько зарыдалъ, такъ что онъ едва могъ меня успокоить. Сѣли за столъ, но только посмотрѣли на кушанье а ѣсть никто не могъ. Послѣ ужина онъ остался со мною однимъ и долго мы бесѣдовали.

Между прочимъ я объявилъ ему, что, не желая оставаться послѣ него въ Томскѣ, я уже подаль прошеніе московскому митрополиту Филарету о принятіи меня въ скитъ Геосиманію, и прибавилъ, что только надежда на это меня и поддерживаетъ, а то разлука съ тобой для меня была бы убійственная; ибо послѣ тебя я остался бы въ рукахъ враговъ моихъ, которые всегда готовы растерзать меня странника. Владыка подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за голову, омочилъ слезами и сказалъ: «утѣшилъ ты меня, утѣшилъ, сказавши, что подаль прошеніе московскому Митрополиту; дай тебѣ Богъ

получить желаемое; благодарю тебя за то, что много ты меня утѣшалъ въ эти 7 лѣтъ, скоро они съ тобою протекли; а наипаче въ скорбяхъ, которыя постигли меня твои бесѣды приносили мнѣ утѣшеніе; ты самъ видѣлъ, что я не могъ безъ тебя быть одного часа; можетъ быть, иногда и докучалъ тебѣ, за что прости меня; я тебя имѣлъ не какъ велейника или послушника, но какъ друга, собесѣдника и сожителя». Дѣйствительно, истинно дружески онъ со мною обращался; бывало захвораешь, онъ безпрестанно меня посѣщаетъ, за мною ухаживаетъ; также когда самъ сдѣлается нездоровъ, сей часъ за мной посылаетъ, и мы съ нимъ въ спальнѣ по нѣскольку часовъ провождали въ бесѣдахъ.

Бесѣда наша на этотъ разъ продолжалась до втораго часа за полночь. По утру въ воскресенье 2-е поста, 7-го марта владыка служилъ въ соборѣ; народу было столько, что не вмѣстилъ соборъ; всѣ думали, что владыка будетъ говорить прощальную проповѣдь. Но владыка хотя и говорилъ проповѣдь болѣе часа, но о выѣздѣ и не упомянулъ, а говорилъ всё духовно-нравственныя наставленія, и этимъ еще больше опечалилъ народъ; всѣ неутѣшно плакали и говорили: «это послѣднее твое намъ наставленіе; пришло время, что затворятся для насъ твои паче меда сладкія уста; какъ бы наша воля была, никогда бы мы тебя не выпустили изъ Томска». По окончаніи литургіи, пошелъ изъ собора, и всѣ съ великимъ рыданіемъ толпились принять его благословеніе.

Пріѣхавъ домой, онъ приказалъ скорѣй собирать обѣдъ посреди зала. Обѣдало съ нимъ 5 человекъ и въ числѣ ихъ я; владыка ничего немогъ ѣсть, и весь обѣдъ проплакалъ.

Въ половинѣ обѣда ударили въ большіе колокола въ соборѣ, въ монастырѣ и въ домовой, — это значило, что наступило время проводовъ Архипастыря. Мы еще не вышли изъ за-стола, а уже полна церковь народу, и полонъ монастырь

экипажей. Владыка послалъ купить два фунта серебряныхъ крестиковъ для раздачи на благословеніе. Потомъ вышли изъ за стола, и помолившись Богу, начали выносить и укладывать всё его вещи. За тѣмъ отворили двери въ церковь и какъ онъ вошелъ, народъ весь зарыдалъ громко; приложившись къ престолу Господню и ко всѣмъ иконамъ, вышелъ вонъ; народъ бросился подъ благословеніе, и онъ каждого благословлялъ и давалъ каждому по серебряному кресту на шею, и едва могъ выбраться на дворъ. Потомъ пѣшій дошелъ до монастырской соборной церкви. Взойдя, приложился къ престоламъ и иконамъ. Вышедши, сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ соборъ; тамъ собралось все духовенство и всё граждане. Отслужили молебень въ путь шествующимъ; послѣ молебна сказалъ прощальную рѣчь, въ которой выразилъ свою любовь къ томской паствѣ и великую скорбь о разлукѣ съ нею, и просилъ у всѣхъ прощенія. Потомъ сказалъ: «здѣсь я прощаюсь со всѣми живыми моими духовными чадами и друзьями; а потомъ пойду къ Вознесенію на кладбищѣ, тамъ прощусь съ умершими моими чадами и друзьями.» Плачь былъ очень великій, даже священники и діаконъ плакали въ голосъ; протодіаконъ едва могъ говорить ектеніи. — За тѣмъ начался крестный ходъ къ кладбищенской церкви за городъ: впереди несли хоругви, за ними шли пѣвчіе и пѣли догматики Богородичны всѣхъ гласовъ; потомъ шли діаконъ по два въ рядъ, потомъ священники по два въ рядъ, за ними протоіерей, два архимандрита, — всё въ облаченіи, а сзади идетъ Владыка и всѣхъ благословляетъ. По обѣ стороны отъ самаго собора до кладбища, версты на три, какъ двѣ стѣны, стоялъ народъ и всё слезно плакали; всё жители Томска съ женами и дѣтьми вышли проститься со своимъ любимымъ Архипастыремъ и принять отъ него послѣднее благословеніе. Сколько ни видѣлъ я въ Томскѣ крест-

ныхъ ходовъ и встрѣчъ чудотворныхъ иконъ, но подобнаго не было, хотя и зимой это было; но если бы это случилось лѣтомъ, то до села Семилужнаго, за 30 верстъ, всё бы пошли пѣшіе нашего батюшку провожать. Сзади шли тысячи народа и ѣхали сотни экипажей. Пришедши на кладбище, владыка въ церкви отслужилъ большую панихиду и обошелъ кругомъ церковь съ литіей и кадилломъ; и такъ простился съ живыми и умершими. На кладбищѣ было снѣгу аршина на два, толпы народа весь его примяли какъ на улицѣ, по поясъ увязали въ снѣгу, тѣснясь около владыки, чтобы хоть еще разъ взглянуть на него и принять послѣднее отъ него благословеніе; отъ простаго народа не отставали въ усердіи дворянство и купечество. Потомъ нашъ батюшка сѣлъ въ свою повозку и поѣхалъ какъ частный человекъ на одной тройкѣ, взявъ съ собою одного діакона, пожелавшаго поклониться святителю Иннокентію; діакона посадилъ съ собой въ повозку. По дорогѣ еще верстъ на пять стоялъ народъ въ полѣ, желали хотя разъ взглянуть на владыку и принять благословеніе. Но дворяне и купцы, до 50 человекъ, провожали владыку до первой станціи, въ селѣ Семилужномъ, и здѣсь изготовили богатый обѣдъ. Но владыка не принялъ угощенія, не желая продлить горести разлуки, и окончательно простившись съ провожавшими, сѣлъ въ свою повозку и полетѣлъ далѣе. Въ 7 дней доѣхалъ до Иркутска, и по дорогѣ остановился только въ селѣ Красной Рѣчкѣ, чтобы поситить раба Божія пустынножителя Ѳедора Кузьмича, жившаго у крестьянина Латышева на пасѣкѣ.

Въ одинъ изъ объѣздовъ по Томской епархіи, преосвященный Аѳанасій, близъ Зміегорскаго рудника, заѣхалъ въ деревню, которая стояла близъ рѣки. Жители среди деревни приготовили мѣсто для отслуженія молебна и освященія воды, и встрѣтивъ его начали говорить ему: что

рѣка, на которой стоитъ деревня, подмываетъ берегъ такъ, что скоро всю деревню подмоетъ, а переселиться некуда, потому что окружены не проходимыми горами. Владыка приказалъ съ рѣки принести песокъ, покропилъ его святою водою и благословилъ трижды; потомъ приказалъ высыпать на то мѣсто, гдѣ рѣка подмываетъ и гдѣ болѣе опасно для деревни. Жители все сдѣлали по приказанію его. Что же, — мнѣ сказывали послѣ, уже въ Гуслицкомъ монастырѣ, проходившіе въ Кіевъ крестьяне этой деревни, — на томъ мѣстѣ, гдѣ высыпали песокъ, образовался островъ и уже выросла роща, которую прозвали АѦанасеевой рощей.

Въ одномъ селѣ владыка служилъ по обычаю всенощную и литургію; къ литургіи, по его приказанію, принесены были дѣти для причащенія. Но какъ дѣти деревенскія къ этому не приучены, то всю обѣдню кричали, такъ что почти не слышно было и пѣнія. Послѣ причастія владыка вышелъ говорить проповѣдь; но дѣти все не унимались. Владыка сказалъ: «дѣти! вы кричали, мы слушали; а теперь замолчите, я буду говорить». Что-же? дѣти замолчали, онъ говорилъ около часа и въ это время ни одинъ ребенокъ не вскрикнулъ, такъ что всѣ удивились.

Въ 1856 году перевели владыку изъ Иркутска въ Казань и вызвали въ святѣйшій Синодъ присутствовать. На пути заѣзжалъ въ родной городъ Буй и въ Свято-Троице-Сергіеву Лавру и пожелалъ видѣть меня въ Москвѣ; за мною послали нарочнаго въ Бирлюковскую пустынь, гдѣ я тогда былъ настоятелемъ. Это было на первой недѣлѣ поста въ пятницу, и я немедленно отправился въ Москву. Свиданіе наше было на Саввинскомъ подворьѣ, чрезъ три года разлуки, — мы обнялись и плакали. По утру въ субботу мы ѣздили въ каретѣ на Преображенское и Рогожское кладбища, присоединившіяся къ

единовѣрію; потомъ простившись, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, а я въ свой монастырь.

1857 года былъ я вызванъ въ Петербургъ и прожилъ здѣсь на Псковскомъ подворьѣ у преосвященнаго Аѳанасія шесть недѣль; все это время наслаждался его бесѣдою, и ежедневно ѣздилъ въ его каретѣ по Петербургу.

Въ 1859 году проѣздомъ изъ Петербурга въ Казань, преосвященный Аѳанасій прибылъ въ Москву. Здѣсь узнавши, что митрополитъ уѣхалъ къ намъ въ Гуслицкій монастырь для освященія церкви и монастыря и закладки собора, съ купцомъ Сапелкинымъ, — преосвященный Аѳанасій отправился къ намъ и прибылъ 24 мая въ 6 часовъ утра; опять увидавшись, мы обнялись и долго оба плакали. Въ этотъ день митрополитъ освятилъ Успенскую церковь; а преосвященный Аѳанасій стоялъ въ олтарѣ; обѣдали всѣ въ трапезѣ; 25 числа Аѳанасій въ новоосвященной церкви служилъ литургію, а митрополитъ стоялъ въ олтарѣ. Послѣ литургіи и митрополитъ облачился въ полное облаченіе и съ крестнымъ ходомъ оба заложили большую церковь во имя Христа Спасителя Нерукотвореннаго Его образа. Два угла заложилъ митрополитъ, а два архіепископъ Аѳанасій. Потомъ вышли на средину монастырскаго двора, гдѣ было совершено освяченіе монастыря; и по молитвѣ колѣнопреклонной, обошли кругомъ монастыря, освятили ограду и тѣмъ закончили торжество. Владыки обѣдали въ келліи. Послѣ обѣда владыки и все духовенство отправились въ Павловскій посадъ, гдѣ оба за всеобщимъ бдѣніемъ выходили на литію и на величаніе. 26 числа мая также вмѣстѣ совершали литургію, а послѣ литургіи предъ Престоломъ простились, поклонившись другъ другу до земли и поцѣловавшись во уста, — простились на вѣки. Теперь уже оба отошли въ другой міръ. И я тутъ же въ церкви протился на вѣки съ преосв. Аѳанасіемъ, и поспѣшилъ за митро-

политомъ, который со всѣмъ духовенствомъ отправился за 8 верстъ въ деревню Мерю закладывать каменную церковь.

Скажу въ дополненіе, что эту статью въ рукописи самъ владыка АѦанасій читалъ въ Петербургѣ въ 1858 году, — ему давалъ оберъ-прокуроръ графъ Александръ Петровичъ Толстой, у котораго была копія этой рукописи; а въ 1859 году, бывши у насъ въ обители, — преосвященный АѦанасій мнѣ сказалъ: зачѣмъ ты описалъ мою жизнь? я все прочиталъ. Я отвѣтилъ: «для славы Божіей, только вѣрно ли написалъ, не нануталъ ли чего». Онъ сказалъ: «вѣрно-то вѣрно, только прошу тебя, при жизни моей этого не печатай.»

Спасо-Преображенскаго Гуслицкаго монастыря игуменъ

Парвеній.

ПОУЧЕНИЕ О ДОБРЫХЪ ДУХАХЪ.

Когда мы, слуш., видимъ красивое, умноедитя, мы говоримъ о немъ: точно ангель; или когда видимъ челоуѣка, которыи очень ко всему добръ, ласковъ, или по жизни чистъ, святъ, мы говоримъ о немъ: ангель, а не челоуѣкъ; или когда слышимъ хорошо поющихъ, мы говоримъ: точно ангелы поютъ.

Что же это такое эти ангелы? Духи добрые, существа невидимыя, самыя добрыя, свѣтлыя умомъ, святыя волею, могучія силою, и самыя блаженныя, непрестанно радующіяся и и веселящіяся.

Гдѣ они, эти ангелы? *На небеси*, въ небесномъ раю; есть и не на небѣ, не въ раю ангелы, а въ преисподней, въ адѣ, но то ангелы злые: на небѣ добрые ангелы. Да, ангелы двухъ свойствъ: одни добрые, другіе злые.

Гдѣ то небо, тотъ рай, въ которомъ добрые ангелы? Обыкновенно полагаютъ его тамъ, вверху, надъ нами, за этимъ видимымъ небомъ, куда вознесся І. Христосъ, куда вознесена Пресвятая Дѣва Марія, куда взяты Илія и Енохъ, куда на время восхищенъ былъ ап. Павелъ, — словомъ небо рай, это то мѣсто въ невидимомъ, духовномъ мірѣ, гдѣ во всемъ великолѣпнн открываются Божій свѣтъ, Божія слава, Божія радость, благословенное царство Отца и Сына и Св. Духа. О, помани меня Господи, помани въ томъ Своемъ царствіи!

Почему они, эти добрые ангелы, названы ангелами? Слово ангель значитъ вѣстникъ, значитъ и посланникъ. Такъ ан-

гелы добрые—это Божіи посланники и Божіи вѣстники, Божіи попреимуществу. Да, они попреимуществу Бога возвѣщаютъ, возвѣщаютъ, какъ Богъ благъ, какъ премудръ, какъ всемогущъ. Божіяго всемогущества, Божіей премудрости, Божіей благодсти ни въ какомъ изъ сотворенныхъ существъ такъ много не видно, какъ въ нихъ, въ ангелахъ. Возвѣщая славу Божію, они преимущественно возвѣщаютъ и волю Божію. Никѣмъ такъ свято не исполняется Божія воля, Божій законъ, какъ ангелами: любя Бога самою пламенною любовію, они непрестанно предстоятъ Ему, *выну видятъ*, смотрятъ на Него, чтобы летѣть, по Его манію, исполнять то, что Онъ повелитъ, или быть тамъ, куда Онъ пошлетъ.

Какъ ангелы возвѣщаютъ, какъ выражаютъ свою радость о Богѣ, свою любовь къ Нему? Пѣснопѣніями неумолчными. Они непрестанно поютъ: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоя*. Такъ ихъ поющихъ слышали и видѣли пророкъ Исаія, Іоаннъ Богословъ, апостолъ Павелъ и другіе святыя Божіи чловѣки.

Благоговѣя предъ Богомъ, ангелы преисполнены любви другъ къ другу и къ людямъ.

Чѣмъ ангелы выражаютъ свою любовь другъ къ другу? Общими своими пѣснопѣніями. Ихъ безчисленное множество, тысячи тысячъ, тмы темъ, и вообразить нельзя, какъ ихъ много. По мнѣнію нѣкоторыхъ св. отцевъ, въ девяносто девять кратъ ангеловъ больше, чѣмъ людей на свѣтѣ. По природѣ своей они всѣ равны и всѣ совершенны, но по силѣ, подобию разнствуютъ: одни пониже, другіе повыше, третьи еще повыше, и одни какъ бы начальствующіе, другіе какъ бы подчиненные. Ихъ считается девять чиновъ, и эти чины раздѣляются на три лика: въ первомъ ликѣ серафимы, херувимы, престолы, во второмъ — господства, силы, власти; въ третьемъ — начала, архангелы и ангелы. Такъ много ангелы разнст-

вуютъ между собою и, не смотря на то, они всегда вмѣстѣ, съ любовію другъ на друга взирая, другъ другу кланаясь, какъ у насъ священнослужители при служеніи, поютъ побѣдную пѣснь; какъ у насъ пѣвчіе, въ четыре голоса, поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: Святъ, Святъ, Святъ.

Какъ ангелы къ намъ, къ людямъ свою любовь выражаютъ? Пребывая на небеси, ангелы, по своей любви къ людямъ и по Божію изволенію, бываютъ и на землѣ. Съ нами они Бога славятъ, и иногда слышно славятъ, поютъ; какъ наприм., ихъ, поющихъ, слышали пастыри Вифлеемскіе; особенно въ церкви и преимущественно на литургіи они всегда невидимо съ нами; они входятъ съ священнослужителями въ олтарь славить Бога, сопровождаютъ Царя всѣхъ, грядущаго къ намъ, входящаго *заклатися и датися въ спльдь впрнымъ*. Да, слушатель бл., чины ангельскіе невидимо провожаютъ І. Христа къ тебѣ, когда ты причащаешься тѣла и крови Его.

Какъ ангелы могутъ быть и на небѣ и на землѣ? По своей сущности ангелы тоже, что наша человѣческая душа, ни тѣла человѣческаго и ничего видимаго не имѣютъ; они безплотны, они чистые духи, только на время могутъ они принимать видъ человѣка, чтобы тотъ, кому они, по изволенію Божію, иногда являются, могъ видѣть, слышать ихъ, всегда невидимыхъ; явятся, сдѣлаютъ, скажутъ, что нужно, и тотчасъ отходятъ, дѣлаются невидимы. И такъ, не имѣя ничего тѣлеснаго, ангелы быстро, какъ на крыльяхъ, подобно мысли нашей могутъ нисходить на землю, и опять точно также восходить на небо. Мыслию или желаніемъ и мы можемъ бывать вездѣ, на небѣ и на землѣ, но ангелы могутъ быть вездѣ всѣмъ своимъ существомъ, т. е. и умомъ, и волею, и могуществомъ своимъ, только въ одно и тоже время вездѣ они быть не могутъ—они могутъ быть вездѣ тамъ, куда пошлетъ ихъ Богъ, единъ

вездѣсущій. Да, устроая спасеніе людей, Господь Богъ посылаетъ ангеловъ возвѣщать людямъ свою волю, такъ, наприм., посланъ былъ ангель возвѣстити Пресв. Дѣвѣ Маріи, что она родитъ Спасителя міра. Желая всеѣмъ спастись и въ разумъ истины пріити, Господь Богъ посылаетъ ангеловъ служить спасающимъ, хранить ихъ отъ бѣдъ, отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, научать добру, истинѣ, отводить отъ грѣха, отъ неправды. Да, ангелы намъ служатъ, насъ вразумляютъ, наставляютъ, насъ спасаютъ, намъ во всемъ помогаютъ, помогаютъ и молитвамъ нашимъ возноситься къ Богу. Вообще, гдѣ люди бываютъ, гдѣ людямъ что нужно отъ Бога или къ Богу, тамъ всегда съ ними ангелы, туда Господь всегда посылаетъ ихъ, своихъ посланниковъ. Эти ангелы, посылаемые Богомъ людямъ, называются ангелами хранителями, наставниками. И такіе ангелы есть у всякаго села, у всякаго города, у всякой области, у всякаго государства, у всякаго монастыря, у всякой церкви христіанской. Такіе ангелы хранители есть и у всякаго человѣка. Какъ только человѣкъ будетъ окрещенъ, онъ тотчасъ поступаетъ подъ надзоръ особаго ангела, приставленнаго къ нему въ хранители, въ наставники. И съ этого времени ангель хранитель остается навсегда съ человѣкомъ; съ нимъ человѣкъ живетъ, съ нимъ и умираетъ, съ нимъ въ тотъ свѣтъ вступаетъ, съ нимъ и на страшный судъ является. Какъ ангелы хранители могутъ помогать намъ, наставлять, хранить насъ? Потому могутъ, что они выше насъ по уму, крѣпче насъ по силамъ; хотя они не всевѣдущи, не всемогущи, но умными своими очами дальше нашего видятъ, больше нашего знаютъ, и своимъ могуществомъ больше нашего могутъ.

Какъ именно они намъ помогаютъ? Невидимо, неслышно. Видимо хранить, слышно наставлять ангелы хранители могутъ только по особенному Божію повелѣнію, въ случаяхъ

чрезвычайныхъ, когда Божіе порученіе иначе исполниться не можетъ, какъ слышно, видимо. Напримѣръ: слышно Іосифу во снѣ ангель говорилъ: встань, возьми Младенца и мать Его и бѣги въ Египетъ. Видимо женамъ мучоносицамъ, при воскресеніи Іисуса Христа, ангелы являлись и слышно говорили: *воста*. . Видимо являлся и слышно говорилъ ангель Пресвятой Дѣвѣ Маріи, что зачнетъ и родить Сына. Такія явленія — явленія чудесныя, а чудеса творить одинъ Богъ. И такъ обыкновенно, всегда ангелы своимъ невидимымъ съ нами присутствіемъ намъ помогаютъ. Да, Ангель хранитель всегда со мною; со мною онъ, что когда я ни дѣлаю; со мною онъ, когда я размышляю, желаю, рѣшаюсь; со мною онъ, когда я говорю, пою, читаю, пишу; со мною онъ, когда я служу, молюсь; со мною онъ, когда я учусь, узнаю, работаю, тружусь, пью, ѣмъ, и прочее, что дѣлаю въ славу Божию, онъ все со мною; со мною онъ, когда храню себя отъ всего, отъ грѣховъ, отъ бѣдъ, отъ всякихъ враговъ, отъ всякихъ опасностей. Дѣйствуя такимъ образомъ все съ ангеломъ хранителемъ, я и вразумляюсь, освѣщаюсь его умомъ, высшимъ, свѣтлѣйшимъ моего ума, и охраняюсь, укрѣпляюсь его могуществомъ, сильнѣйшимъ, могущественнѣйшимъ моихъ силъ. Если бы не ангель хранитель былъ со мною, я бы не зналъ, не понималъ такъ ясно истины, не желалъ, не дѣлалъ такъ усердно добра, не служилъ, не молился такъ пламенно Богу; если бы не ангель хранитель былъ со мною, я бы такъ не сохранилъ себя отъ грѣха, отъ заблужденія, такъ легко не избавился бы отъ бѣды, отъ опасности, отъ всего мнѣ враждебнаго, вреднаго, безразсуднаго. Да, ангель хранитель тѣмъ именно и помогаетъ намъ, что онъ, хотя и не видимъ, но съ нами всегда, вездѣ, во всякое время, во всякомъ мѣстѣ. Какъ же онъ бываетъ съ нами, когда мы согрѣшаемъ въ чемъ? Вдали онъ тогда бываетъ. Да, не бываетъ со мною моего анге-

ла хранителя, когда я худое дѣлаю, замышляю, говорю, пою, читаю, пишу; удаляется онъ отъ меня, когда я лѣнюсь, скучаю, ропщу, досадаю, сержусь, бранюсь, лгу, обманываю, обижаю, осуждаю, завидую, поношу словомъ, — далеко отъ меня добрый ангелъ, мой хранитель, когда я не доброе, худое дѣлаю. Да, если я себя не храню отъ грѣховнаго, вреднаго, враждебнаго мнѣ, и ангелъ хранитель не сохранитъ меня; безъ моего желанія себѣ спасенія, избавленія, безъ моего о себѣ старанія, усилія, дѣйствованія, и ангелъ хранитель ничего со мною для меня не дѣлаетъ, потому что онъ удаляется тогда отъ меня. Хранятъ ангелы дѣтей невинныхъ безъ ихъ участія, такъ сказать; безъ ихъ вѣдома; и не дѣтей, всѣхъ людей невинныхъ хранятъ ангелы и тоже безъ вѣдома, безъ участія ихъ, хранить, но потому невинныхъ и хранятъ, что они такъ безгрѣшны, невинны, что по своей невинности и не вѣдаютъ и не вѣрятъ, чтобы имъ могла грозить когда бѣда какая. Что же ангелъ нашъ, насъ грѣшныхъ хранитель, что дѣлаетъ, когда мы согрѣшаемъ? Добрые знаютъ, что дѣлать; когда сами лично кому помочь не могутъ, за отдаленностію, они Богу молятся: и мой хранитель, добрый Ангелъ, удаляясь отъ меня, молится обо мнѣ, чтобы Господь меня вразумилъ, отъ грѣха удержалъ, остановилъ, чтобы я одумался, чтобы поскорѣе и раскаялся, и, если хоть чуть начну раскаяваться, онъ тотчасъ опять со мною, и я заплачу, а онъ возрадуется. И, о, какъ ангелъ хранитель нашъ радуется, когда мы плачемъ о грѣхахъ! и не онъ одинъ, за нимъ всѣ ангелы святые на небѣ радуются, когда мы раскаяваемся, когда плачемъ. Отъ того-то и такъ сладки слезы наши о грѣхахъ: слезы о грѣхахъ радостию ангельскою намъ отзываются.

Итакъ ангелы хранители хранятъ, наставляютъ насъ сво-

нимъ свѣтомъ, своимъ могуществомъ, и своею молитвою о насъ.

Что же такое эти особые хранители областей, государствъ, городовъ, селъ, монастырей, церквей и другихъ обществъ человѣческихъ, когда у всякаго человѣка есть свой ангель хранитель? То ангелы высшіе, свѣтлѣйшіе, могущественнѣйшіе нашихъ ангеловъ хранителей, и ихъ свѣтомъ люди въ общихъ дѣлахъ освѣщаются, вразумляются, ихъ могуществомъ люди при общихъ бѣдахъ охраняются, укрѣпляются.

Итакъ вотъ что такое ангелы добрые!

Слушатель Хр! Ты радуешься ли на Божіихъ ангеловъ? Радуешься ли, слушая, что вотъ есть въ мірѣ невидимомъ существа, обладающія самымъ свѣтлымъ умомъ, самою могучею силою, существа самыя добрыя, любвеобильныя, всегда готовыя, быстрыя всеѣмъ на помощь, существа самыя блаженныя, непрестанно радующіяся и отъ радости поющія непрестанно, неумолчно поющія?

Радуешься ли, что есть такія существа?

Радуемся, Господи, радуемся на Твоихъ дивно-прекрасныхъ ангеловъ, радуемся, потому что они Твои, потому что Ты ихъ такихъ создалъ, потому что о Тебѣ они такъ радуются, Тебѣ они такъ поютъ, Тебѣ Богу нашему: *Святъ Святъ, Святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоея!* Такъ съ ними и мы Тебѣ поемъ, вопіемъ. О, если бы во вѣки вѣковъ намъ съ ними такъ пѣть! Аминь.

Протоіерей Родіонъ Путятинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ИНОКА ПАВЛА (ПРУССКАГО).

XVI. Вопросъ и отвѣтъ о Единовѣрїи.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца сего 1868 года получилъ я изъ Сызрани отъ одного почтеннаго гражданина, старообрядца, исполненное великаго утѣшенія посланіе. Пишетъ онъ: «По-здравляемъ васъ о Христѣ, братъ нашъ, со вступленіемъ въ лоно святыхъ соборныхъ и апостольскихъ церкви. Мы душевно порадовались, прочтя объ этомъ вашемъ окончаніи духовнаго странствія въ церкви Христовой. Съ сердечной любовію благодаримъ васъ за то, что вы не оставили наши пять вопросовъ безъ вниманія, но благоволили на нихъ прислать отвѣты, которые во многомъ раскрыли предъ нами нашу слѣпоту и невѣдѣніе, ибо мы догматы православной вѣры отъ обрядовъ такъ умѣемъ различать, какъ слѣпецъ различіе цвѣтовъ. Но теперь благодаримъ Бога, что туманъ раскольническаго лжеученія и фанатизма противъ церкви православной предъ нашими душевнымъ зрѣніемъ понемногу развѣвается и мы, по милости Божіей, составя небольшое братство, стоимъ у вратъ церкви православной. Увѣдомляемъ васъ, батюшка, что главному нашему защитнику австрійской лжеіерархіи, І. М. М., который насъ вводилъ въ это заблужденіе, мы нанесли полное пораженіе при собесѣдованіи съ нимъ о церкви и іерархіи. Мы повели разговоръ по вашему пути,

«помѣщенному въ декабрской книжкѣ Душеполезнаго Чтенія за 1867 годъ съ Онуфріемъ и Семеномъ Семеновымъ ^(а), «не давая уклоняться въ посторонніе предметы. I. М. доведенъ былъ до того, что старообрядческое священство апостольскаго преемства не имѣеть, но что лучше этого ничего сдѣлать нельзя ^(б). Этотъ отвѣтъ насъ удовлетворить не могъ и мы рѣшились присоединиться къ православію.»

Отъ избытка сердца отвѣтствовалъ я на сіе отрадное извѣщеніе: «о, коль возрадовало меня письмо ваше и утѣшило утѣшеніемъ духовнымъ, яко вразумилъ васъ Господь «воззрѣть ко истинѣ! И до конца да наставитъ васъ на путь свой и да утвердитъ ноги ваши стояти во дворѣхъ Іерусалима, святой его церкви! Господь да научитъ кроткія путемъ своимъ!»

Въ концѣ письма ищущій соединенія съ православною церковію о Христѣ братъ нашъ, даетъ мнѣ слѣдующій вопросъ: «Мы васъ всепокорнѣйше просимъ, объясните намъ, почему вы присоединились къ единовѣрческой, а не къ господствующей церкви; ибо это намъ необходимо знать, потому что мы тоже желаемъ къ единовѣрческой, но на вопросъ, почему не къ господствующей православной, мы «объяснить правильно причинъ не можемъ».

Такой вопросъ могутъ и многіе предложить; потому я не излишнимъ почитаю помѣстить здѣсь посланный мною краткій на него отвѣтъ. «Вы изволите спрашивать, почему я «присоединился къ единовѣрцію, а не къ господствующей церкви. Отвѣтствую. Церковь едина; но различны уды, или

(а) Разумѣются напечатанныя въ той книжкѣ III и IV бесѣды инока Павла.

(б) Признаніе, замѣчательное по своей откровенности и достойное особеннаго вниманія старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійское священство.

«члены ея, по разнымъ мѣстностямъ и приходамъ, соединяемые внутренно единствомъ вѣры. Есть приходъ у Казанской, у Николы, у Ильи пророка^(в), но не различна вѣра и не различно тѣло церковное. Никольскій прихожанинъ, по своей привычкѣ, больше ходитъ къ Николѣ, изрѣдка къ Покрову, иль и вовсе не ходитъ: но съ Никольскою церковію дѣлиться не долженъ, да не будетъ распря, или разорваніе въ тѣлеси. Такъ и единовѣріе не есть особое тѣло, или особый членъ церкви, но, можно сказать, приходъ той же единой, соборной, апостольской церкви, содержащей то же единство вѣры и единеніе церкви: различіе точію въ обрядахъ, за которые не должно быть раздѣленіе тѣла церковнаго, какъ и Василій Великій пишетъ къ Неокесарійцамъ: хотящимъ ратоватися за обряды церкви (говоритъ онъ), стыдъ есть о семъ ратоватися и раздѣлятися. Посему желающіе присоединитися къ церкви и соблюсти обряды, употреблявшіеся въ Россіи при Іосифѣ патріархѣ, должны знать, что они не съ той единой частію тѣла церковнаго (единовѣріемъ) сочленяются, но чрезъ оную со всею вселенскою церковію, и должны печися о славѣ и пользѣ не единой токмо части, но всея церкви, защищать ея вѣрованіе и самые обряды, кромѣ нѣкоторыхъ опущеній, которыя касаются не всей, но отдѣльныхъ лицъ. Единовѣрія обрядъ для старообрядцевъ нуженъ: онъ много покоитъ ихъ обыкновеніе и чрезъ то единитъ съ церковію».

XVIII. Отвѣтъ Федосѣевцу о вредныхъ послѣдствіяхъ для всѣхъ обязательнаго безбрачія.

Федосѣевецъ, призрѣнецъ богадѣльни преображенскаго кладбища, Макаръ Иванычъ Стукачевъ, въ отвѣди своей помѣ-

(в) Именуются приходы, существующіе въ Сызрани.

ненной въ «московскихъ вѣдомостяхъ» (№ 208, 6-го октября, 1866.) жалуется, что до сихъ поръ не было объ нихъ еедосѣвцахъ безпристрастныхъ писателей, и будто все сказанное носить характеръ односторонности. Въ особенности жалуется на инока Павла, яко бы подозрѣвавшего ихъ въ дѣтубійствѣ, и говорить, что ученія на подобныя преступленія онъ М. И. Стукачевъ никогда не слыхивалъ отъ отцевъ своихъ.

Напрасно почтенный Феодосѣевецъ думаетъ, что инокъ Павелъ принялъ на себя незавидный трудъ раскрывать тайны чужой жизни. Въ это онъ не входилъ и входитъ никогда не будетъ. Но инокъ Павелъ трудится надъ однимъ лишь разъясненіемъ всѣхъ вредныхъ послѣдствій, могущихъ послѣдовать отъ запрещенія брачной жизни; онъ разъясняетъ, заимствуя свои доказательства отъ святаго писанія, а именно: отъ перваго посланія къ Коринѣомъ святаго апостола Павла (зачало 136), который законополагаетъ, мужу во избѣжаніе блуда свою жену имѣти, а женѣ своего мужа.

Еще же и отъ святаго Іоанна Златоуста, отъ толкованія на первое посланіе къ Солуняномъ святаго апостола Павла, во нравоученіи пятомъ, гдѣ наказуетъ святой Златоустъ весьма тщательно исторгать корень (то-есть причину) злыхъ, блуда и прелюбодѣянія, и поучаетъ родителей, чтобы юныхъ скоро приводить подъ иго брака.

И еще той же святой Златоустъ, въ толкованіи на посланіе святаго апостола Павла къ Римлянномъ въ нравоученіи 24 пишетъ: яко отъ блуда убійство бываетъ, и убійство не изрицаемое; убиваемы бывають дѣти, прежде изшествія на свѣтъ. И отъ кого убиваются? отъ своихъ матерей!

Вотъ изъ сихъ-то и подобныхъ сему многихъ нравоученій, обрѣтающихся въ богодохновенномъ писаніи, инокъ Павелъ извлекая смыслъ, совѣтуетъ, во избѣжаніе блуда и за нимъ

слѣдующаго убійства, юнымъ, обращающимся среди міра, для сохраненія чести, каждому свою жену имѣть, яко сосудъ соблюдающій чистоту и святость, и сохраняющій благую нравственность. Спрашивается: касаются ли такіе совѣты до раскрытія чьей либо жизни? и порочать ли они какое либо общество въ дѣтубійствѣ?

Однако нельзя не имѣть и сомнѣнія о тѣхъ обществахъ, у которыхъ за бракъ положено наказаніе и отлученіе отъ общенія въ молитвѣ и пищѣ каждому женившемуся даже до смерти, если не оставитъ жену и дѣтей; если разорветъ семейный союзъ навсегда, то признается чистымъ и достойнымъ общественнаго сообщенія: а безъ расторгенія брака не принимается въ церковь и не признается спасающимся. Трудно не подумать, чтобы нѣкоторые, взирая на такую борьбу противу неумолимыхъ законовъ естества, не убоились толь жестокаго наказанія отъ своей церкви за бракъ и не поступили бы въ чинъ не произвольныхъ, но насилуемыхъ дѣвственниковъ. И когда кто, живя и обращаясь въ средѣ искусительной мірской жизни, убѣгаетъ супружества, не за любовь къ дѣвству, устранившемуся міра, а только за страхъ отлученія: то на всякій здравый разсудокъ приходитъ невольное сомнѣніе о чистотѣ и безпорочности толь великаго общества невольныхъ мірскихъ дѣвственниковъ. Въ церкви Христовой постоянно были наблюдаемы мѣры, положенныя предусмотрительно святыми, чтобы соблюсти чистоту церкви въ благой нерастлѣнной нравственности, и въ сохраненіи до брака и по бракѣ юношескаго цѣломудрія. А въ несоблюденіи сей предусмотрительности о чистотѣ не удивительно случиться чему-нибудь и еще хуже нецѣломудрія.

На это еедосѣвецъ говоритъ, что худое случается не въ одномъ нашемъ обществѣ, но и во всѣхъ обществахъ. Точно можетъ случиться во всѣхъ обществахъ всякаго рода престу-

пленіе, но оно случается единственно только отъ рѣшимости на то преступника, безъ побудительныхъ на то причинъ отъ своего ему общества: потому общество, къ которому принадлежитъ преступникъ и невиновато, а виноватъ только одинъ преступившій при всей возможности обойтись безъ преступленія.

По сказанію святаго Іоанна Златоустаго (на посланіе святаго апостола Павла къ евреемъ въ бесѣдѣ 30), «Бракъ соблюдаетъ святыню вѣры, не оставляя блудницѣ внимати». И потому общества, имѣющія бракъ, какъ оплотъ ограждающій чистоту и непорочность, не бывають виновны за лицо блудо-дѣющее, или за дѣтоубійство случившееся отъ блуда.

Общества же не имѣющія участія въ дозволеніи брака, но напротивъ за вступленіе въ бракъ даже до смерти безъ пощады казнящія, тѣ общества осуждаются, какъ участвующія въ преступленіи, ибо отвергли предохранительную ограду отъ блуда и дѣтоубійства. И какъ могутъ оправдываться таковыя общества отъ преступленій блудныхъ и отъ убійствъ, блуду послѣдующихъ!

Поэтому-то Павелъ инокъ и совѣтуетъ вашему обществу, чтобы оно для избѣжанія побудительныхъ причинъ къ могущимъ послѣдовать беззаконнымъ преступленіямъ приняло участіе во ученіи брачномъ. Вотъ совѣтъ Павловъ, а не обличеніе дѣлъ вашего общества. Онъ вѣдаетъ, что еедосѣвцы не такіе люди, чтобы у нихъ было ученіе о дѣтоубійствѣ; они имѣють ревность Божию, но только ревнують не по разуму. Не разумѣють Богомъ уставленныхъ законовъ естества, и ищуще составить свою волю, закону естества положенному Богомъ сопротивляются. «Естество Божія закона», говоритъ святой Златоустъ (на первое посланіе къ Корин. бесѣда 26).

Но еще мнѣ желательно спросить васъ о стремленіи къ общенію съ единовѣрными, столь свойственномъ каждому по-

слѣдователю каждой религіи: есть ли въ вашемъ обществѣ у оженившихся и отлученныхъ стремленіе къ сообщенію въ молитвѣ и пищѣ сообществомъ? и со стороны общества положено ли закономъ принимать на извѣщеніе совѣсти женившагося, что онъ при обществѣ спасается?— скажите чистосердечно.

Если нѣтъ оправданія и принятія на извѣщеніе совѣсти женившагося, что онъ спасается, то несомнѣнно, что онъ будетъ дѣвствовать по насилію, противъ своей воли.

ХІХ. Разговоръ о сложеніи перстовъ и окрестномъ знаменіи по поводу прежде бывшихъ о троесперстіи бесѣдъ.

Нѣкто старобрядецъ поморскаго согласія, пришедши посѣтить меня, далъ мнѣ такой вопросъ: почему вы, молясь сами двуперстно, оправдываете троесперстіе? — Я сказалъ ему: у насъ имѣется на этотъ вопросъ скорый и готовый отвѣтъ: потому, что во святую Троицу вѣруемъ и образованіе святыхъ Троицы тремя великими перстами, по преданію св. церкви, не можемъ не оправдывать. А вы поступаете не такъ, — вы Троицу святую равночестною признаете, а образованіе Троицы (елико возможно) тремя равными перстами отмечаете, чего святѣйшіе московскіе патріархи, до Никона жившіе, на которыхъ вы желаете утверждаться, отнюдь не дѣлали и другимъ не заповѣдали дѣлать, какъ доказалъ я въ той бесѣдѣ моей, по поводу которой вы меня истязуете.— Онъ замѣтилъ: все же въ троесперстіи употребляются не тѣ персты, которыми патріархи предали намъ образовать святую Троицу. Я сказалъ ему: вы говорите: *не тѣ персты*; значить споръ вашъ, или и отдѣленіе отъ церкви, не за самое образованіе святыхъ Троицы тремя перстами, а собственно изъ-за

перстовъ, — которыми перстами слѣдуетъ образовать святую Троицу? Онъ отвѣтилъ: да, по дѣлу выходитъ такъ: различіе состоитъ не въ томъ, что одни образуютъ перстами св. Троицу, а другіе бѣдто бы не образуютъ, но въ томъ, какими тѣ и другіе перстами образуютъ святую Троицу; споръ о перстахъ, — это правда.

Тогда я началъ его спрашивать: персты несложенные образуютъ ли что таинственное?— Онъ отвѣчалъ: нѣтъ.— Значить, продолжалъ я, персты не сущностію своею служатъ къ образованію святаго Троицы, но *сложеніемъ трехъ во едино* таинство святаго Троицы образуютъ. А сами по себѣ персты, служащіе къ изображенію сего таинства, тоже, что, напри- мѣръ, краски для написанія святыхъ иконъ, металлъ, или иное вещество, изъ котораго художникъ, что хочетъ, то и изображаетъ, — можетъ и святое и не святое сдѣлать изображеніе. Вотъ, на рукѣ пять перстовъ: соединимъ три изъ нихъ, большой и два малые; сіе соединеніе будетъ имѣть доброе знаменованіе, — ты самъ несомнѣнно пріемлешь его за во- ображеніе святаго Троицы; приложимъ къ нимъ еще одинъ перстъ, четвертый, это соединеніе уже будетъ имѣть не доброе знаменованіе, святую Троицу образовать отнюдь не можетъ.

Собесѣдникъ мой согласился, что персты безъ сложенія сами по себѣ, таинственнаго знаменованія не имѣютъ, а только, чрезъ соединеніе, *служатъ* къ образованію св. Троицы, подобно какъ вапы, или металлъ служатъ художнику для начертанія священныхъ изображеній.

Послѣ этого я спросилъ: скажите мнѣ, которые изъ пяти перстовъ на рукѣ чисты, и которые не чисты? Онъ, улыбувшись легонько, отвѣтилъ: у христіанина всѣ персты чисты, ибо всѣ омыты въ купели крещенія. — Если такъ, говорю, — если у насъ — христіанъ всѣ персты чисты, и если са-

ми по себѣ, безъ сложенія, всѣ они одинаково образовать святую Троицу не могутъ, а только служатъ къ сему образованію чрезъ соединеніе, подобно какъ вапы, или металлъ художнику: то почему же вы силу и значеніе для образованія святаго Троицы усвоете исключительно этимъ тремъ перстамъ — большому и двумъ послѣднимъ, только ихъ почитаете достойными на соединеніе для образованія святаго Троицы, а соединеніемъ трехъ великихъ перстовъ образовать Троицу считаете столь повреднымъ, что ради сего перстосложенія лишаете себя и церкви, и священства и таинствъ, безъ нихъ же нѣсть надежды животъ вѣчный наследовать? Изображенія св. Троицы на иконахъ, изъ серебра, золота, или иныхъ веществъ устроенныя, одинаково приемяются и почитаются, лишь бы только по подобію, правильно, изображены были; различность металла, или красокъ священное изображение подобающей ему чести не лишаетъ, и кто бы сталъ по металламъ, или вапамъ раздѣлять и святую, тотъ подлежалъ бы справедливому подозрѣнію въ неправоумствіи. Такъ надлежитъ разумѣвать и о служащихъ къ образованію святаго Троицы перстахъ десныя руки, которые самъ ты призналъ подобными вапамъ и металламъ, служащимъ художнику на изображеніе священныхъ предметовъ. Вы же не такъ поступаете, — вы по различію перстовъ, слагаемыхъ на образованіе святаго Троицы, судите о силѣ и достоинствѣ самого образованія, чѣмъ и даете поводъ подозрѣвать васъ въ неправоумствіи; вы въ сложеніи трехъ великихъ перстовъ образованія святаго Троицы, признать не хотите, и даже (страшно сказать!) именуете оное печатію антихриста. Печать антихриста! Да развѣ антихристъ будетъ проповѣдывать св. Троицу? Развѣ образованіе св. Троицы сложеніемъ трехъ перстовъ можетъ быть дѣломъ, или печатію антихриста? Откуда вы взяли это? Какъ ввели себя въ такую тяжкую по-

грѣшность? Вникните въ словеса Христа Спасителя и научитесь. Онъ рекъ іудеомъ: *азъ придохъ во имя Отца Моего, и не приемлете Мене: аще инъ придетъ во имя свое, того приемлете* (Іоан. зач. 17). Сія слова Христа Спасителя святой Златоустъ и Теофилактъ толкуютъ такъ: азъ придохъ о имени Отца Моего, т. -е. всегда Отца проповѣдалъ и отъ Него посланнымъ себя глаголалъ; онъ же, т. -е. антихристъ, егда придетъ, себя единого проповѣстъ. Видите, по словамъ Христа Спасителя и святыхъ Его, антихристъ себя единого проповѣдывать будетъ, а не Троицу. Если же такъ, то и проповѣдующихъ святую Троицу будетъ гнать, какъ лютый мучитель, — *будетъ* преслѣдовать и тремя персты во образъ святаго Троицы себя крестообразно ограждающихъ на разореніе козней его, якоже свидѣтельствуеть о семъ св. Ефремъ въ словѣ 105 о антихристѣ. Какъ же вы не боитесь и не стыдитесь сложеніе трехъ великихъ перстовъ во имя святаго Троицы именовать печатію антихриста! — Собесѣдникъ мой сказалъ: такъ хулить оное не слѣдуетъ. — Этого мало, говорю я, не только не слѣдуетъ, но и благоговѣть предъ нимъ надлежитъ...

Отъ сего предмета мой собесѣдникъ успѣшилъ уклониться, — завелъ рѣчь о другомъ, желая поставить меня самого въ затрудненіе. Онъ сказалъ: кромѣ вашихъ, единовѣрческихъ церквей, во всѣхъ почти церквахъ православныхъ, даже и въ соборныхъ, молящіяся и само духовенство неистово воображаютъ на себѣ крестное знаменіе, крестятся ни на что не похоже, и тѣмъ наводятъ на осужденіе. — Я спросилъ: а какъ по вашему слѣдуетъ истово на себѣ воображать крестное знаменіе? — Онъ отвѣчалъ: вы сами знаете, какъ слѣдуетъ истово креститься. — Знаю, — отвѣтилъ я, но хочу и отъ васъ слышать о семъ положительный отвѣтъ. — Поморець сказалъ: нужно полагать руку на чело,

потомъ на животъ, потомъ *вознести* на правое и на лѣвое плечо. — Я спросилъ: а если кто, сложивъ персты на чело и на животъ, затѣмъ, въ образъ поперечнаго древа, положить ихъ не на плечахъ, а на груди, по обѣ страны: что, по вашему, истово изобразить онъ крестное знаменіе, или неистово?—Онъ, ни мало не колеблясь, отвѣчалъ: неистово.—Почему же?—спрашиваю. — Потому, говорить, что не донесъ руки до праваго и лѣваго плеча.—Итакъ, спрашиваю я, по твоему понятію для истиннаго воображенія креста необходимо возвести руку на чело, потомъ низвести на животъ и наконецъ возложить поверхъ праваго и лѣваго плеча, и кромѣ того всякое воображеніе креста на себѣ не есть истинное, или истовое?—Онъ подтвердилъ: такъ точно. Тогда я сказалъ ему: что именно такъ, какъ ты говоришь, слѣдуетъ изображать на себѣ крестное знаменіе, этого я отнюдь не отвергаю, и такое воображеніе, согласное церковному наставленію, изложенному въ предисловіи псалтыря, не только не почитаю излишнимъ, но признаю весьма нужнымъ, особенно же для священнослужителей, ибо они собою должны другимъ подавать примѣръ соблюденія повелѣній церковныхъ, и вамъ, старообрядцамъ, на священныя лица обращающимъ особенное вниманіе, не давать чрезъ сіе повода къ соблазну, не преграждать путь къ соединенію церковному. Однако же и съ тобою никакъ не могу согласиться, что, если кто изображая на себѣ крестное знаменіе на указанная тобою мѣста не вознесетъ руку, а только на груди крестообразно со вниманіемъ себя назнаменаетъ, тотъ уже будтобы не истинно и неистово изобразилъ на себѣ знаменіе креста, и такое знаменованіе, какъ ты выразилъ, ни на что будтобы не похоже. —На эти слова собесѣдникъ мой съ горячію возразилъ, требуя отъ меня доказательствъ. Я сказалъ ему: честнаго креста, со благоговѣніемъ воображаемаго, и великаго,

какъ ты описалъ, и малаго, о которомъ я говорю, едина есть сила и святыня; о семъ свидѣтельствуеть св. Іоаннь Златоустъ: «аще кто, пишетъ онъ, на чель крестъ вообразить (очевидно, святой отецъ разумѣеть здѣсь крестъ меньшаго вида), не могутъ близь того стати нечистые духи. Егда бо «печатлѣшися, исполни чело многого дерзновенія, свободну «сотвори душу. (Далѣе) ниже бо просто перстомъ начертати его подобаеть, но первѣе произволеніемъ, со многою вѣрою; и аще сиче вообразиши его зрѣнію, никтоже близь «тебе стати можетъ отъ нечистыхъ духовъ.» (Бесѣда на Ев. отъ Матѳея, нравоученіе 54). Подобно тому и преподобный Ефремъ Сиринъ, въ словѣ 102, въ похвалѣ кресту, повелѣваетъ креста животворящаго знаменіе по всеѣмъ уdomъ нашимъ полагати, на чель, на персяхъ и на устѣхъ: сего бо видяще (рече), противныя силы, потаившеса, отбѣгутъ. Зри, что св. Ефремъ пишетъ: на перстѣхъ воображаема креста зряще противныя силы побѣгутъ! Ты же, на персяхъ съ вѣрою воображаемый крестъ истиннымъ знаменіемъ креста Христова признать не хочешь; въ противность ученію святыхъ отецъ крестоборствуешь; сіе воображеніе, отъ котораго бѣси убѣгаютъ, именуешь неистовымъ и ни на что не похожимъ, а точію по плечамъ воображаемый крестъ приѣмлешь, отъ мѣры и мѣста святыню ему приписуешь! Только о тѣхъ можно сказать, что худо крестятся не истово, или и ни на что не похоже, которые движеніемъ руки не изображаютъ на себѣ никакого подобія креста, а дѣлають только какія-то поперечныя или иныя полосы на груди у себя: столь небрежное, или неподобное изображеніе крестнаго знаменія есть уже видимый знакъ неуваженія къ сему великому и священному знаменію, хотя внутреннее расположеніе молящагося, горячность любви его къ распятому за насъ Спасителю видитъ и судитъ только одинъ Богъ. Ты же кто еси, судий чуждему рабу!

XX. О непремѣняемости благодати Божіей.

Припомню еще нѣчто изъ той бесѣды моей съ Семеномъ Семеновичемъ, о которой не разъ уже говорилъ я ^(г). Въ защиту бѣлокриницкаго нововозникшаго священства Семень Семеновичъ приводилъ между прочимъ, какъ извѣстно уже читателю, примѣръ измѣненія на нѣкоторое время ветхозавѣтнаго жертвеннаго огня въ водную стихію, въ каковомъ дѣйствіи видѣлъ прообразовательное указаніе на возможность подобнаго же временнаго сокрытія благодати Божіей, или премѣненія на несвятость и безсиліе къ тайнодѣйствію. Когда же противъ такого лжемудрованія были представлены ему возраженія, то онъ, дабы защитить себя, сослался на книгу святаго Амвросія Медиоланскаго, говоря, что св. Амвросій сошествіе съ небесъ ветхозавѣтной жертвы огня приводитъ во образъ и предзнаменованіе сошествію св. Духа на Апостолы въ день пятидесятный. На это я замѣтилъ ему: «св. Амвросій дѣйствительно приводитъ снесеніе жертвеннаго огня съ небесъ въ образъ сошествія святаго Духа въ день пятидесятницы; но измѣненія того огня въ воду онъ поставляетъ во образъ измѣненія благодати Св. Духа на несвятость, или безсиліе къ тайнодѣйствію: это вы, Семень Семенычъ, уже сами отъ себя, безъ свидѣтельства святыхъ отцевъ, утверждаете». Онъ сказалъ: «ежели снесеніе ветхозавѣтнаго огня было образомъ сошествія благодатнаго огня, то и измѣненіе онаго въ водную стихію непремѣнно должно принять за образъ и предзнаменованіе подобнаго же измѣненія и благодатнаго огня, сирѣчь даровъ св. Духа». Я отвѣчалъ: «всѣхъ частныхъ принадлежностей ветхозавѣтной сѣни въ уподобленіе благодатной истинѣ приво-

(г). См. бесѣду IV и XI.

дять не должно: сѣнь была немощна и недостаточна къ полному образованію истины и немощи оной въ подобіе истины не пріемлются. Напримѣръ: пасхальнаго агнца закланіе, проліаніе крови и смерть пріемлются въ образъ смерти Искупителя; но агнецъ немощенъ былъ изобразить оба во Христѣ таинства—смерть и воскресеніе, что и церковь подтверждаетъ поющи: *Спасе мой, живо, а не жертвенное заколеніе*. О семъ и святой Златоустъ глаголетъ: въ сѣновописуемыхъ бываемое во овѣхъ убо есть нѣчто подобное, есть же и неподобное.» (На посл. къ Евр. бес. 12). Такжеже и Григорій Богословъ, въ словѣ 2-мъ на пасху, не вся сѣновная иносказовати повелѣваетъ. А въ соборникѣ, въ толкованіи на сіи слова святаго Григорія: она пріимати точію, елика пріемлются. Снесеніе съ небесъ огня сѣновнаго пріемлется учителями церковными во образъ сошествія св. Духа въ день пятидесятный; а измѣненіе того огня въ водную стихію не только не пріемлется во образъ оскуднѣнія хиротоніи въ церкви Христовой, или измѣненія благодати св. Духа на не святость, но и напротивъ самимъ Христомъ Господомъ, святыми Его апостолами и учителями вселенскими утверждается неизмѣнное и непрестающее святаго Духа съ церковію пребываніе. Самъ Господь Ісусъ обѣща Духу святому быти съ нами во вѣкъ (Ев. отъ Іоан. зач. 48): Въ бесѣдахъ на сіи слова Господни св. Златоустъ (на Ев. отъ Іоан. бес. 75) и св. Θεофилактъ Болгарскій (Благовѣстникъ, л. 234) сказуютъ: Духъ святой не отъидеть отъ насъ, но въ вѣкъ будетъ съ нами. Итакъ, утверждая, что измѣненіе жертвеннаго огня въ воду было прообразомъ измѣненія новозавѣтной благодати на безсиліе и не святость, вы учите противно евангельскому и всея церкви ученію, проповѣдуете какое-то новое духоборство и хуленіе на Духа святаго».

Тогда Семень Семенычь обнаружилъ какую-то двоякую сѣнность и колебаніе въ мысляхъ. Признать, что въ церкви грекороссійской преподается благодать святаго Духа въ хиротоніи, онъ боялся, дабы не дать повода своимъ (поповцамъ) отъ ихъ безблагодатной іерархіи тещи къ имущей благодать и дабы не войти въ противорѣчіе съ общимъ у старообрядцевъ мнѣніемъ, якобы церковь грекороссійская измѣнила православію и за сіе лишилась благодати, что и было причиною отдѣленія отъ оной старообрядцевъ, каковое мнѣніе подтвердилъ предъ тѣмъ и самъ онъ ^(а); съ другой стороны и сказать прямо, что присутствія благодати въ церкви грекороссійской не признаетъ, также опасался, ибо зналъ, что тогда не чѣмъ будетъ доказать присутствіе благодати; ибо это послѣднее отъ апостолъ влекущагося преимущества въ преподаваніи хиротоніи не имѣетъ и

(а) Прежде были вычитаны правила Василия Великаго о раздорникахъ, отдѣлившихся отъ церкви,—что они лишаются благодати Божіей,—и Семень Семенычь, бывъ спрошенъ, подлежитъ ли симъ правиламъ церковь грекороссійская, отвѣчалъ утвердительно: подлежитъ. Вотъ правила, которыя были тогда вычитаны: Василия великаго 1. (въ книгѣ Никона черныя горы, слово 63, на листу 362 об.): «Чистіи и тии отъ раздорныхъ суть (ниже), а иже отъ церкви отсовокуплены, не ктому имѣша благодать Духа святаго въ себѣ, оскудѣ бо, внегда пресѣщатися послѣдованію. (Ниже) Ни руку возлагати имѣша область, ктому бо не могуще благодати святаго Духа имѣмъ подати, отъ неяже и тии отпадоша». Матѣій правилникъ (въ составѣ 1, главы 2) тоже правило Василия Великаго сице сказуетъ: «смотряху бо, сице рекше, слагаху, аще и не о вѣрѣ (раскольницы) погрѣшаютъ, но понеже убо глава тѣлесе церковнаго Христова, по божественному апостолу, отъ негоже уди вси живятся, и духовный возрастъ приемяютъ, сіи же отъ составовъ удовъ тѣлесныхъ отторгошася, не ктому пребывающую въ нихъ имуть благодать святаго Духа, еже бо не имуть сами, како имѣмъ преподадутъ?» Также подтверждаетъ и св. Златоустъ (въ бесѣдахъ на посланіе къ Ефесеомъ въ правоученіи 11), яко въ раздорницѣхъ рукоположенія исчезаютъ.

въ своемъ австрійскомъ священствѣ. Примѣръ ветхозавѣтнаго сѣноваго огня оказался недостаточнымъ средствомъ выйти изъ сего затрудненія и, дабы не подвергнуться снова подозрѣнію въ духоборствѣ, онъ уже не рѣшался на него указывать. Наконецъ, понуждаемый къ отвѣту, высказалъ такую мысль, что хотя въ церкви грекороссійской не преподается въ хиротоніи благодать святаго Духа, но бываетъ и не въ конецъ праздное руковозложеніе, не нагая, безъ преподаванія силы, совершается молитва, а что-то есть преподающееся. Мы пытали отъ него: что же такое это нѣчто преподающееся, въ хиротоніи церкви грекороссійской, когда по его же словамъ, благодать на совершеніе таинъ въ сей хиротоніи не подается? Семень Семенычъ видимо затруднился отвѣтомъ и въ разныхъ словахъ выражалъ все ту же мысль о измѣненіи благодати на несвятость по примѣру измѣненія огня ветхозавѣтнаго. Тогда я спросилъ Семена Семеныча: «эта вами проповѣданная въ грекороссійской хиротоніи какая-то, немощная къ совершенію таинъ и непонятная для насъ сила, которая, къ вамъ пришедши, является, по вашему, уже не немощною, а дѣйствующею тайны, что она, во всѣхъ ли тайнахъ грекороссійской церкви преподается, какъ-то въ крещеніи, въ муропомазаніи, или въ одной токмо хиротоніи»? Семень Семенычъ отвѣтилъ (и не могъ иначе отвѣтить): «во всѣхъ, и въ крещеніи и въ муропомазаніи». Тогда я замѣтилъ: «почему же у васъ въ принятіи Амвросія (и прежде въ принятіи бѣглыхъ поповъ), по отреченіи отъ ереси и по общаніи держаться вашего ученія, не воспламенилась сама собою сила и этихъ таинствъ, преподаваемыхъ въ грекороссійской церкви, какъ воспламенилась благодатная сила хиротоніи, а нужно было ихъ навершеніе и даже повтореніе, напримѣръ, муропомазаніе? Правила соборовъ (вто-

раго вселенскаго 7-е, помѣстнаго Лаодикійскаго 7-е, шестаго вселенскаго 95-е), повелѣвшія раскольниковъ, приходившихъ къ церкви, помазывать муромъ, до конца исторгають вашу мысль, будто въ раскольническихъ тайнодѣйствіяхъ подается какая-то не дѣйствительная сила, сама собою возникающая къ дѣйствию при переходѣ раскольника въ православіе, или церковь истинную. Да и вы сами, дѣйствиємъ вашего чинопріема, тоже самое подтверждаете ясно: тѣ тайны, на совершеніе которыхъ вы имѣете у себя уполномоченныя лица, вы или завершаете (какъ крещеніе), или и повторяете (какъ муропомазаніе) надъ приходящими къ вамъ, и тѣмъ даете знать, что въ сихъ тайнахъ не признаете силы, которая сама собою воспламенялась бы въ приходящемъ отъ ереси, но считаете необходимымъ, чтобы благодать сихъ таинъ была преподана имъ отъ уполномоченнаго на то лица. Точно такъ же и тайна хиротоніи, дабы получила подобающую силу благодати, гребуетъ завершенія отъ поставленнаго на сіе лица, или смотрительно по какой либо-благословной винѣ (какъ крещеніе) ^(е), или и повторительно (какъ муропомазаніе). У васъ же кто завершилъ хиротонію митрополита Амвросія? И если никто не завершилъ, то могутъ ли имѣть силу и его хиротонія и отъ него полученныя?

(е) Смотрительно дѣйствуется на основаніи правильнаго отвѣта Тимофея Александрійскаго. Вопросъ: почто обращающіеся еретики къ соборной церкви не покрещаемъ? Отвѣтъ: аще бы се было, не бы ся человекъ скоро обратилъ отъ ереси, покрещенія стыдися: обаче и возложеніемъ руку пресвитерску и молитвою вѣсть приходити Духъ святой, якоже свидѣлствуютъ дѣянія Апостоль.

ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТЪ НАМЪ ВСЕГДА РАДОВАТЬСЯ,

ПО ЗАПОВѢДИ АПОСТОЛЬСКОЙ:

РАДУЙТЕСЯ ВСЕГДА О ГОСПОДѢ, И ПАКИ РЕКУ: РАДУЙТЕСЯ? (ФИЛИП. 4, 4.)

Счастливы были бы мы, если бы радость о Господѣ, къ которой такъ настоятельно призываетъ насъ св. апостоль и которой мы сами такъ усердно просимъ у *Царя небснаго, Утѣшителя Духа истины, Имже всякая душа живится и свѣтлѣется*, всегда свѣтилась внутрь насъ свѣтомъ тихимъ, невечернимъ, отражая животворный свѣтъ свой и во внѣ насъ, — на лицѣ, во взорѣ, въ голосѣ, въ словахъ, въ дѣлахъ и во всемъ поведеніи! Какъ свѣтъ восходящаго солнца освѣщаетъ вселенную и все живущее въ ней: такъ свѣтъ, исходящій изъ *сердца горящаго радостію о Господѣ* (Лук. 1, 47; 24, 32), освѣщая все существо души и всякую силу, въ ней дѣйствующую, озарялъ бы и всѣ наши пути, всѣ наши входы и исходы (Псал. 88, 16—17). Свѣтлы были бы тогда наши мысли, благостны чувства, святы хотѣнія, сладостенъ трудъ, легка и пріятна работа для Господа (Римл. 12, 11). Какъ пламень огненный (Псал. 103, 4), горѣли бы тогда наши сердца любовію ко Господу. Какъ ангелу Божию (Евр. 12, 2). или, лучше сказать, какъ самому Христу, мы радовались бы тогда всякому брату, требующему нашей помощи (Мате. 25, 40), — и дать хлѣбъ алчущему, напоить жаждущаго, одѣть нагаго, призрѣть убогаго и лищаго, больному послужить, скорбящаго утѣшить, заблуждающаго вразумить, погибающаго спасти и всѣмъ быть вся — было бы для насъ однимъ изъ величайшихъ наслажденій. Привѣтливость, кротость, смиреніе, благодушіе, терпѣливость, свисходительность, свойственныя сердцамъ, умягченнымъ *елеемъ радости* (Евр. 2, 9), приобрѣтали бы намъ общее

расположеніе людей и благодать у Господа (Ис. 66, 2). Счастливы были бы, повторяю, мы, счастливы были бы и всё, кому не все равно, спокойны мы или разстроены, веселы или угрюмы, — ежели бы всегда находились мы въ добромъ, спокойномъ и, по возможности, въ радостномъ расположеніи духа.

Что же однако могло бы препятствовать намъ всегда имѣть духъ бодрый, мирный, радостный? Невзгоды ли жизни, исполненной бѣдъ и напастей? Грѣховное-ль бремя, какъ камень тяжелый, гнетущее совѣсть? Заботы-ль житейскія? Страсти-ль плотскія? Козни ли вражій? Или безпечность и праздность, съ какою кружимся мы въ вихрѣ мірской суеты, безъ мысли, безъ цѣли, безъ дѣлъ плодотворныхъ?

Правда, и крѣпкій корабль не всегда выдерживаетъ напоры бурныхъ волнъ; и мужественный пловецъ нерѣдко падаетъ духомъ послѣ тиетной борьбы съ взволновавшимся моремъ: такъ въ жизни, какъ въ морѣ, колеблется и крѣпкій духъ, когда постигнетъ его буря житейскихъ невзгодъ и напастей; смущается и сильная душа, когда разверзется предъ нею бездна золь и устремятся противъ нея со всѣхъ сторонъ волны скорбей и бѣдствій (Псал. 68, 2—3). Кто напимѣръ изъ древнихъ былъ крѣпче Іова, сильнѣе Іакова, доблественнѣе Моисея, мужественнѣе Давида? Но бывали минуты, когда и эти великіе духомъ, сильные вѣроу, несокрушимые въ тяжкой борьбѣ съ скорбями жизни мужи Божіи, уступая общей человѣческому естеству немощи, ослабѣвали духомъ и смущались. *«Пошибни день, въ который я родился»*, воззвалъ изъ глубины стѣсненной скорбію души Іовъ (Іов. 3, 1—30; 30, 18), когда друзья его, пришедшіе къ нему для посѣщенія и утѣшенія его, семь дней и семь ночей, въ безмолвномъ ужасѣ, смотрѣли на его страданія, не зная, чѣмъ и какъ начать свои къ нему утѣшительныя рѣчи. Раздралъ одежды на себѣ, облекся вретичемъ и неутѣшно многіе дни плакалъ о сынѣ любви и надеждъ своихъ Іаковъ, когда дошла до него горестная вѣсть, что Іосифа его не стало, и не было, повидимому, сомнѣнія, что ужъ не увидитъ его болѣе въ живыхъ Іаковъ (Быт. 37, 33—35). *Господи! Зачѣмъ Ты возложилъ на меня бремя всего этого народа*, вопіялъ къ Богу Моисей,

когда народъ Израильскій весь взволновался и малодушно под-
 нялъ плачь, что *изсохла душа его, смотря все на ман-
 ну, да на манну, и не имѣя больше ничего, что ѣсть.*
Откуда мнѣ, Господи, взять мясо, чтобы дать всему
народу? Тяжелъ для меня этотъ народъ: ужь лучше
умертви меня, чтобы мнѣ не видѣть моего бѣдствія
 (Числ. 11, 11—15)! И благодушно претерпѣвшій многолѣт-
 нія гоненія со стороны Саула кроткій царь Израилевъ Давидъ,
 въ какое пришесть смущеніе, какія горькія проливалъ слезы и
 рыданія, когда мятежный, но тѣмъ болѣе жалкій, сынъ его
 Авессаломъ погибъ, въ сраженіи противъ отца, отъ руки
 вѣрнаго, но мстительнаго Іоава! *Сыне мой Авессаломе! Сы-
 не мой, сыне мой, Авессаломе! О, если бы я умеръ*
вмѣсто тебя, — закрывъ лице руками и рыдая, вопіялъ
 отецъ несчастный (2 Цар. 18, 33). Самъ Спаситель, когда
 шелъ на крестныя страданія, не скорбѣлъ ли, не тужилъ ли,
 говоря: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Матѣ. 26,
 38)? Но утѣшимся.... Смятется, содрогнется, вострепещетъ,
 даже восплачетъ и возрыдаетъ (Псал. 24, 5—23), но не впа-
 деть въ уныніе праведникъ, какія бы ни поразили его несчас-
 тія (Псал. 33, 20). Силою вѣры, его одушевляющей, онъ ско-
 ро возмощаетъ отъ всякой немощи (Евр. 11, 34,) скоро обо-
 дряется во всякой скорби (Псал. 17, 5—7; 4, 2), и отъ ви-
 димаго отводя мысленный свой взоръ къ невидимому, отъ
 временнаго къ вѣчному (2 Кор. 4, 17—18), не только бла-
 годушествуетъ въ скорбяхъ, но еще хвалится ими, благодаря
 и славословя Бога (Рим. 5, 3—5). *Не точію же, но и*
хвалимся въ скорбѣхъ, свидѣтельствуютъ о себѣ Апостолы,
видяще, яко скорбь рождаетъ терпѣніе, терпѣніе же
искусство, искусство же упованіе, упованіе же не по-
рамитъ. Якоже избыточествуютъ страданія Христо-
ва въ насъ: тако Христомъ избыточествуетъ и утѣ-
шеніе наше (2 Кор. 1, 5). И одни ли Апостолы примѣромъ
 своимъ доказываютъ, какъ въ самыхъ страданіяхъ, подъ са-
 мыми, такъ сказать, ударами бѣдъ можно не только быть
 благодушну, но и радоваться о Господѣ, по вѣрѣ и любви къ
 Нему, съ помощію Его, изъ благодарности въ Нему? Не тоже

ли показываютъ примѣры и святыхъ мучениковъ Христовыхъ и вообще примѣры святыхъ Божіихъ какъ новаго, такъ и ветхаго завѣта? Не слышимъ ли, какъ и Давидъ пророкъ, подобно Апостоламъ, свидѣтельствуеть о себѣ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердце моему утѣшенія Твоя возвеслиша душу мою* (Псал. 93, 19)? Не видимъ ли, какъ и праведный Іовъ, едва принесъ обычную жертву скорби, раздравъ одежды на себѣ, остригши волосы и перстію посыпавъ голову, какъ въ тоже время палъ на землю, поклонился Господу и, славослова Его, рекъ: *яко Господеви изволися, тако бысть.... Буди имя Господне благословенно во вѣки* (1, 21)? Итакъ несчастія и скорби жизни, сами по себѣ, не могутъ быть для насъ препятствіемъ къ всегдашней радости. Напротивъ для душъ, не словомъ только, а дѣломъ и истинною свидѣтельствующихъ свою вѣру и любовь къ Господу (1 Іоан. 3, 18. Іак. 2, 14—22), онѣ еще служатъ къ усиленію и возвышенію ихъ святой радости (Рим. 8, 28. 37, 2 Кор. 1, 5). Что же лишаетъ насъ радости?

Наша крайняя безпечность о своемъ спасеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрная забота о земномъ, наши страсти, пристрастія, суетность, праздность, разсѣянность, вражіи козни и, главное, наши грѣхи, какъ непремѣнное послѣдствіе духовнаго нечувствія и расслабленія,—вотъ что всего болѣе омрачаетъ у насъ чело, разстраиваетъ духъ, губить веселость, убиваетъ радость! Что бы ни говорили въ утѣшеніе себѣ грѣшники, вполне спокойное и радостное расположеніе души для нихъ не возможно, пока не обратятся они съ стропотныхъ путей грѣха на мирный путь Господень и не будутъ жить о Господѣ, творя плоды, достойные покаянія *Нѣсть радоватися нечестивымъ*, свидѣтельствуеть слово Господне (Иса. 57, 21), и кто, по многимъ горькимъ наблюденіемъ, по многимъ тяжкимъ опытамъ не знаетъ, какъ свидѣтельство это вѣрно? Укажутъ ли, чтобъ доказать противное, на челоука разсѣянной жизни, который, едва образуясь послѣ упоенія чувственными наслажденіями, снова спѣшитъ къ нимъ съ нетерпѣніемъ? Но неужели можно думать, что въ душѣ, такъ сильно пристрастившейся къ грѣховнымъ наслаж-

деніямъ, господствуетъ истинная, невозмущаемая радость? Нѣтъ; не все то золото, что кажется золотомъ, не все то радость, то кажется радостью. Не одно и тоже радость истинная и радость ложная. Радость истинная сосредоточиваетъ чело-вѣка въ немъ самомъ и возвышаетъ, облагораживаетъ духъ его: радость ложная развлекаетъ его суетою суетъ и унижаетъ до самозабвенія, до забвенія о своемъ назначеніи и о своихъ обязанностяхъ. Та освѣжаетъ чувство, воспаляетъ и укрѣпляетъ духъ новыми силами: эта, пролетѣвъ вихремъ, производитъ въ душѣ крушеніе, пустоту, тоску, уныніе. Скажутъ ли, что не всѣ такъ неразумно ищутъ радости въ грѣховныхъ удовольствіяхъ, что иной, напримѣръ, богатый чело-вѣкъ, хоть и небезгрѣшнымъ способомъ нажилъ свое богатство, а умѣетъ пользоваться имъ въ свое удовольствіе, умѣетъ, какъ говорится, жить и живетъ очень весело? Такъ; въ блестящей внѣшней обстановкѣ жизни этого, не безъ грѣха нажившагося богача, есть, повидимому всѣ условія, чтобы жить, да радоваться, свѣтло празднуя и веселяся каждый день: но такъ ли это и въ его душѣ? Не снѣдаютъ ли ее иногда, въ минуты самой шумной радости, томящія, мучительныя воспомина-нія о тѣхъ неправедныхъ, нечестныхъ, незаконныхъ спосо-бахъ, какими нажито и приобрѣтено его богатство? И будущность, обыкновенно утѣшающая несчастныхъ въ ихъ скорбяхъ, не представляетъ ли ему самые мрачные, ужасающіе виды? Не трепещетъ ли онъ всякій разъ, когда возводитъ мысленный свой взоръ къ той радостной для праведныхъ, но страшной для неправедныхъ минутѣ, когда Судія Вѣчный и Всеправед-ный *воздастъ комуждо по дѣломъ его* (Псал. 61, 13. Рим. 2, 6. 11)? Нѣтъ; ни богачъ неправедный, ни сластолюбецъ, ни честолюбецъ, ни другой кто изъ пристрастныхъ къ міру и его утѣхамъ суетнымъ, не найдутъ истинной радости нигдѣ, если не взыщутъ ея въ Господѣ. «Міръ и радости, какими онъ прельщаетъ, ежели съ одной стороны благопріятны тѣлу, учить св. Макарій великій, то съ другой раздражаютъ страсти души и увеличиваютъ ея злостраданіе. Полный всякаго разно-образія міръ подобенъ богатому челоѣку, который владѣетъ огромными, великолѣпными домами, изобилуетъ золотомъ,

серебромъ, всякимъ стяжаніемъ и всякою прислугою, но внезапно постигнутъ болѣзнями, объять немощами; все родство его стоитъ предъ нимъ; но при всемъ богатствѣ его не можетъ избавить его отъ болѣзни. Посему-то никакая житейская рачительнотъ, ни братья, ни богатства, ни другое что не можетъ избавить души отъ грѣха и отъ скрытой въ немъ горечи» (стр. 390, гл. 3). Одинъ только Христосъ силенъ уврачевать насъ и доставить миръ, покой, веселіе всякой душѣ, которая придетъ къ Нему съ вѣрою и послушаніемъ любви предастъ себя Его водительству. Одинъ только Христосъ можетъ ввести насъ въ такое пристанище, и горе нашей душѣ, если на бурномъ морѣ жизненномъ не управляетъ ею этотъ небесный Кормчій: плавающая въ молвѣ житейскихъ попеченій, бѣдствующая отъ бурнаго волненія страстей, колеблемая вѣтрами земныхъ суетъ, во дни, въ ночи, на всякій часъ терпящая отъ стрѣлъ и козней вражійхъ, душа погибнетъ безъ Христа въ пучинѣ житейскихъ скорбей, какъ гибнуть въ пучинахъ морскихъ корабли безъ искуснаго кормчаго. Горе душѣ, если нива ея не очищена огнемъ покаянія и самоотверженія, не воздѣлана ораломъ страха Божія и послушанія, не засѣяна плодоносящимъ класъ радости присноживотной сѣменемъ слова Христова, не согрѣвается теплою любви ко Христу, не освѣщается свѣтомъ вѣры въ Него, не орошается росю Духа, не напаяется потоками приснотекущихъ водъ всеоживляющей, родостотворной благодати: запустѣетъ она, какъ пустѣетъ земля, оставленная земледѣльцемъ, зарастетъ терніемъ грѣховнымъ, быліемъ душетлѣннымъ, и возгорится въ ней это терніе не огнемъ радости о Господѣ, а пламенемъ скорбей, огнемъ геенскимъ. Горе душѣ, если единый истинный Владыка и Царь душъ, Христосъ не увидетъ внутри ея дверію вѣры и, какъ въ мѣстѣ своего покоища (Дѣян. 7. 4), не вселится въ ней съ Отцемъ и св. Духомъ, исполняя свѣтомъ, радостію, веселіемъ все существоея. Какъ домъ, покинутый его хозяиномъ, расхищается татями, или вселяются въ него нечистыя животныя, или только шумъ и свистъ и вой бушующаго вѣтра слышатся въ пустыхъ стѣнахъ его, наводя страхъ на проходящихъ близъ него: такъ

и душа, въ которой не живетъ Христось, окрадывается татями духовными, вселяется въ нее врагъ нашего спасенія, нечистый духъ и съ нимъ цѣлое полчище страстей, которыя, воздвигнувъ брань одна противъ другой, объемлютъ ее страхомъ и печалію томить ее.

Что же бы дѣлать намъ, чтобъ не печалами житейскими, а радостью о Господѣ, — радостью чистою, святою, полною, животворящею, притомъ всегда, была исполненна наша душа?

Отъ насъ самихъ зависитъ или томиться вѣчно жаждой радости, ежели для утоленія ея будемъ собирать кое гдѣ, по селу сего міра (Матѣ. 13, 38), лишь капли, не многія капли грѣховнаго пива, или лучше, остатки дрождей его (Псал. 74, 9); или вполнѣ утолить ее, приступивши къ Тому, Кто обѣщалъ намъ дать и далъ въ себѣ самомъ такой источникъ радости, который всегда неоскудно течетъ и никогда не иссякаетъ. Идите жаждущіи радости къ сему живому и воистинну живоносному источнику спасенія Христу, Который Самъ зоветъ къ себѣ всѣхъ жаждущихъ, не отвергая никого. *Аще кто жаждетъ*, говоритъ Онъ, *да прійдетъ ко Мнѣ и пьетъ* (Іоан. 7, 37). *Всякъ пійи отъ воды*, которую не Я даю ему, *вжаждется паки, а пійи отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки* (4, 15). Идите, не смущайтесь тѣмъ, что Самъ Онъ нѣкогда, въ предсмертныхъ страданіяхъ своихъ воззвалъ: *жажду*: но тѣмъ паче утвердитесь въ упованіи. Онъ для того принялъ участіе въ мученіи нашей жажды, чтобы мы отъ него пріобщились сладости удовлетворенія жажды духовной. Приступайте же къ Нему, источнику Безсмертному, въ церкви Его святой. Приближайтесь къ Нему вѣрою, молитвою, любовію. Пійте свѣтъ истины, и жизнь благодаги и правды изъ Его заповѣдей, изъ Его Евангелія, изъ Его таинствъ; пійте и увидите, сколь благъ Господь, вкусивъ не только радости о Немъ, но и блаженства съ Нимъ, котораго и да сподобитъ Онъ всѣхъ насъ въ царствіи своемъ со всесвятымъ Отцемъ Его и съ преблагимъ утѣшителемъ Духомъ, во вѣки вѣковъ.

Протоіерей Ѡ. Кротковъ.

ПСАЛОМЪ 122.

(Пѣснь восхожденій).

Ст. 1. Къ Тебѣ возвожу очи мои, живущій на небесахъ!
2. Вотъ какъ глаза рабовъ *устремлены* на руку господь ихъ, какъ глаза рабыни на руку госпожи ея: такъ очи наши къ Іеговѣ, Богу нашему, доколѣ Онъ помилуетъ насъ. **3.** Помилуй насъ, Іегова, помилуй насъ; ибо довольно напитались мы презрѣніемъ; **4.** Довольно напиталась душа наша поруганіемъ отъ надменныхъ, презрѣніемъ отъ гордыхъ.

ПСАЛОМЪ 123.

(Пѣснь восхожденій. Давидова).

Ст. 1. Если бы не былъ за насъ Іегова, да скажетъ Израиль, **2.** Если бы не былъ за насъ Іегова, когда люди возстали на насъ: **3.** То живыхъ поглотили бы они насъ, когда возгорѣлся на насъ гнѣвъ ихъ; **4.** Потопили бы насъ воды; рѣка покрыла бы душу нашу; **5.** Покрыли бы душу нашу воды бурныя. **6.** Благословенъ Іегова, что не отдалъ насъ въ добычу зубамъ ихъ! **7.** Душа наша избавилась, какъ птичка отъ сѣти ловящихъ; сѣть расторгнута, и мы избавились. **8.** Помощь наша въ имени Іеговы, сотворившаго небо и землю.

ПСАЛОМЪ 124.

Пѣснь восхожденій.

Ст. 1. Надбющійся на Іегову, какъ гора Сіонъ, не колеблется, пребываетъ вѣчно. **2.** Окрестъ Іерусалима горы, а Іегова окрестъ народа Своего отнынѣ и во вѣкъ. **3.** Ибо не пребудетъ жезлъ нечестія надъ удѣломъ праведныхъ, дабы праведные не простерли рукъ своихъ къ беззаконію. **4.** Благотвори, Іегова, благимъ и праведнымъ въ сердцѣ своемъ. **5.** А совращающихся на кривые пути погубить Іегова съ творящими нечестіе. Миръ Израилю!

ПСАЛОМЪ 125.

Пѣснь восхожденій.

Ст. 1. Когда возвращалъ Иегова плѣнныхъ *сыновъ* Сіона, мы были какъ будто во снѣ мечтающіе. **2.** Тогда уста наши полны были веселія, и языкъ нашъ ликованія. Тогда говорили между народами: великое дѣло Иегова творить надъ ними. **3.** Великое дѣло Иегова творить надъ ними; мы возрадовались. **4.** Возвращай, Иегова, плѣнныхъ нашихъ, какъ потоки на изсохшую землю. **5.** Сѣявшіе со слезами, будутъ жать съ ликованіемъ. **6.** Идетъ и плачетъ несущій сѣмена (свои) для сѣянія, пойдетъ съ ликованіемъ несущій снопы свои.

ПСАЛОМЪ 126.

Пѣснь восхожденій. Соломонова.

Ст. 1. Если Иегова не созидаетъ дома: напрасно трудятся строящіе его; если Иегова не стережетъ града: напрасно не спать стражъ. **2.** Напрасно вы рано встаете, поздно садитесь, ѣдите хлѣбъ въ изнуреніи; тоже Онъ подаетъ возлюбленному Своему *и при снѣ*. **3.** Вотъ наслѣдіе отъ Иеговы: сыны; плодъ чрева, награда *отъ Него*. **4.** Что стрѣлы въ рукѣ сильнаго, то сыны юности. **5.** Блаженъ человѣкъ, который наполнилъ ими колчанъ свой! Не будутъ они въ стыдѣ, когда будутъ говорить съ врагами у вратъ.

ПСАЛОМЪ 127.

Пѣснь восхожденій.

Ст. 1. Блаженъ всякъ боящійся Иеговы, ходящій Его путями! **2.** Ибо ты вкусишь отъ трудовъ рукъ твоихъ. Блаженъ ты, и благо тебѣ! **3.** Жена твоя, какъ плодоносная лоза, посреди дома твоего; сыны твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ стола твоего. **4.** Се, такъ благословится человѣкъ, боящійся Иеговы! **5.** Благословить тебя Иегова съ Сіона, и увидишь благоденствіе Іерусалима во всѣ дни жизни твоей. **6.** Увидишь сыновъ у сыновъ твоихъ. Миръ Израилю!

ПСАЛОМЪ 128.

Пѣснь восхожденій.

Много тѣснили меня отъ юности моея, да скажетъ Израиль, **2.** Много тѣснили меня отъ юности моея, но не одолѣли меня. **3.** На хребтѣ моемъ пахали пахари, проводили долгія борозды свои. **4.** Иегова праведенъ; Онъ разсѣкъ узы нечестивыхъ. **5.** Посрамятся, отойдутъ назадъ всѣ ненавидящіе Сіонъ. **6.** Они будутъ, какъ трава на кровляхъ, которая, не бывъ исторгнута, засыхаетъ, **7.** Которою жнецъ не наполнить руки своей, и горсти своей вяжущій снопы; **8.** И проходящіе мимо не скажутъ: «Благословеніе Иеговы на васъ! Благословляемъ васъ именемъ Иеговы.»

ПСАЛОМЪ 129.

Пѣснь восхожденій.

Ст. 1. Изъ глубины взываю къ Тебѣ, Иегова. **2.** Господи! услыши гласъ мой. Да будутъ уши Твои внимательны ко гласу моленій моихъ. **3.** Если на беззаконія будешь взирать, Иегова: Господи, кто устоитъ? **4.** Но у Тебя прощеніе, дабы благоговѣли къ Тебѣ. **5.** Надѣюсь на Иегову: надѣется душа моя, на слово Его уповаю. **6.** Душа моя *ждетъ* Господа болѣе, чѣмъ стражи *ждутъ* утра, стерегущіе—утра. **7.** Да уповаетъ Израиль на Иегову; ибо у Иеговы милость, и великое у Него избавленіе, **8.** И Онъ избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его.

ПСАЛОМЪ 130.

Пѣснь восхожденій. Давидова.

Ст. 1. Иегова! не надмеается сердце мое и не возносятся очи мои; и я не вхожу въ великое, и въ то, что выше меня. **2.** Истинно, я покоенъ и тихъ душею моею, какъ дитя подлѣ матери своей; какъ дитя, душа моя во мнѣ. **3.** Да уповаетъ Израиль на Иегову, отнынѣ и во вѣкъ.

ПСАЛОМЪ 131.

Пѣснь восхожденій.

Ст. 1. Вспомни, Іегова, Давида со всею его заботливостію, **2.** Какъ онъ клялся Іеговѣ, давалъ обѣтъ крѣпкому *Богу* Іакова: **3.** «Не войду въ шатерь моего дома, не взойду на постель ложа моего; **4.** Не дамъ сна глазамъ моимъ и вѣждамъ моимъ дреманія, **5.** Доколѣ не найду мѣста Іеговѣ, жилища крѣпкому *Богу* Іакова.» **6.** Вотъ, мы слышали, что онъ *былъ* въ Ефремовой землѣ, нашли его на поляхъ *Киріаѳъ—Іарима*. **7.** Войдемъ въ жилище Его, поклонимся подножію ногъ Его. **8.** Стань, Іегова, на *мѣсть* покоя Твоего, Ты и ковчегъ могущества Твоего. **9.** Священники Твои да облечутся правдою, и святые Твои да торжествуютъ. **10.** Ради Давида, раба Твоего, не отврати лица отъ помазанника Твоего. **11.** Іегова клялся Давиду въ истинѣ, отъ которой и не отступитъ: отъ плода чрева твоего посажу на престолѣ твоемъ. **12.** И если сыны твои будутъ хранить завѣтъ Мой и откровенія Мои, которымъ Я научу ихъ: то и ихъ сыны во вѣки будутъ сидѣть на престолѣ твоемъ. **13.** Ибо Іегова избралъ Сіонъ, благоволилъ *содѣлать* (его) жилищемъ своимъ. **14.** Здѣсь *мѣсто* покоя Моего на вѣки, тутъ вселюся; ибо Я возлюбилъ его. **15.** Пищу его благословлю, нищихъ его насышу хлѣбомъ. **16.** Священниковъ его облечу во спасеніе, и святые его будутъ торжествовать. **17.** Тамъ возвращу рогъ Давиду, поставлю свѣтильникъ помазаннику Моему. **18.** Враговъ его покрою стыдомъ; а на немъ будетъ сіять вѣнецъ его.

ПСАЛОМЪ 132.

Пѣснь восхожденій. Давидова.

Ст. 1. Вотъ, какъ хорошо и какъ пріятно, жить братіямъ всѣмъ вмѣстѣ! **2.** *Это*, какъ добрый елей на головѣ,

стекающій на бороду, бороду Ааронову, стекающій на ометъ ^(а) одежды его; **3.** Какъ роса Ермонская, сходящая на горы Сионскія. Ибо тамъ утвердилъ Иегова благословеніе (и) жизнь на вѣкъ.

ПСАЛОМЪ 133.

Пѣснь восхожденій.

Ст. 1. Нынѣ благословите Иегову всѣ рабы Иеговы, стоящіе въ домѣ Иеговы ночью. **2.** Прострите руки ваши къ святилищу, и благословите Иегову. **3.** Да благословитъ тебя съ Сіона Иегова, сотворившій небо и землю.

ПСАЛОМЪ 134.

Аллилуія.

Ст. 1. Хвалите имя Иеговы, хвалите рабы Иеговы. **2.** Стоящіе въ домѣ Иеговы, во дворахъ дома Бога нашего. **3.** Хвалите Иегову, ибо благъ Иегова; пойте имени Его, ибо *сiе* сладостно. **4.** Ибо Иегова избралъ Себѣ Иакова, Израиля въ Свою собственность. **5.** Ибо я позналъ, что великъ Иегова и Господь нашъ превыше всѣхъ боговъ. **6.** Иегова творитъ все, что хочетъ, на небесахъ и на землѣ, на моряхъ и во всѣхъ безднахъ. **7.** Возводитъ облака отъ края земли, творитъ молніи среди дождя, изводитъ вѣтръ изъ хранилищъ его. **8.** Онъ поразилъ первенцевъ въ Египтѣ, отъ человѣка до скота. **9.** Явилъ знаменія и чудеса среди тебя, Египетъ, надъ Фараономъ и надъ всѣми рабами его. **10.** Онъ поразилъ народы великіе, и низложилъ царей сильныхъ: **11.** Сигона, царя Аморейскаго, и Ога, царя Васанскаго, и всѣ царства Ханаанскія; **12.** И отдалъ землю ихъ въ наслѣдіе, въ наслѣдіе Израилю, народу Своему. **13.** Иегова! имя Твое вѣчно, Иегова! память о Тебѣ въ родъ и родъ. **14.** Ибо Иегова будетъ судить народъ Свой, и надъ рабами Своими умилосердит-

(а) Воротъ.

ся. **15.** Подолы язычниковъ серебро и золото, дѣло рукъ человѣческихъ. **16.** У нихъ уста, но не говорятъ; у нихъ глаза, но не видятъ; **17.** У нихъ уши, но не слышатъ, и нѣтъ дыханія въ устахъ ихъ. **18.** Подобны имъ будутъ всѣ дѣлающіе ихъ, и всякій, кто надѣется на нихъ. **19.** Домъ Израилевъ, благослови Іегову. Домъ Аароновъ, благослови Іегову. **20.** Домъ Левинъ, благослови Іегову. Боящіеся Іеговы, благословите Іегову. **21.** Благословенъ Іегова на Сіонѣ, живущій въ Іерусалимѣ! Аллилуія!

ПСАЛОМЪ 135.

(Аллилуія)

Ст. 1. Славьте Іегову, ибо Онъ благъ, ибо милость Его во вѣкъ. **2.** Славьте Бога боговъ; ибо милость Его во вѣкъ. **3.** Славьте Владыку владыкъ, ибо милость Его во вѣкъ; **4.** Того, который единъ творитъ великія чудеса, ибо милость Его во вѣкъ; **5.** Который сотворилъ небеса премудро, ибо милость Его во вѣкъ; **6.** Утвердилъ землю на водахъ, ибо милость Его во вѣкъ; **7.** Сотворилъ великія свѣтила, ибо милость Его во вѣкъ; **8.** Солнце для управленія днемъ, ибо милость Его во вѣкъ; **9.** Луну и звѣзды для управленія ночью, ибо милость Его во вѣкъ; **10.** Поразилъ Египтянъ въ первенцахъ ихъ, ибо милость Его во вѣкъ; **11.** Извелъ изъ среды ихъ Израиля, ибо милость Его во вѣкъ; **12.** Рукою крѣпкою, и мышцею простертою, ибо милость Его во вѣкъ; **13.** Разсѣкъ Чермное море на части, ибо милость Его во вѣкъ; **14.** И провелъ среди его Израиля, ибо милость Его во вѣкъ; **15.** А Фараона и войско его низвергъ въ Чермное море, ибо милость Его во вѣкъ; **16.** Провелъ народъ Свой чрезъ пустыню, ибо милость Его во вѣкъ; **17.** Поразилъ царей великихъ, ибо милость Его во вѣкъ; **18.** И низложилъ царей знаменитыхъ, ибо милость Его во вѣкъ; **19.** Сигона, царя Амор-

рейскаго, ибо милость Его во вѣкъ; **20.** И Ога, царя Васанскаго, ибо милость Его во вѣкъ; **21.** И отдалъ землю ихъ въ наслѣдіе, ибо милость Его во вѣкъ; **22** Въ наслѣдіе Израилю, рабу Своему, ибо милость Его во вѣкъ; **23.** Который вспомнилъ насъ въ униженіи нашемъ, ибо милость Его во вѣкъ; **24.** И избавилъ насъ отъ притѣснителей нашихъ, ибо милость Его во вѣкъ; **25.** Который даетъ пищу всякой плоти, ибо милость Его во вѣкъ. **26.** Славьте Бога небесъ, ибо милость Его во вѣкъ.

ПСАЛОМЪ 136.

(Давидовъ. Іереминъ.)

На рѣкахъ Вавилона, тамъ сидѣли мы и плакали, вспоминая о Сіонѣ, **2.** На ивахъ среди его повѣсивъ наши арфы. **3.** Тамъ плѣнившіе насъ требовали отъ насъ пѣсней, и низложившіе насъ веселія: «воспойте намъ Сіонскую пѣснь.» **4.** Какъ намъ пѣть пѣснь Іеговы на землѣ чужой? **5.** Если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь *меня* правая рука моя. **6.** Прильпни языкъ мой къ устамъ моимъ, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима выше веселія моего. **7** Напомни, Іегова, сынамъ Едомовымъ день Іерусалима, когда они говорили: разрушайте, разрушайте до основанія его. **8.** Дщерь Вавилона, губительница, блаженъ, кто заплатитъ тебѣ за дѣло, какое ты сдѣлала намъ! **9.** Блаженъ, кто возметъ и разобьетъ младенцевъ твоихъ о камень!

ПСАЛОМЪ 137.

(Псаломъ) Давидовъ (Аггея и Захаріи.)

Славлю Тебя отъ всего сердца моего, предъ богами пою Тебѣ. **2.** Поклоняюсь предъ святымъ храмомъ Твоимъ, и славлю имя Твое, за милость Твою, и за истину Твою; ибо Ты возвеличилъ слово Твое превыше всякаго имени Твоего. **3.** Въ день, въ который я воззвалъ, Ты услышалъ меня, воз-

будиль меня, въ душѣ моей бодрость. **4.** Прославятъ Тебя, Іегова, всѣ цари земные, когда услышатъ слова устъ Твоихъ, **5.** И воспоютъ пути Іеговы, ибо велика слава Іеговы, **6.** Ибо высокъ Іегова, и униженнаго видитъ, надменнаго издали узнаетъ. **7.** Если я пойду въ тѣснотѣ, Ты оживишь меня; противъ гнѣва враговъ моихъ прострешь руку Твою и защитишь меня десница Твоя. **8.** Іегова! воздастъ за меня. Іегова! милость Твоя вѣчна; дѣлъ рукъ Твоихъ не оставляй.

ПСАЛОМЪ 138.

Начальнику хора. Давидовъ псаломъ (Захаріи во время разсѣянія).

Ст. 1. Іегова! Ты проникаешь меня и знаешь. **2.** Ты знаешь, когда сяду и когда встану; Ты предусматриваешь мысль мою издали; **3.** Въ пути моемъ и въ отдохновеніи Ты окружаешь меня; всѣ стези мои Тебѣ извѣстны. **4.** Еще нѣтъ слова на языкѣ моемъ; но вотъ Ты, Іегова, знаешь его вполнѣ. **5.** Сзади и спереди Ты объемлешь меня, и налагаешь на меня длавь Твою. **6.** Чудно для меня вѣдѣніе (Твое); высоко, не постигаю его. **7.** Куда уйду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего, куда убѣгу? **8.** Взойду ли на небо, Ты тамъ. Повергнушь ли въ преисподнюю, се Ты! **9.** Вознесу ли крылья зари, переселюсь ли на край моря: **10.** И тамъ рука Твоя поведетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя. **11.** И скажу ли: по крайней мѣрѣ тьма покроетъ меня, и свѣтъ вокругъ меня *сдплется* ночью: **12.** И тьма не затмитъ отъ Тебя, и ночь свѣтла, какъ день; тьма также какъ свѣтъ. **13.** Ибо Ты сотворилъ внутренность мою, составилъ меня во чревѣ матери моей. **14.** Славлю Тебя, потому что я весьма дивно устроенъ. Дивны дѣла Твои, и душа моя вѣрно знаетъ *се*. **15.** Не сокрыта была отъ Тебя кость моя, когда я создавался въ сокровенности, и составлялся въ глубинахъ земли. **16.** Зародышъ

мой видѣли очи Твои, и въ книгѣ Твоей всѣ они написаны, изображены дни, когда ни одного изъ нихъ еще *не было*. **17.** Какъ непостижимы для меня помышленія Твои, Боже! Какъ необъятно число ихъ! **18.** Стану *ли* исчислять ихъ, онѣ многочисленнѣе песка; пробуждаюсь, и я еще съ Тобою. **19.** О если бы поразилъ Ты, Боже, нечестиваго! Мужи крови, удалитесь отъ меня! **20.** Мыслию они мятутся противъ Тебя; суетное замышляютъ враги Твои. **21.** Неужели не возненавижу ненавидящихъ Тебя, Іегова, и не возгнушаюсь возстающими противъ Тебя? **22.** Полнотою ненависти ненавижу ихъ; враги они мнѣ. **23.** Проникни меня, Боже, и узнай сердце мое, испытай и узнай помышленія мои. **24.** И зри, не на пути ли я нечестія, и руководи меня на пути вѣчности.

ПСАЛОМЪ 139.

Начальнику хора. Псаломъ Давидовъ.

Ст. 2. Избавь меня, Іегова, отъ человѣка злаго, сохрани меня отъ притѣснителя, **3.** Которые помышляютъ зло въ сердцѣ, всякой день воздвигаютъ брани; **4.** Острыятъ языкъ свой, какъ змій, ядъ аспида въ устахъ ихъ. (Села). **5.** Соблюди меня, Іегова, отъ рукъ нечестиваго, сохрани меня отъ притѣснителя, которые умыслили поколебать стопы мои. **6.** Гордые скрыли силки для меня и петли, поставили сѣть при стезѣ, тенета протянули для меня. (Села). **7.** Я сказалъ Іеговѣ: Ты Богъ мой, услыши, Іегова, гласъ моленій моихъ. **8.** Іегова Господь сила спасенія моего; Ты закрываешь голову мою въ день брани. **9.** Не дай, Іегова, желаемаго нечестивцу, умыслу его не дай успѣха: надмятся они! **10.** Ядъ окружившихъ меня, трудъ устъ ихъ да обратится на нихъ. **11.** Да падутъ на нихъ горящіе угли; да повергнетъ Онъ ихъ въ огонь, въ пропасти, чтобы не возстали. **12.** Человѣкъ злоязычный не твердъ на землѣ, притѣснителя злоба увлечетъ

ПСАЛОМЪ 143.

Давидовъ. (Противъ Голиаѳа.)

Ст. 1. Благословенъ Іегова, твердыня моя, обучающій руки мои сраженію, персты мои брани, **2.** Благодѣтель мой и ограда моя, убѣжище мое и избавитель мой, щить мой, Тотъ, на Котораго я уповаю, Который подчиняетъ мнѣ народъ мой. **3.** Іегова, что есть человѣкъ, что Ты знаешь его, и сынъ смертнаго, что обращаешь на него вниманіе? **4.** Человѣкъ подобенъ дуновенію; дни его какъ тѣнь преходящая. **5.** Іегова! приклони Твои небеса, и сниди; коснись горъ, и воздымятся. **6.** Блесни молніею, и разей ихъ; пусти стрѣлы Твои, и разсыпь ихъ. **7.** Прости съ высоты руку Твою, избавь меня, и извлеки меня изъ водъ многихъ, изъ руки иноплеменныхъ, **8.** Коихъ уста говорятъ суетное, коихъ десница *есть* десница лжи. **9.** Боже! новую пѣснь воспою Тебѣ, на десятострунной псалтири буду бряцать Тебѣ, **10.** Дающій спасеніе царямъ, и Давида, раба Своего избавляющій отъ лютаго меча. **11.** Избавь меня, и исторгни меня изъ руки иноплеменныхъ, коихъ уста говорятъ суетное, и коихъ десница *есть* десница лжи. **12.** Сыны наши да будутъ какъ растенія, выращенныя въ юношеской свѣжести; дочери наши, какъ столпы изящной работы въ строеніи чертога; **13.** Житницы наши полны, обильны хлѣбомъ всякаго рода; овцы наши *пусть ходятъ* тысячами, тмами во дворахъ нашихъ; **14.** Волы наши тучны; да не будетъ нападеній, ни бѣгства, ни вопля на улицахъ нашихъ. **15.** Блаженъ народъ, у котораго все сіе! Блаженъ тотъ народъ, у котораго Богъ Іегова!

ПСАЛОМЪ 144.

Хвала Давидова.

Ст. 1. Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царь (мой), буду благословлять имя Твое вѣчно и непрестанно. **2.** Всякой день буду благословлять Тебя, и буду хвалить имя Твое вѣч-

но и непрестанно. **3.** Великъ Іегова и достославенъ, и величіе Его непостижимо. **4.** Отъ рода въ родъ будутъ славить дѣла Твои, и могущество Твое возвѣщать. **5.** О высокой славъ Твоего величія, и о дивныхъ дѣлахъ Твоихъ буду размышлять. **6.** Будутъ говорить о силѣ чудесъ Твоихъ, и величіе Твое я буду возвѣщать. **7.** Произнесутъ хвалу великой благодости Твоей, и правду Твою воспоютъ. **8.** Щедръ и милосердъ Іегова, долготерпѣливъ и великъ милостію. **9.** Благу Іегова ко всѣмъ, и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его. **10.** Да славятъ Тебя, Іегова, всѣ дѣла Твои, и святыя Твои да благословляютъ Тебя. **11.** Да возвѣщаютъ славу царствія Твоего, и да повѣствуютъ о могуществѣ Твоемъ, **12.** Дабы дать знать сынамъ человѣческимъ о могуществѣ Его и о высокой славъ царствія Его. **13.** Царство Твое, царство всѣхъ вѣковъ, и владычество Твое во всѣ роды. (Вѣренъ Господь во всѣхъ словахъ Своихъ, и святъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ.). **14.** Поддерживаетъ Іегова всѣхъ падающихъ, и возставляетъ всѣхъ согбенныхъ. **15.** Очи всѣхъ устремлены къ Тебѣ, и Ты даешь имъ пищу ихъ въ свое время; **16.** Открываешь руку Твою, и насыщаешь все живущее, по желанію. **17.** Праведенъ Іегова во всѣхъ путяхъ Своихъ, и святъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ. **18.** Близокъ Іегова ко всѣмъ призывающимъ Его, ко всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ. **19.** Желанія боящихся Его Онъ исполняетъ, вопли ихъ слышитъ, и спасаетъ ихъ. **20.** Хранитъ Іегова всѣхъ любящихъ Его, а всѣхъ нечестивыхъ истребитъ. **21.** Хвалу Іеговы изрекаютъ уста мои, и да благословляетъ всякая плоть святое имя Его вѣчно и непрестанно.

ПСАЛОМЪ 145.

Аллилуія. (Аггея и Захарія.)

Ст. **1.** Хвали, душа моя, Іегову. **2.** Буду хвалить Іегову во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, пока есмь. **3.** Но

надѣйтесь на вельможъ, на сына чловѣческаго, у котораго нѣтъ спасенія. **4.** Выходить изъ него духъ, возвращается онъ въ землю свою: въ тотъ же день исчезаютъ (всѣ) замыслы его. **5.** Блаженъ, кому помощникъ Богъ Иаковлевъ, у кого надежда на Иегову Бога его, **6.** Который сотворилъ небо и землю, море и все, что въ нихъ, Который вѣчно хранить вѣрность, **7.** Оказываетъ правосудіе угнетеннымъ, даетъ хлѣбъ алчущимъ. Иегова разрѣшаетъ связанныхъ, **8.** Иегова отверзаетъ очи слѣпыхъ, Иегова возставляетъ согбенныхъ, Иегова любитъ праведныхъ. **9.** Иегова хранить странниковъ, поддерживаетъ сироту и вдовицу; а путь нечестивыхъ извращаетъ. **10.** Иегова будетъ царствовать во вѣки, Богъ Твой, Сіонъ, въ родъ и родъ. Аллилуія!

ПСАЛОМЪ 146.

Ст. 1. Хвалите Иегову, ибо Онъ благъ, пойте Богу нашему, ибо Благому прилична хвала. **2.** Иегова созидаетъ Иерусалимъ, собираетъ расточенныхъ сыновъ Израиля. **3.** Онъ исцѣляетъ сокрушенныхъ сердцемъ и врачуетъ скорби ихъ; **4.** Исчисляетъ количество звѣздъ, всѣ ихъ называетъ именами. **5.** Великъ Господь нашъ и велика крѣпость (Его), и разумъ Его неизмѣримъ. **6.** Смиранныхъ поддерживаетъ Иегова, а нечестивыхъ унижаетъ до земли. **7.** Чредою пойте Иеговѣ славословіе, бряпайте Богу нашему на гусяхъ. **8.** Онъ покрываетъ небо облаками, готовитъ для земли дождь, произращаетъ на горахъ траву; **9.** Даетъ скоту пищу его, и птенцамъ ворона, взывающимъ къ *Нему*. **10.** Не сію коня Онъ любитъ, не о *быстротѣ* ногъ чловѣческихъ благоволитъ **11.** Благоволитъ Иегова о боящихся Его, о надѣющихся на милость Его.

ПСАЛОМЪ 147.

(Аллилуія. Аггея и Зихарія.)

Ст. 1. Славъ, Иерусалимъ, Иегову; Сіонъ хвали Бога Тво-

его. **2.** Ибо Онъ укрѣпляетъ веревъ вратъ твоихъ, благословляетъ сыновъ твоихъ среди тебя. **3.** Окружаетъ предѣлы твои миромъ, насыщаетъ тебя тукомъ пшеницы. **4.** Посылаетъ глаголь Свой на землю, быстро течетъ слово Его. **5.** Даетъ снѣгъ, какъ волну, сыплетъ иней, какъ пепель. **6.** Бросаетъ ледъ Свой кусками, передъ морозомъ Его кто устоитъ? **7.** Пошлетъ слово Свое, и все растаетъ, подуетъ вѣтромъ Своимъ, и потекутъ воды. **8.** Онъ возвѣстилъ слово Свое Иакову, уставы Свой и суды Свой Израилю. **9.** Не сдѣлалъ Онъ сего никакому *другому* народу, и судовъ Его не знаютъ они. Аллилуія!

ПСАЛОМЪ 148.

Аллилуія.

Ст. 1. Хвалите Іегову на небесахъ, хвалите Его въ горнихъ. **2.** Хвалите Его всѣ Ангелы Его, хвалите Его всѣ воинства Его. **3.** Хвалите Его солнце и луна, хвалите Его всѣ звѣзды свѣта. **4.** Хвалите Его небеса небесъ, и вода, которая надъ небесами. **5.** Хвалите имя Іеговы, ибо Онъ (рекъ, и онѣ содѣлались,) повелѣлъ, и сотворились. **6.** Поставилъ ихъ навсегда, навѣкъ, далъ уставъ, который не преидетъ. **7.** Хвалите Іегову на землѣ великія рыбы и всѣ бездны, **8.** Огнь и градъ, снѣгъ и туманъ, духъ бури, исполняющій слово Его, **9.** Горы и всѣ холмы, деревья плодоносныя и всѣ кедры, звѣри и весь скотъ, пресмыкающіяся *животныя* и крылатыя птицы, **10.** Цари земли и всѣ народы, князи и всѣ судіи земныя, **11.** Юноши и дѣвицы, старцы и отроки. **12.** Да хвалятъ имя Іеговы; ибо Его единого имя превознесенно, слава Его на землѣ и на небесахъ. **13.** Онъ возвысилъ рогъ народа Своего, славу всѣхъ святыхъ Своихъ, сыновъ Израилевыхъ, народа приближеннаго къ Нему. Аллилуія!

ПСАЛОМЪ 149.

Ст. 1. Пойте Іеговъ пѣснь новую; хвала Ему въ собраніи

святыхъ. **2.** Да веселится Израиль о Создателѣ своемъ, сыны Сіона да радуются о Царѣ своемъ. **3.** Да хвалятъ имя Его съ ликами, на тимпанѣ и гусяхъ да бряцзуютъ Ему. **4.** Ибо благоволилъ Іегова о народѣ Своемъ, страждущихъ прославляетъ спасеніемъ. **5.** Да торжествуютъ святые во славѣ, да ликуютъ на ложахъ своихъ. **6.** Славословія Богу въ устахъ ихъ, и мечъ обоюдоострый въ рукѣ ихъ: **7.** Для того, чтобы совершать мщеніе надъ народами, наказаніе надъ племенами; **8.** Заключать царей ихъ въ узы, и вельможъ ихъ въ оковы желѣзныя, **9.** И производить надъ ними написанный судъ. Слава сія—всѣмъ святымъ Его. Аллилуія!

ПСАЛОМЪ 150.

Аллилуія.

Ст. 1. Хвалите Бога во святилищѣ Его; хвалите Его на тверди силы Его. **2.** Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величія Его. **3.** Хвалите Его при звукѣ трубы, хвалите Его на псалтири и гусяхъ. **4.** Хвалите Его съ тимпаномъ и ликами, на струнахъ и свирѣли. **5.** Хвалите Его на звучныхъ кимвалахъ, хвалите Его на кимвалахъ громогласныхъ. **6.** Все дышущее да хвалитъ Іегову! Аллилуія!

(Сей Псаломъ написанъ Давидомъ особенно и внѣ числа, на единоборство съ Галиаеомъ.)

Я былъ меньшій между братьями моими, и юнѣйшій въ домѣ отца моего, пасъ овецъ отца моего. **2.** Руки мои сдѣлали органъ, переты мои настраивали псалтирь. **3.** И кто возвѣстилъ бы Господу моему? Самъ Господь, Самъ услышалъ меня. **4.** Онъ послалъ вѣстника Своего, и взялъ меня отъ овецъ отца моего, и помазалъ меня елеемъ помазанія Своего. **5.** Братія мои прекрасны и велики, но Господь не благоволилъ избрать изъ нихъ. **6.** Я вышелъ на встрѣчу иноплеменнику, и онъ проклялъ меня идолами своими. **7.** Но я, извлеки у него мечъ, обезглавилъ его, и избавилъ отъ поношенія сыновъ Израилевыхъ.)

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

МАЙ.

1868.

ВОЗНЕСЕНСКІЙ ХОРОШЕВЪ ДѢВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ.

Посѣщая неоднократно Хорошевскую дѣвичью обитель Вознесения Господня, всякій разъ испытывалъ я особенное духовное утѣшеніе. И чинный порядокъ древней этой обители, и особенная тишина и безмятежіе иноческой въ ней жизни, благодѣльное богослуженіе и стройное пѣніе монастырскихъ ликовъ, все это дѣлало для меня посѣщеніе ея особенно привлекательнымъ, отраднымъ. Старался я ознакомиться съ прошедшимъ и настоящимъ положеніемъ и бытомъ этого монастыря, и собрать свѣдѣнія о жизни нѣкоторыхъ его подвижницъ, и составилось такимъ образомъ предлагаемое описаніе этой обители. Пособіемъ при этомъ служилъ для него отчасти учено-историческій трудъ незабвеннаго нашего архипастыря преосвящ. Филарета (а).

Въ 18-ти верстахъ отъ Харькова, на крутой островерхой горѣ, омываемой широкою лентою водъ рѣки Уды, и окруженной прекрасными лѣсными гористыми окрестностями, раскинулась смиренная обитель дѣвъ (б). Каменная высокая ограда обители, опоясавшая всю вершину горы, и спускающаяся даже до ея склона, своими остроконечными башнями, даетъ всей обители видъ какъбы нѣкоего нагорнаго кремля; недостаетъ лишь бойницъ и зубчатыхъ стѣнъ. Два монастырскіе храма, украшенные высокими куполами, съ блестящими главами и крестами, дѣлятся на

(а) Смот. Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи, Филарета Архієпис. Черниг. Отдѣленіе 1, страница 81.

(б) Обитель эта на высотѣ около 20-ти саженей господствуетъ надъ ближними низменными мѣстами, и по очаровательнымъ съ ней видамъ, занимаетъ безспорно одну изъ лучшихъ мѣстностей Украйны.

тѣсной площадкѣ у самой вершины горы. Изъ прочихъ монастырскихъ зданій одинъ лишь обширный трехъ-этажный игуменскій корпусъ, возвышающійся къ западу на-супротивъ церквей, вполне видѣнъ изъ-за высокой ограды; окружающія же его иноческія келліи, малыя одноэтажныя, утопая въ зелени садовъ, лишь кровлями обличаютъ свое присутствіе. Правда у южной стѣны обители видѣется еще другая постройка, небольшого двухъэтажнаго корпуса, еще не вполне оконченнаго; но зданія храмовъ закрываютъ его отъ взоровъ путника, поднимающагося на крутую монастырскую гору со стороны Харькова. Въ самомъ концѣ этого подъема, выходя лицевой стороной на дорогу, возвышаются святыя врата обители, или прежняя колокольня, замѣненная въ послѣдствіи новою у теплой трапезной церкви. Зданіе это, занимающее такое прекрасное видное мѣсто, далеко не согласуетъ постройкой своей общему виду монастыря, и какъ бы дожидается очереди своей къ возобновленію, при чемъ невольно приходитъ на мысль, какъ бы удобно и прилично было воздвигнуть на этомъ мѣстѣ небольшою надворотнѣй храмъ. Къ сожалѣнію, небогатая обитель врядъ-ли собственными средствами въ состояніи будетъ исполнить это предположеніе. Хотя святыя врата, примыкающія къ восточной сторонѣ монастырской ограды, и выходятъ на большую дорогу, но открываются лишь при торжественныхъ встрѣчахъ архипастырей и крестныхъ ходахъ въ храмовые дни монастыря; въ прочее время ихъ замѣняютъ врата экономскія съ южной стороны ограды близъ игуменскаго корпуса. Нельзя не залюбоваться красотою мѣстоположенія обители: съ одной стороны—обрывистая крутая гора, поросшая яркою зеленью, съ разстилающимися у ея подошвы обширными поемными лугами, среди которыхъ протекаютъ широкія Уды, а на дальнемъ разстояніи видѣются села и хутора противоположнаго берега, самый Харьковъ со всею окрестностью; съ другой стороны—покрытые лѣсомъ горы и овраги, межъ коими разсыпаны чистенькія малороссійскія хаты окрестныхъ хуторянъ, и примыкаетъ довольно большое село Хорошевъ. Село это, расположенное на востокъ отъ обители, раскинувшись въ оврагахъ, какъ-то скрывается отъ взоровъ, оставляя ее въ пустынной красѣ; лишь гостинница и нѣсколько домовъ монастырскихъ священнослужителей, обличаютъ присутствіе жилья у самыхъ стѣнъ обители, остальное же все отдѣлено отъ нея глубокими оврагами, изъ которыхъ нѣкоторые такъ близки къ ней, что самый проѣздъ къ эконо-

скимъ ея вратамъ огражденъ для безопасности перилами. Странно бываетъ отсюда смотрѣть въ глубь этихъ овраговъ, гдѣ также дѣпятся хаты поселянъ: всѣ эти крошечныя усадьбы видны съ этого мѣста какъ бы съ птичьяго полета; видъ же съ балкона игуменскаго корпуса, находящагося надъ этимъ мѣстомъ, поразителенъ. Съ него проникаетъ взоръ за окрестныя лѣсныя горы, теряясь въ далекой синевѣ горизонта. Особенно привлекательна для глазъ зеленая лужайка подъ лѣсомъ на сосѣдней горѣ съ запада, у подошвы которой пріютились колодцы, снабжающіе водою всю обитель; и нелегко бываетъ ходить сюда за водою изъ обители, особенно въ зимнее время. Крутая обрывистая гора сильно затрудняетъ восходъ на нее и безъ ноши, но труженицы считаютъ это особеннымъ подвигомъ своей обители, и даже воспротивились желанію нѣкоторыхъ благотворившихъ имъ лицъ устроить водоподъемъ.

Въ росписяхъ 1571 года, о мѣстахъ, по которымъ долженъ былъ проѣзжать рыльскій голова, сказано: „внизъ по р. Удамъ, чрезъ Павлово селище, къ Донецкому городищу, да къ Хорошеву городищу, чрезъ Хорошевъ колодезь, и пр.“ Въ книгѣ Большаго чертежа, время царя Бориса Годунова, тоже читаемъ: „на лѣвой сторонѣ, вверхъ по Удамъ выше Хорошаго городища, Донецкое городище, отъ Хорошаго верстъ съ пять.“ Донецкое городище—остатокъ города Донца, извѣстнаго еще въ 12 столѣтіи; оно находится въ 5 верстахъ отъ Хорошева монастыря и въ 8-ми отъ Харькова, межъ селами Бабаями и Филипповымъ. Гора же, на которой стоитъ Хорошевъ монастырь, отдѣленная съ юга и сѣвера глубокими обвалами, и понынѣ слыветъ у поселянъ городищемъ. Это-то и есть Хорошевъ городокъ, вслѣдствіе чего, древнее это наименованіе усвоилось и св. обители, возвышающейся нынѣ на этомъ мѣстѣ. Можно предполагать, что еще въ 12 столѣтіи долженъ былъ существовать тутъ храмъ православный, въ которомъ возносились хвалы и мольбы Богу истинному, ибо—городъ Донецъ, и близкій къ нему городъ Хорошій, въ 12 столѣтіи были русскими городами, какъ это извѣстно по исторіи князя Игоря Святославича. Дикіе половцы, а впослѣдствіи татары, опустошили эту полосу земли русской; исчезли съ ней и памятники древняго христіанства въ этомъ краѣ. Теперь остался отъ Хорошаго городка лишь одинъ валъ, довольно примѣтный: онъ окружаетъ все городище и тянется еще отъ него на югъ. Былъ ли въ городѣ Хорошемъ въ древности монастырь, это

неизвѣстно; основаніе же на этомъ мѣстѣ нынѣшней обители послѣдовало не ранѣе начала 17 столѣтія. Изъ древнихъ грамотъ Архипастырей на имя этой обители, сохранились очень немногія: 1) Петра (Смѣлича), архіепископа Бѣлогородскаго и Обоянскаго, отъ 25 февраля 1742 года, которую, по прошенію игуменіи Аѳанасіи Ковалевской, позволено: построенную въ давнихъ годѣхъ въ Хорошевскомъ монастырѣ церковь Вознесенія Господня, подважить и покрыть вновь; 2) Антонія (Чернявскаго), митрополита Бѣлогородскаго и Обоянскаго, отъ 20 октября 1744 года, которою дозволялось той же игуменіи Аѳанасіи, по случаю того, что Хорошевскій монастырь 17 сентября того года, съ имѣющимися въ немъ двумя церквами и келліями, погорѣлъ безъ остатку, посылать монахинь за сборомъ добродѣтельныхъ подавій для его возобновленія; 3) Іоасафа (Горленка, епископа Бѣлогородскаго и Обоянскаго), отъ 10 Мая 1749 года, которою вторично разрѣшался игуменіи Теофаніи Квиткиной сборъ добродѣтельныхъ давій для возобновленія погорѣвшаго монастыря и для прокормленія сестеръ, въ чемъ чувствовалась по недороду хлѣба крайняя нужда. Изъ этихъ грамотъ видимъ: что существованіе храма Вознесенія Господня въ Хорошевскомъ монастырѣ далеко предшествовало 18 столѣтію, ибо въ 1-й грамотѣ на имя игуменіи Аѳанасіи 1742 года, говорится, что оный построенъ „въ давнихъ годѣхъ“, и имѣлась нужда подважить его и покрыть; что въ Хорошевской обители уже въ 1744 г. существовало два храма, погорѣвшіе въ опустошительный для ней пожаръ 17 сентября; и что обитель эта и въ древности была не изъ богатыхъ, нуждаясь нерѣдко въ самомъ дневномъ пропитаніи своихъ обитательницъ. Во всѣхъ упомянутыхъ грамотахъ, Хорошевскій монастырь именуется Вознесенскимъ; слѣдовательно соборнымъ его храмомъ былъ храмъ Вознесенія Господня; второй же монастырскій храмъ вѣроятно былъ посвященъ Архистратигу небесныхъ силъ, именемъ коего украшается и нынѣшній теплый храмъ обители Хорошевской. Знаменательно въ слободской Украинѣ имя Архангела Михаила: Ему посвящены многіе изъ ея храмовъ, конечно потому, что гонимые поляками, во всегдашней опасности отъ набѣговъ татаръ, жители украинскихъ слободъ болѣе всего прибѣгали къ помощи Архистратига Михаила—побѣдителя темныхъ силъ. Въ нынѣшнемъ Хорошевскомъ монастырѣ, за ограбленіемъ его разбойниками въ 1721 году и пожаромъ 1744 года, мало осталось

древнихъ вещей. Изъ нихъ болѣе всего привлекаетъ благоговѣнное вниманіе древняя икона Владимірской Божіей Матери, почитаемая чудотворною. Извѣстно, что съ 1711 по 1721 годъ, запорожцы, въ соединеніи съ Крымскими татарами, дѣлали непрестанные нападенія и грабежи въ этихъ мѣстахъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что тревожили они и убогихъ обитательницъ Хорошева, ибо и понынѣ еще цѣль подземный ходъ изъ обители за ограду, съ тяжелыми желѣзными дверями, устроенный для спасенія бѣгствомъ, на случай нападенія или осады (в). Ходъ этотъ открытъ нечаянно въ 1836 году, при рытіи рововъ подъ фундаментъ каменной монастырской ограды. Съ сѣверной стороны, примыкающей къ монастырскому саду, отрыли устье каменнаго свода съ плотными желѣзными дверями. Къ сожалѣнію, находка эта, интересная въ археологическомъ отношеніи, не была въ то время изслѣдована, ибо нѣкоторымъ изъ обитательницъ монастыря пришло на умъ, нескрыты-ли въ подземелья зачумленные вещи, вслѣдствіе чего тогда же, нераскрывая дверей, забросали все это землей, такъ что даже утратилось точное знаніе мѣста этой находки. Были сдѣланы и въ новѣйшее время попытки открыть заброшенное подземелье, но онѣ не привели пока ни къ чему.

Пожаръ 1744 года заставилъ претерпѣть хорошевскихъ инокинь много скорбей и сильную нужду. Не было даже у нихъ въ утѣшеніе и храма для молитвы. Многія изъ инокинь, за неимѣніемъ келлій, погорѣвшихъ безъ остатка, разѣхались на временное житье къ своимъ роднымъ; другія разошлись по сосѣднимъ монастырямъ; остальные же, послѣдуя своей настоятельницѣ игуменіи Аѳанасіи, помѣтились на родномъ пепелищѣ, въ наскоро выстроенныхъ мазанкахъ и землянкахъ. Самоотверженію ихъ обязана обитель своимъ существованіемъ; пренебрегши удобствами житейскими, не дали онѣ запустѣть святому мѣсту. Игуменія Аѳанасія, получивъ въ 1744 году просительную книгу, въ продолженіи пяти лѣтъ, при помощи добродѣтельныхъ даяній, готовила нужные матеріалы для построенія храма. Преемница ея, игуменія Теофанія Квиткина, получивъ въ 1749 году отъ Іоасафа (Горленко), епископа Бѣл-

(в) Извѣстно, что въ самомъ Харьковѣ существуетъ подобное подземелье, близъ древнѣйшей тамошней Николаевской церкви; подобныя подземныя убѣжища были необходимою принадлежностью населенныхъ мѣстъ Украины, въ тогдашнее непокойное и опасное время.

городскаго (г), новую просительную книгу, спустя еще 5 лѣтъ увидѣла себя въ состояніи уже заложить соборный храмъ Вознесенія Господня, и притомъ не деревянный, а каменный. Спустя 4 года, храмъ этотъ уже оконченъ постройкой, при ея преемницѣ игуменіи Маріи Гамалѣевой. Бывшая сотничиха Волчанская, монахиня Евфросинія пожертвовала на это святое дѣло всѣмъ своимъ состояніемъ. Благодарная обитель почтила память ея, помѣстивъ смиренное имя ея во главѣ синодика монастырскаго. По преданіямъ, игуменья Марія сама всегда присутствовала при построеніи храма, помогая съ сестрами рабочимъ въ ношеніи кирпича, или же собирала на этотъ трудъ дѣтей окрестныхъ поселянъ, и одѣляла ихъ при этомъ мелкой монетой. Привлекаемая привѣтливою ласкою старицы игуменьи, дѣти потомъ, и безъ нужды уже въ ихъ трудахъ, окружали ее съ радостными возгласами. Когда нѣкоторыя изъ сестръ, желая успокоить свою настоятельницу, отгоняли дѣтей, она всякій разъ возбраняла имъ это, напоминая евангельскія слова: “аще не обратитесь, и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное“. Храмъ Вознесенія Господня имѣлъ три главы, и былъ очень узокъ и тѣсенъ внутри, вслѣдствіе чего въ 1835 году игуменья Анатолія Веревкина предприняла его передѣлку. Храмъ распространенъ съ трехъ сторонъ: съ сѣверной, южной и западной; сдѣланы къ нему пропорціональныя пристройки; къ 3-мъ главамъ прибавлены еще 2, а въ западной части пристроекъ устроенъ на хорахъ придѣлъ въ честь Владимірской иконы Божіей Матери, который и освященъ преосвященнымъ архіепископомъ Харьковскимъ Мелетіемъ Леонтовичемъ, 2 сентября 1837 года. Въ нынѣшнее время, церковь эта снаружи довольно красива, внутри свѣтла и просторна. Ее украшаетъ величественный иконостасъ, въ которомъ мѣстныя иконы горятъ богатыми сребропозолоченными окладами. Съ правой стороны иконостаса, въ

(г) Игуменья Теофанія Квиткина, и преемница ея игуменья Марія Гамалѣева были ближайшими родственницами этого святителя: за роднымъ ихъ братомъ, полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою, была въ замужествѣ любимая сестра Святителя Іоасафа, Параскева Андреевна. Благословеніе и молитвы его какъбы привлекли особенное благословеніе Божіе на все это семейство, ибо и сынъ Параскевы Андреевны, шестуя по стопамъ своего дяди, подъ именемъ архимандрита Наркисса, долго настоятельствовавъ въ Куряжскомъ Спасо-преображенскомъ монастырѣ, и былъ извѣстенъ строгою подвижническою жизнью.

богато убранномъ кіотѣ, состоящемъ изъ круга поддерживаемаго ангелами, находится главная святыня хорошевской обители, икона Владимірской Божіей Матери. Украшенная драгоценною ризою, икона эта невелика; живопись ликовъ темна, но несмотря на это можно еще отчетливо различить всѣ черты древней греческой кисти. Надъ иконою устроенъ красивый навѣсъ, поддерживаемый колоннами. Мѣсто противъ иконы ограждено рѣшеткой и въ лѣтнее время устанавливается обыкновенно свѣжими благоухающими цвѣтами. Особенно въ дни посвященные празднованію Владимірской Богоматерней иконы, обильно и со вкусомъ убираютъ его инокини гирляндами розъ и другихъ цвѣтовъ, растущихъ въ изобилии въ садахъ монастыря, что составляетъ прекрасный видъ, особенно при яркомъ освѣщеніи во время всеобщаго бдѣнія. Съ правой стороны отъ этого отдѣленія лежитъ на аналогіи особенно чествуемая обитательницами хорошевскаго монастыря, небольшая икона великомученика и цѣлебника Пантелеимона, недавній даръ обители отъ св. горы Аѳонской. Многіе болящіе, прибѣгая къ св. Цѣлителю, по вѣрѣ своей получаютъ отъ него помощь въ своихъ недугахъ. На лѣвой же сторонѣ того же отдѣленія, у праваго клироса, привлекаетъ благоговѣнное вниманіе ковчегъ съ частями св. мощей многихъ святыхъ, среди коихъ особенно замѣчательна часть нетлѣннаго перста преп. Антонія Римлянина, Новгородскаго чудотворца. Святыня эта собрана и самый ковчегъ на нее устроенъ для хорошевской обители благотворившимъ ей преосвященнымъ Архіепископомъ Харьковскимъ Филаретомъ. Налѣво отъ иконостаса, устроено другое подобное же отдѣленіе, съ навѣсомъ поддерживаемымъ колоннами и убраннымъ изображеніями страстей Господнихъ. Здѣсь, подъ иконою Распятія, въ стеклянномъ футлярѣ сохраняется драгоценная по богатству и искусству исполненія золотошвейная плащаница, устроенная въ 1832 году усердіемъ игуменіи Анатоліи Веревкиной и монахини Антонины. Вообще почти все въ обители, начиная съ построекъ, до церковныхъ украшеній, богатыхъ утварей и ризницы, носитъ на себѣ слѣды благотворнаго настоятельства игуменьи Анатоліи, ибо въ нынѣшней обители хорошевской мало осталось замѣчательнаго отъ прежнихъ временъ. Хоры Вознесенскаго храма поддерживаются двумя массивными колоннами. Противъ праваго клироса, помѣщается игуменское мѣсто, а по стѣнамъ храма уставлены монашескія формы древняго

вида, съ вырѣзками для облакачиванія рукъ. На хорахъ пространство невелико, самый придѣлъ Владимірской Божіей Матери украшенъ скромно и просто; за олтарею его есть мѣсто, съ котораго открывается во всей красѣ весь величественный иконостасъ нижняго храма. Вообще чистота во всемъ храмѣ и опрятность производить самое отрадное впечатлѣніе.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ къ югу отъ соборнаго Вознесенскаго храма возвышается теплый каменный трехпрестольный храмъ Архангела Михаила, называемый трапезнымъ, хотя собственно трапезы тутъ никогда не бываетъ. Построенъ въ 1785 году стараньемъ игуменни Тавиенъ Сошальской. Онъ былъ сперва одноглавый, впоследствии же на западной его сторонѣ пристроена невысокая красивой архитектуры колокольня съ шпиремъ, обитымъ бѣлымъ желѣзомъ. Въ 1857 году, по мысли преосвященнаго архіепископа Харьковскаго Филарета, при игуменіи Антонинѣ Чубаровой, начато расширеніе этого храма пристройкой къ нему двухъ придѣловъ съ сѣверной и южной сторонъ, съ пробитіемъ арокъ въ стѣнахъ прежняго храма. Стараньемъ нынѣшней настоятельницы хорошевскаго монастыря игуменни Измарагды пристройки эти окончены, и въ нихъ устроены придѣлы: въ сѣверномъ во имя св. праведнаго Филарета милостиваго (д), а въ южномъ Рождества Предтечи. Въ настоящее время, храмъ этотъ хотя и не отличается обиліемъ свѣта, ибо куполь его несквозной и закрытъ внутри сводами, за то очень просторенъ, и по теплотѣ своей доставляетъ большое удобство въ зимнее время. На зиму сюда переносится и святая икона Владимірской Божіей Матери; для нея устроенъ особый кіотъ надъ царскими вратами средняго иконостаса. Украшенія этаго иконостаса сдѣланы въ старинномъ вкусѣ, что, при темной живописи и полусвѣтѣ храма, невольно переноситъ къ временамъ давно прошедшимъ. Новоустроенные придѣлы, изобилуя болѣе свѣтомъ, отличаются и новѣйшею формою своихъ небольшихъ иконостасовъ, соединяющихъ съ скромною простотою украшеній довольно хорошую живопись.

(д) Посвященіемъ этимъ хорошевская обитель хотѣла возблагодарить приснопамятнаго для ней архипастыря преосвященнаго Филарета. Много сдѣлалъ добра хорошевской обители недавно почившій этотъ святитель, но особеннымъ памятникомъ его попеченій останется въ ней навсегда устроеніе общей трапезы. Общая трапеза—великое благо для немущихъ инокинь.

Вообще въ этомъ храмѣ какъ то-особенно уютно, привольно душѣ; можно въ немъ найти себѣ и тихій уголокъ для усердной молитвы, неразвлекаемой посторонними взглядами; самый полусвѣтъ способствуетъ въ немъ внутреннему самоуглубленію. Изъ иконъ этого храма, обращаетъ на себя особенное вниманіе по древности своей живописи и уваженію, питаемому къ ней хорошевскими инокинями, старинная икона Божіей Матери, именуемая „Умгченіе злыхъ сердець.“ Она помѣщается слѣва у первой арки при самомъ входѣ въ храмъ, какъбы для того, чтобы строгимъ видомъ своего лика останавливать недостойныхъ молитвенниковъ, напоминая имъ, что идутъ они въ домъ молитвы,— въ домъ Царя небеснаго. При окончаніи богослуженія, всегда можно тутъ видѣть небольшое число молящихся пресвятой Дѣвѣ, предъ тусклымъ, озаряемымъ лампадою Ея святымъ ликомъ. Тутъ же съ лѣвой стороны отъ входа, отдѣлено перегородкой небольшое пространство, гдѣ помѣщается ризница монастырская, изобилующая изящными произведеніями искусныхъ въ золотошвейномъ дѣлѣ хорошевскихъ отшельницъ. Этимъ изъ-стари отличались онѣ, и совершенствуясь все болѣе и болѣе, снобжаютъ своими издѣліями многія городскія и сельскія церкви всего края. При довольно богатой утвари церковной, изящная ризница обители много придаетъ торжественной красы богослуженію въ ней въ праздничные дни. Стройный хоръ пѣвчихъ, хотя и немногочисленныхъ, но искусно подобранныхъ въ голосахъ, производитъ неменѣе пріятное впечатлѣніе въ посѣтителяхъ, никакъ не ожидавшихъ въ сельской глуши встрѣтить подобное благолѣпное богослуженіе.

Вокругъ церкви, разстилается небольшая площадка, заросшая ярко зеленою муравой, съ нѣсколькими пирамидальными тополями у церковныхъ стѣнъ. Произрастенія южнаго климата, деревья эти, поднимаютъ вершины свои до куполовъ храмовъ, остѣняя ихъ своею тѣнью. Тутъ же межъ церквей, пролегаетъ усыпанная пескомъ дорога къ св. вратамъ, и разбѣяно нѣсколько надгробныхъ памятниковъ, изъ коихъ болѣе всѣхъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе скромная рѣшетка, ограждающая мѣсто могильнаго покоя незабвенной для хорошевской обители игуменіи Анатоліи Веревкиной. Памятникъ этотъ находится у южной стѣны Вознесенскаго храма, распространеннаго и украшеннаго игуменьей Анатоліею, пожелавшею неразставаться съ нимъ и по смерти мѣстомъ своей могилы. Кро-

мѣ лицъ постороннихъ обители, на площадкѣ этой покоится большая часть прежнихъ ея обитательницъ, ибо хотя и существуетъ особое монастырское кладбище на пустоши противъ святыхъ вратъ, но тамъ хоронятся лишь послушницы — бѣлицы и нѣкоторыя рясофорныя, всѣ же инокини мантийныя, по древнему обычаю, погребаются близъ монастырскихъ церквей, хотя и непримѣтно тамъ могильныхъ насыпей. Насыпи эти сохраняются лишь до сороковаго дня почившихъ; въ этотъ же день, по обычномъ молитвенномъ поминовеніи, инокини сходятся на свѣжую могилу новопреставленной сестры, разносятъ землю могильной насыпи, укладываютъ мѣсто ея свѣжимъ дерномъ, оставляя лишь примѣтные имъ однимъ значки, по которымъ бы можно было, въ случаѣ нужды въ новой могилѣ, не потревожить старой, и такимъ образомъ оставляютъ самое мѣсто посмертнаго покоя безвѣстнымъ до славнаго всеобщаго воскресенія. Обычай этотъ, странный съ перваго взгляда, свидѣтельствуешь о смиреніи инокинь, почитающихъ себя отребіемъ міра, недостойными почитанія даже и по смерти, и желающихъ лучше быть попираемыми стопами проходящихъ. Онъ напоминаетъ отчасти святое смиреніе нѣкоторыхъ отцовъ — подвижниковъ древности, при кончинѣ умиленно просившихъ окружающихъ, повергнуть тѣла ихъ безъ погребенія на сѣденіе плотояднымъ звѣрямъ, или же зарыть въ глухомъ незнаемомъ мѣстѣ. „На судъ стану съ вами, говорилъ при кончинѣ великій Антоній своимъ ученикамъ, если прославите мѣсто моего покоя.“ Просьбы эти съ глубокимъ смиреніемъ соединяли чаяніе — за безчестіе земное получить почести небесныя. Площадка храмовъ окружена чистенькими одноэтажными келліями инокинь, съ полисадниками у оконъ, исполненными въ лѣтнее время множествомъ цвѣтовъ; межъ келліями этими, оставлены индѣ небольшіе промежутки, служащіе входомъ въ улицы и переулки иноческаго городка, раскинувшася въ чащѣ деревь. Все это поселеніе окружаетъ высокая каменная стѣна монастырской ограды, устроенной въ 1839 году, при игуменіи Анатоліи Веревкиной, однимъ благодѣтелемъ обители, харьковскимъ купцомъ Ковалевымъ. Простираясь на протяженіи 400 сажень, она стоитъ болѣе 13000 р. с. Но такъ какъ несмотря на всю многочисленность отдѣльныхъ келлій внутри монастырскихъ стѣнъ, не могли онѣ помѣщать всѣхъ подвижавшихся въ Хорошевской обители, особенно когда въ 1853 году было вос-

прещено обитаніе за оградю, гдѣ многіе имѣли собственныя келліи, ктому же, съ учрежденіемъ въ томъ же году общей трапезы, чувствовалась нужда въ пространномъ для нея помѣщеніи: то игуменья Антонина Чубарова, предприняла построеніе обширнаго каменнаго трехъ-этажнаго корпуса, который нынѣ возвышается съ западной стороны насупротивъ монастырскихъ храмовъ. Въ верхнемъ этажѣ этого корпуса помѣщаются настоятельскіе покои, рукодѣльни, трапеза и больница; въ среднемъ помѣщеніе инокинъ, а въ нижнемъ — просторныя и поварни. Помѣщеніе настоятельницы вмѣщаетъ и покои для пріѣзда архипастырей: они убраны прилично, но скромно, по иночески; въ довольно просторной пріемной, въ храмовыя и двенадцатые праздники, принимаетъ игуменья монастырскихъ священнослужителей и инокинъ. Тутъ же собирается ею при надобности и такъ называемый соборъ монастырскій, состоящій изъ особо заслуженныхъ почетныхъ старицъ, для обсужденія обще съ настоятельницею нѣкоторыхъ монастырскихъ дѣлъ. Трапеза свѣтла и просторна, сіяетъ чистотою своихъ столовъ и скамей; въ ней совершается неусыпное денно-нощное чтеніе псалтыри, исправляемое по очереди всѣми грамотными инокинями, и соединяемое съ моленіемъ о душахъ — живыхъ и усопшихъ. Прежде оно совершалось въ келліи при св. вратахъ, нынѣ же перенесено въ болѣе просторное и свѣтлое трапезное помѣщеніе. Тутъ же происходитъ умиленное по содержанію и значенію своему приготовленіе къ постриженію: отсюда въ предшествіи священнослужителей, подъ прикрытіемъ мантий иноческихъ, съ трогательною пѣснью тропаря покаяннаго: „объятія отча отверсти ми потщися“, ведутъ сестру въ храмъ для произнесенія священныхъ обѣтовъ. Въ старину, по преданію монастырскому, существовалъ тутъ особый обычай, — одѣвать постригаемыхъ въ мірскія одежды, украшать цвѣтами, и въ такомъ видѣ вести къ постригу, какъ бы подъ вѣнецъ съ безсмертнымъ женихомъ — Христомъ. Впослѣдствіи обычай этотъ, какъ несогласный съ духомъ иноческихъ обѣтовъ, былъ оставленъ. Особенно тяжелымъ въ старину, по рассказамъ древнихъ старицъ, былъ въ хорошевскомъ монастырѣ искусь новопостриженныхъ. Напримѣръ: пріемныя матери держали ихъ постоянно на молитвѣ въ церкви, днемъ и ночью. Если новопостриженная уставала и сонъ смыкалъ ся глаза, то чередная мать выводила ее изъ церкви, обводила вокругъ, и у каждаыхъ дверей

церковныхъ заставляла полагать по 100 поклоновъ. Это продолжалось съ дозволеніемъ малаго отдыха цѣлую седмицу. Нынѣ, по слабости человѣческихъ силъ, подвиги эти благоразумно умѣрены, и приспособляются къ силамъ и здоровью каждой. Остается сказать нѣсколько словъ и о больничномъ помѣщеніи, смежномъ съ трапезою. Больница эта служитъ великимъ благодѣяніемъ престарѣлымъ и болѣзненнымъ инокинямъ: въ теплѣ и чистомъ помѣщеніи, пользуясь христіанскимъ попеченіемъ и уходомъ, вдали отъ житейскихъ заботъ, неизбѣжныхъ и въ обители при жизни въ отдѣльной келліи, кончаютъ онѣ тутъ старческой вѣкъ, благословляя благочестивыхъ устроителей челоуѣколюбиваго пріюта. Онѣ содержится съ отмѣнной чистотой и опрятностью: опрятность какъ бы особая принадлежность Хорошевскаго монастыря; самые полы и лѣстницы въ немъ чистотою своею обманываютъ взоры, показываясь только что вышедшими изъ отдѣлки. Тѣнистый полисадникъ у лицевой стороны корпуса, обращенный къ храмамъ, красиво перемѣшиваетъ зелень своихъ деревьевъ съ изящными украшеніями стѣнъ. Далѣе къ югозападу раскинулся монастырскій садъ. Рядомъ съ теплымъ Михайловскимъ храмомъ возвышается другой небольшой каменный двухъ-этажный корпусъ, еще не вполне оконченный. Постройка его начата тоже вслѣдствіе тѣсноты и недостатка въ помѣщеніи внутри ограды. Остается обновить восточную часть ограды монастырской, т. е. св. врата, которыя низко своею и не красивою старинною постройкой, крайне негармонируютъ общему виду монастыря. Наканунъ главнаго храмоваго праздника хорошевской обители — Вознесенія Господня, во вратахъ этихъ, цѣлымъ соборомъ, въ предшествіи священнослужителей и настоятельница своей, встрѣчаютъ Хорошевскія инокини своего архипастыря, что бываетъ очень живописно и торжественно; ветхія старицы, еле влача ноги, смѣшиваются съ молодыми послушницами, чтобы еще разъ увидѣть своего владыку и принять, можетъ въ послѣдній разъ, святительское его благословеніе. За монастырской оградой, устроенъ гостинный дворъ для посѣтителей и богомольцевъ; онъ имѣетъ довольно количество свѣтлыхъ и чистыхъ номеровъ; для простолюдиновъ же находится особенное лѣтнее помѣщеніе внутри гостиннаго двора. Чистота и опрятность царствуютъ и здѣсь повсюду, привѣтливость же и гостепріимное попеченіе оставляютъ самое пріятное впечатлѣніе въ посѣтителяхъ. Нелзя ска-

зять, чтобы изобиловала ими хорошевецкая обитель, но и не лишена совершенно. Всякій почти воскресный и праздничный день есть тутъ прїѣзжіе богомольцы изъ недалекаго Харькова и сосѣднихъ селеній; въ посты же, число ихъ усугубляется: ибо многіе любятъ поговѣть въ св. обители и вдали отъ всего житейскаго насладиться умирительнымъ пѣніемъ монастырскихъ ликовъ. Особенное многолюдство бываетъ здѣсь въ храмовые дни Вознесенія и Владимірской Божіей Матери. На Вознесеніе кромѣ поствителей — богомольцевъ, многихъ изъ окрестности привлекаетъ сюда ярмарка, бывающая въ этотъ день у стѣнъ монастырскихъ. Въ этотъ день обычную тишину и уединеніе смѣняетъ говоръ и суэта людская, несоотвѣтствующія тихой обители.

Описавъ зданія Хорошевецкой обители, нелишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о средствахъ ея существованія, нравахъ и обычаяхъ, а также упомянуть и о нѣкоторыхъ обитавшихъ въ ней подвижникахъ. До введенія штатовъ, обитель эта владѣла землями и крестьянами, и имѣла довольно хорошія хозяйственныя заведенія. Положенная въ разрядъ монастырей 2 класса, утратила она большую часть прежнихъ своихъ владѣній. Нынѣ изъ поземельной собственности имѣетъ она небольшое количество земли и лѣса въ своихъ окрестностяхъ и мукомольную мельницу на рѣкѣ Удахъ, въ пяти верстахъ отъ монастыря; числятся также за нею рыбныя ловли по рѣкѣ Донцу, отдаваемые въ арендное содержаніе, и небольшое количество земли въ Курской губерніи, въ двухъ участкахъ; при одномъ изъ нихъ находится также мукомольная мельница. Въ Харьковѣ имѣетъ обитель часовню съ небольшимъ помѣщеніемъ для прїѣзда настоятельницы и сестеръ; обезпечена она также и небольшимъ капиталомъ, положеннымъ нѣкоторыми ея благотворителями въ кредитныя установленія, — проценты съ него ограждаютъ ее отъ крайнихъ нуждъ. Все это, вмѣстѣ съ добродѣтельными жертвованіями и выручкою отъ продажи производимыхъ въ этой обители золотошвейныхъ и другихъ работъ, даетъ ей средства, хотя къ скудному, но все же безбѣдному существованію. Ктому же, хотя и существуетъ въ обители общая трапеза, но ходить въ нее совершенно зависитъ отъ желанія инокинь; вслѣдствіе чего, большая часть изъ нихъ, имѣющая средства, готовитъ себѣ пищу по келліямъ, монастырскою же пользуются лишь крайне неимущія, что и составляетъ для нихъ большое благодѣя-

ніе. Большая часть отдѣльныхъ келлій составляетъ пожизненную собственность своихъ обитательницъ, поставившихъ ихъ своими средствами, или же внесшихъ за нихъ въ обитель денежный вкладъ. Живущія отдѣльными келліями, имѣя отъ обители послушницъ, кормятся, отапливаются и одѣваются своими средствами, или же заработками: нѣкоторыя обучаютъ дѣтей-дѣвочекъ, другія обдѣлываютъ фольгой иконы, или шьютъ золотомъ церковныя вещи. Обитель, впрочемъ, не отказываетъ никому изъ нихъ въ хлѣбъ или сырыхъ продуктахъ въ случаѣ нужды, смотря по своимъ средствамъ и запасамъ; неимѣющіе же собственныхъ келлій, помѣщаются въ корпусъ монастырскомъ, кормятся и одѣваются на счетъ монастыря, но зато и работаютъ на него, живя на правилахъ строгаго общежитія. Общія же послушанія по церкви и монастырскому управленію, несутся одинаково и тѣми и другими, смотря по способности и достоинству каждой; равно всѣ находятся въ полномъ послушаніи у своей настоятельницы. Жизнь хорошевскихъ инокинь, съ начала ихъ подвига и до конца, тихо и мирно течетъ среди молитвы и трудовъ, и многія изъ нихъ доживаютъ до глубокой старости. Трогательно бываетъ смотрѣть на этихъ древнихъ старушекъ, которыя, еле влача ноги, идутъ въ Божій храмъ а между тѣмъ бодро выстаиваютъ продолжительныя монастырскія богослуженія, обновляемыя духомъ молитвы. При монастырскихъ храмахъ имѣются два священника и діаконовъ, живущіе на полномъ содержаніи отъ обители, и получающіе отъ нея извѣстное вознагражденіе. Богослуженіе Хорошевскаго монастыря отличается исполненіемъ всего указаннаго церковнымъ уставомъ. Чтеніевнятное, пѣніе на два клироса; стихиры поются съ канонархами. Въ лѣтніе праздничные дни, всенощныя бдѣнія отправляются съ вечера и отличаются своею продолжительностію. Неопустительно совершается также инокинями въ церкви вечернее правило. Оно совершается около 7 часовъ по полудни одними инокинями, безъ участія священнослужителей, въ полумракѣ храма, что невольно содѣйствуетъ молитвенному настроенію души. Кое-гдѣ теплится тихая лампада у св. иконъ иконостаса, въ церкви господствуетъ болѣе мракъ и какая-то таинственная тишина, чувствуется какъ-бы ожиданіе чего-то неземнаго. И вотъ, среди этой ничѣмъ ненарушаемой тишины, ясно раздаются внятное чтеніе каноновъ и молитвъ, сопровождаемое легкимъ шорохомъ земныхъ поклоновъ. Кое-гдѣ тяжелый

вдохъ обличаетъ молитвенную скорбь грѣшной души, и какъ сладостенъ бываетъ тогда возгласъ: "Исусе сладчайшій спаси мя!", раздающійся подъ сводами храма, и улетающій оттолѣ къ невидимому престолу небснаго Царя. Но вотъ приближается и конецъ вечерняго молитвословія: при окончаніи молитвъ на сонъ грядущимъ, замѣтно оживленіе въ церкви, клиросы сходятся на середину, остальные молитвенники храма тоже присовокупляются къ нимъ, окружаютъ аналогій съ иконою, въ которую вставленъ небольшой крестъ, заключающій въ себѣ святыню,—часть древа животворящаго креста Господня. Раздается сладостное пѣніе стихиръ животворящему Кресту, изъ коихъ особенно выразительно звучитъ умиленной благоговѣйными чувствами душъ торжественная пѣснь: "Господи, оружіе на діавола крестъ твой далъ еси намъ, трепещеть бо и трясется, не терпя взирати на силу его, яко мертвые возставляеть и смерть упраздни: сего ради поклоняемся погребенію твоему и возстанію". Во время этого пѣнія, всѣ присутствующіе въ храмѣ, благоговѣйно поклоняются и прикладываются къ святынѣ, лежащей на аналогіи, и потомъ, въ тихомъ раздумьи, расходятся на покой ночной, очень легко могущій превратиться для насъ въ покой вѣчный, прообразомъ коего онъ намъ и служить.

Нѣкоторыя подвижницы хорошевскаго монастыря оставили по себѣ благоговѣйную и назидательную память въ потомствѣ. Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ по справедливости настоятельница монастыря, приснопамятныя игуменіи Евпраксія Тимошенкова (1812—1827 гг.) и Анатолія Веревкина (1827—1849 гг.). Игуменья Евпраксія происходила изъ дворянской фамиліи Тимошенковыхъ. Оставшись послѣ родителей своихъ круглою сиротой, пріютилась она еще въ раннихъ годахъ своей жизни у старшей своей сестры, бывшей въ замужествѣ за довольно богатымъ землевладѣльцемъ. По несчастію, сестра кроткой и доброй Евпраксіи, была совершенно противоположныхъ ей свойствъ и причиняла ей много скорбей. Но за это вознаграждала Евпраксію любовь и привязанность къ ней племянниковъ—малютокъ, которымъ и посвящала она все свое свободное время, нерѣдко защищая ихъ собой отъ гнѣва вспыльчивой матери. Подобное участіе принимала она также въ прислугѣ и крестьянахъ подвластныхъ ей сестрѣ; она была ихъ всегдашнею заступницей предъ разгнѣванной ихъ госпожей, нерѣдко и сама претерпѣвая отъ нея за это брань и даже побои. Однажды, озлобленная

всегдашними ея просьбами и увѣщаніями, сестра заперла ее въ темный холодный чуланъ, гдѣ и держала ее около сутокъ безъ пищи; но терпѣніе Евпраксіи превозмогло злобу. Сама сестра ея, утрашенная обличительнымъ свидѣніемъ, на колѣняхъ въ послѣдствіи умоляла ее о прощеніи безумнаго этаго проступка, и съ тѣхъ поръ начала особенно уважать благочестивую свою сестру. Но и на Евпраксію случай этотъ имѣлъ особенное вліяніе: по собственнымъ ея словамъ, въ это тяжелое для нея время, имѣла она видѣніе святителя и чудотворца Николая, утѣшившаго ее въ заключеніи, послѣ чего и дала она обѣтъ, остальную свою жизнь посвятить Богу въ иноческомъ образѣ. Вскорости, при помощи сестры, выстроила она себѣ келлію въ хорошевскомъ монастырѣ, куда и поступила, уже не молодыхъ лѣтъ. Избранная въ игуменіи въ 1812 году, она несла послушаніе это до самой блаженной своей кончины, хотя по старческой своей немощи сильно тяготилась имъ и неоднократно просилась у епархіальнаго начальства на покой. Тогдашній архипастырь Харьковскій, преосвященный епископъ Павелъ Саббатовскій, отменно уважавшій добродѣтельную старицу, всякій разъ уговаривалъ ее еще потрудиться для Господа, и посланіями увѣщевалъ ее къ тому. Однажды прибыла къ нему мастистая старица въ Харьковъ, всячески упрасивая его, освободить ее отъ бремени, превышающаго старческаго ея силы. Но преосвященный Павелъ уговорилъ ее и на этотъ разъ еще потрудиться немного на пользу обители, и какъбы пророчески сказалъ ей: „и ты, возлюбленная о Господѣ сестра, и я многогрѣшный, оба поставлены Господомъ Богомъ трудиться и сберечь Его ниву: будемъ же трудиться до конца, чтобы и намъ нѣкогда сказать съ царемъ псалмопѣвцемъ: пою Богу моему дондеже есмь.“ Слова эти дѣйствительно исполнились на обоихъ,—и преосвященный Павелъ, и игуменія Евпраксія, трудились до конца своей жизни, и скончались въ занимаемыхъ ими санахъ и должностяхъ. Памятникомъ настоятельства игуменіи Евпраксіи остались въ хорошевской обители серебропозолоченныя богатыя ризы на мѣстныхъ иконахъ Спасителя и Богоматери въ соборномъ Вознесенскомъ храмѣ. Риза на икону Спасителя была привезена не задолго до кончины добродѣтельной старицы, которая пламенно желала дожидаться ее, чтобы предъ смертью наглядѣться на сію икону въ новой ризѣ. Она просила принести икону въ свою пріемную, и съ трудомъ

перешедши туда изъ своей келліи, упала передъ образомъ на колѣни, воскликнувъ: „дождалась я наконецъ видѣть еще разъ лице моего Господа на земли, сподоблюсь ли этого тамъ, куда готовлюсь вскорѣ предстать!“ Во время предсмертной своей болѣзни, съ терпѣніемъ переносила она тѣлесныя страданія, при чемъ говорила окружающимъ ее сестрамъ и роднымъ своимъ: „трудно, сестры, трудно, родныя мои, достигнуть небснаго царствія, впрочемъ надѣюсь на милость Божию.“ Предъ концемъ же, тихо, какъ бы съ увѣренностью, произнесла: „достигла по милости Божіей“, — и съ этимъ словомъ мирно скончалась 4 февраля 1827 года. Старица была погребена близъ сѣверной олтарной стѣны трапезнаго Михайловскаго храма; при расширеніи же этого храма придѣлами, могила ея отошла подъ олтарь нынѣшняго Филаретовскаго придѣла. (д)

Игуменья Анатолія, происходила изъ дворянской фамиліи Веревкиныхъ. Оставшись сиротою въ юныхъ годахъ, вмѣстѣ съ сестрою воспитывалась у дяди, который очень любилъ ихъ обихъ. Почувствовавъ влеченіе къ иноческому уединенію, открыла она желаніе свое дядѣ, но тотъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Долго томясь душою, она наконецъ тайно скрылась изъ дома дяди, жившаго въ Курской губерніи, и пришла въ хорошевскій монастырь, гдѣ жила тетка ея монахиня. Долго не зналъ дядя, гдѣ скрывалась его племянница; узнавъ же о пребываніи ея въ монастырь, разгнѣвавшись сказалъ, что болѣе не хочетъ ее знать и считать своею родною. Это значило, что молодой дворянкѣ-послушницѣ надлежало бороться съ нуждами и нуждами обучать душу свою иноческому смиренію и молитвѣ. Предъ смертию своею впрочемъ дядя пригласилъ ее къ себѣ и испросилъ у нея прощеніе за незаслуженный ею гнѣвъ. Избранная въ 1827 году игуменьею, она, можно сказать, возсоздала хорошевскую обитель своими стараньями и неуспынными трудами и заботами. Все вынѣшнее благоустройство обители, соборный храмъ, каменная ограда, колокольня, драгоценныя ризы на иконахъ и утвари церковныя, богатая ризница, — все это носить на себѣ память ея попеченій, — устроено ею самой, или добротнымъ попеченіемъ жертвователей, которыхъ прив-

(д) При рытіи фундамента подъ этотъ придѣлъ, было, говорятъ, открыто нѣсколько гробовъ, съ совершенно нетлѣнными тѣлами: одинъ изъ нихъ былъ признанъ гробомъ игуменіи Евпраксіи, память которой съ тѣхъ поръ особенно уважается въ хорошевской обители.

декала благою своею жизнію и ласковымъ обхожденіемъ. Гостепріимство было отличительной ея чертой; не говоря о посѣтителяхъ почетныхъ, самые простолюдины не отходили отъ ея порога неутѣшенными и необласканными. Въ полномъ значеніи слова, была она матерью не однихъ лишь своихъ подчиненныхъ, но и многихъ неимущихъ въ окрестности; много сиротъ были ею воспитаны; въ горѣ и нуждѣ всякій шелъ къ ней смѣло, съ надеждою получить утѣшеніе и посильную помощь. Сестра ея также окончила жизнь въ Хорошевѣ въ званіи монахини казначеи, раздѣляя настоятельскіе труды попечительной Анатоліи. 22 года управляла она хорошевскою обителью, и мирно почивла въ августѣ 1849 года, на 66 году жизни, тогда какъ цвѣтущее лице ея не давало ей на видъ болѣе 45 лѣтъ (е).

Съ особеннымъ уваженіемъ чтится также въ хорошевскомъ монастырѣ память инокини Варвары понамарки (ж). Старица Варвара подвизалась во времена настоятельства игуменіи Евпраксіи; она отличалась смиреніемъ и сердечною простотою. Нестяжаніе ея было крайнее: кромѣ гошой скамьи, убогихъ сосудовъ и фонаря, ничего нельзя было найдти болѣе въ ея келліи; о самой пищѣ мало когда она заботилась, питаясь по большей части отъ щедрости игуменьи и другихъ сестеръ. Никто никогда не видалъ ее праздною. Кромѣ не легкаго служенія пономарскаго по церкви, руки ея постоянно были заняты плетеніемъ шерстяныхъ чотокъ; въ самой церкви, на утрени во время чтенія псалтири, когда обыкновенно другія сидились для отдохновенія, бодро стояла она на ногахъ, руками плетя свои чотки, умомъ же внимая читаемому Божественному писанію. Особенное усердіе имѣла старица къ соименной ей св. великомученицѣ Варварѣ, пламенно желая, чтобы былъ въ хорошевской обители храмъ во имя этой святой. Она начала собирать на этотъ предметъ гроши и копѣйки, выпрашиваемыя у посѣтителей; тщательно храня все собранное такимъ образомъ, умножала она сборъ свой и другими пріобрѣтеніями. Напримѣръ: имѣла старица близъ своей келліи нѣсколько кустовъ смородины,

(е) Въ игуменскихъ покояхъ хранится очень схожій портретъ матери Анатоліи, благолѣпное лице которой вполне выражаетъ милостивую и сострадательную ея душу.

(ж) Пономарками въ женскихъ обителяхъ называются пожилыхъ дѣтъ и благочестивой жизни мантийныя монахини, которымъ разрѣшенъ входъ въ олтарь, гдѣ онѣ исполняютъ пономарское служеніе.

ягоды съ которыхъ, никогда не вкушая, тщательно сбегала она до храмовыхъ праздниковъ монастыря, и въ эти дни распродала богомольцамъ; или же выпрашивала негодные въ церкви огарки восковыхъ свѣчъ и изъ нихъ потомъ дѣлала небольшія свѣчи и продавала проходящимъ. Ничѣмъ нельзя было болѣе утѣшить убогую старицу, какъ положила что-либо въ ея кружку: по благодарности нерѣдко кланялась она въ ноги за самое скудное подаваніе. Подвигъ этотъ, продолжавшійся не одинъ десятокъ лѣтъ, увѣнчался наконецъ нѣкоторымъ успѣхомъ: въ кружкѣ старицы собралось около 3 тысячъ рублей ассигнаціями, вслѣдствіе чего, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ хорошевскую обитель тогдашняго архипастыря Харьковскаго преосвященнаго Павла, приступила она къ нему съ смиренною просьбою, благословить ей построеніе въ хорошевскомъ монастырѣ храма во имя святыя великомученицы Варвары. Благосклонно выслушавъ почтенную старицу, владыка замѣтилъ ей, что для построенія храма нужна довольно значительная сумма денегъ. Старица отвѣчала, что собрано ею цѣлыхъ 3 тысячи, по простотѣ своей предполагая, что ихъ будетъ очень достаточно для построенія желаемаго ею храма. Похваливъ ея усердіе, преосвященный замѣтилъ, что собранныхъ ею денегъ очень недостаточно еще для такой значительной постройки, ибо за 3 тысячи можно лишь выстроить храмъ изъ шелевки, покрытый тесомъ. Хоть и такой, ваше преосвященство, радостно отвѣтствовала старица, видѣвшая какъ бы уже совершившимся свое задушевное желаніе. Но мудрый архипастырь посовѣтовалъ ей еще потрудиться немного для Господа, обнадеживая впослѣдствіи разрѣшить желаемую постройку. Но старица не суждено было дожидаться этого разрѣшенія: труженица скоро окончила земное свое шествіе, самой замѣчательной христіанской кончиной. Напутствованная св. таинствами, радостно готовилась она къ переходу въ блаженную вѣчность, въ болѣзни своей не разставаясь съ обычными своими иноческими подвигами. Нѣкоторыя усердствовавшія къ ней сестры предлагали ей перемѣнить жесткую скамью, на которой она лежала, на болѣе мягкое спокойное ложе, но съ твердостью воспротивилась этому старица, до конца желавшая соблюсти иноческую свою нищету и угнетеніе тѣлесное. Но вотъ приблизился и часъ ея отшествія: окружающія смертныя ея одры затеплили одну изъ свѣчъ ея руководѣлья, но старица приказала ее потушить, примолвивъ, что не стоитъ

того, чтобы такъ долго горѣла надъ нею свѣча и что сама скажетъ, когда нужно будетъ ее зажечь. Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно потребовала она зажженную свѣчу и, взявъ ее въ руки, радостно улыбулась, взглянула на окружающихъ ее одръ, и съ этимъ мирно отошла въ вѣчность, чтобы и тамъ, по подобію евангельскихъ мудрыхъ дѣвъ, съ горящимъ свѣтильникомъ добрыхъ дѣлъ, предстать Жениху нашихъ душъ Господу. Она была погребена близъ сѣверной олтарной стѣны Вознесенскаго храма (з); собранная же ею сумма денегъ, по общему совѣту была употреблена на сооруженіе серебropозолоченной ризы на мѣстную икону Божіей Матери въ Вознесенскомъ храмѣ; на нижней части ризы утверждена на финифетовой дощечкѣ надпись, гласящая, что устроена она тщаніемъ и трудами старицы инокини Варвары.

Памятны также въ хорошевскомъ монастырѣ по строго-подвижнической жизни старицы-схимонахини Херувима (Чеботарева) и инокиня Марія (Кубасова). Схимонахиня Херувима, родомъ изъ купческаго званія города стараго Оскола, Курской губерніи, съ молодыхъ лѣтъ посвятила себя на служеніе Богу въ иноческомъ чинѣ. По убѣжденію архипастыря Харьковскаго, преосвященнаго Филарета, очень желавшаго имѣть въ числѣ инокинь хорошевскихъ хотябы одну въ великомъ схимонашескомъ образѣ, восприняла она отъ его рукъ схиму, и вмѣстѣ съ тѣмъ усугубила строгость и безъ того примѣрной подвижнической своей жизни. При этомъ, по любви своей къ

(з) Въ 1835 году, когда игуменья Анатолія приступила къ разширенію пристройками тѣснаго въ прежнее время этого храма, то при рытіи рововъ подъ фундаментъ этихъ пристроекъ, принуждены были коснуться могилы блаженной старицы, вслѣдствіе чего и рѣшено было перенести гробъ ея на другое мѣсто. При этомъ не смотря на цѣлый десятокъ протекшихъ лѣтъ, не только гробъ, но и самыя одежды почившей были найдены цѣлыми и крѣпкими, равно и тѣло ея оказалось совершенно нетлѣннымъ. Приподнявъ крестъ иноческаго клобука, закрывавшій лице и руки усопшей, инокини узнали знакомыя черты старческаго лица, свѣтлаго и чистаго какъ бы у недавно почившей; на рукахъ лишь замѣтили не много пыли, проникшей чрезъ скважины гроба и рѣшили ихъ омыть слегка водою, при чемъ для удобства хотѣли вынуть держимый усопшею крестъ, но не могли этого сдѣлать, ибо твердо держала она его, какъ залогъ своего спасенія. По отпѣтіи погребенія, гробъ блаженной старицы опустили въ новую могилу, которая находится теперь близъ сѣвернаго крыльца Вознесенскаго храма, у стѣны къ востоку.

уединенію и глубокому смиренію, очень тяготилась она любопытствомъ посѣтителей, привлекаемыхъ схимническимъ ея одѣяніемъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже посѣщали ея келлію, желая услышать отъ ней душеполезный совѣтъ или наставленіе. Смиренная старица всячески старалась избѣгать знаковъ этого къ ней уваженія; въ самый храмъ проникала она незамѣтно для другихъ, предвѣря заранѣе начало богослуженія, и обыкновенно становилась въ потаенномъ мѣстѣ храма. Монастырскія пономарки, обязанныя послушаніемъ своимъ прежде другихъ обрѣтаться въ церкви предъ богослуженіемъ, всегда заставляли ее уже во храмѣ, погруженную въ безмолвную молитву. Нерѣдко и въ келліи своей утаевалась она отъ сожительства съ нею въ отдѣльный-уединенный покой, обыкновенно нетопленный даже зимой, гдѣ и пребывала иногда по цѣлымъ днямъ въ молитвенномъ безмолвіи. Любила она также въ глухую полночь обходить келліи инокинъ, прибирать и подметать внутренніе ихъ дворики, облегчая тѣмъ труды послушницъ, которыя долгое время и не подозревали, что это сама всѣми уважаемая старица помогаетъ имъ въ смиренныхъ трудахъ, собственнымъ смиреніемъ поучая и ихъ этой главной иноческой добродѣтели. По воспріятіи на себя схимы, не долго прожила добродѣтельная старица. Однажды, при совершеніи схимческаго своего правила, отъ многихъ земныхъ поклоновъ, получила она апоплексическій ударъ, отъ котораго вскорѣ и скончалась.

Инокія Марія, родомъ изъ дворянъ Курской губерніи, поступила въ хорошевскую обитель около 1804 года и подвизалась въ ней до глубокой старости. Пожертвовавъ обители большую часть своего состоянія, сама она вела жизнь самую строгую и воздержную, отказывала себѣ въ самомъ необходимомъ. Воздержаніе ея было такъ велико, что никогда не вкушала масла коровьяго, довольствуясь однимъ елеемъ, и то не свѣжимъ, ибо пріобрѣтала его обыкновенно однажды на цѣлый годъ Нерѣдко по цѣлымъ днямъ питалась одной просфорой. Одежду носила самую грубую, приличную лишь бѣднѣйшей послушницѣ. Самый сонъ принимала она очень ненадолго, посвящая большую часть ночи уединенной молитвѣ; утомившись въ молитвенномъ подвигѣ, стоя на колѣняхъ и опершись локтями о полъ, задремлетъ бывало ненадолго, чтобы опять продолжать свое бдѣніе. Приближаясь къ кончинѣ, старица

начала отчасти проявлять въ себѣ даръ предвѣдѣнія (и). Во время самой предсмертной своей болѣзни, не оставляла старица обычнаго своего воздержанія. Томимая жаждою, никакъ не хотѣла она утолять ее часто водою, боясь грѣха невоздержанія. Кончина ея была самая мирная, христіанская.

Изъ священнослужителей хорошевскаго монастыря, особенно памятны долговременнымъ своимъ служеніемъ и благочестивою жизнію іереи Іоаннъ Острогорскій и Михаилъ Ястремскій; послѣдній прослужилъ при хорошевскихъ храмахъ около 50 лѣтъ.

Сообщивъ свѣдѣнія о внѣшнемъ и внутреннемъ состояніи Вознесенскаго хорошевскаго монастыря и упомянувъ, хотя вкратцѣ, о нѣкоторыхъ его подвижникахъ, невольно прихожу къ мысли: достигнута ли мною цѣль, доставить читателямъ моимъ чтеніе душеполезное? Въ наше время, скудное благочестіемъ и примѣрами христіанскаго подвижничества, обильное же невѣріемъ и пристрастіями земными, пріятно и назидательно бываетъ вспомнить и малое о лицахъ подвизавшихся почти въ наше время, почти намъ современныхъ, нелѣбно шедшихъ по трудной стезѣ спасенія. Примѣры назидательной ихъ жизни бываютъ полезны и намъ, отрезвляя наши души среди мірской суеты и тревоженій моря житейскаго. Съ этою цѣлію предложено мною описаніе тихой монастырской жизни въ одной изъ нашихъ обителей, этихъ обильныхъ со-

(и) Изъ разказовъ о прозорливомъ предвѣдѣніи старицы Маріи особенно памятнымъ остался мнѣ разказъ одной бѣдной вдовы старушки, матери довольно многочисленнаго семейства, которая была знаема этою старицею и часто посѣщала ее въ Хорошевской обители. Однажды посѣтила она ее съ дочерью дѣвушкой, бывшей въ это время невѣстой. На радостное сообщеніе матери, что Господь устраиваетъ судьбу ея дочери, старица грустно покачала головой и, воспользовавшись отсутствіемъ вышедшей въ то время дочери, тихо, по обычаю своему, сказала ей: «невѣста твоя хороша, но только Жениха не возьмаетъ». Пораженная этими словами, мать помыслила, что въ такомъ случаѣ, вѣрно придется ей возложить надежды свои на старшаго своего сына. «Недолгій и онъ жилецъ бѣлаго свѣта», отвѣтствовала ей прозорливая старица. На кого же мнѣ надѣяться, кто прокормитъ меня до смерти?—воскликнула огорченная мать. «Надѣйся на Бога; прокормитъ тебя меньшій твой сынъ, но nebude тебѣ его хлѣбъ очень сладокъ»,—отвѣчала ей старица, и съ точностію сбылись въ свое время всѣ ея слова.

кровищницѣ благодатнаго преуспѣянія въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Благая цѣль и желаніе да послужать мнѣ извиненіемъ, буде найдутся въ моемъ трудѣ какія-либо погрѣшности.

Андрей Ковалевскій.

ПИСЬМО КЪ МИТРОПОЛИТУ ФИЛАРЕТУ ПРИМАСА ЕПИСКОПАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ШОТЛАНДІИ.

Когда дошло до моего свѣдѣнія, что скоро, въ ближайшемъ мѣсяцѣ, ваше преосвященство совершите пятидесятый годъ вашего епископскаго служенія въ православной церкви Русской, я почувствовалъ себя обязаннымъ, подъ вліяніемъ живаго воспоминанія о любезномъ приѣмѣ меня вашимъ преосвященствомъ въ Москвѣ въ прошедшемъ году, обратиться къ вамъ съ моимъ самымъ сердечнымъ и исполненнымъ уваженія поздравленіемъ по поводу событія, столь полнаго значеніемъ.

Ваше имя давно извѣстно въ Англіи, какъ имя самаго отличнаго, самаго широко-сердечнаго іерарха, который когда-либо занималъ архіепископскій престолъ московскій, какъ имя, которое будетъ воспоминаться здѣсь долго послѣ того, какъ вы получите ваше вѣчное воздаяніе. Безъ сомнѣнія, настоящее событіе представитъ самый удобный случай для вашихъ собратій-соотечественниковъ и собратій по церкви возобновить въ памяти достославную дѣятельность, ознаменовавшую пожизненное поприще вашего преосвященства, въ продолженіи долгаго и полнаго событіями періода, протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ промыслъ Божій призвалъ васъ къ епископскому служенію въ церкви Христовой. Я могу понять силу чувствованій, съ какими они будутъ праздновать этотъ юбилей,—силу благодарности къ величію и всемогуществу Бога, такъ благобно сохранявшаго въ теченіе столь многихъ лѣтъ жизнь правителя, вліяніе котораго на пользу добра было чувствуемо далеко за предѣлами его собственной епархіи, который добрыми дѣлами проливалъ свѣтъ не только на церковь, которою онъ такъ прекрасно управлялъ, но и на страну, давшую ему рожденіе; при чемъ однакоже не можетъ быть устранено и прискорбное убѣжденіе, что ихъ

чтобъ при Московскихъ церквахъ не былъ благовѣсть прежде соборнаго. Особенно въ дни крестныхъ хожденій и въ торжественные, наприм. въ Пасху; въ это время не только ранѣе, но и позже соборнаго не велѣно производить въ церквахъ благовѣсть. — Въ 1726 году 11 маія Дикастерія объявила въ Москвѣ старостамъ поповскимъ (благочиннымъ того времени), наблюдать, гдѣ услышанъ будетъ благовѣсть не въ одно время съ соборнымъ, и доносить въ канцелярію Дикастеріи немедленно; а на слушникахъ брать штрафы, по упомянутому указу М. Стефана 1714 года Іюня 9 дня, по 10 р. Ежели старосты поповскіе о томъ не донесутъ, штрафъ брать съ нихъ вдвое. Въ 1727 г. 31 іюля вновь объявлено Московскимъ священникамъ при церквахъ имѣть благовѣсть по соборному; а прежде, и весьма поздно, не въ обычные часы, отнюдь бы благовѣста нигдѣ не было.

Для лучшаго же соблюденія правилъ о благовѣстѣ къ церковному служенію, Дикастерія тогда постановила, за дальностію соборнаго благовѣста, слушать звонъ при слѣдующихъ церквахъ, а именно: 1) Ивановскаго сорока, — въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, у великомученика Никиты за Язую, у Воскресенія въ Барашахъ, у Ильи Пророка, что на Воронцовомъ полѣ; 2) Срѣтенскаго, — въ Срѣтенскомъ монастырѣ, у Спаса, что въ Пушкаряхъ, у Успенія на Покровкѣ, у Харитона Исповѣдника; 3) Никитскаго, — въ Никитскомъ, Егорьевскомъ и Страстномъ монастыряхъ, у Вознесенія, что за Никитскими воротами; 4) Пречистенскаго, — въ монастыряхъ Воздвиженскомъ, Алексѣевскомъ дѣвичьемъ (бывшемъ на Пречистенкѣ), Зачатіевскомъ дѣвичьемъ, у Николоявленской церкви, что за Арбатскими воротами, и 5) Замоскворѣцкаго, — у церкви Воскресенія Христова, что въ Кадашевѣ, Николая Чудотворца, что въ Берсеневкѣ, Космы и Даміана, что въ нижнихъ Садовникахъ, Іоанна Воинственника. — При семъ Дикастерія не приминула присовокупить: ежели церковники въ слушаніи церковнаго благовѣста будутъ поступать нерадиво и несохранно, какъ предписано, и отъ того въ сорокахъ у прочихъ церквей учинить благовѣсть преждевременно, на таковыхъ церковникахъ безъ всякаго милосердія взятъ будетъ штрафъ: за первый случай нераченія 2 рубля, за второй вдвое, за третій втрое; а кромѣ того они будутъ наказаны и лишены своего чина.

Св. Синодъ, бывши въ Москвѣ въ 1731 году, съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что въ Пасху 19 Апрѣля начали

въ нѣкоторыхъ церквахъ благовѣститъ равнѣ соборнаго, и велѣлъ подтвердить, чтобъ отнюдь въ церквахъ благовѣста прежде соборнаго не было.

По указу Св. Синода, отъ 9 іюля 1744 г., Московская Дикастерія наименована Консистоіею. — Консистоіа не разъ указывала Московскимъ священнослужителямъ на выше изложенное распоряженіе Дикастеріи относительно соблюденія порядка въ благовѣствѣ церковномъ.

Митрополитъ Тимоѳей, съ каеэдры Кіевской епархіи 23 января 1768 года прибывшій на каеэдру Московской епархіи, того же года 4 маія далъ предписаніе, чтобъ по всѣмъ въ Москвѣ церквамъ и монастырямъ благовѣствѣ, какъ къ всенощнымъ, такъ литургіямъ и вечернямъ былъ по благовѣсту большаго Успенскаго собора непременно, т. е. неранѣе и не позднѣе, особенно къ утрениамъ. Когда въ соборѣ бываетъ благовѣствѣ ко всенощнымъ съ вечера, то и по всѣмъ церквамъ и монастырямъ быть всенощнымъ съ вечеражъ.

Преосвященный Амвросій также не допускалъ безпорядка въ времени благовѣста при церквахъ. Въ 1770 году Пр—ный въ Великій постъ, когда услышалъ, что при нѣкоторыхъ церквахъ благовѣствѣ къ часамъ производится прежде соборнаго, велѣлъ Консистоіи вызвать виновныхъ и наказать за нарушеніе порядка; а закахикамъ, или благочиннымъ посланы указы, чтобы никто благовѣста прежде соборнаго производить не дерзалъ.

Всенощныя въ Москвѣ совершались съ вечера при государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ съ 25 апрѣля, яко дня коронаціи государыни, и продолжались до 16 августа, а при Государынѣ Екатеринѣ II съ 21 апрѣля, яко дня ея рожденія, и продолжались до 15 августа.

Въ 1772 году іюля 13 московская Св. Синода контора разрѣшила въ Москвѣ, отправлять въ монастыряхъ и церквахъ въ храмовые праздники, бывающіе въ лѣтнее время, съ вечера всенощныя съ обыкновеннымъ благовѣстомъ и звономъ.

Во время пребыванія государыни Екатерины II въ Москвѣ въ 1775 году, изъ главнаго дежурства при государынѣ, 22 апрѣля объявлено было, чтобы въ наступающій праздникъ св. Пасхи ко всенощному бдѣнію при церквахъ не начинали благовѣста, прежде чѣмъ данъ будетъ сигналъ изъ трехъ пушекъ и начнется благовѣствѣ соборный на Ивановской колокольнѣ.

Преосвященный Платонъ, вступившій на каеэдру москов-

ской епархіи въ 1775 г. 21 января, всегда наблюдалъ, чтобы въ день св. Пасхи благовѣсть при церквахъ московскихъ производилась не иначе какъ по благовѣсту соборному. Въ другіе дни, особенно праздничные, причты также обязаны были начинать благовѣсть при церквахъ не прежде благовѣста соборнаго; наблюденіе за симъ поручалось благочиннымъ, а иногда консисторскимъ солдатамъ. На дни Страстной седмицы и Свѣтлой недѣли ранѣе былъ объявляемъ чинъ благовѣста или показаніе, въ какіе часы и къ какой службѣ начнется соборный благовѣсть, по которому должно было производить благовѣсть при церквахъ. За начатіе благовѣста прежде соборнаго взыскивался съ причтовъ штрафъ отъ 3-хъ до 10-ти рублей. Консисторскимъ солдатамъ, за открытіе нарушителей порядка, шла доля изъ штрафа. Не избавлялся отъ штрафа и тотъ причтъ, который производилъ у себя благовѣсть по примѣру другой церкви, начавшей благовѣсть прежде соборнаго. Въ обыкновенные дни велѣно было при церквахъ производить благовѣсть къ утрени не позже 6 часа по полуночи, а къ вечерни не позже 6 часа по полудни. Приходскіе священники для служенія съ вечера всенощныхъ на дни храмовыхъ праздниковъ испрашивали разрѣшенія Пр—го, или, въ небытность его въ Москвѣ, Консисторіи. Но въ 1785 г. мая 6 Пр—ный объявилъ, что на праздничные храмовые дни, бывающіе отъ 21 апрѣля по 15 августа, ко всенощнымъ благовѣсть съ вечера производить и безъ доклада не запрещается. Пр. Платонъ любилъ, чтобы при церквахъ, особенно въ не праздничные дни, благовѣсть производилась долго. Онъ, по одному случаю, велѣлъ благовѣсть при церквахъ къ Богослуженію продолжать не долѣе полчася.

При государѣ Павлѣ Петровичѣ всенощныя велѣно было начинать съ 5 апрѣля, какъ дня празнованія коронаціи государя. Если число это приходилось на Страстной недѣлѣ, то празнованіе дня коронаціи совершалось въ понедѣльникъ на Пасхѣ; а если 5-ое число было ранѣе Страстной недѣли, то всенощное бдѣніе того числа отправлялось по утру. Продолжались всенощныя, какъ прежде, до 15 августа, исключая 20 сентября, когда отправлялась вездѣ всенощная, ибо это былъ день рожденія Государя. При государѣ Александрѣ Павловичѣ всенощныя пролжались до 15 сентября, какъ дня коронаціи государя.

Въ 1812 году, во время нашествія непріятельскаго, соборная колокольня въ Москвѣ, называемая Иванъ Великій,

была повреждена. Послѣ выхода непріятелей изъ Москвы, московскія колокольни при церквахъ производили благовѣсть къ службѣ Божіей не по голосу Ивана Великаго, какъ прежде было, а примѣняясь ко времени, какъ бываго Иванъ Великій благовѣстилъ. Когда Пр. Августинъ изъ Срѣтенскаго монастыря перебрался на жительство въ Богоявленскій монастырь, то предписаніемъ отъ 6 января 1813 года объявлено московскимъ священноцерковнослужителямъ, чтобы благовѣсть при церквахъ къ Божественной службѣ не прежде начинали, какъ начнется благовѣсть въ Богоявленскомъ монастырѣ. По освященіи Архангельскаго собора 1 февраля 1813 г. благовѣсть и звонъ для Архангельскаго собора, и въ сигналъ къ благовѣсту въ прочихъ церквахъ, велѣно производить на колокольнѣ Чудова монастыря. Въ концѣ 1813 года, когда два большіе соборные колокола повѣшены были на столбахъ, и въ первый разъ 12 декабря того же 1813 г. произведенъ благовѣсть и звонъ на Ивановской колокольнѣ, то народъ столько былъ тѣмъ обрадованъ, что, какъ доносилъ Пр. Августинъ Св. Синоду, скинулъ шапки и творилъ земные поклоны. По устройствѣ благовѣста соборнаго при Иванѣ Великомъ, пр. Августинъ, подобно своимъ предшественникамъ, ревновалъ, чтобы при московскихъ церквахъ благовѣсть начинали не прежде благовѣста соборнаго. Такъ въ 1815 году апрѣля 8 пр. Августинъ упрекалъ московское духовенство, что оно въ великую четыредесятницу, къ стыду своему, какъ бы тяготясь трудомъ пощенія, начинало благовѣсть къ божественной службѣ прежде благовѣста на Ивановской колокольнѣ; и предписалъ благочиннымъ обязать священно церковнослужителей московскихъ церквей строжайшими подписками, чтобы не прежде начинали благовѣсть, какъ по благовѣсту соборному.

Присовокупимъ къ сему свѣдѣнію о большомъ колоколѣ на соборной Ивановской колокольнѣ.

Государь Александръ Павловичъ, въ пребываніе свое въ Москвѣ въ 1816 году, объявилъ пр. Августину свою волю, чтобы повредившійся при паденіи соборной колокольни (Филаретовской башни), большой колоколъ, называемый *Успенскимъ*, былъ перелить, чтобы къ колоколу, называемому *реутомъ*, вмѣсто отшибенныхъ ушей, придѣланы были новыя, и чтобы какъ сіи два колокола, такъ и другіе два, висящіе подъ деревяннымъ шатромъ на столбахъ, повѣшены были на колокольнѣ, вновь устроенной. Дѣло это поручено пр. Августину вести по сношенію съ

графомъ Аракчеевымъ, который долженъ былъ прислать искусныхъ мастеровъ, какъ для поднятія колоколовъ, такъ и для перелитія Успенскаго колокола и исправленія реута. Государь хотѣлъ, чтобъ и большой колоколъ, находившійся близъ Ивановской колокольной въ ямѣ, былъ изъ оной вынуть, и поставленъ въ приличномъ мѣстѣ подъ шатромъ.

Но еще прежде указомъ Св. Синода отъ 3 февраля 1814 года предписано было освидѣтельствовать колокола на Ивановской колокольной, и Синодальная контора сдѣлала уже торги какъ на переливку Успенскаго колокола, такъ на исправленіе реута и на поднятіе колоколовъ на Ивановскую колокольную, и производство сего дѣла на торгахъ осталось за московскимъ купцомъ М. Г. Богдановымъ, который обязался перелить Успенскій колоколъ на своемъ въ Москвѣ заводѣ, привезть колоколъ къ Ивановской колокольной и поднять вмѣстѣ съ реутомъ, и двумя висящими на столбахъ подъ деревянными шатрами близъ Архангельскаго собора; всю работу кончить къ августу 1817 года.

Присланный графомъ Аракчеевымъ для переливки Успенскаго колокола и прочаго колокольнаго дѣла, литейныхъ дѣлъ мастеръ 14 класса Русиновъ отказался отъ дѣла сего, объясняя, что 1) ему нужно для сего устроить новый заводъ, на что потребна значительная сумма; 2) онъ не найдетъ способныхъ людей для работы, и 3) въ случаѣ неудачи въ переливкѣ колокола, казна можетъ потерпѣть убытокъ. Дѣло осталось за купцомъ Богдановымъ, а Русинову поручено наблюдать за добротой металловъ и исправностію работы. 15 декабря 1816 г. князь А. Н. Голицынъ увѣдомилъ, что государь утвердилъ отдачу переливки колокола и прочаго купцу Богданову.

Пр. Августинъ, съ своей стороны, по дѣлу перелитія Успенскаго колокола составилъ комиссію изъ лицъ: симоновскаго архимандрита Герасима, высоко-петровскаго архимандрита Лаврентія и чудовскаго намѣстника игумена Теофилакта, которые въ январѣ 1817 г., съ разрѣшенія преосв., формально заключили контрактъ съ к. Богдановымъ.

Успенскій колоколъ, назначенный для перелитія, первоначально вылить былъ, какъ объяснялось въ надписи на немъ, въ 1760 г., при государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 19-е лѣто ея царствованія. Имѣлъ на себѣ изображенія Спасителя и Успенія Божіей Матери и портреты царской фамиліи. Въсу въ немъ по надписи значилось 3551 п. Но

по разбитіи оказалось, что противу надписи въ немъ недоставало 88 п. 6 ф. Лить колоколъ цеховой Алдерманъ Слизовъ. Новый колоколъ благополучно вылить на заводѣ купца Богданова апрѣля 5 дня 1818 года. Привезенъ къ Ивановской колокольніѣ уже въ 1819 г. февраля 23 дня. Пр. Августинъ, много заботившійся объ устройствѣ большаго колокола, не дожидъ до времени поднятія его на Ивановскую колокольнію. Онъ скончался 3 марта 1819 года, а большой колоколъ, привезенный къ Ивановской колокольніѣ, оставался при колокольніѣ не поднятымъ, потому что брусья, приготовленные на колокольніѣ для повѣшенія колокола, оказались, по освидѣтельствованію архитекторовъ, ненадежными. По устраненіи препятствій, колоколъ 29 августа 1819 г. поднять на колокольнію и 14 сентября повѣшенъ. 15 сентября, въ день празднованія коронаціи государя Александра Павловича, произведенъ въ него первый благовѣстъ къ божественной литургіи. М. Серафимъ, сообщая о семъ министру духовныхъ дѣлъ, князю А. Н. Голицыну, писалъ: „Сіе чрезвычайно обрадовало московскую публику, любящую большіе колокола“. Съ того времени московскій благовѣстникъ возвѣщаетъ жителямъ Москвы торжественные дни.

Покойный высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ, всегда строгій блюститель церковнаго порядка, не разъ дѣлалъ предписаніе московскому духовенству о неблагоувѣствѣ при церквахъ прежде благовѣста соборнаго, особенно въ день Пасхи. Онъ указывалъ и лучшіе способы къ сохраненію порядка. Такъ въ 1847 году въ 1 день Пасхи 23 марта при одной церкви въ Москвѣ къ утрени начался благовѣстъ четвертью часа ранѣе соборнаго. По дознанію оказалось, что предъ пасхальною утренею староста этой церкви послалъ церковнаго сторожа засвѣчать площадки на колокольніѣ, а сторожъ подумалъ, что онъ посланъ благовѣстить къ утрени. Съ его благовѣста начался благовѣстъ и при другихъ церквахъ. Владыка по сему случаю написалъ въ резолюціи: „непріятно и то, что въ великій день не соблюдено свойственнаго ему порядка и благообразія, и то, что народу, обманутому безвременнымъ благовѣстомъ, сдѣлано затрудненіе“. Относительно настоятелей церквей, начавшихъ не благовременно благовѣсть, въ резолюціи написалъ: „настоятельно убѣждаемъ ихъ впредь быть бдительнѣе и не допускать безпорядка, котораго остережся не трудно“. Для сего велѣлъ предписать настоятелямъ московскихъ церквей, съ точно-

стію наблюдать, чтобы начатіе благовѣста къ утрени Пасхи поручаемо было извѣстному причетнику съ отвѣтственностію за соблюденіе порядка, а отнюдь не кому нибудь постороннему, и чтобъ онъ или имѣлъ при себѣ вѣрные часы, или шелъ на колокольню съ вѣрными часами у настоятеля, дабы, еслибы и ошиблась одна церковь, другія не увлекались ошибкою“. Въ 1850 году марта 15, по резолюціи владыки, составлено и дано въ каждую церковь въ Москвѣ печатное „указаніе временъ церковнаго богослуженія, по уставу московскаго Большаго Успенскаго собора“. Въ указаніи подробно показаны часы благовѣста на всѣ дни года: а) къ утрени и всеошной, б) къ литургіи, в) къ вечерни, съ объясненіемъ, между прочимъ, г) когда начинать благовѣсть въ Великій постъ къ часамъ и литургіи преждеосвященныхъ. Въ указаніи изъяснено: 1) съ особенною осторожностію должно наблюдать, чтобы благовѣсть къ утрени въ день Пасхи нигдѣ не былъ начатъ прежде Успенскаго собора. Всѣ прочія церкви должны выслушать первый ударъ Успенскаго колокола, и по второму начинать свой благовѣсть. 2) Благовѣсть къ утрени и литургіи позже соборнаго не возбраняется для тѣхъ церквей, гдѣ сіе вошло уже въ обычай. 3) Благовѣсть ранѣе соборнаго, по причинѣ храмовыхъ праздниковъ, можетъ быть допускаемъ по особому разрѣшенію. 4) Благовѣсть къ раннимъ литургіямъ, за исключеніемъ дней, въ кои бывають крестные ходы, долженъ быть непродолжительный, въ меньшій колоколъ, и долженъ оканчиваться не позже, какъ за часъ до времени благовѣста къ поздней литургіи.

По печатному указанію доселѣ благовѣсть въ московскихъ церквахъ соблюдается.

Н. Розановъ.

МАВРИКІЯ ХОДНЕВА,

ИГУМЕНЬЯ ГОРИЦКАГО МОНАСТЫРЯ,

ВЪ СХИМЪ МАРІЯ.

Господь, дарующій благодать Свою смиреннымъ и послушнымъ, нерѣдко избираетъ Своими орудіями такія лица, которыя сами себя сознаютъ неспособными, и принимаются за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей со страхомъ и сомнѣніемъ, но при помощи Божіей достигаютъ неожиданныхъ успѣховъ, совершаютъ дѣла, недоступныя людямъ, одареннымъ лучшими дарованіями. По слову апостола, Богъ избираетъ «немоцное міра, дабы посрамить сильное, и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее, дабы разрушить значущее; для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ» (Коринѳ. I, 47—29). Опытнымъ доказательствомъ этой непреложной истины можетъ служить жизнь игуменья Маврикія ^(а).

(а) При составленіи этой біографіи, я имѣлъ въ виду, кромѣ словесныхъ разсказовъ инокинь Горлицкихъ и другихъ лицъ, близко знавшихъ покойную игуменью Маврикію: 1) Сохранившіяся письма къ ней о. архимандрита Теофана; 2) Записки келейницы ея, монахини Евпраксіи Бабкиной; 3) «Краткій очеркъ жизни схигуменіи Маріи», написанный другою монахинею, скрывшею свое имя; 4) Послужной списокъ Маврикіи; 5) Книжку Н. И. Субботина «Архимандритъ Теофанъ, настоятель Кирилло-Новоозерскаго монастыря» СПб. 1862.

Въ свѣтоносный день св. Пасхи, 8 апрѣля 1778 года, при звонѣ колоколовъ, возвѣщавшихъ радость воскресенія Христа Спасителя, у небогатаго, но набожнаго и добродушнаго помѣщика Бѣлозерскаго уѣзда, Матвѣя Ивановича Ходнева, родилась дочь Марія. Когда дѣвочка стала приходить въ возрастъ, родители утѣшались добрыми ея свойствами: кротостью, смиреніемъ, безответнымъ послушаніемъ. Она на осьмомъ году выучилась церковной грамотѣ, любила читать Четьи-Минею святителя Димитрія и Псалтирь, много псалмовъ знала наизусть. Но при попыткахъ къ мірскому образованію, встрѣтились непреодолимые препятствія: малюткѣ Маріи не только не давался французскій языкъ, но и русской грамотѣ по такъ называемой гражданской печати она едва-едва могла научиться. Дѣвочка охотно ходила въ церковь, молилась усердно и безъ разсѣянія (что такъ рѣдко въ дѣтскомъ возрастѣ), строго соблюдала посты, по примѣру родителей, и любила помогать нуждающимся; даже лакомство, какое ей давали, раздавала бѣднымъ дѣтямъ въ деревнѣ. Никто не слыжалъ отъ нея празднаго слова; никогда не занималась она дѣтскими играми, развѣ только для забавы сестры своей, которая была старше ея двумя годами.

Такъ протекли первые годы жизни Маріи въ уединенномъ селеніи родителей ея, вдаль отъ шума и соблазна мірскаго! Въ 18-лѣтнемъ возрастѣ было послано чистой душѣ, уговоряемой на служеніе Богу, первое испытаніе. Марія лишилась отца, котораго горячо любила, и мать ея, спустя годъ, вступила во второй бракъ. Нарушенъ былъ прежній порядокъ жизни: вотчимъ былъ человекъ вспыльчивый, суровый и самовластный. Не привыкшій къ воздержанію, онъ требовалъ, чтобы и все семейство питалось скоромною пищею во все посты. Тяжко было это для Маріи, но она повиновалась изъ любви къ матери, чтобы не навлечь ей непріятностей отъ мужа, а

между тѣмъ молилась Богу, чтобъ избавилъ ее отъ нарушенія уставовъ св. Церкви. Могла ли молитва ея остаться неуслышанною? Однажды, при отлучкѣ вотчима изъ дома, Марія рѣшилась приступить съ просьбою къ матери. «Вы, матушка, знаете, говорила она, сколько я васъ люблю и почитаю. Готова цѣлый вѣкъ рабски служить вамъ, но не могу нарушать устава св. Церкви въ угодность батюшкѣ-вотчиму. Видите сами, что вамъ нечего съ нимъ дѣлать и должны вы повиноваться его волѣ; а я, живя съ вами, раздражать его противъ васъ постною пищею не хочу, и повиноваться ему, противъ заповѣди Божіей, не смѣю. Ради любви самого Господа сотворите со мною милость, отдѣлите меня отъ жительства съ вами. Душею скорблю, но не могу оставаться у васъ въ домѣ, желаю переселиться современемъ въ монастырь, а покуда буду жить въ крестьянской избѣ, и кормиться своими трудами ⁽⁶⁾.» Мать и сестра много плакали, уговаривая Марію остаться съ ними. Ты такъ еще молода, говорила мать, куда ты пойдешь и какъ будешь жить?—«Надѣюсь, отвѣчала дочь на Создателя моего: Онъ, преблагій Владыка, управитъ жизнь мою по заповѣдямъ Его, имиже вѣсть судьбами, вразумитъ и спасетъ меня недостойную.» Видно Богу угодно было склонить сердце матери къ исполненію желанія дочери: даже не дождавшись возвращенія мужа, мать рѣшилась отдѣлить Марію, давъ ей небольшую сумму денегъ и отпустила ее отъ себя съ благословеніемъ и горькими слезами.

Для благочестивой дѣвицы началась новая, самостоятельная жизнь. Марія веселилась душею, живя въ крестьянской избѣ; все время ея было посвящено молитвѣ, богомыслию и трудамъ. Замѣтивъ, что крестьянскія женщины, когда уходятъ на работу въ лѣтнее время, оставляютъ дѣтей безъ при-

(6) Изъ записокъ монахини Евпраксіи.

смотря, барышня-труженица стала собирать ребятъ къ себѣ и надзирать за ними, въ отсутствіи матерей; сама, бывало, приготовить теплой воды, вымоетъ ихъ, вычешетъ, накормить, перемѣнитъ бѣлье, ея же самую вымытое. Это дѣлала она въ простотѣ души изъ состраданія и любви къ ближнимъ. Ко всѣмъ была ласкова, всѣмъ готова помочь словомъ и дѣломъ, для всѣхъ готова служить, а если кто чѣмъ послужилъ ей, отслуживала вдвое. Такъ заблаговременно готовила себя Марія къ подвигамъ, чувствуя влеченіе къ иноческой жизни. Ей хотѣлось вступить въ Нижегородскій Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ заводилось тогда общежитіе. Тамъ надѣялась она трудиться, не по своей волѣ, не для себя самой, а по долгу послушанія, для общей пользы. Но мать не согласилась отпустить ее въ дальнюю сторону, и дочь всегда покорная волѣ родительской, поступила въ 1801 году, въ соеднѣннй Горицкій монастырь. Послѣдствія доказали, что промыслъ Божій, путемъ смиреннаго послушанія волѣ родительской, привелъ юную послушницу туда, гдѣ было ей предназначено много потрудиться для славы Божіей и спасенія душъ человѣческихъ.

Воскресенскій Горицкій монастырь, одинъ изъ древнѣйшихъ женскихъ монастырей въ Бѣлозерскомъ краѣ, во время поступленія Маріи Ходневой, былъ штатнымъ, подобно большинству нашихъ женскихъ обителей. Каждая сестра (ихъ было до 70) жила въ своей кельѣ, кормилась своими трудами, имѣла свою пищу и одежду. Соборный храмъ, сооруженный въ 1544 году иждивеніемъ княгини Старицкой Евфросиніи, съ четырьмя предѣлами и тесовою крышею, требовалъ значительныхъ передѣлокъ, а въ ветхой зимней церкви почти невозможно было совершать богослуженіе. Подъ соборною церковью была кузница и кладовая, а за алтаремъ стояла часовня надъ могилою двухъ княгинь — храмоздательницы Евфро-

сивіи и племянницы ея Александры, утопленныхъ въ мимотекущей Шекснѣ, по волѣ Грознаго царя. При монастырѣ не было ни огородовъ, ни пахотной земли. Вообще, какъ сказываютъ старожилы, древняя обитель была въ жалкомъ состояніи.

Первымъ послушаніемъ Маріи въ иноческой жизни — была должность свѣщницы, причемъ она же должна была убирать и мести церковь, что возлагало на нея долгъ присутствовать при каждомъ богослуженіи. Но, пріучивъ себя заранѣе къ непрестанному труду, она находила время и работать для себя и служить другимъ. Живя въ кельѣ, построенной для нея по распоряженію матери, Марія, послѣ утрени (начинавшейся въ 2 часа утра) и ранней обѣдни, занималась приготовленіемъ пищи изъ припасовъ, которые ей присылала мать. Большую часть изготовленнаго кушанья она тайно разносила въ ночное время по кельямъ бѣдныхъ сестеръ и клала на окна или при дверяхъ. Эти сестры долго не могли догадаться, отъ кого приходитъ имъ подаваніе, пока случай не открылъ личность благодѣтельницы. Для себя самой Марія старалась тратить какъ можно менѣе: она сама ходила за своей коровой и не гнушалась никакою черною работою. Прислуги у ней не было: по просьбѣ сестры она взяла-было къ себѣ малолѣтнюю крестьянскую дѣвочку, но скоро отпустила ее, видя, что неудобно позволять ей въ монастырѣ играть и забавляться, по мірскому обычаю, и находя для себя бесполезнымъ обращаться съ ребенкомъ строго. Настоятельница монастыря, престарѣлая игуменья Маргарита, любила молодую послушницу за кротость, послушаніе и заботливость о своемъ спасеніи; она предложила ей принять рясофоръ, а въ 1806 году Марія пострижена въ полное монашество съ именемъ Маврикія.

Одна изъ современницъ ея оставила описаніе иноческихъ

подвиговъ Маврикіи ^(в) въ такихъ выраженіяхъ: «новона-
 чальная монахиня, съ отъятіемъ власовъ, отвергла отъ себя
 все земное мудрованіе. Она неусыпно прилежала къ церков-
 ному пѣнію, къ молитвѣ общей и домашней, къ посту и по-
 слушанію, ходила всегда склоня голову и поникнувъ очами
 къ землѣ, умомъ же возвышалась къ Господу. Уста ея были
 запечатлѣны молчаніемъ; не выходило изъ нихъ праздное или
 льстивое, а тѣмъ паче ложное слово. Всегда наблюдала она
 справедливость. Любовь ко всѣмъ въ сердцѣ ея была искрен-
 ная и всегда готовая всякому помочь, всѣмъ послужить. Та-
 кой имѣла она страхъ Божій до конца жизни своей, что
 ежеминутно помышляла, чтобы чѣмъ не прогнѣвать Бога и
 не обидѣть ближняго. Если замѣчала, что которая изъ се-
 стеръ завидуетъ ей по искушенію и досаждаеть, то заботи-
 лась чтобы побѣдить добромъ зло — посылала подарки и
 доставляла всякое утѣшеніе». Маврикія проходила разныя
 послушанія въ монастырѣ и наконецъ была казначеею.

Пребываніе въ Горицкой обители нравилось Маврикіи; одно
 только было ей не по сердцу — отсутствіе общежитія. Всякій
 разъ, когда при чтеніи псалтири, доходила она до словъ: «се
 что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ», глаза
 ея наполнялись слезами. — «Вотъ, вкупѣ нужно намъ жить,
 въ полномъ согласіи, какъ сестрамъ роднымъ о Господѣ
 (говорила она своимъ приближеннымъ). А что теперь у насъ:
 вотъ одна сестра живетъ во всякомъ изобиліи, съ рабнями
 и прислужницами, въ большихъ кельяхъ, а другая въ
 хижинѣ неусыпно работаетъ, чтобы кусокъ хлѣба себѣ
 достать. А иная въ старости и немощи цѣлается подаяні-
 емъ, или отъ своихъ, или отъ чужихъ. Какъ тутъ не быть

(в) Какъ здѣсь, такъ и далѣе, слова м. Маврикіи записанныя
 келейницею, повторены буквально.

зависти, злорѣчію, враждѣ и всякому искушенію отъ врага? — Еще до постриженія въ мантию, хотѣлось ей съѣздить въ Нижній Новгородъ, чтобъ ознакомиться съ бытомъ общежительнаго монастыря. Она просила дозволенія своей настоятельницы, но игуменья Маргарита, любя ея какъ дочь и утѣшаясь примѣрною ея жизнію, уговаривала ея не отлучаться изъ обители. Смиренная послушница повиновалась безпрекословно. Послѣ, уже въ глубокой старости, вспоминая этотъ случай своей жизни, Маврикія сказала своей келейницѣ: «Когда я увидѣла, что матушкѣ - игуменьѣ негодна моя поѣздка, я не стала настаивать. Кто настоятельно проситъ согласія у начальства на исполненіе своего желанія, тотъ свою волю творитъ, а не Божію. А своеволіемъ душа отпадаетъ отъ древа животнаго, какъ сухой и непотребный листъ и лишается своего воздаянія.» — Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого опыта, игуменья охотно согласилась на вторичную просьбу казначеи своей Маврикіи и благословила ея съѣздить въ Нижній Новгородъ. Тамъ общежительная жизнь сильно подѣйствовала на сердце Маврикіи; она пожелала остаться тамъ и стала просить о томъ настоятельницу, опытную старицу Дороѣю Ивановну Новикову. «Я согласна принять васъ, отвѣчала ей Дороѣя, но будетъ ли согласна отпустить васъ ваша игуменья? Я слышала, что у васъ благочинный отецъ Теофанъ, духовной жизни старецъ. Спросите у нихъ совѣта и благословенія; если они будутъ согласны, я приму васъ весьма охотно.»

Такъ Маврикія возвратилась снова въ свою обитель. Выбравъ время, когда отецъ Теофанъ приѣхалъ въ Горлицы и былъ въ кельяхъ игуменіи, она помолилась и пошла просить благословенія на переходъ въ Нижегородское общежитіе. На колѣнахъ умоляла она игуменью и прозорливаго

руководителя отпустить ее. Игуменья Маргарита со слезами сказала ей: «прошу васъ, похороните меня, тогда и переходите». А о. Теофанъ прибавилъ къ словамъ настоятельницы: «и я васъ прошу остаться до весны; Господь вѣдаетъ, кто будетъ тогда живъ.» Маврикія осталась, свято исполняя долгъ послушанія.

Здѣсь должны мы сказать нѣсколько словъ объ отцѣ Теофанѣ, чтобы сдѣлать болѣе понятными для читателейъ послѣдующія отношенія его къ игуменѣ и сестрамъ Горицкой обители. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ благочестивыхъ подвижниковъ, которые, въ концѣ прошедшаго столѣтія и началѣ нынѣшняго, поддержали и обновили у насъ клонившееся къ упадку монашество. Это были большею частію ученики великаго старца и наставника Молдавскихъ монастырей, Паисія Величковскаго. Воспитанные подъ его руководствомъ въ строгихъ правилахъ иночества, пользуясь покровительствомъ любителя иноческой жизни, преосвящ. митрополита Новгородскаго Гавриила, они возстановили и привели въ цвѣтущее состояніе многіе монастыри, близкіе къ совершенному запустѣнію, ввели въ обителяхъ общежительные уставы, и, что всего важнѣе, успѣли поселить между иноками самый духъ древняго иночества, о возстановленіи и поддержаніи котораго между православнымъ монашествомъ такъ много заботился великій Молдовлахійскій старецъ, связанный съ Россією и своимъ происхожденіемъ и союзомъ непрерывающагося духовнаго общенія ^(г). Большая часть этихъ

(г) Таковы были: наставникъ о. Теофана, Феодоръ Санакарскій, старецъ Клеопа «духовный дѣлатель и хранитель умнаго грезивнія» настоятель Введенской пустыни, куда принесъ онъ Аeonскій уставъ; Назарій, знаменитый настоятель Валаамскій; Игнатій, архимандритъ Тихвинскій; Макарій, устроившій внутрен-

дивныхъ старцевъ были лично извѣстны отцу Теофану, со многими состоялъ онъ въ духовномъ общеніи и, при своей близости къ митрополиту Гавріилу, имѣлъ возможность нѣкоторымъ изъ нихъ открыть поприще для благотворной дѣятельности. О. архимандритъ Теофанъ (въ мірѣ Теодоръ Соколовъ) былъ изъ дворянъ, служилъ нѣсколько времени въ гражданской службѣ, потомъ рѣшился поступить въ монашество и началъ свои подвиги въ Санакарской пустынѣ (близъ г. Темникова, въ 40 вер. отъ Саровской обители) подъ руководствомъ опытнаго старца Теодора (Ушакова). Здѣсь прожилъ онъ три года; по удаленіи о. Теодора отъ управленія пустынею, перешелъ въ пустынь Введенскую, гдѣ пользовался наставленіями другаго богумудраго подвижника отца Клеопы; отсюда предпринялъ путешествіе на Афонъ, но на пути былъ остановленъ въ Молдавскомъ Тисманскомъ монастырѣ прозорливымъ игуменомъ Θεодосіемъ, который сказалъ ему: «ты долженъ остаться здѣсь, потому что ты званъ сюда.» Въ Тисманѣ Теодоръ Соколовъ постригся (около 1778 года) съ именемъ Теофана, но не могъ остаться тамъ надолго, потому что настоятель Θεодосій съ своею братіею, тѣснимые Турками за усердіе къ Русскимъ во время войны, окончившейся Кучукъ - Кайнарджійскимъ миромъ, принуждены были выселиться въ Россію, гдѣ была имъ предоставлена Софроніева Молчанская пустынь. Черезъ нѣсколько времени отецъ Теофанъ получилъ извѣстіе, что ему предстоитъ вызовъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими иноками Софроніевой пустыни, болѣе другихъ опытными въ духовной жизни, которыхъ приглашали для занятія разныхъ долж-

нее и внѣшнее благолѣпіе Пѣсношскаго монастыря. и многіе другіе.

ностей въ Александроневской лаврѣ, нуждавшейся въ благо-
правныхъ монахахъ. О. Теофанъ употреблялъ всѣ зави-
сѣвшія отъ него мѣры, чтобы избавиться отъ этого на-
значенія, не ожидая для себя пользы отъ перемѣщенія въ
столицу изъ пустынной и строгой обители. Но долгъ мо-
наха — повиноваться. Преосв. митрополитъ Гавріилъ взялъ
къ себѣ о. Теофана въ келейники. — Въ этой должности
о. Теофанъ пробылъ около десяти лѣтъ и находился въ по-
стоянныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ знаменитому свя-
тителю: жизнь мудраго и благочестиваго пастыря служила
для о. Теофана постояннымъ назидательнымъ примѣромъ;
съ другой стороны, нравственныя качества о. Теофана снис-
кали ему полное довѣріе святителя, который обращался къ
нему за совѣтомъ во многихъ важныхъ дѣлахъ, и, такимъ
образомъ, давалъ ему возможность быть полезнымъ и для
него лично и чрезъ него для самой Церкви, благо которой
было всегдашнею и первою заботою преосв. Гавріила. Во-
обще время, проведенное о. Теофаномъ при келліяхъ мит-
рополита можно назвать переходнымъ временемъ въ его жи-
зни, — временемъ его окончательнаго образованія, когда,
такъ сказать, вполне сложился его нравственный характеръ,
и временемъ первыхъ опытовъ его, если можно такъ вы-
разиться, общественнаго служенія Церкви, которому впо-
слѣдствіи онъ посвятилъ себя съ такою ревностію и съ та-
кою пользою для обителей, ввѣренныхъ его управленію.
Въ 1793 году назначенъ онъ былъ настоятелемъ Ново-
езерской обители преп. Кирилла, которой посвятилъ 36 лѣтъ
неутомимой дѣятельности до блаженной кончины своей. Вме-
стѣ съ тѣмъ онъ опредѣленъ былъ благочиннымъ монасты-
тырей: Кириллова, Устюжскаго, Моденскаго, Горлицкаго
дѣвичьяго и Филиппо-Ирабской пустыни и почиталъ сво-
ею прямою обязанностію заботиться о духовномъ устроеніи

этихъ обителей. Особенно благотворно было его вліаніе на благоустройство Горицкаго монастыря.

Многолѣтніе подвиги духовной жизни развили въ душѣ старца прозорливость, такъ что нерѣдко слова его, сказанныя осторожно, вовсе не въ видѣ пророчества, въ послѣдствіи сбывались совершенно неожиданно, къ удивленію слышавшихъ. Такъ случилось и въ тотъ разъ, когда о. Теофанъ посоветовалъ Маврикію остаться въ Горицахъ до весны: зимою игуменья Маргарита скончалась. Предавъ землѣ тѣло старицы, о. Теофанъ собралъ всѣхъ сестръ обители и сталъ спрашивать, кого желаютъ избрать въ настоятельницы? Всѣ единодушно объявили, что желаютъ монахиню Маврикію Ходневу. Какъ бы громомъ поразило это избраніе смиренную инокиню: она не вѣрила ушамъ своимъ, залилась слезами, пала въ ноги от. Теофану и говорила: «Умоляю васъ, батюшка, избавьте меня! Онѣ сами не знаютъ, кого избираютъ! Я неученая и притомъ же молода въ монашествѣ. Моего ли разума такое послушаніе?» Также и предъ сестрами стояла она на колѣняхъ, умоляя со слезами — не возлагать на нее настоятельства. «Вы ошибаетесь во мнѣ недостойной, повторяла она, мое дѣло — повиноваться, а начальствовать не умѣю. Куда мнѣ повелѣвать другимъ: я сама всѣхъ хуже и недостойнѣ!» Но единодушный выборъ настоятельницы былъ очевиднымъ проявленіемъ воли Божіей, и епархіальное начальство утвердило его. Маврикія посвящена въ санъ игуменьи въ Новгородѣ преосв. Іоасафомъ, епископомъ Старорускимъ, 11 іюля 1810 года, на 33-мъ году отъ рожденія.

Тяжело было новое назначеніе для смиренной подвижницы! Всю дорогу изъ Новгорода (болѣе 600 верстъ) она не осушала глазъ отъ плача. Но когда повозка стала спускаться съ горы на ту долину, гдѣ пріютился Горицкій монастырь къ берегу Шексны, когда слышался благовѣсть и духовенство

со всѣми сестрами вышло на встрѣчу новой игуменьѣ, она была поражена такимъ страхомъ, что едва собралась съ силами, чтобы подняться и надѣть мантию. «Какъ могу я, всѣхъ худшая, быть начальницей и управлять другими? (такъ думала Маврикія при торжественномъ входѣ въ свою обитель, и въ старости сказывала келейницѣ). Отъ самой юности душа моя желала быть подъ началомъ и руководствомъ. Не надѣялась я на скудный мой разумъ! А теперь мнѣ самой нужно приказывать, рѣшать, благословлять!» Еще болѣе усилился этотъ страхъ, когда она, при пѣніи молебна, должна была стать, съ посохомъ въ рукѣ, на игуменское мѣсто. «Какъ было мнѣ совѣстно, говорила она послѣ, что я молодая, неопытная монахиня, смѣю стоять на такомъ мѣстѣ.» И во всю жизнь чувство глубокаго смиренія не покидало Маврикію; даже и въ старости она должна была принуждать себя, когда необходимость заставляла ее становиться на игуменское мѣсто, а потому весьма рѣдко видали ее на немъ.

Принявъ въ управленіе обитель, Маврикія поспѣшила въ Новоезерскій монастырь — поклониться нетлѣннымъ мощамъ преп. Кирилла и принять благословеніе своего богомудраго наставника. Съ полною искренностію призналась она отцу Теофану, что не умѣетъ даже подписывать своего имени. Старецъ взялъ листъ бумаги и написалъ: «игуменья Маврикія». Вотъ такъ и подписывайтесь, сказалъ онъ ей. И что же! Съ того дня Маврикія, никогда не державшая пера въ рукахъ, стала писать имя свое четко и правильно, по образцу, данному старцемъ. Поразительный опытъ силы послушанія!

При томъ же свиданіи, Маврикія открыла старцу свое заветное желаніе — учредить общежитіе на Горицахъ. Сердечно сочувствовалъ онъ доброму намѣренію, тѣмъ болѣе, что и самъ ввелъ строгій уставъ и полную нестяжательность въ Новоезерскомъ монастырѣ. Впрочемъ счелъ за нужное пред-

ложить вопросъ: «въ обители вовсе нѣтъ доходовъ; чѣмъ же будете поддерживать общежитіе, на что надѣетесь?» — «Вся моя надежда на Господа Бога, отвѣчала игуменья, за ваши молитвы Господь намъ пошлетъ». — «Если имѣете надежду на Господа, то Онъ благословитъ и поможетъ; у Него неисчерпаемый источникъ милостей».

Съ твердою вѣрою и несомнѣнною надеждою на Бога принялась Маврикія за дѣло, повидимому-несбыточное, особенно при жалкомъ положеніи монастыря, или лучше сказать, при совершенномъ его упадкѣ. Казалось — можно ли было думать о новыхъ, значительныхъ расходахъ въ то время, когда лечѣмъ было поправить разрушающуюся ограду, во многихъ мѣстахъ замѣненную деревяннымъ тыномъ, когда ветхія кельи съ черными печами и деревянными трубами стояли безъ половъ и потолоковъ, когда даже въ соборную церковь, чрезъ сгнившую тесовую кровлю струился дождь, такъ что своды промокли и стѣны отсырѣли? Но Маврикія знала, что внутреннее выше внѣшняго, что порядокъ жизни, сообразный съ обѣтами иночества, важнѣе всего земнаго и житейскаго; она твердо рѣшилась искать «вопервыхъ царствія Божія и правды Его», твердо вѣруя, что все «прочее приложится» ей. (Матѣ. VI, 33.)

Не мало было препятствій и искушеній при началѣ добраго дѣла. Мысль о заведеніи общежитія не понравилась многимъ монахинямъ и послушницамъ, привыкшимъ жить хотя и не въ довольствѣ, но по своему вкусу и обычаю. Нѣкоторые громко роптали; другіе рѣшились выйти изъ монастыря, такъ что на Горихахъ осталось не болѣе 40 сестеръ, въ томъ числѣ не мало бѣдныхъ, престарѣлыхъ и беспомощныхъ. При учрежденіи общей трапезы, игуменья подала первый примѣръ, — отдала свою корову и припасы, какіе у ней были. Оставшіяся сестры съ усердіемъ предложили общежитію, что у

ницей Воскресенскаго монастыря въ Петербургѣ, устроила эту обитель по образцу Горицкой и въ ней окончила земную жизнь свою.

Много и другихъ любительницъ труда и безмолвія, изъ всѣхъ сословій, искали спасенія въ Горицахъ, такъ что число сестеръ достигло до 400 и на всѣхъ доставало полного содержанія въ общежитіи! Всѣ онѣ пользовались духовнымъ руководствомъ опытнаго и любвеобильнаго старца о. Теофана, который пріѣзжалъ въ Горицы по нѣскольку разъ въ годъ; каждое посѣщеніе его было истиннымъ праздникомъ для обители, и оставляло по себѣ глубокое впечатлѣніе. Съ отеческой откровенностію и любовію онъ давалъ игуменѣ совѣты въ нужныхъ случаяхъ и дѣлахъ, замѣчанія о томъ, что находилъ требующимъ исправленія. «Не огорчилъ ли я васъ моими словами? — писалъ онъ послѣ одного посѣщенія обители — но слова мои были внушаемы вамъ къ славіи Божіей, къ понесенію терпѣнія и ига, возложеннаго на васъ отъ Бога. Христосъ Сынъ Божій увѣряетъ насъ, что иго Его благо и бремя Его легко есть. Прошу васъ утѣшать, сколько Господь поможетъ и вдохнетъ въ сердце ваше, примѣнившихъ къ тебѣ любовію, по духу сущихъ младенцевъ. Заведеніе обители вашей богоугодное; Богъ призираетъ съ высоты славы Своя на смиреніе ваше и не оставитъ Своимъ промысломъ во всѣхъ вашихъ требованіяхъ; просите Его помощи противъ всякой неугодной Ему мысли, и услышитъ: Онъ волю боящихся Его исполняетъ и спасаетъ ихъ во время печали, скорби и унынія.» Наставленія мудраго старца всегда принимались благочестивою настоятельницею съ глубокимъ вниманіемъ и полнымъ послушаніемъ. Ему она обязана была подкрѣпленіемъ въ тѣ трудныя времена, когда, въ сознаніи собственной немощи и великой важности обязанностей, на ней лежащихъ, она рѣшалась оставить трудную должность

управленія монастыремъ: своимъ словомъ, исполненнымъ сердечнаго убѣжденія и простоты, о. Теофанъ умѣлъ внушить ей упованіе на высшую помощь и каждый разъ отклонять ея намѣреніе. «Я неспособна ввести порядокъ въ обители, жаловалась она при одномъ свиданіи съ о. Теофаномъ, я не въ силахъ управлять и руководить подчиненными.» — «Ты худа,» — отвѣчалъ старецъ, — «другіе найдутся угодные Богу и за тебя просить Его будутъ. За тебя всё молятся; твои недостатки восполняются молитвами сестеръ. Вы сами собой ничего не можете сдѣлать: все устрояетъ Богъ; на Него и возлагайте всю надежду, не отчаявайтесь, не унывайте; просите Его: Ты просвѣти, Ты вразуми, Ты наставь! Ваше одно слово будетъ пользоваться.» — «Но я неучена, не разумѣю что говорить.» — «Можно и въ молчаніи, ничего не говоря, поучать. Вотъ въ Саровской пустыни отецъ Ефремъ былъ человекъ самый простой, ничего не говорилъ въ назиданіе, а какъ устроилъ обитель! Изъ Москвы пріѣзжали поглядѣть Ефрема!» — Въ 1827 году, когда игуменья хотѣла просить увольненія отъ должности, отецъ Теофанъ писалъ къ ней: «Вы въ смущеніи и обитель въ смущеніи; вы за великую тягость почитаете быть настоятельницею, — сестры ваши слышать не хотятъ, чтобъ на мѣсто ваше была другая изъ сестеръ, а паче изъ постороннихъ; а врагъ сему и радуется, торжествуетъ и всё адскія силы подвизаетъ, чтобы обитель привести въ разстройство. Я совѣтую вашему преподобию предать себя въ волю Божию... Возверзите на Господа печаль вашу, и Той васъ съ сестрами препитаеть, и не возрадуется врагъ, возстающій на обитель вашу. Сіе поущеніе поущено отъ Господа, чтобы испытать вѣру вашу; да будетъ вамъ Онъ и помощникъ!» Совѣты о. Теофана были приняты, и благочестивая старица, даже послѣ его смерти долго еще управлявшая обителью, въ теченіе всей многолѣт-

ней жизни своей съ глубокимъ умиленіемъ вспоминала о мудрыхъ его наставленіяхъ.

Содѣйствуя такимъ образомъ благоустройству Горицкаго монастыря своими руководительными совѣтами и наставленіями настоятелей, отецъ Теофанъ, вмѣстѣ съ этимъ, при каждомъ случаѣ старался и самъ лично сообщать сестрамъ правильныя понятія о ихъ обязанностяхъ, внушить любовь къ иноческой жизни, поселить въ нихъ духъ истиннаго иночества; и въ этомъ-то отношеніи его посѣщенія были особенно важны и благотворны для Горицкаго монастыря. Въ каждое посѣщеніе отецъ Теофанъ обыкновенно служилъ въ монастырѣ литургію, и потомъ въ церкви же, или въ келліяхъ собирались вокругъ него всѣ сестры, и онъ подолгу велъ съ ними свою назидательную бесѣду. Внимательныя слушательницы записали нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ отца Теофана, и по нимъ можно составить понятіе о той замѣчательной простотѣ, съ какою обыкновенно говорилъ онъ и которой научился у старцевъ, также о той сердечности, о томъ духовномъ помазаніи, которыя сообщали его словамъ великую силу убѣжденія; изъ нихъ же можно видѣть и то, въ чемъ состоялъ онъ сущность иночества и какія обязанности всего болѣе желалъ внушить, какъ сестрамъ Горицкаго монастыря, такъ равно и братіи Новоезерской.

Вотъ какъ одинъ архимандритъ, въ запискахъ своихъ объ отцѣ Теофанѣ, описываетъ бесѣду старца съ инокинями Горицкими: «Представьте себѣ большую комнату, меблированную скромно по монастырски, въ которой вы не примѣтите малѣйшей даже изысканности въ убранствѣ. Представьте здѣсь около трехъ сотъ сестеръ, различающихся ростомъ и возрастомъ, происхожденіемъ и образованіемъ, но отнюдь не усердіемъ и дѣтскою любовію къ батюшкѣ (такъ всѣ Горицкія сестры называли о. Теофана). Около него усѣлись они

какъ кто могъ, кто на стулѣ, кто просто на полу. Вы изумились бы такой наивности ихъ въ присутствіи о. благочиннаго, но у нихъ не то на умѣ. Не проронить бы какъ слова батюшки, и хоть изрѣдка имѣть возможность взглянуть на него, — вотъ что главное у всѣхъ; а гдѣ състь и какъ, онѣ не разбираютъ. Батюшка все извинить, — думаютъ дѣти Божіи.

«Такъ усѣлись всѣ около батюшки: тутъ же съ дѣтьми и матушка игуменія.

«Все смолкло: молчить и старецъ-патріархъ среди своего небснаго, благословеннаго семейства. Взоры всѣхъ устремились на него: а онъ свои взоры, по обычаю, приковалъ къ землѣ. Прошла минута молчанія, батюшка раскрылъ уста и сладкая медоточная бесѣда полилась изъ нихъ потокомъ чистымъ, пламеннымъ, изрѣдка прерываемымъ то вздохомъ, то слезами слушающихъ.

«Иногда батюшка о. Теофанъ бралъ въ руки біблію, раскрывалъ и читалъ ее съ такимъ благоговѣніемъ, что въ слушателяхъ своихъ пробуждалъ сладостное, неизвѣстное имъ дотолѣ, чувство умиленія и любви къ Богу, отдѣлявшее ихъ на то время отъ всего земнаго и возносившее ихъ умъ и сердце въ небесныя обители.

«Устные наставленія о. Теофана къ сестрамъ Горлицкой обители по счастью сохранились до нашего времени, не въ его кабинетѣ, но въ сердцахъ слушавшихъ его наставленія и потомъ услышанное переводившихъ на бумагу. Такимъ усердіемъ въ замѣчаніи на бумагѣ наставленій о. Теофана, еще при жизни его, отличалась одна сестра въ обители. Подсадетъ, говорятъ о ней, къ самымъ ногамъ батюшки и все записываетъ, что онъ ни скажетъ. Однажды сестры стали-было удерживать ее отъ писанія, чтобъ не беспокоила батюшку: но старецъ воспретилъ имъ это, прибавивъ, «не трогайте ее, пригодится и вамъ.» И дѣйствительно пригодилось, осо-

бенно въ настоящую пору, когда каждое слово старца считается за вѣтнимъ, священнымъ!..» ^(д)

По мѣрѣ возрастанія духовной жизни въ Горицахъ, возрастало и вѣтнее благосостояніе обители Исправленъи покрытъ желѣзомъ древній Воскресенскій соборъ; къ нему пристроена обширная паперть съ ризницею ^(е). За олтаремъ его, надъ могилою двухъ утопленныхъ княгинь-инокинь, сооруженъ великолѣпный зимній соборъ, во славу пресв. Троицы. На мѣстѣ прежней теплой церкви, воздвигнуть прекрасный храмъ въ честь чудотворной иконы Богородицы, именуемой Смоленскою. Оба эти храма украсили превосходною стѣнописью даровитыя художницы, инокини Горицкія. Много другихъ зданій возникло постепенно, одно за другимъ: прочная каменная ограда, длинныя корпуса келлій для сестеръ, пространная трапезная палата ^(ж), нѣсколько мастерскихъ палатъ, гдѣ сестры занимаются иконописью и разными рукодѣльями, хлѣбня, поварня съ чистою водою, проведенною изъ кладезя, страннопріемница, куда допускаются всѣ безъ изыятія лица, посѣщающія монастырь, и всѣмъ предлагается чистое помѣщеніе, постели, пища и питье. Наконецъ сердобольная и ко всѣмъ сострадательная игуменья Маврикія нашла возможность

(д) Наставленія о. Теофана, записанныя въ Горицкомъ монастырѣ и письмо его къ игуменѣ Маврикіи, къ монахинямъ и свѣтскимъ лицамъ (всѣхъ писемъ 65), напечатаны въ вышеупомянутой книжкѣ Н. И. Субботина.

(е) Ризница Горицкаго монастыря—одна изъ лучшихъ и великолѣпнѣйшихъ въ Россіи, не по богатству украшеній, а по необыкновенному искусству и самому изящному вкусу рукодѣльницъ.

(ж) Въ трапезѣ принимаются и гости, приходящіе для свиданія съ Горицкими сестрами, причемъ всегда присутствуетъ одна изъ старшихъ монахинь. Принимать гостей по кельямъ не дозволяется, безъ особаго благословенія настоятельницы.

ссорудить больницу, съ церковью внутри, для бесплатнаго успокоенія и врачеванія больныхъ женскаго пола. Здѣсь бо-
лящія и теперь благословляютъ имя почившей старицы, на-
зывая ее своею матерью.

Откуда взялись средства для всѣхъ этихъ учрежденій?
Единъ Господь вѣдаетъ! Господь, на Котораго твердо упова-
ла Маврикія, не посрамилъ ея упованія. Вдовы и дѣвицы изъ
богатыхъ дворянскихъ и купеческихъ семействъ, поступая
въ Горлицкій монастырь, жертвовали любимому общежитію
своимъ достояніемъ. Бывали неожиданныя приношенія и отъ
постороннихъ лицъ ^(а). Неутомимые труды сестеръ, произ-
водимые въ строгомъ порядкѣ, доставляли не малый доходъ.
Сверхъ того, отъ щедротъ императора Александра I-го, оби-
тель получила земли по берегу Шексны, мельницу и право
рыбной ловли.

И при такихъ блестящихъ успѣхахъ въ благоустроеніи
обители, смиренная настоятельница не перемѣнила своего
мнѣнія о самой себѣ; она по прежнему считала себя неспо-
собною и недостойною, всѣ успѣхи свои приписывала исклю-
чительно милости Божіей, по молитвамъ о. Теофана. По
прежнему назидала она сестръ своихъ примѣромъ собствен-
ной жизни, а по мѣрѣ возрастанія духомъ отъ силы въ си-
лу, получила сверхъ того даръ словеснаго поученія. Послед-
нее сдѣлалось особенно замѣтнымъ тогда, когда Господь
воззвалъ къ Себѣ вѣрнаго раба Своего, многопотрудившаго-

(а) Такъ, во время устроенія больницы, игуменья получила
отъ неизвѣстнаго лица 500 р. асс. Въ другой разъ, когда она
очень нуждалась въ деньгахъ, митрополитъ Серафимъ далъ ей
1000 р. асс. и притомъ сказалъ: «вотъ третій день мысль твер-
дить мнѣ: дай игуменѣ денегъ на устроеніе монастыря». За
сборомъ изъ Горлицкой обители никогда не ѣздили, ни въ на-
стоятельство Маврикія, ни послѣ ея кончины.

ся старца архимандрита Теофана ^(и). Можно думать, что Промысль Божій, лишивъ единодушное семейство Горицкое отца, даровалъ новыя силы матери. Она внушала сестрамъ, или, лучше сказать, дочерямъ своимъ по духу, строгое соблюденіе монашескихъ правилъ, неупустительное хожденіе въ храмъ, благоговѣніе при чтеніи и пѣніи; запрещала разговоры и всякую разсѣянность въ церкви. «Вы для всѣхъ должны быть примѣромъ, говорила она имъ, все, что вы читаете или поете, всѣ слушаютъ; всѣ на васъ смотрятъ, когда вы кладете поклоны и вамъ подражаютъ. Берегитесь! Бога самаго ради, чтобы не соблазнить мірянъ, простыхъ людей, не подать имъ дурнаго примѣра». Она любила псалтирь и съ особеннымъ вниманіемъ слушала чтеніе каѳизмъ, того же требовала и отъ сестеръ, впрочемъ позволяла имъ слушать сидя. хотя сама рѣдко садилась. Если кому случалось задремать при томъ, не приказывала будить, говоря: «Онѣ утрудились: хотя и уснули, но все же въ церкви. Господь многомилостивъ, видитъ ихъ трудъ и причтетъ къ бдѣнію.» Болѣе всего обращала вниманіе на смиренную покорность и отчужденіе своей воли. Если одна изъ сестеръ, по искушенію вражію, впадала въ грѣхъ и прибѣгала къ настоятелю съ искреннимъ раскрытіемъ совѣсти, или сама старица усматривала грѣховное состояніе сестры, то, какъ попечительная мать старалась поддержать падающую своими совѣтами и молитвою, скрывая грѣхъ отъ прочихъ, чтобы не соблазнить ихъ,

(и) О. Теофанъ скончался 3 декабря 1832 г., послѣ 30 лѣтняго настоятельства. Въ соборной церкви Новосерской обители, подъ аркою стѣны, отдѣляющей соборъ отъ сѣвернаго придѣла во имя святителя Николая, тѣло старца предано землѣ. Надъ могилою положена плита изъ полированного гранита и предъ иконой Богоматери, осѣняющей гробъ его, теплится неугасимая лампада.

а сама въ вечернее и ночное время приходила съ увѣщаніями къ согрѣшившей, пока не успѣвала привести ее къ полному раскаянію и исправленію. По увѣренію современницъ Маврикіи, не было ни одного примѣра, чтобы попеченія ея въ подобныхъ случаяхъ оставались безплодными. Когда нужно было употребить мѣры наказанія, чтобы привести въ чувство, она долго на то не рѣшалась, старалась кротостію побѣдить злыя склонности, назначала поклоны не только виновной, но и самой себѣ, обвиняя себя въ томъ, что не старалась, будто бы, учить сестеръ добру. Усердно заботилась о внушеніи всѣмъ чувства милосердія къ бѣднымъ и страждущимъ и сама служила имъ примѣромъ: ежедневно посѣщала больныхъ въ своей больницѣ, ходила за ними, перевязывала и омывала ихъ раны, выкупала неоплатныхъ должниковъ изъ тюрьмы, раздавала бѣднымъ хлѣбъ и рубашки; всѣхъ умирающихъ въ обители напутствовала своими молитвами въ часъ кончины, обмывала тѣла ихъ, всегда присутствовала при погребеніи, и поминала почившихъ до конца жизни своей. Не любила видѣть, чтобы сестры работали въ свою пользу, или на продажу. «Ради Бога, не дѣлайте этого, говорила она, въ общежитіи торговать не надобно. Трудитесь для общей пользы, если же что вамъ нужно, скажите мнѣ: въ монастырѣ хотя нѣтъ богатства, но всѣмъ можно быть довольнымъ и сытымъ; Господь нашъ богатъ, у Него всего много». Въ послѣдніе годы настоятельства, слово Маврикіи одарено было особенною силою и невольно пскоряло себѣ не только живущихъ въ обители, но и постороннихъ; одно кроткое слово, одинъ проницательный взглядъ останавливали празднословіе и злорѣчіе.

Таковы были всѣмъ видимые подвиги незабвенной первоначальницы Горлицкаго общежитія! А подвиги ея келейные, сокрытыя отъ взглядовъ человѣческихъ, вѣдомы одному Серд-

цевѣдцу. Она трудилась для всѣхъ, всѣмъ служила, чѣмъ могла, въ продолженіе долголѣтней жизни, до глубокой старости, не искала земной славы и земныхъ наградъ. Но и слава и награды сами нашли старицу въ пустынной ея обители. Имя Маврикіи пользовалось безпредѣльнымъ уваженіемъ даже въ дальнихъ женскихъ монастыряхъ, гдѣ, еще при жизни ея были призваны къ настоятельству многія ея ученицы. Заслуги старицы были достойно цѣнимы епархіальнымъ начальствомъ и св. Синодомъ ⁽ⁱ⁾, Цари и Царицы Русскіе знали и уважали Горицкую игуменью ^(к). А она, приснопамятная подвижница, до конца жизни оставалась тою же смиренной и простодушной инокиней, какъ и при началѣ монашеской жизни!

Сорокъ пять лѣтъ управляла Маврикія Горицкою обителью. Постоянные труды истощили силы ея; она чувствовала недуги старости, и рѣшилась наконецъ сложить съ себя игуменство. Преосвящ. митрополитъ Никаноръ желалъ удержать Маврикію въ настоятельской должности до конца жизни ея, предлагалъ дать ей помощницу по ея выбору, но наконецъ

(i) Изъ послужнаго списка матери Маврикіи видно, что она нѣсколько разъ удостоена признательности архипастырей, благословенія св. Синода и награждена наперснымъ золотымъ крестомъ.

(к) Блаженной памяти императоръ Александръ I оказывалъ особенное уваженіе м. Маврикіи, благосклонно привялъ отъ нея и хранилъ до кончины своей коверъ, вышитый синелью по шелковому фону и положенный старицею къ ногамъ его, въ Вологдѣ. Онъ пожаловалъ въ Горицкую обитель великолѣпно вышитую плащаницу, подвешенную ему гречанками Либеріосъ. Императоръ Николай I пожаловалъ игуменьѣ Маврикіи крестъ, осыпанный брилліантами. Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ угодно было видѣть горицкую игуменью: старица представлялась ей вмѣстѣ съ монахиней Теофаніей (Готовцовой), лично извѣстной государынѣ. Императрица приняла ихъ милостиво, долго разговаривала съ ними и подарила игуменьѣ евангеліе. Такого же благосклоннаго вниманія удостоила ихъ императрица Елизавета Алексѣевна.

долженъ былъ уступить неотступнымъ и слезнымъ моленіямъ старицы, лежавшей у ногъ его. Согласившись на просьбу Маврикіи, архипастырь просилъ ее указать на достойную ей преемницу и притомъ сказалъ: «Не затрудняйте себя сдачей монастыря по описи: все вами приобрѣтено. Не только кто другой, но и я самъ не могу ничего отъ васъ требовать». — Желанный указъ объ увольненіи Маврикіи и назначеніи игуменьей (согласно ея указанію) монахини Арсеніи Клементьевой послѣдовалъ 23 декабря 1855 года. Бывшей настоятельницѣ «во вниманіе къ многолѣтнему служенію и неотумимо ревностнымъ попеченіямъ о благосостояніи обители» назначено отъ монастыря: полное содержаніе, необходимая прислуга и пенсія по 150 руб. сер. въ годъ.

Послѣдніе годы многотрудной жизни своей, старица провела въ небольшой кельѣ того же Горлицкаго монастыря. Постояннымъ занятіемъ ея была молитва. Замѣчали иногда, что во время молитвы она совершенно забывала все земное, даже самое тѣло свое: случалось келейницѣ доложить ей, по окончаніи правила, не угодно-ли покушать? «Развѣ я не объдала?» отвѣчала старица, насыщенная неземною пищею. Такъ она, стоя на молитвѣ, не замѣчала, если кто подойдетъ и станетъ подлѣ нея, не чувствовала, какъ осыпали и жалили ее комары и другія наѣкомыя. Въ 1858 году престарѣлая подвижница, изнемогая въ силахъ тѣлесныхъ, приняла великую схиму и наречена Маріею—тѣмъ именемъ, которое получила при крещеніи. Рѣже прежняго видѣли ее въ церкви и въ больницѣ; за то еще сильнѣе высказывалась любовь и преданность тѣхъ, которыхъ воспитала она въ жизни духовной. Каждая изъ сестеръ Горлицкихъ считала за счастье, когда могла послужить матушкѣ схимницѣ; проходя мимо кельи ея, каждая кланялась въ землю, сама игуменья Арсенія была первою послушницею досточтимой старицы.

Какъ гаснетъ солнце на западѣ небосклона, посылая послѣдніе лучи во внутренность великолѣпнаго храма, воздвигнутаго игуменьей Маврикіей; такъ мирно угасала многоплодная жизнь досточтимой схимонахини. Спокойно смотрѣла она на приближающійся конецъ земнаго странствія; съ вѣрою твердую, съ надеждою несомнѣнною на Спасителя міра, съ чистою любовію къ Богу и ближнимъ, ожидала она разрѣшенія отъ узъ тѣлесныхъ. «Какъ желала бы я переселиться въ будущую жизнь» говорила она окружающимъ ее сестрамъ. Когда она разсуждала о блаженствѣ праведныхъ въ обителяхъ Отца небеснаго, потухающій взоръ озарялся восторгомъ духа. Не долго продолжались ожиданія матери Маріи. Лѣтомъ 1861 года она слегла и уже не вставала. Предлагали врача и лѣкарства, но старица обратилась къ небесному Врачу душъ и тѣлесъ, многократно сподобилась приобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ и таинства елеосвященія. Во все время болѣзни, не смотря на лихорадочное состояніе, она сохраняла полное сознаніе и мирно предала духъ свой Господу, Которому послужила 60 лѣтъ въ монашескихъ подвигахъ, настоятельствѣ и схимѣ, 18 іюля 1861 года, на 84 году отъ рожденія. Смертныя останки приснопамятной игуменьи-схимонахини преданы землѣ, въ прекрасномъ храмѣ, ею воздвигнутомъ, на южной сторонѣ. На могилѣ ея, прикрытой черною мраморною плитою, донныиъ приносятся горячія молитвы не только сестеръ Горлицкихъ, воспитанныхъ старицею въ духовной жизни, но и многочисленныхъ лицъ разнаго званія, для которыхъ почившая была благодѣтельницею, въ трудные дни жизни. При жизни своей игуменья Маврикія старалась избѣгать всякой похвалы человѣческой, но теперь «память ея съ похвалами», какъ память праведницы.

Графъ М. Толстой.

П И С Ь М О
ОТЦА АРХИМАНДРИТА ТЕОФАНА
КЪ ИГУМЕНЬЪ МАВРИКІИ.

Спрашиваете объ ошибкахъ при службѣ. Если и не тотъ стихъ читается, что изъ того? вѣдь все же Господу Богу приносится хвала! Не въ томъ грѣхъ, что не тотъ стихъ, не тотъ прокимень, не тотъ Апостоль будетъ прочитанъ, а въ томъ— если и тотъ, да безъ вниманія.

Ежели не то читають, или не столько стиховъ въ канонѣ, пожалуй, надобно легонько напомнать той, которая читаетъ, а ей тотчасъ исполнить, только бы не смѣяться. да не оборачиваться. Смотрите, чтобы и Господь не отвратилъ отъ насъ лица Своего. Ежели привычку сдѣлаемъ смѣяться, смѣшное само находится станеть, и конца ему не будетъ, все будемъ въ этомъ упражняться.

Иногда и нечаянно вещь такая случится, что къ смѣху приведетъ человѣка: объ этомъ тотчасъ надобно раскаяться. Блажени плачущіи, яко тѣи утѣшатся (Матѣ. 5, 4): вотъ этому надобно учиться.

Надобно, чтобы пѣніе было благоговѣйно, чтобы не слишкомъ было сильно и напряженно: ежели пѣніе бываетъ слишкомъ громко, оно непріятно; и слишкомъ тихо также не хорошо. Нужно въ пѣніи соблюдать умѣренность и благоговѣіе.

Бога ради, будьте внимательны. Пѣніе у васъ хорошее; нужно съ пѣніемъ согласовать и умъ: пойте разумно! (Пс. 46, 8). Воспойте Господеву пѣснь нову (32, 3). Когда поете нужно, чтобы и мысль соединялась съ словами и возноси-лась къ Господу. Черезъ это и слушающіе скорѣе обращаются сердцемъ къ Богу.

Не надобно тщеславиться, думать: я хорошо пою, у меня голосъ лучше: вѣдь это не наше — это дарованіе Божіе!

Вотъ я передаю вамъ то, что самъ слышалъ, какъ самъ научился: слышанное отъ старцевъ простыхъ и неученыхъ, и говорить вамъ неученый.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ИНОКА ПАВЛА (ПРУССКАГО).

XXI. О поливательномъ крещеніи. Отповѣдь старообрядцамъ.

Старообрядцы обвиняють церковь православную между прочимъ за пріятіе поливательнаго крещенія, какъ за преступленіе, якобы лишшающее оную православія и благодати. Когда на это ихъ обвиненіе представляютъ имъ, что святой Нифонтъ новгородскій, Маркъ ефесскій, великій защитникъ православія, Гедeonъ Львовскій и Захарія Копистенскій, такъ одобренный въ Книгѣ о вѣрѣ, что всѣ они латинское крещеніе принимали, какъ имущее силу таинства, и отъ церкви вселенской за то обвиняемы не были, что и помѣстный соборъ въ Царѣ-градѣ, на которомъ присутствовалъ Московскій митрополитъ Максимъ, поливательное крещеніе, по случаю совершенное, также пріялъ: тогда они прибѣгаютъ къ другому, неправильно наводимому обвиненію на православную церковь, яко бы она совершеніе поливательнаго крещенія пріяла во всеобдержный (постоянный) обычай, и таковой несправедливый извѣтъ свой покушаются доказать книжницею о поливательномъ крещеніи, напечатанной повелѣніемъ Петра Великаго, благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ 1724 году. На то ихъ натягательное обвиненіе отвѣтствую.

Церковь Грекороссійская имѣла и имѣеть обдержный обычай совершать таинство святаго крещенія чрезъ погру-

женіе, какъ и тою самою, старообрядцами приводимою, о поливательномъ крещеніи книжицею, на листу 5-мъ, свидѣтельствуется; наипаче же удостовѣряетъ въ семъ не отъ частнаго лица, но отъ всѣхъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ и сушихъ подъ ними синодовъ изданное въ 1848 году Окружное посланіе: въ 22 параграфъ сего Окружнаго посланія, говорится о «преданности и любви къ церкви православной, возродившей насъ не новоизмышленнымъ окропленіемъ, но божественною банею апостольскаго крещенія»; а въ статьѣ 12 параграфа 5, укоряются западныя церкви за введеніе въ крещеніи окропленія вмѣсто погруженія. Зрите убо всѣми вселенскими патріархами засвидѣтельствованный обдержный обычай церкви восточной—православной совершать святое крещеніе погруженіемъ и тѣхъ же патріарховъ свидѣтельство, что дѣйствовать крещеніе поливаніемъ, или еще паче окропленіемъ церковь православная не только не приѣмлетъ за обдержный обычай, но и порицаетъ. Если же въ которыхъ мѣстахъ между православными, по какимъ либо нужнымъ случаямъ, вошло въ обычай совершать крещеніе поливаніемъ (какъ у насъ въ Малороссіи во время угнетенія отъ папистовъ): святая церковь тщится при удобныхъ обстоятельствахъ, въ благопотребное время, исправить сей обычай и въ тѣхъ мѣстахъ ввести свой обдержный обычай совершать крещеніе черезъ погруженіе.

А на изданную отъ Святѣйшаго Синода книжицу о поливательномъ крещеніи старообрядцы несправедливо указываютъ, яко бы въ оной крещеніе поливательное признается за обдержный обычай церкви. Такого содержанія мыслей въ ней не обрѣтается; а издана сія книжица по слѣдующимъ двумъ причинамъ: первая, дабы устранить неправильное мнѣніе и дѣйствіе старообрядцевъ, которые по нуждѣ, или какому либо чрезвычайному случаю, обливаніемъ совершенное креще-

ніе (не взирая на всѣ древніе образцы, усвояющіе ему силу дѣйствительнаго таинства) за крещеніе не почитаютъ, и крещенныхъ чрезъ обливаніе вторично покрещиваютъ; другая еще болѣе важная причина — разъяснить читателямъ, что если у кого либо изъ православныхъ, по случаю, или по нуждѣ, вошелъ обычай крестить чрезъ поливаніе (какъ и древле случалось: зри житіе св. мученикъ Мины, Ермогена и Евграфа, декабря 11), то за сіе никакъ не чинить раздора церковнаго, еже есть грѣхъ, и кровію мученія за Христа не омыаемый, но желая и употребляя средства, дабы сей мѣстный обычай, въ удобное время исправился на всеобдержный, не прерывать съ ними общенія и не сомнѣваться за сіе единое въ ихъ православіи. Приведу подлинныя слова изъ предисловія къ книжкѣ о поливательномъ крещеніи, въ которыхъ указанныя мною причины къ изданію оной ясно выражены. На листѣ 5 читается: «въ церкви святой хотя погруженіемъ крестить былъ и есть обычай, однако по случаю и нуждѣ употребляемо было часто и поливательное крещеніе, какъ-то въ слѣдующей книжицѣ покажется». Зри, старообрядецъ, съ какою цѣлію предпріято составленіе книжицы и къ чему направлено все послѣдованіе ея доводовъ: дабы показать, что *по случаю и по нуждѣ* совершалось въ церкви обливательное крещеніе, хотя обдержанный обычай былъ и есть крестить чрезъ погруженіе. Далѣе, въ томъ же предисловіи сказано: «когда въ нѣкія церкви вошелъ обычай крестить поливаніемъ, прочіе христіане, погружательнаго крещенія употребляющіи, за то оныхъ не порицали и раздору не дѣлали, (ниже) и соборовъ на нихъ не собирали». Вотъ и вся цѣль, ради которой св. Синодъ дозволилъ издать книжицу, не та, чтобы поливательное крещеніе за обдержное принять (какъ не справедливо утверждаютъ старообрядцы), но что бы совершенное по нуждѣ и по случаю не повторять, ерети-

ческимъ не порицать и раздоровъ изъ-за него не чинить, какъ дѣлаютъ обыкновенно старообрядцы, но исправлять по удобствамъ времени съ снисхожденіемъ и миролюбиво. Такимъ образомъ старообрядцы не понимаютъ ни разума книжицы, ни цѣли ея изданія, думая утвердить на ней свой несправедливый извѣтъ на православную церковь, якобы она приняла въ обдержный обычай совершать обливательное крещеніе, чего, какъ выше показано, вѣтъ и не было никогда.

XXII. Разговоръ о преніи Панагіота съ Азимитомъ.

Одинъ старообрядецъ поморскаго согласія сказалъ мнѣ: «вы утверждаете, что въ Греціи издавна молились троеперстно и доказываете сіе преніемъ греческаго философа Панагіота съ посланникомъ папскимъ, кардиналомъ Иваномъ Азимитомъ, которое преніе было при царѣ Андроникѣ Палеологѣ въ лѣто 1274-е, и напечатано въ Книгѣ о вѣрѣ на листу слѣд. Но тамъ сказано только: *почто не согбаеши три персты*, а какіе три перста — не показано, и на такомъ не ясномъ свидѣтельствѣ можноли утверждаться?» — Я отвѣчалъ: «Вамъ это свидѣтельство кажется не яснымъ потому, что оно, противъ вашего мнѣнія, служитъ въ защиту троеперстія. Потому вы и раздѣляете смыслъ его: на одно только начало обращаете вниманіе, а послѣдующій смыслъ его оставляете безъ разсмотрѣнія. Но я постараюсь раскрыть вамъ истинное его значеніе. Скажите мнѣ, — когда вы креститесь двуперстно, то на чело и прочія мѣста не полагаете ли точно два перста, такъ что прочіе три, большой и два малыхъ, на чело и прочія мѣста не полагаются?» Онъ отвѣчалъ: «такъ точно.» — Я продолжалъ: «а въ Кирилловой книгѣ философъ Гречанинъ

говорить латынщику: *почто не согбаеши три персты, и крестишися десною рукою, егда полагаеши на чель твоємъ.* На сіи послѣднія слова вы не обращаете вниманія; а они-то и показываютъ, что философъ Панагіотъ говоритъ здѣсь именно о трехперстномъ, а не двуперстномъ сложеніи, ибо въ двуперстномъ сложеніи три перста согбенные на чело не полагаются, какъ и сами вы сказали, а бываетъ сіе только въ сложеніи трехперстномъ.» Противъ этого старообрядецъ ничего сказать не могъ. Я продолжалъ: «еще тебя спрошу: латины которыми двумя перстами крестъ на себѣ творятъ и коимъ однимъ пальцемъ послѣди перекрещиваютъ, какъ о томъ свидѣтельствуеетъ философъ Панагіотъ?» Онъ отвѣчалъ: «Андрей Денисовъ въ поморскихъ отвѣтахъ (отв. 9.) пишетъ: латины послѣднихъ два перста имѣютъ пригбенны къ длани, а указательный и великосредній имѣютъ простерты, и сими обоими пальцами полагаютъ на главу и на животъ, а потомъ пальцемъ, т. е. большимъ, перекрещиваютъ съ лѣваго плеча на правое. Итакъ, по сказанію Денисова, латины указательнымъ, великосреднимъ и великимъ, — сими тремя перстами несогбенными вкупѣ и не всѣми вкупѣ, творятъ на себѣ крестное знаменіе.» Я сказалъ: справедливо вы отвѣчали. Теперь разсудите же. Если, по вашему, допустить, что тогда, во время Панагіота, греки во образъ св. Троицы пригибали большой перстъ съ двумя малыми, какъ дѣлаютъ старообрядцы, а не тѣ, которые употребляются латинами для крестнаго знаменія (три первые великіе перста несогбенные): то почему же философъ Панагіотъ, укоряя латынь за несогбеніе трехъ перстовъ, не сказалъ, какіе именно персты надлежитъ *согбати*? Еслибы нужно было сгибать не тѣ персты, которые употребляютъ латины, ему нужно было бы непременно ихъ назвать. Представьте, что вамъ самимъ пришлось бесѣдовать съ латинникомъ о перстосложеніи; —

видите вы, что онъ, устроая руку для воображенія крестнаго знаменія, держать два перста, — указательный и велико-средній, простертые, а третій великій перстъ особо отъ нихъ: тогда вы непременно сказали бы ему: зачѣмъ ты не такъ, яко же подобаеть, и не тѣ персты употребляешь для крестнаго знаменія? зачѣмъ не сгибаешь три перста—большой и два малыхъ и прочими двумя простертыми не воображаешь на себѣ крестнаго знаменія? А скажите ему просто: *почто не согбаеши три персты, егда полагаеши на чель твоемъ?* — Латинникъ не пойметъ, какіе персты вы сами при этомъ разумѣете, а непременно подумаетъ, что вы говорите объ тѣхъ же трехъ перстахъ, какіе и онъ употребляетъ, только несогбенные; да и силы не будетъ имѣть ваше замѣчаніе: вамъ не на то нужно обратить вниманіе, что латинникъ три перста не согбаеть, а на то, что двумя простертыми не полагаетъ на себѣ крестное знаменіе. Такъ бы поступилъ философъ Панагіотъ, еслибы онъ въ преніи съ Азимитомъ хотѣлъ быть защитникомъ двуперстія, — порицая Азимита, почто не согбаеть три перста, онъ назвалъ бы сіи персты непременно». Старообрядецъ возражалъ мнѣ на это: «Азимиту извѣстно было, какіе три перста греки согбаютъ, потому и называть ихъ Панагіоту не было нужды.» Я отвѣчалъ: «пусть такъ; положимъ, что Азимиту извѣстно было, какіе три перста греки тогда согбали, — т. е., по вашему мнѣнію, большой и два малые. Но и въ такомъ случаѣ, не именуя перстовъ, Панагіотъ все-таки долженъ былъ сказать: *почто несогбаеши три перты, ихъже мы согбаемъ.* Онъ же о разнствіи перстовъ ни малѣйшаго вида притязанія не подаетъ, а только за несогбеніе обличаетъ латинъ». Тогда старообрядецъ спросилъ меня: «а самъ ты какъ разумѣешь слова Панаігота?» Я отвѣчалъ: «Они ясно показываютъ, что греческій обычай перстосложенія разликовалъ отъ латинскаго не въ перстахъ, а только

въ согбеніи ихъ во имя святыхъ Троицы; потому философъ Панагіотъ и не назвалъ перстовъ, кои сгибать надлежитъ, что разумѣлъ тѣ же самыя, которые и латины употребляютъ, но только не сгибая или не соединяя ихъ. Разумѣть же здѣсь иные персты, о которыхъ Панагіотъ философъ нисколько не напомнилъ, не что иное будетъ, точію свое мнѣніе составлять, а не повѣсти слѣдовать».

ПОУЧЕНІЕ О ЗЛЫХЪ ДУХАХЪ.

Духи нечистые, нечистая сила, лукавый духъ, демонъ темный, бѣсы нечистые, сатана, діаволъ, ангелы его. Кто это такіе?—По природѣ своей они таковы же, какъ и добрые ангелы; т. е. и они — существа невидимыя, безплотныя, одаренныя умомъ, волею и могуществомъ, только по своимъ свойствамъ злыя; да, это тѣ духи или ангелы злые, которыя не на небѣ, а въ адѣ, въ преисподней.—Ихъ, этихъ злыхъ ангеловъ, хотя меньше, чѣмъ добрыхъ, но все же очень много, безъ числа много, цѣлыя легіоны; и изъ нихъ есть низшіе, высшіе, сильныя, сильнѣйшіе, злыя, злѣйшіе и сатана, діаволъ, — это главный самый злой и сильный. Мѣсто, гдѣ злыя духи, называется *преисподнею*, т. е. мѣстомъ самымъ низшимъ, отдаленнѣйшимъ отъ неба и совершенно противоположнымъ небу; называется *адомъ*, т. е. мѣстомъ самымъ мрачнымъ, темнымъ, и просто называется *тьмою кромъшною*; называется также *геенною огненною*, т. е. мѣстомъ, исполненнымъ огня неугасимаго, мучительнаго, и просто называется *огнемъ вѣчнымъ, мукою вѣчною*. Что это значитъ? Это значитъ, что тамъ, гдѣ злыя духи, нѣтъ Божіаго свѣта, а всегда тамъ мракъ, вѣчно мракъ, страшный, ужасный мракъ: нѣтъ тамъ и никогда не бываетъ никакой радости Божіей, а всегда тамъ печаль, воздыханіе, мученія и страданія, мученія, какъ отъ огня, и страданія до скрежета зубовъ.

Отъ чего же это мѣсто такое мрачное, страшное, отъ чего тамъ такія страданія, мученія? Не мѣсто само по себѣ тамъ такое, а злые духи, аггелы дѣлають его такимъ. Что такое злые аггелы? Существа, которыя Бога не любятъ, Бога не славятъ, о Богѣ не радуются; которыя злы на Бога, что Онъ благъ, что Онъ людей любитъ, и которыя, ненавидя Бога и все доброе и святое, дѣлають только злое, пагубное, гибельное, т. е. дѣлають именно только то, что заставляеть ихъ мучиться, страдать, стенать, воздыхать. Такъ вотъ отъ нихъ-то, отъ этихъ злыхъ духовъ, нелюбящихъ славить Бога и радоваться о Богѣ, и нѣтъ свѣта Божія и нѣтъ радости Божіей тамъ, гдѣ они; ихъ-то и слышны тамъ мученія, страданія, стоны, вопли. Злые аггелы до того злы, что хотятъ лучше мучиться, страдать, стенать, воздыхать, только бы Бога не славить, о Богѣ не радоваться, только бы, кромѣ зла, ничего не дѣлать.

Отъ чего злы они? Всеблагій Богъ ничего злаго, вреднаго, пагубнаго не создалъ, и никого изъ существъ на зло, на муки, на страданія не сотворилъ. Всякое созданіе Божіе служитъ всѣмъ во благо, въ пользу, въ радованіе, въ веселіе, и всякое твореніе сотворено Богомъ для наслажденія жизнию, для покоя, для радостей, для блаженства. Такими и для того были сотворены Богомъ и злые аггелы, т. е. добрыми; но они сами сдѣлались злыми, сами не захотѣли быть тѣмъ, чѣмъ и для чего Богъ сотворилъ ихъ; не захотѣли быть покойными, довольными, т. е. не захотѣли радоваться, блаженствовать, хваля и благословляя Бога, сотворшаго ихъ. Какъ они дошли до такого состоянія, что зная, чувствуя, какъ гибельно, мучительно быть злымъ, однакоже остаются злыми, не хотятъ не злиться, не хотятъ не мучиться, не страдать? Гордость ихъ довела до того. Одинъ изъ нихъ самый главный, *денница*, сіявшій подобно утренней зарѣ, Божіимъ

свѣтомъ и красотою, преисполненный Божіей радости и веселія, обладавшій особенно могуществомъ и крѣпостію, разсматривая свои совершенства, засмотрѣлся на себя, и забывъ своего Творца, забылъ, что все у него Божіи дары, умолкъ, пересталъ пѣть Богу, возмечталъ о себѣ, и задумался: я могу, могу... съ такими силами чего я не могу? о, я самъ могу сдѣлаться всеблаженнымъ, вседовольнымъ, подобнымъ Всевышнему... Такое его мечтаніе о себѣ и молчаніе о Богѣ замѣтили подъ его вліяніемъ и начальствомъ находящіеся ангелы, и тоже обратили вниманіе на свои достоинства, и тоже засмотрѣлись на себя, и тоже стали умолкать, забывъ пѣть Того, Чьи они созданія, и вотъ молчаніе о Богѣ на небѣ стало распространяться, стала-было затихать хвала Всевышнему, искушеніе было для всѣхъ ангеловъ, всѣ могли увлечься денницею. Въ это время Архангелъ Михаилъ ^(а) вдругъ громкимъ голосомъ возгласилъ: *Слава Отцу и Сыну и Св. Духу*; за нимъ миллионы торжественно воспѣли: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея*; и денница, не захотѣвъ присоединиться къ поющимъ, пѣніемъ ихъ какъ громами пораженный палъ молніею съ неба, а за нимъ и всѣ ему подчиненные, единомысленные. Объ этомъ-то паденіи денницы говорилъ Сынъ Божій, Господь нашъ І. Христосъ, когда сказалъ: *я видѣлъ сатану спадшаго съ небеси какъ молнію* (Лук. 10, 18.).

Съ паденія злыхъ духовъ, добрые ангелы еще тверже стали въ добрѣ, еще ближе стали къ Богу, еще пламеннѣе возлюбили Его, такъ что невозможно, чтобы они, непрестанно видя предъ собою Господа силь, могли перестать когданибудь Ему пѣть, о Немъ радоваться. А падшіе духи, не сдѣлавшись покойными, блаженными сами собою, подобными

(а) См. «Дни Богослуж. Дебольскаго» 8 нояб.

Всевышнему, навсегда остались злыми, навсегда отпали отъ Бога, такъ что невозможно, чтобы они когда нибудь обратились къ Богу, сдѣлались добрыми. Вѣчно злесь, будутъ вѣчно мучиться, страдать, но не захотятъ просить у Бога помилованія, не захотятъ отъ гордости блаженствовать по Божіей милости.

Какое отношеніе злые ангелы имѣютъ къ людямъ? Сами собою, безъ согласія людей, особенно безъ попушенія Божія, злые ангелы никакого не могутъ имѣть вліянія на людей и ни малѣйшаго не могутъ дѣлать имъ зла. Но Богъ, не желая стѣснять ни чьей свободы, попускаетъ злымъ ангеламъ, до времени, дѣлать для людей злое на землѣ, а люди, по своей слабости, склонны бывають слушаться ихъ, соглашались съ ними на злое себѣ. Да, не стѣсняя свободы злыхъ ангеловъ, Богъ попускаетъ имъ дѣйствовать на людей, но однако такъ, чтобы и они не употребляли насилія ни надъ однимъ человѣкомъ, чтобы тоже не стѣсняли ни въ чемъ никогда свободы людей. Какъ могутъ злые ангелы дѣлать людямъ зло?— Они, какъ и добрые ангелы, и по уму выше и по силамъ крѣпче людей. Главный изъ нихъ, по силѣ и вліанію на людей, называется *княземъ міра сего* и *княземъ власти воздушныя*. Отъ того-то на землѣ бывають такія ужасающія, безчеловѣчныя дѣла, какихъ люди, безъ участія злыхъ ангеловъ, такъ придумать не могли бы и безъ ихъ содѣйствія исполнить бы ли бы не въ силахъ. И потому нѣтъ зла на землѣ, въ которомъ злые ангелы не принимали бы участія, и нѣтъ погибшаго, который бы погибъ безъ ихъ содѣйствія.

Какое именно они дѣлають зло людямъ? Богъ желаетъ всеѣмъ людямъ добра, спасенія, покоя, блаженства; злые ангелы этому противятся, — главный изъ нихъ отъ того такъ и называется *сатанюю*, т. е. противникомъ Божиимъ, — противятся они волѣ Божіей о людяхъ, и хотятъ, на зло Богу, чтобы

всѣ люди, подобно имъ, погибали, чтобы всѣ были злы, мучились, страдали. И вотъ они стараются всячески, чтобы люди не знали Бога, чтобы не вѣровали въ Него; вся забота ихъ объ этомъ, потому что погибшими, злыми, развратными, злодѣями люди бывають, дѣлаются именно отъ этого, отъ незнанія Бога, отъ невѣрія въ Него. Что злые ангелы дѣлають для того, чтобы люди Бога не знали, въ Него не вѣровали? Прибѣгають къ клеветамъ, ко лжи, къ обману, къ обольщеніямъ, потому-то главный изъ нихъ и называется *отцемъ лжи* и *дѣволомъ*, т. е. клеветникомъ и обольстителемъ. Да, злые духи лгутъ, клеветаютъ людямъ на Бога, клеветаютъ, что и нѣтъ Бога, и заповѣди Его вовсе не нужны, что и безъ Него, и безъ Его заповѣдей можно жить покойно, весело, даже покойнѣе будешь, если станешь жить и дѣйствовать по своей волѣ, по своему разумѣнію; вообще что только можно придумать, сказать, написать противъ Бога, противъ Его бытія и свойствъ, противъ Его дѣлъ и ученія,—все это злые духи въ людяхъ поддерживають, усиливають; а чѣмъ Богъ на землѣ прославляется, что къ познанію Его служить, что для славы Его дѣлается, отъ чего воля Его исполняется, что во спасеніе людей устроается, все это злые духи стараются ослаблять, уничтожать, затмѣвать, истреблять. Такъ они идолопоклонство поддерживають, чтобы люди, ложнымъ богамъ поклоняясь, не знали истиннаго Бога; они посявають, поддерживають ереси, расколы,—чтобы люди, живя по ими самими выдуманной вѣрѣ, не вѣровали въ истиннаго Бога; они поддерживають клеветы на св. церковь, на ея ученіе и уставы, на ея учителей и пастырей, чтобы невѣрующіе въ св. церковь, внимая этимъ клеветамъ, не увѣровали въ нее, въ которой одной поклоняются Отцу, и Сыну, и св. Духу; они возбуждають, поддерживають притѣсненія, гоненія на церковь Божию православную, чтобы въ самыхъ вѣрующихъ ослаб-

лять, колебать вѣру въ Бога истиннаго. Они же, злые духи, и мутятъ міръ, поддерживая и усиливая раздоры, несогласія, и мутятъ воду и воздухъ, возбуждая и распространяя пагубныя волны, тлетворныя вѣтры, чтобы люди, страшась, страдая, мучась, погибая, забывали Бога. Да, міръ, т. е. злые люди, *сыны противленія* — это жительство, достояніе злыхъ духовъ, гдѣ они дѣйствуютъ полновластно на гибель людей. Особенно злобу свою они показываютъ надъ душами умершихъ, усиливаясь удержатъ ихъ въ своей области, препятствуя имъ восходить на небо, въ царство Божіе. Итакъ вотъ чего хотятъ, чего всѣми мѣрами домогаются злые ангелы, чтобы царствія Божія не было, т. е. чтобы Бога никто не зналъ, чтобы никто въ Него не вѣровалъ.

Есть ли у человѣка особый злой ангелъ, какъ есть ангелъ хранитель?— До крещенія человѣкъ находится подъ властію злыхъ ангеловъ; потому св. церковь, при крещеніи отгоняетъ отъ оглашенныхъ всякаго лукаваго, нечистаго духа. Так. образомъ при тебѣ, слушатель хр—нъ, нѣтъ особаго злаго духа; за то всякой изъ нихъ всегда готовъ тебѣ дѣлать зло, они ждуть только на то знака твоего согласія. Чѣмъ же мы дѣемъ знакъ злому духу, что мы согласны внимать ему, слушаться его?— Мыслями, желаніями нашими злыми, не правыми, грѣховными. Да, когда я начинаю мыслить злое, неправое, грѣховное, желать злаго, неправаго, грѣховнаго, то этимъ даю знать злому духу, что я согласенъ слушать его, и — онъ тотчасъ же начинаетъ на меня дѣйствовать; и вотъ по обычаю, онъ старается поддерживать, усиливать мои мысли, возбуждать, воспламенять мои желанія, — по обычаю, клеветца мнѣ на Бога, возобновляя въ моей памяти, съ своими поясненіями, все, что только я когда думалъ, слышалъ, читалъ, говорилъ противъ Бога и Его заповѣдей, обольщая меня, внушая, объясняя, доказывая, почему я могу, почему я

долженъ, имѣю право, основаніе, нужду думать, мыслить, дѣлать, говорить то, что хочу, чего желаю, что думаю. Такъ обольщаемый злымъ духомъ, я, наконецъ, какъ злымъ виномъ упоенный, забываюсь, забываю, что Богъ есть, и зло, неправда мною овладѣваетъ, и грѣхъ во мнѣ царствуетъ, и я... я погибъ?. Всѣ мы, слуш., погибли бы, если бы Сынъ Бога живаго не пришелъ въ міръ грѣшныя спасти. — Дѣйствуя на душу члѣовѣка, злые духи могутъ дѣйствовать и на тѣло его, тревожа, смущая его духъ и такъ образомъ поддерживая его тѣлесныя болѣзни, усиливая ихъ такъ, чтобы больной забылъ о Богѣ, или чтобы ропталъ на Него. Такъ злой духъ дѣлалъ съ Іовомъ, хотя и не довелъ его до того, до чего хотѣлъ. Злые духи могутъ даже вселяться въ члѣовѣка и мучить его тѣло, и мучить страшными муками. Такъ они дѣйствуютъ и дѣйствовали въ тѣхъ людяхъ, которые называются бѣсноватыми.

Являются ли злые ангелы видимо члѣовѣку?—Какъ добрые ангелы только по особенному Божію повелѣнію видимо являются: такъ и ангелы злые тоже только по особенному Божію дозволенію могутъ иногда видимо являться. Такъ они въ разныхъ чужихъ видахъ являлись святымъ и подвижникамъ благочестія. Безъ особеннаго же Божія дозволенія и поущенія, сами собой, самовольно злые духи видимо людямъ являться не могутъ; это невозможно для нихъ, потому что они духи, не имѣютъ плоти и никакого видимаго для насъ вида. Да, и намъ видѣть злыхъ ангеловъ очами тѣлесными невозможно, и для нихъ самовольно являться видимо намъ тоже не возможно. Дѣйствуютъ иногда они, повидимому, самовольно на нашу душу, когда поддерживаютъ и усиливаютъ въ насъ, противъ нашего желанія, намъ на муку, мысли нечистыя, скверныя, хульныя противъ Бога и всего святаго, Божественнаго; но то только намъ такъ кажется, ду-

мается, что самовольно, а въ самомъ дѣлѣ и это часто бываетъ и не безъ попущенія Божія, и не безъ повода съ нашей стороны, и притомъ не безъ пользы для насъ, — именно то бываетъ для смиренія насъ, для убѣжденія, что безъ Божіей помощи мы и помыслить добраго не можемъ.

И такъ, вотъ какое отношеніе имѣютъ злые ангелы ко всѣмъ людямъ и къ каждому изъ насъ. Они враги намъ, враги нашего спасенія, враги нашего покоя, враги нашего блаженства. Да, они враги злые, сильные; но у насъ противъ ихъ — Богъ всемогущій и І. Христосъ, ада побѣдитель. При одной моей мысли: есть Богъ, при одномъ моемъ словѣ: Господи Іисусе, при одномъ на мнѣ знаменіи крестномъ, злые духи убѣгаютъ отъ меня, расточаются, исчезаютъ. Мучительны мысли, противъ нашего желанія, влагаемыя въ нашу душу злыми духами, тѣ нечистыя, скверныя хульныя мысли, которыя приходятъ иногда при самыхъ святыхъ занятіяхъ; но и эти мучительныя мысли, стоитъ только покойно дунуть и плюнуть на нихъ, тотчасъ пропадають, исчезаютъ.

Что ожидаетъ въ будущемъ злыхъ духовъ? Устами мучимыхъ ими, такъ называемыхъ бѣсноватыхъ людей, говорили они І. Христу, когда Онъ хотѣлъ ихъ изгнать: за чѣмъ Ты, Сыне Божій, прежде времени пришелъ сюда насъ мучить?—И такъ злыхъ духовъ ждетъ мука, или, лучше сказать, они ждутъ муки, которая настанетъ послѣ втораго пришествія Христова на землю, и которая будетъ вѣчною. Да, мука существъ злыхъ, которыя отъ гордости хотятъ лучше вѣчно мучиться, чѣмъ съ мольбою обратиться къ милостивому Богу, будетъ мука вѣчная, огонь, ими себѣ уготованный, не угаснетъ вѣчно.

Слуш., христіане! слышали вы о злыхъ ангелахъ. Что они говорятъ намъ? Конечно, тоже что все существующее говорить: есть Богъ. Да, ангелы злые своимъ бытіемъ, своею

злостію и злобою, своими дѣлами и страданіями говорятъ, что есть Богъ, есть всемогущая, вѣчная Благость, которая даетъ жизнь всему, что только можетъ жить, существовать, есть всемогущая вѣчная Правда, которая воздаетъ по дѣламъ всѣмъ, кто только можетъ дѣлать, дѣйствовать, есть всемогущая вѣчная Премудрость, которая одна можетъ все объяснить и въ свое время намъ объяснить, что почему такъ, а инаиначе есть, бываетъ и будетъ.

Такъ, есть невидимая сила, нечистая, недобрая, есть ангелы злые, невообразимо злые, какъ люди есть злые, до невѣроятности злые, есть они, но я не боюсь ихъ. Господи, не боюсь ихъ зла, ибо *Ты со мною еси*, ибо я *вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ Аминь.*

Протоіерей Родіонъ Путятинъ.

СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ

ПРОТОІЕРЕЯ

НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ДРУГОВА.

Источникомъ свѣдѣній о жизни отца протоіерея служили намъ официальныя бумаги,—главнымъ же образомъ достовѣрные рассказы близкихъ знакомыхъ и родственниковъ покойнаго старца.

Николай Петровичъ родился въ Москвѣ 1777 года 5-го декабря, наканунѣ праздника въ честь соименнаго ему св. Николая чудотворца. Отецъ его Петръ Петровъ былъ сторожемъ при большомъ Успенскомъ соборѣ, и имѣлъ собственный домъ въ приходѣ Николаевской, что въ Голутвинѣ, церкви, за Москвой рѣкой. Жена его Агриппина Ивановна происходила изъ купеческаго званія. Петровъ умеръ въ мартѣ мѣсяцѣ 1786 года, на 37 году отъ рожденія, оставивъ послѣ себя троихъ дѣтей: девяти-лѣтняго Михаила, бывшаго потомъ звонаремъ и сторожемъ при Успенскомъ соборѣ, осмилѣтняго Николая, обученныхъ грамотѣ и чистописанію, и дочь Матрону. Вдовствующая мать, 11 мая того же года, просила начальство московской славяно-греко-латинской академіи о принятіи въ оную, со включеніемъ въ число казенноштвныхъ учениковъ, меньшаго сына ея Николая Другова. На семь прошеній помѣчено: «принять и по ея бѣдности вписать на казенное жалованье».

Однакожь, на самомъ дѣлѣ, онъ не былъ вписанъ, вслѣдствіе чего мать его 19 го числа декабря подала другое прошеніе, оставшееся безъ всякой помѣтки ^(а). Въ 1788 году нисшаго класса ученикъ Н. Друговъ значится ^(б) своекоштнымъ. Онъ занимался преподаваніемъ частныхъ уроковъ. По выходѣ изъ нисшихъ классовъ, онъ обучался наукамъ философскимъ, богословскимъ и другимъ предметамъ и окончилъ курсъ ученія въ іюль 1800 года, съ степенью студента богословія ^(в). Въ послужномъ спискѣ его за 1821 годъ замѣчено: «на латинскомъ и французскомъ (языкахъ) можетъ говорить, переводить и сочинять свободно; на нѣмецкомъ и простомъ (ново) греческомъ говорить и переводить, а съ еллино-греческаго только переводить», Основательное языковѣдѣніе приобрѣтено имъ еще въ академіи; но и впослѣдствіи онъ не оставялъ занятій иностранною литературой, и такимъ образомъ достигъ совершенства въ знаніи особенно новѣйшихъ языковъ. Онъ и по окончаніи академическаго ученія продолжалъ давать уроки въ частныхъ домахъ. При немногочисленности учебныхъ заведеній и учителей, которая въ ту пору не соотвѣтствовала усиленной потребности образованія, воспитанники и студенты академіи были часто избираемы въ домашніе наставники ^(г).

(а) Къ обоимъ прошеніямъ, вмѣсто матери, сынъ ея Н. Друговъ руку приложилъ. Какъ хорошо онъ подписался! Н. П—чъ и впослѣдствіи писалъ крупнымъ, твердымъ и красивымъ почеркомъ.

(б) Дѣла архива московскаго семинарскаго правленія.

(в) Въ общемъ разрядномъ спискѣ за этотъ годъ онъ записанъ подъ 4-мъ №; рекомендованъ такъ: «отлично-прилежень и успѣховъ препохвальныхъ». Въ спискахъ, составленныхъ по языкамъ: еврейскому, греческому, нѣмецкому и французскому, онъ занимаетъ 1-й №.

(г) Исторія моск. сл.-гр.латин. академіи, проф. С. Смирнова, М. 1855 г., стр. 270. Ректоръ Евлампій, въ ноябрѣ 1795 г. вы-

10-го апрѣля 1801 года, на 24-мъ году своего возраста, Друговъ вступилъ въ бракъ съ Марьею Васильевной, дочерью протоіерея Трехсвятительской у Красныхъ воротъ церкви; а 28 числа къ той же церкви, преосв. Серафимомъ, епископомъ дмитровскимъ, посвященъ во діакона. Тестъ его, Василій Прокопіевичъ Хатунцевскій пользовался благоволеніемъ высокопреосвященнаго митрополита Платона. Незабвенный іерархъ не одинъ разъ священнодѣйствовалъ въ Трехсвятительскомъ храмѣ въ праздникъ 30 января, и въ этотъ день, по отслуженіи св. литургіи, посѣщаль протоіерея ^(а). Отецъ Василій скончался послѣ кратковременной болѣзни, іюня 14-го дня 1805 года ^(б). На его мѣсто, согласно его желанію и просьбѣ, былъ опредѣленъ Николай П—чь. Онъ рукоположенъ во священника митрополитомъ Платономъ 29-го іюня, въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла и въ день рожденія своего рукополагателя, въ верхней Спасопреображенской церкви Виоанскаго монастыря. На другой день,

далъ приказъ, чтобъ ученики имѣли кондиціи никакъ не больше одной, и то съ разрѣшенія своего начальства, «дабы въ ученіи оттого помѣшки имъ не было».

(а) В. Пр—чь съ нисшихъ классовъ обучался (съ 1763 г.) въ моск. сл.-гр.-латинской академіи; въ 1771 г. опредѣленъ учителемъ аналогическаго класса. Въ томъ же году предоставлено за нимъ *наслѣдное* послѣ умершаго отца его (Прокопій Ивановичъ сконч. 30-го сент. 1771 г.) священническое мѣсто при Трехсвятительской церкви. Онъ рукоположенъ во священника 15 сент. 1773 года (не ранѣе); въ санъ протоіерея посвященъ митрополитомъ Платономъ 1777 года, ноября 16-го (Дѣла архива моск. дух. консисторіи); былъ благочиннымъ и членомъ консисторіи. Владыка настолько любилъ его, что приглашалъ въ свою карету и однажды разрѣшилъ ему цѣлодневный звонъ, по тому случаю, что его сыновья были произведены — одинъ во діакона, а другой во священника.

(б) Погребеніе его совершалъ преосв. Августинъ, викарій московскій, съ прочимъ духовенствомъ.

литургію въ монастырѣ совершалъ новопосвященный іерей, а митрополитъ пѣлъ на лѣвомъ клиросѣ и читалъ апостоль ^(*). Литургія была отслужена ставленникомъ такъ хорошо и правильно, что высокопреосвященный сказалъ о немъ: «вотъ въ этомъ будетъ толкъ». Святитель обратилъ благосклонное вниманіе, между прочимъ, на то, что, по прочтеніи имъ апостола, служащій іерей, сказавши: «миръ ти,» не благословилъ чтеца-іерарха, а только поклонился ему. Владыка былъ неизмѣнно къ нему расположенъ и, обыкновенно, называлъ его «отцемъ Николаемъ». Послѣдній ежегодно два раза ѣздилъ въ Виѳанію, любимое мѣстопребываніе митрополита Платона, для поздравленія его съ днемъ рожденія и именинъ (18 ноября), и останавливался въ его келліяхъ.

Въ самомъ началѣ пастырскаго служенія, о. Николай могъ уже *своя овцы глашатъ по имени* (Іоан. 10, 3); въ санѣ діаконскомъ онъ имѣлъ возможность узнать вѣншее положеніе и нужды прихожанъ, также присмотрѣться къ дѣйствованію и порядкамъ своего почтеннаго предмѣстника. А потому началъ пастырское служеніе съ запасомъ пріобрѣтенной опытности. Въ продолженіе 1806 года, по назначенію епархіальнаго начальства, каждый воскресный день преподавалъ онъ въ своей церкви катихизическое ученіе; руководствомъ при изъясненіи онаго былъ, конечно, катихизисъ Платона. Этотъ трудъ продолжалъ онъ, по собственному желанію, и во весь 1807 годъ, а въ послѣдующіе годы, вмѣсто катихизическихъ бесѣдъ, каждую недѣлю произносилъ вообще поучительныя слова.

(ж) Однажды, въ недѣлю мытаря и фарисея, пѣлъ онъ въ Виѳанской церкви, вмѣсто причащаго, евангельскій стихъ: *всякъ возносяся смирится: и смиряйся вознесется* (Лук. 14, 11). Когда служащій іеромонахъ сталъ причащать младенца, преосвященный подошелъ къ царскимъ вратамъ. (Разсказъ моего дѣда.)

Мало-по-малу расширяется кругъ его служебной дѣятельности. Черезъ три года послѣ рукоположенія въ священника, 16-го октября 1808 года, о. Николай назначенъ быть благочиннымъ Срѣтенскаго сорока. По этому случаю имъ сказана (20-го числа) слѣдующая рѣчь митрополиту Платону:

«Святѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Когда Богъ послалъ Моисея возвѣститъ судьбы свои израильскому народу и Фараону: то сей Боговидецъ отрицался отъ сего посольства, говоря: *молюся Ти, Господи: не доброррочивъ... худогласенъ и косноязыченъ азъ есмь..... избери мощица иного, егоже послещи* (Исх. 4, 10. 13). Подобно сему и Іеремія, пророкомъ во языки отъ самого Бога поставляемый, рекъ ко Господу: *о сый владыко Господи, се не вѣмъ глаголати, яко отрокъ азъ есмь* (Іер. 1, 6). И ты, святѣйшій владыко! посылаешь меня на дѣло служенія; и ты, архипастырь великій! вручаешь мнѣ жезлъ правленія. Что жъ могу рещи паче реченнаго пророками Божіими: *отрокъ азъ есмь въ дому паствы твоя, пастыреначальниче! не доброррочивъ и скудоуменъ азъ есмь, святѣйшій владыко!* Что еси сотворилъ? *Избери мощица иного, егоже послещи.* Въ вертоградѣ твоємъ растутъ и кринны, и шипкѣ и кедры; что яко миповавъ тѣ, приниклъ еси на иссопъ? Что азъ сотворихъ достойное взора твоего? Ничесоже паче повелѣннаго. Удивилъ еси на мнѣ милости твои; паче слова и разума щедроты твои ко мнѣ. Но еже тростию книжняка скорописца писалъ еси, писалъ. Буди воля со мною великаго Архіерея, прошедшаго небеса. Буди воля и твоя, земный архіерею, истый образъ Небеснаго! Иду, аможе хочещи, иду на дѣланіе мое, дондеже повелиши. Только, аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, приложи къ тѣмочисленнымъ милостямъ еще одну: воздѣй о мнѣ преподобныя руцѣ твои горѣ, да прохожду дѣло служенія моего, Богу въ честь и славу, тебѣ въ угоду

ное, себѣ и другимъ во благое, да зависть, втайнѣ скрежещущая зубы своими, ничтоже когда успѣетъ на меня; реки и мнѣ, якоже древле Богъ Іереміи: *не убойся отъ лица враговъ, яко съ тобою азъ есмь, еже избавити тя* (Іер. 1, 8). Тогда съ радостію, и не воздыхая пойду на чреду служенія моего.»

Въ должности благочиннаго, Н. П—чь, какъ значится въ его послужномъ спискѣ, занимался чтеніемъ проповѣдей *уче-ныхъ* (такъ назывались тогда студенты богословія) священниковъ и діаконовъ его вѣдомства, кромѣ того, по особенному порученію отъ духовнаго начальства, наставленіемъ и утвержденіемъ въ ученіи истинной вѣры желающихъ присоеди-ниться къ православной грекороссійской церкви изъ римскихъ католиковъ, лютеранъ, реформатовъ, евреевъ, магометанъ, и нашихъ раскольниковъ. Съ 1808 по 48-й годъ присоединено имъ къ православію изъ разныхъ націй обоего пола 95 человекъ. 1810 года апрѣля 23-го онъ награжденъ набедренникомъ. 2-го декабря 1811 года производилъ слѣдствіе въ подмосковномъ селѣ Черкизовѣ, по случаю найденной въ домѣ священника поддѣльной монеты. Чѣмъ кончилось это слѣдствіе, намъ неизвѣстно.

Насталъ бѣдственный для Москвы 1812-й годъ. По мѣрѣ приближенія французскихъ войскъ, столица принимала воинственный видъ; въ ней формировались ополченія изъ охотниковъ всѣхъ сословій, исключая крѣпостныхъ людей. Московскіе жители пришли въ уныніе, какъ скоро узнали, въ первыхъ числахъ августа, что г. Смоленскъ, эта западная твердыня царства русскаго, послѣ упорной битвы взята врагомъ; многіе стали помышлять о своей безопасности и выѣзжать изъ столицы. Въ это-то смутное время, именно въ августъ мѣсяцъ, Н. П—чь заболѣлъ простудною горячкой: жена его 26-го числа того же мѣсяца родила дочь Елисавету

и не скоро могла оправиться отъ своей болѣзни; остальные дѣти—четыре дочери были еще очень малы: старшей изъ нихъ 9-ть лѣтъ отъ роду. 30-го числа объявлено, чрезъ благочинныхъ, приходскимъ священникамъ, чтобы по возможности старались убирать церковное имущество, не касаясь впрочемъ вещей, находящихся (въ храмахъ) всегда предъ глазами, дабы не привести въ опасное движеніе смятенный народъ; вмѣстѣ съ тѣмъ священно-и-церковнослужителямъ дана была полная свобода удаляться изъ Москвы, куда бы ни было. Н. П.—чѣ велѣлъ драгоцѣнности своего храма заложить въ церковной стѣнѣ, собственное имущество скрыть въ кладовой своего сосѣда Ѳ. Ѳ.—ча Завьялова, а сундуки съ мѣдной и оловянной посудой зарыты были на дворѣ въ землю. 2-го числа сентября, въ самый день вторженія (въ 4 часа по полудни) непріятелей въ Москву, еще больной, съ слабою супругой, державшей на рукахъ новорожденное дитя, съ прочими малолѣтними дочерьми, съ двумя старушками—своею матерью и сестрою покойнаго тестя, и съ двумя прислугами выѣхалъ онъ въ село Положилово, Тверской губерніи, Колязинскаго уѣзда, — помѣстье вышеупомянутаго г-на Завьялова. Причетники Трехсвятительской церкви остались въ Москвѣ. Одинъ изъ нихъ (дьячекъ Я. Ѳ. Ястребцевъ) принесъ Н. П.—чу вѣсти изъ Москвы, уже послѣ того, какъ столица, разграбленная и сожженная, освобождена была отъ враговъ, буйствовавшихъ въ ней сорокъ дней. «Домъ вашъ, говорилъ онъ, сгорѣлъ, имѣніе въ кладовой разграблено: но при всѣхъ усиліяхъ, французы не могли растворить дверей церковныхъ; они влезали въ окна и грабили украшенія въ церкви, утварь же, заложившая въ стѣнѣ храма, осталась цѣла и невредима.» Отецъ Николай отвѣчалъ: «что сгорѣлъ домъ и погибло имѣніе мое, объ этомъ я не тужу; искренно, со слезами благодарю Господа, сохранившаго драгоцѣнности нашего храма и

самый храмъ отъ огня и оскверненія.» Онъ сперва одинъ, безъ семейства, возвратился въ Москву и остановился въ домѣ своего шурина, священника Троицкой, на Капелькахъ, церкви, П. В. Хатунцевскаго. Отсюда вотъ что писалъ онъ къ своей супругѣ и дѣтямъ отъ 7-го числа ноября: «Мнѣ безъ васъ скучно, и что мнѣ дѣлать, не знаю. Квартиры въ своемъ приходѣ я не нашель; смотрѣлъ у Куракина, но мнѣ не показалась. Я писалъ къ князю Урусову; не знаю, какой будетъ отвѣтъ. Удьячка покои мокнуть и зимнихъ рамъ нѣтъ. Всѣ общаются, а никто не исполняетъ. Подождите еще: авось гдѣ нибудь найдется для насъ квартира. Многіе изъ нашей братіи живутъ въ церквахъ. У меня, слава Богу, въ церкви всего довольно; я началъ служить и народъ по маленьку собирается въ церковь. Всѣ жалѣютъ о насъ. Про меня сказали, что я убитъ Французами. Въ состояніи мы теперь всѣ сравнялись; по крайней мѣрѣ, мы были безопаснѣе другихъ, будучи всегда на одномъ мѣстѣ (въ селѣ Положиловѣ)». По распоряженію начальника запаснаго дворца, князя А. М. Урусова, для о. Николая отведена была квартира у причетника придворной Іаннуаріевской церкви. Вскорѣ возвратилось семейство Другова, и потомъ, за исключеніемъ его самаго, все переболѣло повальною горячкою. Въ слѣдующемъ году, на мѣстѣ сгорѣвшаго дома, онъ выстроилъ новый не большой. Проживъ въ немъ весьма недолгое время, принужденъ былъ, по распоряженію гражданскаго правительства, снести оный, потому что тѣмъ мѣстомъ проводили проулокъ по новому плану, и жить у прихожанина Завьялова. Не ранѣе какъ въ 1819 году, былъ выстроенъ деревянный домъ на новомъ мѣстѣ. По словамъ дочерей покойнаго Н. П—ча, при всѣхъ скорбныхъ и тяжкихъ испытаніяхъ, какимъ доселѣ подвергался онъ, къ числу которыхъ должно отнести и смерть митрополита Платона (11-го ноября 1812 г.), его ве-

ликаго благодѣтеля и отца, отъ него никто не слыхалъ ни малѣйшаго ропота; какъ истинный христіанинъ, онъ благоговѣнно смирялся предъ Господомъ и Его недовѣдомыми судьбами.

Сохранилось поучительное его слово, говоренное въ праздникъ св. Іоанна Богослова, изъ текста: *или зло будетъ во градъ, еже Господь не сотвори* (Амос. 3. 6) ^(в)? Изъ этого пространнаго слова заимствуемъ слѣдующее описаніе нравственныхъ недуговъ общества, господствовавшихъ во время, предшествовавшее французской войнѣ.

«Разсмотримъ, христіане, жизнь нашу: не заслужили-ль мы участь, постигнуую насъ (т.-е. въ 12 годъ)? Поруганы храмы наши! Но не мы ли первѣе поругали ихъ и осквернили, входя въ оныя и нечистыми тѣлами и нечистыми душами? Въ такомъ случаѣ, злодѣи только довершили начатое нами самими оскверненіе. Сожжены дома наши! Но не за то ли, что они, можетъ быть, большею частію, созданы были неправдою, грабительствомъ, хищеніемъ и прочими обидами и притѣсненіями человѣчества? Итакъ, огонь попалилъ и очистилъ нечестія и беззаконія. Разграблено имущество наше! Но и оно, можетъ быть, не было ли у насъ плодомъ беззаконій нашихъ? Дѣйствительно ли и всегда ли изъ чистыхъ и закону Божію и совѣти не противныхъ источниковъ тепло оно въ сокровищницы наши? Не есть ли оно и все, или большая часть онаго, плодъ хитрости и обмана въ приставничествѣ, торговлѣ, ремеслѣ и прочее? Не разореніемъ ли семействъ покупали мы дорогія свои платья и украшенія для тѣла? Не потомъ ли и кровію обиженныхъ наживали золотыя и серебряныя вещи? Ахъ, коль важные вопросы! Пусть рѣшитъ ихъ совѣсть каждаго, и тогда, вмѣсто роптанія на пу-

(в) Сообщено намъ И. М. Лукьяновымъ.

ти Провидѣнія, можетъ быть, иной сознается предъ Богомъ: *праведенъ вси Господи, и прави суди Твои* (Псал. 118, 137)»!

«Точно, слуш., по самымъ вѣрнымъ расчетамъ, *не обидливъ Богъ* (Евр. 6, 10); и что сказано Израилю, яко погибель твоя отъ тебе есть (Іер. 2, 19), тоже самое можно сказать и о насъ: разореніе наше отъ насъ есть; мы сами себѣ приготовили сію участь, а Богу не чудеса же дѣлать, дабы насильно отвлекать насъ отъ бездны, въ которую мы добровольно вверглись. Посмотримъ на жизнь свою, что она была? Ужасная смѣсь язычества съ христіанствомъ. Всѣ почти стали жить не по старинѣ, а по модѣ. Все стало не грѣхъ, все возможно. Дѣти строгихъ отцевъ, и матерей не возлюбили; «они, говорятъ, устарѣли, изъ ума выжили,— что ихъ слушать?» Во всякомъ знатномъ дѣмѣ завели иностранцевъ и иностранокъ, а особливо французской націи, однихъ для ученія, другихъ (т.-е. иностранокъ) для того же или для компаніи; а сіи-то замерзшія змѣи, какъ пишется въ Притчахъ, огрѣвшия въ нашихъ нѣдрахъ, больно, весьма больно насъ уязвили! Съ тѣхъ поръ богопочтеніе у насъ охладѣло, любовь къ родителямъ исчезла, уваженіе младшихъ къ старшимъ пропало, патріотизмъ или любовь къ отечеству измѣнилась въ своемъ предметѣ, то-есть любовь открылась, но не къ мѣсту своего рожденія, а къ чужеземнымъ государствамъ. Все свое національное опротивѣло; все свое стало дурно, негодно, не къ лицу и не къ мѣсту. Бѣдный ремесленникъ трудится, потѣетъ чрезъ всю недѣлю, и наконецъ выносить свою работу: овъ не продастъ ее, развѣ за малую цѣну, если русское издѣліе не назоветъ французскимъ. Всѣмъ своимъ стали пренебрегать—и вѣрою, и закономъ, и націею. Отъ церкви отстали, а если и придуть, то на соблазнъ православнымъ христіанамъ,— смѣются, разговариваютъ о не-

благопристойныхъ матеріяхъ: вступать въ супружество съ родными считали ни за что, или за должное по праву естественному; стали гнушаться русскими и вступать въ бракъ съ иновѣрцами и иностранцами. Впрочемъ, отъ туги сердца и изъ уваженія къ святости мѣста, умолчу. И не за сію ли модную жизнь, въ которой ничего христіанскаго не видно стало, воздвигъ на насъ праведный Богъ толико ужасную бурю? Видно исполнилась мѣра беззаконій нашихъ. . . »

О. Николай былъ смѣлымъ обличителемъ неправдъ человѣческихъ и ревностнымъ поборникомъ благочестія христіанскаго. . . Онъ вполнѣ понималъ, что учитель, робкій въ проповѣданіи истины, есть учитель не истинствующій.

Послѣ французскаго погрома, дѣятельность его по отношенію къ вѣрнымъ его надзору церквамъ и причтамъ удвоилась. Въ воздаяніе за свои полезные и ревностные труды, 8-го сентября 1813 года онъ награжденъ отъ преосв. Августина саномъ протоіерея.

Въ 1814 году съ 28 октября по 7-ое число ноября производилъ онъ другое слѣдствіе — въ г. Вереѣ, по случаю запечатанія городничимъ соборной церкви и дух. правленія. (з.)

Отлично изучившій иностранные языки, о. протоіерей, въ свободное отъ должности время, любилъ переводить на рус-

(з) Поводомъ къ этому было слѣдующее: въ нижней церкви Христорождственскаго собора умеръ отъ угара истопникъ, онъ же и церковный сторожъ. Городничій Трофимовъ, получа свѣдѣніе о семъ, вмѣсто того, чтобы взять тѣло скоропостижно умершаго въ частный домъ, немедленно запечаталъ нижнюю церковь, а какъ чрезъ нее былъ ходъ въ дух. правленіе, помѣщавшееся тогда подъ колокольной: то вмѣстѣ съ церковью, и правленіе было закрыто. Слѣдствіе произведено протоіереемъ Друговымъ не въ пользу городничаго; за свое странное и дерзкое распоряженіе, онъ вскорѣ былъ отставленъ отъ должности.

скій языкъ книги духовно-нравственнаго содержанія. Съ 1816 по 1831-й годъ имъ изданы въ свѣтъ слѣдующіе переводы:

1. *Вѣрный и самонадежный путь ко спасенію*, въ трехъ частяхъ, М. 1816 г. Эта книга, въ переводѣ съ французскаго языка, посвящена архіепископу Августину. «Неблагодарность, пишетъ переводчикъ, чужда сердцу моему. Сей опытъ трудовъ моихъ, посвящаемый вашему высокопреосвященству, есть первымъ доказательствомъ того...»

2. *Нравственное изъясненіе блаженствъ евангельскихъ*, 1818 г. Переводъ съ французскаго, посвященный тому же архипастырю.

3. *Христіанинъ, поучающійся истинѣ и добродѣтели, изъ созерцанія царства природы и благодати*, 1820 г.

4. *Благочестивыя размышленія о нѣкоторыхъ предметахъ христіанскія вѣры*, въ двухъ частяхъ, 1823 г., съ посвященіемъ архіепископу московскому Филарету. Статьи, входящія въ составъ этой и предъидущей книги, заимствованы у разныхъ нѣмецкихъ писателей.

5. *Духъ утѣшитель*, или размышленія о нѣкоторыхъ (библейскихъ) словахъ Духа святаго, способствующихъ къ утѣшенію скорбящихъ, на каждый день мѣсяца, 1824. Съ французскаго языка.

6. *Какъ должно стоять въ церкви*, 1825 г. Переводъ съ латинскаго.

7. *О христіанскомъ воспитаніи дѣтей*, 1827. Съ французскаго.

8. *Чтеніе на пользу скорбящимъ и нѣчто въ наставленіе здоровымъ*, 1829.

9. *Остереженіе отъ господствующихъ въ міръ пороковъ*, 1830. Последнія двѣ книги заключаютъ въ себѣ нѣсколько бесѣдъ и разсужденій, переведенныхъ съ разныхъ языковъ.

10. *Христіанское нравоученіе*, въ краткихъ размыш-

леніяхъ изложенное въ пользу всѣхъ, истинно-хотящихъ спасенія, 1831, съ французскаго. ^(и)

Всѣ эти книги, довольно разнообразныя по содержанію, отличаются не столько ученостью, сколько назидательностію, практическимъ направленіемъ, теплотою благочестиваго чувства, простотою и чистотою изложенія ^(и). Несомнѣнно, переводчикъ имѣлъ въ виду не свою славу, а единственно славу Божию, нравственное благо ближнихъ, и наше назначеніе къ единенію съ Богомъ во временной и вѣчной жизни. Впро-

(и) Въ послѣдующіе годы онъ переводилъ съ французскаго (а не съ латинскаго подлинника) сочиненія Бернарда: но этотъ трудъ остался въ рукописи.

(i) Извлекаемъ нѣсколько строкъ изъ книги: «Нравственное изъясненіе блаженствъ евангельскихъ» стр. 29-31: «Даруй мнѣ, Господи, даръ слезъ. Такъ, Господи! пусть другимъ непосылаешь Ты даръ званія, даръ вѣдѣнія и разумѣнія, даръ сужденія и размышленія, даръ чудесъ и знаменій; но я если какой милости у Тебя прошу, то дара слезъ, обильныхъ, горькихъ и непрестанныхъ; судя по моимъ грѣхамъ, я не долженъ имѣть иной участи въ семь мірѣ. Я соединюсь со святыми кающимися, кои безпрестанно хлѣбъ свой слезами своими омочали; соединюсь съ душами праведными, ни въ чемъ иномъ не находящими своего утѣшенія въ семь мірѣ, какъ въ воздыханіяхъ и слезахъ; соединюсь съ Тобою, Христе Спасителю, въ тѣхъ подвигахъ и страданіяхъ, въ коихъ Ты находился, когда говорилъ: *прискорбна есть душа моя даже до смерти*. Часто плачутъ въ мірѣ, но о чемъ? Плачутъ о бѣдности, о потерѣ имущества, родственниковъ, друзей, плачутъ о временныхъ несчастіяхъ. Ахъ, какія другія должны мы проливать слезы, какъ только о грѣхахъ нашихъ, и о томъ несчастіи, какое мы имѣли столь часто оскорблять Тебя, Господи? Отверзи убо очи мои симъ спасительнымъ слезамъ; сотвори, да будутъ онѣ двумя неизсякаемыми источниками, да текутъ онѣ изобильно даже до смерти. Ты премѣнишь нѣкогда слезы наши въ пѣсни веселія, и воздыханія наши будутъ для насъ утѣшительны, когда наконецъ отъ подножія креста Твоего, гдѣ мы будемъ страдать съ Тобою на Голгоѣѣ, призовешь насъ на Оаворъ для наслажденія неизреченными Твоими сладостями.

чемъ, изданныя имъ книги послужили и къ его внѣшнему обезпеченію, при его многочисленномъ семействѣ: такъ какъ всѣ онѣ были принимаемы въ свое время читателями съ великою охотою.

Начальство цѣвило труды о. протоіерея и его благочестивое усердіе къ распространенію между соотечественниками истинно душеспасительнаго чтенія. 1817 года января 12-го награжденъ онъ скуфьею; въ слѣдующемъ году января 9-го камилавкой; а 13-го іюня назначенъ онъ дѣйствительнымъ (внѣшнимъ) членомъ конференціи московской духовной академіи. Въ 1820 г. октября 1-го всемилостивѣйше пожалованъ ему наперсный крестъ.

Митрополитъ Филаретъ, вступивъ (1821 г.) въ управленіе московскою паствою, обратилъ особое вниманіе на московскихъ проповѣдниковъ; а между тѣмъ вышло и распоряженіе отъ св. прав. Синода о представленіи епархіальнымъ начальникамъ конспектовъ тѣми изъ священнослужителей, которые пожелаютъ говорить проповѣди ^(к). Подобный конспектъ былъ представленъ Н. П. Друговымъ, и по сему-то конспекту, одобренному его высокопреосвященствомъ, о. протоіерей въ теченіе 1823—25 годовъ, преподавалъ въ своей церкви, по воскреснымъ днямъ, христіанское ученіе въ систематическомъ порядкѣ; во все это время имъ произнесено 95 бесѣдъ.

1823 ноября 22-го, онъ избранъ и опредѣленъ въ члены попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; въ слѣдующемъ году мая 4-го уволенъ отъ этой должности и, въ замѣнъ ея, назначенъ членомъ консисторіи. 1825 года ноября 8-го, высокопреосвященный Филаретъ благословилъ ему упо-

(к) «Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита моск.», составленныя Н. В. Сушковымъ. М. 1868 г., стр. 14.

треблять палицу, при богослуженіи. Въ слѣдующемъ году сентября 11-го, «за ревностное служеніе по должностямъ присутствующаго въ консисторіи и благочиннаго, и отлично-прилежное проповѣданіе слова Божія», всемилостивѣйше сопричисленъ онъ къ ордену св. Анны 3-й ст. Этотъ орденъ давалъ въ то время право на потомственное дворянство; въ 1827 году о. Николаю выдана и дворянская грамота.

Въ 1830 году эпидемическая холера въ первый разъ посѣтила Москву. Двадцать депутатовъ изъ духовенства — изъ архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ, опредѣлены были по всѣмъ частямъ столицы, «для содѣйствія свѣтскимъ особамъ, начальствующимъ въ каждой части надъ попеченіемъ о больныхъ и надъ употребленіемъ предохранительныхъ средствъ противъ усиленія заразы ^(д)». Депутатомъ въ Яузской части (гдѣ начальствовали сперва ст. сов. Юни, а по смерти его д. ст. сов. Кавелинъ), по распоряженію митрополита, былъ назначенъ протоіерей Друговъ. Кромѣ того, въ учрежденной при той же части временной холерной больницы, именно въ 1-мъ отдѣленіи ея, о. Николай безбоязненно исправлялъ христіанскія требы. Сначала, съ 9-го сентября, онъ одинъ ходилъ туда, а потомъ съ 6-го октября до закрытія больницы 15-го ноября, на помощь ему были назначены еще два священника, и они всѣ трое имѣли свои очередные дни ^(м). Для предохраненія себя и своего семейства отъ заразы, Н. П.—чѣ обливалъ верхнюю одежду хлоромъ.

1832 года января 15-го былъ устроенъ въ Москвѣ временный комитетъ для снабженія денежною суммой сельскихъ церквей московской епархіи; однимъ изъ членовъ его зна-

(д) Указъ консисторіи 1830 г., № 8214.

(м) Нѣкоторое время (двѣ недѣли) о. Николай ходилъ и во второе отдѣленіе больницы, куда потомъ назначенъ былъ особый священникъ.

чится трехсвятительскій протоіерей. 23-го числа того же мѣсяца и года, онъ сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й ст.

Въ началѣ августа 1839 года заболѣла нервическою горячкою, а 22-го числа перешла въ вѣчность подруга его жизни. Нѣжно-любящій мужъ, несмотря на продолжительность ея тяжелой болѣзни, такъ глубоко былъ опечаленъ и пораженъ ея смертью, что, при одномъ взглядѣ на почившую, лишался чувствъ... Безотрадно проводилъ онъ допохоронные дни въ сумеркахъ закрытой комнаты, при блѣдной лампадѣ. Не было въ немъ ропота на Бога, но была тоска, была грусть, доходившая до высшей степени. Передъ выносомъ покойницы въ церковь, онъ пошелъ на верхъ своего дома посмотрѣть на печальную процессію, и съ нимъ повторился обморокъ. Онъ не могъ уже присутствовать при отпѣваніи и погребеніи покойницы. Воспитанная въ строгихъ правилахъ нравственности и обученная домашнему хозяйству, Марья Васильевна, тихая и кроткая нравомъ, была доброю женою ^(в) и заботливою матерью многочисленнаго семейства. Дочери ихъ, исключая одной, самой младшей, которая, по болѣзненности, навсегда осталась дѣвицей, — были при жизни матери (1819—31 г.) устроены приличнымъ образомъ ^(о).

Жизнь Н. П—ча еще продолжалась много лѣтъ, равно и его неустанная дѣятельность. Въ 1845 году, апрѣля 24-го онъ всемилостивѣйше награжденъ знаками ордена св. Анны 2-й ст., украшенными императорскою короной.

28-го апрѣля 1851 года исполнилось 50 лѣтъ его свя-

(в) Надгробная надпись: *жена добляя веселитъ мужи своего, и лѣта ея исполнитъ миромъ.* Сирах. 26, 2.

(о) Три изъ нихъ были въ замужствѣ за моск. священниками (изъ студентовъ семинаріа), уже умершими; четвертая за діакономъ, также умершимъ. Было также двое сыновей, но скончались въ младенчествѣ.

щеннослуженія при Трехсвятительской церкви. Но въ то время не было обычая торжественно праздновать юбилейные дни. Н. П.—чѣ послѣ литургіи отслужилъ благодарственный Господу Богу молебенъ, и тогда только сказалъ причту о своемъ юбилеѣ. Извѣстный поэтъ Ѡ. Н. Глинка, любившій поучаться слушаніемъ церковныхъ бесѣдъ о. Николая, посвятилъ ему, въ знаменательный для него день, слѣдующее стихотвореніе:

„Вотъ уже свершилося полвѣка,
 Какъ ты, достопочтенный мужь,
 Соединивъ въ себѣ и мудрость челоуѣка,
 И мудрость пастыря и друга нашихъ душъ,
 У Трехъ Святителей, подъ ихъ святымъ покровомъ,
 Грмишь своимъ немолчнымъ словомъ,
 То рѣчью древности, то рѣчью въ смыслѣ новомъ,
 И христіанамъ все твердишь ты про Христа.
 За то и рѣчь въ устахъ твоихъ медоточивыхъ,
 Такъ убѣдительно, понятна и чиста.
 Пускай ихъ сонмъ тѣхъ нечестивыхъ
 Чей умъ завихрила заразная мечта,
 Блуждаетъ въ замыслахъ своихъ кичливыхъ;
 Пусть шаткой міръ кружить мірская суета.
 А ты намъ, пастырь нашъ почтенный,
 Все тоюжъ рѣчью вдохновенной,
 Ты возглашай, какъ прежде, *про Христа!*
 И возглашай намъ долго, долго,
 Пускай за годомъ ичтиса годъ.
 Но ты, учитель нашъ, хранимый Богомъ,
 Не утомляся, учи народы!
 Какъ полстолѣтія (п) училъ, о немъ болѣя,
 За то, за годомъ годъ, будь все тебѣ свѣтлѣе,
 Пока ты доживешь опять до юбилея!“

1854 года апрѣля 17-го Н. П.—чѣ удостоился новаго отличія — ордена св. Владиміра 3-й ст.

(п) И будучи діакономъ говорилъ проповѣди.

Н. П.—чѣ былъ благочестивый и достойный пастырь церкви Христовой. Стараніемъ его, при помощи прихожанъ и другихъ доброхотныхъ дателей, Трехсвятительскій храмъ весьма богатый утварью, въ 1820 году благолѣпно возобновленъ и украшенъ; съ лѣвой стороны сдѣлана къ нему пристройка во всю длину храма, и на эту сторону перенесенъ придѣлъ во имя священномученика Харлампія, дотолѣ стѣснявшій собой пространство храма. Какъ этотъ придѣлъ, такъ и другой во имя св. Іоанна Богослова, на правой сторонѣ, также возобновленъ. Для большаго назиданія богомольцевъ, паперть и внутреннія стѣны храма повсюду, гдѣ только возможно, были испещрены библейскими изреченіями: но, при вторичномъ возобновленіи храма, уже по смерти о. протоіерея, онѣ сглажены и содержаніе прежней живописи измѣнено. Въ 1852 году при немъ позолочены церковныя главы.

Въ церковь ко всѣмъ службамъ Н. П.—чѣ ходилъ еще до благовѣста, который былъ непродолжителенъ. «Кто хочетъ быть въ церкви, говаривалъ онъ, тотъ придетъ и безъ благовѣста въ свое время». Но богослуженіе было довольно продолжительное: на всенощной или утренней службѣ вычитывались всѣ каѳизмы и каноны; сверхъ того за этими службами въ дни воскресные и праздничные о. протоіерей неупустительно предлагалъ народу изъясненіе воскреснаго или праздничнаго евангелія. Въ концѣ всенощной, когда онъ, стоя предъ царскими вратами, произносилъ звучнымъ голосомъ (теноръ) молитву: «Христе свѣте истинный», въ это самое время рядомъ съ нимъ становились діаконъ и клиросные, потомъ съ нимъ вмѣстѣ пѣли: «Взбранной воеводѣ». На поздней литургіи въ праздники и воскресные дни, онъ постоянно сказывалъ поученія безъ тетрадки, имѣя въ рукахъ развѣ одинъ планъ или расположеніе своей проповѣди. Его сердечное, одушевленное

слово было понятно и трогательно для всѣхъ: для малаго и для стараго, для ученаго и простолюдина. Въ своихъ поученіяхъ онъ употреблялъ не только простой складъ рѣчи, но и приличные, меткія поговорки; или указывалъ онъ на разные случаи изъ обыденной жизни. Ради общаго назиданія, бралъ иногда въ примѣръ какую нибудь личность изъ среды предстоящихъ. Имя проповѣдника переходило изъ усть въ уста и сдѣлалось популярнымъ. Не одни прихожане, но и окрестные жители, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ столицы, собирались послушать его. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1857 года, не задолго до его кончины, была напечатана литографированная картина художника Д. Струкова (рис. съ натуры) съ надписью: «проповѣдь священника во храмѣ». Священникъ этотъ Н. П. Друговъ ^(г). Вотъ онъ, почтенный старецъ на амвонѣ у аналоя, окруженный множествомъ слушателей; по лѣвую сторону его обращаетъ на себя вниманіе, стоящій почти рядомъ съ нимъ, молодой арабъ ^(д); вотъ онъ, простерши и какъ бы воздвѣвши руки свои къ народу, съ выраженіемъ доброты и откровенности въ лицѣ, поучаетъ истинамъ вѣры. Все то, что онъ возвѣщаетъ и внушаетъ своимъ слушателямъ, пригодится имъ въ жизни, и особенно въ часъ смертный... Ревностный па-

(г) Онъ изображенъ весьма похоже: роста средняго, полный, съ бѣлымъ продолговатымъ лицомъ, на которомъ въ ранніе годы выступалъ здоровый руминецъ; шея короткая, носъ нѣсколько горбатый, борода небольшая, усы довольно длинные. Мы видѣли еще поясной портретъ его, снятый на 40-мъ году его жизни, въ домѣ князя А. И. Шаховскаго, и рисованный красками. На портретѣ лицо выразительное и умное, глаза каріе, ротъ короткий, волосы каштановые, борода весьма малая. Въ правой рукѣ свящ. книга, раскрытая на словахъ: *яко чада свѣта ходите, искушающе, что есть благоугодно Богови* (Еф. 5, 9—10).

(д) Онъ жилъ въ Трехсвят. приходѣ, въ домѣ князя Н. Б. Юсупова; звали его Николаемъ, а до его обращенія въ православіе (въ Ригѣ)—Алмазовъ; уже скончался.

стырь, онъ не чувствуетъ труда отъ учительства: его облегчаетъ мысль о пользѣ слушателей. Наставленія его, дѣйствительно, приносили плодъ въ сердцахъ смиренно вѣрующихъ. Пишетъ намъ г-жа С. М. Ерапкина: «ему я обязана тѣмъ, что соблюдаю посты. Въ первый разъ, какъ мать моя покойная (княгиня М. Г. Ширинская-Шахматова) слушала его проповѣдь въ 1822 году, онъ говорилъ о постѣ, и съ тѣхъ поръ правила церкви (касательно поста) стали неопустительно сохраняться въ нашемъ домѣ. Еще очень помню его наставленіе касательно чтенія книгъ духовныхъ: «прежде всего посмотри, въ какой типографіи напечатаны; если въ православной и одобрены духовною цензурою, то смѣло читайте; если же нѣтъ, то не читайте ^(у)». — Изъ слѣдующаго случая видно, насколько Н. П.—чъ былъ добросердеченъ къ поучаемымъ. Однажды онъ бесѣдовалъ изъ текста: *чадца моя, не любимъ словомъ ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Іоан. 3, 18). Подражая ап. Іоанну, и нашъ маститый старецъ трогательно взывалъ ко всѣмъ: «дѣтки мои»!

Послѣ праздничной литургіи, прямо изъ церкви шли въ домъ общительнаго батюшки его прихожане изъ дворянъ и купцовъ, въ иную пору человекъ 10-ть. Здѣсь за цвѣточнымъ чаемъ, между ними и почтеннымъ пастыремъ происходилъ пріятный и полезный разговоръ о различныхъ предметахъ. Духовныя дѣти и въ будни посѣщали его и спрашивали у него совѣта, или утѣшенія въ трудныхъ и прискорбныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ обращеніи съ ними, о. Николай

(у) Книги Экартсгаузена, Штиллинга, г-жи Гіонъ и др. печатались у насъ только по одобренію свѣтской, цензуры, вопреки уставу о цензурѣ 1802 г.; а между тѣмъ въ нихъ разсыяны ложныя мысли, противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ. См. подробнѣе въ «Обзорѣ русской дух. литературы» ч. 2-ая. Черниговъ, 1863 г., стр. 232—36.

былъ привѣтливъ, ласковъ, непринужденъ и прямодушень; часто употреблялъ слова: «ты братецъ». Главное: онъ былъ способенъ давать отвѣты всякому вопрошающему, — говорилъ кстати и что нужно и прилично. Вотъ наприм. нѣкоторыя изъ его наставленій: «или дѣлай то, чего хочетъ Богъ, или получишь чего не хочешь.» «Живи не ложно, дѣлай все по Божью, и будетъ тебѣ все возможно.» При удобномъ случаѣ, онъ приносилъ латинскую пословицу: *modicus sibi medicus sibi*, т. е. человекъ воздержный въ пищѣ есть врачъ для себя. Характеризуя послѣдователей Гегеля, философа германскаго, онъ говорилъ отъ лица одного изъ нихъ: «я не знаю Христа, не вѣрю въ евангелистовъ, я одинъ изъ гегелистовъ.»

Какъ благочинный, отъ подвѣдомственнаго духовенства о. Николай непремѣнно требовалъ официальной исправности и своевременной отчетности по дѣламъ церковнымъ. Въ обезпеченіе порядка, ввѣренныя его надзору причты онъ снабдилъ своими инструкціями; по поводу одного пункта въ нихъ, митрополитъ Филаретъ замѣтилъ ему: «ты превзошелъ свою власть». Ставленниковъ онъ заставлялъ изучать на память весь чинъ или порядокъ богослуженія. При чтеніи чужихъ проповѣдей, о. благочинный водился такимъ соображеніемъ: «каждый имѣетъ свой образъ мыслей и свой складъ ума; нельзя потому, чтобы всѣ писали на одинъ манеръ»; впрочемъ и отъ другихъ онъ желалъ наиболѣе простоты въ изложеніи проповѣди; погрѣшающихъ нравственно онъ старался исправлять и вразумлять, не давая знать о нихъ епархіальному начальству, болѣе угрожая, нежели наказывая. Обыкновенно, онъ говаривалъ виновнымъ: «а какъ вотъ на Троицкомъ подворьѣ (гдѣ живетъ епархіальный архіерей) это сдѣлается извѣстнымъ, тогда не пѣнай». Въ случаѣ, если кто показывалъ совершенную неисправимость, такому предлагалъ, въ избѣжаніе большихъ неприятностей, искать мѣста въ другомъ

благочинія. Такимъ образомъ, двое причетниковъ вышли изъ его благочинія, — одинъ въ уѣздный городъ (Серпуховъ), другой остался въ Москвѣ, перемѣня только приходъ и сорокъ. Къ нѣкоторымъ личностямъ онъ былъ въ высшей степени свисходителенъ, по вниманію къ ихъ бѣдности и многочисленности семейства. Въ сомнительныхъ случаяхъ всегда думалъ о другихъ лучше, а не хуже.

Членъ консисторіи, протоіерей Друговъ неопустительно присутствовалъ въ ней; обыкновенно пріѣзжалъ въ консисторію въ 9-мъ часу утра и оставался здѣсь до 12-ти часовъ. Ничто не могло удержать его долѣ этого времени. Разъ онъ собрался домой, а ему говорятъ: «есть бумаги, неподписанныя вами.» Н. П.—чь отвѣчалъ: «вы знаете, гдѣ я живу; а когда перемѣню квартиру, скажу вамъ.» Протоколы, дѣйствительно, посылались на домъ къ нему для подписи. Онъ внимательно слѣдилъ за производствомъ дѣлъ, какъ благородный и честный труженикъ; былъ опытенъ, благожелателенъ къ подсудимымъ и помогалъ имъ если не самымъ дѣломъ, такъ добрымъ, разумнымъ совѣтомъ, за которымъ обращались къ нему, какъ благочинному и члену консисторіи, многіе изъ московскаго и сельскаго духовенства. Одинъ вдовый священникъ Подольскаго уѣзда, присужденный за что-то къ лишенію сана, былъ помилованъ по настоянію сердобольнаго Н. П.—ча; окончательно опредѣлено было членами консисторіи и утверждено Высокопреосвященнымъ послать его въ Давидову пустынь, въ число братіи; тамъ онъ и скончался въ санѣ іеромонаха.

Образъ обыкновенной и повседневной жизни о. Николая отличался простотою и правильностію. Вставалъ онъ постоянно въ 5-ть часовъ утра. Послѣ священнослуженія, одѣлялъ нищихъ милостыней. Послѣ легкаго обѣда (имѣя слабый желудокъ, употреблялъ легкую пищу) отдыхалъ, но не

болѣе получаса, и чаще сидя погружался въ дремоту. Онъ намѣренно удручалъ себя, по причинѣ полноты своей. Освѣжаясь краткимъ покоемъ, принимался за чтеніе какой-нибудь книги, хотя бѣ изъ круга свѣтской литературы; строки, замѣчательныя по содержанію или слововыраженію, любилъ выписывать въ особенную, для сего заведенную, тетрадь; такихъ переплетенныхъ тетрадей нѣсколько осталось послѣ его смерти ^(г). Онъ приобрѣлъ покупкой множество книгъ; ими наполнены были полки его комнатъ и шкафы. Кабинета у него не было: онъ занимался въ залѣ у стола, всегда заваленнаго книгами и бумагами. Такъ какъ письменный столъ находился противъ входной двери, то всякій входящій могъ обращаться прямо къ хозяину; не рѣдко приходили бѣдные за подавнѣемъ, которое и получали отъ него. Послѣ вечера, а когда вечерню служилъ приглашенный священникъ ^(д), то въ четыре часа кушалъ онъ чай или кофе, не болѣе двухъ чашекъ. Кофе употреблялъ онъ въ чистомъ видѣ: потому что, по его словамъ, «кофе со сливками — лакомство, безъ сливокъ — лекарство». Не такъ смотрѣли его врачи на этотъ напитокъ: но вреда отъ него Н. П.—чъ не чувствовалъ. Вечеромъ онъ продолжалъ читать, также переводилъ съ иностранныхъ языковъ, или сочинялъ поученія, употребляя, при

(г) Въ нашихъ рукахъ есть тетрадь въ четыре листа, съ такимъ оглавленіемъ: «цвѣты, собранные изъ разныхъ садовъ мужей святыхъ и благочестивыхъ». Кромѣ того, есть нѣсколько отдѣльныхъ листковъ in 8-о съ слѣд. надписаніями: «назидательныя мысли и добрые совѣты»; «нѣчто для ума и сердца на пути къ вѣчности»; «нѣчто назидательное для хотящаго воспользоваться»; «*quaedam utilia, nec non curiosa*».

(у) Вечерня была каждый день, даже и въ томъ случаѣ, если на слѣдующее утро отлагалось служеніе литургіи. Н. П.—чъ разсуждалъ: «къ вечернѣ какая-нибудь мать придетъ съ младенцемъ (въ 40-й день по его рожденію); иной попроситъ отслужить молебень»...

слабомъ зрѣніи, зеленый зонтикъ и увеличительное стекло. Ужиналъ въ 8 часовъ, потомъ творилъ молитву и почивалъ спокойный совѣстью. Эти обыденныя правила жизни никогда не были произвольно имъ нарушаемы. Въ гости Н. П.—чь ѣзжалъ къ обѣденному времени, или отпраплялся послѣ обѣда и къ часамъ 7—8 вечера уже возвращался домой. Не любилъ онъ позднихъ обѣдовъ, и когда былъ приглашаемъ, сѣтовалъ, что его «заставляютъ голодать» до 2—4 часовъ по полудни. У него самаго также бывали посѣтители, гости: но, зная однажды навсегда заведенный имъ порядокъ жизни, они не позволяли себѣ долѣе извѣстнаго часа стѣснять его своимъ присутвіемъ. Близкіе родные, какъ-то: зятья, внуки, въ праздничные дни ^(ф) собирались въ его домъ къ обѣду, и за этой трапезой, которую почтенный хозяинъ самъ благословлялъ, можно было насчитать много лицъ. Но, и при многочисленномъ собраніи, въ его домѣ наблюдаемы были тишина и приличіе. Родныхъ гостей онъ заставлялъ читать вслухъ книги или газеты; въ иное время одѣлялъ ихъ (равно и знакомыхъ) книгами за своею подписью. Сверхъ того, обычаемъ его было давать роднымъ денегъ на извощика ^(х), а малымъ внучатамъ на гостинцы. Онъ спрашивалъ: чему и какъ они учатся; экзаменовалъ ихъ и толковалъ имъ что-нибудь; или разсматривалъ ихъ письменныя упражненія (училищныя задачи сочиненія) и дѣлалъ свои замѣчанія... Старшаго своего внука Николая онъ даже взялъ къ себѣ на воспитаніе; самъ училъ его, въ память чего и далъ ему свою фамилію. Этотъ внукъ его (нынѣ умершій), по окончаніи курса наукъ въ московской семинаріи, вышелъ въ свѣтское

(ф) Въ праздникъ 30-го января, вмѣстѣ съ Н. П.—чемъ, всегда служили его родные.

(х) Въ Москвѣ одинъ простой извощикъ знаетъ наизусть и читаетъ своимъ сѣдокамъ многія поученія покойнаго о. протіерея.

званіе, женился, но и послѣ того около двухъ лѣтъ жилъ у дѣда.

Н. П.—чѣ искренно сострадалъ нуждамъ родныхъ; преимущественно для бѣдныхъ вдовъ и сиротъ онъ былъ нѣжнымъ отцемъ, покровителемъ и другомъ. Онъ покоилъ въ своемъ домѣ родную мать († 9-го апрѣля 1824 года, 78 лѣтъ отъ роду) и сестру своего тестя дѣвицу Марью Прокопівну до самой ихъ смерти. Свою сестру два раза выдавалъ за мужъ и содержалъ ее по смерти втораго мужа; за три года до смерти, она ослѣпла и скончалась на рукахъ любящаго брата. Много заботился онъ объ устройствѣ дочерей покойнаго зятя, священника В. Н. Орлова. Старшая дочь-сирота была выдана за П. И. Аювскаго, автора извѣстной учебной книжки: «книга для духовно-нравственнаго чтенія», —опредѣленнаго на мѣсто ея родителя къ Іаннуаріевской, въ Запасномъ дворцѣ, церкви; прочія три—за діаконовъ московскихъ. Два сына покойнаго зятя (всѣхъ сыновей шесть и старшій изъ нихъ Н. В. Орловъ нынѣ священникомъ Трехсвятительской церкви) одинъ за другимъ жили у дѣда, помогая ему въ письмоводствѣ и чтеніи книгъ Вдовъ по ея смерти († 29 іюля 1853 г.) родитель ежегодно выдавалъ на разныя потребности 60 р.

Жалостный къ другимъ, Николай Петровичъ былъ скупъ для самаго себя, носилъ дома нанковую одежду, довольствовался простою пищею въ умѣренномъ количествѣ, ѣзжалъ съ дешевымъ извозчикомъ, а когда былъ въ молодыхъ лѣтахъ и имѣлъ не устроенныхъ дочерей, то большею частію пѣшкомъ хаживалъ по улицамъ города. Рассказываютъ: шелъ онъ однажды живорыбнымъ рядомъ. Въ это время выбѣжалъ изъ лавки рѣзвый мальчикъ и насмѣшливо закричалъ: *калогерь!* Послышавъ это, священникъ снялъ шляпу и смиренно поклонился дерзкому мальчику. Много лѣтъ спустя, шелъ онъ опять куда-то, и на дорогѣ встрѣтилъ незнакомаго мужчину. Послѣд-

ній, при видѣ его, замѣтно смутился; потомъ, послѣ минутнаго колебанія, палъ къ ногамъ его и слезно умолялъ его о прощеніи. Этотъ-то мущина, какъ оказалось, посмѣялся въ дѣтствѣ надъ служителемъ престола Божія! Онъ признался искренно и чистосердечно, что съ той самой поры не имѣетъ покая совѣсти и оттого свободы въ торговлѣ. «Надо мной, батюшка, говорилъ онъ, несомнѣнно тяготѣетъ гнѣвъ Божій. Отецъ духовный! свими съ меня мой смертный грѣхъ, благослови и помолись за меня.» Н. П—чъ. не заставилъ долго себя просить; посмотрѣвши на него любящимъ взоромъ, немедленно благословилъ его и сказалъ къ его спокойствію: «ты, братецъ, назвалъ меня хорошимъ словомъ, только самъ не понимаешь его смысла». ^(и)

Когда исполнилось старцу 75 лѣтъ, началъ онъ тѣлесно изнемогать, особенно во время продолжительнаго богослуженія: такъ что иногда изъ церкви приводили его домой, подъ руки ^(и). Ктому же съ нимъ часто случались мучительныя — грудныя спазмы. Въ ноябрѣ 1857 года онъ слегъ въ постель; грудная (водяная) болѣзнь, быть можетъ слѣдствіе его сидячей жизни, какую онъ проводилъ въ теченіе многихъ лѣтъ, усилалась; надежда на выздоровленіе терялась все больше и больше; онъ исповѣдался и причатился св. тайнъ. 25-го числа въ 12-мъ часу дня неожиданно посѣтилъ о. Николая въ Бозѣ почившіи митрополитъ Филаретъ. Извѣщенный о пріѣздѣ владыки, удивился трудно больной и сказалъ роднымъ:

(и) Калогерь-греческое слово, значить: *хорошій* (καλός) *старикъ* (γέρων). Такъ навывали монашествующихъ по уставу Василия великаго. См. Аѳонскій патерикъ, ч. 2-я, СПб. 1867 г. стр. 179: «Не знаю я, кто ты, ибо вижу въ тебѣ калогера, — мученикъ (Константинъ) былъ въ монашескомъ одѣяніи...»

(и) Онъ не хотѣлъ ускорять богослуженія какимъ бы то ни было образомъ; только въ зимнее время, на канунъ правдичныхъ дней, сталъ совершать всенощную, вмѣсто утренней службы.

«вы меня обманываете»? — «Нѣтъ, папешка, митрополитъ выходитъ уже изъ кареты», отвѣчала младшая дочь. Полчаса бесѣдовалъ богомудрый святитель съ заслуженнымъ осмидесятилѣтнимъ старцемъ; посоветовалъ ему, въ тяжкой болѣзни, прибѣгнуть къ таинству елеосвященія, и снисходительно выслушалъ просьбу его о назначеніи въ преемника ему одного изъ родственниковъ ^(ш)... Вскорѣ больной сталъ оправляться и потомъ священнодѣйствовать. Но это былъ уже послѣдній блескъ свѣтильника, вспыхнушаго на нѣсколько мгновеній остаткомъ догоравшаго елѣя, чтобы потомъ совершенно померкнуть. 23-го февраля 1858 года, въ четвертое воскресенье Великаго поста, по выходѣ изъ храма, о. Николай сказалъ церковному старостѣ купцу Р. И. Бурову: «чувствую, что я нынѣ служилъ послѣднюю литургію». Дѣйствительно, дни его были уже сочтены; онъ снова заболѣлъ и ни что не помогало, болѣзнь становилась еще хуже. 12-го марта (въ среду шестой седмицы св. поста) подписано имъ духовное завѣщаніе, содержаніе котораго онъ самъ продиктовалъ своему приходскому дьякону ^(щ). Насталъ свѣтлый праздникъ Пасхи: а Н. П.—чѣ тяжело дышалъ, чувствовалъ сильный жаръ и метался въ постелѣ. Но въ *сей день, еюже сотвори Господь* (Псал. 117, 24), помянулъ смиреннаго страдальца великій Филаретъ. Привѣтствіе его: «Христосъ воскресе», пос-

(ш) Мѣсто его занялъ зять его П. И. Мещерскій, бывший прежде священникомъ Никитской ц., близъ Яузскаго моста.

(щ) Имѣніе его, завѣщанное главнымъ образомъ его дочерямъ, заключалось: 1. Въ деревянномъ домѣ на церковной землѣ, оцѣненномъ въ 2300 р. сер. 2. Въ билетахъ сохр. казны, на сумму 7463 р. сер. Изъ этихъ денегъ назначено: а.) на погребеніе 600 р.; б.) для выдачи внучкамъ, правнукѣ, племянницамъ 450 и прислугѣ 100 р., в.) для раздачи нищимъ, въ теченіе шести недѣль по его смерти, 30 р., 3. Въ библіотекѣ и другихъ домашнихъ и дозайственныхъ вещахъ.

ланное къ больному съ пасхальнымъ яйцомъ, пробудило въ душѣ истощеннаго и уже умиравшаго старца радость о Господѣ воскресшемъ и вызвало ее наружу. По причинѣ крайней слабости и стѣсненія въ груди, больной едва могъ говорить: но онъ не молчалъ въ эти минуты, когда находилъ нужнымъ сказать полезное слово или дать кому-нибудь христіанское наставленіе. Благословляя посѣтителей, просилъ помолиться о немъ и прощался съ ними навсегда. Но томительная болѣзнь еще длилась. Покорный волѣ Провидѣнія, свои скорби и страданія несъ онъ терпѣливо, какъ эпитимію за грѣхи, и не жаловался. Въ продолженіе болѣзни, утѣшалъ и ободрялъ свою душу частымъ причащеніемъ тѣла и крови Христовой, и успѣлъ особороваться, чего желалъ для него приснопамятный митрополитъ Филаретъ. Передъ самой кончиной, послѣ того какъ у одра болѣзненнаго старца былъ прочитанъ канонъ на разлученіе души отъ тѣла, онъ въ забытій звалъ съ собой куда-то Никитскаго, въ старой Басманной, о. протоіерея П. П. Ключарева, († 1860 г. 10-го февраля), и своего приходскаго дьякона И. Я. Здравомыслова († въ іюль 1859 г.). Такъ говорилъ умирающій, обращаясь мысленно къ нимъ обобщенно: «поѣдьте! экипажъ готовъ .. собирайтесь .. поѣдьте!» Замѣчательно, что тотъ и другой отправились невозвратною дорогою на тотъ свѣтъ, вскорѣ за Н. П.—чемъ. Онъ мирно кончилъ обильную дѣлами жизнь въ воскресный день (нед. о слѣпомъ) 27-го апрѣля 1858 года, въ послѣдней четверти 9-го часа вечеромъ.

Множество лицъ изъ духовенства и мірянъ, съ разныхъ сторонъ стекались къ гробу новопреставленнаго — поклониться ему и вознести молитву о блаженномъ упокоеніи души его. Одинъ изъ прихожанъ.— купецъ Бирюковъ взявъ на свой счетъ всѣ издержки по случаю его похоронъ, хотя и зналъ, что на погребеніе завѣщаны покойнымъ протоіере-

емъ 600 р. 30-го апрѣля, Евгеній, викарій московскій, нынѣ симбирскій епископъ, совершилъ отпѣваніе почившаго, при участіи многочисленнаго духовѣнства Митрополитъ не могъ воздать послѣдній долгъ покойному совершеиіемъ погребенія: потому что 26-го апрѣля выѣхалъ въ Троицкую Сергіеву лавру. Надгробное краткое слово произнесено священникомъ Николаевской, что на Мясницкой, церкви А. И. Воиновымъ, котораго покойный назначилъ душеприкащикомъ для раздѣла имѣнія, по его смерти. Въ этотъ день праздновалось отдавіе св. Пасхи; часто раздавался умилительный тропарь: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ», какъ въ храмѣ, такъ и на пути къ кладбищу. Скорбящимъ отрадно было помышлять, что не только душа наша безсмертна, но и самое тѣло наше воскреснетъ. Многіе изъ усердствующихъ пѣшкомъ до самой могилы проводили почившаго, незабвеннаго пастыря. Многотрудное тѣло его предано землѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ, рядомъ съ прахомъ его супруги, на правой сторонѣ отъ главнаго входа во храмъ. Смерть соединила то, что смерть разлучила! И одинъ памятникъ, въ видѣ пирамиды, поставленъ на двухъ могилахъ: на восточной сторонѣ его вырѣзаны слова: «азъ уснухъ въ надеждѣ, яко Господь возбудитъ мя».

Архим. Г—ій.

ДВА ПИСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ Н. П. ДРУГОВА КЪ Г-ЖѢ С. Ж. ЕРОПКИНОЙ.

1.

Радуюсь благополучному прибытію вашему въ мѣсто тепершняго вашего пребыванія. Въ дорогѣ нельзя нынѣ, да и прежде сего, чего либо не потерпѣть непріятнаго, когда и весь путь, начиная съ колыбели до гроба, не что иное есть,

какъ переходъ отъ радости къ горести, и на оборотъ, отъ горя къ смѣху и отъ смѣха къ горю, отъ болѣзни къ здоровью и отъ здоровья къ болѣзни. Нашъ долгъ терпѣть. Припоминаю себѣ франц. стихъ:

La vie est un dépôt confié par le ciel,
Oser en disposer-c'est être criminel. (a)

Погода здѣсь изрядная, а добрые люди говорятъ: прекрасная, потому что такая, какую Богъ посылаетъ, у Котораго нѣтъ ничего худаго, кромѣ грѣха, который дѣлаетъ человѣкъ несмысленный, а чаще неблагодарный и нечувствительный. Природа дѣйствуетъ по мановенію и распоряженію воли Божіей. Она не въ нашихъ рукахъ, и слава Богу, что не въ нашихъ, а то много было бы бѣдъ и безпорядковъ. Сосѣди вамъ обрадовались, вы пишете; это знакъ, что они васъ любятъ. Любовь дѣло взаимное. Всѣмъ угодить невозможно, а въ сердцѣ любить всѣхъ должно. Ибо всѣ мы дѣти одного Отца, вѣтви одного корня. Оказывайте всѣмъ радушіе и доброе расположеніе — вотъ ключъ ко всѣмъ сердцамъ!

Молитва есть бесѣда съ Богомъ. Что лучше этого занятія? Въ печали и скорби одна отрада — Богъ. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ, когда посылаетъ намъ скорби. Царственный пророкъ, испытавшій столько горя на земли, вынужденъ былъ созваться: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ твоимъ* (Псал. 118, 71.). *Егоже любить Господь, наказуетъ* (Евр. 13, 6.). Здѣсь нѣтъ розы безъ шиповъ. Всѣ святые шли тернистымъ путемъ. Великое дѣло не возроптать на Господа, а нести свой крестъ великодушно. Хозяину не указываютъ. Своеволіе въ христіанахъ нетерпимо.

(a) Порусски: Жизнь есть залогъ, ввѣренный небомъ; произвольно располагать ею, значитъ быть преступникомъ.

О новостяхъ не пишу; есть много стараго, о чемъ пораздумать и можно и должно. Оглянемся назадъ, и увидимъ, что многое требуетъ починки, перемѣны, исправленія и уничтоженія. Особенно со старыми грѣхами и дурными привычками разставаться должно. Тамъ, куда идемъ, ихъ крѣпко не жалуютъ. А куда съ ними дѣваться?

Написалъ бы кое-что побольше, да зовутъ къ должности.

Юня 7-го дня 1851 года.

2.

Письмо отъ васъ и благополезный подарокъ — русской виноградъ, получилъ; за то и другое васъ благодарю; благодарю Бога за васъ, что Онъ милуетъ васъ и хранитъ подъ покровомъ Своей благодати. Онъ не перестаетъ быть Отцемъ для всѣхъ и cadaго. Надѣйтесь на Него, Онъ никогда васъ не оставитъ. *Живый въ помощи Вышняго, въ кровь Бога небеснаго водворится* (Псал. 90, 1). Кто таковъ, какъ Богъ? *Якоже аще кого мати утѣшаетъ, тако и Азъ утѣшу вы* (Ис. 66, 13), глаголетъ Господь. Спасибо и В. С—чу, что онъ, какъ родной, трактуетъ васъ и покоитъ. Богъ ему награда. Который ничего добраго не оставляетъ безъ вниманія. У Него нѣкогда и стаканъ холодной воды, поданный жаждущему брату или сестрѣ, не останется безъ должной награды (Мат. 10, 42). Радуюсь сердечно, что какъ вы, такъ и маменька ваша здоровы. Прошу засвидѣтельствовать ей мое почтеніе.

Скажу о себѣ только то, — слава Богу, живъ, а здоровья гдѣ же искать по такимъ лѣтамъ и по такимъ должностямъ, какія прохожу? Зрѣніе особенно плохо, не даетъ мнѣ заниматься иностранною литературою, при любви моей къ такимъ занятіямъ. Но спорить не съ кѣмъ. Покорствовать Тому, отъ

Кого это зависить, всегда готовъ. Было время, пользовался; пора быть тѣмъ, чѣмъ велятъ.

Хочу сообщить вамъ, что я на сихъ дняхъ читалъ. Хорошо дѣлится чѣмъ-нибудь съ другими, только умнькимъ и добренькимъ. Вотъ изъ многого немножко:

Для добраго дѣла оставь и молитву.

Самая лучшая и угодная Богу молитва—добрая дѣла. Онъ Самъ говорить: *не всякъ глаголюй Ми: Господи, Господи, видеть въ царствіе небесное: но творяй еолю Отца Моего, иже есть на небесяхъ* (Мат, 7, 21.).

Св. Златоустъ говорить: «трудно быть святыми, но и стыдно и не извинительно, если не будемъ святыми».

Гордость есть самая огромная вывѣска малой и низкой души.

Слово: *убойнй*, по моему мнѣнію, означаетъ такого человека, который находится подъ покровительствомъ у Бога, какъ птенецъ подъ крыломъ кокоши.

Аттила, всемірный завоеватель, иначе сказать, всесвѣтнй грабитель и разоритель, говорилъ о себѣ: «гдѣ мой конь пройдетъ, тамъ и трава не растеть». Злые люди и зломъ хвалятся; а добрые, и сдѣлавъ добро, молчатъ о себѣ.

О царствованіи добраго государя не иначе воспоминають, какъ благословляя память его.

Можно было бы вылечить большую часть болѣзней, увѣряя больнаго, что онъ не умреть.

Кто не умѣеть быть ни отцемъ, ни мужемъ, ни сыномъ, ни другомъ, тотъ не добрый человекъ.

Быль и есмь съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ *старецъ Николай*.

Окт. 23-го дня 1851 года.

МНѢНІЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

О ВОЗРАСТѢ

ПОСТУПАЮЩИХЪ ВЪ МОНАСТЫРЬ ПОСЛУШНИКОВЪ.

Въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 20 Іюня 1832 года, между прочимъ, значится въ пунктѣ 2-мъ: о лѣтахъ *постриженія въ монахи* остается главнымъ правиломъ, коимъ разрѣшается оно не прежде, какъ по достиженіи тридцалѣтняго возраста. Въ какихъ лѣтахъ принимать въ монастырь въ послушники, ни правилами церковными, ни законами государственными не опредѣлено. Но съ нѣкотораго времени, по соглашеніи министерствъ съ Оберъ-Прокуроромъ святѣйшаго Синода, законъ о *постриженіи въ монашество* приложенъ къ опредѣленію въ послушники.

Въ семъ распоряженіи очевидна несообразность съ закономъ: и оно соединено съ неудобствами. По правиламъ церковнымъ постриженію въ монашество долженъ предшествовать послушническій искусъ, продолжающійся не менѣе трехъ лѣтъ; но когда въ послушники увольняютъ не ранѣе 30 лѣтъ возраста; то постриженіе не можетъ быть ранѣе 33 лѣтъ. Слѣдственно три года отняты противъ закона; и законъ Высочайше утвержденный измѣненъ въ приложеніи произвольнымъ распоряженіемъ начальствъ.

На сіе говорятъ, что можно жить въ монастырѣ ранѣе 30 лѣтъ, и проходить послушническій искусъ съ паспортомъ.

Но изъ сего происходятъ слѣдующія неудобства: — 1) Приходитъ рекрутскій наборъ, и послушника берутъ и отдають въ рекруты, тогда какъ онъ онъ приготовлялся къ духовной жизни. 2) Приходитъ ревизія, и послушникъ долженъ записаться въ нее, и послѣ издержекъ, понесенныхъ при первомъ увольненіи его отъ общества, которое за недостиженіемъ 30 лѣтъ, не было утверждено, вновь подвергнуться издержкамъ новаго увольненія отъ общества, послѣ того, какъ онъ, живя въ монастырѣ въ послушаніи, не можетъ заработать денегъ для себя. 3) Живя по паспорту, и слѣдственно не будучи увѣренъ, что получить увольненіе въ монастырь, послушникъ не знаетъ, къ чему готовится, къ монастырской или къ мірской жизни, и отвыкши отъ занятій прежняго званія, обманется въ надеждѣ увольненія, и принужденъ будетъ возвратиться въ міръ. Онъ будетъ здѣсь и несчастливъ и мало-способенъ.

СЕМЬ ПИСЕМЪ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

КЪ ОЦУ ПАРӨЕНЦЮ,

ИГУМЕНУ СПАСОПРӨВРАЖЕНСКАГО ГУСЛИЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

1. Отцу строителю и братіи миръ^(а). Вспомнилъ я нѣкоторыя выраженія, которыя вы, рассказывая о собесѣдовавіяхъ вашихъ въ Петербургѣ, употребляли, объ уклонившихся отъ православной церкви и не покоряющихся ей. И какъ вы предполагали вскорѣ посѣтить мѣста наполненныя такими людьми; то и пришла мнѣ заботливая мысль о томъ, какъ вы будете говорить съ ними.

Примите въ разсужденіе, что суровыя слова раздражаютъ людей; а раздраженіе препятствуетъ принимать назиданіе, и что напротивъ кроткія слова и суровыхъ умягчаютъ. Рабу Господню, по апостолу, подобаешь кротку быти, учительну, незлобиву. Знаю, что вы съ любовію христіанскою употребляете трудъ и попеченіе объ обращеніи заблуждающихъ; справедливо съ симъ соединять и ревность; но да не будетъ ревность жестока, и слова ревности да умягчаются и улаждаются словомъ любви.

Знаете сіе и сами; но и знаемое напомянуть мнѣ убо не лѣзностно, вамъ же твердо. Милость и помощь Господня да будетъ съ вами.

1858 г. января 3 дня.

(а) Въ сіе время о. Парөеній былъ настоятелемъ Бирлюковской пустыни.

2. Преподобному отцу игумену Паревнію миръ. Съ участіемъ сожалѣнія узнаю, что вы внезапно потерпѣли поврежденія слуха. Но по сему случаю вы слишкомъ далеко простираете ваши размышленія. Въ путяхъ Господнихъ и даръ и лишеніе — все ко благу нашему, если все пріемлемъ съ благодареніемъ и смиреніемъ, покореніемъ своей воли волѣ Божіей, что и есть нашъ долгъ предъ Богомъ. Вы терпѣли прежде лишеніе слуха: и терпѣли, и оно прекратилось. Потерпите и теперь, съ надеждою, которую подаетъ бывшій отвѣтъ. Закрытіе уха никакъ не говоритъ вамъ: оставь по своей воли службу, въ которую ты устроенъ Провидѣніемъ Божиимъ, и иди туда, гдѣ, неизвѣстно, сколько добра пріобрѣтешь для себя, и гдѣ не будешь имѣть, какъ здѣсь, случая служить спасенію другихъ. Напротивъ того слово Божіе повелѣваетъ вамъ говорить: *не Богу ли повинется душа моя; отъ того бо терпѣніе мое.*

Слово человѣка Божія послало васъ изъ Аѳона въ Россію! и вы повинувались ко благу своему и другихъ. Надобно остерегаться, чтобы не нарушить сего спасительнаго повиновенія. Человѣкъ Божій не разрѣшалъ вамъ возвратиться изъ Россіи, а приказалъ идти въ Россію, и только.

Размыслите о семъ, и надѣюсь, не оставите вашего поприща. Не безъ трудностей путь вашъ, но вы на пути Господнемъ.

Именемъ Божиимъ благословеніе призываю вамъ и сущей съ вами братіи.

Юля 8. 1861.

3. Преподобный отецъ строитель! Сколько прискорбно то, что на васъ, на обитель вашу есть доносы: столько утѣшительно, что они ложные. Вы сами берете себѣ въ утѣшеніе слово Христово: *блажени есте, егда поносятъ вамъ мене ради.* Сіе утѣшеніе должно быть совершенно. Вы подвизаетесь ради

Христа, за правую вѣру Его, за святость православной церкви Его.

Что касается до опасностей отъ враговъ церкви: думаете ли, что онѣ были бы менѣе на Амурѣ, нежели здѣсь? Тѣже враги, таже вражда, таже намѣреніе вредить. Но здѣсь, конечно, ближе законная защита, нежели въ Сибири.

Обитель ваша требуетъ вашего продолженія вашего подвига, для ея утвержденія, и для принесенія ожидаемаго отъ нея плода. Преемнику вашему нужно было бы много труда и времени, чтобы пріобрѣсти то значеніе, которое вы имѣете, и которое споспѣшествуетъ дальнѣйшему вашему подвигу.

Укрѣпитесь надеждою на Бога, и благодушествуйте.

Охраните себя и смиреніемъ. Не много ли сказано, что ваша братія и богослуженіе образцовыя во всей Россіи?

Дѣло, по которому вы дали отвѣты на вопросы, безъ сомнѣнія, не будетъ имѣть непріятныхъ послѣдствій ни для васъ, ни для обители.

Миръ вамъ и братіи вашей, и милость Господня да покрываетъ обитель вашу.

Октября 23. 1861.

4. Отцу игумену и братіи Божіе благословеніе и миръ.

Больной больному здравія желаю. Обратите вниманіе, не нужно ли употребить пособіе врача. Наипаче же да поможетъ вамъ Врачъ душъ и тѣлесъ.

Доброе дѣло, что печетесь о благѣ обители не только при себѣ, но и по себѣ. Впрочемъ не на виѣшнія средства опираться должно. Отцы наши утверждали обители на молитвѣ и воздержаніи, на нищетѣ и трудѣ; и созидались добродѣтели и добрая слава, и приходила помощь отъ боголюбивыхъ, принося благословеніе и дающимъ и пріемлющимъ.

Декабря 18. 1864.

5. Божіе благословеніе и миръ отцу игумену Пароенію съ братією.

Или вы не вслушались въ мои слова, или невѣрно ихъ вспомнили, когда утверждаете, будто я призналъ васъ неспособнымъ быть настоятелемъ. Вы построили монастырь, собрали и благоустроили братію, учредили богослуженіе, привлекшее благоговѣніе народа; десятый годъ управляете монастыремъ: кто же скажетъ, что вы неспособны быть настоятелемъ?

Естьли я сказалъ, что вы иногда поспѣшно принимаете и вводите въ служеніе людей, которые потомъ не оправдываютъ вашего довѣрія, и что хозяйство ваше могло быть строже разчитано: это сказано не для осужденія вашего дѣйствованія, а для огражденія онаго большею осторожностію.

Что замѣчаніе мое о вашей поспѣшности вести людей по степенямъ службы справедливо: это вы подтверждаете теперь, когда іеродіакона вдругъ хотите сдѣлать настоятелемъ. Надобно остерегаться скорого возвышенія, чтобы сіе не сопровождалось скорымъ паденіемъ.

Вы должны беречь и укрѣплять ваше дѣло: а я долженъ сему споспѣшествовать. Вы дѣлаете дѣло полезное для церкви Божіей, съ успѣхомъ хотя до сихъ поръ не обширнымъ, и съ доброю надеждою: хорошо ли бросить это, и жить безъ дѣла въ отношеніи къ благу общему?

Еслибы случилось, что ваши подвиги для себя недостаточны: ихъ дополнить могутъ труды и терпѣніе для блага общаго. Увѣрены ли вы, что ваши подвиги не будутъ имѣть нужды въ семъ дополненіи, если оставите общественную службу?

Страсть идти за границу есть болѣзнь дворянства, причинившая ему много разстройствъ и расслабленія. Думаете ли, что въ монахѣ это не болѣзнь, а здоровье? Вы поклонялись святымъ, пользовались Аеономъ: что еще?. Развѣ и на

А оубо вѣтъ искушеній, можетъ быть, иногда болѣе неблагопріятствующихъ миру душевному, нежели здѣсь?

Знаете безъ меня, что отцы не совѣтуютъ перемѣнять мѣсто. *Мѣста твоего не остави.* Евангеліе дѣлаетъ исключеніе: *аще гонятъ вы во градъ, бѣгите въ другій.* Но васъ не гонятъ, а желаютъ имѣть на мѣстѣ, гдѣ поставило васъ Провидѣніе Божіе.

Да успокоятся волны, миръ вашимъ помысламъ и душѣ вашей.

Января 31. 1865 г.

6. Божіе благословеніе отцу игумену и братіи.

Справедливо жалуетесь на нѣкоторыхъ людей, называющихся православными и не оказывающихъ усердія и дѣятельности къ охраненію православія, и нескромно или неосторожно износящихъ судъ на другихъ. Нѣкоторымъ здѣшнимъ сдѣлано о семъ напоминаніе.

Но можетъ быть и вамъ надлежало бы болѣе обратить вниманіе на мое предостереженіе противъ употребленія порицаній. По недостатку времени, я недовольно ознакомился съ вашими послѣдними трудами. Не отлагаю намѣренія споспѣшествовать ихъ движенію, ознакомься болѣе.

Семей бросаетъ камни на Давида, а Давидъ, не отвѣчая ему, идетъ своимъ путемъ. Идите и вы своимъ путемъ, не скорбя и не гнѣваясь на непоставленныхъ судей.

Дѣло о вознагражденіи вашей обители за упраздняемую церковь рѣшено.

Спострадавъ вѣрою Господу страждущему, да увидимъ въ радость воскресенія Его.

Мар. 30, 1865.

7. Преподобному отцу игумену Паревнію о Господѣ радоваться, также и братіи.

Въ новое лѣто да ущедрить васъ Господь новыми дарами благодати и мира, такъ невозмутимаго, чтобы вы въ потребномъ случаѣ могли сказать съ псалмопѣвцемъ: *съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ.*

Взглядъ вашъ на замѣчанія на книгу о Теодоритовомъ словѣ не миренъ, такъ что вы для укоренія не удовольствовались русскими словами и употребили не разъ иностранное слово. Но вы не показали, которыя изъ замѣчаній не справедливы, и почему.

Вы произнесли страшный приговоръ: *Смертію да умретъ.* Успокойтесь, и разсудите, не поспѣшили-ль вы когда еще не объяснили, въ чемъ погрѣшилъ замѣчатель противъ матери — святая Церкви, и тяжка ли его вина.

Вы погрѣшаете, почитая сочинителемъ замѣчаній инока Пафутія: слогъ сихъ замѣчаній не его, а показываетъ иного писателя.

Къ прискорбію, много уже такихъ споровъ, которые даютъ поводъ къ слезамъ вмѣсто мира. Желательно услышать слово твердой истинности, могшее положить конецъ спорамъ. Миръ вамъ и спасеніе.

Января 3-го, 1867.

Р Ъ Ч Ъ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИННОКЕНТІЯ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО,

ПРИ ПЕРВОМЪ ЕГО СВЯЩЕННОСЛУЖЕНІИ ПО ВСТУПЛЕНІИ
НА МОСКОВСКУЮ СВЯТИТЕЛЬСКУЮ КАФЕДРУ, ГОВОРЕННАЯ
ВЪ БОЛЬШОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ. 26-го МАЯ 1868 ГОДА.

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа! Такъ обыкновенно апостолы, по заповѣди Господней, привѣтствовали церкви, а по примѣру ихъ пастыри церквей привѣтствовали свои паствы, вступая съ ними въ духовное общеніе. По тому же закону и я, недостойнѣйшій преемникъ ихъ, дерзаю тѣмъ же словомъ привѣтствовать васъ, братіе, а отнынѣ возлюбленные о Господѣ братіе и чада, вступая въ общеніе съ вами. Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа!

Но кто я, дерзающій воспріять и слово и власть моихъ предшественниковъ? — Ученикъ отдаленнѣйшаго времени, отдаленнѣйшаго края и еще болѣе въ отдаленной странѣ проведеншій болѣе половины своей жизни, не болѣе какъ смиренный дѣлатель малой нивы Христовой, учитель младенцевъ и младенствующихъ въ вѣрѣ. И такому ли наименьшему изъ дѣлателей быть дѣлателемъ винограда Христова великаго, славнаго и древняго? И такому ли учителю поучать паству, изъ среды которой исходятъ во всѣ концы Россіи учителя и наставники, и даже учителя учителей?

Правда, почти все это я могъ бы сказать на всякомъ другомъ мѣстѣ, куда бы я ни былъ переставленъ; но здѣсь та особенность: послѣ кого становлюсь я здѣсь? Кто мой пред-

шественникъ, и кто я? Тутъ не можетъ быть никакого сравненія. Или всякое сравненіе будетъ далеко не въ мою пользу, а нѣкоторыя даже противъ меня. Я понималъ всю тяжесть и горечь такихъ сравненій, — сравненій совершенно естественныхъ, неизбѣжныхъ и справедливыхъ; это не то, что пересуды. Я понималъ также всю высоту и трудность служенія здѣсь; и потому мнѣ надлежало бы, по крайней мѣрѣ, я могъ бы уклониться отъ сего, имѣя при томъ и видимую къ тому причину. Но кто я, чтобы мнѣ противиться Богу — Царю Небесному, безъ воли Коего и власть съ главы нашей не падаетъ? Кто я, чтобы мнѣ противуречи Царю земному, сердце Коего въ руцѣ Божіей? Нѣтъ, сказалъ я себѣ: пусть будетъ со мною, что угодно Господу; иду, куда повелѣно. И вотъ я пришелъ.

Итакъ, благослови, Господи, меня принятыя за дѣло. Господи, Твой есмь азъ, Твой и хочу быть всегда и вездѣ; твори со Мною, что Тебѣ угодно, и въ сей жизни и въ будущей, да буду я и здѣсь простое орудіе въ рукахъ Твоихъ!

Пресвятая Владычице Богородице, Споручница моя, не оставляй меня и здѣсь Твоею помощію, заступленіемъ, ходатайствомъ и молитвами Твоими. Святители Христовы Петре, Алексіе, Іоно и Филиппе, и вси почіющіе здѣсь, воспріимите меня въ свои молитвы, недостойнѣйшаго вашего преемника. Братіе и отцы! Особенно вы, просвѣщенные наставники и отцы! Не таковъ вамъ подобаше архіерей, какъ я безквнжнй. Но потерпите мя любовію Христовою, воспріимите меня и въ ваши домашнія молитвы; паче же молитесь о томъ, дабы лжеученіе и плотское мудрованіе, пользуясь моимъ безквнжнйемъ, не вкралось въ среду правослвія. Прошу васъ всѣхъ, братіе и чада, молитесь о мнѣ грѣшномъ. — Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа!

К Е Д Р Ы.

БЕСѢДА ПО ПОВОДУ ТОРЖЕСТВЕННОГО ВСТУПЛЕНІЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИННОКЕНТІЯ НА СВЯТИТЕЛЬСКУЮ КАӨЕДРУ МОСКОВСКУЮ, СКАЗАННАЯ ІЮНЯ 2 ДНЯ, ВЪ МОСКОВСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ.

Мы совершаемъ нынѣ празднество послѣ торжественнаго вступленія новаго Владыки нашего на святительскую каөедру, и приглашаемъ васъ къ участию въ этомъ поприздствѣ.

Нынѣшнее обновленіе церкви московской знаменательно совпадаетъ съ обновленіемъ природы. И вотъ, въ видимомъ мірѣ, преимущественно же въ царствѣ растеній, проявляющемъ новую жизнь со всею очевидностью, я ищу предмета, который бы могъ нагляднымъ образомъ уяснить намъ великія истины христіанства и великія личности въ церкви Христовой. Не находя такого предмета вокругъ себя, устремляюсь мыслію вдаль,—въ ту страну, изъ коей приведенъ къ намъ *рукою Господнею благопотребный* намъ *мужъ* (Сир. 10, 4.), страну, значительно отличающуюся отъ нашей и своею растительностью. Тамъ встрѣчаюсь съ исполиномъ растительнаго царства—кедромъ, котораго у насъ нѣтъ и который распространенъ во всей Сибири: на Алтаѣ, въ Забайкальскомъ краѣ, въ Камчаткѣ, и далѣе къ Восточному океану. Останавливаюсь на этомъ дивномъ созданіи Божиемъ любопытнымъ и наблюдательнымъ взоромъ, или лучше, переношусь отъ

него восторженною мыслию къ кедрѣ ливанскому, съ коимъ онъ имѣетъ нѣкоторое сродство и который само слово Божіе представляетъ намъ какъ образъ великихъ духовныхъ истинъ и великихъ мужей. Всматриваюсь пристально въ кедръ ливанскій, по указаніямъ св. писателей, и дѣлюсь съ вами моими впечатлѣніями.

Насытятся древа польская, кедрѣ ливанскіи, ихже еси насадилъ (Ис. 103, 16), говоритъ Давидъ, благоговѣйный созерцатель твореній Божіихъ во свѣтъ Божіемъ. По подлинному тексту, это значить: «преисполнены соковъ древа Божіи,—кедры ливанскіе, насажденные Имъ».—Прежде всего замѣтимъ, что здѣсь выражается совершенная независимость кедровъ отъ человѣческаго труда и ухода: не человѣкомъ они посажены, взлелѣяны, возвращены, укрѣплены и возвеличены. Какъ появились и держатся эти великаны на горныхъ высятахъ, на утесистыхъ скалахъ, словомъ — въ мѣстности, повидимому лишенной всѣхъ благопріятныхъ для нихъ условій и пособій, это остается доселѣ тайною для самыхъ опытныхъ и добросовѣстныхъ естествоиспытателей. Очевидно только, что они ничего не получили отъ человѣческаго попеченія и искусства: человѣческая рука не разрыхляла для нихъ почвы, не возливала на нихъ воды, не подрѣзала ихъ отростковъ, — и однако они бываютъ саженой до 6-ти въ объемѣ, поднимаются почти на 100 саженой надъ уровнемъ моря, имѣя собственной вышины около 15 саженой, и притомъ отличаются не только величественностію, но и красотою (Пѣсн. 5, 15). Подлинно это суть *насажденія Господия въ славу* (Иса. 61, 8): *кедрѣ ливанскіи, ихже еси насадилъ*. Они всѣмъ обязаны исключительно десницѣ Божіей, дѣйствующей, конечно, не безъ извѣстныхъ посредствъ, — своимъ происхожденіемъ, ростомъ, крѣпостію, величіемъ, долголѣтіемъ. Хотя кедръ, какъ и всѣ прочія растенія, коренится въ землѣ и отъ нея

заимствуют первоначально нѣкоторые жизненные элементы для нижней своей части; но потомъ растутъ, крѣпятся и высятся собственно подъ высшими вліяніями: изъ возвышеннаго ээира получаютъ они преимущественно все нужное для ихъ своеобразнаго величія, почерпая живительную влагу изъ облаковъ, до коихъ досягаютъ своими вершинами, и освѣжаясь чистымъ токомъ горнаго воздуха. Это—особенные любимцы Божіи, самымъ своимъ существованіемъ или стояніемъ на извѣстныхъ мѣстахъ неумолчно возвѣщающіе силу и славу Божію: потому они въ св. Писаніи, съ особою выразительностью, называются *кедрами Божіими* (Пс. 79, 11).—Не таковы-ли и великіе мужи въ царствѣ Божіемъ? Да, именно таковы! *Праведникъ.. яко кедръ иже въ Ливанъ умножится*, т. е. разрастется и возвысится: *насаждени въ дому Господни, во дворъ Бога нашего праведники процвѣтутъ*,—съ подлинника: «зеленѣютъ» (Пс. 91, 31. 32). Очень мало, или почти ничѣмъ не одолженные человѣческому обществу и образованію, кромѣ происхожденія отъ земныхъ родителей, первоначальнаго питанія по плоти, удовлетворенія житейскихъ нуждъ и воспріятія нѣкоторыхъ элементарныхъ понятій, святыя, по духовному существу своему, воспитываются собственно самимъ Богомъ, возрастаютъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Его благодати, живутъ вѣрою въ Богъ и для Бога, дышутъ и высятся въ небесной атмосферѣ,— и въ самомъ безмолвіи своемъ всегда являются живыми провозвѣстниками силы и славы Божіей. Таковъ былъ самъ Давидъ, вдохновенный пѣвецъ дѣлъ Бжіихъ, взятый *отъ стада овчихъ пасты Израиля* (Пс. 77, 70. 71). Таковъ былъ Іоаннъ Креститель, почти ничѣмъ необязанный міру, *гражданинъ пустыни* (Кан. Предт. п. 4 тр. 2), *велий предъ Господемъ* (Лук. 1, 15), *болій въ рожденныхъ женами* (Мѡ. 11, 11), необыкновенно сильно дѣйствовавшій на своихъ современниковъ. Таковы

были Апостолы, некнижные, ничтожные въ глазахъ міра, но просвѣщенные небеснымъ Учителемъ и просвѣтившіе міръ Его ученіемъ...

Далѣе — кедры ливанскіе, на высотѣ своей, подвержены разнымъ опасностямъ. Въ ранней молодости ихъ могъ бы истребить какойнибудь козелъ или волъ, щиплющій траву. Когда они подрастаютъ, могутъ быть совершенно погребены и уничтожены подъ тяжелыми глыбами оледенѣвшаго снѣга. Выросши до значительной вышины, они испытываютъ еще болѣе враждебныхъ напоровъ атмосферныхъ. Снѣгъ не рѣдко ложится на нихъ громадными массами. Порывистые вѣтры, страшныя бури и ураганы свирѣпствуютъ вокругъ нихъ, громы и молніи разражаются около нихъ, и когда приходитъ время, *гласъ Господа, потрясающій пустыню каддійскую и разръшающій отъ бремени ланей, сокрушаетъ и кедры ливанскіе* (Пс. 28, 5. 9. 10), — тогда эти величавые князи лѣсовъ смиренно преклоняются предъ скипетромъ вседержавнаго Царя ихъ. Но до урочной поры они стоятъ твердо, среди бушующей и трепещущей природы. Никакая ограда человѣческая не предохраняетъ и не защищаетъ ихъ отъ угрожающихъ опасностей, и однако они переживаютъ многія столѣтія; и, что особенно удивительно, сохраняютъ постоянно свою свѣжесть и силу: тогда какъ все вокругъ нихъ измѣняется, дряхлѣетъ и умираетъ, — когда другія деревья и растенія блекнутъ, теряютъ свои листья, мертвѣютъ и иссыхаютъ, — кедры ливанскіе, не подверженные гніенію и не вредимые червями, зеленѣютъ круглый годъ. Всегда «преисполнены жизненныхъ соковъ древа Божіи, кедры ливанскіе, насажденные Имъ». — Не поразительный ли это образъ человѣка, живущаго вѣрою? Онъ — не тепличное растеніе, заботливо укрываемое отъ всякой непогоды, а именно кедръ ливанскій, выставленный противъ буйныхъ стихій. Не-

исчислимы искушенія, напасти и бѣды, постигающія его въ мірѣ: но и непостижима таинственная сила благодати, сохраняющая его отъ гибельнаго паденія. Онъ живетъ и крѣпится лишь *помощію Вышняго, въ кровь Бога небеснаго* (Ис. 90, 1). *Праведникъ отъ вѣры живъ будетъ* (Авв. 2, 4).

Олицетворяя кедръ, въ духѣ библейскомъ (см. напр. Ис. 14, 8), — я могу сказать, что они вовсе не нуждаются въ нашемъ на нихъ воззрѣніи, и относятся къ нему съ совершеннымъ равнодушіемъ. Можетъ быть, протекло нѣсколько вѣковъ, въ продолженіи коихъ ни одно око человѣческое не видало ихъ. Когда дѣвственный Ливанъ былъ еще недоступенъ для нечистыхъ ногъ преступника заповѣди Божіей, и одинъ лишь Вышній шествовалъ, въ таинственномъ величіи, по священнымъ высотамъ его: и тогда эти деревья были *кедрами Божіими*, и тогда простирали предъ Нимъ свои длинныя вѣтви, какъ руки, молясь или рукоплещя всеблаговому *Насадителю твари* (кан. вс. св. по 6 п. конд.), совершенно довольныя тѣмъ, что Онъ благоволиительно взираетъ на нихъ съ пренебеснаго престола Своего и по временамъ посылаетъ ихъ въ уединеніи. Послѣ и нынѣ — всматриваются ли въ нихъ люди съ любопытствомъ, съ удовольствіемъ, смотрятъ ли на нихъ съ удивленіемъ, съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, или глядятъ тупо, презрительно, нагло: кедръ остается равно спокойнымъ, не обращая вниманія на смертныхъ зрителей. Для нихъ важно только воззрѣніе *Живущаго на небесахъ*, къ Коему они возносятъ главы свои и обращаютъ взоры свои. — Не такъ ли же равнодушны и избранники Божіи къ суду человѣческому? Да! Это не *тврсти, вѣтромъ колеблемыя* (Мѡ. 14, 7), а кедръ всегда величественно спокойные! Если міръ хвалитъ ихъ, удивляется имъ, превозноситъ ихъ до небесъ, каждый изъ нихъ не приписываетъ себѣ ничего, а все относитъ къ Богу, повторяя въ глубинѣ души слова Апосто-

ла: *благодатию Божію есмь еже есмь* (1 Кор. 15, 10), и радуется лишь о распространеніи славы Божіей между чело-вѣками, или желаетъ я ищетъ сего распространенія. Когда, напротивъ, міръ презираетъ, позоритъ и гонитъ ихъ, они пребываютъ все-таки невозмутимыми, и даже *блаженными*, по слову другаго Апостола, чувствуя, что *Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на нихъ* (1 Петр. 4, 14). Одного страшатся они, какъ бы не потерять изъ виду Вседержителя и не лишиться Его благоволенія, однимъ услаждаются умнымъ созерцаніемъ Господа и благодатнымъ общеніемъ съ Нимъ..

Теперь замѣтимъ, что кедръ ливанскіе издаютъ изъ себя благовоніе, коимъ напитывается весь воздухъ на далекое пространство. Пророкъ Осія упоминаетъ о благоуханіи кедра (14, 7). Особенно пріятенъ запахъ его во время горѣнія: поэтому кедровое дерево употреблялось при всесожженіяхъ во святилищѣ (Лев. 14, 4 и слѣд.). Не многія изъ деревьевъ, насаждаемыхъ и воспитываемыхъ чело-вѣкомъ, отличаются этимъ прекраснымъ свойствомъ; большая часть ихъ вовсе не имѣютъ никакого аромата, при самомъ тщательномъ уходѣ за ними. — Какое дивное, усладительное благовоніе разливаютъ вокругъ себя святые Божіе чело-вѣки! Еслибы вы и я были одушевлены истиннымъ благочестіемъ, если бы въ насъ обиталъ Духъ Божій, если бы мы постоянно и неуклонно взирали на Господа Спасителя и на Него единаго уповали: то и отъ насъ исходилъ бы ароматъ своего рода и мы сами были бы болѣе или менѣе пріятнымъ *благоуханіемъ Богу* во Христѣ и *волею животною* (2 Кор. 2, 15. 16.) ближнимъ нашимъ: даже безбожный міръ, хотя по временамъ, ощущалъ бы какое-то непонятное для него вѣяніе лучшей жизни вблизи насъ. Чѣмъ чаще обращается чело-вѣкъ ко Христу, чѣмъ ближе приступаетъ къ Нему вѣрою и любовію, тѣмъ становится духовнѣе и душистѣе, небеснымъ ароматомъ проника-

ются его слова, дѣла, отношенія и все, на что онъ возложить руку свою...

Кромѣ того, кедръ ливанскій, при насѣчкѣ, источаетъ изъ себя, въ видѣ слезъ, смолистое вещество, особенно благотворное, похожее на мастику, предохраняющее отъ гнѣвнн, и потому употреблявшееся древними при бальзамированн мертвыхъ тѣлъ. Древнн называли это вещество *животворящимъ*, или *оживляющимъ мертвыхъ*, а иногда *жизнню мертвыхъ* ^(а). Не напоминаетъ ли это намъ о слезныхъ молитвахъ святыхъ, которыя могутъ быть животворны для насъ, *мертвыхъ во грѣхахъ* (Еф. 2, 1), или *отчужденныхъ отъ жизни Божией* (4, 18) и близкихъ къ смерти духовной?.. Но замѣтите, что смола кедровая не воскрешала мертвыхъ, а только предохраняла тѣла ихъ отъ разложенн и тлѣнн. Въ мнрѣ духовномъ, какъ и въ вещественномъ, одинъ есть Воскреситель въ собственномъ смыслѣ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Который Самъ *былъ мертвъ* за насъ и *ожилъ* для нашего животворенн (Апок. 1, 18. Рим. 4, 25). На Него единаго мы должны возлагать всѣ свои надежды, отъ Него единаго ожидать и просить своего духовнаго обновленн, т.-е. сами должны молиться о себѣ, не полагаясь на однѣ молитвы о насъ другихъ. Подъ этимъ только условнемъ, ходатайство святыхъ можетъ быть благотворно для насъ, помогая намъ, благодатн Христовою, освободиться *отъ мертвыхъ дѣлъ* (Евр. 9, 14) и предохраняя насъ, въ известной мѣрѣ, отъ нравственнаго растлѣнн и духовной смерти.—Вспомнимъ и то, что древнн намазывали кедровымъ масломъ свои книги, для сбереженн ихъ отъ мокроты и отъ вредныхъ насѣкомыхъ ^(б).—Какъ хорошо было бы, если бы

(а) Dictionn. univers. des scienc. par Bouillet. подѣ слов: *cedrie*.

(б) Известные *cedrati libri*. См. Pier's Univer. Lexic., подѣ словомъ *ceder*.

наши книги проникались духовнымъ помазаніемъ, отвращающимъ все тлетворное! Тогда онѣ имѣли бы въ себѣ животно-начало и были бы вѣковѣчны, — всегда пригодны къ употребленію, освѣжая и одушевляя насъ въ высшихъ стремленіяхъ, и не забывались бы почти тотчасъ по прочтеніи, какъ соотвѣтствующія лишь измѣнчивому духу времени, или преслѣдующія интересы минуты...

Кедры ливанскіе возбуждаютъ въ приближающихся къ нимъ какое-то особенное, религіозное чувство. Одинъ путешественникъ свидѣтельствуетъ, что онъ никогда не могъ стоять подъ стѣною ихъ безъ умиленія, смѣшеннаго съ благоговѣніемъ. А одинъ изъ великихъ поэтовъ, извѣстныхъ всему образованному міру, воспѣвшій великія явленія природы и особенно славный своею поэмою «Времена года» ^(в), рассказываетъ о себѣ, что онъ не разъ располагался подъ кедрами на ночлегъ, но немогъ вовсе уснуть. «Когда смотрѣлъ я изъ-подъ нихъ на звѣздное небо, — говоритъ онъ, — или, взобравшись на нихъ, оглядывалъ, какъ далеко раскидываютъ они свои многолиственные вѣтви, въ горизонтальномъ направленіи, составляя ряды зеленыхъ бесѣдокъ одинъ надъ другимъ, кои служатъ пріютами для множества птицъ, воспѣвающихъ въ извѣстныя времена, разными голосами, Зиждителя вселенной: то мною овладѣвало чувство, подобное тому, какое испыталъ Іаковъ послѣ таинственнаго сновидѣнія, — и я невольно восклицалъ: это подлинно святая земля! Отсель видны врата небесныя!» Окрестные обитатели благоговѣнно чтутъ кедры ливанскіе, называя ихъ святыми и давая каждому изъ нихъ особое имя. Даже, какъ замѣчаютъ очевидцы, многія животныя проходятъ, или пробѣгаютъ мимо этихъ величественныхъ представителей Всевышняго Владыки твари, съ какимъ-то, повиди-

(в) Томсонъ.

мому, почтеніемъ или страхомъ.—Такія точно чувства внушаетъ намъ христіанинъ, весь живущій въ Богѣ. Къ нему нельзя приближаться безъ благоговѣнія, какъ къ Моисею, сходящему съ горы Боговидѣнія. Тотчасъ чувствуешь, что это — выходецъ изъ другаго, вышаго міра, носящій въ себѣ жизненное начало, совершенно отличное отъ того, какое проявляется въ огромномъ большинствѣ смертныхъ.— понимаешь болѣе или менѣе ясно, что для него религія не заключается въ одной только обрядности, но состоитъ во всецѣлой преданности Богу и Христу, что цѣль его жизни не есть удовлетвореніе лишь своимъ потребностямъ, какимъ бы то не было, ни служеніе лишь обществу, въ видахъ временныхъ, но собственно прославленіе имени Божія, что средства, употребляемая имъ для этой цѣли, суть не столько естественныя, сколько благодатныя.

Наконецъ обратимъ вниманіе на то, что кедръ ливанскіе посякаются рукою человѣческою, или поверженные бурей, уготовляются для важныхъ, и частію религіозныхъ, цѣлей. Они употребляются на построеніе кораблей, великолѣпныхъ зданій и храмовъ. Іезекиль говоритъ, что Тиряне, славные мореходцы древности, дѣлали корабельныя мачты изъ кедровъ (27, 5). Извѣстно, что Давидъ жилъ въ кедровомъ домѣ (1 Пар. 17, 1), а при Соломонѣ кедръ умножился въ Іерусалимѣ (конечно, въ домахъ вельможъ), какъ обыкновенное дерево (2 Пар. 3, 27); и въ Пѣсни Пѣсней самая кровля домовъ таинственнаго жениха и таинственной невѣсты представляются кедровыми (1, 17). Но самое лучшее, самое соответственное таинственному значенію кедровъ, употребленіе ихъ было при созданіи храма истинному Богу въ Іерусалимѣ. Мнѣ кажется, эти провозвѣстники величія Божія радовались, когда сѣкиры слугъ Хирамовыхъ посякали ихъ, — и я слышу отдаленный отголосокъ ихъ послѣдней, исходной

пѣсни: «да будетъ благословенъ Іегова, Богъ Израилевъ! Мы съ радостію приедемъ благословеніе Его лечь рядами въ составъ стѣнъ Его святилища, или стать столпами тамъ, гдѣ будутъ возносимы хвалы Ему отъ вѣка и до вѣка!» И вотъ въ семь-то святилищѣ они явились точно и совершенно *кедрами Божиими*. Какъ бы-то ни было, въ царствѣ природы, какъ и въ царствѣ благодати, только то и достославно, что дѣлается по волѣ Божіей и во славу Божію. — Вы знаете, братіе, что Церковь сравнивается съ кораблемъ: посему великіе мужи въ перкви Божіей, особенные избранники Божіи, прославленные святые могутъ быть уподоблены мачтѣ и другимъ сего рода принадлежностямъ корабля; безъ нихъ корабль не можетъ плавать безбѣдно по треволненному морю міра и достигнуть вожделѣннаго пристанища. Счастливы и великіе міра, когда въ своихъ чертогахъ могутъ видѣть очами вѣры ряды святыхъ, какъ кедровую ограду, — или, при видѣ кедровъ, смиренно возносить сердца свои ко Вседержителю какъ они нѣкогда возносили вершины свои къ небу! Блаженны святые, кои отходятъ въ другую жизнь съ полною преданностію Богу и коихъ Господь, какъ *побѣдившихъ міръ върою* (1 Іоан. 5, 4. 5), *творитъ столпами церкви* (Ап. 3, 12), или полагаетъ стѣнами и украшеніемъ ея!

Довольно о кедрахъ!. Я могъ-бы бесѣдовать о нихъ съ вами еще нѣсколько разъ, не исчерпавъ всей полноты поученій, преподаваемыхъ ими. Вы, конечно, понимаете, что *конецъ слова* моего есть указаніе на новаго архипастыря нашего. Онъ самъ неоднократно признавалъ себя, среди насъ и въ другихъ мѣстахъ, во всеуслышаніе, человѣкомъ не книжнымъ и исповѣдывалъ свои немощи въ виду великихъ трудностей новаго своего служенія, — тогда какъ давно уже извѣстны и всеми признаны достославные опыты его духовной мудрости и чрезвычайно-благоуспѣшной дѣятельности. Чтѣ-

же тутъ высказывается, какъ не высокое смиренномудріе, какъ-бы говорящее намъ: *не смью глаголати что, иже не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ...* (Рим. 15, 18); безъ благодати Христовой, *ничтоже есмь* (2 Кор. 12, 11).? Изъ этого-то мы и должны видѣть, что Господь даровалъ намъ Святителя, истинно благодатнаго и намъ благопотребнаго. Отсутствіе кичливой человѣческой образованности и есть самое благоприятное условіе для воспріятія божественной премудрости. *Аще кто мнитсѣ мудръ быти въ вѣщъ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ: премудрость бо міра сего буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 18. 19). Сознаніе собственной немощи духовной и привлекаетъ къ намъ вседѣтельную силу Божию. *Довлѣтъ ти благодать моя, ободряетъ* Господь всякаго, чувствующаго свое безсиліе для дѣлъ богоугодныхъ: *сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Припомните, какъ исцѣленъ міръ, превозносившійся своими мудрованіями и заблудившійся въ нихъ до безбожія и скотоподобія. Ученіемъ-ли мудрецевъ вѣка сего? Нѣтъ, но проповѣдію безкнижныхъ рыбарей! Силою-ли человѣческою должна быть привлечена вселенная ко Христу? Нѣтъ, но силою Божіею. *Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, глаголетъ Самъ Онъ, аще не Отецъ пославый мя привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). *Къ сему великому дѣлу кто изъ человѣкъ доволенъ* (2 Кор. 2, 16)? *Но довольство наше отъ Бога* (3, 5). *Богъ бо есть дѣйствующій въ насъ по Своему благоволенію* (Фил. 2, 13). *Богу есмь споспѣшницы* (1 Кор. 3, 9. ср. Дѣян. 15, 4): въ этомъ заключается наша сила и слава, или лучше не наша, а Божія. Спросимъ еще: для чего Господь благословилъ переставитъ въ нашу многонаселенную страну кедръ Сибирскій, изъ смиренной среды возрастшій до благословенной высо-

ты? Не колеблясь, могу отвѣчать: видно, это нужно и полезно для насъ! Почему? Можетъ быть мы значительно уклонились отъ простоты евангельской, отъ простоты вѣры и жизни. Не начали-ли мы забывать, что намъ здѣсь на землѣ суждено *вѣрою ходить, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7), и не захотѣли-ли жить болѣе созерцаніемъ, чѣмъ вѣрою?. Не отъ этого-ли намъ стало потребно врачеваніе аллопатическое? Какъ бы ни было, всѣмъ намъ надобно помнить, что вообще мы бываемъ слѣпы духовно отъ нашего ясновидѣнія, или стремленія къ нему, бѣдны отъ нашего богатства, безсильны отъ нашей силы. *Видите бо званіе ваше, братіе. яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни: но буля міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ: и немоцная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ: яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ* (1 Кор. 1, 27—29).

Протоіерей Александръ Невоструевъ.

П О П Р А В К А.

Въ статьѣ «О полпвательномъ крещеніи», стран. 109, строка 15 снизу напечатано: «имущее силу таинства». Должно читать: «имущее форму и видъ таинства».

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ІЮНЬ.

1868.

О МОСКОВСКИХЪ ГОРОДСКИХЪ КЛАДБИЩАХЪ.

Покойниковъ или умершихъ хоронили издревле въ Москвѣ, какъ и въ другихъ городахъ, при церквахъ. Родственная или дружеская любовь въ память, гдѣ похороненъ, умершій, надъ могилою его ставила памятники. Памятники чтобъ лучше имъ устоять противу времени, все разрушающаго, сооружаемы были изъ камня или металла. Бѣднякъ надъ могилою дорогаго ему праха ставилъ деревянный крестъ; дерево истлѣвало, онъ замѣнялъ его новымъ. Когда нива Божія, — такъ обыкновенно называли встарину кладбище, — увеличивалась, то погостъ или мѣсто при церкви, занимаемое кладбищемъ, распространяли присоединеніемъ къ нему сосѣдней земли; для сего иногда сносили жилия строенія. При церквахъ въ Москвѣ, раскинутой на необъятномъ пространствѣ, нивы Божіи широко разрастались.

Мы изложимъ, когда и какъ въ Москвѣ, вмѣсто кладбищъ при церквахъ, устроились особыя кладбища внѣ города, извѣстныя подъ именемъ московскихъ городскихъ кладбищъ.

1. Государю Петру 1 не нравилось, что въ Москвѣ и другихъ городахъ, при церквахъ и монастыряхъ, надгробные камни лежать поверхъ земли такъ, что препятствуютъ въ хожденіи при церковныхъ церемоніяхъ, и Государь считалъ такіе камни безобразіемъ для церкви; поему указомъ 12 апрѣля 1722 г. приказалъ, надгробные камни при церквахъ и въ монастыряхъ опускать вровень съ землею, и надписи на камняхъ дѣлать сверху; камни же, которые неудобно такъ размѣстить, велѣлъ употреблять въ строеніе церковное. Въ 1723 г. октября 10 государь далъ указъ,

чтобъ въ Москвѣ и во всѣхъ прочихъ городахъ были погребаемы при церквахъ только знатныя персоны, а прочія чтобы похороняемы были въ монастыряхъ и при приходскихъ церквахъ внѣ города. Впрочемъ этотъ указъ не получилъ силы, потому что Государь вскорѣ, а именно 27 января 1725 г. умеръ, и въковой обычай похоронять покойниковъ при церквахъ приходскихъ остался безъ измѣненія. При преемникахъ Петра I государѣ Петрѣ II и государынѣ Аннѣ Иоанновнѣ въ Москвѣ нивы Божіи оставались въ прежнемъ положеніи, т. е. при церквахъ.

Въ 1741 г. ноября 25-го вступила на престолъ дочь Петра I-го Елисавета Петровна. Государыня, въ бытность свою въ 1748 г. въ Москвѣ, 2 іюля дала указъ, чтобъ при церквахъ на пути отъ Успенскаго собора до дворца ея на Яузѣ (Головинскаго) тѣла умершихъ не были погребаемы. Правительствующій Сенатъ въ указѣ объявлялъ, что государыня, въ присутствіе свое въ Москвѣ, пребываетъ во дворцѣ на Яузѣ, а при церквахъ на пути къ дворцу имѣются кладбища при самыхъ проѣзжихъ дорогахъ; по сему велѣно полиціи могилы при тѣхъ церквахъ сравнять съ землею, а камни съ могилъ употребить въ церковное строеніе. Для погребенія приходскихъ людей тѣхъ церквей, при которыхъ запрещено погребать, государыня велѣла отвести за городомъ кладбище и выстроить тамъ на ея коштъ церковь.

Отъ Успенскаго собора къ дворцу на Яузѣ вели два пути, а именно чрезъ Спасскія ворота по улицамъ Ильинской, Покровской, Старой Басманной и далѣе, и чрезъ Никольскія ворота по улицамъ Никольской, Мясницкой, чрезъ Красныя ворота по новой Басманной и далѣе; по сему указомъ Консисторіи 2 августа 1748 г. причтамъ церквей, состоящихъ на тѣхъ улицахъ, предписано, чтобъ они при своихъ церквахъ отнюдь не погребали умершихъ. До устройства кладбища внѣ города имъ, для погребенія умершихъ, указаны другія церкви, какъ-то Николаевская въ Дербени, Харитоновская въ Огородникахъ, Спасская въ Пушкинахъ, Троицы на Листахъ, Николы въ Драчевѣ, Адриана и Наталія и Филиппа митрополита въ Мѣщанской, Спаса въ Спасской и Знаменія въ Переславской слободѣ.

Для устройства кладбища внѣ Москвы учрежденъ былъ Комитетъ. Комитетъ составляли члены консисторіи игуменъ Срѣтенскаго монастыря Лаврентій и Спасскій въ Чигасахъ священникъ Иванъ Ивановъ, староста поповскій,

Срѣтенскаго сорока Троицкой въ Троицкой церкви священникъ Авксентій Филипповъ, и архитекторъ князь Ухтомскій. Они избрали мѣсто для кладбища при Трифоновской въ Напрудной церкви; о чемъ московскій архіепископъ Платонъ Малиновскій донесъ св. Синоду; но Синодъ это мѣсто не призналъ удобнымъ для кладбища.

Московская св. Синода Контора, по сношенію съ гражданскимъ начальствомъ, нашла удобнымъ для кладбища мѣсто за Мѣщанскою слободою, какъ сказано въ указѣ Конторы, близъ Марьиной рощи, не въ весьма далекомъ разстояніи отъ нѣмецкаго кладбища. На показанномъ мѣстѣ выстроена деревянная церковь, къ ней куплены 5 колоколовъ и нѣкоторая утварь; о чемъ въ 1750 г. Московская Губернская Канцелярія увѣдомила Консисторію. Синодальная контора изъ патріаршей ризницы дала въ новоустроенную церковь евангеліе, напестольный крестъ и кадило. По распоряженію Консисторіи къ церкви опредѣленъ причтъ, состоявшій изъ священника, діакона, дьячка, пономаря и просвирни; церковнымъ старостою назначенъ отставной подпрапорщикъ и при немъ 3 сторожа изъ отставныхъ солдатъ; на содержаніе церкви и причта опредѣлено жалованье изъ Статсъ-Конторы. 21 декабря того же 1750 г. церковь на кладбищѣ соборными Успенскаго собора освящена во имя св. Лазаря четверодневнаго.

Такъ устроилось первое городское въ Москвѣ кладбище Лазаревское. Много разъ прихожане церквей, при которыхъ запрещено было похоронять умершихъ, обращались къ епархіальному начальству съ просьбами о дозволении имъ похоронять покойниковъ при приходской церкви; но просьбы ихъ были оставляемы безъ уваженія, и причты сихъ церквей не разъ были обязаны подпискою хоронить покойниковъ на Лазаревскомъ кладбищѣ, а не при приходской своей церкви. Въ прочихъ мѣстахъ г. Москвы нивы Божіи или кладбища оставались по прежнему при приходскихъ церквахъ.

Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ обычаяхъ прежняго времени при погребеніи умершихъ въ Москвѣ.

При погребеніи знатныхъ или богатыхъ покойниковъ: 1) къ соборному служенію и отпѣванію умершаго приглашались архіерей, архимандритъ, игуменъ и священники отъ 12-ти церквей; 2) чтеніе псалтири по усопшемъ происходило до погребенія при гробѣ, по погребеніи въ домъ его до шести недѣль или цѣлый годъ. Псалтирь иногда читали на могилѣ погребеннаго; для чего устраивали надъ мо-

гилою особья помѣщенія. Государь Петръ I указомъ 1723 г. октября 26 запретилъ ставить будки или особья помѣщенія для чтенія псалтири надъ погребеннымъ и велѣлъ псалтирь читать внутри церкви въ придѣлахъ или притворахъ церковныхъ; но обычай чтенія псалтири на могилахъ продолжался. 3) Для поминовенія умершихъ часто устраивались особые придѣлы въ церквахъ, и для служенія въ нихъ нанимали священниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ викаріевъ. Тогда для служенія по найму много собиралось священниковъ при Спасской башнѣ или на Ильинскомъ крестцѣ. 4) Въ Москвѣ каждое утро предъ литургіею податели поминаньевъ толпами стремились въ соборы и ружныя церкви въ Кремль и отдавали извѣстныя приношенія для поминовенія умершихъ.

На перевезеніе тѣлъ умершихъ изъ Москвы для погребенія въ другихъ мѣстахъ испрашивалось только разрѣшеніе Консistorіи, которая выдавала отверзтый указъ съ тѣмъ, чтобы 1) тѣло умершаго было отпѣто въ своей приходской церкви по христіанскому обычаю, 2) гробъ за Смоленъ былъ накрѣпко, и 3) по прибытіи на мѣсто опущенъ былъ въ землю съ единою точію литіею, отнюдь не открывая онаго и не чиня вторичнаго отпѣванія.

II. Въ 1771 году въ Москвѣ между людьми появилась заразительная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ чумы или моровой язвы. Въ видахъ прекращенія болѣзни въ Москвѣ обращено было вниманіе между прочимъ на мѣста погребенія: указомъ Пр. Сената 24 марта 1771 г. для погребенія умершихъ отъ заразительной болѣзни отведены особья загородныя мѣста; а для погребенія умершихъ отъ обыкновенныхъ болѣзней, или, какъ въ указѣ сказано, натуральною смертію, назначены отдаленныя отъ центра города церкви и монастыри, какъ-то церкви Введенская въ Семеновскомъ, Покровская и Воздвиженская въ Красномъ селѣ, Знаменская въ Переславской слободѣ, Лазаревская на кладбищѣ, Тихвинская въ Сущевъ, Николаевская на Ваганьковѣ, Богоявленская въ Дорогомиловѣ, Троицкая на Воробьевыхъ горахъ, Воскресенская за Даниловымъ монастыремъ, Сорокосвятская близъ Новоспасскаго монастыря, и монастыри для лицъ мужескаго пола Спасо-Андроніевъ, Новоспасскій, Донской, и для женскаго пола Новодѣвичій. Симоновъ, Покровский и Даниловъ монастыри заняты были карантинными или больницами для зараженныхъ бо-

лѣзью. При прочихъ церквахъ и монастыряхъ похоронять совсѣмъ запрещено.

Какъ моровая язва обнаружилась по многимъ мѣстамъ Россіи, то указомъ Пр. Сената 1771 г. ноября 1 предписано: „по городамъ при церквахъ не хоронить, а отвести для нихъ особыя кладбища за городомъ на выгонныхъ мѣстахъ, гдѣ способнѣе, и построить на оныхъ на первый случай хотя небольшія деревянныя церкви; а тѣхъ мѣсть, гдѣ уже донынѣ люди въ заразительной болѣзни хоронены, отнюдь не разрывать и оставить ихъ такъ, какъ она есть“. Кладбища велѣно устроить на иждивеніе городскихъ обывателей.

Въ Москвѣ, по распоряженію гражданскаго начальства, кладбища и деревянныя на нихъ церкви устроены подъ надзоромъ архитектора Бажанова и члена юстиць-коллегіи бригадира Дурнова. Въ 1772 г. дек. 31 бригадиръ Дурновъ доставилъ въ Консисторію реэстръ новоустроеннымъ церквамъ на кладбищахъ. По реэстру показаны слѣдующія церкви: 1) за Дорогомидовскою Ямскою преподобныя Елисаветы; 2) на Ваганьковѣ св. Іоанна милостиваго; 3) близъ Бутырокъ св. мученицы Софіи и трехъ ея дочерей; 4) по Троицкой дорогѣ за крестомъ преп. Параскевы; 5) по Коломенской дорогѣ за Покровскимъ монастыремъ пресв. Богородицы всѣхъ скорбящихъ Радости, и 6) по Серпуховской дорогѣ за Даниловымъ монастыремъ св. священномучениковъ Херсонскихъ Василія, Еврема, Капитона и прочихъ.

Московская Синодальная контора предписала консисторіи, ежели церкви на кладбищахъ построены по церковному чиноположенію и съ надлежащимъ благолѣпіемъ убранны, то освятить ихъ; а для освященія книги и прочее принадлежащее взять отъ ближнихъ приходскихъ церквей, и по освященіи служенія въ тѣхъ церквахъ отправлять ближнихъ церквей священникамъ, гдѣ при одной по два находятся,—поочередно. Освященные антимины во два построенныя кладбищенскія церкви отпущены безденежно изъ Синодальной конторы.

На требованіе Консисторіи мѣстные заказчики или того времени благочинные представили свѣдѣнія, что церкви на кладбищахъ устроены по церковному чиноположенію; церкви Параскевьевская за крестовскою заставою и Скорбященская за Покровскимъ монастыремъ, сосудами, ризами и прочею церковною утварью удовольствованы; но въ прочихъ церквахъ, кромѣ иконостасовъ, никакой утвари

не находится. Въ кладбищенскія церкви, неимѣющія церковной утвари, Синодальная контора велѣла перенести церковную утварь, книги, колокола и прочія вещи, изъ упраздненной Николаевской въ Кіевцахъ церкви (находилась на берегу Москвы рѣки близъ Зачатейскаго монастыря), раздѣливъ вещи сіи уравниательно; при семъ контора настоятельно требовала освятить кладбищенскія церкви. Консисторія предлагала закащикамъ приготовить все нужное къ освященію кладбищенскихъ церквей, и онѣ вскорѣ освящены присутствующими консисторіи; богослуженіе въ нихъ отправляли, какъ предположено было, приходскіе священники ближайшихъ церквей. Въ 1774 г., по указу Конторы, въ церкви на кладбища Дорогомиловское, близъ Бутырокъ, и Ваганьковское отданы на престольныя евангелія изъ московскихъ упраздненныхъ монастырей Моисеевскаго и Варсонофьевскаго; потомъ къ кладбищенскимъ церквамъ опредѣлены свои причты съ полученіемъ содержанія отъ доходовъ при погребеніи умершихъ и отъ поминовенія ихъ. Кладбищенскіе священники начали было умершихъ отпѣвать въ своихъ церквахъ и погребать безъ вѣдома приходскихъ священниковъ; но это имъ воспрещено, „чтобъ не было замѣшательства въ подачѣ вѣдностей о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ.“ Кладбища и церкви на нихъ состояли подъ смотрѣніемъ гражданскаго начальства. Въ 1776 г. августа 29, церковь на кладбищѣ за Покровскимъ монастыремъ сгорѣла; на мѣстѣ ея моск. оберъ-полиціймейстеръ Н. П. Архаровъ выстроилъ новую деревянную же.

Изъ московскихъ монастырей продолжали похоронять только въ Спасо-Андроньевѣ, Новоспасскомъ, Донскомъ и Новодѣвичьемъ. Въ 1781 году моск. Синодальная контора полагала разрѣшить погребеніе умершихъ, сверхъ показанныхъ монастырей, при отдаленныхъ въ Москвѣ церквахъ, какъ-то у Знаменія въ Переславской слободѣ, Тихвинской въ Красномъ селѣ, Воскресенской въ Преображенскомъ и другихъ. Главнокомандующій г. Москвы князь В. М. Долгоруковъ-Крымскій соглашался на то; но бывшій оберъ-полиціймейстеромъ, потомъ Московскій губернаторъ Н. П. Архаровъ объявилъ, что распоряженіе сіе „за нѣкоторыми резоны“ велѣно отиѣнить, а дозволено погребать умершихъ въ прочихъ монастыряхъ, которые находятся за землянымъ валомъ.

Такъ устроились прочія московскія городскія кладбища для погребенія умершихъ въ Москвѣ.

III. Въ 1782 г. титулярный совѣтникъ Лука Долгой просилъ епарх. начальство дозволить ему на Лазаревскомъ кладбищѣ построить вмѣсто деревянной церкви каменную о трехъ престолахъ: первый во имя сошествія св. Духа, второй праведнаго Лазаря и третій св. апостола Луки, и при сей церкви устроить каменное жилое отдѣленіе для помѣщенія бѣдныхъ, которые бы зависѣли отъ него, Долгова, и его фамиліи. На сей предметъ Долгой внесъ значительную сумму денегъ въ Банкъ. Прошеніе Долгова было удовлетворено. Церковь на кладбищѣ въ томъ видѣ, какъ мы нынѣ ее видимъ, выстроена уже по смерти Долгова, въ 1786 г. и, въ началѣ марта того года, первый устроенный въ ней придѣлъ, во имя св. апостола Луки, освященъ членомъ консисторіи Знаменскимъ архимандритомъ Серапіономъ.

Прочія кладбища, устроенныя въ Москвѣ послѣ моровой язвы въ 1772 г., а именно: 1) Дорогомиловское, 2) Ваганьковское, 3) Мюсское, близъ Бутырокъ, 4) Пятницкое за Троицкой заставою, 5) Калитниковское за Покровскимъ монастыремъ и 6) Даниловское за Серпуховскою заставою, продолжали существовать, но находились въ неустроенномъ положеніи. Умершіе изъ зажиточныхъ людей погребаемы были большею частію въ монастыряхъ; а отъ погребенія небогатыхъ людей на кладбищахъ доходы для церкви и причта были скудны. Причты ихъ отъ казны никакого денежнаго пособія не получали. Въ 1779 г. М. Синодальная контора, чрезъ своего прокурора Рожнова, входила съ представленіемъ въ Пр. Сенатъ о назначеніи денежнаго оклада на кладбищенскія церкви съ причтами, объясняя, что оныя устроены по указу Сената; но Сенатъ на представленіе только объявилъ, что будетъ имѣть о томъ разсужденіе и какое сдѣлаетъ положеніе, увѣдомить, — а увѣдомленія послѣ не давалъ. Въ 1786 г. Моск. Управа Благочинія предложила консисторіи принять кладбища московскія въ вѣдомство духовное со всеми сборами за могилы на кладбищахъ. Консисторія, принимая во вниманіе, что 1) кладбищныя церкви построены по распоряженію Правит. Сената и отъ свѣтскаго начальства содержатся, что 2) церкви сіи по ветхости своей требуютъ исправленія, что 3) на вопросъ въ докладѣ прокурора моск. Синод. конторы, на какой ругъ будутъ содержаться священно-церковно-служители кладбищныхъ церквей и откуда они будутъ получать сумму на церковныя потребности, Правит. Сенатъ не далъ увѣдомленія, — отка-

залась отъ принятія кладбищъ въ свое вѣдомство, и кладбища остались по прежнему въ вѣдомствѣ и распоряженіи полиціи.

Въ 1800 г. окт. 31, главноначальствующій въ Москвѣ графъ Н. П. Салтыковъ, при новомъ раздѣленіи г. Москвы на части, представилъ моск. епарх. начальству предположеніе для лучшаго распоряженія на московскихъ кладбищахъ, 1) кладбища поручить особому смотрѣнію мѣстныхъ инспекторовъ, т. е. частныхъ приставовъ полиціи той части, въ которой находится кладбище, 2) учрежденіе карауловъ на кладбищахъ и копаніе могилъ производить чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей, 3) для сбора и распоряженія церковными доходами на содержаніе и украшеніе церкви избрать старость, гдѣ оныхъ нѣтъ, изъ близъ живущихъ обывателей, людей надежныхъ. которые бы о приходѣ и расходѣ церковнаго сбора, по прошествіи каждой трети, представляли частнымъ инспекторамъ вѣдомости, 4) за поведеніемъ могильщиковъ изъ нижнихъ чиновъ имѣть полицейскимъ чиновникамъ строгое наблюденіе, и чтобы они могилы рыли для каждаго гроба не мельче трехъ аршинъ, а для безостановочнаго погребенія къ каждому наступающему дню имѣли въ готовности не менѣе пяти могилъ, 5) за могилу болѣе одного рубля не требовать. Изъ сего рубля 50 к. отдавать могильщикамъ, изъ другой половины выдавать одну часть на содержаніе церкви, а другую — священника и причта съ тѣмъ, чтобы они за погребеніе умершихъ особой платы не требовали и принимали только добровольныя подаванія; имъ же должны слѣдовать доходы за поминовеніе и другія молитвословія; и 6) Міюское кладбище, по крайней ветхости церковнаго на немъ строенія и по не имѣнію особаго священника, уничтожить.

Между тѣмъ въ 1799 г. апрѣля 4-го состоялось Высочайше утвержденное положеніе св. Синода о пособіи вдовамъ и сиротамъ, оставшимся послѣ умершихъ священнослужителей. По сему положенію между другими средствами на пособіе вдовамъ и сиротамъ опредѣлено обращать сборъ денегъ на кладбищахъ при погребеніи умершихъ. Консисторія, отъ которой митроп. Платонъ требовалъ мнѣнія по вышеизложенному отношенію главноначальствующаго, представила опредѣленіе, что 1) за сію состоявшагося Высочайше утвержденаго опредѣленія св. Синода о сборѣ денегъ на кладбищахъ въ пользу вдовъ и сиротъ умершихъ священнослужителей, предполо-

женіе главноначальствующаго исполнить невозможно и 2) что кладбища должно принять въ духовное вѣдомство и о сборѣ на нихъ денегъ сдѣлать особое распоряженіе. Митрополитъ утвердилъ опредѣленіе консисторіи съ дополненіемъ, что, ежели Мюсское кладбище почтено ненужнымъ, то нѣтъ нужды его оставлять. О семъ сообщено графу Салтыкову 14 декабря 1801 года.

По сему полицейскіе караулы съ кладбищъ сняты, кладбищнымъ священникамъ выданы кружки за печатью, для сбора денегъ, при погребеніи умершихъ, въ пользу вдовъ и сиротъ умершихъ священнослужителей; деньги, собранныя въ кружки, велѣно мѣстнымъ благочиннымъ представлять въ консисторію. Изъ упраздненной на Мюсскомъ кладбищѣ церкви автиминсъ отданъ въ Чудовъ монастырь, а ризница перенесена въ ближайшую Тихвинскую въ Суцевѣ церковь, причту коей предоставлено отправлять и поминовенія на кладбищѣ.

Съ отминою полицейскаго надзора на кладбищахъ, вскорѣ оказались на нихъ безпорядки. Обыватели для погребенія покойниковъ сами вырывали могилы въ мѣстахъ, гдѣ хотѣли, и сборъ денежный за могилы сдѣлался ничтожнымъ; посему митроп. Платонъ призналъ вышеизложенное предположеніе главноначальствующаго о кладбищахъ болѣе соответствующимъ порядку и благоустройству кладбищъ. По новому соглашенію съ главноначальствующимъ: 1) кладбища оставлены по прежнему въ вѣдомствѣ полиціи; 2) для сбора прихода и веденія расхода на кладбищахъ избраны изъ купцовъ и мѣщанъ старосты церковные; имъ изъ Консисторіи выданы приходорасходныя книги; 3) остатки денегъ отъ расхода они обязаны были представлять въ Консисторію на снабженіе, въ силу указа, вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ священнослужителей. Въ 1805 г. для кладбищныхъ церковныхъ старостъ составлена въ Консисторіи инструкція, по которой они обязывались приходить и расходъ денегъ вести съ вѣдома мѣстнаго священника. Эта инструкція послѣ долгое время оставалась въ силѣ.

Мы доселѣ не упомянули о существующемъ въ Москвѣ Семеновскомъ кладбищѣ, на Введенскихъ горахъ. Кладбище это другаго происхожденія. Въ 1814 г. староста церковный Введенской, въ Семеновскомъ, церкви приносилъ жалобу епарх. начальству на мѣстнаго священника съ причтомъ той церкви, объясняя, что они отъ кладбища получаютъ себѣ всѣ доходы, а въ церковь платятъ только по 5 руб-

лей въ мѣсяцъ; кромѣ того рубятъ березовую рощу на кладбищѣ. Причтъ Введенской, въ Семеновскомъ, церкви показали, что кладбище за Семеновскою заставою приписано къ ихъ церкви издавна, но сколько тому лѣтъ назадъ, неизвѣстно. Консисторія о началѣ учрежденія Семеновскаго кладбища и въ своихъ дѣлахъ свѣдѣній не нашла, и опредѣлила: 1) бывающіе на Семеновскомъ кладбищѣ доходы за отпѣваніе и поминовеніе усопшихъ, по примѣру другихъ московскихъ кладбищъ, обращать въ пользу причта Введенской церкви; 2) изъ собираемыхъ денегъ за могилы выдавать половину могилокопателямъ, которыхъ нанимать священно-церковно-служителямъ обще съ старостою церковнымъ, а другую половину обращать въ пользу церкви и на пособіе вдовамъ и сиротамъ умершихъ священнослужителей,—для чего выданы старостѣ церковному приходорасходныя книги и инструкція такого же содержанія, какая выдавалась старостамъ церковнымъ на прочихъ кладбищахъ.

Полагаемъ, что Семеновское кладбище существовало съ давнихъ временъ и принадлежало Введенской, въ Семеновскомъ, церкви, и, какъ находилась за чертою города, то при перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ 1771 г., запрещенію похоронять на немъ умершихъ не подверглось.

IV. Со времени устройства особыхъ кладбищъ въ Москвѣ внѣ города, бывшія кладбища при церквахъ приходскихъ запустѣли. Обширные нѣкогда погосты при церквахъ начали заселяться обывателями. Приходскіе причты или продавали погостную землю постороннимъ людямъ, или сами, выстроивая дома, объяли подъ домами землю, т. е. приобрѣтали ее въ собственное владѣніе документами, совершенными въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ; потомъ передавали дома съ землею по духовному завѣщанію наследникамъ не духовнаго званія, или по купчей крѣпости продавали также лицамъ, непринадлежащимъ къ причту церковному. Оттого доселѣ при нѣкоторыхъ церквахъ въ Москвѣ дома свѣтскихъ владѣтелей почти примыкаютъ къ самой церкви.

Митроп. Платонъ, въ 1775 г., вступивъ въ управленіе московскою епархіею, обратилъ вниманіе на то, что при многихъ церквахъ въ Москвѣ земли церковныя, кромѣ причтовъ, застроены посторонними людьми, и велѣлъ Консисторіи тщательно рассмотреть это обстоятельство. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что владѣльцы домовъ при церквахъ на занимаемыя ими земли имѣютъ законные

документы, выданные изъ Юстиць-Коллегіи. Консисторія въ семь случаевъ приняла къ руководству Высочайше-утвержденное положеніе 1773 г. іюля 7 о Каменномъ Приказѣ (учрежденіе въ родѣ бывшей Коммиссіи строеній), гдѣ между прочимъ сказано: „какъ кладбища нынѣ учреждены въ особыхъ мѣстахъ, то прежнія кладбища въ городахъ и предмѣстіяхъ оставить (*неприкосновенными*) къ благолѣпію церквей“, и опредѣлила сообщить въ Юстиць-Коллегію, чтобъ она безъ вѣдома и дозволенія епарх. начальства на церковныя земли и зданія закладныхъ, купчихъ крѣпостей и другихъ документовъ не совершала. Но и при такихъ мѣрахъ приходскіе священно-церковнослужители находили средства облять церковныя земли въ свою пользу; посему м. Платонъ въ 1785 г. февраля 9 предписалъ облять всѣхъ священноцерковнослужителей подписками, подъ страхомъ лишенія своихъ чиновъ, не облять церковныхъ земель; а планы на дома ихъ съ крѣпостями велѣлъ истребовать и хранить въ Консисторіи.

Митроп. Платонъ инструкцію благочиннымъ въ 1776 году вмѣнилъ въ обязанность мѣстнымъ причтамъ наблюдать, чтобы мѣсто вокругъ церкви, называемое погостомъ, было не тѣсно, ограждено, ничѣмъ не застроено и содержалось въ чистотѣ; а въ 1786 году мая 12-го предписалъ, чтобы при всѣхъ московской епархіи церквахъ, а особливо въ столичномъ городѣ Москвѣ, ограды, гдѣ оныхъ нѣтъ, непременно были построены, ветхія же исправлены. Посему при многихъ церквахъ въ Москвѣ съ того времени построены обширныя каменные ограды, въ иныхъ мѣстахъ съ желѣзными рѣшетками, которыя доселѣ остаются.

Между тѣмъ время сокрушало памятники на кладбищахъ при московскихъ церквахъ; недолговѣчное памятованіе живыхъ о мертвыхъ памятниковъ не поддерживало и не сохраняло. Камни съ могилъ обращались или на устроеніе оградъ, или обтесывались на помосты въ церквахъ, или клались близъ церквей на тротуары для пѣшеходовъ. Только изрѣдка, какъ на пожатой нивѣ иногда остается еще тощій колосъ, доселѣ при нѣкоторыхъ церквахъ видны уцѣлѣвшіе не богатые памятники.

Печальнѣе была судьба кладбищъ, гдѣ церкви, подъ сѣнію которыхъ находились нивы Божіи, упразднены и потомъ разобраны. Митр. Платонъ, въ видахъ благоустройства причтовъ, имѣлъ обыкновеніе малоприходныя церкви, при которыхъ средства къ содержанію причтовъ оказывались недостаточными, упразднять и приходы ихъ при-

писывать къ ближайшимъ церквамъ. Въ Москвѣ, которая издревле славилась множествомъ церквей, послѣ моровой язвы церкви большею частію сдѣлались малоприходными и недостаточными къ содержанію причтовъ; посему нѣкоторыя приходскія церкви въ Москвѣ были узпразднены еще до поступленія митрополита Платона на кафедрѣ московской епархіи, какъ-то въ 1774 году Николаевская въ Мыльникахъ, близъ Воспитательнаго дома, Мироносицкая при Печатномъ дворѣ на Никольской и Николаевская въ Турыгинѣ, близъ Ржевской церкви на Пречистенкѣ. При пр. Платонѣ узпразднены церкви: въ 1775 г. Саввы Стратилата, на Знаменкѣ, близъ Арбатскихъ воротъ, въ 1776 г. Іоакима и Анны близъ Пушечнаго двора на Лубянкѣ и Ризположенская на Кисловкѣ, въ 1777 г., Покровская на Глинищахъ, въ 1784 г., Спасская у Москворѣцкаго моста и Предтечевская у Никитскихъ воротъ, въ 1787 г., Преображенская на Тверской близъ Саввинскаго подворья и Благовѣщенская, что былъ Моисеевскій монастырь, въ 1789 г. Воскресенская, въ Булгаковѣ, близъ Знаменскаго монастыря, въ 1791 г., Леонтія Ростовскаго въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ 1792 г., Предтечевская на Лѣнивкѣ, близъ церкви св. Антипы, въ 1793 г., Анастасьевская близъ Охотнаго ряда, въ 1807 году, Воскресенская на Дмитровкѣ, въ 1807 г., Василя Неокесарійскаго на Тверской противъ Саввинскаго подворья, въ 1809 г., Пророка Елисея, близъ Воскресенской, на Вражкахъ, церкви. Послѣ нашествія непріятельскаго въ 1812 г. также многія церкви въ Москвѣ сдѣлались малоприходными. Преосв. Августинъ, управлявшій московскою епархіею, относительно благоустройства причтовъ держался правила, которое имѣлъ м. Платонъ,—узпразднялъ малоприходныя церкви. При немъ узпразднены церкви: въ 1813 Спасская въ Копьяхъ, гдѣ нынѣ Голицынская галлерей, въ 1815 г. Воскресенская у Кузнечкаго моста и Ильинская на Тверской, близъ Охотнаго ряда, въ 1816 г. Воскресенская на Остоженкѣ, Предтечевская на Знаменкѣ, позади Апраксинскаго дома, что нынѣ Военная гимназія, св. Евангелиста Луки тамже на Знаменкѣ, Благовѣщенская на старомъ Ваганьковѣ.

Показанныя церкви въ разное время разобраны, земли ихъ, съ разрѣшенія начальства, или отданы, или проданы частнымъ лицамъ. О памятникахъ на кладбищахъ и поминѣ не было; живой человекъ на могилахъ умершихъ возводилъ себѣ огромныя жилища и, для основанія ихъ, безпощадно разрывалъ могилы, совсѣмъ не обращая вни-

манія на то, что нарушалъ покой своихъ собратьевъ. На нашей памяти, при постройкѣ двухъ большихъ домовъ на мѣстѣ бывшей Воскресенской, на Дмитровкѣ, церкви и недавно при сооруженіи огромнаго зданія на бывшемъ погостѣ церкви Іоакима и Анны близъ Пушечнаго двора, рядомъ съ Софійскою на Лубянкѣ церковью, кости умершихъ были грудами вырываемы изъ земли, и прахъ тѣхъ, кого въ свое время родственная или дружеская любовь оплакивала горячими слезами, съ холоднымъ равнодушіемъ собирали въ кули и ящики, и вывозили для общаго похороненія на кладбища внѣ города. И тамъ, гдѣ былъ прежде храмъ Божій и въ немъ слышались пѣснопѣнія церковныя, теперь идетъ служба иная и пѣнія слышатся со всѣмъ не церковныя.

Прежнія нивы Божіи или кладбища цѣлѣе сохранились въ монастыряхъ, которые ограждены стѣнами; но и тамъ послѣ 1771 г. когда запрещено было умершихъ хоронить внутри города, уцѣлѣло не много памятниковъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ монастыряхъ, которые обращены въ приходскія церкви, какъ-то монастыри Новинскій, Варсанофьевскій, Андреевскій, Георгіевскій, Ивановскій и Воздвиженскій, гдѣ жилища людскія уже вторгнулись или вторгаются въ среду прежнихъ кладбищъ; но посѣтите монастыри, оставшіеся на прежнемъ положеніи, напр. Богоявленскій, Знаменскій, Златоустовскій, Срѣтенскій, Рождественскій, Никитскій и другіе,—и тамъ вы увидите на пожатой нивѣ развѣ тощіе стебли. Подны памятниковъ монастыри, въ которыхъ разрѣшено погребать умершихъ; но эти нивы ежедневно засѣваются новою пшеницей.

Присовокупимъ къ сему, что прежніе обычаи при погребеніи и поминовеніи усопшихъ мало по малу выходили изъ употребленія. 1) Чтеніе псалтири надъ умершимъ при гробѣ и послѣ погребенія въ домѣ его до шести недѣль долго соблюдалось, потомъ осталось, большею частію, только чтеніе псалтиря надъ умершимъ до времени погребенія его. 2) Не осталось прежняго обычая подавать поминовенныя приношенія преимущественно въ соборы и ружныя церкви въ Кремль. 3) Приглашались и приглашаются архіереи для погребенія достаточныхъ людей, но не съ тѣмъ составомъ духовныхъ лицъ, какой былъ прежде. 4) Построеніе особыхъ придѣловъ въ церквахъ для поминовенія умершихъ, распоряженіемъ епарх. начальства въ 1767 г., оставлено, потому что строители придѣловъ не имѣли попеченія о благоустройствѣ настоящихъ храмовъ

и, удерживая въ своемъ распоряженіи придѣлы, не хотѣли никакого имѣть сношенія съ мѣстнымъ причтомъ отъ носительно службы въ нихъ, и соборища священниковъ при Спасской башнѣ для служенія по найму въ 1784 г. прекращены. 5) Указомъ Моск. св. Синода конторы 1781 г. марта 4 покровы на гробахъ умершихъ, погребаемыхъ въ монастыряхъ, велѣно почитать принадлежностью приходскихъ церквей; а преосв. Платонъ въ томъ году іюля 19 объявилъ причтамъ, что холсты, употребляемые для опусканія гроба въ могилу должны принадлежать приходскому причту. 6) Съ изданіемъ въ 1782 г. апрѣля 8 Полицейскаго наказа или Устава Благочинія разрѣшеніе на перевезеніе тѣлъ умершихъ для погребенія въ другія мѣста предоставлено гражданскому начальству, съ вѣдома впрочемъ и духовнаго начальства.

V. Новыя нивы Божіи или кладбища, устроенныя внѣ Москвы для погребенія умершихъ, съ теченіемъ времени увеличивались въ размѣрахъ. Гдѣ погребенъ отецъ семейства, тамъ же погребались его дѣти, внуки и другіе семейства; отъ сего мѣста на кладбищахъ дѣлались родовыми. Всѣ стремились занять мѣсто ближе къ храму Божію, желая подь сѣнію его найдти себѣ вѣчный покой. На могилахъ достаточныхъ людей появились памятники изъ камня, металла и мрамора. Бѣднякъ, похороня дорогой ему прахъ, ставилъ надъ могилою крестъ, символъ спасенія.

Деревянныя церкви на кладбищахъ отъ времени обветшали; усердіе вкладчиковъ и жертвователей построило храмы новые каменные. Такъ въ 1822 году воздвигнуть каменный храмъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ усердіемъ кунцовъ Болотниковыхъ, при содѣйствіи извѣстнаго въ то время моск. оберъ-полиційместера А. С. Шульгина, во имя воскресенія Христова; къ нему послѣ разными жертвователями пристроены придѣлы въ холодной половинѣ съ правой стороны во имя преп. Феодора Сякеота и на лѣвой святаго Іоанна Милостиваго, въ теплой на правой сторонѣ во имя св. Николая и на лѣвой во имя св. мученицы Акилины; въ 1823 г. устроенъ каменный храмъ на Міюскомъ кладбищѣ, которое съ тѣмъ вмѣстѣ и возстановлено усердіемъ купца Кожевникова, во имя св. мученицы Софіи и трехъ ея дочерей, съ придѣломъ во имя святителя Митрофана, устроеннымъ г-жею Нероновою; въ 1829 г. возведенъ каменный храмъ на Даниловскомъ кладбищѣ усердіемъ купца Лепешкина во имя сошествія св.

Духа, съ придѣлами во имя св. Херсонскихъ чудотворцевъ и успенія св. Анны; въ 1830 г. на Пятницкомъ кладбищѣ, по завѣщанію купца Свѣшникова, во имя св. Троицы съ придѣлами преп. Параскевы и Сергія Радонежскаго; въ 1834 г. на Кадитниковскомъ кладбищѣ иждивеніемъ разныхъ жертвователей во имя Божіей матери всѣхъ скорбящихъ Радости съ придѣлами св. Николая и благовѣрнаго князя Александра Невскаго; въ 1839 г. на Дорогомиловскомъ кладбищѣ также иждивеніемъ разныхъ жертвователей, во имя Спасителя нерукотвореннаго образа съ придѣлами Владимірскія Божія Матери и преп. Елисаветы, и въ 1853 г. на Семеновскомъ кладбищѣ, иждивеніемъ купца Мушникова, во имя воскресенія Христова съ придѣлами во имя св. князя Владиміра и Божія Матери всѣхъ скорбящихъ Радости.

Вышеупомянутое положеніе св. Синода 1799 г. апрѣля 4, о пособіи вдовамъ и сиротамъ священнослужителей, въ 1823 г. августа 12 замѣнено особо организованнымъ учрежденіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. По правиламъ Попечительства доходы съ кладбищъ, по прежнему, обращаются на пособіе лицамъ духовнаго званія. Наемъ могилокопателей и сборъ денегъ за могилы и другіе предметы, по распоряженію Попечительства, производятся мѣстными священно-и церковно-служителями. Старосты церковные на кладбищахъ дѣйствуютъ только по хозяйству церковному, руководствуясь общею инструкціею приходскимъ церковнымъ старостамъ. Производится и полицейскій надзоръ надъ кладбищами, но только на общемъ основаніи, въ отношеніи благочинія и правильности рытія могилъ.

Въ 1848 г. издано печатное положеніе о предметахъ, требующихся при погребеніи усопшихъ, и о вкладахъ и приношеніяхъ за оное, по московскимъ городскимъ кладбищамъ. Мѣста для могилъ положеніемъ раздѣлены на 7 разрядовъ. Чѣмъ ближе къ церкви мѣсто на кладбищѣ, тѣмъ оно дороже. Бѣднякамъ по разрядамъ достались въ удѣлъ окраины кладбища. Печатное положеніе о московскихъ городскихъ кладбищахъ продается въ лавкѣ при Синодальной типографіи.

Московскія городскія кладбища занимаютъ хорошія мѣстности въ окрестностяхъ г. Москвы. Храмы Божіи на нихъ величественны, въ храмахъ повсюду благолѣпіе, при Богослуженіи стройное пѣніе, во всемъ чинъ и порядокъ. Но на пути къ нѣкоторымъ кладбищамъ развѣ покойники

не испытываютъ безпокойства, а сопровождающіе ихъ не только опасаются за цѣлость своихъ экипажей, но и въ своей безопасности не всегда увѣрены; кромѣ того всѣмъ извѣстенъ на пути къ кладбищамъ нестерпимый смрадъ, происходящій не отъ разложенія тѣлъ умершихъ, которыя на кладбищахъ зарываются глубоко, а отъ иныхъ причинъ. Кладбища обрыты канавами, извѣстными подъ именемъ вала; на многихъ кладбищахъ остаются современныя имъ дремучія березы, которыя по ветхости своей угрожаютъ паденіемъ; между могилами нѣтъ правильныхъ дорожекъ. И ежели вы не знали, какъ съ безопасностію доѣхать до кладбища, то, прибывши на кладбище, не знаете, какъ дойти до мѣста, гдѣ могила вашего покойника.

Ежели бы устроить ко всѣмъ кладбищамъ покойныя шоссе, вмѣсто канавъ обвести кладбища оградами, между могилами, по правиламъ искусства, разбить дорожки, вмѣсто дремучихъ березъ насадить тополей или хвойныхъ деревьевъ, которыя, по своей постоянной зелени, всего болѣе приличествуютъ кладбищамъ, тогда московскимъ жителямъ открылось бы большее удобство посѣщать покойниковъ, и кладбища сдѣлались бы лучшимъ украшеніемъ столицы.

Мы могли замѣтить, что за послѣднее время, по разнымъ предметамъ городского благоустройства, быстро пошли въ Москвѣ разныя улучшенія. Будемъ надѣяться, что не далеко очередь и до улучшенія московскихъ городскихъ кладбищъ.

Н. Розановъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ СНОВИДѢНІЯ.

Прочитавъ въ январской книжкѣ „Душеполезнаго Чтенія“ за нынѣшій годъ „о замѣчательныхъ сновидѣніяхъ“, которыми Господу Богу угодно было нѣкоторымъ изъ вѣрующихъ явить дѣйствіе Своего отеческаго промышленія о людяхъ, я вспомнилъ недавній рассказъ одной благочестивой и достойной довѣрія госпожи о бывшихъ ей назидательныхъ сновидѣніяхъ. Вотъ что она рассказала мнѣ: Еще въ юныхъ лѣтахъ мы четыре сестры остались круглыми сиротами. Заботу о воспитаніи насъ приняла на себя наша родная тетка, сестра матери нашей. Она ухаживала

за нами съ величайшею любовію и самоотверженіемъ; за то и мы любили ее крѣпкою любовію. Но едва мы стали становиться на ноги, какъ эта драгоценная для насъ родственница, вполне замѣнявшая собою намъ мать, послѣ непродолжительной болѣзни, скончалась. Можно себѣ представить, какъ велико было наше горе, какъ безотрадно было наше положеніе. Особенно была неутѣшна старшая сестра наша Софья, которая, по сходству ея лицомъ съ матерью нашею, пользовалась особенною любовію нашей тетушки. Смерть ея такъ потрясла здоровье сестры нашей, и безъ того очень слабое, что она только однимъ мѣсяцемъ пережила свою тетушку. Вскорѣ послѣ погребенія ея, сестра слегла въ постель и видимо приближалась къ могилѣ. Я, какъ старшая изъ остальныхъ сестеръ и особенно привязанная къ больной сестрѣ, рѣшилась ухаживать за ней одна. Однажды, послѣ не малой усталости отъ хлопотъ по уходу за больной, я рѣшилась уйти въ верхнюю комнату, чтобы тамъ отдохнуть. Лишь только я забылась, какъ мнѣ представилось, будто сестра моя умираетъ и я въ удивленіи сказала ей: „вотъ и ты умираешь“.. Но она отвѣчаетъ мнѣ: „нѣтъ, сегодня я не умру! нынѣ только 13-е число; тетушка моя скончалась 17-го; и я умру также 17-го числа“. — Встревоженная симъ свидѣніемъ, я рассказала о немъ другимъ сестрамъ; но онѣ не обратили вниманія на мои слова. — „Мало ли что видится во снѣ“, — замѣтила одна изъ сестеръ. Больной сестрѣ я не говорила о своемъ снѣ, опасаясь испугать ее. Но вотъ что удивило меня: какъ только я подошла къ больной, она спрашиваетъ меня: „ты помнишь, какой видѣла сонъ“? И этотъ вопросъ не однажды повторила мнѣ, такъ что я отъ удивленія и не знала, что отвѣчать ей. И дѣйствительно — сонъ, видѣнный мною, былъ не простою только мечтою. Октября 17-го дня, въ тотъ же самый часъ, въ который скончалась тетушка, и сестра наша отошла ко Господу кончиною мирною, христіанскою, съ пламенной молитвою на устахъ. Такъ какъ мы нѣжно любили ее, то, въ продолженіи сорока дней послѣ ея кончины, постоянно молились о ней и въ церкви и дома. Я особенно была занята мыслию о загробной участи умершей сестры. Наступилъ сороковой день послѣ кончины сестры, когда мы должны были, по обычаю, торжественно помянуть усопшую. Для сего мы пригласили нѣкоторыхъ изъ близкихъ намъ родственниковъ. Во время стола одна изъ пріѣхавшихъ къ намъ родственницъ рассказала намъ сонъ, видѣнный ею въ про-

шедшую ночь. Ей видѣлось, будто умершая наша сестра стоитъ въ свѣтломъ и величественномъ храмѣ въ бѣломъ, блистательномъ одѣяніи, съ бѣлою розою въ рукахъ предъ аналогіемъ, и вѣнчается съ кѣмъ-то. Сонъ этотъ глубоко запалъ въ мою душу. Что значить это вѣнчаніе и бѣлая роза въ рукахъ сестры? — думала я. Что значить это бѣлое одѣяніе? Когда разставшись съ ними ушла въ свою комнату и послѣ кратковременной молитвы легла въ постель, то первую мыслью моею была участь моей сестры за гробомъ и видѣнный сонъ о ней. Лишь только я заняла себя этою мыслию, какъ кто-то говоритъ мнѣ на это: бѣлая одежда покойной — это ея дѣвственная чистота, бѣлая роза въ рукахъ ея — это ея чистота сердца, вѣнчаніе — это ея союзъ со Христомъ; ибо сказано въ Евангеліи: *блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ.* — Очень утѣшилась я такимъ истолкованіемъ сна объ участи моей сестры, и на другой день я пошла въ храмъ Божій, чтобы тамъ поблагодарить Господа за такое утѣшеніе. Лишь только я вошла въ храмъ Божій, какъ здѣсь мое вниманіе привлекла одна икона, которой дотолъ я не замѣчала. Я увидѣла на большой иконѣ изображенную мученицу въ бѣломъ блистающемъ отъ свѣта одѣяніи съ бѣлою розою въ правой рукѣ, и надъ нею надпись: *блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ.* Доселѣ я не замѣчала подобной иконы. Чудное стеченіе обстоятельствъ! Въ семъ сновидѣніи и потомъ въ видѣнной наяву иконѣ не ясно ли Господь открылъ мнѣ, что и сестра моя, перешедшая въ другую жизнь кончиною христіанскою, отличавшаяся при жизни своей особенною набожностію и благочестіемъ, за свою дѣвственную чистоту удостоилась быть причтенною къ лику тѣхъ блаженныхъ душъ, которыя за чистоту сердца удостоились зрѣть Бога?

Священникъ Александръ Романовскій.

ИСЦѢЛЕНІЕ ОТЪ ГЛАЗНОЙ БОЛѢЗНИ ПО МОЛИТВАМЪ КЪ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦѢ.

Въ одномъ довольно многолюдномъ селѣ, священствовалъ въ недавнее время не очень ученый, но благоговѣйный священникъ. Онъ былъ глубоко и простосердечно

вѣрующимъ и свято хранилъ всѣ правила и уставы священнаго сана, всѣ законоположенія св. церкви, бдительно наблюдая за благочестіемъ и въ своихъ прихожанахъ. Обремененный многочисленнымъ семействомъ, служилъ онъ ему единственною опорой. Положеніе сельскихъ священниковъ, какъ извѣстно, и нынѣ не вполне блестящее, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ было еще тяжелѣе. Нелегко доставались имъ иногда скудныя средства къ существованію, и не мало претерпѣвали они отъ произвола своихъ прихожанъ, особенно въ селахъ владѣльческихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и приходъ означеннаго священника. Но кроткимъ своимъ нравомъ счумѣлъ онъ приобрести любовь владѣльца и прочихъ своихъ прихожанъ. Другіе на его мѣстѣ не проживали и году, а онъ жилъ ужъ другой десятокъ годовъ, какъ по волѣ Божіей, постигло его инаго рода бѣдствіе, угрожавшее и ему, и малолѣтнимъ его дѣтямъ крайнею нищетою. Поѣхавъ однажды зимней порой для напутствованія больнаго въ дальній хуторъ, священникъ сильно простудилъ себѣ голову и глаза. Сперва нестерпимая боль и шумъ въ головѣ не давали ему покоя, что продолжалось довольно долго; потомъ боль эта сосредоточилась въ полостяхъ лба, и у него начали чесаться и пухнуть глаза. Вдали отъ городовъ, за неимѣніемъ подъ рукою врача, онъ началъ сперва лечиться домашними простонародными средствами, что еще болѣе усилило его болѣзнь. На глазахъ его появилась съ краевъ какая-то кровавая плева, закрывшая вскорѣ собою весь правый глазъ, угрожавшая тѣмъ же и лѣвому. Бѣдному священнику видимо предстояла грустная участь слѣпца. Видя безнадежность своего положенія, рѣшился онъ отправиться для леченія въ губернской городъ, университетъ котораго славился въ то время искуснымъ врачомъ-окулистомъ. Съ великимъ трудомъ отслуживъ въ приходскомъ своемъ храмѣ напутственный себѣ молебенъ, сталъ онъ предъ мѣстною иконою Богоматери, и въ слезной молитвѣ вручилъ Ей свою семью. „Незнаю, ворочусь ли къ вамъ, мои дорогіе, говорилъ онъ своимъ малюткамъ-дѣтямъ, но вотъ вамъ мое завѣщаніе: молитесь Заступницѣ нашей, матери Божіей, и Она неоставитъ васъ своею милостію“. Далекю за околицу своего села, провожали своего батюшку усердные прихожане, желая ему отъ души полного выздоровленія. „Молитесь за меня, дѣти мои, просилъ онъ ихъ на прощаньи, молитесь, чтобы Господь помиловалъ меня, не ради меня грѣшнаго, а ра-

ди невинныхъ моихъ малютокъ-дѣтей“ . Прибывъ въ городъ, священникъ вскорѣ былъ принятъ въ университетскую клинику, гдѣ получилъ даже отдѣльный покой, и въ тотъ же день былъ подвергнутъ осмотру врача, который нашель у него какой-то особаго рода глазной катарактъ, и хотя не терялъ надежды его снять, но говорилъ, что подобная операція очень трудна и требуетъ большой осторожности, ибо нужно будетъ разрѣзать плеву, закрывавшую глаза, на самой ея серединѣ, и притомъ такъ, чтобы не повредить при этомъ зрачка. Для начала, снялъ онъ бѣдному страдалцу плеву съ лѣваго только глаза, незакрывавшую еще зрачка, но и при этомъ отъ сильной боли и испуга онъ совсѣмъ изнемогъ, такъ что дальнѣйшую операцію рѣшили отложить на слѣдующій день. Межь тѣмъ лѣвый глазъ больнаго, освободившійся отъ плены, опять сильно распухъ, и налившись кровью, причинялъ священнику сильную боль. Лежа въ темной комнатѣ, въ глубокой вечеръ, предался онъ горестнымъ чувствамъ: и одинокость безпомощной семьи, и горькая участь слѣпаго, представлялись ему въ будущемъ; сонъ не смыкалъ его глазъ. Чтобы сколько нибудь успокоить переполненную скорбными чувствами свою душу, священникъ прибѣгнулъ къ усердной молитвѣ, зная по опыту всю благотворность этого духовнаго врачевства. Спустившись съ своего ложа, сталъ онъ на колѣни, и началъ на память читать канонъ-параклисъ (а) Божіей Матери: глубокая темнота окружала его со всѣхъ сторонъ, ни шорохъ, ни говоръ людской не развлекали его молитвы, и тѣмъ живительнѣе лились изъ его устъ умиленные пѣснопѣнія и моленія къ Пресвятой Дѣвѣ. И какъ кстати имъ избранъ этотъ благодатный канонъ, какъ знаменательно звучали сердцу его слова: „Многими содержимъ напастьми, къ Тебѣ прибѣгаю спасенія искій, о мати Слова и Дѣво, отъ тяжкихъ и лютыхъ мя спаси!“ Усердна была его мольба, слезы изобильно струились при ней изъ болящихъ его очей, скорбные вздохи облегчали тяжесть его груди. Окочилъ молитвенникъ и канонъ; началъ онъ воспѣвать Богоматери слѣдующія за нимъ стихиры: „Отъ многихъ моихъ грѣховъ немоществуетъ тѣло, немоществуетъ и душа моя, къ тебѣ прибѣгаю благодатнѣй, Надеждо ненадежныхъ, Ты ми помози!“ И Надежда христіанъ презрѣла болѣзненнаго его возгла-

(а) Параклисомъ или параклисисомъ, называется молебный канонъ Богоматери, «поемый во всякой скорби душевной и обстояній».

са. Мгновенно ночная темнота разсѣялась передъ его глазами, и предстала ему благолѣпная Дѣва, въ царскомъ вѣнцѣ и порфирѣ, окруженная сіяніемъ неземнымъ. Въ страхѣ палъ передъ Нею молитвенникъ. „Матерь Божія! Матерь Божія!“ лепетали безсвязно его уста. „Да, я Матерь твоего Господа,— отвѣчала ему чудная Дѣва,— я слышала вопли твоихъ дѣтей, видѣла слезы твоей жены; я посѣтила ихъ и нашла на молитвѣ о твоемъ исцѣленіи; слышала и твой скорбный голосъ, и пришла тебя исцѣлить.“ Съ этими словами, пречистыми руками своими, коснулась Она болящихъ его очей, боль на мгновение сдѣлалась невыносимою и смѣнилась сейчасъ же совершеннымъ ея прекращеніемъ. Чудилось мнѣ, говорилъ впоследствии исцѣленный, что вырвала Она у меня съ корнями оба мои глаза, и замѣнила ихъ другими. Со страхомъ упалъ онъ послѣ того на полъ къ Ея стопамъ; приподнявшись же, не видаль уже предъ собою благодатной Цѣлебницы: лишь легкая свѣтоносная луча, замѣтная въ тмѣ ночной, означала мѣсто Ея явленія, но и та вскорѣ исчезла. Помолившись отъ глубины благодарной души къ явившей ему неизреченную милость Пресвятой Дѣвѣ, разбудилъ бывшій больной череднаго ординатора клиники, молодого врача, прося его осмотрѣть свои глаза, въ которыхъ не ощущалъ онъ прежней боли, такъ что самый свѣтъ принесенной зажженной свѣчи не причинялъ ему прежнихъ невыносимыхъ страданій, и зонтикъ для глазъ, бывшій ему дотолѣ необходимымъ, лежалъ теперь въ сторонѣ. Съ удивленіемъ смотрѣлъ на него позванный врачъ, недоумѣвая, тотъ ли это предъ нимъ стоитъ человекъ. „Да у васъ теперь и признака нѣтъ плевъ на глазахъ, они у васъ чисты и свѣтлы какъ и у меня. Что вы съ ними сдѣлали?“ спрашивалъ его ординаторъ, и не хотѣлъ вѣрить чудному его исцѣленію. И врачъ, дѣлавшій священнику операцію накануне, недоумѣвалъ глядя на его совершенно здоровые глаза. „Незнаю, чему приписать нынѣ нами видѣнное, сказалъ онъ при этомъ, чуду ли, если только возможны чудеса, или же дивному дѣйствию самой природы, котораго понять мы не можемъ.“ Но исцѣленный твердилъ одно, что его исцѣлила Матерь Божія, сильно укоряя при этомъ врачей въ ихъ невѣріи его словамъ. „Много высказалъ я имъ горькой правды тогда въ глаза, говорилъ онъ въ послѣдствіи, не знаю и самъ, откуда брались у меня тогда и слова, какое-то внутреннее влеченіе заставляло меня обличать пагубное ихъ заблужденіе; они же только межъ

собою говорили, что я отъ радости спятилъ съ ума.“ Вскорѣ священникъ этотъ возвратился домой къ своему приходу, и первымъ его дѣломъ по прїѣздѣ было собрать всю свою семью и идти съ нею во храмъ, гдѣ и былъ имъ отслуженъ съ глубокими чувствами и обильными слезами благодарственный молебенъ Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ, дивной и скорой Цѣлительницѣ болѣзни его. Священника этого случилось мнѣ самому видѣть въ послѣдствіи, и изъ собственныхъ его устъ выслушать разсказъ о его исцѣленіи. Глазною болью онъ послѣ того нестрадалъ, и лишь небольшая припухлость и краснота вѣкъ, остались у него отъ прежней болѣзни, какъ бы для всегдашняго памятованія оказаннаго ему Богоматерью милосердія.

Андрей Ковалевскій.

ДВѢ ПРИВѢТСТВЕННЫЯ РЪЧИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ МИТРОПОЛИТУ ИННОКЕНТІЮ, ПРИ ВСТРѢЧѢ ЕГО ВЪ КАЗАН- СКОМЪ СОБОРѢ, МАЯ 26-ГО ДНЯ, 1868 ГОДА. ^(а)

1-я Р Ѣ Ч Ъ ^(б).

Пустынный житель и въ тѣлеси ангелъ (в)! Мы радуемся, что Господь поставилъ Тебя *ангеломъ* нашей церкви (г), и нынѣ радостно срѣтаемъ Тебя, какъ благовѣстника небснаго, одушевляясь упованіемъ, что Ты и нашу пустыню (д) озаришь (е), согрѣешь (ж) и оплодотворишь (з) небснымъ свѣтомъ, благодатною теплотою и духоносною росю молитвъ твоихъ, что ты и словомъ и дѣломъ воззовешь и подвигнешь насъ къ божественной и Христоподрожательной жизни. *Благословенъ грядый во имя Господне* (и).

(а) Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій прибылъ въ Москву 25 мая. На другой день 26 мая, въ воскресенье, онъ изъ Казанскаго собора шествовалъ съ крестнымъ ходомъ въ Успенскій соборъ. Вступивъ въ Успенскій соборъ, архипастырь, приложився къ мѣстнымъ иконамъ и св. мощамъ, и воспріявъ посохъ, сталъ на амвонѣ и произнесъ первое слово къ своей новой паствѣ. Оно напечатано въ первомъ отдѣлѣ сей книжки.

(б) Сказана протоіереемъ собора А. Невоструевымъ.

(в) Троп. препод. (г) Апок. 1, 20. (д) Иса. 32, 16, 35, 1, 42, 11, 52, 9. (е) Иса. 44, 26. (ж) Пѣс. 2, 11. (з) Иса. 41, 18, 51, 3. (и) Пса. 117, 26.

2-я Р Ъ Ч Ъ ^(а).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Въ мимошедшіе дни Пятидесятницы святая Церковь предлагала изъ Апостольскихъ дѣяній чтеніе о томъ, какъ первоверховный Апостолъ Павелъ, послѣ своихъ Богопроповѣдническихъ путешествій, исполненныхъ трудовъ, нуждъ и лишеній, совершалъ путь съ востока на западъ, въ столицу тогдашняго міра, уже просвѣщенную свѣтомъ Христовымъ. Во время сего пути Апостолъ языковъ съ любовію былъ срѣтаемъ и провождаемъ вѣрующими въ Иисуса Христа, подавалъ имъ утверженіе въ вѣрѣ, возносилъ съ ними молитвы, и когда приблизился къ Риму, съ радостію былъ встрѣченъ тамошними христіанами, которые вышли къ нему за черту города. Увидѣвъ ихъ, Апостолъ возблагодарилъ Бога и ободрился и началъ съ дерзновеніемъ проповѣдывать царствіе Божіе и въ столицѣ міра находящимся тамъ мудрецамъ, какъ проповѣдывалъ варварамъ и невѣждамъ (Дѣян. 28, 31. Рим. 1, 14. 15).

Сіе священное сказаніе объ Апостолѣ языковъ напоминало намъ и представляло нашимъ мыслямъ Тебя и Твои великіе равноапостольные подвиги, Архипастырь и Отецъ нашъ! Подобно Апостолу языковъ Ты обтекъ съ евангельскою проповѣдью обширныя страны, возвѣщая истиннаго Бога, Творца неба и земли и Спасителя человѣковъ Иисуса Христа невѣдущимъ Его племенамъ; въ семъ апостольскомъ многолѣтнемъ служеніи перенесъ многообразныя труды и нужды, и нынѣ, изволеніемъ Божиимъ и Помазанника Божія, послѣ многочисленныхъ изъясненій и свидѣтельствъ общаго почтенія и любви къ Тебѣ на всемъ долгомъ пути Твоемъ, приходишь на святительское служеніе въ древнюю столицу Русскаго царства,—въ градъ сей, въ немже отъ лѣтъ древнихъ наречеса имя Христова,—и мы, всѣ чада Твои, срѣтаемъ Тебя и привѣтствуемъ съ такоюже радостію и любовію, съ какою христіане Рима срѣтали великаго Апостола.

Вѣруемъ и уповаемъ и радуемся, что Господь Иисусъ Христосъ въ Твоемъ пришествіи къ намъ, чрезъ Твои молитвы и священнодѣйствія, чрезъ Твое святительское

(а) Сказана ректоромъ моск. семинаріи, архимандритомъ Никодимомъ.

благословеніе, чрезъ Твое слово, дѣйствія и примѣръ открываетъ новые токи Своей благодати на паству Московскую, и что служеніемъ Твоимъ въ семь градъ паче и паче прославится имя Христово.

Да утѣшится и Твое отеческое сердце върою чадъ Твоихъ, ожидающихъ Твоего лицецарвія и благословенія.

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА АѢИНСКАГО КЪ МОСКОВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ФИЛАРЕТУ ПО СЛУЧАЮ ПОЖЕРТВОВАНІИ ЖИТЕЛЯМЪ КРИТА.

Высокопреосвященнѣйшаго и Боголюбезнаго Святаго Митрополита Московскаго Господина Филарета возлюбленнаго о Христѣ брата и сослужителя братски лобызаю.

Высокопреосвященнѣйшій! Православный голосъ православной Имперіи за единовѣрный народъ, несправедливо угнетаемый варварами, непримиримыми врагами нашей Православной Святой Церкви, тронулъ сердца всѣхъ Грековъ, исполнивъ ихъ восторгомъ и благодарностію къ Царю и благородному и храброму народу, неразрывно соединенному съ нами священными узами православной вѣры во Иисуса. Святой энтузіазмъ и божественная ревность Вашего Высокопреосвященства, подобная ревности великаго пророка Іліи, за православный страдальческій Критъ, ревность извѣстная намъ со всѣми подробностями, налагаетъ на насъ новый пріятный долгъ благодарности собственно къ Вашему Высокопреосвященству. И я, меньшій изъ служителей Господа, вѣрный истолкователь этихъ благородныхъ чувствъ нашего православнаго народа и благочестиваго клира, чувствую великую радость вслѣдствіе такого сочувствія и любви, потому что въ этомъ именно предвижу въ будущемъ несомнѣнное торжество православія. Наша святая Церковь, угнетаемая со всѣхъ сторонъ, для своего спасенія именно нуждается во взаимной любви православныхъ народовъ, въ ихъ сочувствіи и помощи.

Чувства, такъ явно выраженные въ великой, возлюбленной и родственной намъ Россійской Имперіи, и сіи же чувства, пустившія такіе глубокие корни въ твоёмъ православномъ и любвеобильномъ сердцѣ, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ, служатъ для насъ ручательствомъ

нашего торжества въ борьбѣ, послѣдняя цѣль которой есть слава Христа и Его Святой Каѳолической и Апостольской церкви. И такъ, Высокопреосвященнѣйшій и чело-вѣколюбивѣйшій Іерархъ, прими чрезъ меня, меньшаго о Христѣ брата и сослужителя, глубокую и вѣчную благодарность нашего православнаго народа и всего благочестиваго клира, благодарность, соединенную съ теплыми ко Господу нашему и Богу Іисусу Христу молитвами о здравіи и во всемъ благопоспѣшеніи всѣхъ православныхъ христіанъ, православно думающихъ и дѣйствующихъ.

Аѳинскій Митрополитъ Теофилъ.

Въ Аѳинахъ. 27 Января 1867 года.

(Переводъ съ греческаго письма).

ТРУДЫ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА, НАПЕЧАТАННЫЕ ВЪ ДУШЕПОЛЕЗНОМЪ ЧТЕНІИ БЕЗЪ ИМЕНИ ЕГО.

Почившій Московскій архипастырь, зорко слѣдившій за духовно-литературными произведеніями особенно въ своей епархіи, съ отеческимъ участіемъ относился и къ „Душеполезному Чтенію“. Редакція этаго изданія, предпринимая оное, затруднялась дать ему соотвѣтствующее его направленію имя. Мудрый архипастырь нарекъ предпринятое изданіе Душеполезнымъ Чтеніемъ и неоднократно напоминалъ редакціи, чтобъ она, при назначеніи сочиненій въ составъ изданія, обращала строгае вниманіе на то, соотвѣтствуютъ ли они задачѣ его—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, подходятъ ли подъ названіе *Душеполезнаго Чтенія*. Архипастырь выражалъ свое высокое участіе къ нашему изданію не одними руководственными замѣчаніями, но и вкладами отъ своихъ богомудрыхъ писаній. Одни изъ нихъ напечатаны по его предложенію, другія съ его дозволенія, одни съ его именемъ, другія безъ имени. Къ свѣдѣнію почитателей памяти великаго іерарха и особенно занимающихся собираніемъ и обзрѣніемъ матеріаловъ для описанія жизни и дѣятельности его, перечисляемъ здѣсь труды его, напечатанные въ Душеп. Чт. безъ имени его. Кто ихъ авторъ, объ этомъ точно знала одна редакція, другіе же или со-

всѣмъ не знали, или знали по однимъ слухамъ, либо догадкамъ.

1. „Выписка изъ письма московскаго священнослужителя въ Петербургъ, декабря 17 дня 1861 г. По вопросу о дополнительномъ молитвенномъ прошеніи въ московскихъ церквахъ“. Душеп. Чт. 1862 г. Ч. I, стр. 3—9.

2. „Мнѣніе о сельскихъ училищахъ, писанное въ 1850 году“. Душеп. Чт. 1862 г. Ч. I, стр. 50—63.

3. „Пѣсни изъ канона преподобнымъ Кириллу и Меѳодію“ (1 ирмосъ и 5 тропарей). Д. Чт. 1863 г. Ч. I, стр. 84—86.

4. „Пять писемъ къ искавшимъ совѣта. I. Отвѣтъ на вопросъ: *желаю спастися*. II. Готовящемуся къ исповѣди. III. Къ жаловавшемуся, что не можетъ молиться. IV. болящему. V. По вопросамъ о храмовомъ праздникѣ воскресенія Христова“. Д. Чт. 1864. Ч. II, стр. 170—177.

5. „Къ вопросившему о значеніи словъ книги Бытія: *се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ* и д.“ Душ. Чт. 1865. Ч. II, стр. 342—347.

6. „Отъ епископа протоіерею утѣшеніе“. Д. Чт. 1866 г., Ч. I, стр. 299 - 301.

7. „Вечерняя пѣснь путешественника“. Д. Чт. 1867 г., Ч. III. стр. 34—35.

Кромѣ того напечатанные въ Душеполезномъ Чтеніи переводы съ греческаго стихирь и ирмосовъ на праздни-ки: а) Благовѣщенія, б) Вай, в) Срѣтенія, г) Рождества Христова (1861 г. Ч. I и III), предварительно были значительно исправлены самимъ почившимъ митрополитомъ. Статья „о Замоскворѣчьѣ“, напечатанная въ III ч. Д. Чт. 1861 года, написана покойнымъ свящ. В. И. Лебедевымъ въ защиту добрыхъ замоскворѣцкихъ обычаевъ по предложенію митрополита и имъ значительно исправлена и дополнена. Такъ ему принадлежитъ въ сей статьѣ разсказъ о примѣрахъ благочестія и благотворительности замоскворѣцкихъ купцевъ, на стран. 319—320. 325—331. Статьи: а) „Духовные совѣты, мысли и опыты. Т. С“. (1861 ч. 3. стр. 169—127) и б) „Взирай на Иисуса“ (1865 ч. 3 стр. 271—286) даны митрополитомъ для напечатанія, тоже значительно имъ исправленные.

Ред.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ.

Съ чувствомъ искренняго благодаренія къ милостивымъ благотворителямъ, алтайская духовная миссія честь имѣеть объявить, что въ концѣ января и въ февралѣ получены ею и на приходъ въ шнутовую книгу записаны слѣдующія пожертвованія:

I. *Января 31 дня* изъ г. *Сычевки* (Смол. губ.) отъ *Семена Баушева*, въ вѣчное поминовеніе о здравіи: *Анны, Симеона, Надежды, Іоанна, Алексія и Анны*, — *одинъ рубль 1.*

II. *Февраля 9 дня*, изъ *Москвы* при отношеніи сотрудника алт. миссіи священника моск. Спиридоновской церкви о. *Николая Лаврова* отъ 10 января за № 10-мъ, а) на полугодичное содержаніе десяти учениковъ миссіонерскаго центральнаго училища, въ *Улалѣ*, *двадцать пять рублей*, въ число коихъ пожертвовано *А. Е. Шиповой* 10 р.; отъ неизвѣстныхъ 20 р., отъ *П. А. Мухановой* 25 р., отъ *А. С. Огаревой* 25 р., отъ *П. Е. Бѣдинова* 5 р. и отъ *Княг. О. А. Голицыной* 25 р., всего 110., а остальные 115 р. взяты заимообразно. Кромѣ сего *пятдесятъ рублей* изъ пожертвованной отъ *А. С. Огаревой* суммы, въ пособіе наставникамъ означ. центральнаго училища, *П. Ив. Макушину* и *Ив. В. Солодчину*, по 25 р.

III. Тогоже числа получено отъ о. *Николая Лаврова* *сорокъ пять рублей*, при отношеніи отъ 11 января за № 7, слѣдующаго содержанія: «вслѣдствіе напечатаннаго, въ *Душепол.* Читеніи письма ко мнѣ о. *Дометіана*, кромѣ прежде полученныхъ и пересланныхъ въ пользу бѣдныхъ *Кебезенцевъ*, нынѣ еще посылаю для пропитанія бѣднымъ *Кебезенцамъ* *двадцать рублей*: отъ рабы *Б. Ольги* 10 р., отъ неизв. изъ *Симферополя* 5 р. и отъ свящ. *Сабурова* 5 р.; кромѣ сего, на покупку хлѣба для пропитанія бѣднѣйшихъ изъ *новокрещенныхъ* другихъ становъ, (кромѣ *Кебезенскаго*) *двадцать пять рублей*, полученныхъ мною отъ благотворителей, пожелавшихъ остаться неизвѣстными.— О, еслибы эта лепта, вызванная сердечнымъ участіемъ къ страдающимъ отъ голода, могла принести хотя малое облегченіе нѣкоторымъ страдальцамъ, и утѣшеніе въ увѣренности, что есть имъ сочувствующіе и желающіе сколько нибудь облегчить ихъ бѣдственную участь.»

IV. *Февраля 28 дня* получены, при отношеніяхъ его же о. Николая Лаврова отъ 22 января за № 13, и 29 января за № 15, слѣдующія книги для миссіонерскаго центрального училища: 1) Священная исторія В. и Н. зав. (г. Богословскаго) въ 2-хъ кн. 2) Разказы изъ Исторіи христ. церкви, 2 кн. въ 3-хъ ч. 3) Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской св. Д. Соколова, 2 ч. 4) Исторія В. и Н. зав. (Зонтагъ) 2 ч. Кромѣ сихъ: 1) Домашн. Бесѣда за 1867 г. пожертвованная княг. Пелагіей Сергѣевой г. Лукошеной; 2) 5. экз. Крестныхъ календарей на 1868 г., 3) 30 экз. таковыхъ же календарей за 1867 г. 4) 1. экз. собранія записокъ Алтайскихъ миссіонеровъ и 180 разныхъ брошюръ, отчетовъ и свѣдѣній изъ алтайской миссіи.

При семъ имѣю удовольствіе засвидѣтельствовать мою сердечную признательность и искреннее благодареніе А. С. Огаревой и П. А. Мухановой, за ихъ милостивое пособіе, посредствомъ о. Николая Лаврова оказанное мнѣ и многочисленному семейству моему, при столь стѣснительномъ положеніи драгоцѣнное. Имѣю священнымъ долгомъ, при служеніи Божественной литургіи, всегда творить поминовеніе о здравіи и спасеніи р. Б. Александры, Анны, Вѣры и Маріи и о упокоеніи Николая, мл. Николая, Сергія, Петра и Димитрія; Сергія, Анны, Василія Михайла, Михайла, Іоанна, Маріи, Петра, Евдокіи, Екатерины и Агриппины.

Помощникъ начальника Алтайской духовной миссіи

Миссіонеръ Протоіерей С. Ландышевъ

1868 года, апрѣля 6 дня с. Улага.

1. Въ канцеляріи Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Архіепископа харьковскаго и актырскаго, продются слѣдующія его сочиненія: 1) Введеніе въ православное богословіе. Изданіе третье, 1863 года. Цѣна 2 руб. съ пересылкою. 2) Православно-догматическое богословіе Т. I и II. Изданіе третье, 1868 года. Цѣна 6 руб. съ пересылкою. 3) Исторія христіанства въ Россіи до равно-апостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію Русской церкви. Второе, исправленное изданіе 1868 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою. 4) Исторія Русской церкви. Т. I, II и III. Второе, исправленное изданіе 1868 г. Цѣна 5 р. съ пересылкою; а т. IV и V, изданіе 1866 г. цѣна 4 руб. съ пересылкою. 5) Слова и Рѣчи. Т. I-й и II-й. Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

2. Журналъ «ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ», издаваемый при кievской Духовной Академіи, продолжается и въ 1868—69 (XXXII) году, который начинается *днемъ св. Пасхи*. Частныя задачи этого изданія, которыя усвоены имъ въ послѣдніе годы, состоятъ въ приспособленіи журнала къ со-

временнымъ потребностямъ *народно-пастырскаго учительства и христіанско-народнаго образованія.*

Журналъ выходитъ по прежнему еженедѣльно съ праздника св. Пасхи, нумерами въ печатный листъ и болѣе. *Цѣна за годовое изданіе Воскреснаго Чтенія безъ пересылки и доставки три руб. сер., съ пересылкою во весь городъ и доставкою на домъ въ Кіевъ четыре р. с.* Также ц. этого журнала за ХХІХ (1865—66), ХХХ (66—67), ХХХІ (67—68) г. Подписка принимается преимущественно въ редакціи журнала при Кіевской Духовной Академіи, а также въ Москвѣ у книгопродавца А. Н. Феррапонтова, въ С.-Петербургѣ у С. Ш. Литова.

3. Вышла изъ печати ІV книжка **ЧТЕНІЙ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХ. ПРОСВѢЩЕНІЯ** и продается по 1 р. за экз., съ пересылкою, въ *Москву:* въ епархіальной библіотекѣ, въ книжныхъ лавкахъ: Феррапонтова, Соловьева, Салаева и въ складѣ Русская Грамота; въ *Петербургѣ:* у Кораблева и Сиракова. Содержаніе Чтеній: I. Сличеніе сказаній евангелистовъ о воскресеніи и явленіяхъ І. Христа. II. Письмо къ нѣкому старообрядцу поморскаго согласія о необходимости исповѣди предъ іереями въ церкви. Свящ. І. Виноградова. III. Матеріализмъ и точная наука. Д. К—на. IV. О крестныхъ ходахъ въ Москвѣ. Н. Розанова. V. Оглавленіе Четеней Миней. Свящ. І. Милютинъ. Іером. Іосифа. VI. Обществу Любителей Дух. Просвѣщенія. Н. Сушкова. **МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ФИЛАРЕТА М. МОСКОВСКАГО.** I. О матеріалахъ для біографіи Филарета М. М. С. М. Б. II. Послужный списокъ Ф. М. М. III. Шесть проповѣдей Вас. Мих. Дроздова. IV. Предписанія М. Филарета Московскому духовенству. V. Воззванія его къ духовенству. VI. 30 писемъ М. Ф. къ разнымъ лицамъ. VII. Рѣчь Архимандрита Кирилла. VIII. Изъ записокъ Архим. Фотія о М. Филаретѣ.

4. У всѣхъ Московскихъ книгопродавцевъ можно получать книги: 1) **КРУГЪ ПОДВИЖНЫХЪ ПРАЗДНИКОВЪ ЦЕРКВИ** (провѣдн на дни постной и цвѣтной тріодн) Арх. Антонина, въ двухъ частяхъ, за 1 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города за 2 р. 2) **ПЯТЬ ДНЕЙ НА СВ. ЗЕМЛѢ И ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ** его же соч. за 35 к., съ пересылкою 50 к. 3) **ЗАМѢТКИ ПОКЛОННИКА СВ. ГОРЫ (Аѳона)**, его же соч. за 75 к. съ пересылкою за 1 р.—Иногородные могутъ выписывать сіи книги также отъ Протоіерея Никитской церкви Платона Капустина. За всѣ выѣсты прилагають 3 руб.

5. Вышелъ **ВТОРЫМЪ** изданіемъ **ПЕРЕВОДЪ ПОВСЕДНЕВНЫХЪ МОЛИТВЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ**. Кіевъ. 1868 года. Въ типографіи Давиденка. 44 страницы текста и четыре литографированныя изображенія. Цѣна 10 коп. съ пересылкою. Можно получать въ Полтавѣ у законоучителя губернской гимназіи.

6. **СОЧИНЕНІЯ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА ЧЕРНИГОВСКАГО** поступили въ продажу по уменьшенной противъ прежняго цѣнѣ: 1) Православное Догматическое Богословіе въ 2-хъ частяхъ. Цѣна, вмѣсто 3 р., 2 р. 50 к., съ пересылкою. 2) Исторія Русской Церкви въ 5 періодахъ. Цѣна, вмѣсто 3 р. 60 к., 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. Отдѣльно за 5-й періодъ 70 к. 3) Обзоръ Русской Д. Литературы въ 2-хъ отдѣленіяхъ. Цѣна вмѣсто 3 р. 50 к., 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб. 4) Русскіе Святые за всѣ 12 мѣсяцевъ. Цѣна, вмѣсто 6 р. 4 р., съ перес. 5 р. Отдѣльно за каждый мѣсяць 50 коп. 5) Святые Южныхъ Славянъ въ 2-хъ отдѣленіяхъ. Цѣна вмѣсто 1 р. 50 к., 1 р. 40 к., съ перес. 6) Бесѣды о страданіяхъ Спасителя. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., вмѣсто 2 р. 80 к. 7. Слова и Бесѣды въ 4 частяхъ. Цѣна 2 р. 60 к., съ перес. вмѣсто 3 р. 60 к. 8) Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви (въ сокращеніи). Цѣна 50 к. съ пер. вмѣсто 1 р. 25 к. 9) Опытъ объясненія на посланіе Апостола Павла къ Галатамъ. Цѣна 75 к. съ перес. вмѣсто 1 р. 10) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви. Цѣна 1 р. 25 к. съ пер. вмѣсто 1 р. 50 сер. 11) Лугъ духовный. Цѣна 1 р. съ перес. вмѣсто 1 р. 50 к., 12) Описание харьковской епархіи въ пяти отдѣленіяхъ. Цѣна 3 р. съ перес. вмѣсто 3 р. 75 к. 13) Общій обзоръ черниговской епархіи. Цѣна 75 к. съ перес. вмѣсто 1 р. 14) Историкостатистическое описаніе чернигов. епархіи. Цѣна 50 к. съ пер. вмѣсто 75 к. 15) Черниговъ. Цѣна 25 коп. вмѣсто 30 к. 16) Крупницкій батуриинскій монастырь. Цѣна 30 к. съ перес. вмѣсто 40. к. Выписывающіе 10 и болѣе экземпляровъ пользуются уступкою по 10%, съ рубля. Выписывающіе обращаются съ своими требованіями въ г. Черниговъ, къ *Наставнику Черниговской Духовной семинаріи Фёдору Ивановичу Дмитревскому.*

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА XXIV *.

Вторая половина царствованія Іоанна IV. — Послѣдніе дни св. Германа Казанскаго. — Священномученикъ Филиппъ митрополитъ. — Разгромъ Новгорода; преп. Арсеній затворникъ и прав. Никола Салось. — Преподобномученикъ Корнилій Псково-печерскій. — Прославленіе мощей св. Никиты Новгородскаго и чудо въ Нарвѣ. — Явленіе Богородичной иконы въ Казани. — Заступленіе Богоматери во время достославной осады Пскова. — Антоній Посевинъ и происки папиама. — Сыноубійство. — Смерть Грознаго царя.

Страшно слѣдить за состояніемъ души человѣческой, когда она, предавшись вполнѣ влеченію страстей и похотей, ничѣмъ несдерживаемыхъ, никогда не укрощаемыхъ, не внимая ни голосу совѣсти, ни прещеніямъ слова Божія, направляется къ погибели путемъ беззаконій! Трудно и медленно поднимается человѣкъ на высоту, по узкому пути добродѣтелей, подъ игомъ Христовымъ и бременемъ креста (хотя — при всесильной помощи Господа-Спасителя — это иго дѣлается благимъ и это бремя легкимъ). Но какъ быстро, безъ усилій и напряженій, подобно безжизненному тѣлу, увлекаемому своею собственною тяжестью, стремятся въ бездну тѣ несчастные, которые пошли широкимъ путемъ пагубы! Поразительный примѣръ такого внезапнаго, бѣдственнаго, при-

(*) Предшествующія главы см. въ книжкахъ Душеп. Чтенія 1865, 1866 и 1867 годовъ.

водящаго въ ужасъ паденія представляетъ намъ личность царя Іоанна Васильевича, котораго наши лѣтописцы прозвали Грознымъ, а современники иностранцы — Мучителемъ.

Іоаннъ родился съ пылкимъ сердцемъ, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной вѣрѣ: ибо самыя дерзкіе развратители царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу изъ сѣтей вѣги, и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили этотъ прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Царь пересталъ чувствовать потребность въ руководствѣ, обнаруживалъ холодность къ Адашеву и Сильвестру, вѣроятно помня, что они благопріятствовали князю Владиміру во время болѣзни царской. Скоро не стало ихъ при дворѣ Іоанна^(а); враги прежнихъ любимцевъ восторжествовали и заочно оклеветали ихъ предъ государемъ: увѣрили его, что Сильвестръ и Адашевъ извели царицу ядомъ или чародѣйствомъ. Нашлись новые любимцы, которые умѣли угодить Іоанну пирами и развратомъ. Новый бракъ съ злонравною черкешенкою^(б),

(а) Замѣтивъ немилость царскую, Адашевъ перешелъ на ратную службу и съ успѣхомъ воевалъ въ Ливоніи, а Сильвестръ удалился въ Кирилловъ Бѣловерскій монастырь и тамъ постригся. Когда оба осуждены были заочно въ Москвѣ, Адашевъ былъ заключенъ въ тюрьму, въ Дерптѣ, гдѣ и умеръ, а Сильвестръ заключенъ въ Соловки.

(б) Лѣтописцы увѣряютъ, что вторая жена Грознаго царя, Марія, изъ рода Черкесскихъ князей, много содѣйствовала злымъ своимъ нравомъ, къ развитію лютости Іоанна. Чрезъ

еще болѣе развилъ въ сердцѣ его подозрительность и злобу на бояръ, которыхъ почиталъ онъ измѣнниками; полилась кровь ручьями; появились пытки и казни неслыханныя. Въ порывѣ непонятнаго изступленія, Грозный царь раздѣлилъ всю державу Русскую на двѣ части: одну назвалъ своею собственностію или «опричиною», въ которую включилъ многіе города и участки самой столицы, подъ личнымъ управленіемъ; другую, съ именемъ «земщины», поручилъ боярамъ, жертвуя ею во всѣхъ случаяхъ своей опричинѣ. Онъ окружилъ себя ватагою буйныхъ людей, обтекалъ города и села, предавая ихъ огню, мечу и насилію, такъ что страшные его опричники прослыли кромѣшниками въ народѣ, какъ будто они исторглись изъ тьмы кромѣшной. Избѣгая столицы, въ Александровской слободѣ ^(в) устроилъ онъ себѣ келліи, палаты съ крестовою великолѣпною церковью, и обнесъ ихъ оградою на подобіе обители; тамъ въ мантіи иноческой, (которою, какъ бы на поруганіе, облекъ и свою кровожадную братію) ревностно исполнялъ онъ весь уставъ церковный, чтобы заглушить совѣсть, молясь и карая, изъ храма выходя на пытки: странная игра человѣческаго сердца! Благочестивые навыки дѣтства, всосанные съ молокомъ кормилицы, набожность внѣшняя обратившаяся ему въ природу, безъ отчета и отголоска въ сердцѣ, пробивались всюду сквозь

8 лѣтъ она умерла, и царь ненасытный въ плотскихъ наслажденіяхъ, былъ женатъ еще нѣсколько разъ; четвертый бракъ былъ разрѣшенъ ему соборомъ святителей 29 апрѣля 1572 года съ наложеніемъ епитиміи. (Акты Археогр. Экспед. т. 1. № 284. стр. 329.)

(в) Александровская слобода (теперь Александровъ, уѣздный городъ Владимірской губерніи) находится въ 112 верстахъ отъ Москвы. Тамъ сохранились донынѣ двѣ церкви, построенныя Грознымъ царемъ; съ подземными ходами подъ одной изъ нихъ. Онѣ принадлежать теперь къ дѣвичьему монастырю.

жестокую, грубую оболочку страстей, которая сдѣлалась второю природою Іоанна.

Отъ мрачной подозрительности и лютой Грознаго царя страдала не только держава Русская, но и Церковь.

Преемникъ приснопамятнаго митрополита Макарія, кроткій, но слабый духомъ и тѣломъ, Аѳанасій ^(г) не могъ вынести страшнаго зрѣлища казней и жестокостей и оставилъ кафедру. Іоаннъ, какъ будто бы заботясь о благѣ церкви, пожелалъ видѣть первосвятителемъ св. Германа, архипастыря Казанскаго, но когда нареченный митрополитъ, предъ поставленіемъ на кафедру Московскую и всея Руси, осмѣлился говорить царю о страшномъ судѣ Божіемъ, предъ которымъ должны отдать отчетъ всѣ, подданные и цари, и предъ которымъ страшно будетъ презрителямъ закона Божія, кто бы они ни были — Іоаннъ съ безчестіемъ изгналъ праведника изъ митрополичьяго дома ^(д).

(г) При посвященіи Аѳанасія въ санъ митрополита, былъ возложенъ на него, по соборному опредѣленію, бѣлый клобукъ «съ рясами (воскриліями) и съ херувимомъ». До того одни владыки Новгородскіе носили бѣлый клобукъ, какъ отличіе, данное св. архіепископу Василию патріархомъ Цареградскимъ Филоеємъ. Въ соборной грамотѣ упомянуто, что св. митрополиты Петръ и Алексій и нѣкоторые древніе святители изображаются на иконахъ въ бѣлыхъ клобукахъ.

(д) Св. Германъ не былъ отпущенъ на епархію, но тайно содержался въ заключеніи. Впрочемъ онъ былъ на посвященіи св. Филиппа и скончался въ Москвѣ 6 ноября 1567 года, во время мороваго повѣтрія. Мощи его были погребены въ церкви св. Николая (по прозванію Мокраго). Въ 1595 году Свіяжскіе граждане выпросили у царя Θεодора дозволеніе перенести св. тѣло архипастыря ихъ въ Свіяжскъ. Архіепископъ Гермогенъ свидѣтельствовалъ и нашедъ нетлѣнными мощи святителя. Когда ставили ихъ (25 сент.) въ алтарѣ созданнаго имъ монастырскаго храма: то не только въ церкви, но и по всей обители разлилось благоуханіе. Тогда же истекли отъ нихъ исцѣленія нѣсколькимъ

Тогда выборъ царскій, конечно не безъ воли Божіей, палъ на пустыннаго подвижника, настоятеля обители Соловецкой, извѣстнаго Іоанну еще въ дѣтскомъ его возрастѣ и нѣкогда имъ любимаго. Это былъ игумень Филиппъ изъ боярскаго рода Колычевыхъ. Онъ принадлежалъ къ семейству знатному по заслугамъ предковъ и искренно благочестивому. Бояринъ Степанъ Ивановичъ, былъ любимъ в. к. Василиемъ, какъ доблестный и заслуженный воевода; жена его Варвара была набожна и сострадательна къ бѣднымъ. Сынъ ихъ Теодоръ (мірское имя Филиппа) получилъ лучшее воспитаніе въ духѣ того времени: онъ учился грамотѣ по церковнымъ книгамъ, пріобрѣлъ и сохранилъ до конца жизни любовь къ душеспасительному чтенію ^(е). В. к. Василій взялъ Теодора Колычева ко двору и юный Іоаннъ полюбилъ его. Но въ малолѣтство Іоанна жизнь при дворѣ была вдвойнѣ опасна: опасна для жизни отъ крамоль боярскихъ, опасна для сердца отъ разврата. Горькая судьба, постигшая родственниковъ Теодора ^(ж), не могла не подѣйствовать на его сердце: юноша живо почувствовалъ грѣховность и пустоту свѣтской жизни. Въ одинъ воскресный день (5 іюня 1537 года), случилось ему во время литургіи слышать слова Спасителя: «никтоже мо-

больнымъ, въ томъ числѣ прозрѣли два слѣнца. Теперь мощи св. Германа почиваютъ въ соборной церкви Свіяжскаго монастыря, въ серебряной ракѣ.

(е) Въ то время даже многіе изъ знатныхъ бояръ не знали грамоты. Такъ видимъ въ одной грамотѣ 1566 года: «а Шереметевъ и Чеботовъ рукъ къ сей грамотѣ не приложили, что грамотѣ не умѣютъ». (Собр. госуд. грамотъ и договоровъ ч. 1. стр. 356.)

(ж) Колычевы пострадали за преданность князю Андрею (дядѣ царя Іоанна въ суровое правленіе в. княгини Елены. Одинъ изъ нихъ былъ повѣшенъ, другой пытанъ и долго содержался въ оковахъ.

жетъ двѣма господинома работати.» Божественныя слова такъ поразили его, что онъ рѣшился навсегда разстаться съ міромъ. Это было на 30-мъ году жизни его.

Теодоръ тайно, въ одеждѣ простолюдина, удалился изъ Москвы и близъ озера Онеги въ деревнѣ Хижакъ пробылъ нѣсколько времени въ занятіяхъ селянина, чтобъ остаться незамѣченнымъ въ случаѣ поиска; потомъ явился въ Соловецкую обитель, не знаемый никѣмъ, и принялъ на себя суровыя работы: сынъ знаменитыхъ и славныхъ родителей рубилъ дрова, копалъ въ огородѣ землю, работалъ на мельницѣ и на рыбной ловлѣ. Испытанный въ теченіи полутора года, Теодоръ Колычевъ постриженъ по желанію своему въ монашество съ именемъ Филиппа и отданъ подъ надзоръ опытному старцу Іонѣ Шамину, собесѣднику преп. Александра Свирскаго. Игуменъ Алексій послалъ новаго инока въ монастырскую кузницу, и Филиппъ колотилъ желѣзо тяжелымъ молотомъ; потомъ заставили его работать въ хлѣбнѣ. Вездѣ Филиппъ оказывался лучшимъ послушникомъ; не смотря на тяжелую работу, онъ никогда не оставлялъ церковной молитвы — первымъ являлся въ храмѣ и послѣднимъ выходилъ изъ него. Послѣ девятилѣтнихъ подвиговъ, смиренный послушникъ, по единодушному желанію всей братіи, посвященъ въ санъ игумена (въ 1548 году) и много потрудился для обители преп. Зосимы и Савватія ^(а).

Таковъ былъ новый избранникъ, вызванный въ Москву на престолъ митрополіи! Первый взглядъ на царя долженъ былъ произвести тяжкое впечатлѣніе на благочестиваго игумена: безпокойный, раздражительный видъ, злобѣщій огонь нѣког-

(а) Труды св. Филиппа въ званіи игумена Соловецкаго подробно изложены въ сочиненіи преосв. епископа Леоніада: «жизнь св. Филиппа митрополита». (Душепол. Чтеніе 1861 г. ч. II. стр. 53—83).

да ясныхъ очей; внезапная, ранняя потеря волосъ — должны были высказать опытному старцу всю несчастную повѣсть души царевой, пожираемой страстями. Царь надѣялся, что найдетъ въ Филиппѣ совѣтника, который ничего не имѣетъ общаго съ мятежнымъ, по мнѣнію Іоанна, боярствомъ, какъ удаленный отъ него сначала образомъ мыслей и правилами воспитанія, потомъ монашествомъ на островѣ Бѣлаго моря. Самая святость Филиппа должна была служить укоромъ для бояръ, въ глазахъ царя, недостойныхъ и нечестивыхъ. Іоанну казалось, что если онъ вручить подобному человѣку жезлъ первосвятительскій, то угодить Богу ревностію къ благу Церкви и себѣ доставить надежнаго молитвенника и духовнаго утѣшителя. Притомъ онъ могъ надѣяться, что смиренный отшельникъ не станетъ вмѣшиваться въ дѣла правленія, а сія добродѣтелью, будетъ и царя освѣщать ею въ глазахъ народа. Онъ принялъ Соловецкаго игумена съ честію, говорилъ и обѣдалъ съ нимъ дружески; наконецъ объявилъ, что желаетъ видѣть его на каедрѣ митрополита. Филиппъ долго не соглашался принять высокій санъ. «Не могу, говорилъ онъ со слезами, принять на себя дѣло, превышающее силы мои, отпусти меня Господа ради; зачѣмъ малой ладѣй поручать тяжесть великую?» Царь настаивалъ на своемъ. Филиппъ объявилъ наконецъ, что исполнитъ волю царя, но съ тѣмъ, чтобъ уничтожена была опричнина, отъ которой страдаетъ держава Русская. Іоаннъ отвѣчалъ, что опричнина нужна для царя и для царства, что противъ него всѣ злоумышляютъ. Святители уговорили Филиппа согласиться на волю гнѣвнаго царя: «не вступаться въ дѣла двора и опричнины, послѣ поставленія не удаляться съ митрополіи за то, что царь не уничтожилъ опричнины, но совѣтоваться съ царемъ какъ совѣтовались прежніе митрополиты». Такимъ образомъ св. Филиппъ оставилъ за своею совѣстію сво-

боду и долгъ печаловаться за невинно-гонимыхъ и говорить о правдѣ евангельской ^(и). Въ первое за тѣмъ время дѣла шли спокойно. Развратная опричнина притихла, опасаясь пустынного святителя. Царь осыпалъ его ласками и вниманіемъ уважительнымъ. Москва радовалась, увидя тишину съ появленіемъ новаго митрополита.

Въ послѣдней половинѣ 1567 года снова поднялись дѣла опричнины, доносы, клеветы, убійства, грабежи; особенно по возвращеніи изъ безуспѣшнаго похода литовскаго, царь былъ въ сильномъ раздраженіи и этимъ пользовались злодѣи. Надъ стонами невинныхъ смѣялись они и предавались гнуснымъ дѣламъ. Уже многіе знатнѣйшіе бояре сложили головы, кто въ Москвѣ, кто по городамъ; одни въ истязаніяхъ, другіе, подъ ударомъ топора, на плахѣ, нѣкоторые пали отъ собственной руки Іоанна. Уже не только вельможи мнимо-опасные, но и мирные безвѣстные граждане, страшась наглости кромѣшниковъ, были въ отчаяніи, запирались въ домахъ, и Москва какъ будто замерла отъ ужаса; опустѣли площади и улицы столицы. Среди страшнаго безмолвія, несчастные ожидали только, не раздастся ли за нихъ единственный спасительный голосъ — голосъ Филиппа... Между тѣмъ митрополитъ убѣждалъ владыку Новгородскаго Пимена и дру ихъ епископовъ стать за правду предъ лицомъ гнѣвнаго государя. Но уже не было въ живыхъ св. Германа Казанскаго «непобѣдимаго о Бозѣ ревнителя»; прочіе трепетали отъ малолушія. Тогда ревностный первосвятитель не устранился и одинъ, безъ помощниковъ, вступать въ подвигъ: онъ отправился увѣщевать Іоан-

(и) Право «печалованія» или заступничества за осужденныхъ и гонимыхъ искони принадлежало святителямъ Русскимъ. Въ грамотахъ самаго Іоанна и отца его читаемъ: «для отца своего митрополита» государь прощаетъ. (Допол. къ акт. истор. т. 1. № 52 и 62. Акты историч. т. 1. № 158, 175 и др.)

на въ Александровскую слободу, — эту берлогу разврата и злодѣйствъ. «Державный царь! говорилъ онъ наединѣ Іоанну, — облеченный саномъ самымъ высокимъ, ты долженъ болѣе всѣхъ чтить Бога, отъ котораго принялъ державу и вѣнецъ; ты образъ Божій, но вмѣстѣ и прахъ. Властелинъ тотъ, кто владѣетъ собою, не служитъ низкимъ похотямъ, и не волнуется, въ самозабвеніи, собственную державу». Іоаннъ закипѣлъ гнѣвомъ и сказалъ: «что тебѣ чернецу до нашихъ царскихъ дѣлъ?» Святитель отвѣчалъ: «по благодати св. Духа, по избранію священнаго собора и по вашему изволенію, я — пастырь Христовой церкви. Мы съ тобою должны заботиться о благочестіи и покоѣ православнаго христіанскаго царства». «Молчи», сказалъ Іоаннъ.» Молчаніе неумѣстно теперь, продолжалъ святитель: оно размножило бы грѣхи и пагубу. Если будемъ выполнять произволы человѣческіе: какой отвѣтъ дадимъ въ день пришествія Христова? Господь сказалъ: «да любите другъ друга; больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя. Аще въ любви Моей пребудете, воистину ученицы Мои будете». Твердый начетчикъ книжный, Іоаннъ отвѣчалъ словами Давида: «искренніи мои прямо мнѣ приближишася и сташа и ближніи мои отдалече мене сташа и нуждахуся ищущіи душу мою, ищущіи злая мнѣ». «Государь! сказалъ святитель, надобно различать добрыхъ людей отъ худыхъ: одни берегутъ общую пользу; другіе говорятъ тебѣ неправду, по своимъ видамъ: грѣшно не обуздывать людей вредныхъ, пагубныхъ тебѣ и царству; пусть водворится любовь на мѣстѣ раздѣленія и вражды». «Филиппъ! сказалъ Іоаннъ, не прекословъ державѣ нашей, чтобы не востигъ тебя гнѣвъ мой, или оставь митрополію». «Я не посылалъ, отвѣчалъ святитель, ни просьбы, ни ходатаевъ и не наполнялъ ни чьихъ рукъ деньгами, чтобы полу-

чить санъ святительскій. Ты лишилъ меня пустыни моей. Твори, какъ хочешь».

Съ того времени опричники стали настойчиво вооружать царя противъ митрополита. Царь возвратился въ Москву и казни возобновились. Къ святителю приходили вельможные и простые, и со слезами умоляли его о защитѣ. Святитель утѣшалъ несчастныхъ словами евангелія: «Дѣти! говорилъ онъ, Господь милостивъ! Онъ не посылаетъ искушеній болѣе, чѣмъ можемъ понести; надобно быть и соблазнамъ, но горе тому, къмъ соблазнъ приходитъ. Все это, случилось съ нами по грѣхамъ нашимъ, для исправленія нашего; да и счастье обѣщано намъ не на землѣ, а на небѣ». Въ крестополонное воскресенье (2 марта 1568 года) царь пришелъ въ храмъ соборный. Онъ и опричники были въ черныхъ одеждахъ съ высокими шлыками на головахъ и съ обнаженными оружіями. Іоаннъ подошелъ къ митрополиту, стоявшему на своемъ мѣстѣ, и ждалъ благословенія. Святитель безмолвно смотрѣлъ на образъ Спасителя. Опричники сказали: «Владыко! государь предъ тобою, благослови его». Филиппъ взглянувъ на Іоанна, сказалъ: «государь! кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и исказивъ благолѣпіе твоего сана? Ни въ одеждѣ, ни въ дѣлахъ — не видно царя. У татаръ и язычниковъ есть законъ и правда, а на Руси нѣтъ правды; въ цѣломъ свѣтѣ уважаютъ милосердіе, а на Руси нѣтъ состраданія даже для невинныхъ и правыхъ. Убойся, государь, суда Божія. Сколько невинныхъ людей страдаетъ! Мы здѣсь приносимъ жертву безкровную Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская! Грабежи и убійства совершаются именемъ паря». Іоаннъ распалился гнѣвомъ и сказалъ: «Филиппъ! ужели думаешь перемѣнить нашу волю? Не лучше ли быть тебѣ однимъ съ нами мыслей?» «Къ чему же вѣра наша?» отвѣчалъ святитель. Не жалѣю я тѣхъ, которые

пострадали невинно: они мученики Божіи: но скорблю за твою душу». Іоаннъ пришелъ въ неистовство и грозилъ казнями: «Намъ ли противишься ты? Увидимъ твердость твою!» «Я пришлецъ на землѣ, какъ и всѣ отцы мои, тихо отвѣчалъ святитель, — готовъ страдать за истину». Внѣ себя отъ ярости, Іоаннъ вышелъ изъ храма. Предъ соборъ епископовъ явился чтець съ гнусною клеветою на святителя. Новгородскій владыка Пименъ, унижавшійся предъ царемъ, сказалъ въ слухъ другихъ: «Митрополитъ царя обличаетъ, а самъ дѣлаетъ гнусности». Тогда исповѣдникъ правды сказалъ Пимену: «любезный! челоуѣкоугодничествомъ домогаешься ты получить чужой престоль, но лишишься и своего». Чтець тогда же со слезами сознался, что его заставили угрозами взнести клевету. Святитель, простивъ чтеца, предалъ себя въ волю Божію. «Вижу, говорилъ онъ духовнымъ сановникамъ, что хотятъ моей гибели, и за что же? за то, что никому не льстилъ я, не давалъ никому подарковъ, не угощалъ никого пирами. Но что бы ни было, не перестану говорить правду, — не хочу носить бесполезно санъ святительскій.»

Такою же смѣлостью обличенія показалъ святитель во время крестнаго хода (28 іюля), куда Іоаннъ явился съ опричниками въ полномъ ихъ нарядѣ. Въ то время, когда пришелъ царь, святитель хотѣлъ читать евангеліе, и, преподавая миръ всѣмъ, увидѣлъ опричника въ тафѣ. «Державный царь! сказалъ святитель, добрые христіане слушаютъ слово Божіе съ непокрытыми главами; съ чего же эти люди вздумали слѣдовать магометанскому закону — стоять въ тафьяхъ?» Кто это такой? спросилъ царь. Но виновный спряталъ тафью, а товарищи его сказали, что митрополитъ лжетъ и возстастъ на царя. Іоаннъ вышелъ изъ себя, грубо ругалъ святителя, называлъ его лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ, клялся, что уличить его въ преступленіяхъ.

Стали искать лжевидѣтелей противъ святителя въ Соловецкомъ монастырѣ, но тамъ всѣ называли Филиппа праведнымъ и святымъ; наконецъ игуменъ Паисій, которому обѣщали санъ епископа, монахъ Зосима и съ нимъ еще нѣкоторые, недовольные строгостью Филиппа еще во время его игуменства, согласились быть клеветниками противъ святителя. Составили доносъ. Въ Москвѣ Паисій, въ присутствіи царя и духовенства, со всею наглостію обвинялъ Филиппа. Святитель кротко сказалъ Паисію: «что съешь, то и пожнешь». И обратясь къ царю, говорилъ: «Государь! не думаешь ли, что боюсь я смерти? Достигнувъ старости, готовъ я предать духъ мой Всевышнему, моему и твоему Владыкѣ. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, чѣмъ въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія. Оставляю жезлъ и мантию митрополичьи. А вы всѣ, святители и служители алтаря! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ и страшитесь небеснаго царя болѣе, чѣмъ земнаго». Святитель снялъ съ себя бѣлый клобукъ и мантию. Но царь остановилъ его, сказавъ, что ему должно ждать суда надъ собою, заставилъ взять назадъ утварь святительскую и еще служить литургію 8 ноября. При началѣ литургіи ворвался въ соборный храмъ одинъ изъ гнусныхъ любимцевъ царскихъ, Басмановъ и въ слухъ народа прочелъ осужденіе Филиппу. Опричники бросились въ алтарь, сорвали съ святителя облаченіе, одѣли въ рубище, вытолкали изъ храма, посадили на дровни и повезли въ Богоявленскій монастырь осыпая бранью и побоями. Толпы народа со слезами провожали святителя, а онъ покойно благословлялъ народъ. Предъ вратами обители онъ сказалъ народу: «дѣти! все, что могъ, сдѣлалъ я; еслибы не изъ любви къ вамъ, и одного дня не оставался бы я на каедрѣ... Уповайте на Бога; терпите». Нѣсколько дней страдалъ неустрашимый исповѣдникъ

правды — въ смрадной кельѣ, окованный цѣпями, съ тяжелою колодкой на шеѣ, лишенный хлѣба. Сюда Іоаннъ прислалъ ему голову любимаго племянника и велѣлъ сказать ему: «вотъ твой любимый сродникъ, не помогли ему твои чары». Святитель всталъ, благословилъ и поцѣловалъ голову и велѣлъ возвратити царю кровавый подарокъ. Наконецъ Іоаннъ сослалъ Филиппа въ заточеніе въ Тверской Отрочъ монастырь.

Прошло около года, какъ св. Филиппъ томился въ заточеніи. Въ декабрѣ 1569 года двинулся царь съ своею дружиною карать Новгородъ и Псковъ за мнимую измѣну. Тогда, по волѣ Іоанна, Малюта Скуратовъ ⁽¹⁾ явился въ келлію Филиппа и съ видомъ смиренія сказалъ: «Владыко святыи! преподай благословеніе царю на путь въ Новгородъ». Святитель зналъ, зачѣмъ явился Малюта. Еще за три дня до того сказалъ онъ бывшимъ при немъ: «вотъ приблизился конецъ моего подвига», и причастился св. Тайнъ. Злодѣю отвѣчалъ онъ: «дѣлай, что хочешь: но дара Божія не получаютъ обманомъ». Сказавъ это, онъ сталъ на молитву и просилъ Господа, да приметъ духъ его съ миромъ. Малюта задушилъ святителя подушкою и, сказалъ настоятелю, что бывшій митрополитъ умеръ отъ угара. Это было 23 декабря 1569 г. Такъ окончилъ земную жизнь свою великій святитель, положившій жизнь за стадо свое! Многими богоугодными великими іерархами просіяла Церковь Русская, но въ числѣ ихъ одинъ только мученикъ за правду и человѣколюбіе: слава его нетлѣнна, какъ нетлѣнны самыя остатки его ⁽²⁾.

1) Любимецъ Іоанна и начальникъ опричниковъ, закоренѣлый злодѣй, «мужъ каменосердечный» по выраженію перваго жизнеописателя св. Филиппа.

(2) Мощи св. Филиппа были немедленно, въ присутствіи убійцы, преданы землѣ за алтаремъ монастырской церкви. Въ

«Восхвалимъ Филиппа премудраго, наставника православія, провозвѣстника истины, ревнителя Златоустаго, свѣтильника Русской земли. Вооруживъ себя броней духовнаго мужества, ты безтрепетно обличилъ не послушавшихъ тебя, властію отъ Бога единого данною, ты совершилъ свое теченіе и соблюлъ вѣру, блаженный святитель, увѣнчанный свѣтлымъ вѣнцемъ правды! Тобою украсилъ Богъ храмъ Матери Своей и нетлѣнное тѣло твое, въ изгнаніи пострадавшее, много лѣтъ въ землѣ сокровенное, возвратилъ престолу твоему, къ радости и веселію паствы твоей» ^(л).

Между тѣмъ царь прибылъ въ Новгородъ, гдѣ вѣрный народъ и не думалъ сопротивляться волѣ его. Начались страшныя истязанія подъ предлогомъ мнимой измѣны, неслыханныя свирѣпства, начался «разгромъ» или, какъ называетъ современный лѣтописецъ, «неисповѣдимое колебаніе, паденіе, кровопролитіе Великаго Новгорода» ^(м). Но и здѣсь на-

1591 году ояѣ перенесены изъ Твери въ Соловецкую обитель — на мѣсто иноческихъ подвиговъ священномученика, при чемъ найдены совершенно нетлѣнными, и положены въ приготовленной имъ для себя могилѣ, въ преддверіи созданнаго имъ храма, подлѣ любимаго наставника его въ монашествѣ, инока Іоны Шамина. Въ 1652 году св. мощи перенесены изъ Соловковъ въ Москву и поставлены открыто въ царственномъ соборномъ храмѣ Успенія Богоматери, гдѣ и нынѣ почиваютъ.

(л) Кондакъ и стихиры изъ службы св. Филиппа, напечатанной въ январской Миней подъ 9 числомъ. Память святителя правдновалась всею церковью Русскою съ 1591 года, въ 23 день декабря, но съ 1660 года празднованіе перенесено на 9 января. (Душепол. Чт. 1861 ч. II. стр. 180).

(м) Собр. лѣтописей т. III. стр. 254 и слѣд. Кровопролитіе «великаго разгрома» — было безпримѣрное: въ мукахъ и истязаніяхъ, подъ мечемъ опричниковъ и въ волнахъ Волхова погибло въ продолженіи шести недѣль до 60 т. человекъ. Волховъ, запруженный трупами, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро. Всѣ церкви и монастыри въ городѣ и окрестностяхъ были

шелся смѣлый обличитель неправды и злодѣйства — преп. Арсеній затворникъ ^(в). Царь пощадилъ обитель Арсенія, нѣсколько разъ посѣщаль его и безъ гнѣва выслушиваль обличенія праведника, который одинъ дерзалъ быть заступникомъ несчастнаго города, отказываль царю въ благословеніи и не привялъ отъ него богатыхъ даровъ. Во все продолженіе разгрома, Арсеній не выходилъ изъ кельи, неусыпно, но увы! неслышанный, молясь о смягченіи царской ярости. Утомившись казнями, и собираясь въ Псковъ, Грозный царь пришелъ къ затворнику — принять благословеніе и звать его съ собою. «Насытился ли кровію, звѣрь кровожадный? скажь ему праведникъ. Кто можетъ благословить тебя, кто можетъ молить Бога о мучителѣ, облитомъ кровію христіанскою? Много душъ неповинныхъ послалъ ты въ царство небесное, а самъ не увидишь его. И еще замышляешь новое кровопролитіе». Царь увѣрялъ, что никому не сдѣлаешь зла во Псковѣ, если не найдеть тамъ измѣны. «И ты самъ, отче, будешь свидѣтель тому», прибавилъ онъ. «Пусть будетъ по слову твоему, отвѣчалъ преп. Арсеній. Завтра готовъ я въ путь съ тобой и неотступенъ буду отъ тебя во Псковѣ. Но знай, что не на радость тебѣ будетъ, когда помыслишь злое

разграблены. Особенно пострадалъ монастырь преп. Антонія Римлянина: тамъ убили игумена Геласія со всѣми монахами и совершенно ограбили обитель, которая осталась послѣ того на три года пустою, безъ братіи и безъ службы церковной. Владыка Пимень заточенъ въ Николаевскій Веневскій монастырь и тамъ вскорѣ скончался, какъ думали современники, отъ голода.

(в) Преп. Арсеній, уроженецъ Ржева-Владимірова, устроилъ въ 1362 году иноческую обитель съ храмомъ Рождества Богородицы, на Торговой сторонѣ Новгорода, близъ Ярославова дворища и церкви св. Муроносицъ. Онъ былъ строгій подвижникъ, носилъ веряги, жилъ въ затворѣ и, предвидя бѣдствія роднаго города, непрестанно проливалъ слезы. Иногда видали его плачущимъ на Великомъ мосту.

и ярость кровожадная возгорится въ тебѣ. Тогда вспомнишь слова мои: страхъ и трепеть объимутъ тебя и сотрясуются отъ ужаса всѣ кости твои». Наутро дверь въ келью Арсенія оказалась запертою изнутри, и сколько не стучались, старецъ не подалъ голоса. Разломали дверь и увидѣли старца на колѣняхъ, съ согнутыми на груди руками и наклоненною головою. Онъ какъ будто продолжалъ молиться, но праведная душа его отлетѣла уже въ селенія небесныя ^(о).

Для совѣсти, отягченной кровью, тяжело было зрѣлище мирной кончины праведника! Во всю дорогу Грозный былъ мраченъ и задумчивъ. На послѣднемъ ночлегѣ, въ с. Любятовѣ, близъ Пскова, царь съ ужасомъ выбѣжалъ изъ избы, между тѣмъ, какъ въ городѣ, трепетавшемъ отъ ужаса, раздавался благовѣстъ къ воскресной утрени. «Теперь во Псковѣ всѣ трепещутъ, но напрасно; я не сотворю имъ зла, сказалъ царь спокойнымъ голосомъ. «Притупите мечи о камень. Да престанутъ убійства». Чѣмъ объяснить внезапный ужасъ Юанна, внезапный переходъ отъ свирѣпства къ кротости? Царь твердо помнилъ послѣднія слова затворника Арсенія и былъ увѣренъ, что усопшій праведникъ невидимо сопутствуетъ ему во Псковъ. При мрачномъ и подозрительномъ характерѣ, при разстроенномъ воображеніи, при помраченной злодѣянiami совѣсти Грознаго, не страшно ли было ему имѣть при себѣ такого неотступнаго обличителя?

(о) Тѣло затворника погребено было въ той хижинѣ, гдѣ онъ затворился для молитвы. По упраздненіи основанной имъ обители, мощи преп Арсенія перенесены въ 1787 году въ Кирилловъ монастырь (въ 4 верст. отъ Новгорода) и тамъ почиваютъ подъ спудомъ. Память преставленія его показана въ святцахъ и житіи 12 іюля; но эта явная ошибка: отъѣздъ Грознаго царя изъ Новгорода во Псковъ былъ въ февралѣ 1570 г., а не въ іюль. Можетъ быть 12 іюля (неизвѣстно въ какомъ году) обрѣтены были мощи преп. Арсенія.

На слѣдующее утро, 20 февраля, во второе воскресенье великаго поста, улицы Пскова представляли необыкновенное зрѣлище. По всѣмъ улицамъ до кремля, противъ всѣхъ домовъ и воротъ, были разставлены столы съ разными постными кушаньями; жители въ праздничномъ платьѣ стояли предъ столами. Всѣ они были въ страхѣ, какъ приговоренные къ смерти, многіе дрожали, иные плакали. Одинъ только человекъ, въ длинной рубашкѣ, подпоясанный веревкою, смѣло и беззаботно разгуливалъ по улицамъ, пробѣгая босыми ногами отъ одного стола къ другому и стараясь ободрить жителей.

Это былъ юродивый Никола, по прозванію Салось, всему городу извѣстный и всѣми уважаемый праведникъ. Царь вѣхалъ въ городъ. Вдругъ явился предъ нимъ юродивый, прыгая на палочкѣ по дѣтскому обычаю и приговаривая:

— Иванушка! Иванушка! покушай: вотъ тебѣ хлѣбъ-соль. Чай не наѣлся мясомъ человѣчьимъ въ Новгородѣ.

Царь разгнѣвался и велѣлъ было опричникамъ схватить его, но блаженный исчезъ, скрывшись въ толпѣ народа. При выходѣ изъ Троицкаго соборнаго храма снова встрѣтилъ царя Никола и неотступно звалъ къ себѣ въ келью подъ соборную колокольню. Въ этой убогой и тѣсной кельѣ, на лавкѣ, была разостлана чистая скатерть и на ней лежалъ огромный кусокъ сыраго мяса.

— Покушай, покушай, Иванушка, приговаривалъ Никола, съ поклономъ угощая царя.

— Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ, сурово сказалъ царь.

— Мяса не ѣшь, а людей губишь, и кровь христіанскую пьешь, и суда Божія не боишься!

Закипѣло на душѣ у Грознаго, онъ велѣлъ снимать колокола съ соборной церкви и грабить ризницу. А юродивый, взглянувъ ему въ глаза, сказалъ строгимъ голосомъ:

— Не тронь насъ, прохожій человѣкъ, ступай скорѣе прочь. Если еще помедлишь, не на чѣмъ тебѣ будетъ бѣжать отсюда.»

Въ ту же минуту вошелъ Малюта Скуратовъ, блѣдный отъ страха, и доложилъ царю, что любимый конь его палъ.

— Вотъ только тронь кого вибуди въ богоспасаемомъ Псковѣ, закричалъ ему юродивый, или церкви начни грабить; тотчасъ же издохнешь, какъ конь твой.» — Грозный оставилъ въ покоѣ городъ, спасенный отъ раззоренія юродивымъ ^(п).

Спустя нѣсколько лѣтъ, Грозный царь, отправляясь въ Ливонскій походъ, посѣтилъ Псково-Печерскій монастырь ^(р), гдѣ настоятельствомъ тогда преп. игумень Корнилій.

(п) Праведный Николай, Псковскій чудотворецъ, преставился 28 февраля 1576 года. По особенному уваженію жителей Пскова къ блаж. Николаю, онъ погребенъ былъ подъ соборнымъ храмомъ — почеть, какой удостоивались тогда только князья и архипастыри. Теперь мощи его почиваютъ въ закрытомъ дубовомъ гробѣ, въ правомъ придѣлѣ Троицкаго собора. Въ древнемъ кондакѣ ему сказано. «Чудотворецъ явися Николае, цареву державу и смысла свирѣпство на милость обративъ, и нынѣ молимъ тя, святе, пребуди въ насъ еще, защити отъ коварствъ вражихъ; ты бо еси граду Пскову и всѣмъ христіюбивымъ людемъ похвала и утверженіе.» Память его мѣстно празднуется въ день преставленія.

(р) Въ той мѣстности, гдѣ стоитъ Псково-Печерскій монастырь (въ 56 верст. отъ Пскова, близъ Лифляндской границы) въ XV вѣкѣ поселилось нѣсколько старцевъ, искавшихъ уединенія для спасенія душъ своихъ. Выкопавъ себѣ въ горѣ пещеры, а можетъ быть, нашедши уже готовую пещеру, устроенную самою природою, они проводили тамъ жизнь свою и тамъ преставились, никокому невѣдомые. Звѣроловы Изборскіе слышали пѣніе какъ бы внутри горы, прозванной послѣ того «святою;» потомъ случайно открыто устье пещеры и надпись надъ нимъ: «Богомъ заданная пещера». Въ 1473 году поселился здѣсь приходшій изъ Юрьева — Ливонскаго (Дерпта) священникъ Іоаннъ. Принявъ иночество съ именемъ Іоны, онъ устроилъ церковь въ пещерѣ и былъ первымъ строителемъ новой обители.

Иноческіе подвиги Корнилія начались съ ранней юности въ той же Печерской обители; при немъ распространенъ пещерный храмъ и съ 1524 г. храмовая икона Успенія Богоматери начала источать исцѣленія. Облеченный въ санъ игумена съ 1529 года, ревностный подвижникъ, въ продолженіи многолѣтняго настоятельства, возвысилъ обитель во всѣхъ отношеніяхъ. Жизнь его была образцемъ строгой иноческой жизни и онъ старался одушевить ревностію къ подвижничеству подчиненныхъ ему иноковъ. Неутомимый въ трудахъ, онъ построилъ въ Псковѣ, на Печерскомъ подворьѣ каменный храмъ въ честь Богоматери Одигитріи; въ монастырѣ своемъ деревянный храмъ 40 мучениковъ онъ перенесъ за монастырь, для монастырскихъ рабочихъ; а на мѣстѣ его построилъ каменный храмъ Благовѣщенія ^(с). Въ назиданіе другимъ описалъ онъ чудеса Печерской иконы Богоматери. «Свидѣтель этихъ чудесъ, говоритъ онъ, не я одинъ, а весь Псковъ и Новгородъ. Богоматерь подаетъ исцѣленія не только православнымъ, но и иновѣрнымъ, приходящимъ изъ нѣмецкой земли (изъ Лифляндіи) съ вѣрою къ чудотворному образу». Блаженный Корнилій любилъ прозвѣщеніе и насаждалъ благочестіе не только въ своей обители, но и во всей окрестности;

(с) Оба эти храма, Благовѣщенскій въ монастырѣ, а 40 мучениковъ за оградою, доселѣ существуютъ. Послѣдній изъ нихъ, деревянный, съ крышею въ одинъ скатъ, служитъ приходскимъ для жителей заштатнаго городка Печерска. Живописное расположеніе монастыря въ ущелии съ двумя горами, изъ которыхъ одна, — «Святая» вмѣщаетъ въ себѣ Успенскій храмъ и пещеры, необыкновенный видъ маститыхъ дубовъ надъ нею, громадныя твердыни ограды, сложенной изъ плитняка, въ 380 саж. длиною и до 5 сажень въ вышину, съ множествомъ башенъ — все это даетъ обители такой дивный видъ, котораго нельзя передать словами, но онъ навсегда остается въ памяти того, кто хотя однажды видѣлъ эту дивную обитель.

онъ построилъ храмы Божіи въ Агиревѣ и Топинѣ — сосѣднихъ селеніяхъ, и много заботился о просвѣщеніи полудикихъ Эстовъ православною вѣрою. Когда дружины Русскія завоевали большую часть Ливоніи, блаж. Корнилій щедрою рукою раздавалъ пособія бѣднымъ Эстамъ, пострадавшимъ отъ войны. Въ Нейгаузенѣ построилъ онъ православный храмъ. Благотворительность ревностнаго игумена, кроткія наставленія, безкорыстіе и чистая жизнь его произвели то, что въ приходѣ Нейгауза всѣ Эсты, а въ другихъ приходахъ многіе обратились къ православію, какъ къ благочестію безкорыстному и искреннему. Въ 1565 году блаж. Корнилій окружилъ монастырь каменною оградою, и надъ вратами построилъ храмъ въ честь святителя Николая, поручивъ сему дивному защитнику чистой вѣры оберегать обитель православія. При положеніи обители на границѣ Ливонскихъ нѣмцевъ, заклятыхъ враговъ православія, такое укрѣпленіе необходимо было не для одной обители, но и для всей Русской земли.

Царь Іоаннъ зналъ и уважалъ преп. Корнилія. Онъ обошелся съ нимъ милостиво, когда старецъ встрѣтилъ его въ Псковѣ, послѣ разгрома Новгородскаго. Но, приближаясь къ обители Печерской, со стороны Ливоніи, Грозный царь увидѣлъ твердыни монастырской ограды, воздвигнутыя Корниліемъ, и страшно разгнѣвался, подозрѣвая, по навѣтамъ клеветниковъ, что въ этихъ укрѣпленіяхъ кроется мысль независимости отъ Москвы ^(г). Когда преп. Корнилій вышелъ за

(г) Курбскій увѣряетъ, что преп. Корнилій и вмѣстѣ съ нимъ другой инокъ, ученикъ его Вассіанъ Муромцевъ раздавлены какимъ-то мучительскимъ орудіемъ и тѣла ихъ положены въ одномъ гробѣ. Теперь мощи преподобномученика почиваютъ въ закрытомъ дубовомъ гробѣ въ пещерной Успенской церкви. Годъ кончины преп. Корнилія трудно опредѣлить съ точностію, но, принимая въ соображеніе, что Курбскій говоритъ о ней вслѣдъ за извѣстіемъ объ опустошеніи Нарвы и другихъ горо-

ворота съ крестомъ навстрѣчу государю, Грозный тутъ же повелѣлъ умертвить старца. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, «приснопамятный, достохвальный, достоблаженный игумень добрый пастырь, отъ тлѣннаго сего житія земнымъ царемъ предпославъ къ небесному Царю въ вѣчное жилище».

Графъ М. Толстой.

(ОЖИЖАНІЕ ГЛАВЫ ВПРЕДЪ).

довъ, можно полагать, что Корнилій умерщвленъ въ 1577 году. Надпись на гробницѣ о времени смерти его, 20 февраля 1570 года совершенно ошибочна: въ этотъ самый день преем. Корнилій встрѣчалъ царя во Псковѣ и былъ принятъ имъ ласково. Тогда убійствъ вовсе не было. — Преп. Корнилій написалъ «повѣсть о Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ». Позднѣе она была дополнена разными лицами (Обзоръ Русск. Духов. литературы ч. 1. стр. 214) и многократно напечатана.

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОКОЙНОМЪ АѦНАСІѦ,
АРХІЕПИСКОПЪ КАЗАНСКОМЪ.

Жизнь его въ Твери.

Въ Твери АѦанасій былъ ректоромъ семинаріи и членомъ Консисторіи; и ту и другую должность проходилъ онъ съ свойственною ему энергіей, ревностію и любовью. Первая обязанность ректора семинаріи—преподавать догматическое богословіе въ высшемъ классѣ семинаріи. АѦанасій исполнялъ эту обязанность свято и ненарушимо. Ни одного класса онъ не пропустилъ; являлся къ ученикамъ всегда въ свое время, говорилъ имъ просто, живо и увлекательно; овладѣвалъ вниманіемъ ихъ скоро и свободно, и умѣлъ поддержать это вниманіе до конца класса. Рѣчь его была живая бесѣда отца съ дѣтьми, поддерживаемая весьма частыми обращеніями отца съ вопросами въ дѣтямъ, и заставлявшая ихъ самихъ думать и говорить. Ко многимъ изъ учениковъ о. ректоръ обращался именно какъ нѣжный отецъ, называя ихъ по имени.— «Ну-ка ты, Алексій, скажи, какъ ты думаешь?» Но давая предметъ для думы и для разговора, онъ въ то же время всячески избѣгалъ споровъ схоластическихъ, основанныхъ на софистикѣ. Крѣпкій, твердый, логическій умъ его любилъ истину до увлеченія, но не любилъ хитростей и тон-

костей софистическихъ, особенно вредныхъ для развитія молодыхъ умовъ. Съ меньшейю внимательностію АѦанасій отпосился къ письменнымъ упражненіямъ учениковъ, — къ проповѣдямъ или разсужденіямъ. На проповѣди АѦанасій обращалъ особенное вниманіе, и хвалился нѣкоторыми своими воспитанниками. Таковъ былъ его любимецъ В. К. Нектарьевскій, въ послѣдствіи поступившій въ С.-Петербургскую Академію, и бывшій протоіереемъ, кажется, въ Кронштадтѣ. Его АѦанасій называлъ Златоустомъ; и проповѣди его заставлялъ слушать не только всѣхъ семинаристовъ, которые для этого собирались въ богословскую залу, но и всѣхъ наставниковъ. Проповѣди у о. ректора никогда не залеживались. Каждый проповѣдникъ наканунѣ дня, назначеннаго для произнесенія проповѣди, обязанъ былъ явиться къ о. ректору съ проповѣдію. Здѣсь самъ о. ректоръ слушалъ проповѣдь и судилъ, какъ составлена проповѣдь и какъ она произносится. Лучшихъ проповѣдниковъ посылалъ въ лучшія приходскія церкви для произнесенія проповѣдей.

Экзамены АѦанасій производилъ особеннымъ образомъ. Онъ не спрашивалъ каждаго ученика порознь и устно, а пришедши въ классъ предлагалъ первый вопросъ такой: кто на все? То-есть, кто готовъ отвѣчать на всѣ билеты, на которые раздѣленъ весь курсъ, или весь отдѣлъ пройденнаго? — Почти всѣ ученики вставали. Это значило, что всѣ могутъ отвѣчать на все. «Отлично хорошо, садитесь», отвѣчалъ ректоръ, и тотчасъ же давалъ тему для экспромта въ классѣ. Ученики принимались за умственную работу, и кто скорѣе напишетъ, тотъ сейчасъ же и выходитъ къ о. ректору читать свой экспромтъ и получаетъ вѣрную оцѣнку своему труду. — «Кто еще написалъ?» спрашиваетъ о. ректоръ: и кто написалъ, тотъ выходилъ и читалъ. Работа была быстрая, воодушевлявшая учениковъ. Особенно для первыхъ учени-

ковъ эта работа была щекотлива: нужно было предъ цѣлымъ классомъ доказать, при о. ректорѣ и профессорѣ, что ты не даромъ записанъ въ числѣ первыхъ,—нужно поддержать честь класса, честь профессора, честь свою. О. ректоръ умѣлъ возбуждать соревнованіе.

Если было два или три параллельныхъ отдѣленій, онъ, возбуждая ревность въ ученикахъ того отдѣленія, гдѣ шель экзамень, — начнетъ говорить: работайте, работайте скорѣе, не посрамите себя; вотъ въ томъ отдѣленіи отлично отвѣчали и писали экспромты; а я имъ отвѣчалъ: «хорошо — то хорошо, очень хорошо, а можетъ быть въ томъ отдѣленіи будетъ еще лучше. Я указывалъ на васъ; смотрите же.» И ученики рвались изо всѣхъ силъ. Не рѣдко о. ректоръ, обрадованный прекраснымъ экспромтомъ, тутъ же въ классѣ давалъ деньги тому ученику, который читалъ экспромтъ. «Отлично хорошо! Постой; на — тебѣ».. Ректоръ вынетъ изъ за пазухи портъ-монс и дастъ ему пять или десять рублей. «Это тебѣ на сюртукъ, или на жилетку, или на сапоги».

Въ то время, когда вызвавшіеся отвѣчать на все занимались въ классѣ экспромтомъ, о. ректоръ вызывалъ къ себѣ для устныхъ отвѣтовъ послѣдній десятокъ, или хвостъ класса. Не рѣдко изъ этого десятка вызывались отвѣчать на все, но вызывались не потому, чтобы они знали все, а для того, чтобы заявивши, что они могутъ отвѣчать на все, тѣмъ самымъ избавиться отъ отвѣта устнаго, и написать хоть плохонькой экспромтъ. Но такіе продѣлки не рѣдко оканчивались очень плохо для нихъ. О. ректоръ по голосу, по физиономіи, по всѣмъ пріемамъ такого хитреца сейчасъ замѣтитъ, что онъ обманываетъ начальство, вызоветъ его къ столу, и заставитъ взять билетъ, и уличитъ его во лжи и обманѣ. «О! Ты лжець! Иди на кухню!» На кухни обыкновенно ожидали виновнаго розги. А инымъ удавалось и обмануть о. ректора.

Слѣдовало только отвѣтить ему твердо и громко, что я знаю все, что угодно вамъ спросить; стоять прямо, смотрѣть бойко, не трусить и не канфузиться. «О, по глазамъ вижу, — скажетъ о. ректоръ, что ты молодець и знаешь все; хорошо, садись!» И садится спокойно за парту человѣкъ, который далеко не все знаетъ!

Помню я пріемные экзамены въ 1837 году: эти экзамены замѣчательны по той щедрости, которою отличался АѦанасій, и по той оригинальности, которая не рѣдко проявлялась у него. Экзамены производились въ концѣ августа и въ началѣ сентября. Ученики изъ всѣхъ училищъ, кромѣ Тверскаго, съѣхались въ Тверь со страхомъ и трепетомъ. Я говорю: «кромѣ Тверскаго», потому что ученики Тверскаго училища были экзаменованы предъ вакаціей и на публичномъ ихъ экзаменѣ былъ не только АѦанасій но и самъ Высокопреосвященный Григорій, въ послѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій. По окончаніи экзаменовъ Григорій утвердилъ и переводные списки; и потому Тверскіе ученики забрала себѣ въ голову, что имъ не слѣдуетъ являться на пріемные экзамены въ концѣ августа, хотя всѣ они съѣхались къ концу августа. Когда ученики другихъ училищъ отправятся въ классъ на экзамень, и тамъ потѣкутъ и дрожать, Тверскіе ученики съ полчаса посидятъ и потолкаются около семинаріи, и за тѣмъ преспокойно отправляются, кто въ свою квартиру, кто на Желтиковское поле смотрѣть, какъ учится кавалерійская дивизія, собранная въ Тверь. Такъ прошло нѣсколько дней экзаменовъ. Ректоръ АѦанасій первоначально и не обращалъ вниманія на то, что тверскіе не ходятъ на экзамень; и только всячески старался раззадорить учениковъ другихъ училищъ. Онъ обыкновенно вызывалъ сначала первыхъ учениковъ всѣхъ училищъ и заставлялъ ихъ или переводить съ Латинскаго на Русскій, или съ Русскаго на Латинскій, или

съ Греческаго на Русскій, или устно отвѣчать изъ пространнаго Катихизиса, изъ св. исторіи и проч., однимъ словомъ— изъ всякаго предмета спрашивалъ ихъ всѣхъ, и кто скорѣе и лучше отвѣтитъ, тотъ и молодецъ. За тѣмъ послѣ первыхъ вызывалъ вторыхъ учениковъ всѣхъ училищъ, и съ ними поступалъ точно также. Ученики изъ всѣхъ силъ старались превзойти другъ друга; отъ ихъ отвѣтовъ зависѣла честь не только ихъ самихъ, но и училищъ. А о. ректоръ подзадоривалъ. Нѣкоторые изъ учениковъ пріобрѣли себѣ уже авторитетъ. Такъ изъ старицкихъ учениковъ отличался первый ученикъ Левъ Рубцовъ, изъ Ржевскихъ Иванъ Филаретовъ. Льву Рубцеву было лѣтъ 18 отъ роду, и онъ смотрѣлъ уже довольно зрѣлымъ юношей.

— Отецъ ректоръ! Да что Тверскіе ученики не являются на экзамень? Вѣдь они шалютъ же около семинаріи, и бѣгаютъ Богъ знаетъ гдѣ... Сказалъ кто-то изъ профессоровъ Аванасію во время экзамена. Чѣмъ бѣгать, лучше бы они здѣсь были. Нужды нѣтъ, что списки ихъ утверждены...

— О! Хорошо! Кликнуть ихъ сей часъ же на экзамень. Я имъ задамъ бѣгать!.. сказалъ Аванасій.

Побѣжали кликнуть; но тверскіе ученики, какъ дождь разсыпались. «Никого нѣтъ, сказано было ректору». «Завтра чтобы всѣ явились до одного; а не явятся—не приму въ семинарію». Дошла эта грозная вѣсть до Тверскихъ учениковъ. Дрогнуло сердце ихъ; потому что они были вполне увѣрены, что послѣ экзаменовъ, которые производилъ имъ преосвященный Григорій, имъ никакихъ другихъ экзаменовъ быть не можетъ; и что послѣ утвержденія списковъ ихъ владыкою никто не посмѣетъ измѣнить этихъ списковъ. Въ этой увѣренности они во время вакаціи гуляли преспокойно дома, и въ книжки вовсе не заглядывали. А теперь нужно идти на экзамень... На слѣдующій день Тверскіе явились на экза-

мнѣ. «Что такъ много нывѣча?» спросилъ о. ректоръ тотчасъ послѣ молитвы, обозрѣвая классъ. «Тверскіе пришли, Тверскіе пришли!» отвѣчали ученики другихъ училищъ, видимо подтрунивая надъ робостью Тверскихъ. «А! вотъ я ихъ проберу», сказалъ о. ректоръ.

Сѣвши на кресло, онъ вызвалъ по обычаю своему первыхъ учениковъ. Съ другими учениками вышелъ и Тверской. Это былъ А. Бухаревъ, маленькій, худенькій, желтенькій, мальчикъ лѣтъ 15-ти. Левъ Рубцевъ посмотрѣлъ на него съ презрительною улыбкою. О. ректоръ сталъ экзаменовать. Отвѣты Бухарева были лучше всѣхъ другихъ учениковъ. Что ни спроситъ о. ректоръ, Бухаревъ на все удовлетворительно и скоро отвѣтитъ, и даже покажетъ неудовлетворительность отвѣта другихъ учениковъ, съ нимъ вызванныхъ, въ случаѣ если кто изъ нихъ поспѣшитъ отвѣтить прѣжде него и отвѣтитъ за поспѣшностію неудачно. И самъ Рубцевъ долженъ былъ уступить первенство Бухареву. «О! Да ты отлично-хорошо отвѣчаешь!» Сказалъ о. ректоръ; я думая, что вы не ходите на экзамень потому, что ничего не знаете. Молодецъ! тебѣ не Бухаревъ фамилія, а Орловъ, Соколовъ! Отлично». Самъ о. ректоръ носилъ фамилію Соколова. Бухаревъ осмѣлился сказать ему, что Тверскіе явились на экзамень не готовившись; они думали, что ихъ экзаменовать не стануть. «Ладно, ладно, я посмотрю. Ну-ка скажите мнѣ еще... Онъ задаетъ первымъ ученикамъ что нибудь перевести, или сказать локуцію какую. Бухаревъ опять лучше всѣхъ. «Превосходно», кричитъ о. ректоръ, вошедшій въ паосъ!—О. ректоръ вызвалъ вторыхъ учениковъ изъ всѣхъ училищъ, и въ числѣ ихъ втораго ученика тверскаго училища. Это былъ Евграфъ Ловягинъ, сынъ каедральнаго протоіерея Ивана Яковлевича Ловягина, ректора тверскаго училища. Юноша лѣтъ 16-ти, чистенькой, хорошенькой собой, аккуратный во всемъ.

Ловягинъ отличался не столько бойкостію и быстротою соображеній, какъ Бухаревъ, сколько спокойнымъ, точнымъ, здравымъ отвѣтомъ. Изъ всѣхъ предметовъ онъ зналъ все отлично. Другіе ученики были то по одному, то по другому предмету слабѣе, у Ловягина не было этого. Онъ былъ равно хорошъ во всемъ. Оказалось, что изъ вторыхъ учениковъ Ловягинъ былъ лучше всѣхъ. Выслушавши отвѣты, о. ректоръ сказалъ: «Тверскіе отлично! Молодцы!»—Вызваны были третьи ученики всѣхъ училищъ. И здѣсь тверской третій ученикъ В. не посрамилъ себя.

Такъ прошелъ день. На слѣдующій день еще экзамены. О. ректоръ явился суровымъ въ классъ. Вызвавши первыхъ учениковъ, по обычаю, онъ обратившись къ Бухареву сказалъ: «вы меня обманули. Вчерась вамъ случайно удалось отвѣтить; вотъ я васъ проберу!». Въ послѣдствіи оказалось, что о. ректоръ это шутилъ только. Начались экзамены. Тверскіе опять лучше всѣхъ, и особенно Бухаревъ. О. ректоръ не вытерпѣлъ. «Я нарочно сердитымъ пришолъ, чтобы васъ испугать; а вы ничего не боитесь; отлично хорошо! Спасибо! стой, сказалъ онъ Бухареву; на вотъ тебѣ на пряники». О. ректоръ вынулъ пятирублевую синенькую бумажку и далъ Бухареву; Льву Рубцеву досадно было. Видя, что Бухаревъ побиваетъ его на устныхъ отвѣтахъ, онъ говоритъ о. ректору: «отецъ ректоръ! позвольте намъ написать что-нибудь на бумагѣ; дайте намъ какое нибудь предложеніе». «Развѣ ты можешь писать?»—«Могу». Надобно сказать, что въ старицкомъ училищѣ учениковъ четвертаго класса пріучали писать періоды и хриі по тогдашнимъ реторикамъ. Левъ Рубцевъ, не могши одолѣть Бухарева въ устныхъ отвѣтахъ, хотѣлъ взять надъ нимъ верхъ на бумагѣ; такъ какъ преподаваніе правилъ реторики въ 4-мъ классѣ училища не было положено по уставу училищъ, и этихъ правилъ нигдѣ не преподавали кромѣ ста-

рицкаго и ржевскаго училищъ. Въ тверскомъ объ нихъ и не слышали. О. ректоръ далъ какую-то тему. «Пишите кто хочетъ и какъ умѣете, и кто скоро напишетъ, читайте мнѣ». Началась работа. Наморщились лбы, заскрипѣли перья. О. ректоръ занялся между тѣмъ экзаменами низшихъ учениковъ. Прежде всѣхъ написалъ на заданную тему Левъ Рубцевъ. Онъ вышелъ на средину и прочиталъ написанное. «Очень хорошо! Весьма хорошо! Благодарю! сказалъ ему о. ректоръ. Пстой, на—тебѣ!»—Онъ далъ Рубцеву пятирублевую ассигнацію. Рубцевъ былъ въ восторгѣ; за Рубцевымъ вышелъ Филаретовъ, и прочиталъ свое сочиненіе. Онъ былъ изъ ржевскихъ учениковъ; а тамъ тоже преподавали правила реторики. «Хорошо, хорошо! сказалъ ректоръ; очень хорошо! На и тебѣ». И тому далъ пять рублей. Выходить Бухаревъ. Вниманіе всѣхъ обратилось на него. Онъ прочиталъ то, что написалъ. О. ректоръ вскочилъ съ кресель. «Отлично хорошо! Превосходно! Лучше всѣхъ. Весьма благодарю! Поди ко мнѣ! На тебѣ десять рублей. Отлично хорошо! Лучше всѣхъ». За тѣмъ читали нѣкоторые изъ первыхъ учениковъ другихъ училищъ, а иныя совѣмъ не выходили. Послѣ первыхъ учениковъ читали вторые ученики; и изъ нихъ Ловягинъ оказался лучше всѣхъ. Потомъ третьи,— и опять тверскій былъ лучше другихъ. Рубцевъ подходитъ опять къ о. ректору и говорить: позвольте еще написать «Изволь! Пиши! Кто хочетъ, пишите всѣ». Ректоръ далъ тему. Опять наморщились лбы и заскрипѣли перья; и опять у Бухарева была задачка лучше всѣхъ. «Позвольте намъ на дому подумать», сказалъ Рубцевъ, не желая потерять первенство свое. Была суббота, когда производился экзаменъ, и часъ уже третій послѣ полудни; такъ что уже дальше сидѣть въ классѣ о. ректоръ не хотѣлъ. «Изволь! Пишите». О. ректоръ далъ тему: Іудеи говорятъ, что Господа ученики украли: докажите, что Онъ вос-

крестъ. Къ понедѣльнику задачи были готовы; лучше другихъ оказалась задачка у Бухарева, такъ что о. ректоръ пригласилъ послушать ее всѣхъ наставниковъ,—за тѣмъ у Рубцева и нѣкоторыхъ другихъ. Но нашлись и такіе изъ учениковъ, которые по знакомству или по родству упростили семинаристовъ вышшаго отдѣленія написать имъ задачу. Впрочемъ вскорѣ о. ректоръ открылъ обманъ и виновные были наказаны.

Наставники, слушавшіе задачку Бухарева и другихъ учениковъ училища, дивились тому, какъ можно не учившись правиламъ реторики писать складно и резонно, и выражали сомнѣніе, что Бухаревъ и другіе ученики списывали съ чужихъ тетрадокъ и не сами дѣлали задачи. О. ректоръ первоначально горячо отстаивалъ мальчиковъ; ему, видимо, не хотѣлось разочаровываться въ ихъ способностяхъ, но потомъ поколебался; особенно когда одинъ изъ наставниковъ, Иванъ Григорьевичъ Рубцевъ, сильно и настоятельно увѣрялъ его, что нѣтъ никакой возможности въ одни сутки, не учившись правиламъ составленія сочиненій, написать цѣлый листъ, какъ у Бухарева. Я даю голову на отсѣченіе, что не сами писали, говорилъ Рубцевъ. Бухаревъ и другіе увѣряли, что сами писали; но Рубцевъ былъ непреклоненъ. «Вѣдь вотъ поймали же вы, отецъ ректоръ, обманщика, которому богословы написали задачку. И тутъ обманъ и надувательство». «Да мы готовы въ классѣ при васъ сейчасъ писать»,—говорили Бухаревъ и другіе ученики «И слышать не хочу»,—твердилъ Рубцевъ.

Классъ кончился; о. ректоръ, наставники и ученики разошлись по домамъ. У Аванасія видимо на душѣ лежало сомнѣніе, зароненное рѣчами профессора Рубцева. Часовъ въ 7 вечера вдругъ является на квартиру къ Бухареву и къ В. вѣстовой отъ ректора съ требованіемъ, чтобъ она принесли свои черновыя тетрадки, на которыхъ писали задачи, и сами

тотчасъ явились къ ректору. Очевидно, что вліяніе профессора Рубцева взяло верхъ надъ убѣжденіями о. ректора. Замерло сердце у бѣдныхъ мальчиковъ. Схвативши свои черновыя тетрадки, и собравшись наскоро, они отправились къ о. ректору. Въ квартирѣ о. ректора собралось нѣсколько наставниковъ, въ томъ числѣ и Рубцевъ Иванъ Григорьевичъ. Когда мальчики явились къ о. ректору, онъ увидѣвши ихъ сказалъ: «а! полите сюда! Докажите вотъ этому Ѳомѣ невѣрному, что вы сами писали задачки». О. ректоръ указалъ на Ивана Григорьевича Рубцева. «Да какъ хотите, о. ректоръ, сказалъ Рубцевъ, я ни за что не повѣрю, чтобъ они сами писали. Покажите ваши черняки,» — сказалъ онъ быстро Бухареву. Бухаревъ писалъ вообще не слишкомъ хорошо и разборчиво, особенно когда спѣшилъ. Онъ иногда не дописывалъ окончанія словъ, не доканчивалъ цѣлой мысли, если она очевидна по ходу рѣчи. Иванъ Григорьевичъ тотчасъ это увидѣлъ, и съ торжествомъ обращаясь къ ректору, говорилъ: «вотъ, вотъ посмотрите, о. ректоръ, очевидно, что списано. Какъ былъ подъ руками чужой чернякъ, такъ съ него и списано». Бухаревъ до слезъ увѣрялъ, что онъ самъ писалъ задачку, что недописки произошли отъ поспѣшности, что эти самыя недописки могутъ всякаго убѣдить въ томъ, что я самъ писалъ, — говорилъ Бухаревъ, а не другой кто, или не съ чужаго черняка списывалъ. Иначе недописанное слово неправильно могло быть написано; недописанная мысль не хорошо вязалась бы съ другими мыслями. Рубцевъ слышать ничего не хотѣлъ. «Да помилуйте, о. ректоръ, я шесть лѣтъ учился въ семинаріи, четыре года въ Академіи, пятнадцать лѣтъ профессоромъ и священникомъ: а велите мнѣ написать къ завтраму то, что тутъ написано, — воля ваша, я не могу; я отказываюсь. Этого быть не можетъ, чтобъ они сами писали». Ректоръ молчалъ. Другіе наставники пересматривали

черняки, и кто соглашался съ Иваномъ Григорьевичемъ, а кто поддерживалъ Бухарева и его товарища, поддерживалъ изъ состраданія къ ихъ невыносимо-жалкому положенію, къ ихъ испуганному виду и слезамъ. «Ну чтожь вы ничего не говорите? спросилъ Аванасій Бухарева и его товарища. — Чѣмъ же вы еще докажете, что вы сами писали?» — «Да позвольте, о. ректоръ, намъ здѣсь при васъ написать», сказалъ Бухаревъ, обрадовавшись самъ своей счастливой мысли. «Изволь, хорошо». «А! вотъ съ этимъ и я согласенъ, сказалъ Иванъ Григорьичъ. Вотъ напишете при моихъ глазахъ такъ же, какъ это написано, ну тогда я повѣрю». Прочіе наставники всѣ согласились на это. О. ректоръ далъ предложеніе или тему для задачи. «Да чтобъ они не стакнулись, говорилъ Иванъ Григорьичъ, — вы дайте, о. ректоръ, разныя предложенія, и посадите ихъ въ разныхъ комнатахъ». Мальчикамъ дали разныя предложенія и посадили въ разныхъ комнатахъ. Иванъ Григорьичъ то и дѣло подходилъ то къ одному, то къ другому, осматривая со всѣхъ сторонъ, не списываютъ ли они откуда, хотя списать рѣшительно не откуда было. Отцу ректору съ наставниками подали чаю. «Дай и имъ по чашкѣ», сказалъ онъ, указывая на мальчиковъ; но имъ было не до чаю. Черезъ нѣсколько времени Бухаревъ вышелъ къ о. ректору, чтобы прочитатъ написанное. Вниманіе всѣхъ съ жадностію обращено было на него. Онъ кончилъ чтеніе, о. ректоръ не вытерпѣлъ, — онъ вскочилъ съ дивана, подбѣжалъ къ Бухареву, обнялъ и поцаловалъ его. «Другъ ты мой, сказалъ онъ ему, выручилъ ты меня, утѣшилъ! Отлично хорошо! Что Иванъ Григорьичъ?».. «Очень хорошо, прекрасно», говорили другіе наставники, подлаживаясь подъ тонъ ректора. Иванъ Григорьичъ пожалъ плечами. «Позвольте, о. ректоръ, еще дать ему предложеніе! Не постигаю!».. «Изволь, изволь, пиши, говорилъ Аванасій, входя въ свой паеосъ. Пиши, мо-

лодецъ, пиши!» Бухареву дали другое предложеніе. Онъ и на это написалъ очень скоро и хорошо, и прочиталъ предъ ректоромъ и наставниками. И товарищъ его, В., тоже написалъ на давное ему предложеніе очень хорошо. Когда прочитали они задачи свои предъ ректоромъ, ректоръ не зналъ, какъ выразить свой восторгъ. «Молодцы! Прекрасно! Отлично хорошо! кричалъ онъ на всю комнату. Пойдите, вотъ вамъ на пряники». Онъ вынулъ кошелекъ и далъ еще денегъ Бухареву и его товарищу.

Нельзя было смотрѣть на этихъ мальчиковъ безъ умиленія. Точно они одержали побѣду знаменитую. Они готовы были плакать отъ радости. Иванъ Григорьичъ ихъ обнималъ и цѣловалъ; прочіе наставники ласкали всячески. «Чаю, чаю давай имъ, Илья». Это былъ любимый служитель АѦанасія. Когда Иванъ Григорьичъ ласкалъ мальчиковъ, ректоръ говорилъ имъ: «нѣтъ, вы, ребята, вотъ что скажите ему: за чтожъ вы на васъ такъ нападали? Что мы вамъ сдѣлали, что вы сочли насъ плутами? За что вы насъ такъ мучили? Да и отца-то ректора чуть съ толку не сбили!» Но ребятамъ было не до попрековъ; они не чувствовали земли подъ собою; чай не пили. Имъ поскорѣе хотѣлось выбѣжать на свѣжій воздухъ, и подышать посвободнѣе. «Ступайте, братцы, домой, сказалъ Иванъ Григорьичъ. Отпустите ихъ о. ректоръ». «Хорошо! Только пойдите: кто васъ училъ писать?» спросилъ онъ у мальчиковъ. «Насъ никто не училъ». «Нѣтъ, кто у васъ смотритель или ректоръ?» «Иванъ Яковлевичъ Ловягинъ.» «А! вы изъ тверскаго училища. Идите же вы завтра къ нему и скажите, что о. ректоръ семинаріи прислалъ васъ поблагодарить его за то, что онъ доставилъ въ семинарію такихъ учениковъ. И покажите ему то, что вы здѣсь писали. Да смотрите жъ, сходите, непременно сходите; я завтра спрошу его».

Мальчики ушли; сходили къ Ивану Яковлевичу, сказали ему, что приказаль о. ректоръ, и успокоились. Аѳанасій самъ лично благодарилъ Ивана Яковлевича; собралъ всѣ тетрадки всѣхъ мальчиковъ, какія они писали во время экзаменовъ, и въ восторгѣ поѣхалъ по окончаніи экзаменовъ къ преосвященному Григорію, который былъ тогда архіепископомъ тверскимъ. Онъ думалъ, что и Григорій раздѣлитъ съ нимъ его восторгъ. Преосвященный Григорій отчасти слышалъ, что дѣлалъ о. ректоръ на экзаменахъ, и по своему строгому образу мыслей, не могъ понять, какъ можно увлекаться такъ. Когда о. ректоръ явился къ нему и разсказалъ обо всемъ, Григорій сказалъ: «какъ ты нелѣпо поступилъ! Развѣ для этого назначены экзамены? Хваленыхъ ты можешь испортить; а другихъ совѣмъ почти не экзаменовалъ. Нелѣпо!»

Мы не станемъ кассировать суда, произнесеннаго преосвященнымъ Григоріемъ. Люди разныхъ характеровъ и темпераментовъ, они иначе и не могли смотрѣть на дѣло, какъ съ двухъ разныхъ точекъ. Аѳанасій способенъ былъ увлекаться; онъ и увлекся. Григорій былъ логично-последователенъ; онъ такъ и судилъ объ увлеченіи Аѳанасія. Впрочемъ къ оправданію Аѳанасія должно сказать то, что всѣ тѣ ученики, которыми онъ такъ любовался при приѣмѣ въ семинарію, вышли въпослѣдствіи первыми учениками семинаріи, и поступили въ разныя духовныя академіи.

На публичныхъ экзаменахъ о. ректоръ Аѳанасій любилъ раздавать книги лучшимъ изъ учениковъ; и раздавалъ книги очень хорошія и въ большомъ количествѣ, особенно богословамъ. Какъ теперь помню: Аѳанасій Петровичъ Тихвинскій разъ несъ послѣ публичнаго экзамена столько книгъ, что едва могъ держать ихъ подъ мышкою, несмотря на то, что онъ былъ мущина видный и сильный. Книги раздавалъ Аѳанасій свои собственныя.

Таковъ АѦанасій былъ въ семинаріи.

По окончаніи классовъ утреннихъ, т.-е. ровно въ 12 часовъ, АѦанасій каждый день отправлялся въ Консисторію для занятія дѣлами епархіальнаго управленія. И въ Консисторіи, какъ и въ семинаріи, онъ работалъ, какъ волъ, безъ усталы. Каждое дѣло перечитаетъ, каждое слѣдствіе самъ повѣрить. Не читая не подпишетъ ни одной бумаги. Чего не могъ въ Консисторіи прочесть, беретъ на домъ, и тамъ все повѣрить и просмотрить. Есть цѣлые протоколы, писанные вчернѣ его собственною рукою. Отличительною чертою его дѣятельности консисторской была — правда и безкорыстіе. Какъ только дѣло несправедно, его никто не упрости и не умолитъ: онъ выведетъ неправду наружу и представитъ во всей наготѣ. Безкорыстіе его всѣ знали; и никто не смѣлъ сунуться къ нему не только съ деньгами, но и съ какими бы то ни было подарками. «Пошелъ вонъ! скажетъ ректоръ и выпроводитъ вонъ того, кто принесъ подарки».

Разъ былъ случай. АѦанасій помогъ въ какомъ-то дѣлѣ прихожанамъ богатаго села Кимры. Когда дѣло было кончено, и кимряки узнали, что оно по преимуществу обязано было счастливымъ ходомъ своимъ АѦанасію, вздумали поблагодарить его. На ихъ счастье рыбаки ихъ, — такъ какъ село ихъ стоитъ на берегу Волги, поймали большаго осетра: это — рѣдкость въ Твери. Кимряки купили этого осетра и живаго, въ большой лоханкѣ, принесли къ АѦанасію, прося принять его. АѦанасій, по обычаю, гналъ ихъ и съ осетромъ. Тѣ не хотѣли выдти отъ него, молили и просили его принять ихъ даръ. «Дѣло ужъ рѣшено, и мы отъ васъ ничево не просимъ, и не хотимъ; а только пришли поблагодарить за сдѣланное вами добро». АѦанасій отговаривался. «Ваше высокопреподобіе,

какъ вамъ угодно, а мы оставимъ лоханку, и уйдемъ». Они такъ и сдѣлали. Ну, поставь его куда нибудь, сказалъ Аванасій, указывая на осетра. А самъ поѣхалъ въ Консисторію. Въ Консисторіи кто-то изъ членовъ тутъ и скажи Аванасію: «чтожь, отецъ ректоръ, позовите насъ на уху-то». «На какую уху?» «А осетра-то вамъ свѣжого принесли.» Взорвало Аванасія. Сію жь минуту онъ отправился домой. «Илья! Илья! закричалъ онъ что есть мочи, такъ что Илья его перепугался. Зови сейчасъ нищихъ, всѣхъ зови». «Да гдѣ ихъ найдешь теперь», сказалъ флегматически Илья, отличавшійся именно своимъ флегматическимъ характеромъ и недалнимъ умомъ. «Зови сейчасъ! Пошолъ!» — «Что больно загорѣлось?» — «Говорять иди». Аванасій ходилъ точно левъ ужаленный, или раненный. Гнѣвъ и досада проглядывали въ его словахъ. Илья что-то копался и ворчалъ въ своей комнатѣ. «Пошолъ!» сказалъ Аванасій, и стукнулъ своей тростью. Онъ не снималъ ни верхней ряски своей, ни выпускалъ трости изъ рукъ. Илья понялъ, что надо идти. «Куда жь я пойду?» — «Куда хочешь, только приведи нищихъ». — «Да на что тебѣ они, вѣдь утромъ подавалъ». Аванасій имѣлъ обычай подавать милостыню утромъ. «Говорять иди». Илья ушелъ, и чрезъ полчаса привелъ человѣкъ пятнадцать нищихъ, разнаго сорта и рода. Тутъ были и солдаты отставные, и женщины, и дѣти, и мужики калѣки. «Подите сюда», сказалъ ректоръ, все еще не раздѣвавшись. Тѣ подошли. «Илья! Гдѣ рыба-то?» — «Какая?» — «А вотъ давеча-то припесли. Подай сюда». Илья съ другими служителями втащилъ лоханку съ осетромъ. «Ну... берите ее себѣ», сказалъ Аванасій, указывая нищимъ на рыбу. Тѣ бросились съ азартомъ, схватили лоханку и потащили вонъ. Ну слава Богу, сказалъ Аванасій, и отправился опять въ Консисторію.

Нищіе между тѣмъ подняли драку изъ-за осетра; ихъ взя-

ли и съ осетромъ въ полицію; въ полиціи прежде всего занялись осетромъ; его отправили частію къ полиціймейстеру, частію къ частнымъ, а нищихъ заставили мечь улицы. Въ Консистеріи АѦанасій сидѣлъ молча. Всѣ видѣли, что его уколола рѣчь объ ухѣ, и теперь не смѣли слово ему сказать. При выходѣ изъ Консистеріи АѦанасій сказалъ членамъ: позвалъ бы васъ на уху, да нищіе ее съѣли. Онъ и не зналъ, что и нищіе ухи не ѣли, а ѣли чины полиціи.

Въ Твери АѦанасій былъ особенно друженъ съ протоіереемъ Алексѣемъ Петровичемъ Воиновымъ и его семействомъ. У Воинова сгорѣлъ домъ, единственная собственность, обезпечивавшая его и семью его. АѦанасій былъ уже въ Петербургѣ. Узнавши объ этомъ горѣ друга своего, онъ писалъ ему письмо въ утѣшеніе, и потомъ прислалъ цѣлый ящичекъ, въ которомъ обыкновенно продаютъ казанское мыло, наполненный золотыми. Внизу самаго ящика на внутренней доскѣ дна онъ написалъ своею рукою: *«вмѣсто бѣленькихъ четочекъ»*. Въ этомъ ящикѣ были посланы къ нему бѣленькія четки отъ семейства Воинова.

Протоіерей В. Владиславлевъ.

С Л О В О

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АѦНАСІЯ КАЗАНСКАГО

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ВО ИМЯ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

(Говорено въ 1833 году, когда онъ былъ ректоромъ тверской семинаріи.)

Домъ Мой, домъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ. Пс. 56, 7.

Вотъ, слушатели, употребленіе, какое мы должны дѣлать изъ дома Господня, по назначенію самого Господа! Недовольно того, чтобъ мы соорудили и украсили оный достойнымъ Божественнаго величія образомъ, не довольно того, чтобъ мы не дѣлали его домомъ купли и вертепомъ разбойниковъ, какъ дѣлали Іудеи во дни Исуса Христа (Матѣ. 20, 13. 21), или домомъ объяденія и пьянства, какъ дѣлали нѣкоторые изъ Коринѣянъ во времена апостола Павла (1 Кор. 11, 20. 21). Надобно еще, чтобъ онъ былъ для насъ домомъ молитвы; надобно, т.-е., чтобъ мы ходили въ него и молились въ немъ. *Домъ Мой, домъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ.*

Нельзя сказать, слушатели, чтобъ неуваженіе и презрѣніе къ дому Господню не почитаемо было у насъ грѣхомъ тяжкимъ и непростительнымъ. Сохрани Боже, если бы кто совсѣмъ не сталъ ходить въ домъ Божій. Таковаго самый міръ не преминулъ бы повсюду огласить нечестивцемъ и безбожникомъ, недостойнымъ никакой пощады. Сохрани Бо-

же, если бы кто превратилъ домъ Господень въ домъ кушли, какъ то сдѣлали Іудеи во дни Іисуса Христа, или въ домъ объяденія и пьянства, какъ то дѣлали нѣкоторые изъ Коринѳянъ во времена апостола Павла. Таковаго самый міръ осудилъ бы, какъ безчинника и нарушителя общественнаго порядка. Но при всемъ томъ надобно признаться, слушатели, что грѣхъ неуваженія и презрѣнія къ дому Господню едва ли не есть самый обыкновенный и почти всеобщій въ мірѣ. Міръ не осуждаетъ его только потому, что обыкновенно прикрывается онъ благовидностію предлоговъ, подъ коими совершается.

Такъ, многіе не ходятъ въ домъ Господень молиться, — и міръ прощаетъ имъ потому только, что они извиняются или недосугами, или немощами, или домашними упражненіями въ молитвахъ. Многіе ходятъ въ домъ Господень, но не молятся такъ, какъ должно молиться въ немъ, — не молятся наружно, — и міръ не осуждаетъ ихъ потому единственно, что они оправдываютъ себя то недостаткомъ внутренняго молитвеннаго расположенія, то полнотою внутренней молитвы ума и сердца, то стыдливостію обнаружить предъ другими свои внутреннія молитвенныя расположенія.

Правда, всѣ сіи извиненія и оправданія таковы, что не могутъ быть обличены предъ судомъ человѣческимъ; ибо сей судъ и не касается помышленій и мыслей сердечныхъ; но для насъ, слушатели, долженъ быть страшенъ не судъ человѣскій, но судъ Божій. А предъ симъ судомъ не можетъ устоять ни одно изъ тѣхъ извиненій и оправданій нехожденія нашего въ домъ Господень для молитвы, коими обыкновенно довольствуется судъ человѣскій.

По суду слова Божія, какъ тѣ неизвинительны, которые не ходятъ въ домъ Господень для молитвы подъ предлогами недосуговъ, болѣзней и домашнихъ упражненій въ молитвахъ,

такъ и тѣ не прощительны, которые ходятъ въ домъ Господень, но ни чѣмъ не обнаруживаютъ своей молитвы.

По суду слова Божія, чѣмъ больше у насъ недосуговъ, чѣмъ больше болѣзней и чѣмъ больше домашнихъ упражненій въ молитвахъ: тѣмъ больше должно намъ ходить и въ домъ Божій для молитвы. Также чѣмъ менѣе въ насъ внутренняго расположенія къ молитвѣ, чѣмъ больше внутренней молитвы и чѣмъ больше стыдливости обнаружить предъ другими свои молитвенныя расположенія, тѣмъ больше и должно намъ молиться наружнымъ образомъ.

Размыслимъ, слушатели, о сихъ истинахъ для исправленія нашего, дабы и сей новоосвященный храмъ Божій не былъ новымъ противу насъ на судъ Божию свидѣтелемъ нашего неуваженія и презрѣнія къ храмамъ Божиимъ.

И такъ первый предлогъ, коимъ обыкновенно извиняютъ себя въ нехожденіи въ домъ Божій на молитву, есть *недосуги*. «Я потому», говорятъ, «часто не хожу въ церковь, что мнѣ очень недосужно». Но примѣчаешь-ли ты, любезный слушатель, что извиняясь такимъ образомъ предъ людьми въ нехожденіи своемъ на молитву въ церковь Божию, ты дѣлаешься виновнымъ предъ Богомъ въ новомъ грѣхѣ богоульства. Ты часто не ходишь въ церковь потому, что тебѣ очень недосужно. Но Богъ, заповѣдавшій намъ всѣмъ безъ исключенія шесть дней дѣлать и сотворить въ нихъ вся дѣла своя, а день седьмой посвящать на служеніе Ему единому, развѣ не предвидѣлъ, развѣ не зналъ, что мы можемъ сотворить въ шесть дней всѣ дѣла свои? Существенно необходимыя дѣла наши и нужды совсѣмъ не такъ многочисленны, какъ обыкновенно мы думаемъ, совсѣмъ не такъ многочисленны, чтобъ могли часто отвлекать насъ отъ храмовъ Божіихъ во дни, исключительно назначенные на служеніе Богу.

Подумай лучше, возлюбленный, не отъ того ли во дни

праздниковъ, и именно въ часы общественнаго молитвословія въ храмахъ, особенно умножаются дѣла твои, что тебѣ не хочется отложить занятіе оными до другаго, небогослужебнаго времени? Не отъ того ли, что ты нарочито отлагаешь ихъ на сіи времена, долженствующія быть посвященными единственно Господу, дабы не имѣть труда заниматься ими въ другое время? Отъ чего другіе, во всемъ подобные тебѣ и по должности и по званію, и по мѣстамъ и по способностямъ и по связямъ, всегда находятъ время быть въ церкви, тогда какъ ты находишься дома за дѣлами? Сего мало: отъ чего другіе, болѣе твоего обремененные дѣлами, всегда бывають въ храмахъ Божіихъ, во дни особенно для сего назначенные церковію?! Подумай хорошенько, нѣтъ ли еще чего худшаго въ твоёмъ извиненіи? Подумай, подлинно ли дѣла твои таковы, что ихъ должно дѣлать, не говорю, въ часы богослуженія, но и во всякое другое время? Не потому ли ты часто не ходишь въ домъ Божій, что лучше любишь жить въ селеніяхъ грѣшничихъ? Не потому ли ты часто не ходишь въ домъ Божій для поученія въ немъ закону Божію, что лучше любишь ходить на совѣтъ нечестивыхъ, стоять на пути грѣшныхъ, сидѣть на сѣдалищѣ губителей, нежели день и ночь поучаться въ законѣ Божіемъ? Не отъ того ли ты часто не ходишь въ домъ Божій на молитву, что лучше любишь безстыдныя и соблазнительныя зрѣлища, нежели зрѣть во храмѣ Господнемъ красоту Господню? Не отъ того ли ты часто не ходишь въ домъ Божій для служенія Богу, что лучше любишь служить мамонѣ и міру, нежели Богу? Не отъ того ли ты часто не ходишь въ домъ Божій, что лучше любишь читать соблазнительныя и развратныя книги, нежели слушать слово Божіе и славословіе Богу? Не отъ того ли ты часто не ходишь въ домъ Божій для молитвенной бесѣды съ Богомъ, что больше любишь злыя бесѣды, развращающія нравы, неже-

ли бесѣду съ Богомъ? Не отъ того, что... охъ, слушатель! страшно выговорить, но выговорить надобно, для спасенія твоего,— не отъ того ли, что ты лучше любишь взирать на лица студныхъ женъ, нежели на образъ Богоматери, на безстудныя движенія лицедѣевъ, нежели на образъ страждущаго или распятаго Спасителя? Ахъ! ты говоришь, что потому часто не ходишь въ церковь, что тебѣ очень недосужно. Но отъ чего же такъ много бываетъ у тебя празднаго времени и до богослуженія и послѣ богослуженія? Отъ чего же ты не отзываешься недосугами, когда друзья твои приглашаютъ тебя къ пиршествамъ и къ забавамъ? Ахъ! у тебя видно на все есть время, и вѣтъ его только на молитву и на служеніе Господу!!!

Да хотя бы и дѣйствительно постоянно ты имѣлъ у себя множество дѣлъ, неоставляющихъ тебѣ празднаго времени; то не долженъ ли ты поэтому самому чаще ходить въ церковь Божію для молитвы? Такъ слово Божіе учитъ насъ, что отъ Господа стопы человѣку исправляются (Пс. 36, 23), что при всѣхъ своихъ заботахъ, мы не можемъ прибавить себѣ росту ни на одинъ локоть (Матѳ. 6, 27), что при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не можемъ ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ (Матѳ. 5, 36), что аще не Господь созиждетъ домъ, то всеу трудишася зиждущіи, и аще не Господь сохранить градъ, то всеу бдѣ стрегій (Пс. 126, 1.), что Господь посылаетъ намъ съ неба и дожди и времена плодотворныя, подавая намъ пищу и исполняя сердца наши веселіемъ (Дѣян. 14, 17), что Онъ даетъ всему и жизнь и дыханіе и все (Дѣян. 17, 25), что Онъ мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ, убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ (1 Царст. 2, 7. 8), и что о Немъ мы и живемъ и движемся и есмы (Дѣян. 17, 28). Если же такъ, то не должны ли мы тѣмъ больше ходить въ храмы Божіи и мо-

литься въ нихъ о помощи къ намъ Божіей, чѣмъ больше и чѣмъ многочисленнѣе наши нужды и дѣла? Не думайте, возлюбленные, чтобъ обыкновенныя наши житейскія заботы, заботы о пищѣ, одеждѣ и тому подобномъ, могли извинить наше нехождение въ домъ Божій. Царствіе Божіе должно быть дороже для насъ всѣхъ сокровищъ міра. *Какая польза человеку, говоритъ Спаситель, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщетитъ, или что дастъ чловкъ измѣну за душу свою.* (Матѣ. 16, 26)? Посему-го Спаситель уподобляетъ царствіе небесное купцу, ищущему хорошаго жемчуга, который, найдя одну драгоцѣнную жемчужину, пошелъ и продалъ все что имѣлъ, и купилъ оную (Мѣ. 13, 45. 46). Вотъ сколь дорого должно быть для насъ царствіе Божіе! Потеря онаго ничѣмъ не вознаградима, а для приобрѣтенія онаго ничѣмъ дорожить не должно. Но очевидно, что тотъ, кто совсѣмъ не ходитъ въ церковь, не можетъ войти въ царство небесное, а кто часто не ходитъ въ оную за своими недосугами, тотъ въ крайней находится опасности лишиться онаго.

Второй предлогъ, которымъ обыкновенно извиняютъ себя въ неходженіи въ церковь, есть *болѣзни и немощи*. «Я потому, говорятъ, часто не хожу въ церковь, что мнѣ часто нездоровится». Правда, слушатели, есть болѣзни, которыя могутъ служить благословною виною неходженія въ храмъ Господень. Но я и не говорю о болѣзняхъ сего рода: кто имѣетъ таковыя, тотъ, по повелѣнію апостола, пусть призоветъ къ себѣ въ домъ пресвитеры церковныя, да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне (Іак. 5, 14). Есть болѣзни и немощи другаго рода; есть болѣзни, которыя не препятствуютъ заниматься дѣлами домашними и выходить изъ дома. Вотъ сего-то рода болѣзни не оправдываютъ насъ въ неходженіи во храмъ Божій для молитвы, но еще болѣе дѣлаютъ

насъ неизвинительными. Такъ ты говоришь, что ты потому не ходишь въ церковь, что часто бываешь боленъ и немощенъ. Но вникни хорошенько въ твое сердце, не примѣшивается ли къ твоимъ болѣзнямъ! лѣность къ молитвеннымъ подвигамъ, или что-либо еще худшее. Если ты не ходишь въ церковь по истинно по болѣзни, а не по другой какой либо законопреступной причинѣ, то отъ чего ты часто бываешь боленъ во дни, особенно назначенные церковію на служеніе и молитвословіе Господу? Отъ чего въ простые дни, когда, не подвергаясь стыду и осужденію предъ лицемъ церкви, можешь и не быть въ храмѣ, ты обыкновенно бываешь здоровъ? Отчего ты такъ рѣдко отказываешься и почти никогда не отказываешься болѣзнями тогда, какъ приглашаютъ тебя къ пиршествамъ и забавамъ? Отчего, если ты истинно не ходишь въ церковь по болѣзни, и между тѣмъ любишь упражняться въ молитвахъ, совершаемыхъ въ храмахъ, отчего не призовешь къ себѣ въ домъ пресвитеровъ церковныхъ для совершенія молитвъ Господу въ твоемъ присутствіи, и если не можешь почему-либо сдѣлать сего, то отъ чего не стараешься вознаградить своихъ опущеній во дни болѣзней частыми хожденіями въ домъ Божій во дни простые, въ кои не обязываются всѣ быть въ церкви и въ кои ты однако бываешь здоровъ? Ахъ! возлюбленный, вникни безпристрастно въ совѣсть свою и размысли: не отъ того ли, полно, не ходишь ты въ церковь, что ты здоровѣе всѣхъ ходящихъ въ оную? Не оттого ли, что ты, подобно народу Израильскому, уты, утолетѣ, расширѣ, и, подобно сему народу оставилъ Бога сотворшаго тебя и отступилъ отъ Бога Спаса своего (Второз. 32, 15)?

Но положимъ даже, что дѣйствительно ты часто дѣлаешься нездоровъ, и именно въ часы богослуженія. Такъ что-же? освобождаютъ ли тебя сіи болѣзни отъ обязанности быть въ

церкви, коль скоро онѣ таковы, что ты можешь выходить изъ дома? Нѣтъ, возлюбленный! Если ты вѣришь, что Господь даетъ всему и жизнь и дыханіе и все; если ты вѣришь, что всѣ мы о Немъ живемъ, движемся и есмы; если ты вѣришь, что Онъ мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ: то ты не можешь почитать для себя позволительнымъ уклоняться, подъ предлогомъ своихъ немощей и болѣзней, отъ хожденія во храмъ Господень; ибо это значило бы быть больнымъ, и не искать исцѣленія, быть немощнымъ и не искать силы. Чѣмъ, такъ сказать, сильнѣе твои немощи, тѣмъ сильнѣе должны онѣ влечи тебя во храмъ Господень, и чѣмъ чаще твои болѣзненные припадки, тѣмъ чаще ты долженъ припадать предъ Господомъ во храмѣ Его съ молитвою о своемъ исцѣленіи.

Третій предлогъ, которымъ обыкновенно извиняють себя въ нехожденіи въ церковь, есть домашнее упражненіе въ молитвѣ. «Бѣда не велика, говорятъ, что я не хожу въ церковь: все равно, я молюсь дома». Какъ?! бѣда не велика не ходить въ церковь?! Какъ? все-равно что дома молиться, что въ церкви?! Бѣда не велика не ходить въ церковь? Бѣда невелика не быть въ домѣ Божиѣмъ! Такъ развѣ ты не вѣришь, что въ храмѣ Божиѣмъ присутствуетъ Самъ Христосъ среди сыновъ церкви, собирающихся во имя Его? Ахъ! какая можетъ быть бѣда большая сей, состоящей въ добровольномъ удаленіи себя отъ благодатнаго присутствія своего Спасителя и Господа! Если это для тебя не велика бѣда, то для тебя не существуетъ уже никакой бѣды.— «Все равно, говоришь ты, я молюсь дома». Нѣтъ, возлюбленный, не все равно. Еслибы это было все равно, то Богъ и не заповѣдалъ бы намъ строить собственно для Него храмовъ: ибо вѣрно слово апостола, что *Богъ сотворивый міръ и вся яже въ немъ, Сей небесе и земли Господь, не въ рукотворенныхъ храмъхъ жи-*

ветъ, ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ, требуя что, Самъ дая всему и жизнь и дыханіе и вся (Дѣян. 17, 24, 25).

Нѣтъ, возлюбленный, не все равно, во храмѣ ли Божиѣмъ молиться, или дома. Во храмѣ Божиѣмъ приносятся молитвы Богу именно такъ, какъ угодно Богу; ибо приносятся по уставу святой церкви, писанному святыми мужами, благоугодившими Богу; а моляся дома, по недостатку книгъ церковныхъ, ты по необходимости долженъ молиться такъ, какъ тебѣ вздумается, а такое самовольное служеніе не столько можетъ быть угодно Богу. Угодить Богу надобно не такъ, какъ намъ хочется, но такъ, какъ Самъ Богъ хочетъ и повелѣваетъ. Угодить Богу такъ, какъ намъ хочется, а не такъ, какъ Богъ хочетъ и повелѣваетъ, значить угождать не Богу, а себѣ.

Въ храмѣ Божиѣмъ вмѣстѣ съ тобою молятся о тебѣ служители храма и вся церковь, какъ о предстоящемъ во храмѣ; а моляся дома, ты молишься о себѣ одинъ, и кто знаетъ? твоя молитва, можетъ быть, столько же негодна Богу, какъ негодна Ему была молитва друзей Іова, которымъ Богъ сказалъ: *нѣшь возмите семь тельцовъ и семь овновъ и идите къ рабу Моему Іову, и сотворитъ жертву о васъ: Іовъ же рабъ Мой помолится о васъ: понеже точію лице его пріиму: аще бо не его ради, погубилъ быхъ убо васъ* (Іов. 42, 8).

Кромѣ сего во храмѣ Божиѣмъ читается, проповѣдуется и объясняется слово Божіе; а въ домѣ весьма многію не читаютъ либо по неумѣнью читать, либо по неимѣнью книгъ, въ которыхъ содержится слово Божіе, или, если и читаютъ, то не понимаютъ правильно либо по неспособности понимать божественныя истины въ немъ изрекаемыя, либо по неивычности къ божественному языку, изрекающему оныя.

Итакъ, возлюбленный, не малая бѣда не ходить во храмъ Божій, и не все равно, что во храмъ Божіемъ молиться, что дома.

Притомъ, когда ты говоришь, что не велика бѣда, что ты не ходишь въ церковь, и что все равно въ церкви ли молиться, или дома; то помышляешь ли о соблазнѣ, тобою причиняемомъ? Кто повѣритъ тебѣ, что ты молишься дома, когда не ходишь во храмъ Божій, нарочно для сего устроенный по повелѣнію Божію? Итакъ, если ты отецъ семейства, то не соблазняешь ли дурнымъ своимъ примѣромъ всѣхъ своихъ дѣтей и домочадцевъ? Если ты господинъ, то не соблазняешь ли всѣхъ твоихъ рабовъ и служителей? Если ты начальникъ, то не соблазняешь ли всѣхъ твоихъ подчиненныхъ? Если ты учитель, то не соблазняешь ли всѣхъ твоихъ учениковъ? И это ли еще не бѣда, и притомъ бѣда самая великая, когда Спаситель говоритъ, что *уже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ, върующихъ въ Него, то добръе есть ему паче, аще облежитъ камень жерновый о выи его и вверженъ будетъ въ море* (Марк. 9, 42)?

Ахъ, возлюбленный! если и добровольное удаленіе себя отъ благодатнаго присутствія Христова; если и соблазнъ, тобою причиняемый, ты не считаешь для себя великою бѣдою; если на все это смотришь ты хладнокровно: то размысли, не потому ли лучше ты не ходишь въ храмъ Божій для молитвы, что для тебя все равно, что молиться, что нѣтъ?! О, какъ подозрительны и сомнительны домашнія твои упражненія въ молитвѣ, когда мы не видимъ тебя на молитвѣ въ храмъ Божіемъ! Ибо, кто истинно упражняется дома въ молитвахъ, тотъ не можетъ для сего не ходить и въ церковь Божію. Святый псалмопѣвецъ, безъ сомнѣнія, часто молился Богу дома, и однакоже душа его желала и скончалась во двory Господни (Пс. 83, 1); онъ называлъ бла-

женными живущихъ въ дому Божіемъ (ст. 5), исповѣдываль, что лучше день единъ во дворѣхъ Божіихъ, паче тысящъ, и что онъ изволилъ приметаться въ дому Божіемъ паче, неже жити въ селеніяхъ грѣшничихъ (ст. 11). Святые апостолы Петръ и Іоаннь, конечно, упражнялись дома въ молитвахъ; однако же книга Дѣяній апостольскихъ свидѣтельствуеть намъ, что они ходили и во храмъ на молитву въ часъ девятый, т. - е. въ часъ, назначенный для общественнаго богослуженія (Дѣян. 3, 1). Знаю, что мы не только можемъ, но и должны молиться не только дома, но и на всякомъ мѣстѣ, по заповѣди апостола, который говоритъ: *хощу, да молитвы творять мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздвѣюще преподобныя руки безъ иныа и размышленія* (1 Тим. 2, 8); но сія заповѣдь св. апостола отнюдь не учитъ насъ тому, что мы можемъ не ходить въ церковь на молитву, а напротивъ учитъ тому, что мы должны молиться не только въ церкви, но и на всякомъ мѣстѣ внѣ церкви, гдѣ бы то ни было; подобно какъ другая заповѣдь того же апостола: *непрестанно молитесь* (1 Солун. 5, 18), отнюдь не учитъ насъ тому, что можемъ не молиться въ часы богослуженія, а учитъ тому, что мы должны молиться не только въ часы богослуженія, но и во всякое другое время, и притомъ непрестанно. Итакъ, возлюбленный слушатель, если и ты подлинно упражняешься дома въ молитвенныхъ подвигахъ, то гораздо естественнѣе тебѣ ходить для сего и въ церковь, нежели не ходить. Чѣмъ чаще занимаешься ты молитвою дома, тѣмъ неопустительнѣе свойственно тебѣ ходить для сего и въ церковь.

Итакъ, слушатели, не извинительны тѣ, которые не ходятъ въ храмъ Господень для молитвы подъ предлогомъ недосуговъ, болѣзней и домашнихъ упражненій въ молитвѣ. Но не болѣе сихъ извинительны и тѣ, которые ходятъ во

храмы Господни, но не молятся наружнымъ образомъ, оправдывая себя въ семь то недостаткомъ внутренняго расположенія къ молитвѣ, то избыткомъ внутренней молитвы, то стыдливостію обнаружить предъ другими молитвенныя свои расположенія.

Первый предлогъ, которымъ обыкновенно оправдываютъ себя въ томъ, что не молятся во храмѣ Божіемъ наружно, есть недостатокъ внутренняго расположенія къ молитвѣ. «Я, говорятъ, потому во храмѣ не молюсь наружно, потому не знаменую себя крестнымъ знаменіемъ и не кланяюсь Господу, что не чувствую въ себѣ внутренняго молитвеннаго расположенія, безъ котораго вся вышняя молитва ничто». Но сей предлогъ не оправдываетъ тебя, возлюбленный слушатель, въ недостаткѣ наружной молитвы, но паче обличаетъ тебя въ безпечности о молитвенномъ расположеніи сердца. Какъ? Ужели по твоему доброе дѣло должно дѣлать только тогда, когда есть въ насъ къ тому расположеніе и охота? Ахъ! гдѣ бы тогда была добродѣтель? Если будемъ молиться только тогда, когда намъ захочется, то мы не ученики Господа Иисуса Христа и апостоловъ Его. Не такъ учить насъ Господь и апостолы Его. Господь предложилъ во Евангеліи нарочито притчу о томъ, како подобаетъ всегда молиться и не стужати (Лук. 18,1). А одинъ изъ апостоловъ Его рѣшительно велитъ намъ непрестанно молиться (1 Солун. 5, 17). Нѣтъ, слушатели; нашъ долгъ есть дѣлать добро, а слѣдовательно и молиться и въ такомъ случаѣ, когда мы не чувствуемъ къ тому расположенія и охоты; нашъ долгъ производить и возбуждать въ себѣ, сколько то отъ васъ зависитъ, и самое расположеніе и самую охоту къ добру Евангеліе предписываетъ намъ правила не съ тѣмъ, чтобы мы исполняли ихъ только тогда, когда захочемъ, но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно исполняли ихъ во всякое время, хотя бы и не имѣли

расположенія и охоты исполнять ихъ. А посему непременно должно молиться наружно и при недостаткѣ внутренняго расположенія, дабы произвестъ и возбудить самое сіе недостающее расположеніе. Внѣшнее наше положеніе столь тѣсную имѣетъ связь съ внутреннимъ состояніемъ души нашей, что, какъ состояніе души имѣетъ вліяніе на положеніе тѣла, такъ наоборотъ и положеніе тѣла необходимо имѣетъ вліяніе на состояніе души. Принудь себя къ наружной молитвѣ, и ты невольно почувствуешь и внутреннее расположеніе къ оной. Иначе бесполезны бы были внѣшніе обряды богослуженія, установленные Самимъ Богомъ именно для того, чтобы чрезъ внѣшнее наше дѣйствовать и на наше внутреннее. Итакъ чѣмъ больше чувствуешь въ себѣ нерасположенія къ молитвѣ, тѣмъ больше молись наружно, тѣмъ больше знаменуй себя крестнымъ знаменіемъ и тѣмъ чаще повергай себя ницъ предъ Богомъ. Не имѣть внутренняго расположенія къ молитвѣ, и тѣмъ оправдывать недостатокъ наружной молитвы, значитъ тоже, что совершенно отказаться отъ всякой молитвы.

Второй предлогъ, коимъ оправдываютъ недостатокъ наружной молитвы, есть избытокъ внутреннихъ молитвенныхъ расположеній. «Что забѣда, говорятъ, не молиться наружно, лишь бы молиться внутренно; довольно если умъ и сердце устремлены къ Богу». Какъ? вѣтъ бѣды не молиться наружно?! А это развѣ не бѣда, что ты всенародно обнаруживаешь непокоривость и презорство къ матери своей Церкви? Церковь чрезъ служителя своего воззываетъ тебя къ молитвѣ и чрезъ него же даетъ тебѣ знать, что ты долженъ креститься и кланяться, а ты, не смотря на то, не хочешь ни креститься, ни кланяться. Развѣ ты не знаешь, что кто Церковь преслушаетъ, тотъ, по слову Господа, есть тоже, что язычникъ и мытарь? А это также развѣ не бѣда, что ты своимъ

непослушаніемъ и презорствомъ къ Церкви подаешь дурной примѣръ не только низшимъ тебя, но и всѣмъ видящимъ тебя?! «Довольно, говоришь ты, молиться внутренно, довольно, если умъ и сердце обращены къ Богу». Правда, внутренняя молитва столь важна, что наружная безъ нея есть лицемѣріе. Но кто сказалъ тебѣ, что довольно одной внутренней молитвы безъ наружной? Ахъ! еслибы довольно было одной внутренней молитвы, то Іисусъ Христосъ не сказалъ бы намъ, научая насъ молитвѣ: *просите, и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцуйте и отверзется вамъ. Всякъ бо просій пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзется* (Матѣ. 7, 7); не сказалъ бы и апостоль Павелъ: *да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, въздѣюще преподобныя руки*. Нѣтъ, возлюбленный, если ты подлинно молишься съ сердечнымъ усердіемъ и съ желаніемъ получить просимое, то ты не можешь молиться безъ колѣно-преклоненія, безъ поверженія себя ницъ, безъ въздыханій, безъ слезъ и тому подобнаго. Самарянинъ искренно благодарившій Іисуса Христа за исцѣленіе отъ проказы, благодарилъ Его припавъ ницъ, къ ногамъ Его, — и признанъ отъ Іисуса Христа благодарнымъ (Лук. 17, 16—18). Мытарь, искренно просившій у Бога помилованія во грѣхахъ своихъ, стоялъ во храмѣ вдали, не смѣлъ даже очей возвести на небо, и ударяя себя въ грудь, говорилъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*, и вышелъ изъ храма оправданнымъ (Лук. 18, 13). Но къ чему упоминать намъ о самарянахъ и мытаряхъ, когда Самъ Іисусъ Христосъ Спаситель нашъ, Учитель нашъ, Господь нашъ, Богъ нашъ, въ саду Геосиманскомъ предъ страданіями Своими молился, по свидѣтельству евангелистовъ, преклонивъ колѣна (Лук. 22, 41), упавъ на землю (Марк. 14, 35), повергшись на пречи-

стое лице Свое (Матѣ. 36, 29), съ сильнымъ воплемъ, со слезами (Евр. 5, 5), и съ кровавымъ потомъ (Лук. 22, 44)?!

Можно ли же, послѣ сего, повѣрять тебѣ, возлюбленный слушатель, что ты подлинно молишься въ сердцѣ твоёмъ искренно, когда ничѣмъ не обнаруживаешь своей молитвы, когда молитва твоя не сопровождается ни потомъ, ни слезами, ни воздыханіями, ни поклоненіями, ни крестными знаменіями, ни возведеніями очей на небо? Ахъ! если ты подлинно искренно молишься въ душѣ своей, то очи твои тѣмъ должны быть неподвижнѣе устремлены къ Богу; то воздыханія твои тѣмъ должны быть глубже; то крестныя знаменія твои тѣмъ должны быть выразительнѣе; то поклоненія твои тѣмъ должны быть ниже; то слезы твои тѣмъ должны быть горьче, то потъ твой тѣмъ долженъ быть обильнѣе, чѣмъ усерднѣе внутренняя твоя молитва.

Третій и послѣдній предлогъ, коимъ оправдываютъ себя въ томъ, что не молятся во храмѣ Божіемъ, есть *стыдливость*. «Я со всѣмъ усердіемъ, говорятъ, помолился бы наединѣ, но въ церкви стыжусь обнаружить свои молитвы, ибо опасаясь, чтобы меня не огласили лицомъромъ, пусто-«святомъ, ханжею». Какое постыдное для имени христіанскаго оправданіе! Какъ? Ты стыдишься исповѣдывать предъ людьми величіе Божіе и свое предъ Богомъ ничтожество и окаянство? Ты стыдишься прославлять Бога?! Послѣ этого ты вѣрно стыдишься и Спасителя своего Иисуса Христа и словеса Его въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, и готовъ при всякомъ случаѣ отвергнуться Его предъ людьми. Какъ? Ты страшишься прослыть лицомъромъ, пусто-«святомъ, ханжею? Значить, что ты хочешь, чтобы всѣ говорили о тебѣ доброе; значить, что ты любишь болѣе славу человеческую, нежели славу Божію; кратко: значить, что ты душа невѣрная, — недостойная имени христіанскаго, а достой-

ная осужденія и геены. Какъ? Развѣ ты не знаешь, что мы, что ни дѣлаемъ, все должны дѣлать во славу Божію? Развѣ ты не знаешь, что Іисусъ Христосъ назвалъ блаженными только тѣхъ, коихъ поносятъ и коихъ имя разславляютъ, какъ безчестное, ради Его (Лук. 6, 22), а тѣмъ напротивъ, о коихъ всѣ люди говорятъ доброе, возвѣщаетъ горе (Лук. 6, 26)?! Развѣ ты не знаешь, что кто постыдится Іисуса Христа и словесъ Его въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, того и Онъ постыдится, егда придетъ во славу Отца Своего со ангелы Своими (Марк. 8, 38)?! Итакъ вмѣсто того, чтобъ оправдывать себя въ недостаткѣ наружной молитвы въ храмѣ своею стыдливостію, истреби лучше сію ложную и столь пагубную для тебя стыдливость. Она есть печать твоего осужденія и отверженія. И слѣдовательно, чѣмъ она сильнѣе въ тебѣ, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ долженъ ты стараться истребить ее посредствомъ частаго упражненія въ наружныхъ молитвахъ именно предъ человѣками, а не наединѣ, и посредствомъ другихъ наружныхъ дѣйствій во славу Божію. Иначе ты погибъ.

Вотъ сколь ничтожны всѣ предлоги, какъ тѣ, коими мы обыкновенно стараемся извинить себя, слушатели, въ нехожденіи своемъ въ храмъ Божій для молитвы, такъ и тѣ, коими оправдываемъ себя въ томъ, что не молимся въ ономъ наружно! Ничто не извиняетъ насъ въ нехожденіи въ храмъ Господень для молитвы, ни наши недосуги, ни наши болѣзни, ни наши домашнія упражненія въ молитвахъ; но еще паче осуждаютъ насъ въ томъ. Ничто также не оправдываетъ насъ и въ томъ, что мы ничѣмъ не обнаруживаемъ въ храмѣ молитвъ своихъ: ни недостатокъ внутренняго расположенія къ молитвѣ, ни полнота молитвы внутренней, ни наша стыдливость обнаружить предъ другими свои молитвенныя расположенія, но еще паче обвиняютъ насъ.

Если же такъ, то будемъ тѣмъ больше ходить въ храмъ Божій на молитву, чѣмъ больше у насъ недосуговъ, болѣзней и домашнихъ упражненій въ молитвахъ, и будемъ тѣмъ больше подвизаться въ наружной молитвѣ, чѣмъ меньше въ насъ расположенія къ молитвѣ и чѣмъ больше внутренней молитвы и стыдливости обнаружить предъ другими молитвенныя свои расположенія.

О, Господи Іисусе Христе Сыне Божій, Спасителю нашъ, вознесыйся отъ насъ нынѣ на небо и сѣдый одесную престола величества на высокихъ! Дажь намъ возлюбить благолѣпіе сего рукотвореннаго дому Твоего и сіе мѣсто земнаго селенія славы Твоея, да сподобимся тако узрѣть Тебя лицомъ къ лицу и въ небесныхъ Твоихъ селеніяхъ, въ небесной славѣ Твоей, Красота наша несозданная. Аминь.

О РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ

ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ (а).

Римско-католическое богослуженіе много отличается отъ нашего православнаго. Конечно, мы православные въ отношеніи къ виѣшнимъ богослужебнымъ обрядамъ не должны слишкомъ строго отнѣситься ко всеѣмъ частвѣйшимъ особенностямъ неправославныхъ христіанскихъ обществъ. Тѣмъ болѣе мы не должны цѣлой церкви, хотя бы и неправославной, поставлять въ укоръ такихъ искаженій и злоупотребленій въ исполненіи церковныхъ обрядовъ, какія допускаются по мѣстамъ частными членами и служителями церкви, а не узаконяются самою церковію. Мы не должны быть въ этомъ отношеніи строгими судіями, дабы и самимъ не подвергнуться осужденію. Не хорошо поступаютъ тѣ изъ православныхъ, которые, приходя въ храмъ не православнаго исповѣданія, и встрѣчая здѣсь обряды не сходные съ нашими обрядами и на первый взглядъ какъ будто странные для непривычнаго челоуѣка, по невѣдѣнію и легкомыслію, или по недостатку христіанской любви, относятся къ нимъ съ насмѣшкою, съ небрежностью, даже съ кощунствомъ. Въ какой бы формѣ ни проявлялось религіозное убѣжденіе и чувство; мы должны относиться съ уваженіемъ къ проявленіямъ ихъ и не смущать

(а) Одна изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ законоучителемъ Александровскаго Военнаго Училища въ 1866 году.

религіозную совѣсть другихъ—ближнихъ нашихъ по челоѣчеству и общимъ христіанскимъ убѣжденіямъ, хотя и не согласныхъ съ нами въ исповѣданіи нѣкоторыхъ догматовъ вѣры. Обрядъ, какъ внѣшнее выраженіе религіозной мысли или религіознаго чувства, не столько самъ по себѣ имѣетъ значеніе по своимъ внѣшнимъ формамъ, сколько по тому, какую религіозную идею онъ выражаетъ, и насколько это выраженіе достойно самой идеи. Въ древней христіанской церкви, допускалось значительное разнообразіе въ церковныхъ обрядахъ въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ; и при этомъ единство основныхъ началъ жизни церковной — догматическихъ вѣрованій христіанства, и живой союзъ единенія церковнаго пребывали ненарушими. Каждая помѣстная церковь, кромѣ общихъ обрядовъ и обычаевъ, соблюдаемыхъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, могла имѣть нѣкоторые особенные и другія церкви относились къ нимъ съ уваженіемъ. Не допускалось только то, если бы представителя какой-либо помѣстной церкви по гордости и произволу захотѣли деспотически требовать отъ другихъ независимыхъ церквей принятія содержимыхъ ими мѣстныхъ обрядовъ. Подобныя проявленія властолюбія и произвола, при одушевлявшемъ древнюю церковь духѣ братской любви и свободы, встрѣчали себѣ отпоръ въ другихъ помѣстныхъ церквахъ какъ наприм. во 2 вѣкѣ встрѣтило себѣ рѣшительный отпоръ желаніе римскаго папы Виктора заставить мало-азійскія церкви, вопреки ихъ древнимъ преданіямъ и обычаямъ, праздновать Пасху въ одинъ день съ римскою церковію, (хотя въ послѣдствіи, на 1-мъ Вселенскомъ соборѣ и вся церковь добровольно съ общаго согласія приняла этотъ обычай). Но при широкой терпимости къ разнообразію наружныхъ обрядовъ въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ, древняя вселенская церковь всегда строго наблюдала за тѣмъ, не вводится ли гдѣ нибудь

религіозный обрядъ выражающій собою не православную мысль, или обрядъ не соотвѣтствующій выражаемой имъ христіанской идеѣ, не приличный для церковнаго употребленія, соблазнительный для благочестиваго христіанскаго чувства. Если гдѣ-либо вводился обрядъ не соотвѣтствующій требованіямъ благочинія церковнаго, соблазнительный для благочестиваго христіанскаго чувства, а тѣмъ болѣе обрядъ прикрывающій собою ложную, еретическую мысль; въ подобныхъ случаяхъ церковь возставала противъ нововведенія со всѣмъ авторитетомъ своей власти, со всею строгостію своего суда, хотя бы нововведеніе повидимому имѣло внѣшнее и маловажное значеніе въ церковной жизни. Такъ мы знаемъ, въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ въ древности существовало значительное разнообразіе во времени и продолжительности постовъ ^(б), а между тѣмъ неоднократно правилами церковными, начиная съ самыхъ постановленій апостольскихъ, строжайшимъ образомъ запрещалось было соблюденіе поста въ субботу, потому что постъ въ субботу, первоначально появившійся у еретиковъ гностиковъ, выражалъ собою ихъ ложный взглядъ на постановленія ветхозавѣтнаго закона, и на самый догматъ о происхожденіи міра ^(в). Наконецъ нужно замѣтить, что, при всей своей терпимости къ разнообразію внѣшнихъ

(б) Церковная исторія Сократа, книга V, гл. 22.

(в) Апостол. правил. 64. Трульск. собор. 55. Нѣкоторыя восточныя гностическія секты признавали сотвореніе міра и установленіе ветхозавѣтнаго закона — дѣломъ злаго духа, и потому частію въ противоположность ветхозавѣтному празднованію субботы, частію въ ознаменованіе своего сѣтованія о сотвореніи міра, установили постъ въ субботу, противъ котораго и были направлены вышеозначенныя правила. Въ Римской церкви учрежденіе поста въ субботу имѣетъ, конечно, совсѣмъ другой смыслъ; Римскіе христіане постятся въ субботу въ память пребыванія Спасителя во гробѣ.

мѣстныхъ обрядовъ, древняя вселенская церковь никогда не позволяла дѣлать какія-либо нововведенія или разности въ образѣ совершенія св. таинствъ. Здѣсь и въ самыхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ и образахъ требовалось строгое единство и согласіе съ древнимъ преданіемъ, напр., чтобы таинство крещенія совершалось всегда чрезъ троекратное погруженіе въ воду, чтобы евхаристія совершалась на хлѣбѣ обыкновенномъ квасномъ, и на винѣ, растворенномъ водою. И есть глубокое основаніе на то, почему въ святыхъ таинствахъ самыя внѣшнія дѣйствія и образы должны оставаться неизмѣнными, между тѣмъ какъ въ другихъ обрядахъ церковь можетъ допускать разности и измѣненія. Церковь по справедливости признаетъ за собою право дѣлать измѣненія въ томъ, чтобы не выходить изъ круга существующей въ ней власти, созидается ею самою на основаніи преданнаго ей залога вѣры и благодати; въ частныхъ правилахъ церковной дисциплины, предписываемыхъ церковію по соображенію съ потребностями извѣстнаго времени и мѣста, въ частныхъ обрядахъ, пѣснопѣніяхъ, молитвахъ, составляемыхъ въ церкви для внѣшняго выраженія религіозной мысли, церковь можетъ дѣлать измѣненія, если только сама не пойдетъ нужнымъ свободно ограничить примѣненіе этого права, утвердивъ за извѣстнымъ, хотя бы и частнымъ, правиломъ церковной дисциплины или какимъ либо обрядомъ авторитетъ неизмѣнности на послѣдующія времена. Но какъ въ основныхъ догматахъ вѣры, такъ и въ совершеніи св. таинствъ не самою церковію установленныхъ, а преданныхъ ей отъ Господа Иисуса Христа чрезъ св. апостоловъ, церковь не дѣлаетъ никакихъ измѣненій; церковь хранить въ чистотѣ и неизмѣнности этотъ преданный ей залогъ вѣры и благодати, какъ источникъ духовной жизни для всѣхъ, ищущихъ въ ней спасенія. Въ св. таинствахъ самыя внѣшнія дѣйствія и образы

(разумѣемъ тѣ, которыя относятся къ существу таинствъ), какъ троекратное погруженіе въ воду, въ таинствѣ крещенія, также вкушеніе тѣла и крови Христовой подъ видомъ хлѣба и вина, въ таинствѣ евхаристіи,— не самою церковью, не пастырями ея, не св. отцами, не св. соборами уставлены, а Господомъ Иисусомъ Христомъ преданы церкви; поэтому вселенская церковь хранитъ св. таинства въ цѣлости и неповрежденности, какъ они преданы ей отъ Господа Иисуса Христа, и не допускаетъ въ образѣ совершенія ихъ существенныхъ разностей и измѣненій. Тѣмъ болѣе неумѣстно и не позволительно дѣлать какія либо измѣненія и нововведенія въ таинствахъ церковныхъ что они, по самому существу своему, суть таинства, — тайна не только для частныхъ членовъ, пастырей и учителей церкви, но и для всей церкви, какъ земной, такъ и небесной. Никто, кромѣ Всевѣдущаго Бога, не знаетъ и не можетъ сказать, какимъ образомъ въ крещеніи чрезъ троекратное погруженіе человѣкъ умираетъ для грѣха и рождается для Бога, или въ евхаристіи подъ видомъ хлѣба и вина причащается самого тѣла и крови Христовой, и почему Иисусъ Христосъ избралъ эти именно, а не другія дѣйствія для сообщенія людямъ своей благодати (хотя теперь, уже пользуясь этими св. таинствами, мы можемъ отчасти понимать, что въ нихъ самыя внѣшнія образы въ высшей степени соотвѣтствуютъ ихъ внутреннему значенію). Мы вѣруемъ только, что самыя внѣшнія дѣйствія имѣютъ здѣсь не просто значеніе символовъ, избранныхъ такъ сказать случайно и не имѣющихъ внутренняго существеннаго отношенія къ даруемой въ нихъ благодати, какъ учатъ нѣкоторые изъ протестантовъ, а суть дѣйствія неразрывно связанныя съ самымъ существомъ таинства, и имѣющія таинственное благодатное значеніе; но какъ это, мы не понимаемъ и не можемъ понять. Здѣсь для всѣхъ христіанъ новое основаніе блюсти

образъ совершенія таинствъ въ чистотѣ и неизмѣнности, какъ онъ преданъ отъ церкви апостольской. Чтѣ не людьми установлено, чего люди не понимаютъ, что вѣдаетъ одинъ только Богъ, того очевидно люди не могутъ преобразовывать по своимъ понятіямъ и произволеніямъ, дабы, допуская произвольныя измѣненія въ дѣйствіяхъ, какъ бы несущественныхъ, не повредить самого существа вѣры.

Вотъ основанія, которыми, намъ кажется, можно руководствоваться въ сужденіи о виѣшней обрядовой сторонѣ Римско-католическаго и другихъ неправославныхъ исповѣданій, дабы не впасть въ крайность или слишкомъ строгаго ригоризма, или превосходящей законную мѣру терпимости. Относясь съ христіанскою терпимостью и уважительнымъ безпристрастіемъ къ тѣмъ обрядамъ римской церкви (отличнымъ отъ нашихъ), которые не касаются существа вѣры, въ которыхъ нѣтъ ничего соблазнительнаго для религіознаго чувства, которые притомъ нынѣшняя римская церковь держитъ по преданію отъ древней западной, тогда еще православной церкви, мы не должны относиться равнодушно къ тѣмъ обрядовымъ нововведеніямъ западной церкви, которыя или выражаютъ собою ложную, неправославную мысль средневѣковаго латинства, или въ самомъ виѣшнемъ своемъ видѣ представляютъ что-либо не приличное и соблазнительное для религіознаго чувства; въ особенности мы не должны относиться съ индифферентизмомъ къ тѣмъ отступленіямъ отъ древняго вселенскаго преданія, которыя латинская церковь допустила въ самомъ совершеніи св. таинствъ.

Къ сожалѣнію латинское богослуженіе имѣетъ не мало такихъ именно особенностей, къ которымъ не можетъ относиться съ полною терпимостью и уваженіемъ человѣкъ, понимающій истину православной церкви въ самыхъ виѣшнихъ обрядахъ богослуженія ея. Остановимъ свое вниманіе на са-

мыхъ общихъ и главныхъ особенностяхъ латинскаго богослуженія, которыя наиболѣе извѣстны имѣющимъ понятіе о римско-католической церкви.

Въ самомъ внѣшнемъ расположеніи римско-католическихъ храмовъ вниманіе православнаго христіанина прежде всего останавливается на томъ, что здѣсь главный престолъ — главная часть храма — обращенъ на западъ; точно также и въ домашней молитвѣ вѣрующіе, по уставу этой церкви, должны обращаться лицомъ на западъ. У насъ, православныхъ, древній обычай устроить олтари въ храмахъ и въ домашней молитвѣ обращаться лицомъ на востокъ, хотя и не всегда оказывается удобнымъ исполнять это, особенно въ домашней молитвѣ. Конечно, Богъ вездѣ, и сила молитвы не зависитъ отъ того, въ какую сторону мы будемъ обращать лице во время богослуженія; тѣмъ не менѣе нашъ православный обычай несомнѣнно имѣетъ глубоко-разумное значеніе, чего нельзя сказать о западномъ. Востокъ искони былъ для христіанскаго міра символомъ свѣта. На востокѣ совершались всѣ важнѣйшія событія священной исторіи нашей вѣры: Тамъ, въ раю была первобытная церковь невинныхъ нашихъ прародителей. Тамъ въ продолженіи тысячелѣтій до пришествія Искупителя хранился святой залогъ вѣры ветхозавѣтной церкви іудейской. Тамъ явился во плоти, жилъ, училъ и страдалъ за насъ Спаситель Господь Иисусъ Христосъ. Тамъ въ іерусалимской горницѣ сошествіе Св. Духа на апостоловъ открыло первый разсадникъ церкви христіанской. Оттуда вѣра христіанская распространилась во всѣ концы міра, въ самой Палестинѣ запечатлѣвъ свою силу кровію первыхъ своихъ мучениковъ. Тамъ—въ св. землѣ до сихъ поръ сохраняются святыя памятники божественной любви къ намъ. Поэтому въ православной церкви искони существовалъ обычай обращаться съ молитвою къ востоку; св. Василій великій называетъ этотъ обы-

чай преданіемъ апостоловъ ^(г). При совершеніи крещенія, оглашаемый христіанскою вѣрою, обращаясь лицомъ къ западу, свидѣтельствуешь свое отреченіе отъ діавола и отъ всѣхъ дѣлъ его; а обращаясь на востокъ, даетъ обѣтъ сочтаться Христу, и исповѣдуешь свою вѣру въ Трїипостаснаго Бога. Это древній обычай христіанской церкви. Мы не знаемъ, въ какое время на западѣ сталъ входить въ обыкновеніе и окончательно утвердился обычай обращаться съ молитвою на западъ. Въ основѣ его лежитъ высокоумѣнная и не справедливая латинская мысль, что Римъ есть глава и центръ христіанскаго міра, хранилище непогрѣшимой вѣры и апостольской благодати. Но мысль эта, сама въ себѣ не имѣющая силы, не можетъ быть подкрѣпленіемъ и обычаемъ, на ней утвержденнаго ^(д).—Далѣе въ западныхъ храмахъ, особенно большихъ, православное чувство непріятно поражается множествомъ престоловъ, обращенныхъ въ разныя стороны и придѣланныхъ къ стѣнѣ, такъ что вокругъ нихъ нельзя совершать никакихъ ходовъ, какъ въ нашихъ православныхъ храмахъ. И такъ какъ въ латинскихъ храмахъ нерѣдко въ одно и тоже время совершается литургія на нѣсколькихъ престолахъ, на главномъ въ слухъ (*missa cantata*), на другихъ тайно (*missa lecta*), то случается, что вѣрующіе, обратившись лицомъ къ одному олтарю, стоятъ спиною къ другому, на которомъ также совершается безкровная жертва. Понятно само собою, насколько это несогласно съ требованіями благоприличія церковнаго и не соответствуетъ самой идеѣ единомыслія христіанъ, собравшихся въ храмъ для общественной молитвы.—Престолы въ латинскихъ храмахъ

(г) Василія Великаго правило 97-е въ книгѣ Правиль.

(д) Въ Римѣ въ древней базиликѣ латеранской и нѣкоторыхъ другихъ самъ папа служитъ, обратившись лицомъ къ востоку. Это остатокъ древняго церковнаго преданія.

совершенно открыты; позади престола, вмѣсто запрестольной иконы, простая занавѣска; передъ престоломъ нѣтъ иконостаса, и онъ ничѣмъ не отдѣляется отъ взоровъ находящихся въ церкви. Отъ этого естественно въ западной церкви замѣтно менѣе благоговѣнія къ св. мѣсту, гдѣ совершается безкровная жертва. У насъ мірянамъ запрещается входить въ олтарь во время богослуженія, хотя не всегда это исполняется ^(е); женщины никогда не входятъ въ освященный олтарь; касаться престола никто не смѣетъ, кромѣ священнослужителей, равно какъ и стоять на священномъ мѣстѣ между царскими вратами и престоломъ. А у римскихъ католиковъ около престола и стоять и ходить и простые мужчины и женщины, и опираются на престолъ; по окончаніи службы церковно-служитель иногда становится на престолъ, чтобы удобнѣе снять свѣчи. Самъ папа въ римской церкви подаетъ примѣръ неуваженія къ святынь: при возведеніи въ папское достоинство, онъ во время священнослуженія садится на престолъ (такъ называемое *intronizatio Papae*), каковой обычай получилъ начало въ западной церкви въ то время, когда папѣ тамъ считали должнымъ воздавать Божескія почести. Особенныхъ жертвенниковъ для приготовления вещества ехаристіи въ латинскихъ церквахъ нѣтъ; хлѣбъ и вино для св. таинства готовятся или на самомъ престолѣ, или на столикѣ, поставляемомъ подлѣ престола. Притомъ же со введеніемъ обычая совершать литургію на опрѣснокахъ, самая проскомидія въ западной церкви утратила свое древнее значеніе. Въ нашей Православной Церкви выражается такое благоговѣніе къ св. Дарамъ, что не только престолъ, гдѣ они пресуществляются, но и жертвенникъ, гдѣ св. дары готовятся, находится въ величайшемъ уваженіи у хри-

(е) Лаодик. собора правил. 19. 44; Трульск. собора прав. 69.

стіанъ, и къ нему несмѣютъ прикасаться лица непосвященныя. Иконостаса, мы уже сказали, нѣтъ въ латинскихъ храмахъ. И это большая утрата для религіознаго смысла и чувства. Въ нашихъ православныхъ храмахъ иконостасы употребляются вездѣ не просто для отдѣленія алтаря и престола отъ воровъ молящихся, и не только для благолѣпія церковнаго, но имѣютъ высшій и глубочайшій смыслъ. Ничто столько не можетъ настроить человѣка входящаго въ храмъ къ молитвенному расположенію духа; ничто столько не можетъ воодушевить его сердце любовью къ христіанскому подвигу и совершенству; ничто столько не можетъ напомнить христіанину о великомъ живомъ союзѣ Церкви земной и небесной, помогающей своими молитвами нашимъ молитвамъ, — какъ этотъ сонмъ святыхъ, изображенныхъ на иконостасѣ церковномъ. Здѣсь лучшіе примѣры самыхъ высокихъ подвиговъ и добродѣтелей. Здѣсь сонмъ Пророковъ, Апостоловъ, великихъ Учителей Церкви и другихъ угодниковъ Божіихъ, — святые люди вѣковъ давно-минувшихъ и ближайшихъ къ намъ какъ будто въ виду всѣхъ соединяются съ нами въ молитвахъ предъ самымъ престоломъ Господа Вседержителя.

Иконы въ римско-католическихъ храмахъ употребляются и чествуются, какъ и въ нашихъ православныхъ. Но западное иконописаніе имѣетъ свои отличительныя черты сравнительно съ нашимъ восточнымъ, такъ называемымъ Византійскимъ. Нѣкоторымъ западная церковная живопись нравится лучше восточной. Но люди съ болѣе строгимъ религіознымъ пониманіемъ находятъ ее не совсѣмъ удовлетворяющею церковному употребленію. Въ ней болѣе внѣшняго изящества, чѣмъ внутренней, духовной высоты и святости. Западные художники, нерѣдко очень знаменитые, посвящающіе свой талантъ церковной живописи, какъ будто болѣе заботятся

о красотѣ и пышности внѣшнихъ формъ, иногда объ оригинальности замысла и исполненія, чѣмъ о строгости и правильности религіозной идеи. Въ ихъ произведеніяхъ, какъ говорить, слишкомъ много земнаго-человѣческаго. Изображенія Пресвятой Дѣвы Маріи, Благовѣщенія, различныхъ искушеній, покаяннаго обращенія кающихся грѣшниковъ и грѣшницъ, писанныя лучшими художниками запада, кажутся иногда неприличными и для нестрогаго религіознаго вкуса. Иногда художники даютъ слишкомъ много мѣста своему личному пристрастію и произволу; явнымъ образомъ нарушаются требованія исторической вѣрности; въ изображеніяхъ св. людей, художники позволяютъ себѣ писать портреты современныхъ имъ личностей; въ самыхъ изображеніяхъ Пресв. Дѣвы (Мадонны), писанныхъ лучшими художниками запада, современники иногда узнавали черты извѣстныхъ художнику живыхъ личностей. Въ новѣйшихъ произведеніяхъ западной религіозной живописи высказывается иногда вліяніе не религіозныхъ идей, не истинно-христіанскаго пониманія событій христіанской исторіи. Изображенія, писанныя въ подобномъ духѣ, можетъ быть составляютъ приличное украшеніе для знаменитѣйшихъ музеевъ и картинныхъ галлерей, но не для храмовъ Божіихъ. Наша восточная церковная живопись не достигла полнаго художественнаго развитія; не имѣла для своего развитія такъ много даровитыхъ дѣятелей искусства, какъ западная; въ нашихъ религіозныхъ изображеніяхъ иногда встрѣчаются неловкія, грубыя черты, даже искаженія смысла изображаемыхъ событій, происходящія впрочемъ больше отъ непониманія и неискусства, чѣмъ отъ излишней замысловатости и вольности живописцевъ. Но самый идеаль церковной живописи у насъ выше, чѣмъ на западѣ. Этотъ идеаль святаго безстрастія, духовной отрѣшенности отъ земныхъ страстей и волненій, безъ сомнѣнія, бо-

лѣ способствуетъ восхищенію души къ Богу—молитвенному расположенію духа, чѣмъ напоминаніе о земныхъ страстяхъ и волненіяхъ, перенесенное въ міръ высшій и святой. Произволу художниковъ въ изображеніи святыхъ личностей и событій положены были въ нашей древней церкви границы въ такъ-называемыхъ подлинникахъ, гдѣ въ общихъ чертахъ предлагалось руководство, какъ писать то или другое изображеніе. Какъ высоко въ нашей древней церкви понимался идеаль церковной живописи, видно изъ того, что по древнему истинно-православному пониманію отъ людей посвящающихъ себя этому дѣлу требуется не одинъ художественный талантъ, но и высокое молитвенное расположеніе духа и добродѣтельная жизнь. Въ исторіи нашей церковной живописи не встрѣчаются имена Рафаэлей и Тиціановъ, за то встрѣчаются имена многихъ святыхъ людей, оставившихъ на своихъ произведеніяхъ печать если не высокаго внѣшняго изящества и оригинальнаго художественнаго замысла, то высшую печать благодатной силы духа, по вѣрованію православныхъ людей, болѣе самыхъ изящныхъ изображеніи дѣйствующей на молитвенное расположеніе благочестиваго христіанскаго чувства.

Кромѣ живописныхъ изображеній — св. иконъ въ латинскихъ храмахъ употребляются еще ваятельныя, лѣпныя и рѣзные пластическія изображенія (статуи). Православная церковь отвергаетъ подобныя изображенія, и не безъ основанія. Пластика (ваяніе, скульптура), по сознанію всѣхъ мыслящихъ цѣвителей искусства, есть низшій, болѣе грубый, болѣе матеріальный видъ искусства, чѣмъ живопись. Идеаль пластическаго искусства есть совершенство — красота внѣшнихъ формъ человѣческаго тѣла: но оно не способно передать тѣхъ глубокихъ и высокихъ движеній и состояній духа, которыя въ извѣстной степени можетъ выразить живопись въ изображеніи тончайшихъ оттѣнковъ человѣческаго лица

и въ особенности взгляда, выражающаго то тихое молитвенное состояніе духа, то порывъ пламенной восторженности къ Богу, то свѣтлую радость внутренняго мира души, то глубокую скорбь раскаянія и т. д. Пластика — искусство преимущественно древняго до-христіанскаго міра, міра болѣе чувственнаго. Пластическое искусство болѣе всѣхъ другихъ служило для выраженія идей древней языческой религіи, религіи грубой и матеріальной, премѣнившей славу нетлѣннаго Бога въ подобіе тлѣннаго человѣка и бессмысленныхъ животныхъ... Христіанская вѣра отвергла пластику, и избрала для выраженія своихъ идей живопись, какъ искусство имѣющее болѣе внутренній, глубокій, духовный характеръ. Но римско-католическая церковь, въ средніе вѣка принявшая вышнее матеріальное направленіе и въ самомъ пониманіи религіозныхъ идей, и въ устройствѣ церковномъ, и въ богослуженіи, естественно не нашла неприличнымъ употребленіе статуй въ христіанскихъ храмахъ. Чествованіе статуй сильно развилось въ западной Европѣ въ средніе вѣка, и тѣмъ болѣе поддерживалось римско-католическимъ духовенствомъ и монашествомъ, что оно давало много способовъ дѣйствовать на воображеніе народа въ интересъ личныхъ выгодъ. Статуи начали одѣвать въ роскошныя одежды, украшать богатыми ожерельями, кольцами и браслетами (что и донинѣ дѣлается у католиковъ); статуи начали употреблять въ торжественныхъ процессіяхъ и церемоніяхъ; съ ними удобно можно было производить разные эффекты, чтобы болѣе дѣйствовать на воображеніе народа (напримѣръ представлять мгновенное возстаніе Христа изъ гроба въ праздникъ Пасхи и т. под.). Но подобныя дѣйствія, конечно, должны были болѣе служить къ профанаціи священныхъ предметовъ и къ растлѣнію правильнаго религіознаго вкуса въ народѣ. Подобное чествованіе священныхъ статуй, инымъ напоминало со-

бою языческое поклоненіе кумирамъ. тѣмъ болѣе, что многія изображенія древнихъ боговъ въ Римѣ прямо или съ нѣкоторыми измѣненіями перенесены были изъ языческихъ храмовъ въ христіанскіе, подъ новыми именами христіанскихъ святыхъ, каковыхъ статуї и теперь не мало въ Римѣ — въ самой церкви св. Петра ^(*). И это-то можетъ быть въ весьма значительной степени способствовало возбужденію на западѣ реакціи противъ священныхъ изображеній вообще, крайнимъ образомъ выразившейся въ протестантствѣ въ XVI-мъ столѣтіи.

Вотъ главнѣйшія изъ особенностей, которыя представляютъ римско-католическіе храмы для нашего взгляда. Посмотримъ теперь, что особеннаго представляется въ нихъ для нашего слуха.

Здѣсь главнѣйшая особенность въ томъ, что богослуженіе въ латинскихъ храмахъ, по уставу церковному, вездѣ должно совершаться и священное Писаніе читаться на одномъ языкѣ — латинскомъ, для нѣкоторыхъ западныхъ народовъ (для всѣхъ народовъ германскаго племени) совершенно чуждомъ и непонятномъ, для другихъ (для племенъ романскихъ), хотя родственномъ и нѣсколько понятномъ, но все-таки давно омертвѣвшемъ и вышедшемъ изъ употребленія. Правда, въ нынѣшнее время для лучшаго повиманія богослуженія позволяется молящимся имѣть въ рукахъ книжки, въ которыхъ важнѣйшія молитвы и пѣнопѣнія переведены на понятный языкъ; иные гимны и молитвы церковныя прямо и возглашаются въ церквахъ на народномъ языкѣ, а въ иныхъ мѣстахъ (въ особенности въ римско-католической Германіи) и цѣлыя службы церковныя совершаются на народномъ языкѣ, только одни священническіе возгласы произносятся на латинскомъ. Но

(ж) См. объ этомъ въ Римскихъ письмахъ Муравьева.

это уже уступка, допущенная римскою церковью въ послѣдніе вѣка, вопреки ея основному принципу, вслѣдствіе временныхъ обстоятельствъ и соображеній. Въ то время, когда римско-католическая церковь была болѣе сильна и послѣдовательна въ проведеніи своихъ началъ и стремленій — въ средніе вѣка въ латинскомъ священно-богослужебномъ языкѣ господствовало вездѣ строжайшее единство. И даже на Тридентскомъ соборѣ, не смотря на повсюдно-раздававшіеся протесты противъ латинства, римская церковь еще отвергала мысль о позволеніи переводить богослужебныя книги на живые народныя языки. Единство богослужебнаго языка какъ нельзя лучше выражало ту идею вѣшняго объединенія церкви — строжайшей церковной централизаціи, къ осуществленію которой такъ стремилась всегда римско-католическая церковь. У церкви, принявшей характеръ вѣшняго земнаго государства, какъ латинская церковь среднихъ вѣковъ, естественно долженъ былъ явиться особенный, какъ бы officialный языкъ, на которомъ одномъ только позволялось и читать Библию и совершать богослуженіе. И такимъ языкомъ всего приличнѣе долженъ былъ сдѣлаться языкъ всѣхъ средневѣковыхъ юрастовъ и государственныхъ дипломатовъ, — языкъ древняго Римскаго государства, отъ котораго западное христіанство унаслѣдовало такъ много понятій и стремленій, — латинскій языкъ. Съ другой стороны исключительное употребленіе въ церкви одного, и притомъ непонятнаго, языка много помогало римско-католической іерархіи держать народъ въ крайнемъ невѣдѣніи относительно своей религіи, что не противорѣчило видамъ западнаго духовенства и самому римско-католическому понятію о мірскомъ народѣ, составляющемъ въ церкви не болѣе какъ безсознательную массу, опредѣляемую къ движенію мыслью и волею іерархіи. Но не такъ должно быть по идеѣ христіанской вѣры, и не такъ бы-

ло въ древней Вселенской церкви. Духъ Божій, сошедшій на св. Апостоловъ въ день Пятидесятницы, ознаменовалъ свое присутствіе въ первыхъ проповѣдникахъ христіанства чудеснымъ даромъ языковъ, дабы всѣ народы земли могли слышать каждый на своемъ языкѣ *возвѣщаемыя величія Божія*. И въ древней церкви каждый народъ христіанскій могъ имѣть книги священнаго Писанія и богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ — Греки на греческомъ, Италійцы на латинскомъ, Сиріане на сирскомъ, Копты на коптскомъ, Армяне на армянскомъ, Готы на готскомъ. При распространеніи христіанской вѣры между славянами, миссіонеры греческой церкви (свв. Кириллъ и Меѳодій) немедленно перевели свящ. Писаніе и богослуженныя книги на славянскій языкъ, хотя представители латинской церкви (латинскіе миссіонеры въ Болгаріи и нѣмецкіе епископы въ Моравіи) уже и въ то время старались всячески препятствовать этому, и утверждали, что свящ. Писаніе и церковное богослуженіе можетъ существовать только на тѣхъ трехъ языкахъ, на которыхъ Пилать сдѣлалъ надпись на крестѣ Христовомъ — на еврейскомъ, греческомъ, римскомъ (вотъ кому захотѣли слѣдовать латиняне!). И въ нашей русской церкви для племенъ инородческихъ, священныя и богослуженныя книги переводились на ихъ родные, хотя и мало обработанные для дѣла книжнаго, и недостаточно способные для передачи высшихъ христіанскихъ понятій, языки, — на зырянскій, монгольскій, бурятскій, алеутскій; и чрезъ это не нарушилось внутреннее единство церкви. Само собою понятно, что богослуженіе тогда только сохраняетъ свое настоящее значеніе, когда совершается на языкѣ, понимаемомъ молящимися. Въ богослуженіи, подъ руководствомъ церкви, мы выражаемъ предъ Богомъ свои чувства хвалы, благодаренія, раскаянія, потребности въ божественной помощи и т. д. Здѣсь первое условіе —

чтобы мы выражали эти чувства сознательно, съ участіемъ сердечнымъ. Богослуженіе, осмѣлимся такъ выразиться, нужно собственно не для Бога, предъ Которымъ оно возносится, а для людей, отъ которыхъ возносится. Безъ сомнѣнія, Богу не то пріятно, когда въ богослуженіи совершаются положенныя по уставу церковному чтенія и пѣснопѣнія безъ всякаго разумнаго участія со стороны присутствующихъ въ храмѣ, а то, когда совершеніе богослуженія пробуждаетъ въ душѣ молящихся соотвѣтственныя намѣренію церкви мысли, чувства и расположенія, и бываетъ живымъ выраженіемъ ихъ. Поэтому-то мудрые пастыри древней церкви такъ заботились, чтобы богослуженіе было понятно для молящихся. Въ лаврѣ преподобнаго Саввы Освященнаго, въ Палестинѣ, въ четырехъ церквахъ одного и того же монастыря совершалось богослуженіе на четырехъ языкахъ, потому что братія, живущіе въ лаврѣ, принадлежали къ четыремъ племенамъ ^(а). Вотъ здѣсь, въ обществѣ людей, не только имѣющихъ одни и тѣ же вѣрованія, но и живущихъ по одному и тому же уставу монастырской жизни, хотя и удерживающихъ черты и права своихъ національностей, гораздо лучше выражается идея единой по духу Вселенской церкви при разнообразіи народностей, входящихъ въ составъ ея, чѣмъ въ латинской церкви, обнимающей собою едва не половину христіанскаго міра, цѣлые десятки племенъ и народовъ, и требующей непремѣнно, чтобы у всѣхъ ихъ Библия читалась и богослуженіе совершалось на одномъ и томъ же мертвомъ, непонятномъ языкѣ. Въ первомъ случаѣ христіанская церковь является намъ силою развивающею и возвышающею національныя свойства племенъ и народовъ богатымъ содержаніемъ

(а) Преосвящ. Филарета черниговскаго «Историческій обзоръ пѣснопѣній и пѣснописцевъ греческой церкви».

новыхъ высокихъ идей и святыхъ чувствъ, вносимыхъ въ жизнь народа чрезъ его языкъ, во второмъ случаѣ церковь поистинѣ является силою подавляющею для живыхъ силъ народа, обрекаемаго ею на бозсознательность и механическое безучастіе въ высшихъ интересахъ его вѣры. Чрезъ установленіе однообразнаго священнаго и богослужебнаго языка во всѣхъ странахъ, церковь римская пожертвовала разумнѣемъ христіанской истины и внутреннею привязанностью къ себѣ членовъ своихъ идеѣ внѣшняго единства и темнымъ разсчетамъ своей іерархіи. Повятно, почему въ средѣ католическаго міра раздавались всегда самые горячіе и нетерпѣливые протесты противъ этого вынужденнаго однообразія, и почему между западно-христіанскими народами всегда находили большое сочувствіе и успѣхъ тѣ пропагандисты еретическихъ идей, которые обращались къ народу съ проповѣдью, свящ. Писаніемъ и молитвенниками на народномъ языкѣ, (напримѣръ секты катаровъ, валденсовъ, лоллардовъ въ средніе вѣка, и различныя протестантскія секты — въ позднѣйшіе). Римско-католическая церковь, долгое время съ упорствомъ отвергавшая законныя желанія и требованія народовъ, и наконецъ вразумленная тяжкимъ опытомъ отпаденія цѣлой половины своихъ членовъ и ослабленія внутреннихъ связей вѣры въ другой половинѣ, должна была наконецъ сдѣлать уступку желаніямъ народовъ, дабы сохранить надъ ними остатки своего прежняго вліянія; она позволила молящимся во время службы, читать про себя молитвы на понятномъ языкѣ по своимъ особеннымъ молитвенникамъ; она позволила и вслухъ часть службъ церковныхъ совершать на живомъ народномъ языкѣ, оставивъ другую часть неприкосновенною на мертвомъ латинскомъ. Но эта уступка, не приблизивъ латинскую церковь къ духу и обычаю Вселенской церкви, уклонила ее и отъ ея собственнаго принципа, отъ

той идеи вѣшняго церковнаго единства, о которой она такъ заботилась. Какое же тутъ выраженіе единства церковнаго, даже и вѣшняго, когда каждый изъ присутствующихъ при общественномъ богослуженіи (разумѣется грамотный), какъ будто не обращая вниманія на то, что возглашается въ церкви въ слухъ всѣхъ, читаетъ про себя свой особый молитвенникъ, или когда возгласы священническіе дѣлаюгъ въ церкви на одномъ языкѣ, а другія молитвы и пѣнопѣнія поются и читаются на другомъ?

Примѣчаніе. Нашу русскую церковь иные также находятъ поводъ упрекать въ томъ, что въ ней богослуженіе совершается не на живомъ всѣмъ понятномъ русскомъ языкѣ, но на вышедшемъ изъ живаго употребленія славянскомъ. Но не говоря уже о томъ, что для насъ Русскихъ славянскій языкъ не есть языкъ чуждый, мертвый и не понятный, какъ латинскій языкъ для Нѣмцевъ, Англичанъ, Чеховъ, Поляковъ, не говоря о томъ, что наше церковное служеніе остается непонятно развѣ только для тѣхъ русскихъ людей, которые нимало не стараются понимать его, рѣдко бываютъ въ церкви и невнимательно слушаютъ церковныя чтенія и пѣнія, — напротивъ изъ людей истинно благочестивыхъ и усердныхъ къ церкви даже не грамотные мужички и простыя женщины, легко привыкаютъ понимать его (разумѣется, за исключеніемъ мѣстъ трудныхъ, неудачно переложенныхъ съ греческаго языка, или бессмысленно и не внятно читаемыхъ), — наша Русская церковь не по какому-либо неизмѣнному принципу, темнымъ разсѣтамъ удерживаетъ въ своемъ богослуженіи вышедшій изъ живаго употребленія языкъ (подобно латинской церкви среднихъ вѣковъ), и не вслѣдствіе какого-либо предубѣжденія противъ живаго народнаго языка, а вслѣдствіе историческихъ временныхъ, но весьма серьезныхъ обстоятельствъ. Кромѣ уваженія къ священной древности славянскаго богослуженія, у насъ даже и до настоящаго времени не мало есть другихъ важныхъ обстоятельствъ, задерживающихъ употребленіе русскаго языка при церковномъ богослуженіи. И въ

настоящее время много есть русскихъ людей, совѣсть которыхъ смущалась бы, еслибы церковныя службы стали отправлять на русскомъ языкѣ; а въ прежнія времена изъ-за этого можно было опасаться страшнаго раскола. Самый русскій языкъ нашъ какъ письменный, такъ и еще болѣе устный до сихъ поръ еще не окрѣпъ, не опредѣлился, находится въ періодѣ развитія, сліянія частныхъ нарѣчій въ одинъ общій языкъ, (такъ наприм. не смотря на несомнѣнное преимущество и преобладаніе рѣчи великорусской, и малорусское нарѣчіе даже до настоящаго времени у насъ еще далеко отъ того, чтобъ отказаться отъ самостоятельнаго существованія и развитія.) Славянскій церковный языкъ не только объединяетъ подъ собою всѣ великія вѣтви собственно русскаго племени, но и сближаетъ насъ съ другими славянскими племенами, изъ которыхъ инья, подъ напоромъ сильныхъ и въ продолженіи многихъ вѣковъ непрестанно дѣйствующихъ чуждыхъ вліяній, можетъ быть погигли бы для славянства и для православія, еслибъ ихъ, при разобщенности съ нами въ другихъ отношеніяхъ, не связывало единство общаго кореннаго намъ и имъ церковно-славянскаго языка. Наконецъ у насъ еще почти совсѣмъ нѣтъ даже и частныхъ опытовъ переложенія церковно-богослужебныхъ книгъ на русскій языкъ; а между тѣмъ дѣло это весьма сложное и требующее большаго умѣнья, многихъ силъ и трудовъ. Вслѣдствіе такихъ-то важныхъ обстоятельствъ въ церкви русской не совершается богослуженіе на русскомъ языкѣ. Но что въ церкви нашей нѣтъ предубѣжденій или какихъ-либо расчетовъ противъ употребленія народнаго языка въ богослуженіи, это видно изъ того, что русская церковь благословляетъ дѣлать переводы и совершать богослуженіе на переводныхъ языкахъ для инородческихъ племенъ, живущихъ въ русскомъ государствѣ. Тѣмъ болѣе она сдѣлала бы это для господствующаго великаго русскаго племени. Дѣйствуя съ мудрою осторожностью и постепенностью, церковь русская въ настоящее время находитъ возможнымъ дать православнымъ русскимъ людямъ для ихъ частнаго употребленія книги священнаго Писанія въ русскомъ переводѣ, и кромѣ изготовляемаго для этой цѣли подъ ея не-

посредственнымъ вѣдѣніемъ общаго перевода Библии, дозволяется и частнымъ лицамъ печатать свои опыты перевода священныхъ книгъ. Желательно, чтобъ и изъ другихъ церковныхъ книгъ — богослужебныхъ болѣе было дѣлаемо опытовъ перевода на русскій языкъ, на что также уже были примѣры дозволенія въ русской церкви.

Богослуженіе въ латинскихъ храмахъ сопровождается игрою на органѣ (какъ думаютъ съ VIII вѣка), а въ нѣкоторыхъ церквахъ и на другихъ музыкальныхъ инструментахъ (съ XIV вѣка). Наша православная церковь отвергаетъ употребленіе инструментальной музыки при богослуженіи, и допускаетъ тотько голосовое (вокальное) пѣніе. Пѣніе безъ сомнѣнія можетъ служить болѣе живымъ и сознательнымъ выраженіемъ религіозной мысли и духовной настроенности, чѣмъ самыя стройныя, но неопредѣленные звуки музыки. По этому и древняя церковь употребляла при богослуженіи только пѣніе и отвергала музыку. «Музыка употреблялась при богослуженіи въ ветхозавѣтныхъ іудейскихъ храмахъ: это позволялось іудеямъ, какъ дѣтямъ еще несовершеннымъ въ разумѣ, позволялось по снисхожденію къ ихъ немощи, дабы удобнѣе отвлечь ихъ отъ шумныхъ языческихъ праздниковъ». Такъ разсуждали древніе учителя церкви св. Златоустъ, Исидоръ Пелусіотъ, Феодоритъ Кирскій и др. ^(а). И въ западной церкви учителя церковные, напр. уже въ XII вѣкѣ Тома Аквинатъ, разсуждали такъ, что церкви христіанской неприлично употреблять музыкальные инструменты, дабы не казаться іудействующею, и такъ какъ эти инструменты болѣе вѣжаты сердце, нежели настраиваютъ къ добру, и въ ветхомъ завѣтѣ музыка употреблялась только потому, что народъ болѣе былъ грубъ и плотявъ и т. д. ⁽ⁱ⁾. Слѣдовательно латин-

(а) «Историческій обзоръ пѣснопѣній и пѣснописцевъ греческой церкви», Высокопреосв. Филарета Черниговскаго.

(i) Тамъ же.

ская церковь, введши у себя въ средніе вѣка употребленіе инструментовъ при богослуженіи, не усовершенствованіе какое-либо сдѣлала въ церковномъ богослуженіи неизвѣстное христіанской древности, а напротивъ отступила назадъ отъ разумныхъ обычаевъ древней вселенской церкви къ минувшему іудейству, возстановила обычай отвергнутый древнею церковію не безъ основанія, но съ полнымъ разумѣніемъ дѣла. Впрочемъ можетъ быть въ латинской церкви и не представлялось особенно неумѣстнымъ это нововведеніе, когда вездѣ установлено было богослуженіе на мертвомъ непонятномъ языкѣ. Неопредѣленные звуки музыки можетъ быть служили не менѣе бессознательнымъ выраженіемъ религіознаго чувства, можетъ быть даже они иногда болѣе возбуждали въ душахъ благочестивыхъ помысловъ и расположеній, и болѣе привлекали народъ къ храму Божію, чѣмъ непонятныя слова молитвъ и пѣснопѣній, возглашасемыхъ въ церкви на латинскомъ языкѣ. Такъ однимъ отступленіемъ отъ истины и порядка вызываются и какъ будто даже оправдываются другія отступленія. Въ употребленіи музыкальныхъ инструментовъ при богослуженіи выразилось тоже самое матеріальное направленіе, которое запечатлѣло собою все вообще проявленія религіозной жизни средневѣковаго латинства, какъ въ самой разумнѣи христіанской истинѣ, такъ и во внѣшнемъ выраженіи христіанскаго чувства. И между тѣмъ есть люди, которые на употребленіе музыки при богослуженіи смотрятъ, какъ на высокое преимущество латинскихъ храмовъ, недостающее нашему православному богослуженію. Слушать игру хорошаго органа, говорить, во всякомъ случаѣ пріятнѣе, чѣмъ пѣвіе одного или двухъ дурныхъ пѣвцевъ. Само собою видно, что такъ разсуждаютъ люди, ищущіе въ храмахъ не столько религіознаго назиданія, сколько эстетическаго наслажденія; но всему ёсть свое мѣсто и свое время. Притомъ зачѣмъ же игру хорошаго

органа сравнивать съ пѣніемъ не хорошихъ пѣвцевъ? Пѣніе не хорошихъ пѣвцевъ вообще не должно бы имѣть мѣста въ православныхъ храмахъ; и это легко могло бы быть достижи-мо, еслибъ объ этомъ болѣе заботились не одни пастыри цер-ковные, но и сами христіане, прихожане православныхъ хра-мовъ. Если же и бываетъ въ иныхъ православныхъ храмахъ не искусное пѣніе, то вѣдь и не во всѣхъ католическихъ храмахъ можно услышать хорошую игру на органѣ. Пѣніе неискуснаго (только бы не небрежнаго) пѣвца все-таки, по нашему мнѣнію, лучше игры на плохомъ органѣ. Оно не такъ монотонно, какъ игра на органѣ; оно можетъ при-влечь вниманіе слушателей, если не пріятностью звуковъ, то смысломъ словъ, выражаемыхъ въ этихъ звукахъ. Орга-ны латинскихъ храмовъ большею частью привлекаютъ къ се-бѣ вниманіе тѣхъ изъ нашихъ православныхъ, которые не-привыкли слышать хорошаго пѣнія въ православныхъ хра-махъ, и на первыхъ порахъ готовы бываютъ поражаться самою новизною для нихъ пріятныхъ, хотя и не опредѣленныхъ звуковъ музыки въ латинскихъ храмахъ. Но при постоян-номъ повтореніи, кажется, даже игра на хорошемъ органѣ, скорѣе можетъ утомить вниманіе и потерять всякое дѣйствіе на душу, чѣмъ пѣніе посредственнаго пѣвца. А съ стройнымъ пѣніемъ хорошаго пѣвческаго хора не можетъ сравниться никакой инструментальный концертъ. Здѣсь находитъ себѣ удовлетвореніе и умъ и чувство слушателя. Глубокая, но сама по себѣ еще несознательная и неопредѣленная настроен-ность чувства, возбуждаемаго гармонією стройныхъ звуковъ, получаетъ разумное значеніе и опредѣленное направленіе отъ смысла словъ, выражаемыхъ въ этихъ звукахъ, чего нельзя достигнуть посредствомъ одной инструментальной музыки. И въ самой латинской церкви понимаютъ это пре-имущество вокальнаго разумнаго пѣнія предъ безсловесною

инструментальною музыкой. Въ Римѣ при папскомъ богослуженіи не играетъ музыка, а поетъ пѣвческій хоръ. Почему только въ Римѣ? Или здѣсь только и считаютъ возможнымъ имѣть хорошій пѣвческій хоръ? Или это особенная привиллегія римской церкви слышать словесное разумное пѣніе вмѣсто неопредѣленныхъ звуковъ музыки, также какъ чтеніе и пониманіе свящ. Писанія, по идеѣ латинства, составляетъ привиллегію римскаго духовенства?

Самое пѣніе священныхъ гимновъ, на сколько оно удержало свое значеніе при латинскомъ богослуженіи, имѣетъ также своеобразный и несовсѣмъ соответствующій строгимъ церковнымъ требованіямъ характеръ. Латинское или, какъ его называютъ по главному мѣсту его образованія, италіянское пѣніе въ произведеніяхъ лучшихъ композиторовъ запада также отличается отъ нашего восточнаго церковнаго напѣва, какъ западная церковная живопись отъ нашей восточной. Въ немъ болѣе заботы о внѣшней искусственности, о пріятности, торжественности или поразительности звуковъ, чѣмъ о соответствіи ихъ съ самымъ смысломъ священныхъ гимновъ; послѣдній нерѣдко приносится въ жертву музыкальнымъ соображеніямъ и даже причудамъ композиторовъ. Въ италіянскомъ церковномъ пѣніи много вольности, стремленія къ оригинальности и разнообразію, оперныхъ пріемовъ свѣтской музыки, быстрыхъ переходовъ отъ тона самаго тихаго въ самый сильный, отъ самаго печальнаго въ самый торжественный, отъ самаго медленнаго движенія звуковъ къ слишкомъ бѣглому и игривому и т. д. Наше церковное пѣніе (мы беремъ, конечно, его общія характеристическія черты, а не частныя видоизмѣненія и тѣмъ болѣе — искаженія, по которымъ нельзя судить о дѣлѣ) имѣетъ другой характеръ. Въ немъ болѣе вниманія къ выразительности самаго смысла священныхъ пѣснопѣній. Поэтому здѣсь почти не имѣютъ мѣ-

ста ни излишнія для смысла повторенія одного и того же слова на разные тоны, особенно въ срединѣ пѣснопѣнія, ни произнесеніе въ одно и то же время нѣсколькихъ словъ различными голосами, ни раздѣленіе голосовъ въ пѣніи, такъ что одинъ голосъ какъ бы забѣгаетъ впередъ другихъ, а другіе догоняютъ и перебиваютъ его, сливаясь въ общей гармоніи цѣлаго, ни расположеніе музыкальныхъ отдыховъ (паузъ), остановокъ и удареній, вопреки грамматическому и логическому расположенію словъ и т. п. (что все часто употребляется въ настоящемъ италіянскомъ пѣніи и во многихъ нашихъ новѣйшихъ, составляемыхъ по италіянскому образцу, концертахъ и пѣснопѣніяхъ). Въ нашемъ церковномъ пѣніи нѣтъ той вольности, эффектности, такого разнообразія въ движеніи, переливахъ и самой силѣ звуковъ, какъ въ италіянскомъ пѣніи. Тонъ нашихъ пѣснопѣній всегда болѣе или менѣе ровный, торжественно-спокойный, какъ равно и торжественно спокойно бываетъ само истинное религіозное чувство, а не мгновенные только порывы этого чувства. Не измѣняя своего основнаго характера, смотря по смыслу свящ. пѣснопѣнія, этотъ тонъ переходитъ то въ звуки торжественной, широкой и свѣтлой радости, никогда не доходящей, однакожь, до порывистыхъ восторговъ самозабвенія, то въ глубоко-скорбный тонъ самоуглубленія, смиренія и раскаянія, никогда не упадающій опять до раздирающихъ сердце звуковъ отчаянія. Это ровное, глубоко-серіозное, торжественно-спокойное пѣніе не поражаетъ вниманія разнообразными впечатлѣніями, не волнуетъ души разнообразными чувствами, — оно, напротивъ, умиряетъ и успокоиваетъ волненія чувствъ, приводитъ разнообразіе внутреннихъ движеній къ одной цѣльной, сосредоточенной и глубокой настроенности душевной, что и должно быть истинною задачею церковнаго пѣнія, направляемаго къ возбужденію религіознаго чувства; ибо

истинное религиозное чувство должно состоять не въ волненіяхъ и порывахъ, скоропреходящихъ и иногда не оставляющихъ послѣ себя слѣда, а въ глубокой сосредоточенности—собранности духа, которая поистинѣ можетъ быть началомъ религиозной жизни. Въ этомъ ровномъ торжественно-спокойномъ пѣніи нѣтъ мѣста внезапнымъ эффектамъ; здѣсь и самыя сильныя звуки не выдаются неожиданно, какъ рѣзкій поражающій нервы крикъ, и самыя тихія мелодіи не переходятъ въ неопредѣленный шопоть и замираніе голоса, какъ въ италіянскомъ пѣніи. Наконецъ наше церковное пѣніе имѣетъ уже то преимущество предъ италіянскимъ, что оно удобнѣе для исполненія и хорошему хору и посредственному, и двумъ-тремъ пѣвцамъ, и одному пѣвцу. Нашу труднѣйшую столбовую *Херувимскую*, нашу такъ называемую *Васильевскую* — *Милость мира*, обиходное *Да исправится*, какой-либо изъ задостойниковъ или догматиковъ, переложенныхъ Турчаниновымъ, могутъ не безъ пріятности пропѣть два-три, даже одинъ посредственный пѣвецъ, а какое-либо изъ замысловатыхъ произведеній Львова, даже изъ лучшихъ произведеній Бортиянскаго, построенныхъ на италіянскій образецъ (не говоримъ уже о другихъ духовныхъ композиторахъ—подражателяхъ подражателямъ) неприятно слышать даже въ исполненіи посредственнаго хора пѣвчихъ. Богатыя сокровища нашихъ церковныхъ напѣвовъ еще мало разработаны искусствомъ талантливыхъ художниковъ. Большая часть нашихъ новыхъ духовныхъ композиторовъ (подобно большей части другихъ дѣятелей нашего искусства и нашей науки), оставляя безъ вниманія свои родныя сокровища, стараются и часто неудачно подражать западнымъ образцамъ. Но до какой художественной силы и величавости, даже и при малой обработкѣ, могутъ быть доведены наши церковныя напѣвы, объ этомъ можно отчасти составить понятіе по

такъ-называемымъ переложеніямъ Турчанинова. Какъ настоящій духовный пѣвецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ православный священникъ, онъ понималъ, что простое переложеніе нашихъ обиходныхъ напѣвовъ будетъ возвышеніе и приличіе для церкви, чѣмъ искусственныя подражанія италіянскому пѣнію. Онъ не составлялъ оригинальныхъ произведеній, не старался слѣдовать композиторамъ запада. Онъ только вслушивался въ гармонію нашихъ простыхъ обиходныхъ напѣвовъ, и почти безъ всякаго измѣненія перелагалъ ихъ на четыре голоса, и какое вышло величественное, полное силы, выразительности и гармоніи пѣніе!..

Обратимъ теперь вниманіе на самыхъ молящихся въ римско-католическихъ храмахъ.

Священникъ А. Иванцовъ-Платоновъ.

(Окончаніе будетъ).

БЕСѢДА ИНОКА ПАВЛА

О КРЕСТѢ ОСЬМИКОНЕЧНОМЪ И ЧЕТЫРЕХКОНЕЧНОМЪ.

Одинъ старообрядческій ревнитель, встрѣтясь со мною, сказалъ: я хочу спросить у васъ нѣчто о крестѣ. «Спросите, говорю, — что могу, отвѣчу вамъ». — «Скажите, продолжалъ онъ, крестъ Христовъ одинъ ли вы принимаете, или два?» Я отвѣчалъ: «единожды Христось распялся и крестъ истинный освятилъ Своєю кровію и силу ему даровалъ: по-сему и крестъ Христовъ единъ». Тогда старообрядецъ, весьма довольный такимъ отвѣтомъ, полагая, что поставитъ меня въ невозможность защищать православное ученіе о крестѣ Христовомъ, предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ: «который же крестъ вы признаете истиннымъ крестомъ Христовымъ — осьмиконечный, или четырехконечный?» Я сказалъ: «на сей вопросъ отвѣчу тебѣ такъ же, какъ отвѣчалъ Григорій, митрополитъ петербургскій, въ своей книгѣ (часть в, глава ф): церковь имѣетъ не два креста, но одинъ, — и крестъ четырехконечный не есть отличный отъ креста осьмиконечнаго, но одинъ и тойже крестъ Христовъ, подобно какъ и икона Спасителява, будетъ ли изображенъ на ней Христось Спаситель въ полномъ возрастѣ человеческомъ, или въ поясъ точію, или написана едина токмо глава Его, есть одна и таже икона Спасителява, и не двухъ, не трехъ Спасителей изображаетъ, но одного и тогожде, почему и святость сихъ иконъ

едина, и равная всѣмъ тремъ подобаесть честь и поклоненіе». Старообрядецъ сказалъ: «Григорій митрополитъ не святой, чтобы приводить его во свидѣтельство». Я отвѣчалъ: «о святости его у меня не было и рѣчи, я только привожу тебѣ силу его доказательства» (а). Старообрядецъ сказалъ: «Христось былъ распятъ на крестѣ не четвероконечномъ и то безчестіе истинному кресту Христову — отнимать у него титу и подножіе». Я отвѣчалъ: «Христось принялъ совершенное человѣчество: но Богомужный его образъ различно пишется: и въ поясъ, и до плечъ, и едина глава; и то не есть отъятіе членовъ тѣла Христова, не есть безчестіе Христу; и никто не дерзнетъ сказать, напримѣръ, о Спасовомъ нерукотворенномъ образѣ, на которомъ едина глава Спасителя воображается, что это не Христовъ образъ, ибо Христось и во образѣ, сокращенно написанномъ, отъ главныхъ его части — лица почитается. Такъ надлежитъ разсуждать и о крестѣ Христовомъ: крестъ Христовъ, составленный точію отъ двухъ главныхъ древъ, или частей, неизмѣнный крестный видъ изображающихъ, достоинъ равнаго съ крестомъ осьмиконечнымъ поклоненія, и отъятіе дщицы и подножія, при сохраненіи существеннаго крестнаго вида, ни святости, ни силы его не умаляетъ, и въ такомъ отъятіи видѣть, какъ ты видишь, безчестіе кресту Христову, за сіе отметить, какъ ты отмечаешь, крестъ четвероконечный, то же самое значить, что лишать подобающей чести и отметить нерукотворенный образъ Спасовъ и прочія иконы, изображающія Христа Спасителя не въ полномъ Его видѣ, значить попраіе и презрѣніе являютъ кресту Христову. О томъ же, что кресту, отъ двухъ древъ сотворенному, подобаесть, напротивъ, честь и поклоненіе воздавать, яко

(а) Доказательство сіе митрополитъ Григорій, какъ самъ говоритъ въ примѣчаніи, заимствовалъ у покойнаго владыки Филарета, изъ его «бесѣдъ къ глаголемому старообрядцу».

истинному кресту Христову, пишетъ святой Аѳанасій, великій столпъ православія, въ отвѣтъ 41 ко Антиоху князю. И отъ самыхъ дѣйствъ креста четырехконечнаго показуется, что онъ есть истинный животворящій крестъ Христовъ: ибо мы имъ печатѣмся въ таинствахъ и оживотворяемся душами: кто отместся животворящей силы сего креста, тотъ вмѣстѣ съ симъ отместся и имъ совершаемыхъ таинъ, мертвъ есть душею. Преподобный Ефремъ Сиринъ именуетъ четырехконечный крестъ животворящимъ крестомъ Христовымъ, глаголя: вся уды животворящимъ крестомъ утверди. Ясно, что святой отецъ разумѣетъ здѣсь четырехконечный крестъ, ибо знаменіемъ сего креста мы ограждаемъ уды наши. Онъ же далѣе именуетъ сей крестъ истиннымъ крестомъ Христовымъ, глаголя: сей бысть водруженъ на мѣстѣ лобнѣмъ. И ниже: симъ оружіемъ драгимъ Христоръ Богъ нашъ разверзе всенесытую адову утробу (слово 102 о похвалѣ кресту). Видишь, креста четырехконечнаго Ефремъ святой не отличаетъ отъ креста, стоявшаго на Голгоѣѣ, но единымъ признаетъ и тотъ, которымъ знаменуемся, и тотъ, который водруженъ былъ на мѣстѣ лобнѣмъ. Желая отстранить столь ясныя свидѣтельства святыхъ отецъ о крестѣ четырехконечномъ, мой собесѣдникъ замѣтилъ, что святой Ефремъ говоритъ о крестѣ, которымъ знаменаемся, ограждая себя, и что сей крестъ получаетъ силу отъ сложенія перстовъ, имѣющаго таинственное знаменованіе. Я отвѣчалъ: «крестъ четырехконечный, которымъ ограждаемся, святой Ефремъ называетъ животворящимъ не отъ сложенія перстовъ, но потому, что онъ освященъ на Голгоѣѣ. Я не отрицаю, что сложеніе перстовъ на крестное воображеніе имѣетъ таинственное знаменованіе; но ты долженъ знать, что крестъ четырехконечный, и не перстами воображаемый, подаетъ освященіе, какъ напримѣръ, въ помазаніи елсемя, и святымъ мвромъ,

въ священномъ дуновеніи при водоосвященіи и слѣдовательно не отъ перстосложенія пріемлетъ свою силу». Старообрядецъ возразилъ: «если бы четырехконечный крестъ самъ по себѣ имѣлъ силу, не было бы положено священнику осѣнять оный рукою». Я отвѣчалъ: «не правильно ты понимаешь дѣйствіе, о которомъ говоришь. Священникъ осѣняетъ рукою и освящаетъ не крестъ, но то, что имѣетъ на себѣ воображеніе креста, напримѣръ, хлѣбъ или ризы. Если же разумѣть по твоему, что священникъ осѣняетъ здѣсь и освящаетъ самый крестъ четырехконечный, якобы не имущій святости: то и крестъ осьмиконечный, въ силѣ котораго и ты не сомнѣваешься, точно также нужно будетъ признать не имущимъ святости. Вы, старообрядцы, неотмѣнно требуете, чтобы на просфорахъ, на артосѣ, на панагіи, на благословенныхъ хлѣбахъ изображаемъ былъ осьмиконечный крестъ: но всѣ оныя хлѣбы священникъ крестовидно осѣняетъ рукою, значитъ и осьмиконечный крестъ, по твоему, отъ осѣненія рукою пріемлетъ освященіе, а самъ по себѣ не имѣетъ силы и святости. Вотъ куда заводитъ васъ нездоровое ваше понятіе!»

Потомъ я сказалъ моему собесѣднику: «я отвѣтствовалъ на ваши вопросы: позвольте же и мнѣ спросить васъ нѣчто о крестѣ Господнемъ. Скажите мнѣ, вы одинъ осьмиконечно воображенный крестъ признаете крестомъ Христовымъ, а четырехконечный таковымъ не почитаете?» Онъ отвѣчалъ: «такъ точно.» Я еще спросилъ: «имѣетъ ли же четырехконечный крестъ какую-либо святость и силу освященія?» Онъ отвѣтилъ: «не имѣетъ.» «Но если, говорю, онъ силы освященія не имѣетъ, то какъ же таинства онымъ совершаются и мы освящаемся?» Старообрядецъ опять указалъ на то, что сила освященія здѣсь принадлежитъ сложенію перстовъ, въ воображеніи креста четырехконечнаго, а не самому кресту сему. Я возразилъ: «что ты несправедливо утверждаешь,

будто не отъ силы креста приѣмлютъ совершеніе таинства, а отъ силы перстосложенія, сіе обличается ясно самымъ чиномъ совершенія таинствъ муропомазанія и маслосвященія, ибо въ сихъ таинствахъ крестъ четырехконечный воображается не перстами, но спицею, кистию, губою. Итакъ форма, или видъ таинства въ муропомазаніи и маслосвященіи безъ перстосложенія совершается, а безъ креста четырехконечнаго не совершается.» Послѣ сего старообрядецъ съ нѣкоторымъ усиліемъ признался, что и въ крестѣ четырехконечномъ есть сила освященія. — «Но откуда же, спросилъ я, стяжалъ сію силу четырехконечный крестъ, если, по вашему, не есть онъ истинный крестъ Христовъ?» Старообрядецъ отвѣтилъ: «онъ есть сѣнь креста Христова и предзнаменованіе по ветхому закону: потому и силу нѣкую имѣеть къ преподанію святыни.» На это я сказалъ: «если крестъ четырехконечный есть сѣновнаго закона знаменіе, то въ новомъ законѣ употреблять оный не подобаетъ, ибо сѣнь законная преиде, благодати пришедшей. Жертвы, напимѣрь, и обрѣзаніе были образами истины, — закланіе агнца образовало смерть Христову ^(б), обрѣзаніе — тайну крещенія ^(в): но по явленіи истины всѣ сіи образы уже не довлѣютъ къ употребленію, и кто восхотѣлъ бы употреблять оныя, возбраняется апостольскимъ гласомъ: аще обрѣзаетея, Христосъ васъ ничто же пользуетъ ^(г). Если, по вашему, крестъ четырехконечный есть точію ветхозавѣтная сѣнь креста Христова, то не подлежатъ ли и вы осужденію, употребляя на освященіе таинствъ не истинный, по вашему, крестъ Христовъ, а ветхозавѣтную, какъ говорите вы, онаго сѣнь? Вы прежде, искушая меня, спрашивали: одинъ ли крестъ Хри-

(б) Григорія Богослова на св. Пасху слово 2. (в) Его же слово на Богоявленіе. (г) Посл. къ Галат. вач. сѣт.

ство? и думали обличить меня въ употребленіи и почитаніи двухъ различныхъ крестовъ: а теперь оказалось, что, напротивъ, сами вы вѣруете имѣть два особые креста — одинъ Христовъ, которому поклоняетесь, и другій, котораго Христовымъ назвать не хотите, а именуете точію сѣновнымъ, хотя симъ послѣднимъ крестомъ и таинства вѣруете совершать, и освящаетесь и знаменаетесь на прогнаніе бѣсовъ, какъ будто освящаться и прогонять бѣсовъ не Христовымъ крестомъ возможно... Не такъ поступаетъ церковь православная: единый пріемлетъ она крестъ, на немже Христосъ распяся, егоже освяти пречистою Своею кровію и даде намъ на освященіе и прогнаніе бѣсовъ, изображаетъ ли оный съ титлою и подножіемъ, или безъ титла и подножія, подобно какъ единою и равночтимою признаетъ икону Спасителя, во весь ли возрастъ изображаетъ она Христа Спасителя или точію главу Его». Послѣ сего старообрядецъ сдѣлалъ еще уступку, — сознался, что крестъ четырехконечный можно признать и за крестъ Христовъ, но прибавилъ, что все же онъ не имѣетъ такой силы, какъ крестъ осьмиконечный. Я сказалъ: «удивляюсь крайнему твоему недоумѣнію! Крестъ четырехконечный ты признаешь и крестомъ Христовымъ и вмѣстѣ не имѣющимъ силы креста Христова! Развѣ крестъ Христовъ можетъ быть немощенъ, или малосиленъ? Одно изъ двухъ должны вы избрать: признавъ четырехконечный крестъ крестомъ Христовымъ, должны вѣровать и всей силѣ крестной въ немъ совершатися, или же, не приписуя ему всей силы крестной, должны не признавать его и крестомъ Христовымъ, чего и самъ ты, наконецъ, не дерзаешь говорить, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы отвергнуть и силу таинствъ, симъ крестомъ совершаемыхъ. Да и съ чего взяли вы, кресту четырехконечному приписывать меньшую противу осьмиконечнаго креста силу, когда всѣ таинства имъ со-

вершаются? Если бы совершались имъ какія-либо не таинственныя освященія, а таинства освящались бы крестомъ осьмиконечнымъ, тогда вы имѣли бы нѣкоторое (хотя и не законное) основаніе утверждать, что въ сравненіи съ симъ послѣднимъ онъ меньшей силы и святости. Но когда именно крестомъ четырехконечнымъ совершаются всѣ таинства: непозволительно старообрядцамъ уменьшать его силу. Его печатію животворимся: а вы не хотите назвать его животворящимъ! Имъ освящаемся: а вы не хотите назвать его святымъ! Не есть ли это крестоборство и хуленіе крестной силы?»

В) БЛАЖЕННЫ ^(а).

Въ литургіи оглашенныхъ симъ именемъ называется третья часть воскресныхъ антифоновъ, или вообще тѣхъ антифоновъ, рядъ которыхъ начинается пѣніемъ: *Благослови душе моя Господа* ^(б). Блаженны — это впервыхъ евангельскіе стихи о блаженствахъ, т. е. о путяхъ ведущихъ къ блаженству (Матѳ. 5, 3—12), вовторыхъ, тѣ церковныя пѣнопѣнія, изъ которыхъ предъ каждымъ читается или поется евангельскій стихъ о блаженствѣ, и которыя берутся изъ книги Осмогласника, и изъ канона въ минеѣ и тріодахъ. Ограничимся разсмотрѣніемъ собственно евангельскихъ стиховъ о блаженствахъ.

Чтеніе или пѣніе евангельскихъ стиховъ о блаженствахъ предваряется словами благоразумнаго разбойника: *во царствіи Твоемъ, помяни насъ Господи, егда прідеши во царствіи Твоемъ*. Это предвареніе весьма умѣстно, какъ выраженіе свойственнаго христіанину желанія и надежды получить участіе въ томъ блаженствѣ, которое, по обѣтованію Христа Спасителя, содержащемуся въ Его ученіи о путяхъ къ блаженству, уготовано истинно вѣрующимъ въ небесномъ

(а) Продолженіе труда о литургіи оглашенныхъ.

(б) Что Блаженны относятся къ разряду антифоновъ, видно изъ того, что въ Ирмологіи стихи ихъ обозначаются буквами: *а. б. а. б.* Это значитъ, что стихи сіи назначены для пѣнія на обоихъ клиросахъ, антифонно, какъ и предшествующіе антифоны, стихи которыхъ въ ирмологіи также размѣчены буквами: *а. б. а. б.* И въ Чиновникѣ (лит. Златоуста) сказано: «пѣвцы же поютъ блаженны по чину на оба лика»

царствѣ и предназначается для нихъ еще на землѣ — въ царствѣ благодати.

Помяни мя Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ (Лук. 23, 42). Разбойникъ, когда обращался съ сею мольбою къ Иисусу, подъ царствомъ Его, конечно, разумѣлъ царство земное, не возвышаясь въ семъ случаѣ надъ современными Іудеями и даже учениками Христовыми, ожидавшими отъ Мессіи открытія земнаго, а не духовнаго царства. Разбойникъ полагалъ, что позорная смерть Иисуса не воспрепятствуетъ Ему открыть земное царство, что Онъ снова явится на землѣ, чтобы провозгласить себя царемъ всемірнаго земнаго царства^(в). Разбойникъ въ этомъ отношеніи былъ не правъ, и мы, хотя молимся его словами, соединяемъ съ ними совсѣмъ иной смыслъ, прося его словами помянуть насъ въ царствѣ *небесномъ*; но чувства покаянія и вѣры во Христа, какими одушевленъ былъ благоразумный разбойникъ, должны быть и нашими чувствами, когда произносимъ его слова. О силѣ покаянія его можно судить по тому, что передъ тѣмъ, какъ онъ воззвалъ: помяни мя Господи, — онъ не только самого себя исповѣдалъ достойнымъ казни за свои дѣла, но и товарища своего, глумившагося надъ Иисусомъ, старался образумить, возбудить въ немъ страхъ Божій и чувство раскаянія. О силѣ вѣры благоразумнаго разбойника въ Иисуса и надежды на Него свидѣтельствуетъ то, что онъ исповѣдалъ эту вѣру и надежду тогда, когда видѣлъ Иисуса распятымъ подлѣ себя, униженнымъ, опозореннымъ, когда слышалъ, какъ всѣ глумились надъ Нимъ, поносили Его, когда оставили Его самыя близкія къ Нему лица, кромѣ Матери и ученика, его же любяше. Чѣмъ труднѣе было разбойнику, притакихъ с�стоятельствахъ, увѣровать въ Распятаго съ нимъ, какъ

(в) См. «последніе дни земной жизни Господа нашего І. Христа» преосв. Иннокентія архіеп. херсонскаго. Изд. 2. 1860, стр. 417—418.

Господа всемогущаго, какъ Царя вселенной и обратиться къ Нему съ мольбою надежды, тѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ достойнѣе удивленія подвигъ его вѣры и надежды. Господи, помяни и насъ въ царствіи Твоемъ, какъ помянулъ разбойника, но вмѣстѣ даруй намъ его покаяніе и утверди насъ въ вѣрѣ и упованіи на Тебя, какъ онъ былъ твердъ и непоколебимъ.

Мат. гл. 5, ст. 3. *Блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное.* Нищіе духомъ — это смиренномудрые. Они называются нищими духомъ потому, что по духовному расположенію похожи на нищихъ по тѣлу. Нищіе по тѣлу проникнуты сознаниемъ полнѣйшей зависимости своей отъ Бога и добрыхъ людей, потому что ничего своего не имѣютъ и живутъ изо дня въ день тѣмъ, что дастъ Богъ и добрые люди. Подобно сему и нищіе по духу всецѣло проникнуты сознаниемъ своихъ духовныхъ недостатковъ и чувствомъ нужды въ милосердіи Божіемъ. Ублажая нищихъ духомъ, Іисусъ Христосъ ближайшимъ образомъ имѣетъ въ виду тѣхъ изъ нихъ, которые смиренно исповѣдуютъ себя великими, достойными вѣчнаго осужденія грѣшниками, признаютъ себя безсильными въ борьбѣ со грѣхами и надежду спасенія полагаютъ только въ милосердіи Божіемъ. Подъ царствомъ небеснымъ, которое принадлежитъ имъ, разумѣется не только царство славы, уготованной имъ на небесахъ; но вмѣстѣ царство благодати, которое хотя открыто на землѣ въ обществѣ вѣрующихъ въ Господа Іисуса Христа, но поистинѣ есть небесное, потому что уготовляетъ достойныхъ гражданъ небу и потому что съ открытіемъ сего царства пала преграда, раздѣлявшая небо отъ земли. Царь небесный и ближайшіе къ Нему слуги — ангелы, вступили въ ближайшее общеніе съ земнородными. Провозглашая царствіе небесное достоиніемъ нищихъ духомъ, Господь Іисусъ

тѣмъ самымъ даетъ видѣть, какое духовное расположеніе несовмѣстно съ участіемъ въ семь царствѣ и благахъ его. Съ нимъ несовмѣстна фарисейская гордость. Фарисеи и единомысленные съ ними «увѣрены были о себѣ, что они праведны и уничижали другихъ» (Лук. 18, 9). Они мечтали достигнуть оправданія предъ Богомъ одними собственными силами, почитая достаточными для угожденія Богу одни собственные подвиги въ исполненіи закона, и въ чувствѣ самодовольства не ощущали нужды въ освящающей и оправдывающей благодати Божіей. Въ чемъ же состояли эти подвиги? Во многихъ они ограничивались исполненіемъ предписаній одного обрядоваго закона, съ совершеннымъ пренебреженіемъ нравственныхъ обязанностей, — обязанностей правосудія, милости и вѣрности (Мат. 23, 23). Другіе старались исполнять и нравственныя обязанности, но какъ исполняли, показано Иисусомъ Христомъ въ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ и во многихъ другихъ обличеніяхъ фарисейству. Заповѣди нравственнаго закона, вмѣсто того, чтобы приводить ревнующихъ объ исполненіи его къ познанію грѣха (Рим. 3, 20), къ признанію недостаточности естественныхъ силъ въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія, къ чувству виновности предъ Богомъ, давали имъ только поводъ къ обнаруженію высокомерія и къ осужденію ближнихъ, что отнимаетъ цѣну у самыхъ добродѣтелей. Фарисеи думалъ, что если онъ не воръ, не грабитель, не прелюбодѣй, раздавалъ иногда милостыню, то онъ и правъ предъ закономъ, заслужилъ благоволеніе Божіе, хотя бы не заботился объ очищеніи сердца, осуждалъ ближнихъ и чуждъ былъ всепрощающей и до самоотверженія простирающейся любви къ ближнимъ. Понятно, какъ такія расположенія удаляли фарисеевъ и единомысленныхъ съ ними отъ Христа Спасителя и отъ участія въ Его царствѣ. Для сего участія надлежало отка-

заться отъ высокаго мнѣнія о собственныхъ заслугахъ, отъ собственной праведности, о которой сказалъ Спаситель: *аще не избудеть правда ваша паче книжникъ и фарисей, не увидите въ царствіе небесное* (Мат. 5, 20); надлежало въ глубинѣ души возчувствовать виновность свою предъ Богомъ и потребность очищающей и освящающей благодати; надлежало смиренно признать, что отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть, что безъ вѣры и благодати, ею привлекаемой и въ свою очередь ее укрѣпляющей, никто Богу угодить не можетъ. Словомъ — надлежало воспитать въ себѣ то расположеніе духа, которое называется нищетою духовною, ублажаемою Спасителемъ.

Предоставляемое нищимъ духомъ царство ничего не имѣетъ общаго съ мірскимъ царствомъ, какого ожидали Іудеи съ пришествіемъ Мессіи. Мірскому царству, по ихъ ожиданію, надлежало бы открыться торжественно и всѣхъ изумить своимъ блескомъ и славою. Ничего подобнаго не представляетъ царство — достояніе нищихъ духомъ. Никакой внѣшней переменѣ въ своей судьбѣ они не испытаютъ съ открытіемъ сего царства, ибо область его простирается на однѣ души. Оттого для постороннихъ оно, пожалуй, и незамѣтно, но нищимъ духомъ оно даетъ знать о себѣ, производя въ нихъ ощущеніе правды, мира и радости о Душѣ Святѣ (Рим. 14, 17). Впрочемъ это, во времени открывшееся царство, есть только начало, или залогъ того полнаго, совершеннѣйшаго царства, какое примутъ нищіе духомъ въ вѣчности, гдѣ ожидается ихъ непрестающая радость и блаженство.

Ст. 4. *Блаженни плачущіи, яко тѣи утѣшатся.*

Ублажаются плачущіе о грѣхахъ своихъ, тѣ, которые скорбятъ и сокрушаются о томъ, что оскорбляютъ ими Господа и заслуживаютъ праведный гнѣвъ Его, но скорбятъ и сокрушаются съ надеждою на милосердіе Божіе, на прощеніе и

оправданіе. Какъ возбудить и поддержать въ себѣ эту спасительную скорбь? Удаленіемъ отъ мірскихъ суетъ, самоиспытаніемъ, размысленіемъ о смерти, о страшномъ судѣ и геенѣ, также о многообразныхъ и безчисленныхъ милостяхъ къ намъ Господа, которыми Онъ хочетъ возбудить въ насъ благодарность къ Нему и благодарностію привлечь къ себѣ, и которыя мы употребляемъ во зло, — а паче всего очищеніемъ сердца отъ всякаго земнаго пристрастія. Пристрастія къ земнымъ благамъ и удовольствіямъ, облегающія наше сердце, — это тоже, что толстый слой сору, лежащій на камнѣ. Если хотите разбить камень, напередъ снимите съ него этотъ слой, иначе удары ваши, какъ бы ни были тяжеловѣсны, не достигнутъ до камня, покрытаго имъ. Равнымъ образомъ, если хотите произвести въ себѣ сердечное сокрушеніе, постарайтесь напередъ очистить ваше сердце отъ покрывающаго оное нароста земныхъ пристрастій, — тогда и только тогда возможенъ будетъ для васъ безпристрастный взоръ на самихъ себя, и вы усмотрите въ себѣ то, чего дотолѣ не замѣчали, — усмотрите, какъ велики и многочисленны грѣхи ваши, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствуете угрызения совѣсти, стыдъ передъ Богомъ, страхъ неумытнаго суда Его, и расположеніе къ слезамъ.

Плачущіи о грѣхахъ утѣшатся. Они утѣшатся прощеніемъ имъ грѣховъ. Для нихъ утѣшительно уже обѣтованіе о прощеніи и оправданіи кающихся грѣшниковъ, утѣшительно то, что Сынъ Божій за тѣмъ и приходилъ съ неба на землю, чтобы грѣшныхъ спасти, утѣшительны многочисленныя примѣры помилованія великихъ грѣшниковъ: но несравненно большее утѣшеніе получаютъ плачущіе о грѣхахъ своихъ, когда въ таинствѣ исповѣди изливъ скорбь свою о грѣхахъ передъ священникомъ, выслушаютъ отъ него слово разрѣшенія въ нихъ. Тогда они на самихъ себѣ испытаютъ ве-

личіе милосердія Божія къ грѣшникамъ, тогда они ошутятъ, что съ ихъ совѣсти снятъ какъ бы камень тяжелый, и въ семь ощущеніи обрѣтутъ такое утѣшеніе, такую радость, какой не промѣняютъ на всѣ радости міра. Впрочемъ какъ ни велико утѣшеніе, подаваемое плачущему грѣшнику прощеніемъ его грѣховъ, оно не можетъ быть полнымъ и совершеннымъ въ земной жизни, потому что жизнь эта есть время непрерывной борьбы съ грѣхомъ, окончательная побѣда надъ которымъ послѣдуетъ въ концѣ вѣковъ, въ царствѣ славы, гдѣ *ни плача, ни вопля, ни бользни не будетъ ктому* (Апок. 21, 4). Утѣшенія благодатныя, испытываемыя нами здѣсь, суть только предвкушенія вѣчныхъ радостей тамъ.

Ст. 5. *Блажени кротцыи, яко тѣи наслѣдятъ землю.*

Кроткимъ называется человѣкъ, который самъ не раздражается оскорбленіями отъ другихъ и ихъ не раздражаетъ, но со всѣми обходится мягко, привѣтливо, снисходительно.

Не всякая, впрочемъ, кротость есть христіанская. Иной кротокъ по природѣ, подобно нѣкоторымъ животнымъ — агнцу, голубю. Иной кротко обращается съ ближними по расчету, по надеждѣ выслужиться передъ людьми, которыхъ въ душѣ презираетъ и ненавидитъ, — слѣдовательно кротокъ лицемѣрно. Кротость христіанская обязательна для всѣхъ вѣрующихъ во Христа, — даже по природѣ склонныхъ къ раздражительности. Послѣдніе всѣ усилія должны употреблять къ побѣжденію раздражительности при помощи, разумѣется, благодати Божіей, и не должны оправдывать свою раздражительность природною къ ней склонностію: они должны помнить, что призваніе христіанина состоитъ въ борьбѣ съ испорченною своею природою, въ подвигахъ самоотверженія, въ распинаніи ветхаго человѣка съ его грѣховными склонностями (Марк. 8, 34). Кротость христіанская про-

истекаетъ изъ любви къ ближнимъ и изъ смиренія. Главною причиною нашей обидчивости, раздражительности, неуступчивости, суровости въ обращеніи съ ближними, бываетъ, обыкновенно, самолюбіе. Съ любовію къ ближнимъ несовмѣстны эти недостатки,— она старается побѣдить ихъ, она долготерпитъ, не раздражается, все покрываетъ (1 Кор. 13, 4. 5. 7). Несовмѣстны они также съ смиреніемъ. Кто смиренно признаетъ себя великимъ грѣшникомъ предъ Богомъ, и чаетъ помилованія единственно отъ милосердія Божія, тотъ не можетъ быть взыскателемъ въ оскорбленіямъ, какія самъ терпитъ отъ ближнихъ. Ибо какъ бы ни были тяжки эти оскорбленія, они слишкомъ незначительны въ сравненіи съ оскорбленіемъ, какое мы сами наносимъ Богу нашими грѣхами, нашимъ неповиновеніемъ Его святой волѣ. Тяжесть оскорбленія увеличивается или уменьшается смотря по тому, кому оно нанесено. Такъ оскорбленіе бранными словами отца роднаго гораздо тяжелѣе такогоже оскорбленія постороннему и притомъ равному по общественному положенію лицу. Во сколько же теперь разъ оскорбленіе, какое мы наносимъ нашими грѣхами Богу, существу безпредѣльно-великому, святѣйшему и премилостивому къ намъ, превышаетъ обиды, какія мы сами терпимъ отъ ближнихъ нашихъ, мы — существа ограниченные и притомъ грѣховныя!.. Вотъ почему вины наши противъ Бога въ притчѣ Христовой представляются подъ образомъ 10 тысячъ талантовъ (около 20 милліоновъ руб.), которыми задолжалъ царю рабъ его, а виновность противъ насъ нашихъ ближнихъ сравнивается въ той же притчѣ съ 100 денаріевъ (около 20 рублей), которыми задолжалъ ему самому товарищъ его. Еслибы мы живо принимали къ сердцу то, какъ безмѣрно велики наши вины предъ Богомъ, то находили бы въ этомъ сильнѣйшее побужденіе къ смиренію предъ Нимъ и слѣдственно къ кроткому перенесенію обидъ

отъ ближняго, тѣмъ паче, что подъ этимъ только условіемъ можемъ ожидать снисхожденія къ намъ грѣшнымъ Отца небеснаго (Матѳ. 6, 14. 15).

Кротцыи наслѣдятъ землю. Обѣтованіе о наслѣдованіи земли должно разумѣть не о внѣшнемъ обладаніи землею, а о духовной, нравственной власти, свойственной кроткимъ, надъ сердцами обитателей земли. Кроткіе привлекаютъ къ себѣ сердца даже враговъ, обезоруживая ихъ злобу своимъ незлобіемъ и доброжелательствомъ. Кроткіе — самые вожделѣнные и любезные члены общества. Въ нихъ нѣтъ самолюбія, разрушительно и вредно дѣйствующаго на общежитіе. Оттого они легко уживаются со всѣми, всѣ имъ рады, всѣ къ нимъ довѣрчивы, всѣ съ ними откровенны, всѣ дома для нихъ открыты, всякаго рода услуги для нихъ готовы. Но если и не всегда кроткіе успѣваютъ занять въ общежитіи безопасное и благопріятное для себя положеніе, если они, любезные для однихъ, много иногда терпятъ обидъ и притѣсненій отъ другихъ, — они могутъ утѣшать себя обѣтованіемъ наслѣдія, уготованнаго имъ на новой землѣ (2 Петр. 3, 13), въ вѣчномъ царствѣ славы, царствѣ всеобщаго мира и любви.

Ст. 6. *Блаженни алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣи насытятся.*

Правда — это правота, — правильность нравственныхъ стремленій и поступковъ. Она опредѣляется согласіемъ съ волею Божіею. О волѣ Божіей свидѣтельствуется совѣсть наша, которая посему называется голосомъ Божіимъ; но въ естественномъ состояніи совѣсть не всегда правильно свидѣтельствуется о волѣ Божіей. Она часто подчиняется неправильнымъ внушеніямъ разума, и потому дѣйствовать по совѣсти не всегда значитъ дѣйствовать согласно съ волею Божіею. Истинный свидѣтель воли Божіей есть откровенный законъ Божій. Посему *правда*, нравственная правота, есть соб-

ственно согласіе нравственно-духовныхъ расположеній и поступковъ съ этимъ закономъ.

Что значитъ алкать и жаждать правды? — Это значитъ, прежде всего, испытывать въ себѣ такое же безпокойное чувство лишенія или недостатка правды, какое испытываютъ люди изнывающіе отъ голода и жажды. Алчущіе и жаждущіе правды весьма недовольны нравственнымъ своимъ состояніемъ. Они тяготеютъ сознаниемъ своихъ грѣховъ, ихъ смущаютъ не только тяжкіе грѣхи, но и повидимому легкіе, не только грѣховныя дѣйствія, но и грѣховныя мысли. Ихъ совѣсть никогда не мирится съ нарушеніями нравственнаго долга, они строгіе, безпощадные судьи самихъ себя. Они недовольны даже добрыми дѣлами своими, успѣхами въ духовной жизни, потому что чувствуютъ, что они далеки отъ той высоты совершенства, къ достиженію которой призваны: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. 5, 48). *Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христвъ Исусъ* (Филип. 2, 5). Всѣмъ указано «достигать въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова» (Еф. 4, 13). Они судятъ о себѣ по сравненію не съ жизнію другихъ людей, а съ этими именно высокими образцами совершенства. Еслибъ они стали сравнивать себя съ людьми, они могли бы сказать: *нѣсмь якоже прочіи челоуцы*; но когда они сравниваютъ свою жизнь съ тѣмъ, чѣмъ они должны быть по требованіямъ слова Божія, они говорятъ: *тебѣ Господи правда, намъ же стыдѣннѣ лица*. Далѣе, алкать и жаждать правды значитъ стремиться къ достиженію ея, какъ голодные и жаждущіе стремятся къ утоленію голода и жажды. Послѣдніе изъ всѣхъ силъ бьются, чтобы достать себѣ хлѣба и воды, и если своими трудами не успѣваютъ въ этомъ, то смиренно просятъ другихъ, чтобы накормили и напоили ихъ. Подобно сему и тотъ, въ комъ

есть истинное желаніе быть правымъ, не остается при одномъ этомъ желаніи, а старается обратить его въ дѣло. Но чувствуя недостаточность естественныхъ своихъ силъ къ тому, онъ умоляетъ Бога о дарованіи ему благодатной помощи къ побѣжденію грѣха и къ утверженію себя въ подвигахъ правды, прося въ то же время о невзысканіи съ него за грѣхи.

Благо алчущимъ и жаждущимъ правды: они *насытятся*. Ихъ духовная алчба и жажда, наконецъ, будетъ удовлетворена. При помощи благодати Божіей ихъ усилія въ борьбѣ со грѣхомъ и въ исканіи правды, наконецъ, увѣнчаются успѣхомъ. Благодать Божія не только избавляетъ ихъ отъ осужденія за грѣхи, но внутренно обновляетъ и возрождаетъ ихъ, такъ что «рожденный отъ Бога не дѣлаетъ грѣха; потому что сѣмя Его пребываетъ въ немъ, и онъ не можетъ грѣшнить, потому что рожденъ отъ Бога» (1 Іоан. 3, 9). Это не то значить, что рожденный отъ Бога совсѣмъ безгрѣшенъ, — полная побѣда надъ грѣхомъ послѣдуетъ въ вѣчномъ царствѣ славы, — а то, что, если и приражаются къ нему грѣховные помыслы, онъ не соуслаждается имъ, и благодаря господствующему въ немъ святому расположенію духа, насажденному благодатію, не даетъ имъ обратиться въ грѣховное дѣло, при удачной борьбѣ съ ними. А въ жизни будущей алчущіе и жаждущіе правды уже и совсѣмъ не будутъ имѣть нужды въ этой борьбѣ: тогда ни одинъ грѣховный помыслъ не возмутитъ ихъ духовнаго мира. И если здѣсь на землѣ они могутъ достигать равноангельнаго совершенства въ духовной жизни, на небесахъ они еще болѣе могутъ утвердиться въ немъ.

Ст. 7. *Блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ.*

Милостивые — это милосердые и сострадательные, которые не только горячо принимаютъ къ сердцу нужды, скорби,

страданія, бѣдствія ближняго, но всегда готовы дѣятельно помочь ему въ вуждахъ, скорбяхъ, страданіяхъ, бѣдствіяхъ. Они готовы алчущаго накормить, жаждущаго напоить, странника принять, нагаго одѣть, больнаго посѣтить, заключеннаго въ темницу навѣстить (Матѣ. 25, 35. 36), сироту и вдовицу призрѣть, безпріютному дать пріютъ; они готовы невѣдущаго наставить, заблуждающагося вразумить, недомѣввающему подать совѣтъ, порочнаго исправить, скорбящаго утѣшить, малодушнаго и отчаяющаго ободрить и успокоить. Вещественную помощь ближнему они всегда оказываютъ съ душевнымъ участіемъ къ нему, или ограничиваются выраженіемъ одного душевнаго участія къ нему, если не въ состояніи помочь ему вещественно. Милосердіе и состраданіе въ большей или мевьшей мѣрѣ свойственно каждому по природѣ, такъ что при взглядѣ на несчастнаго мы невольно чувствуемъ жалость. Вѣра Христова не только не даетъ заглухнуть въ насъ этому естественному чувству, но освящаетъ и еще болѣе раскрываетъ и возвышаетъ его, указуя на милосердіе Отца нашего небеснаго, простирающееся на добрыхъ и злыхъ, на откровеніе безпредѣльной любви къ намъ Божіей въ лицѣ единороднаго Сына Божія, нашего ради спасенія принявшаго наше естество, пострадавшаго на крестѣ, — на благодать Духа святаго, неотступно пребывающую въ обществѣ вѣрующихъ во Христа, на братство ихъ во Христѣ Иисусѣ, на то, что милуяй нищаго взаимы даетъ Богу, что обратившій грѣшника на путь истины спасетъ свою душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ (Іак. 5, 19. 20), что на страшномъ судѣ Господь Иисусъ наречетъ благословенными Отца Своего и объявитъ наследниками вѣчнаго царствія преимущественно милостивыхъ. Сіе-то вѣчное воздаяніе милостивымъ должно разумѣть также въ обѣтованія: *милостивіи помиловани будутъ*. Но главнымъ об-

разомъ помилованіе значитъ здѣсь пощаду имъ на судѣ Божіемъ, избавленіе отъ вѣчнаго осужденія. Ради дѣлъ милосердія, имъ прощены будутъ на судѣ Божіемъ многіе грѣхи, тогда какъ судъ безъ милости не сотворшему милости. Но и въ сей жизни «блаженъ, кто вникаетъ въ состояніе нищаго: Господь избавитъ его въ день бѣдствія, сохранитъ его, не отдастъ его на волю враговъ его, укрѣпитъ его на одрѣ болѣзни» (Псал. 40, 1—3).

Ст. 8. *Блаженн чистіи сердцемъ, яко тии Бога узрять.*

Быть чистымъ въ сердцѣ, или достигнуть чистоты сердечной, значитъ образовать свое сердце такъ, чтобъ оно перестало быть источникомъ не только грѣховныхъ дѣлъ, но также грѣховныхъ помышленій, чувствованій и желаній. Грѣховныя дѣла суть явные признаки нечистоты сердечной, но она можетъ гнѣздиться въ насъ, не обнаруживаясь въ нихъ. Нечистоты грѣховныхъ мыслей, чувствованій и желаній, доколѣ они гнѣзятся только въ сердцѣ, могутъ не примѣтять люди, но ее зритъ Богъ Сердцевѣдецъ, и осуждаетъ ее съ меньшей строгостію, какъ и наружную нечистоту дѣлъ (Прит. 15, 26). Такъ на человѣка, питающаго въ сердцѣ гнѣвъ и вражду къ ближнему, Онъ взираетъ какъ на *человѣкоубійцу* (1 Іоан. 5, 15), какъ на *повиннаго суду* (Матѣ. 5, 22), т.-е. достойнаго быть преданнымъ уголовному суду, хотя судъ сей караетъ только наружныя преступленія, — на того, кто воззритъ на жену съ вождельніемъ въ сердцѣ, ни для кого не примѣтнымъ, Онъ взираетъ какъ на любодѣя (Матѣ. 5, 28).

Стяжать чистоту сердечную, очистить себя не только отъ грѣховныхъ дѣлъ, но и отъ грѣховныхъ мыслей и желаній — трудъ превышающій силы человѣка. *Кто похвалится чистотой имѣти сердце* (разумѣется въ естественномъ его состояніи)? *Или кто дерзнетъ реци чиста себе быти отъ*

грѣховъ (Прит. 20, 9)? Сердечная нечистота советѣмъ не то, что пыль, покрывающая предметъ, которую можетъ стряхнуть легкое движеніе воздуха. Нѣтъ, она проникла самое существо души, срослася съ нимъ воедино, стала какъ бы его частию; потому освободиться отъ ней значить то же, что отдѣлить себя отъ себя, исторгнуть око, уцѣкнуть руку. Однихъ естественныхъ усилій для внутренняго очищенія себя, очевидно, недостаточно, одна божественная сила можетъ очистить и обновить наше сердце. Посему каждый, желающій достигнуть чистоты сердечной, восторжествовать надъ грѣховными помыслами и желаніями, долженъ взывать къ Богу словами Давида: *сердце чисто созижди во мнѣ Божие* (Пс. 50, 12). Особенную силу въ борьбѣ противъ нечистыхъ помысловъ и желаній, опытные подвижники приписываютъ молитвѣ Иисусовой. Дѣло не въ словахъ сей молитвы,—сами по себѣ они не принесутъ пользы,—но въ вѣрѣ во всемогущую благодать Божію, подаемую намъ ради пострадавшаго за насъ Сына Божія. Слова молитвы Иисусовой суть только выраженіе сей вѣры. Кромѣ молитвы противъ нечистыхъ помысловъ имѣютъ великую силу памятованіе о вседѣйствіи и всевѣдѣніи Божіемъ, хожденіе предъ Богомъ со страхомъ и смиреніемъ, размышленіе о пагубныхъ послѣдствіяхъ уступчивости нечистымъ мыслямъ, постъ, уединеніе, удаленіе отъ соблазнительныхъ обществъ и зрѣлищъ, бесѣда съ опытными въ духовной жизни людьми, частое пріятіе благодати таинствъ.

Труденъ подвигъ къ стяжанію возможной для насъ въ сей жизни чистоты сердечной, но и велика награда за подвигъ. *Чистіи сердцемъ Бога узрѣтъ*. То-есть и въ настоящей жизни въ нихъ откроется способность къ радостному ощущенію сердцемъ присутствія Божія въ себѣ самихъ, и въ себѣ—въ судьбахъ человѣчества и въ явленіяхъ видимой приро-

ды, ощущенію столь же неотразимому, какъ внѣшнее ощущеніе зрѣнія; но гораздо живѣе и радостотворнѣе будетъ въ нихъ ощущеніе Божія присутствія въ царствѣ славы, когда «узримъ Его, какъ Онъ есть» (1 Іоан. 3, 2), въ Его существѣ, а не въ откровеніяхъ только Его присносущной силы.

Ст. 9. *Блаженни миротворцы, яко тѣи сынове Божіи нарекутся.*

Миротворцемъ называется тотъ, кто заботится о сохраненіи или возстановленіи миролюбивыхъ отношеній къ ближнимъ и между ближними, и для достиженія сей цѣли готовъ пожертвовать своими правами и выгодами, если только сія не соединяется съ нарушеніемъ долга и со вредомъ для другихъ.

Научая своихъ послѣдователей миротворству, Христосъ сказалъ: «если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя; оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и тогда прійди и принеси даръ твой» (Матѣ. 5, 23. 24). Согласно сему истинные ученики Христа Спасителя не только сами поступали миролюбиво съ ближними, но содѣйствовали къ водворенію мира между другими. Такъ св. Іоаннъ милостивый, патріархъ александрійскій, однажды во время совершенія литургіи вспомнилъ, что одинъ изъ служителей церкви негодуетъ на него за наказаніе, впрочемъ справедливо на него наложенное. Патріархъ прервалъ богослуженіе, тотчасъ послалъ за клирикомъ, поклонился ему въ ноги, прося у него прощенія, чѣмъ возбудилъ въ немъ слезное раскаяніе и совершенно примирилъ его съ собою. — Зная вражду двухъ бояръ, призвалъ одного изъ нихъ въ храмъ Божій и здѣсь послѣ пѣнія *Отче нашъ* напомнилъ ему, что Отецъ небесный отпускаетъ долги только тѣмъ, которые сами прощаютъ должникамъ своимъ, и симъ напоминаніемъ склонилъ его къ примиренію съ соперникомъ. Въ примѣръ самоотверженія,

готовности отказаться отъ своихъ правъ и преимуществъ для водворенія мира между ближними, можно указать на св. Григорія Богослова. Узнавши, что отцы 2-го вселенскаго собора спорятъ о правахъ его святительства въ Царь-градѣ, онъ добровольно отрекся отъ сихъ правъ, объявивъ: я не лучше пророка Іоны, ввергните и меня въ море, чтобъ утихло происшедшее ради меня волненіе. Подобно ему поступилъ св. Петръ митрополитъ россійскій. Оклеветанный однимъ недоброжелателемъ, онъ повторилъ предъ судьями своими слова Григорія Богослова. Впрочемъ бывають случаи, когда готовность на разныя уступки для миротворства не можетъ быть одобрена. Такъ она не можетъ быть одобрена въ тѣхъ начальникахъ, которые для того только, чтобы не лишиться расположенія подчиненныхъ, не обуздываютъ ихъ своеволія строгостію и своимъ потворствомъ даютъ усиливаться между ними своеволію и всякаго рода безпорядкамъ.

Миротворцы *сынами Божіими нарекутся*. Они поистинѣ достойны сего наименованія, ибо подвигомъ своимъ подражаютъ единородному Сыну Божію, который смертію Своею примирилъ насъ съ правосудіемъ Божіимъ. Съ наименованіемъ сыновъ Божіихъ неразлучно право наслѣдованія вѣчныхъ благъ, уготованныхъ имъ: «если мы дѣти, то и наслѣдники Божіи, сонаслѣдники же Христу» (Рим. 8, 17).

Ст. 10. *Блаженіи изнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное.*

Правда, гонимые за которую ублажаются Спасителемъ, это вообще правая, благочестивая и добродѣтельная жизнь. Гонители правды—это преданные грѣху и нечестію. Ревнители благочестія и добродѣтеля, безъ словъ, самую жизнь свою, служатъ имъ обличеніемъ, для нихъ нестерпимымъ. «Всякій дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы»

(Иоан. 3, 20). Отсюда происходят разныя притѣсненія и гоненія ревнителямъ правды, они не могутъ жить покойно въ обществѣ ненавистниковъ ея. Но блаженны гонимые за правду, и несмотря на гоненія непоколебимо идущіе путемъ ея! Сей путь есть вѣрный путь къ царству небесному, гдѣ за временныя скорби и лишенія ихъ ожидаетъ вѣчное успокоеніе и веселіе.

Ст. 11. *Блаженн есте, егда поносятъ вамъ и иждедутъ* (будутъ гнать) *и рекуть всякъ золь глаголь на вы лжуще Мене ради: радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небеснхъ.*

Какъ въ предшествующемъ стихѣ ублажаются гонимые вообще за благочестіе и добродѣтель, такъ здѣсь ублажаются гонимые за вѣру во Христа (*Мене ради*), за исповѣданіе ея. Гоненія за вѣру Христову и теперь продолжаются въ странахъ, гдѣ господствуетъ язычество и магометанство. Но преимущественно они тяжелы были въ первыя времена христіанства. Гонители исповѣдниковъ вѣры во Христа не только изгоняли изъ мѣстъ ихъ жительства въ темницы, на поселеніе, въ рудники, но еще изгоняли, стирали ихъ съ лица земли, предавая ихъ мучительнѣйшей и поносвѣйшей смерти. Участь гонимыхъ отягчаема была поношеніями и распространеніемъ всякаго лживаго глагола о нихъ, или клеветами на нихъ. Іудеи обзывали ихъ врагами Моисеева закона и народа Божія. Язычники провозглашали ихъ врагами общественнаго порядка. Христіане не принимали участія въ общественныхъ увеселеніяхъ, зараженныхъ духомъ идолопоклонства, и за то слыли ненавистниками рода человѣческаго. Христіане отказывались именовать языческаго императора Господомъ и Богомъ, клясться его именемъ, воскурять емиамъ предъ его статуею: ихъ обвиняли въ оскорбленіи величества. Христіане для безопасности отъ язычниковъ собира-

лись на богослуженіе по ночамъ въ потаенныя мѣста: ихъ за это называли заговорщиками и возмутителями. Римское государство опустошали неурожаи, землетрясенія, моровыя язвы, нападенія варваровъ: вину всѣхъ этихъ бѣдствій слагали на христіанъ,— это они прогнѣвали боговъ. Христіане, одушевляемые братскою любовію другъ къ другу, соединились въ общественныхъ собраніяхъ за одною общею трапезою, какъ братья, не смотря на разность въ общественныхъ положеніяхъ, внѣшнемъ благосостояніи: за эту духовную любовь ихъ обвиняли въ невоздержаніи и развратѣ. Они благоговѣнно причащались тѣла и крови Христовой: на нихъ за это взводили клеветы въ людоедствѣ, въ закланіи младенцевъ для употребленія въ пищу. Словомъ, не было ни одного злаго глагола, котораго бы не распускали о христіанахъ враги ихъ. Къ сожалѣнію, и по прекращеніи грубыхъ гоненій, въ самомъ христіанскомъ обществѣ встрѣчались и доселѣ встрѣчаются люди недружелюбные къ истиннымъ христіанамъ. Последнихъ за преданность святой вѣрѣ и церкви они иногда называютъ изувѣрами, любителями мрака, отсталыми, пусто-святами и т. п.

Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ. Надежда на великое мздовоздаяніе на небесахъ такъ одушевляла исповѣдниковъ и мучениковъ христіанскихъ, что дѣйствительно, по слову Спасителя, они радовались и веселились, идя на мученія и смерть, радовались, что имъ дано не только вѣровать во Христа, но и за Него страдать (Фил. 1, 20), веселились, предвкушая вѣчное веселіе, ожидающее ихъ на небесахъ за подвиги исповѣдничества и мученичества. Надеждою на многое мздовоздаяніе на небесахъ и нынѣ могутъ ободрять себя истинные христіане въ перенесеніи оскорбленій за преданность вѣрѣ.

Свящ. В. Нечаевъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ІЮЛЬ.

1868.

О РОГОЖСКОМЪ КЛАДБИЩѢ И ОБЪ ОТКРЫТОМЪ ПРИ НЕМЪ ЕДИНОВѢРІИ И ЕГО ОБРЯДАХЪ.

Около столѣтія назадъ, отведенная въ верстѣ за Рогожской заставой, для погребенія глаголемыхъ старообрядцевъ, мѣстность Рогожскаго кладбища была нечто иное, какъ нѣсколько могилъ, рядомъ съ большимъ курганомъ, свидѣтелемъ моровой язвы 1771 года. Могилы не были обнесены заборомъ, какъ нынѣ, ни освѣнены этими, нынѣ полувѣковыми, соснами, березами, липами и другими лѣсными деревьями, освѣняющими надгробные памятники и дающими живительную прохладу среди жаркаго лѣта. Въ настоящее время внутри обширнаго забора взоръ вашъ пріятно поражается, кромѣ этихъ деревьевъ, зеленѣющими лугами. Два проточныхъ пруда, большой и малый, наполняются водою чрезъ особый каналъ изъ четырехъ родниковъ, надъ главнымъ средоточіемъ которыхъ воздвигнуто, аршинъ въ девять вышины и аршина въ четыре ширины, каменное зданіе, наподобіе колокольни, съ иконою, изображающею Спасителя, бесѣдующаго съ женою самаряною. Здѣсь вода чиста и пріятна. Пруды освѣнены великолѣпными высокими ветлами и липами и содержатъ въ себѣ множество рыбы. Черезъ водопроводный ключевой каналъ перекинуть деревянный мостикъ, а черезъ главный большой прудъ устроенъ большой крестообразный мостъ на пяти аркахъ и на этомъ мосту деревянный, крытый желѣзомъ, балдахинъ для водоосвященія, называемый „Ердань“. На эту Ердань, до открытія единоувѣрія, къ дню Богоявленія, не смотря на даль и холодъ, обозами тянулись старообрядцы, въ особенности со стороны Гуслиць, за „большой водой“. Въ Святомъ прудѣ

воспрещается купанье и мытье всякаго платья, кромѣ подрушниковъ, священныя одеждъ и посуды. На краю большаго пруда находится, каменный единовѣрческій храмъ, во имя Чудотворца Николая, съ придѣломъ во имя св. князя Владиміра. Онъ воздвигнутъ въ 1866 г., иждивеніемъ церковнаго старосты Никандра Матвѣевича Аласина, на мѣстѣ обветшалой деревянной церкви, въ которую въ 1854 году превращена одна изъ старообрядческихъ часовень. Далѣе отъ сего храма стоятъ доселѣ принадлежащія къ поповщинскому согласію, двѣ большія часовни: холодная съ огромнымъ количествомъ на иконахъ золота, жемчуга, серебра, и теплая небогатая. Въ промежуткѣ этихъ часовень и предъ ними выстланъ кирпичный помостъ, именуемый поприщами часовеннаго пути. Кромѣ этихъ зданій на кладбищѣ помѣщаются четыре большихъ каменныхъ и два длинныхъ деревянныхъ дома, именуемые палатами и богодельнями, съ уцѣлѣвшими старинными надписями на деревянныхъ дощечкахъ: „Константиновская палата, Антоновская палата“ и другія. Есть еще другія зданія, числомъ около сорока, именуемыя кельями. Въ палатахъ и кельяхъ живутъ лица большею частію женскаго пола, принадлежащія къ старообрядству и содержимыя на счетъ поповщинскаго общества. Нынѣ призрѣвается здѣсь женщинъ до 400, а мужчинъ до 50. Вообще внутренность Рогожскаго кладбища имѣетъ видъ мѣстопребыванія зажиточнаго помѣщика, устроившаго свое сельское житіе со всевозможнымъ удобствомъ: со скотнымъ дворомъ, сторожами, экономомъ, старостою, конторой и сверхъ того съ постоянною, про всякъ часъ, значительною въ запасъ суммою. Рогожское кладбище, столь дорогое для старообрядцевъ, благополучно осталось нетронутымъ между очень близко идущихъ по сторонамъ его желѣзныхъ дорогъ и заключено какъбы въ оградъ рельсовъ. Главные хозяева Рогожскаго кладбища—поповцы или послѣдователи поповщинскаго согласія; ихъ иначе можно называть часовенными, но они крайне обижаются именемъ раскольниковъ и всего лучше не раздражать ихъ этимъ названіемъ. У часовенныхъ нѣтъ права открыто имѣть свои церкви; собираются они для молитвы въ часовняхъ Рогожскаго кладбища, или другихъ; съ православною же, именуемою ими великороссійскою церковію, отвергають всякое общеніе и чуждаются даже отдѣлившихся отъ нихъ единовѣрцевъ, уклонившихся, по ихъ словамъ, въ ересь ихъ собратьевъ. Такъ, если приходится часовеннымъ сталкивать-

ся для молитвы вмѣстѣ съ единовѣрцами передъ часовнями, тѣми и другими уважаемыми, и творить поклоны, то часовенные или выжидаютъ, пока единовѣрцы кончатъ, или же, въ случаѣ необходимости, помолившись вмѣстѣ съ единовѣрцами, считаютъ непремѣннымъ долгомъ очистить себя отъ этого невольнаго грѣха разрѣшеніемъ отъ своего духовнаго отца. При провожденіи покойниковъ своихъ къ могиламъ, часовенные старообрядцы избираютъ не тотъ путь, который короче и удобнѣе, а тотъ, который дальше отстоитъ отъ единовѣрческой церкви, подъ сводами которой слѣдовало бы проходить изъ часовни. Часовенники съ намѣреніемъ начинаютъ свои молитвенныя службы ранѣе службъ единовѣрческихъ, и всячески стараются, чтобы начало и конецъ ихъ службъ никакъ не сходились вмѣстѣ съ единовѣрческими (*еретическими*). Нечего и говорить про часовенныхъ, какъ многіе изъ нихъ поносятъ людей, способствовавшихъ открытію единовѣрія и подерживающихъ оное. Подметныя письма этимъ дѣятелямъ (Сапелкину, Аласину) съ разными проклятіями и угрозами довольно говорятъ объ этомъ. Чего не дѣлали и чего не сдѣлали бы старообрядцы часовенники, на какія средства не рѣшились бы, еслибы только этими средствами можно было выжить открытое у нихъ на кладбищѣ единовѣріе. Впрочемъ время, родственныя и другія связи нѣсколько смягчаютъ эти непріятныя отношенія часовенныхъ къ единовѣрцамъ.

На Рогожскомъ кладбищѣ вслѣдствіе убѣжденій въ Божь почившаго высокопреосвященнѣйшаго Филарета митрополита московскаго единовѣріе открыто въ 1854 году. Оно, какъ извѣстно, состоитъ въ принятіи священниковъ отъ епархіальнаго начальства господствующей православной церкви, съ удержаніемъ впрочемъ всѣхъ обрядовъ и обычаевъ глаголемаго старообрядчества. Опишемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они соблюдаются при единовѣрческой церкви, существующей на Рогожскомъ кладбищѣ.

Сколько бы ни былъ богатъ единовѣрецъ или единовѣрка и какимъ бы модамъ ни слѣдовали, но коль скоро они отправляются въ свою единовѣрческую церковь на Рогожское кладбище, то однообразіе одежды, принятое единовѣрческою церковію, смѣняетъ всѣ ихъ наряды. Мужчины являются къ богослуженію въ кафтанъ длинномъ, на лѣвой сторонѣ груди съ крючками, кругомъ таліи со сборами и съ прямыми рукавами. У священниковъ и диаконовъ полукафтанье имѣетъ сборы только на бокахъ,

рукава косые съ бархатными на концахъ нашивками, наподобіе поручей; галстуховъ они не носятъ; изъ теплой одежи болѣе употребителенъ у нихъ тулупъ и притомъ безъ подпояски. Рясу носить непринято ни даже въ домахъ, развѣ только на пути. Сапоги духовныхъ лицъ козловые; шляпа шелковая съ широкими полями, шапка большая.

Цвѣтъ одежды для мужчинъ и женщинъ принятъ болѣе темный. Крестъ на груди осьмиконечный, для мужчинъ съ открытыми, выдавшимися концами.

Дѣвицамъ въ домѣ дозволяется быть и съ открытой головою, но въ церкви непременно долженъ быть платокъ на головѣ. У замужнихъ подъ платкомъ еще косынка, а подъ косынкой сборникъ, или повойникъ для головы. По приходѣ изъ церкви, платокъ снимается, иногда и косынка, но безъ сборника, особенно у простонародья, быть не принято. Мантили и разные уборы въ домахъ дозволяются, но въ церкви неприняты; вмѣсто всего этого употребляются большіе и большею частію дорогіе платки, покрывающіе весь станъ женщины. Шляпки и чепцы при въздахъ и въ домахъ носятъ прихожанки, также и дочери духовныхъ лицъ, но жены духовныхъ лицъ непременно должны всегда и вездѣ служить примѣромъ обрядности — быть въ косынкѣ, если не хотятъ лишиться расположенія прихожанъ. Крестъ для ношенія на груди употребляется женщинами съ изображеніемъ осьмиконечнымъ же какъ и у мужчинъ, но на пластинкѣ, подобной сердечку. У мужчинъ рубашки съ косымъ воротомъ и не должны быть слишкомъ коротки. На рубашкахъ непременно поясъ для обою пола.

Во время молитвы всѣ изображаютъ на себѣ крестное знаменіе двумя перстами; персты складываются великосредній съ указательнымъ, большой съ мизинцемъ и безъмяннымъ. Твореніе крестнаго знаменія не должно совпадать съ поклономъ, но должно предшествовать поклону. Въ лѣвой рукѣ должна быть лѣстовка, похожая на четки, но отличающаяся отъ нихъ своею плоскостію и искусно переплетенными продолговатыми въ ремняхъ бумажными валиками; бываетъ она кожаная, рѣдко бисерная. Валиковъ на ней сто девять; они соотвѣтствуютъ числу 9 чиновъ Ангельскихъ, числу годовъ земной жизни І. Христа (33), числу недѣль пребыванія младенца Ісуса во чревѣ Матери (38), числу 12 Апостоловъ, числу Пророческихъ книгъ (17).—Весь кругъ лѣствичной узкой полоски съ валиками заканчивается семью кожаными кружечками въ знакъ

семи тайнствъ св. церкви, и четырьмя полосками, именуемыми „лопостками“ въ знакъ 4-хъ Евангелистовъ.

Земные поклоны единовѣрцы кладутъ, касаясь до полу одновременно обоими колѣнами и опираясь на обѣ руки. Но такъ какъ, по прикосновенію къ полу, руки были бы нечисты для возложенія на себя слѣдующаго крестнаго знаменія, то при земныхъ поклонахъ руками они опираются на *подручники*. Подручниковъ множество. Еслижъ при поклонѣ кому не достанетъ подручника, то на одинъ опираются по двое, а за совершеннымъ отсутствіемъ подручника, при поклонѣ подъ руку стелютъ полу одежды или платокъ. Подручники, ватные или шерстяные, мягки, чтобы не чувствовать руками жесткость пола; окаймлены они широкими въ два вершка полями, имѣютъ видъ полуаршиннаго квадратнаго зеркальца, вдѣланнаго въ рамкѣ.

Единовѣрцы поклоняются исключительно иконамъ древняго писанія

У единовѣрцевъ принято, здороваясь съ единовѣрческимъ священникомъ и прощаясь съ нимъ, кланяться ему до земли и просить благословенія, при чемъ руки ихъ складываются на груди. Священникъ, сложивши персты свои какъ въ крестномъ знаменіи, говоритъ: Благословеніе Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа на рабъ Божіемъ или Божіей (*имя рекъ*) во вѣки вѣкомъ, — и при семъ возводитъ руку и касается указательнымъ и великосреднимъ перстами до чела, живота или груди, праваго и лѣваго плеча. Благословляемый или благословляемая, говоря „аминь“, цѣлуютъ благословляющую руку, а иные — два священническіе благословлявшіе перста указательный и великосредній. Благословеніе женщинъ симъ и оканчивается. А мужчинѣ, по произнесеніи имъ „аминь“, священникъ говоритъ: „Христось посредь насъ;“ благословляемый отвѣчаетъ: „есть и будетъ“, — и оба цѣлуютъ другъ друга въ правое плечо и уста.

Причтъ при единовѣрческой церкви состоитъ изъ 2-хъ священниковъ и діакона. Должность же причетниковъ исполняется пѣвчими, изъ мѣщанъ или крестьянъ.

Къ утрени будятъ на Рогожскомъ кладбищѣ, подходя къ каждому дому и громко воаглашая: „Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ“, при чемъ раздается троекратный ударъ въ стѣну. Будильники обязаны не отходить, пока не услышатъ отвѣта „Аминь“. За симъ единовѣрцы собираются въ церковь. На паперти церкви единовѣрецъ, если находитъ свои руки нечистыми, обращаетъ

ея къ рукомоѣнику и полотенцу, тутъ же висящимъ. Входя въ церковь, до начала богослуженія, дѣлаетъ по произволу нѣсколько поклоновъ святымъ иконамъ и ждетъ прихода священника, если угодно, сидя (по стѣнамъ всей церкви устроены скамы для сидѣнія). Мужчины становятся на правой сторонѣ, а женщины на лѣвой. Приходитъ священникъ, подходитъ къ царскимъ вратамъ, кладетъ три поклона и благословляетъ эпитрахиль, крестится, цѣлуетъ ее и надѣваетъ. Беретъ поручи, съ семью петлями и 7-ю пуговицами, каждую поручь благословляетъ, крестясь цѣлуетъ, и надѣваетъ. Въ лѣвую руку беретъ лѣстовку, творить начало, въ постъ съ земными поклонами, а въ мясоѣдъ съ поясными, говоря: „Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному“, (поклонъ и занимъ кланяются всѣ предстоящіе). „Создавый мя Господи помилуй мя“ (другой поклонъ); „безъ числа согрѣшихъ, Господи прости мя“ (третій); „Достойно есть яко во истину... честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую во истину серафимъ и проч.“. При „Достойно“ всегда, въ мясоѣдъ и въ постъ, поклонъ земной (четвертый); „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (поклонъ пятый); и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь (поклонъ шестой); Господи помилуй, Господи помилуй, Господи благослови (поклонъ седьмой); Христось истинный Богъ нашъ молитвами Пречистыя Его Матери, святаго ангела хранителя и всѣхъ ради святыхъ помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человекѡлюбець“, и, не крестясь кланяется передъ царскими вратами и обратясь къ народу, кланяется въ поясъ; ему всѣ отвѣчаютъ земнымъ поклономъ. Молитвенными словами начала начинается и непременно заканчивается каждое богослуженіе. Запоздавшіе къ началу службы непременно полагаютъ начало, каждый читая тихо про себя молитвы начала съ поклонами. Начинается полунощница. По началѣ, чтець испрашиваетъ благословенія у священника, кладетъ ему поклонъ съ подручникомъ. Священникъ говоритъ: „Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ“, творить поклонъ, а чтець—аминь. Считаемо нужнымъ замѣтить, что бывають поклоны только священническіе или діаконскіе, которыхъ предстоящіе дѣлать не имѣють права. Такъ священникъ одинъ кладетъ поклоны на возгласахъ и при чтеніи заупокойной молитвы: Боже духовъ. Діаконъ предъ ектеніями и послѣ нихъ. За симъ продолжается полунощное чтеніе: „Святы-и Боже, святы-и крѣпки-и, святы-и безсмертны-и помилу-и насъ“, трижды и при

семь всегда три поклона; „Отче нашъ“, поклона не бываетъ кромѣ *Отче нашъ* поемаго за обѣдней. „Приидите поклонимся“, три поклона. „Аллилуія“ дважды и въ третій „слава Тебѣ Боже“ (три поклона). На всѣхъ чтеніяхъ и пѣніяхъ при словахъ: „поклонимся, покланяемся, кланяться подобаетъ“, всегда поклонъ. Присутствующіе при богослуженіи стоятъ сложивъ руки на груди.

Предъ всенощной священникъ облачается въ полное облаченіе. Исправляющій должность причетника подаетъ ему подризникъ, поясъ съ 4 полными кистями, висящими на широкихъ лентахъ, именуемыхъ источники, съ пряжкой напередѣ въ $2\frac{1}{2}$ вершка длины и $1\frac{1}{2}$ вершка ширины, и эпитрахиль. Священникъ всѣ эти облаченія принимаетъ одной рукой лѣвой, кладетъ себѣ на спину за лѣвое плечо, стоя предъ престоломъ. Въ это время діаконъ, взявшій уже свое облаченіе тоже въ лѣвую руку, становится съ правой стороны и также кладетъ себѣ за лѣвое же плечо. Священникъ и діаконъ съ крестнымъ знаменіемъ кладутъ поклоны; при чемъ священникъ произноситъ: Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному; и другія. За тѣмъ священникъ говоритъ: „Ослаби, остави..... Благословите мя отцы святіи и братія“ (поклонъ); потомъ прикладываются оба къ престолу и облачаются. *Каждене* во всенощной, какъ и въ другихъ службахъ, представляетъ слѣдующія особенности: класть ладанъ въ кадило никто не имѣетъ права кромѣ священника и діакона. Кадило надѣвается кольцами на два пальца, — глухимъ кольцомъ на безъимянный, а передвижнымъ на мизинецъ, при чемъ пальцы принимаютъ видъ перстосложенія для крестнаго знаменія. Каждый разъ дѣйствіе каденія состоитъ изъ трехъ взмаховъ кадиломъ. двухъ первыхъ примыхъ и одного поперечнаго, заключаемыхъ поклономъ. При каденіи предстоящихъ, кадящій обращается къ нимъ съ такими словами: „Духъ святой найдетъ на тя“ (если кадитъ одному), „на вы (если кадитъ многимъ) и сила Вышняго осѣнитъ тя, или вы“, — при чемъ предстоящій или предстоящіе отвѣчаютъ: „Духъ твой благий наставитъ мя на землю праву“. Во время каденія, при началѣ всенощной, поется псаломъ: „Благослови душе моя Господа“ съ замѣчательными послѣ половины псалма. продолжительными. на каждомъ стихѣ припѣвами: а-не-не-не-не-не-не-не-ни-и-не. Происхожденіе такихъ припѣвовъ объясняется тѣмъ, что Богородица, носившая младенца Ісуса на рукахъ своихъ, убаюкивала его именно этими припѣвами. При службахъ единовѣрческихъ пѣніе со-

вершается по крюкамъ, пѣніе трудно повимаемое и потому заставляющее дорожить дѣльными пѣвцами. Въ пѣніи и чтеніи клиросы чередуются. Въ поведѣльникъ, среду и пятокъ лѣвый клиросъ бываетъ начинающимъ, а въ прочіе 4 дня наоборотъ. Оба клира пѣвцовъ почасту соединяются вмѣстѣ за амвономъ для общаго пѣнія, напр. на Богородичныхъ, на катавасіи и т. п. На ектеніи сугубой, въ праздникъ за каждой службой, а въ будни только за обѣдней, царскія двери отверзаются. О царствующихъ особахъ съ именемъ Николая молятся о „Николѣ“. Выговоръ именъ при богослуженіи у единовѣрцевъ вообще своеобразный: Николай непремѣнно „Никѡла“. Марія—названіе только Божіей Матери, — а всѣхъ прочихъ „Mària“, Предтеча—„Предотечъ“, Магдалина—„Магдалыни“, Давидъ—„Давыдъ“, Параскева—„Парасковія“ и т. п. Въ началѣ сугубой ектеніи три большія прошенія сопровождаются тремя поклонами, при 12-ти кратномъ пѣніи „Господи помилуй“, тогда какъ при другихъ ектеніяхъ не полагаются поклоны. Послѣ ектеніи „Исполнимъ молитвы наши“ священникъ преподаетъ „миръ всѣмъ“, сложивъ руки на груди, и только кланяется народу, а не благословляетъ, и вездѣ на „миръ всѣмъ“ не благословляетъ. На литіи діаконъ, кадитъ всю церковь. Благословеннымъ масломъ (*елей* здѣсь не говорится) не помазываютъ во время прикладываніи къ праздничной иконѣ. Хлѣбы благословенные оставляются до обѣдни, и въ концѣ ея, когда народъ прикладывается ко кресту, подаются ему на тарелкѣ разрѣзанными, тогда какъ доръ (антидоръ) послѣ „Буди имя Господне“ за тойже обѣдней подается разломаннымъ. За всенощной по прочтеніи Евангелія прикладываются къ Евангелію, подходя по-парно, сперва мужчины, потомъ женщины. При этомъ полагаютъ пять поклоновъ земныхъ: сперва кладутъ передъ Евангеліемъ два земныхъ поклона, опираясь на подручники; приложившись, еще одинъ земной поклонъ Евангелію же, затѣмъ священнику земной поклонъ, подъ благословеніе къ нему въ это время не подходятъ, и послѣ поклона другъ другу. Такъ бываетъ въ воскресный день, когда нѣтъ величанія Господу Ісусу, Богородицѣ или святымъ. Если же въ воскресный день случится праздникъ Господній, Богородичный, или Святаго, то на величаніи прикладываются къ праздничной иконѣ и предъ величаніемъ предстоящими берутся возженныя свѣщи (*свѣча* не говорится о церковныхъ свѣщахъ), исто-во перстосложеніемъ крестнымъ держимыя вровень съ

головою. Во время прикладыванія къ иконѣ, которое сопровождается такимъ же числомъ поклоновъ, какъ и прикладываніе къ Евангелію, священникъ указываетъ на иконѣ главное для лобзанія мѣсто необожженной свѣщей, которая для этой цѣли всегда и кладется при иконѣ. Послѣ сего прикладыванія читается Евангеліе, въ обыкновенное время, и къ нему, если праздникъ совпадаетъ съ воскреснымъ днемъ, прикладываются. А въ праздникъ трехъ Святителей, случившійся въ воскресенье, бываютъ четыре прикладыванія: три иконѣ Трехсвятителей, т. е. къ каждому лику одной и той же иконы отдѣльно, повторяя попарное шествіе предъ нею съ поклонами, пока не воздадутъ чествованія каждому лику иконы. За тѣмъ бываетъ четвертое прикладываніе къ Евангелію. На канонъ *свѣщи* гасятся по 3 пѣсни и вжигаются опять на 9-й. По шестой пѣсни читается прологъ съ повышающейся и понижающейся интонаціей или „погласицей“. Во время чтенія слушатели сидятъ. Читать въ церкви даже поученія, позволяется каждому мужчинѣ. Для чтенія каноновъ за каждымъ клиросомъ становится особый чтець. Предъ началомъ и по концѣ каноновъ чтецы эти съ подручниками, каждый въ противоположной ему двери алтаря становясь, дѣлаютъ по земному поклону священнику. Въ праздникъ Срѣтенія Господня и въ Богородичные праздники: Рождества Богородицы, Введенія во храмъ, Благовѣщенія, Успенія, бывающіе въ воскресенье, Евангелія этихъ праздниковъ читаются предъ канономъ вмѣсто воскреснаго, а воскресное Евангеліе читается послѣ великаго славословія и притомъ съ малымъ выходомъ, какъ на обѣдни, но къ нему на этотъ разъ не прикладываются.

Послѣ перваго часа, „Взбранной воеводѣ“.... не поется; а по маломъ отпустѣ, священникъ, повергаясь ницъ на подручникъ, говоритъ предстоящимъ: „благословите мя отцы святія и братія и простите ми елика согрѣшихъ во вся дни живота моего душею и тѣломъ, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ и всѣми моими чувствами,“ и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока предстоящіе всѣ, падая ницъ, не отвѣтятъ ему словами одного за всѣхъ говорящаго чтеца: „Богъ проститъ отче святой; прости мя отче святой и благослови елика“.. и проч. По окончаніи сихъ словъ всѣ встаютъ и священникъ, кланяясь, но не благословляя, говоритъ: „благодатію своею Богъ да проститъ и помилуетъ всѣхъ насъ,“ за симъ молитвы начала съ поклонами, какъ (о чемъ выше сказано) предъ полунощницей; по началѣ священникъ, бла-

гословляя, говорить: „благословеніе Господне“ и проч., за симъ по произволу нѣсколько поклоновъ святымъ иконамъ, и всѣ уходятъ.

Въ обѣднѣ, по сдѣланномъ священникомъ началѣ на амвонѣ, діаконовъ читаетъ входныя молитвы и вмѣстѣ съ священникомъ кладетъ поклоны, а прочіе по началѣ въ продолженіи всей входной сидятъ. Поклоновъ земныхъ 10-ть пяти *иконамъ* (образами не принято называть), по два поклона каждой иконѣ. Кончая входную, священникъ, наклоняясь говорить: „ослаби, остави, прости Боже“... и проч. и обратясь къ народу съ пояснымъ поклономъ, говорить: „благословите мя отцы святія и братія и простите ми,“ и проч. Въ это время всѣ встаютъ и отвѣчаютъ поклономъ же, но земнымъ. За симъ до часовъ опять сидятъ. Вошедши въ алтарь священникъ и діаконовъ облачаются, какъ и за всенощной, въ полное облаченіе. Проскомидія совершается на семи просфорахъ, имѣющихъ на печати надпись: *Царь Славы* (а не *Ис. Хс.*), *ни—ка*. Часы читаютъ два чтеца, по получасу по-переменно. Часы третій, шестой и девятый читаются съ блаженными. На девятомъ часѣ, отверзши царскія двери, діаконовъ, а за отсутствіемъ его, священникъ, кадитъ алтарь и предстоящихъ. При діаконовъ по отпускѣ часовъ предъ обѣдней священникъ не гласно произноситъ предъ народомъ прощеніе внутри алтаря съ затворенными царскими вратами, которыя послѣ прощенія къ началу литургіи тотчасъ и отверзаются. А безъ діакона, проговоривши отпускъ часовъ, священникъ повергается ницъ лицомъ къ предстоящимъ, прося у нихъ прощенія; они отвѣчаютъ, какъ и на прежнемъ прощеніи. За симъ начинается обѣдня. Отъ начала обѣдни и до *яко да Царя* царскія врата бывають отверсты.

Въ праздники ни Апостола заукойнаго, ни ектеніи заукойной, ни паннихиды въ церкви не дозволяется, кромѣ погребенія, къ которому сіе запрещеніе не относится. Предъ пѣніемъ „Святый Боже“, *Господи спаси ближестивыя и услыши ны*, не говорится діакономъ и не поется пѣвцами. Во время чтенія Апостола и Евангелія бываетъ всеобщая тишина, никѣмъ не нарушаемая. Въ это время даже не входятъ въ церковь, чтобы стукомъ дверей не нарушить тишины, а дожидаются окончанія чтенія за дверьми. Если же нечаянно кто и взойдетъ въ церковь, то останавливается у дверей и время этого чтенія выжидаетъ неподвижно. Даже самое такъ называемое *начало* запоздавшими кладется по выслушаніи чтенія. Предъ чтеніемъ

Евангелія діаконъ подаєть священнику крестъ, которымъ онъ осѣняетъ себя, говоря: „силою и заступленіемъ честнаго и животворящаго креста твоего Господи помилуй мя и помози ми грѣшному,“ и діакона, говоря: „силою и заступленіемъ честнаго и животворящаго креста Господня да сохранишь ты Господь.“ Осѣняя себя, священникъ касается верхнимъ концемъ креста—чела, нижнимъ — груди, длинными поперечными концами — плечъ. Прочитавши Евангеліе, діаконъ беретъ его и останавливается съ нимъ передъ царскими вратами, священникъ подходитъ, кладетъ два поклона поясныхъ, крестится, прикладываетъ къ Евангелію, беретъ его, обращаетъ его лицевой стороною къ діакону, тотъ кладетъ два поклона, и прикладываетъ. Священникъ, взявъ Евангеліе, высоко поднимаетъ его надъ головою, низко опускаетъ и широко разводя на обѣ стороны, осѣняетъ имъ всѣхъ предстоящихъ, ставитъ Евангеліе на престолъ, развертываетъ илиторъ, въ которомъ антиминосъ не находится, а пришиваетъ онъ поверхъ срачицы святаго престола на срединѣ. На сугубой ектеніи почасту прикладываетъ имянное прошеніе о здравіи болящаго, или имянинника съ 12-ю „Господи помилуй“ и тремя поясными поклонами. На литургійной заупокойной ектеніи, равно какъ и на заупокойныхъ ектеніяхъ въ прочихъ службахъ, на послѣднемъ прошеніи поется 40 разъ „Господи помилуй.“ На „Иже херувимы“ священникъ горбъ не воздвигаетъ рукъ своихъ, а стоитъ неподвижно, пока діаконъ окадитъ всѣхъ. По каженіи священникъ, скрестивши на груди руки, тихо говоритъ херувимскую пѣснь, съ особенностями въ выраженіяхъ (трисвятую пѣснь *приносяще, всякую нынѣ житейскую отвержеть печаль*). За этимъ, сказавши: „благословите мя отцы святіи“ и проч., отходитъ съ діаконъ къ жертвеннику. На великомъ выходѣ царскую фамилію, Святѣйшій Синодъ (который вообще не поминается) и преосвященнѣйшаго не поминаютъ. Великій выходъ бываетъ такъ: впередъ идетъ діаконъ, останавливается предъ дѣвнымъ клиросомъ, говоритъ: „всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и вѣвѣки вѣкомъ.“ На половинѣ этихъ словъ онъ сходитъ на средину, а священникъ становится на его мѣсто и говоритъ тѣ же слова. При семъ предстоящіе дѣлаютъ поясной поклонъ. Діаконъ на срединѣ церкви говоритъ: „да помянетъ Господь Богъ всѣхъ васъ во царствіи...“ и проч. На половинѣ словъ уходитъ къ правому клиросу, священникъ становится на

его мѣсто, говорить діаконскія же слова. Предстоящіе опять поклонь. Предъ правымъ клиросомъ діаконъ говоритъ то же, что передъ лѣвымъ; договаривая другую половину словъ, уходитъ въ алтарь; священникъ становится на его мѣсто, говоритъ его же слова и уходитъ въ алтарь. На сихъ послѣднихъ словахъ священника, всѣ повергаются ницъ, не вставая до совершеннаго ухода священника во св. алтарь. Царскія двери, сначала литургіи до сего времени отверстыя, теперь затворяются. Съ этого времени до конца причастнаго стиха всегда, даже въ первый день праздника Пасхи и во всю свѣтлую седмицу онѣ бываютъ затворены. Съ херувимской пѣсни и до времени приобщенія священникъ при чтеніи каждой молитвы наклоняется скрестивши руки на груди и обѣ съ крестнымъ перстосложеніемъ. Во время „Вѣрую“ священникъ по архіерейски держитъ воздухъ надъ своей головой. На „Благодаримъ Господа“ поются только два слова: „Достойно и праведно,“ а слова „естъ поклонитися“, и проч. не поются. Задостойнаго звона не бываетъ. Для пѣнія „Поемъ ты,“ (а не „Тебѣ поемъ“) и „Достойно есть яко“ и проч. пѣвцы всѣ сходятъ за амвонъ. Послѣ „Достойно,“ слова „Въ первыхъ помяни“ и проч. читаются про себя, а не въ слухъ. Проповѣди своего сочиненія воспрещены, а читаются поученія св. отецъ и большею частію Іоанна Златоустаго, притомъ всегда во время причастнаго стиха. Послѣ причастнаго стиха отверзаются царскія врата. Діаконъ, принимая потиръ отъ священника, обращается къ предстоящимъ и говоритъ: „со страхомъ“ а не „со страхомъ“ и проч.; причастника каждаго осѣняетъ священникъ крестомъ съ произнесеніемъ вышеозначенныхъ словъ: „силою и заступленіемъ честнаго“ и проч. За симъ говоритъ каждому приобщающемуся: „честное и пречестное тѣло и кровь Господа и Бога и Спаса нашего Ісуса Христа преподаетъ рабу или рабѣ Божіей (*имя рекъ*) отъ престола Господа славы во храмъ иже во святыхъ отца нашего Николы, Архіепископа Миръ-Лийскихъ чудотворца, св. Благочестиваго князя Владиміра, на память святаго (дневнаго) во оставленіе грѣховъ его, или ея, и въ жизнь вѣчную“. За симъ лжицею дается св. причастіе три раза каждому причастнику. За первымъ разомъ частица тѣла и кровь вмѣстѣ даются, а за симъ дважды дается одна кровь безъ частицы.

Младенцамъ начинаютъ преподавать причащеніе подъ обоими видами ранѣе, чѣмъ въ господствующей церкви.

„Спаси Боже люди *своя*“ говорится безъ обращенія къ народу. Доръ раздается каждодневно въ двухъ мѣстахъ: сошедши съ амвона мущинамъ и много далѣе среди церкви женщинамъ. Послѣ обѣдни отпускъ: „Христось истинный Богъ нашъ, молитвъ ради Пречистой Его матери (въ Богородичные праздники) ради честнаго и славнаго Ея рождества или явленія иконы“, — священникъ всегда дѣлаеть съ крестомъ, высоко держа его въ двухъ перстосложеніяхъ, въ перстосложеніи правой и въ такомъ же лѣвой рукъ, осѣняя имъ предстоящихъ, затѣмъ себя, и въ праздникъ давая цѣловать сначала мущинамъ, тотчасъ сошедши съ амвона, а потомъ, прошедши на средину церкви, женщинамъ, осѣняя при этомъ каждого съ произнесеніемъ словъ: „Силою и заступленіемъ честнаго и животворящаго креста Господня да сохранить тя Господь“. Послѣ сего подошедши къ царскимъ вратамъ осѣняетъ всѣхъ; въ будни же креста цѣловать не даетъ, а только осѣняетъ; затѣмъ молитвами извѣстнаго *начала* заканчивается литургія. Въ праздникъ, послѣ заключительныхъ молитвъ *начала*, отъ царскихъ дверей, священникъ поздравляетъ прихожанъ съ праздникомъ.

При совершеніи требъ, разности обрядовъ единовѣрческихъ съ извѣстными для всѣхъ въ господствующей церкви укажемъ слѣдующія:

Молитву родильницѣ священникъ начинаетъ читать въ снѣгахъ, а кончаетъ въ ея комнатѣ. Въ крещеніи для помазанія младенца масломъ (предъ погруженіемъ) употребляется не стручень, а указательный палець священника. По каждомъ погруженіи младенца въ купели священникъ долженъ повернуть его кругомъ „посолонь“. По мѣропомазаніи надѣвается на младенца „куколь незлобія“ (шапочка наподобіе скуфы), съ произнесеніемъ словъ: „облачается рабъ Божій или раба Божія младенець (*имя рекъ*) въ куколь незлобія“.

При совершеніи *брака*, вслѣдъ за обрученіемъ, подается на тарелочкѣ невѣстинъ сборникъ (повойникъ); священникъ благословляетъ его, беретъ его съ крестомъ въ правую руку, осѣняетъ невѣсту сначала крестомъ и сборникомъ вмѣстѣ, а потомъ благословляетъ ее однимъ сборникомъ и кладетъ сборникъ на голову невѣсты; послѣ чего невѣсту уводятъ ко входу церковному и тамъ покрываютъ голову ея этимъ сборникомъ. За симъ совершается чинъ вѣнчанія, во время котораго нѣсколько разъ руки жениха и невѣсты священникъ соединяетъ

противоположными ладони сторонами — пальцы въ пальцы. На тарелкѣ подается діакономъ стаканчикъ съ виномъ для напоенія жениха и невѣсты. По потребленіи этого вина женихомъ и невѣстою, священникъ владеть стаканчикъ бокомъ на ту же тарелку и разбиваетъ его желѣзнымъ молоточкомъ въ знакъ того, что изъ этой общей нераздѣльной чаши новобрачныхъ никто другой кромѣ нихъ пить не долженъ.

При погребеніи даже и несоборованныхъ умершихъ, священникъ поливаетъ ихъ масломъ, „истово“ (правильно), дѣлая этимъ подиваніемъ полный осьмиконечный крестъ, вдоль всего покойника. Обычай пеленать умершихъ исполняется надо всѣми, возрастными, младенцами. На катафалкахъ покойниковъ не возятъ, а всегда несутъ на носилкахъ.

Священникъ единовѣрческой церкви, на Рогожскомъ кладбищѣ,

Виталій Лебедевъ.

КАМИЛAVKA, ПОЖАЛОВАННАЯ НАПОЛЕОНОМЪ I, ВЪ БЫТНОСТЬ ЕГО ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812 Г., МОСКОВСКОМУ СВЯЩЕННИКУ.

По выходѣ непріятелей въ 1812 году изъ Москвы и предѣловъ Московской губерніи, какъ начальствующія лица, такъ граждане и сельскіе обыватели спѣшили заявлять пр. Августину, управлявшему московскою епархіей, о подвигахъ духовныхъ лицъ во время нашествія непріятельскаго. Такихъ заявленій или дѣлъ, для награды духовныхъ лицъ за подвиги во время нашествія непріятелей въ 1812 году, въ Архивѣ московской Консисторіи не мало. Но разнаго званія лица, заявляя о подвигахъ духовенства, въ то же время съ негодованіемъ заявляли преосвященному и о тѣхъ лицахъ изъ духовенства, которымъ непріятели по какому-либо случаю оказали знаки своего расположения.

Главнoначальствующій надъ кремлевскою экспедиціей, завѣдывавшею казенными зданіями въ Москвѣ, тайный совѣтникъ Петръ Степановичъ Валугевъ, въ отношеніи отъ 7 января 1813 г. сообщилъ преосвященному Августину, что „священникъ при церкви казеннаго дома на Тверской

улицѣ, занимаемаго главнокомандующими (такъ назывались прежде московскіе генералъ-губернаторы), Михайль Онуфріевъ получилъ отъ императора Наполеона камиллаву и рясу и сверхъ сего по волѣ того императора облаченъ былъ въ архіерейскую одежду⁴.

Священнику Онуфріеву по сему сдѣланъ допросъ въ Консисторіи и въ допросѣ онъ показалъ, что 1) въ Тверскомъ казенномъ московскихъ главнокомандующихъ домѣ онъ жительство имѣлъ и имѣеть по случаю исправленія имъ въ домовоі церквѣ того дома по указу Консисторіи священнослуженія; 2) въ бытности непріятеля въ Москвѣ, 26 сентября пришелъ къ нему въ тотъ домъ французскій переводчикъ Осипъ Яковлевъ Заборовскій и взялъ его за карауломъ къ французскому генералу, жительствовавшему на Тверской, но какъ его имя, онъ не знаетъ; 3) отъ генерала того же дня онъ, священникъ, за карауломъ же препровожденъ въ большой Успенскій соборъ, въ которомъ и былъ часа съ два; 4) потомъ пришли въ соборъ переводчикъ Заборовскій и съ нимъ французскіе офицеры, отъ 10 до 15 человекъ, которые заставили его на Богородичныхъ образахъ Донской и Печерской читать надписи, а переводчикъ Заборовскій оныя переводилъ тѣмъ Французамъ пофранцузски; 5) по окончаніи чтенія надписей повели его, священника, въ олтарь, гдѣ одинъ изъ офицеровъ спрашивалъ: гдѣ ваши архіереи? На что онъ отвѣчалъ, что неизвѣстенъ; потомъ одинъ же изъ нихъ спрашивалъ: гдѣ подъ соборы ходъ? На что онъ отвѣчалъ тоже, что не знаетъ, и въ томъ божился; 6) за тѣмъ приказывали ему сыскать архіерейское облаченіе, которое онъ, священникъ, и нашелъ въ числѣ священнослужительскихъ облаченій, лежавшихъ въ кучѣ у престола, и въ тѣ облаченія, съ побоями палашами и угрозами застрѣлить его изъ пистолета, велѣно ему облачиться; отъ чего онъ, священникъ, хотя отговаривался, но тѣми французами былъ облаченъ; митры же найдено не было; 7) по разоблаченіи Французы, нашедъ бархатную малиновую камиллаву, спрашивали: чья она? И когда онъ объявилъ, что камиллава принадлежитъ ключарю и жалована отъ государя императора, то они, надѣвъ на него камиллаву, да еще шелковую рясу, бывшую въ алтарѣ, выпроводили его въ оныхъ изъ собора, первоначально до гауптвахты близъ Ивановской колокольни, потомъ за Воскресенскія ворота и въ помянутый домъ главнокомандующихъ; 8) былъ ли въ числѣ офицеровъ французскій императоръ, ему, свя-

щеннику, неизвѣстно; а только переводчикъ указывалъ на одного изъ тѣхъ офицеровъ, что императоръ тотъ, который облачить приказывалъ; и 9) камилавку ту онъ носилъ только при бытности Французовъ, по ихъ приказанію, изъ страха, ибо, когда выходилъ изъ покоевъ безъ камилавки, тогда угрожали застрѣлить его подъ видомъ казака.

По справкѣ въ Консистоіи оказалось, что священникъ Михаилъ Онуфріевъ прежде находился діакономъ при Никитской въ Татарской церкви, а въ 1811 г. произведенъ къ Спасскому на Бору собору во священника, и по указу Консистоіи, прикомандированъ къ домовою главнокомандующаго на Тверской церкви для служенія; отъ рода ему 68 лѣтъ, вдовъ.

Консистоіа по сему дѣлу составила куріозное опредѣленіе, а именно: „Разсуждая, что произвольно ли онъ, священникъ, носилъ камилавку, такъ какъ до 26 сентября, когда все вышеписанное съ нимъ случилось, и безъ камилавки, подъ видомъ казака, онъ застрѣленъ не былъ, или дѣйствительно изъ страха подвергнуть жизнь свою, какъ онъ показалъ, опасности, остается подъ сумнѣніемъ, то, по силѣ воинскихъ процессовъ 2 ч. 5 гл. п. 10, хотя его, священника, отъ суда и освободить, но во избѣжаніе впредь чего-либо подобнаго (!) съ его стороны, отъ соборной Спасской церкви отрѣшивъ его навсегда, послать въ Бобреньевъ Голутвинъ монастырь (близъ Коломны) подъ строгій надзоръ настоятеля. Съ каковымъ родомъ жизни сходствуетъ какъ вдовство его, такъ и лѣта“. Священникъ Онуфріевъ въ то же время посланъ въ монастырь, и о семъ донесено св. Синоду.

Св. Синодъ снисходительнѣе судилъ священника Онуфріева. Указомъ св. Синода 2 февраля 1814 г. предписано: „Какъ означенный священникъ Онуфріевъ не только въ показуемомъ на него преступленіи не признался, но и никѣмъ не уличенъ, для того его, Онуфріева, въ показанномъ монастырѣ или другомъ оставить тогда, ежели онъ самъ объявитъ на то желаніе; а въ противномъ случаѣ быть ему при прежней церкви.“

Онуфріевъ не остался въ монастырѣ.

Н. Розановъ.

ГРОЗНЫЙ „ПАЛІЙ“.

Населеніе всякой мѣстности, имѣеть, какъ извѣстно, нѣкоторые свои особые праздники и повѣрья, освященные преданіями. Жители Малороссіи особенно чтуть 27 іюля, день памяти святаго великомученика и цѣлителя Пантелеимона. По созвучію словъ, усвоено ими этому страстотерпцу особенное характеристическое наименованіе „Палія“ и съ этимъ наименованіемъ укоренилось повѣрье, что всякаго непочитающаго дня праздника этого угодника Божія, непременно накажетъ онъ *запаленіемъ* молнією. Жаркое іюльское время, изобилующее грозами, безъ сомнѣнія, немало способствовало укорененію этого почти всеобщаго въ Малороссіи народнаго повѣрья: 27 іюля празднуется въ тамошнихъ селахъ какъ особо важный праздничный день, и ни за что не рѣшится малороссіянинъ заняться въ этотъ день какою-либо работою ни дома, ни на полѣ, не смотря на то, что праздникъ приходится въ самое нужное и дорогое поселянину время жатвы. Похваляя усердіе нашихъ простолюдиновъ къ угоднику Божію, особенно когда выражается оно не однимъ лишь празднымъ сидѣніемъ на завалинахъ избы и пустой болтовней, но и посѣщеніемъ храма Божія для слушанія божественной литургіи (а), не можемъ не удивляться одному, что грозно-карательное свойство они приписываютъ святому, которому и по толкованію его имени (б), и по многимъ его чудотвореніямъ, усвоено святою церковію въ ея пѣснопѣвнѣяхъ въ честь его наименованіе всемилостиваго врача и снисходительнѣйшаго немощей нашихъ цѣлителя. „Ужь *Палій* не помилуешь“, часто можно слышать ихъ толки объ этомъ угодникѣ Божіемъ (в). Вотъ одинъ слу-

(а) По случаю Высокоторжественнаго дня рожденія Ея Императорскаго величества Государыни Императрицы, 27 іюля, въ самыхъ даже глухихъ и отдаленныхъ селахъ бываетъ при церквяхъ богослуженіе.

(б) Пантелеимонъ погречески означаетъ «всемиловивый».

(в) Долгъ разубѣждать въ столь невѣжественномъ заблужденіи темное простонародье, вполне лежитъ на духовныхъ ихъ пастыряхъ, въ чемъ послужила-бы имъ на пользу книжка съ описаніемъ страданій и чудесъ св. Пантелеимона, издавнанная Русскимъ Пантелеимоновымъ, что на Афонѣ, монастыремъ, особенно тамъ, гдѣ не имѣются нодъ руками Четь Миней.

чай, доказывающій всю нелѣпость и неосновательность этого убѣжденія. Одна знакомая мнѣ пожилыхъ лѣтъ госпожа, поѣхала однажды 27 іюля вмѣстѣ съ своею племянницей верстъ за двадцать отъ своего помѣстья, въ уѣздный свой городъ. Время стояло до крайности жаркое, и еще съ утра можно было ожидать грозы. Справившись съ дѣлами своими въ городѣ, спѣшили онѣ къ вечеру быть опять дома. Межъ тѣмъ тучи собирались со всѣхъ сторонъ небосклона, и отдаленные громовые раскаты предвѣщали близость грозы. Путь лежалъ имъ большею частію лѣсной, почему и спѣшили они, чтобы доѣхать до ея наступленія въ близъ лежащее село. Но гроза приближалась быстро и вскорѣ ударъ за ударомъ раздались надъ ихъ головами. Зная, что сильный бѣгъ лошадей привлекаетъ къ себѣ электричество, велѣла госпожа своему кучеру ѣхать шагомъ, а потомъ и совсѣмъ остановиться. Неохотно исполняя ея приказаніе, кучеръ — малороссы ворчалъ про себя, что отъ Палія нигдѣ не уйдешь, и что напрасно поѣхала барыня въ грозный его день: какъ-бы бѣды не случилось. Племянница госпожи, женщина робкая и благочестивая, услышавъ имя Палія, начала вслухъ молиться св. Пантелеимону, прося его милостью своею сохранить ихъ отъ наступающей опасности. Вспомнивъ при этомъ, что у тетки ея есть древній крестъ съ св. мощами, въ числѣ коихъ находилась частица мощей и этого страстотерпца, поспѣшила она освѣдомиться: съ нею ли онъ теперь находился. Сильные громовые удары и ослѣпительный блескъ молніи вблизи, навели робость и на эту несовсѣмъ робкаго нрава женщину: машинально сняла она съ себя вышеупомянутый крестъ и ослѣнила имъ испуганныхъ лошадей. Въ это самое время, сильный трескъ съ сѣрнымъ удушающимъ запахомъ, оглушилъ ихъ мгновенно, лошади же попадали отъ него съ ногъ. Въ сильномъ испугѣ только и могли они при этомъ замѣтить, какъ огненная искра, пробѣжавъ вокругъ верха коляски, пролетѣла насквозь ея средину, невдалекѣ отъ колѣнъ въ ней сидѣвшихъ, и потомъ ударилась въ близкое дерево, расщепивъ его на двѣ половины. Отъ испуга долго никто не могъ прійти въ себя, — всѣ смотрѣли только со страхомъ другъ на друга и съ опасеніемъ, не убить ли изъ нихъ кто грозой. Оказалось однако, что всѣ были цѣлы и невредимы; только исковерканы были бронзовые украшенія на верху коляски, да на концѣ платья одной изъ сидѣвшихъ въ ней и на одеждѣ кучера, найдены были

мѣстами прогорѣлыя пятна. Поблагодарили тогда отъ души спасенные отъ столь великой смертной опасности спасаго ихъ Господа; прославили чудодѣйственную силу честнаго Его креста, а также и молитвенное предстательство всемилостиваго страстотерпца, угодника Божія Пантелеимона, котораго призывали на помощь въ этой опасности. Оказалось на самомъ дѣлѣ, что не столько караетъ и падить *Палій*, сколько милуетъ, спасая отъ злыхъ обстояній къ нему прибѣгающихъ, и посрамляя тѣмъ неразумное о немъ народное убѣжденіе.

Андрей Ковалевскій.

СЛУЧАИ ПОМИЛОВАНІЯ БОЖІЯ ВЪ ОПАСНОСТЯХЪ ЖИЗНИ.

Настоящая временная жизнь наша съ разныхъ сторонъ подвержена многимъ, часто непредвидѣннымъ опасностямъ. Но есть око, которое *не воздремлетъ, ниже уснетъ, храня* каждаго изъ насъ (Псал. 120, 4.). „Нерѣдко иной, — пишетъ св. Исаакъ Сиріянинъ, — не зная, идетъ путемъ, гдѣ есть дивій звѣрь, или убійцы, или чтонибудь подобное; и вотъ общій промыслъ Божій спасаетъ его отъ таковаго вреда, или, пока не пройдетъ мимо злой звѣрь, чѣмънибудь замедляетъ шествіе путника, или встрѣчается ему ктонибудь и заставляетъ уклониться отъ пути. И еще, иногда лукавый змій лежитъ на пути и невидимъ; но Богъ, не хотя предать человѣка такому искушенію, дѣлаетъ, что змій начинаетъ вдругъ шипѣть и трогаться съ мѣста, или ползти впередъ путника, и онъ, видя это, остерегается и спасается отъ змія. Хотя и недостойнъ этого человѣкъ по тайнымъ грѣхамъ, извѣстнымъ ему одному: однакоже Богъ отводитъ его отъ бѣды, по милости своей. И еще, случается нерѣдко, что падаютъ домъ, или стѣна, или камень, съ шумомъ подвигшись съ мѣста своего, а тамъ сидѣли иные, и Богъ человѣколюбно повелѣваетъ Ангелу удержать и остановить въ

паденіи мѣсто сіе, пока не встануть сидѣвшіе, или пока чѣмъ нибудъ не отведеть ихъ, и никого не останется на мѣстѣ; и едва отойдутъ они, немедленно попускаетъ упасть. А если и случится, что иной будетъ застигнуть, дѣлаетъ, что не терпитъ онъ никакого вреда. Ибо симъ хочетъ показать безконечное величіе силы своей.“ (Слова подвижническія. М. 1858 стр. 500—501).

Да позволено мнѣ будетъ сообщить нѣкоторые случаи помилованія Божія въ явныхъ опасностяхъ.

Въ 1844 году, на 12-мъ отъ рожденія, во время лѣтнихъ каникулъ гостилъ я въ Коломнѣ у своего дѣда, діакона П—ой церкви. Въ одинъ прекрасный вечеръ, вмѣстѣ съ его сыномъ, моимъ дядей, — учителемъ московскаго N училища, я отправился къ родному брату моей бабушки, дьячку Никольской на посадѣ церкви. Но въ его домѣ насъ никто не встрѣтилъ. Дядя мой, въ ожиданіи хозяевъ, бывшихъ въ это время въ саду, сталъ разсматривать висѣвшія на стѣнахъ большой комнаты картины и другія вещи. Примѣтивъ на шкафѣ ружье, досталъ его и, держа въ своихъ рукахъ, спросилъ меня: „Ваня! ты видѣлъ, какъ стрѣляютъ?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ я. — „Сейчасъ покажу тебѣ“, хладнокровно замѣтилъ неосторожный дядя. Въ самомъ дѣлѣ, онъ навелъ ружье противъ меня, началъ цѣлиться и только-что хотѣлъ поднять курокъ, какъ послышалъ сзади: „оно заряжено!“ Такъ вскричала дочь хозяйскаго дома, войдя въ переднюю изъ смежной столовой комнаты, гдѣ занималась рукодѣльемъ. Не смотря на то, что кромѣ ея никого изъ домашнихъ не было, она сначала не хотѣла, по своей застѣнчивости, показываться молодымъ гостямъ; но, слышавъ разговоръ нашъ, подумала и рѣшилась выйти къ намъ, препобѣдивъ свой ложный стыдъ. Малѣйшее замедленіе ея было-бы гибельно для меня. Но я спасенъ благодію Того, безъ вѣдѣнія и воли Котораго и *и власъ главы нашей не пошибнетъ* (Лук. 21, 18). Помню, какъ, вслѣдъ за словами: „оно заряжено“, у дяди задрожали руки; онъ поблѣднѣлъ и не вдругъ могъ проговорить. На вопросъ его: „зачѣмъ зарядили ружье?“ дѣвица отвѣчала:

„отець боится воровъ“, т.-е. онъ хотѣлъ подобнымъ средствомъ оградить свою безопасность отъ воровъ.

Въ 1862 году, живя въ Вологдѣ, я однажды переходилъ черезъ улицу и на этотъ разъ былъ задумчивъ. Прямо на меня мчалась неизвѣстно чья, лошадь, запряженная въ легкія сани, но я не замѣчалъ своей опасности. Я непремѣнно былъ бы задавленъ, или страшно изувѣченъ, если-бъ одинъ мальчикъ не закричалъ мнѣ: „батушка, лошадь на васъ“! Едва, едва я успѣлъ отсторониться. Мальчикъ, предостерегшій меня въ минуту опасности, былъ нищій, которому я иногда подавалъ милостыню въ своей кельѣ. Не напрасно же сказано въ свящ. писаніи, что *милостыня отъ смерти избавляетъ* (Тов. 12, 9). И если-бъ мы постоянно соблюдали повелѣнія Господни, то Господь Богъ чаще соблюдалъ бы насъ отъ всякаго зла!

Вотъ еще одинъ памятный мнѣ случай избавленія Божія отъ смертной опасности. Возвращался я въ полуоткрытомъ тарантасѣ изъ-за Оникіево-владимірской пустыни, отстоящей въ 14 верстахъ отъ Вологды. Это было въ іунѣ мѣсяцѣ 1860 года. Погода стояла ясная; воздухъ послѣ дождей дышалъ пріятной прохладой; лошади весело бѣжали по торной дорогѣ. Надо было спускаться съ довольно крутой горы, внизу которой расположена, не помню, какая деревенька; тогда тройка лошадей, неудержанная во время, быстро понеслась. Межъ тѣмъ на срединѣ дороги, у самаго склона горы, сидѣли беззаботно малолѣтныя крестьянскія дѣти и чѣмъ-то забавлялись. Ямщикъ, увидя ихъ и не въ силахъ будучи смирить лихихъ лошадей, началъ махать рукой и кричать изо всей мочи. Но дѣти оставались глухи и неподвижны. Я положительно страдалъ въ эти минуты и горько сѣтовалъ на матерей, не помня словъ самого Господа: *еда забудеть жена отрока свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудеть сихъ жена, но Азъ не забуду* (Ис. 49, 13). Уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ, дѣти вскочили съ своего мѣста и разбѣжались въ стороны; только одинъ малютка еще не трогался. Наконецъ испуганный

крикомъ ямщика и прочихъ дѣтей, онъ поднялся на ноги, хотѣлъ бѣжать, да на грѣхъ упалъ! Въ тотъ же моментъ промчалась наша тройка, потомъ вскорѣ остановилась. Слышу неистовый крикъ крестьянъ, сбѣжавшихся на улицу изъ своихъ избъ; но къ изумленію моему и невыразимой радости узнаю, что младенецъ живъ, невредимъ и уже на рукахъ своей матери, которая нѣжно цѣловала его и поистинѣ не помнила скорби отъ радости, какъ будто онъ только что родился въ міръ (Іоан. 16, 21). Ни пристяжная, съ лѣвой стороны, лошадь, ни колеса не задѣли его, тогда какъ головкой онъ былъ обращенъ къ тарантасу и трудно было подмѣтить разстояніе, отдѣлявшее его отъ линіи, очерченной колесами! Подлинно, *Господь хранитъ младенцы* (Псал. 114, 5).

А. Г—й.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

КОНЕЦЪ XXIV ГЛАВЫ *.

Страшная година мучительства служила испытаніемъ вѣры для русскаго народа: не было ни заговоровъ противъ Грознаго царя, ни мятежа, ни измѣны; немногіе рѣшились на побѣгъ за предѣлы отечества ⁽⁴⁾. Первые вельможи, подпоры престола, съ такимъ же смиреніемъ, съ такою же покорностію волѣ Божіей, какъ и простолюдины, клали голову на плаху; никто, среди неслыханныхъ мученій, не осмѣливался проклинать мучителя, почитая въ немъ лице помазан-

* Начало въ іюльской книжкѣ.

(а) Въ числѣ послѣднихъ былъ бояринъ и знаменитый воевода, князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Онъ бѣжалъ въ Литву въ 1563 году, въ эпоху первыхъ казней Грознаго. Курбскій былъ изъ числа образованнѣйшихъ людей своего времени, ревностно заботился о поддержаніи православія въ Литвѣ, что видно изъ переписки его съ разными лицами. Иамѣною государю и отечеству, столь не сродною русскому сердцу, запятнавъ доброе имя свое, омрачивъ славу свою, прежде безукоризненную, князь не могъ не чувствовать угрызеній совѣсти, среди богатствъ и почестей въ странѣ чуждой тосковалъ о Россіи, о любимомъ отечествѣ своемъ, и въ лѣтахъ цвѣтущаго мужества, убѣленный сѣдинами, страдалъ недугами: не раны тѣлесныя, раны сердца сокрушили его. Чтобъ облегчить растерзанную душу и хотя нѣсколько оправдать себя въ глазахъ современниковъ и предъ строгимъ судомъ потомства, онъ взялся за перо и написалъ «Исторію князя великаго Московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими». Извѣстны обличительныя письма его къ Грозному царю.

ника Божія; нашлись и такіе, которые, перенося истязанія, молились за царя. При такихъ чувствахъ православнаго народа, неудивительно, что Господь посылалъ чудныя знаменія, для утѣшенія и укрѣпленія вѣрующихъ, въ разныхъ краяхъ Россіи.

Такъ въ Великомъ Новгородѣ, не задолго до страшнаго разгрома, прославлены нетлѣніемъ и чудесами мощи святителя Никиты, которыя, съ разрѣшенія самодержца и митрополита, были открыты владыкою Пименомъ, послѣ бывшаго ему видѣнія. Когда поднята была крыша гробницы, увидѣли священное сокровище благодати; не только тѣло угодника Божія, но и ризы его сохранились въ совершенномъ нетлѣніи. Тогда же святыя мощи, 450 лѣтъ почивавшія въ нѣдрахъ земли, были переложены изъ ветхой раки на одрѣ и поставлены посреди церкви; безчисленное множество чудесъ и исцѣленій надъ приходящими съ вѣрою слѣпыми, бѣсноватыми, хромыми, ослабленными и одержимыми разными недугами, ознаменовало незабвенный для Новгорода день 30 апрѣля 1558 г. ^(б). Въ это время войска Русскія осаждали Ливонскій городъ Ругодивъ (Нарву), и въ день открытія мощей многіе Ливонцы видѣли между русскими полками ѣздящаго по берегу Наровы мужа безбородаго ^(в), въ ризахъ святительскихъ, съ жезломъ и крестомъ. Между тѣмъ, въ Нарвѣ, нѣмецъ-пивоваръ бро-

(б) О житіи святителя Никиты мы говорили въ IV главѣ нашихъ «Разсказовъ» (Душепол. Чтеніе 1865). Мощи его открыто почиваютъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, подъ аркою между придѣлами Рождества Богородицы и св. Богоотцевъ Іоакима и Анны. Великолѣпная серебряная рака устроена въ 1846 году усердіемъ графини А. А. Орловой-Чесменской. Въ соборной ризницѣ хранится облаченіе, неистлѣнно лежавшее 450 лѣтъ въ землѣ, на мощахъ св. Никиты: фелонь, омофоръ, епитрахиль, поручи и шапка.

(в) Святитель Никита изображается на иконахъ безбородымъ.

силъ въ огонь, разведенный подъ котломъ, двѣ иконы, писанныя на липовыхъ доскахъ и похищенныя изъ Иваньгорода: на одной изъ нихъ изображена была Богоматерь съ божественнымъ младенцемъ, а на другой — угодники Божіи: Николай чудотворецъ, Власій, Козьма и Даміанъ. Внезапно поднялся сильный вѣтеръ, и пламя, разливаясь изъ подъ котла, объяло весь городъ; не только дома, но и стѣны и ворота сгорѣли, а войска Русскія вмѣстѣ съ жителями Иваньгорода, воспользовавшись смятеніемъ Нѣмцевъ, быстро переправились черезъ рѣку Нарову и овладѣли Ругодивомъ безъ приступа и стѣнобитныхъ орудій. Къ довершенію чуднаго событія, обѣ иконы, брошенныя въ огонь, найдены невредимыми въ пещѣ на мѣстѣ пивоваренія ^(г).

Другимъ знаменіемъ милости Божіей было явленіе иконы Пресвятой Богородицы въ Казани. Въ 1579 г. девятилѣтняя дѣвочка, по имени Матрона, жившая съ матерью въ новопросвѣщенной столицѣ бывшаго татарскаго царства, видѣла во снѣ образъ Богоматери, при чемъ голосъ повелѣвалъ ей донести градоначальнику и архіерею, чтобъ открыли и взяли изъ земли св. икону, и указалъ самое мѣсто, гдѣ она была скрыта. Но Матрона, по свойственному дѣтямъ неразумнью и страху, боялась сначала открыть объ этомъ происшествіи, и уже спустя недѣлю рассказала матери о благодатномъ снѣ своемъ. Мать не обратила на разговоръ дочери должнаго внима-

(г) Въ житіи св. Никиты (Сборникъ библ. Сергіевой Лавры 1630 года № 673) говорится, что прославленіе св. мощей его обличило еретиковъ, послѣдователей Башкина и Феодосія Косаго, отрицавшихъ воскресеніе мертвыхъ (лист. 371 обор.). Ту же мысль выражаетъ и Зиновій, ученикъ Максима грека, писавшій противъ ереси Косаго. Онъ говоритъ, что на обличеніе этой ереси прославлены чудесами мощи святителя Никиты и двѣ иконы въ Нарвѣ. (Истор. Русской церкви преосвящен. Филарета, изд. 1. Періодъ III, стр. 122).

нія и отнесла сонъ ея къ обыкновенной дѣтской грезѣ. Черезъ нѣсколько времени тоже сновидѣніе повторилось во второй и в третій разъ и уже съ угрозою. Святитель и воевода, къ которымъ обратилась Матрона и мать ся, не обратили вниманія на слова дѣвочки. Тогда, 8 іюля, около полудня мать Матроны пришла съ заступомъ на указанное дочерью мѣсто и начала копать землю. Долго копала она, но св. иконы не находила. Послѣ нея принялись копать землю сосѣди ея, собравшіеся толпою изъ любопытства, вскопали все мѣсто, но также ничего не находили. Наконецъ, вмѣстѣ съ другими начала копать сама дѣвица Матрона въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась печь, и только что прорыла землю на поларшина, вдругъ явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы, съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, обернутая въ ветхое сукно вишневаго цвѣта. Чуднымъ свѣтомъ сіяла святая икона, какъ будто недавно была изображена она, и прахъ земли, казалось, не коснулся ея! Дѣвица, съ благоговѣйнымъ страхомъ и невыразимую радостію, приняла на руки пречестную икону и поставила ее на томъ же мѣстѣ. Такое чудное знаменіе милости Божіей скоро сдѣлалось извѣстнымъ всему городу: христіане радовались и благодарили Бога, магометане дивились непонятной для нихъ силѣ Божіей ^(д). Св. икона, прославленная многими чудотвореніями, была перенесена въ ближнюю церковь св. Николая, а царь Іоаннъ получивъ извѣстіе о чудномъ явленіи Казанской иконы Богородицы, повелѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ,

(д) «Сказаніе о явленіи и чудесахъ отъ иконы Богородицы Каванскія» написано въ 1594 году митрополитомъ Казанскимъ Гермогеномъ (въ послѣдствіи патріархомъ). Онъ былъ самовидецъ прославленія иконы еще вѣ савѣ священника. Автографъ «сказанія» сохраняется въ Моск. Синод. библ. подъ № 982. Тѣмъ же святителемъ писана и служба на 8 іюля.

гдѣ обрѣтаея чудотворная икона, построить храмъ во имя Пресвятой Богородицы и основать женскій монастырь, при-славъ на сооруженіе храма значительную сумму изъ собственныхъ царскихъ доходовъ и опредѣливъ въ тоже время выдавать деньги на содержаніе священнослужителей, игу-менья и сорока сестеръ ^(е).

Спустя нѣсколько лѣтъ на другомъ концѣ широкой Русской земли, усердная Заступница христіанъ даровала имъ свою помощь и предстательство. Это было въ древнемъ Псковѣ, осажденномъ Ляхами и Литвою, во время несчастной войны Іоанна съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, однимъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени. Грозный царь имѣлъ огромныя рати въ полѣ, но мучимый неизъяснимымъ страхомъ, видя вездѣ мнимую измѣну, не рѣшался двинуть ихъ противъ врага. Во Псковѣ войскъ было не много, но доблестные воеводы укрѣпляли себя и воиновъ молитвою: духовенство города, воеводы, воины, граждане, съ крестами, чудотворными иконами и мощами св. князя Всеволода — Гавріила, обошли крестнымъ ходомъ вокругъ всѣхъ укрѣпленій. Они молились, да будетъ градъ св. Ольги неодолимою твердынею противъ враговъ, да спасется самъ и да спасеть Россію. Вечеромъ увидѣли густыя облака пыли, которыя сильнымъ южнымъ вѣтромъ неслись къ городу. Скоро явилась и рать непріятельская; она шла медленно, осторожно и стала вдоль рѣки Великой. Началась достопамятная осада Пскова ^(ж). Ждали приступа. Наканунѣ праздника Ро-

(е) Богородицкій Казанскій 1-го класса монастырь принадлежитъ къ числу знаменитыхъ женскихъ обителей въ Россіи. Въ великолѣпномъ соборномъ храмѣ его, заложенномъ въ 1798. и освященномъ въ 1808 году, хранится чудотворная икона Богородицы, покрытая золотою ризою со множествомъ драгоценныхъ камней. (Ист. Росс. Іер. III, стр. 382 — 385.)

(ж) Во Псковѣ было до 30.000 защитниковъ; но этого войска

ждества Богородицы, дряхлый слѣпецъ Дороеей, янокъ Покровскаго монастыря, что въ Углу, объявилъ воеводамъ бывшее ему видѣніе. Онъ говорилъ такъ: «Сидѣлъ я въ поздній вечеръ въ сѣняхъ келійцы своей и плакалъ о горестномъ положеніи нашего города. Вдругъ вижу померкшими своими очами, будто свѣтъ великій простирается отъ печерскаго монастыря, чрезъ Великую рѣку, къ городу Пскову и въ томъ свѣтѣ шестуется по воздуху сама Пресвятая Владычица наша Богородица. Подъ лѣвую руку поддерживааетъ Ее преподобный отецъ Антоній, Кіевскій пещероначальникъ, а подъ правую нашъ блаженный Корнилій, игумень печерскій. Перешедши чрезъ градскую стѣну, Она вошла въ нашу Покровскую церковь. Потомъ вышедши изъ нея, вмѣстѣ съ преподобнымъ Корнилиемъ, Пречистая Богородица стала на стѣнѣ близъ Покровской башни. Здѣсь предстали предъ Нею святитель Нифонтъ, строитель Мирожскаго монастыря, благоговѣрные князья Всеволодъ—Гавріилъ и Довмонтъ—Тимоеей и преподобные Евфросинъ и Савва игумены, а сзади ихъ сталъ блаженный Никола Салось. Всѣ они поклонились Пречистой Богородицѣ, а Она, смотря на градъ, какъ бы съ гнѣвомъ сказала: «о злые челоувѣки града сего! прогнѣвали вы Сына Моего, Господа и Бога, и осодомили градъ сей скверными дѣлами своими. И нынѣ пришла на васъ туча и бѣда великая». Тогда игумены Корнилій, Евфросинъ и Савва, съ блаженнымъ Николою, пали передъ Нею со слезами и сказали: «О Пресвятая Владычица Богородица! великъ грѣхъ ихъ и беззаконіе, но не прогнѣвайся на нихъ до конца и помолись Сыну Твоему и Богу нашему за градъ сей и за народъ согрѣшившій».

было не достаточно по обширности городовыхъ укрѣпленій. Рать Баторія простиралась до 100 тысячъ. А между тѣмъ болѣе 200 тысячъ Русскихъ войскъ стояло въ бездѣйстви въ Новгородѣ, Ржевѣ и Волокѣ Ламскомъ.

Потомъ всё и благовѣрные князья припали къ ногамъ Владычицы Богородицы, а Она обратясь къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ, сказала мнѣ: «старче! иди скорѣе, возвѣсти боголюбивымъ воеводамъ, Печерскому игумену и всему народу, чтобы прилежно и непрестанно молили Господа Бога; завтра пусть стерегутъ это мѣсто, пусть принесутъ сюда старый мой образъ Печерскій и св. хоругви, пусть поставятъ здѣсь пушки и направятъ ихъ на шатры королевскіе. Всему народу веля плакаться о грѣхахъ своихъ, и Я буду молить Сына Моего и Бога за ваши согрѣшенія». Послѣ сихъ словъ Пресв. Богородицы все видѣніе исчезло въ очахъ моихъ. Я снова очутился въ прежней темнотѣ, и поспѣшилъ—повѣдать дивное видѣніе, посланное мнѣ грѣшному и недостойному».

Наутро начался приступъ и именно на томъ мѣстѣ города, которое было указано въ видѣніи Дороею. Отъ дѣйствія тяжелыхъ орудій вражескихъ образовался проломъ въ стѣнѣ, близъ Свиной и Покровской башенъ, и въ этомъ проломѣ закипѣла страшная сѣча. Не одни воины защищали городъ, но и всё граждане, способные носить оружіе, простились съ женами, благословили дѣтей и стали вмѣстѣ съ воинами, между развалинами каменной стѣны и новою деревянною, еще недостроенною. Дряхлые старцы, женщины и дѣти собрались въ соборный храмъ, гдѣ Печерскій игумень Тихонъ и священники усердно молились. При страшномъ извѣстіи о приступѣ и проломѣ, всё молящіяся зарыдали воплемъ отчаянія. По словамъ лѣтописца, они «весь полъ храма омыли слезами». Черезъ нѣсколько часовъ враги завладѣли обѣими башнями и ворвались въ южную часть города. Градъ пуль сыпался на осажденныхъ, слабѣющихъ, тѣснимыхъ. Уже они изнемогали и начали отступать шагъ за шагомъ. Но мгновенно измѣняется ужасная картина. Изъ Кремля идетъ духовенство съ чудотворною иконою Печерской, съ мощами

св. князя Всеволода — Гавріила, съ крестами и хоругвями. Подъ выстрѣлами непріятеля, посреди кровавой сѣчи раздаются звуки молебствія. Утомленные защитники города одушевились вѣрою, упованіемъ и мужествомъ. Они стали непоколебимо. Вдругъ Свиноская башня, подъ которою заранѣе подложенъ былъ порохъ, потрясенная пушками, взлетѣла на воздухъ съ королевскими знаменами. Весь ровъ наполнился трупами враговъ, а на помощь къ осажденнымъ приспѣли свѣжія дружины, изъ другихъ частей города. Ужасъ овладѣлъ врагами, а вѣрные псковичи твердо сомкнулись, двинулись впередъ съ крикомъ: «Умремъ за Христову вѣру! Богородицу и св. Гавріила не выдадимъ!» Дружнымъ натискомъ они смяли изумленныхъ непріятелей, вытѣснили изъ пролома и погнали въ поле. Дольше другихъ держались Венгерцы, застѣвъ въ Покровской башнѣ; ихъ выгнали огнемъ и мечемъ. Еще кровь лилась до вечера, но уже внѣ города, гдѣ оставались только больные, старцы и дѣти. Самыя женщины помогали отцамъ и братьямъ: нѣкоторыя изъ нихъ тащили на веревкахъ въ Кремль пушки, брошенные бѣгущимъ непріателемъ, другія приносили холодную воду, чтобы освѣжить сражающихся, изнуренныхъ жаждою. Поздняя ночь положила предѣлъ кровопролитію. Съ трофеями побѣды, знаменами, трубами Литовскими и множествомъ плѣнныхъ, возвратились побѣдители въ городъ, воздать хвалу Богу въ храмѣ св. Троицы. Тамъ главный воевода князь Иванъ Петровичъ Шуйскій сказалъ воинамъ и всему народу: «Вотъ, братіе, миновалъ для насъ первый день печали и веселія, трудовъ и мужества. Совершимъ, какъ начали. Сильные враги наши пали, а мы немощные препоясались силою. Гордый исполинъ лишился хлѣба, а мы алчущіе милосердія Божія исполнились благъ. Будемъ готовы умереть за церковь и за царя, не измѣнимъ ни лукавствомъ, ни малодушіемъ». Воины и граждане отвѣча-

ли ему со слезами умиленія: «мы готовы умереть за вѣру Христову! какъ начали, такъ и довершимъ, съ Богомъ, безъ всякой хитрости»^(а). Послѣ достопамятнаго побоища 8 сентября 1581 года, уже не было другаго приступа къ Пскову, но битвы возобновлялись. Морозы и недостатокъ продовольствія принудили враговъ снять осаду.

Такъ, по вѣрѣ и молитвѣ Псковитянъ, спасенъ древній городъ св. Ольги! Въ то же время Матерь Божія, чудво сохранила отъ враговъ свою Печерскую обитель. Мимо монастыря нерѣдко проходили обозы, отправляемые Баторіемъ въ Литву съ награбленнымъ имѣніемъ и Русскими плѣнниками. Въ октябрѣ одинъ изъ такихъ обозовъ, состоявшій изъ 30 подводъ, былъ остановленъ людьми, бывшими въ монастырѣ, которые разбѣжали польскую стражу, а имѣніе все взяли и привезли въ монастырь. Ободренные этимъ успѣхомъ, защитники обители на другой день разбили польскій отрядъ изъ 300 человекъ, стняли плѣнныхъ и богатую добычу. Озлобленный сопротивленіемъ, Баторій послалъ войско осаждать обитель. Осада началась приступомъ съ восточной и южной стороны монастыря; монахи съ небольшимъ числомъ воиновъ

(а) Видѣніе Дороея было написано на иконѣ, которую воеводы прислали къ царю, а царь, обложивъ ее золотомъ и жемчугомъ, возвратилъ во Псковъ и повелѣлъ поставить храмовою въ церкви Покровскаго монастыря, получившаго прозваніе «у пролома». Эта Покровская церковь, построенная въ XV вѣкѣ, малая, съ четырьмя столпами внутри и съ множествомъ голосниковъ въ сводахъ, уцѣлѣла до нашего времени, хотя монастырь давно уже упраздненъ. Подлѣ нея стоитъ Покровская башня, сохранившаяся въ прежнемъ видѣ. За ручьемъ Свинорскимъ, обнимающимъ южную стѣну города, разстилается поляна—мѣсто избіенія враговъ бѣгущихъ, до слободы Выползовой, а за этою слободою возвышается Никитская колокольня, съ которой Баторій смотрѣлъ на приступъ. Списокъ съ Покровской иконы находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

и поселянами, бывшими въ то время въ монастырѣ, твердо стали на стѣнахъ и бились съ непріателемъ отъ 3 часа дня до самой ночи. Приступъ былъ отраженъ, одинъ изъ военачальниковъ Баторія раненъ, а другой вмѣстѣ съ многими воинами взятъ въ плѣнъ.

Знаменитая осада Печерскаго монастыря продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ, и окончилась перемиріемъ, заключеннымъ между Россією и Польшею. Во время осады, неустрашимые защитники обители, подкрѣпляемые многими чудесными опытами заступленія Божіей Матери, безстрашно отражали всѣ нападенія непріятелей, и не смотря на недостатокъ продовольствія, на морь и заразительныя болѣзни, не хотѣли слышать о сдачѣ обители. Чудесное спасеніе Печерскаго монастыря отъ враговъ прославило эту обитель не только между христіанами всей Русской земли, но и въ чужихъ странахъ и между невѣрными ^(и).

Война кончилась постыднымъ договоромъ съ Ляхами ⁽ⁱ⁾,

(и) По увѣренію лѣтописца, сами Ляхи и Нѣмцы Баторіевы удивлялись, какъ эта малая крѣпостца, защищаемая монахами, служителями и поселянами, подъ управленіемъ молодого и неопытнаго начальника Юрія Нечасва, могла ускользнуть отъ рукъ ихъ, и какъ они не одолѣли ея. Тотъ же лѣтописецъ разскаываетъ со словъ Ковьмы Янунова, бывшаго въ то время въ плѣну у Турокъ, что султанъ Амурать-Селимъ, услышавъ о неудачныхъ приступахъ короля Стефана, сказалъ: «како сей несмысленный не соодолѣ безлюдному граду Пскову и монастырю Печерскому, не имущему войска?»—Въ благодарность Богу-избавителю и въ память для потомства, учрежденъ крестный ходъ изъ монастыря съ чудотворными иконами во Псковъ въ седьмую недѣлю по пасхѣ.

(i) При заключеніи перемирія съ Баторіемъ на 10 лѣтъ, Іоаннъ уступилъ всю Ливонію и Полоцкъ съ Велижемъ. Но еслибы врагамъ удалось завладѣть Псковомъ, царь неминуемо лишился бы всей сѣверной земли, Смоленска и можетъ быть даже Новгорода. (Карамз. Истор. IX, стр. 206).

который заключенъ при посредничествѣ папскаго посла, Антонія Поссевина. Хитрый іезуитъ имѣлъ цѣлю не примиреніе враждующихъ, а подчиненіе Русской церкви папскому престолу, и папа Григорій XIII питалъ большую надежду на успѣхъ посольства, потому что самъ царь просилъ папу усоединить Баторія, союзника султана, и обѣщалъ, вмѣстѣ съ другими государями ополчиться противъ турокъ и быть въ непрестанныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ съ Римомъ ^(к). Но надежды папы и старанія Поссевина не увѣнчались успѣхомъ: Іоаннъ оказалъ всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразуміе, которымъ и самъ іезуитъ долженъ былъ отдать справедливость, благодарилъ за услугу (которая, впрочемъ, не стоила благодарности), обѣщалъ свободу и покровительство священникамъ латинскимъ въ Русской землѣ, честилъ и льстилъ Римскаго посла, но отринувъ домогательство о позволеніи строить на Руси церкви, отклонилъ споры о вѣрѣ и соединеніи церквей на основаніи правилъ Флорентійскаго собора, и не увлекся мечтательнымъ обѣщаніемъ приобрѣтенія не только Кіева, но и всей имперіи Византійской, утраченной Греками будто бы за отступленіе отъ Рима. Царь спокойно отвѣчалъ: «мы никогда не писали къ папѣ о вѣрѣ, я и съ тобою не хотѣлъ бы говорить объ ней: вопервыхъ опасаясь уязвить твое сердце какимъ нибудь жесткимъ словомъ; вовторыхъ, занимаюсь единственно мірскими, государственными дѣлами, не толкую церковнаго ученія, которое есть дѣло нашего отца и богомольца, митрополита; ты говоришь смѣло, ибо ты попь и для того пріѣхалъ сюда изъ Рима. Греки же для насъ не Евангеліе: мы вѣримъ

(к) Съ просьбою о посредничествѣ былъ отправленъ къ папѣ гонецъ Шевригинъ, но Григорій XIII еще прежде собирався отправить посольство въ Москву для совѣщаній о соединеніи церквей.

Христу, а не Грекамъ. Что касается до Восточной имперіи, то знай, что я доволенъ своимъ и не желаю никакихъ новыхъ государствъ въ семъ земномъ свѣтѣ, желаю только милости Божіей въ будущемъ». Въ отвѣтъ на папскую грамоту Іоаннъ снова изъявлялъ готовность участвовать въ союзѣ христіанскихъ державъ противъ турокъ, но ни слова не сказалъ о соединеніи церквей. Этимъ пресѣклись сношенія Рима съ Москвою, бесполезныя для обѣихъ сторонъ, потому что не ходатайство папы, а доблесть воеводъ псковскихъ побудила Баторія къ умѣренности послѣ выгодной для него войны.

Но война еще не была прекращена, а страшная кара Божія совершилась надъ мучителемъ, къ ужасу современниковъ и потомства. Въ старшемъ, любимомъ сынѣ своемъ, Іоаннѣ, Царь готовилъ Россіи втораго себя: вмѣстѣ съ нимъ занимаея дѣлами важными, присутствуя въ Думѣ, объѣзжая государство, вмѣстѣ съ нимъ и сластолюбовствовалъ и губилъ людей. Но изъявляя страшное въ юности ожесточеніе сердца и необузданность въ любострастіи, царевичъ оказывалъ умъ въ дѣлахъ и чувствительность ко славіи или хотя къ безславію отечества. Во время переговоровъ о мирѣ, страдая за Россію, читая горесть на лицахъ бояръ, слыша, можетъ быть, всеобщій ропоть, царевичъ пришелъ къ отцу и просилъ дозволенія стать во главѣ ратей русскихъ, изгнать непріятеля, освободить Псковъ, возстановить честь Россіи.— Іоаннъ въ волненіи гнѣва закричалъ: «Мятежникъ! Ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола!» И поразилъ сына въ голову острымъ жезломъ своимъ. Царевичъ упалъ, обливаясь кровью. Внезапно исчезла ярость Грознаго царя. Помертвѣлый отъ ужаса, въ трепетѣ, въ изступленіи, онъ закричалъ: «Я убилъ сына, Богъ покаралъ меня, я убилъ его!» Онъ кинулся на землю, обнималъ, цѣловалъ царевича, старался удерживать кровь, струящуюся изъ глубокой раны, плакалъ,

рыдалъ, молилъ Бога о милосердіи, звалъ лекарей иноземныхъ. Но судъ небесный уже совершился! Царевичъ Іоаннъ, спустя 4 дня, скончался въ ужасной слободѣ Александровской⁽⁴⁾. Тамъ, гдѣ потоками лилась кровь невинная, Грозный царь, обогранный кровію сына, неподвижно, въ страшномъ оцѣпеніи, сидѣлъ у трупа нѣсколько дней и ночей безъ пищи и сна. Съ тѣхъ поръ никто не видалъ уже веселой улыбки.

(1) Несчастный царевичъ, еще въ 1570 году какъ бы предчувствовалъ, что ему не долго жить при такомъ отцѣ, каковъ Грозный царь, и онъ «пожаловалъ въ домъ Пречистой и чудотворца Кирилла (т. е. Кирилловъ Бѣловерскій монастырь) тысячу рублей... «ино похочеть постричься, царевича князя Івана постричи за тотъ вкладъ, а если, по грѣхамъ, царевича не станеть, то и поминати.» Въ сборникахъ библиограф. общ. ист. и древн. № 39, 40, помѣщены: а) служба преп. Антонію Сійскому, «описана Иваномъ Русиномъ, отъ рода Варяжска въ лѣто 7086 (1578)»; б) «житіе и подвиги аввы Антонія чудотворца... переписано бысть многгрѣшнымъ Иваномъ во второе по первомъ писатели»; в) похвальное слово преп. Антонію того же сочинителя, царевича Іоанна, написанное въ 1580 г. Въ послѣсловіи царевичъ пишетъ, что при митрополитѣ Автоноу, Сійскій игумень Питиримъ и ученикъ преп. Антонія Филоеѣи приходили въ Москву просить объ установленіи празднованія преп. Антонію, и соборъ повелѣлъ праздновать, и что тогда же просили его, царевича, написать канонъ преп. Антонію. Далѣе царевичъ называетъ Филоею первымъ списателемъ житія преп. Антонія и объ этомъ жизнеописаніи замѣчаетъ: «зѣло убо суще въ легкости написано». «Послѣ канона, говоритъ онъ, написалъ я и житіе; архіеп. Александръ убѣдилъ написать и похвальное слово». Царевичъ упоминаетъ еще, что преп. Автоноу приходилъ въ Москву къ родителямъ его и весьма любилъ ихъ духовно; особенно любилъ его мать, т. е. добродѣтельную Анастасію. Эта-то любовь угодника Божія и заставила царевича описать жизнь его. Такимъ образомъ царевичемъ Іоанномъ сочинены служба и похвальное слово преп. Антонію. Что касается до житія, то, при сочиненіи его, имѣлъ ли онъ въ виду жизнеописаніе іеромонаха Іоны 1579 г., онъ не говоритъ о томъ, а пишетъ, что дополнял краткія записки.

ки на лицѣ царя. Силы тѣлесныя изнемогли. Онъ тосковалъ ужасно, не зналъ тихаго сна. Ночью какъбы окруженный привидѣніями, онъ вскакивалъ съ постели, звалъ убитаго сына, стоналъ, вопилъ; утихалъ только къ утру отъ изнуренія силъ, забывался въ минутной дремотѣ, на полу, гдѣ клали для него тюфякъ и изголовье. Онъ ждалъ и боялся дневнаго свѣта, боялся видѣть людей и показать имъ на лицѣ своемъ муку сыноубійцы — страшное предвкусеніе адской муки!

Ни прекращеніе тяжелой и опасной войны съ Баторіемъ, ни успѣхи Ермака въ завоеваніи Сибири ^(а), не могли возвратитъ спокойствіе Грозному. Онъ медленно угасалъ, какъ багровоое солнце въ тучахъ. Въ часъ кончины, митрополитъ Діонисій постригъ государя, и уже не грозный царь Іоаннъ, а смиренный инокъ Іона предалъ духъ свой Всевышнему Судіи страшныхъ дѣлъ его (18 марта 1584 года)!

Здѣсь не мѣсто изображать характеръ Грознаго царя и судить о послѣдствіяхъ его царствованія. Но не можемъ умолчать объ одной замѣчательной особености: непрестанно обураваемый страстями неукротимыми, необузданный въ кровопролитіи и мерзостномъ сластолюбіи, Іоаннъ сохранилъ до конца жизни усердіе къ обрядамъ церкви и благолѣпію храмовъ. — Такъ онъ приносилъ великолѣпныя вклады въ нѣкоторыя, особенно любимыя имъ монастыри, не почитая грѣхомъ святотатствовать въ опустошаемыхъ имъ городахъ и жертвовать награбленное въ другія церкви и обители. Имена погубленныхъ имъ онъ вносилъ въ синодики и на поминовеніе ихъ щедро разсылалъ золото ^(в), почиталъ своимъ дол-

(м) О завоеваніи Сибири мы будемъ говорить при учрежденіи Сибирской епархіи.

(в) Синодики, въ которыхъ записаны имена жертвъ Іоанновой лютоств, сохранились въ Сергіевой Лаврѣ, въ Никитскомъ Череславскомъ, Кврилловѣ и другихъ монастыряхъ. При многочислен-

гомъ заботиться о порядкѣ и благочиніи иноческой жизни и писалъ строгія обличенія по монастырямъ ^(о). Слогъ его отличается твердостью, чистотою языка и ѣдкостью ироніи, но обличаетъ тревожный духъ и отсутствіе теплоты душевной. Обладая обширную начитанностію и отличною памятью, Грозный царь любилъ употреблять выраженія изъ Св. писанія и твореній отцевъ, также примѣры изъ исторіи церковной и гражданской ^(п), любилъ составлять пѣснопѣнія церковныя ^(р).

ности убійствъ, иногда видимъ не имена, а только счетъ убитыхъ, съ прибавкою словъ: «вѣже имена Ты вѣси, Господи!» За упокой значительныхъ лицъ, вклады были крупнѣе прочихъ. Послѣ смерти царевича Иоанна, на поминаеніе души его послано къ четыремъ патріархамъ вселенскимъ до 20 тысячъ червонцевъ, кромѣ вкладовъ въ монастыри русскіе.

(о) Особенно замѣчательно посланіе къ братіи Кириллова монастыря, напечатанное въ Ист. Росс. Іер. IV, стр. 421 — 479.

(п) Въ письмахъ къ изгнаннику князю Курбскому.

(р) Въ двухъ крюковыхъ стихираряхъ начала XVII в., изъ которыхъ одинъ находится въ библиотекѣ Сергіевой Лавры (№ 428), а другой въ библиотекѣ Моск. Дух. Академіи (№ 78), находятся двѣ стихиры св. Петру митрополиту (21 декабря) на Господи возвахъ, съ надписью: «твореніе царя Иоанна деспота Російскаго»; двѣ стихиры ему же «на исхожденіи» (т. е. на литіи) съ надписью: «твореніе царя и в. к. Иоанна Васильевича всея Росіи», и двѣ стихиры на срѣтеніе «Пречистой владимерской» (26 августа). Для примѣра приводимъ одну изъ послѣднихъ: Слава и нынѣ гласъ 6-й. «Вострубите трубою пѣсней во благонароचितомъ дни правника нашего и тмы разрушеніе и свѣту пришествіе паче солнца возсіявшу во всѣхъ, се бо царица и владычица богородица, мати Творца всѣхъ Христа Бога нашего, услышавши моленіе недостойныхъ рабъ своихъ, на милосердіе преклоняется и милостивно невидимо руцѣмъ простирающи къ сыну си и Богу нашему, молитву о всей руси предлагающи и согрѣшеніемъ свободженіе даровати молящихся и праведное его прощеніе возвратити. О великая милосердіемъ владычице! О великая щедротами царице! О великая заступленіемъ богородице! Како убо молящи сына своего и Бога нашего, пришествіемъ честна-

Наслѣдникомъ царства былъ Ѳеодоръ, второй сынъ отъ перваго брака царскаго, добрый сердцемъ, но слабый способностями ума и тѣлеснымъ здоровьемъ. Другой царевичъ, еще младенецъ, Дмитрій, рожденный отъ послѣдняго (шестаго или седьмаго) супружества грознаго царя, получилъ въ удѣлъ Угличъ, куда и отправился съ матерью, царицею Марією, изъ рода Нагихъ.

Графъ М. Толстой.

го образа градъ я веси избавляющи, яко да воспоимъ царицѣ царя рождшей: радуйся, христіаномъ милости и щедротъ промышленіе. Радуйся къ тебѣ прибѣгающимъ пристанище и заступленіе и избавленіе и спасеніе наше. (Стихирарь Лавр. л. 222—226). — Молитвенное посланіе, писанное царемъ Іоанномъ, въ 1575 году, къ св. страстотерпцамъ князю Михаилу черниговскому и боярину его Ѳеодору, предъ перенесеніемъ мощей ихъ изъ Чернигова въ Москву, напечатано въ Памятник. Моск. древн. прилож. стр. 4.

О РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ

ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ *.

Молящіеся въ латинскихъ храмахъ присутствуютъ при богослуженіи сидя, а не стоя, какъ у насъ ^(а). Поэтому средина латинскихъ храмовъ бываетъ загромождена стульями и скамейками и за мѣста на нихъ иногда берется въ пользу церкви и духовенства плата. А иные христіане считаютъ болѣе удобнымъ носить въ церковь свои стулья и скамьи. По нашимъ православнымъ понятіямъ, это совершенно неприлично. Конечно, въ этомъ случаѣ имѣетъ нѣкоторое значеніе привычка къ извѣстному обычаю; и сидя можетъ иной больше думать о Богѣ, чѣмъ другой стоя. Но ни для кого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что стоять при богослуженіи гораздо приличнѣе, чѣмъ сидѣть. Мы и предъ людьми встаемъ, когда хотимъ выразить имъ свое уваженіе; ужели же для Бога намъ это тяжело дѣлать? Въ древней церкви христіане присутствовали при богослуженіи стоя. Входилъ по мѣстамъ и, кажется, именно въ западныхъ церквахъ обычай сидѣть въ храмѣ, но встрѣчаемъ былъ строгимъ осужденіемъ. Такъ еще въ началѣ 3-го вѣка строго порицалъ

* Окончаніе. См. июльскую книжку Душен. Чт. 1868 г.

(а) Вставать полагается въ самые важные моменты богослуженія — во время чтенія Евангелія, возношенія св. даровъ, при благословеніи священническомъ. Еще болѣе соблазнительное неприличіе — солдаты при богослуженіи присутствуютъ въ киверахъ.

этотъ обычай западный церковный писатель—Тертуліанъ^(б). Дозволялось вѣрующимъ нѣкоторыя части богослуженія слушать сидя, напримѣръ, на всенощномъ бдѣніи такъ-называемыя каѳизмы и сѣдальны. Но это позволеніе понятно и извинительно было тогда, когда богослуженіе было слишкомъ продолжительно, когда, напримѣръ, всенощное бдѣніе на самомъ дѣлѣ продолжалось иногда всю ночь, такъ что пѣніемъ «Свѣте тихій» сопровождался солнечный закатъ одного дня, а пѣніемъ «Слава въ вышнихъ Богу» встрѣчаемъ былъ разсвѣтъ другаго слѣдующаго дня. Но въ наше время, когда и безъ того сдѣлано уже столько снисхожденія человѣческой слабости, когда и въ нашихъ православныхъ приходскихъ храмахъ богослуженіе совершается въ какіе нибудь полтора часа, а въ латинскихъ храмахъ и еще гораздо скорѣе^(в), ужели тяжело здоровому человѣку простоять въ храмѣ какой нибудь часъ, особенно если онъ, не болѣе одного или двухъ разъ въ недѣлю бываетъ въ храмѣ?.. Нужно же знать какую нибудь мѣру въ снисхожденіи человѣческой изнѣженности и прихотливости, тѣмъ болѣе, что изнѣженность и прихотливость ни на чемъ не остановятся, если дать имъ полную свободу, а все будутъ требовать себѣ большихъ и большихъ послабленій. И въ нашихъ православныхъ храмахъ позволяется сидѣть людямъ больнымъ, немощнымъ и ослабѣвающимъ. И тѣмъ, которые позволяютъ себѣ сидѣть при богослуженіи не по слабости, а просто по прихоти, по небрежности, или изъ подражанія чужому неприличному обычаю (большею частію это и позволяютъ себѣ люди, проводящіе жизнь въ вѣравахъ и обычаяхъ запада, и особенно долго жившіе на самомъ за-

(б) Тертуліана «о молитвѣ Господней» глава 12; по русскому переводу (С.-П.-Б. 1847 г.), ч. 2-я, стр. 40. 41.

(в) Самая главная литургія (*missa cantata*) продолжается въ латинскихъ храмахъ около часа; а тайная (*lecta*) не болѣе $\frac{1}{4}$ часа.

падѣ), и тѣмъ не предлагаютъ удалаться изъ церкви. Но православная церковь по крайней мѣрѣ не даетъ одобренія или утвержденія такому обычаю, который для большинства нашихъ простыхъ православныхъ христіанъ справедливо показался бы обычаемъ неприличнымъ и соблазнительнымъ.

Крестятся христіане въ латинскихъ храмахъ менѣе, чѣмъ въ нашихъ православныхъ. вмѣсто того тамъ больше въ употребленіи другіе молитвенные знаки, мало употребляющіеся у нашихъ православныхъ — удареніе въ перси, возведеніе очей и воздѣяніе рукъ къ небу... Все это весьма приличныя выраженія молитвеннаго чувства, имѣющія знаменательный смыслъ. Но ни одинъ изъ внѣшнихъ молитвенныхъ символовъ не можетъ быть такъ знаменателенъ, какъ крестное знаменіе. Крестъ — символъ нашего спасенія. Крестомъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ открылъ намъ доступъ къ Богу Отцу — въ царство небесное. Поэтому, когда мы, вознося молитву къ Богу, ограждаемъ себя крестнымъ знаменіемъ, мы этимъ какъ бы свидѣтельствуемъ свою глубокую увѣренность въ томъ, что наша молитва дойдетъ до Бога. Съ этимъ знакомъ искупленія мы безбоязненно можемъ приступать къ Богу, какъ дѣти къ отцу, съ любовію и надеждою; ибо приступаемъ къ Нему во имя едиnorodнаго Сына Божія, крестомъ примирившаго насъ съ Богомъ. Поэтому крестное знаменіе всегда находилось въ великомъ уваженіи въ церкви христіанской. Оно несомнѣнно ведетъ свое начало отъ временъ апостольскихъ ⁽¹⁾, и имѣло въ древней церкви самое обширное употребленіе. «Мы не должны стыдиться исповѣдывать Распятаго, говорилъ св. Кирилль Іерусалимскій, приготовляющимся къ крещенію вѣрующимъ, съ дерзновеніемъ будемъ изображать рукою знаменіе креста — на

(г) Василія Велик. правило 97—въ книгѣ Правиль.

челѣ и на всемъ: на хлѣбѣ, который вкушаемъ, на чашахъ, изъ которыхъ пьемъ; будемъ изображать его при входахъ, при выходахъ; когда ложимся спать и встаемъ; когда находимся въ пути и отдыхаемъ. Это благодать Божія — знаменіе для вѣрныхъ, и страхъ для злыхъ духовъ^(д). Поэтому и западнымъ христіанамъ нечего было бы смущаться частымъ употребленіемъ крестнаго знаменія. Римскіе католики употребляютъ его меньше, чѣмъ наши православные, а протестанты какъ бы совсѣмъ стыдятся употреблять. Жалко, — у иныхъ нашихъ православныхъ, при частомъ употребленіи крестнаго знаменія, дѣло это совершается съ большою небрежностью. Одни, возлагая на себя крестное знаменіе, совершенно не вникаютъ въ его значеніе, и стараются только креститься какъ можно чаще, такъ что крестное знаменіе обращается у нихъ въ какой-то механической знакъ, который будто бы самъ по себѣ, а не по идеѣ связанной съ нимъ имѣетъ спасительное значеніе. А другіе совершенно искажаютъ внѣшній видъ крестнаго знаменія, такъ что ихъ знаменанье не походитъ вовсе на крестъ. Это очень не хорошо; но это нисколько не ослабляетъ значенія правильно и сознательно совершаемаго крестнаго знаменанія.

Самое изображеніе крестнаго знаменія у латинявъ совершается нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ. Крестъ полагается пятью перстами (простертою дланью), а не тремя, и сперва на лѣвое плечо, а потомъ на правое. Не будемъ строго осуждать этихъ особенностей, дабы не уподобиться тѣмъ людямъ, которыхъ мы сами нерѣдко упрекаемъ въ томъ, что они изъ-за сложенія перстовъ, въ крестномъ знаменіи разрываютъ любовь христіанскую и союзъ церковный. Дѣло это не касается, конечно, сущности вѣры; но все-таки по спра-

(д) Изъ оглас. поучен. 13 — Св. Кирилла Іерусалимскаго, въ православномъ Катихизисѣ.

ведливости нельзя не сказать, что наше восточное перстосложеніе и знаменаніе знаменательнѣе западнаго. Слагая три перста для крестнаго знаменія, мы свидѣтельствуемъ тѣмъ свою вѣру въ самый основной и отличительный догматъ христіанства — въ Трѣипостаснаго Бога, какъ и произносимъ самыя слова, возлагая на себя крестное знаменіе: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (эти слова и у римскихъ католиковъ произносятся при крестномъ знаменіи). Для своего пятиперстія римскіе католики не могутъ найдти такого глубокаго основанія. Они говорятъ, что ихъ пятиперстіе выражаетъ мысль о пяти язвахъ Христовыхъ. Но эта мысль, очевидно, менѣе знаменательна, чѣмъ мысль нашего перстосложенія... Что касается до нашего обычая — возлагать крестное знаменіе сперва на правое плечо, а потомъ на лѣвое, то и онъ имѣетъ очевидное преимущество передъ западнымъ. Правая рука и въ жизни и дѣятельности человѣческой имѣетъ преимущество предъ лѣвою; и въ священномъ писаніи вездѣ съ особеннымъ преимуществомъ упоминается десница или правая рука. Поэтому и самое изображеніе креста мы полагаемъ на себѣ правою рукою и прежде на правое плечо.

Не можемъ не сказать еще объ одной особенноти, замѣчаемой у молящихся въ латинскихъ храмахъ, которой безъ всякаго основанія и нужды стараются подражать и нѣкоторые изъ нашихъ православныхъ, воспріимчивыхъ къ западнымъ обычаямъ. Мы уже касались выше того, о чемъ хотимъ говорить теперь. Именно мы хотимъ говорить о томъ, что въ римско-католическихъ храмахъ почти каждый грамотный молящійся имѣетъ въ рукахъ свою особенную книжку, по которой читаетъ молитвы во время богослуженія. У латинцевъ это объясняется и отчасти оправдывается тѣмъ, что тамъ богослуженіе совершается на непонятномъ языкѣ,

и есть цѣлыя промежутки въ богослуженіи, въ которые ничего не читается, не поется, а только играетъ органъ. Въ такомъ случаѣ присутствующимъ во храмѣ, дабы не разсѣиваться мыслями о дѣлахъ житейскихъ, можетъ быть и лучше читать про себя какія-нибудь молитвы, чѣмъ прислушиваться къ непонятнымъ звукамъ латинскаго языка или къ игрѣ на органѣ. Но и въ такомъ случаѣ, какъ мы уже замѣчали, теряется идея и цѣль общественнаго богослуженія. Мы затѣмъ и собираемся въ церковь, чтобы молиться вмѣстѣ—единными устами и единымъ сердцемъ, а не врозь по своимъ особеннымъ книжкамъ. Еслижъ и у римскихъ католиковъ этотъ обычай, вызываемый тамъ какъ бы необходимостью и самымъ характеромъ латинскаго богослуженія, не находитъ себѣ полного оправданія, то какой смыслъ можетъ имѣть этотъ обычай при нашемъ православномъ богослуженіи, которое совершается на вразумительномъ языкѣ, въ которомъ ни одной минуты не проходитъ въ молчаніи, чтобы въ слухъ присутствующихъ не возглашалась какая-либо общеназидательная молитва или пѣснь церковная! Мы не считаемъ себя въ правѣ произносить приговоръ надъ тѣмъ, что не осуждается рѣшительно самую св. церковію, но не можемъ не высказать своего частнаго мнѣнія объ этихъ изящныхъ и богато-убранныхъ книжкахъ, которыя читаютъ въ церкви иные православныя, и которыя нерѣдко смущаютъ непосредственное здоровое чувство простыхъ христіанъ. Какія молитвы написаны въ этихъ книжкахъ, тѣ ли, которыя возглашаются въ слухъ всѣхъ при самомъ богослуженіи, или какія особенныя? Если тѣ же самыя, зачѣмъ ихъ читать по особенной книжкѣ, а не слушать, какъ слушаютъ всѣ? Если же иныя, то это еще болѣе достойно сожалѣнія. Зачѣмъ добровольно отдѣляться отъ общенія въ молитвахъ всѣхъ христіанъ — въ молитвахъ церкви? Или и здѣсь привилегирован-

нымъ личностямъ, на другихъ путяхъ жизни отдѣляющимся отъ своихъ меньшихъ братьевъ, не хочется смѣшиваться съ толпою? Или и здѣсь для иныхъ случаевъ къ обнаруженію мелочнаго тщеславія?.. Помилуй, Господи!. Жалуются на невнятность чтенія въ иныхъ нашихъ храмахъ? Достойное жалости дѣло; но это въ значительной степени отъ насъ же самихъ зависитъ, что у насъ во многихъ церквахъ чтеніе не внятно. Въ чемъ мы не особенно нуждаемся, чего мы не цѣнимъ, то и не дается намъ. Притомъ же, дабы помочь этому недостатку, нѣтъ нужды носить свои молитвенники въ церковь, а лучше дома прочитывать со смысломъ тѣ молитвы и пѣнопѣнія, которыя особенно часто употребляются при церковномъ богослуженіи. Тогда въ церкви невнятное чтеніе и пѣніе будетъ намъ внятно, потому что знакомо. И та предварительная подготовка къ церковному богослуженію не можеть составить большаго труда для грамотныхъ людей, особенно если навыкъ къ ней получается въ юныхъ лѣтахъ.

Намъ слѣдуетъ наконецъ сказать о разностяхъ латинскаго богослуженія съ православнымъ восточнымъ въ самомъ составѣ и порядкѣ церковныхъ службъ въ богослужебномъ уставѣ римско-католической церкви. Объ этомъ предметѣ нужно или говорить очень много, или напротивъ ограничиться краткими и общими замѣчаніями. Если бы мы стали обозрѣвать всѣ особенныя латинскія молитвословія, пѣнопѣнія, празднества и обряды и сравнивать ихъ съ нашими православными, съ цѣлію вездѣ показывать преимущество нашей православной церкви предъ римско-католическою, то это вовлекло бы насъ въ слишкомъ подробныя и продолжительныя соображенія. Но намъ нѣтъ надобности дѣлать это; наша задача—представить въ общихъ чертахъ самыя главныя и наиболѣе выдающіяся особенности римско-католическаго богослуженія, которыя могутъ остановить на себѣ вниманіе всякаго православнаго

христіанна сколько нибудь образованнаго, а не однихъ спеціалистовъ богослововъ и археологовъ. Притомъ же съ нашей стороны это было бы слишкомъ строгою и излишнею крайностью, если бы мы ко всякому особенному молитвословію, пѣснопѣнію или обряду латинской церкви стали относиться съ критикою и сравненіями, желая во всемъ показывать и безъ того очевидное для безпристрастнаго взгляда преимущество нашего православія предъ латинствомъ. Разности въ молитвословіяхъ, пѣснопѣніяхъ и обрядахъ не могли бы служить намъ препятствіемъ къ духовному общенію съ западными христіанами, если бы насъ не раздѣляли съ ними болѣе важныя разногласія относительно догматовъ вѣры, святыхъ таинствъ, и основныхъ началъ устройства церковнаго. Разности въ богослужебномъ уставѣ возможны и между православными церквами, единомысленными членами вселенской Церкви; онѣ существовали и въ древней христіанской Церкви; онѣ конечно не въ особенно значительной степени могутъ встрѣтиться и теперь въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ нашего православнаго востока. Сравнивая богослужебный уставъ латинской церкви съ нашимъ восточнымъ, мы должны держаться того разумнаго и нестрогаго начала, чтобы не унижая чужаго, тѣмъ болѣе конечно не унижать предъ чужимъ своего, какъ способны дѣлать къ сожалѣнію иныя наши православныя, склонныя предпочитать все западное, интересное для нихъ по новости своей, своему родному какъ будто слишкомъ уже извѣстному, въ сущности же иногда весьма мало понимаемому. Намъ хорошъ свой богослужебный уставъ церковный, а западнымъ христіанамъ свой. Вкусамъ и навыкамъ западныхъ христіанъ можетъ быть не удовлетворило бы что-нибудь въ нашемъ православномъ богослуженіи, а сынамъ православной церкви прискорбно показалось бы не встрѣтить въ латинскомъ богослуженіи многоаго такого, чѣмъ

они привыкли питать свое религіозное чувство въ православныхъ храмахъ.

Послѣднее по крайней мѣрѣ несомнѣнно. Людямъ понимающимъ и любящимъ православное богослуженіе грустно было бы не слышать въ храмѣ (римско-католическомъ) ни нашихъ выразительныхъ ектеній, въ которыхъ по преимуществу внятными и понятными для всѣхъ словами священнослужитель церковный отъ лица всѣхъ христіанъ возглашаетъ къ Богу прошенія о главныхъ потребностяхъ и нуждахъ человѣческой жизни, или о такихъ лицахъ, за которыя особенно всякій христіанинъ считаетъ своимъ долгомъ молиться. Точно также намъ грустно было бы не слышать въ церкви многихъ особенно уважаемыхъ и любимыхъ всѣми православными христіанами пѣснопѣній. Грустно, говорятъ, бываетъ благочестивымъ православнымъ за границей, въ самой Италиі — въ самомъ Римѣ-столицѣ латинскаго христіанства, изобилующей всякими религіозными торжествами и церемоніями, проводить время великаго поста и свѣтлой недѣли и не слышать здѣсь ни нашей великопостной, столь часто и столь умѣстно повторяемой молитвы св. Ефрема: «Господи и Владыко живота моего», ни преждеосвященной литургіи съ ея умиленными по смыслу и напѣву пѣснопѣвіями. Въ нашей церкви сохраняется преждеосвященная литургія съ именемъ св. Григорія Двоеслова папы римскаго, и совершается болѣе пятнадцати разъ въ продолженіи великаго поста, а въ римской церкви, по справедливости почитающей св. Григорія Двоеслова величайшимъ изъ своихъ учителей, она почти совершенно забыта, совершается только однажды въ году, въ великій пятокъ, да и то съ существенными измѣненіями ^(e). Наконецъ, можетъ ли что

(e) Опрѣснокъ для преждеосвященной литургіи въ латинской церкви не напается св. кровію, и такимъ образомъ на преждеосвященной литургіи у нихъ и сами священнодѣйствующіе при-

сравниться въ римскомъ богослуженіи съ глубоко умильтельными и вмѣстѣ восхитительными для религіознаго чувства службами нашей страстной седмицы? Тамъ не услышитъ православный христіанинъ утрени на великій пятокъ, съ чтеніемъ 12-ти страстныхъ евангелій, не увидитъ выноса и лобызанія плащаницы, не услышитъ умильтельной надгробной утрени, и полной свѣтлыми ожиданіями Воскресенія Христова литургіи Великой Субботы, ни наконецъ нашей невыразимо торжественной пасхальной службы, нашей свѣтлой полуночной пасхальной заутрени, остающейся въ памяти и сердцѣ у всякаго, кто видѣлъ ее хотя однажды въ жизни, поистиннѣ какъ бы невольно привлекающей даже грубое и холодное чувство къ участію въ свѣтломъ христіанскомъ торжествѣ, живо дающей чувствовать христіанамъ въ день Воскресенія Христова великій союзъ церкви Божіей, обнимающій собою міръ живой и загробный, человѣческій и ангельскій, людей различныхъ вѣковъ, племень и состояній общественныхъ, соединяемыхъ другъ съ другомъ живою радостію вѣры въ воскресшаго Спасителя. Въ римской церкви богослуженіе страстной недѣли имѣетъ много внѣшнихъ эффектовъ, но не имѣетъ той глубины и умильтельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того строго церковнаго характера въ самомъ смыслѣ священныхъ службъ, какъ наше православное богослуженіе. Тамъ и ставни въ церкви закрываютъ въ изображеніе тьмы, объявшаей землю при распятіи Христовомъ, и стукъ и шумъ нарочно производятъ въ ознаменованіе землетрясенія и бѣгства сперы іудейской отъ гроба Христова, и пещеру устрояютъ въ храмѣ по подобію гроба Христова, но все это болѣе дѣйствуетъ на внѣшнія чувства, нежели на душу. Тамъ папа, являясь

чащаются подъ однимъ видомъ, а міряне совсѣмъ не причащаются,

предъ народомъ во всей торжественности своею мірскаго величія, на тронѣ подъ балдахиномъ носимый, окруженный высшими духовными и свѣтскими сановниками и своею швейцарскою стражей, даетъ благословеніе городу Риму и всему міру (*urbī et orbī*) въ Вербное воскресеніе и въ свѣтлый праздникъ. Тамъ великій кардиналъ пенитенціарій, являясь предъ народомъ съ жезломъ папскимъ, возвѣщаетъ ему въ силу ключей папскихъ торжественное отпущеніе грѣховъ (полную индульгенцію) — въ великій четвертокъ. Но въ подобныхъ церемоніяхъ высказывается болѣе суетность средневѣковыхъ притязаній латинства, нежели духъ истиннаго христіанства. Тамъ въ великую пятницу, вмѣсто лобызанія плащаницы, совершается поклоненіе кресту съ особенными и на нашъ православный взглядъ не совсѣмъ приличными обрядами. Сначала крестъ поставляется на престолѣ, покрытый завѣсою, и священнослужитель, самъ ставши на престолъ и обратившись къ народу, открываетъ постепенно сначала верхнюю часть его, потомъ правую сторону, и наконецъ весь крестъ съ возгласомъ: «вотъ древо креста, на которомъ совершено спасеніе міра»; на что хоръ отъ лица присутствующихъ въ храмъ отвѣчаетъ: «приидите поклонимся». За тѣмъ крестъ полагается на подушкѣ на полу, только устланномъ ковромъ, для лобызанія лицамъ духовнымъ, которые должны подходить къ нему, снявши обувь, и мірянамъ только мужскаго пола; для женщинъ же уготовляется другой крестъ, на особенномъ мѣстѣ. Во всемъ этомъ наше православное чувство нашло бы не мало неприличнаго. Наконецъ въ римской церкви на страстной недѣлѣ совершается еще одинъ весьма заслуживающій замѣчанія обрядъ. Въ великій четвертокъ при переоблаченіи престола св. жертва (*hostia*), т. е. приготовленный и освященный на пятницу къ преждеосвященной литургіи опрѣсокъ, на блюдѣ подъ балдахиномъ переносится

изъ олтаря на особенное великолѣпно украшенное и освѣщенное мѣсто, называемое горящею капеллою (*ardens capella*), и тамъ оставляется на поклоненіе народу до великой пятницы. Это дѣлается, говорятъ, въ память установленія св. таинства евхаристіи, и перенесенія св. тѣла Иисусъ-Христовъ со креста во гробъ. Народъ по этому случаю въ продолженіи дня переходитъ изъ одной церкви въ другія — дѣлаетъ такъ называемыя *Wisita sancti sacramenti*. Можетъ быть это даетъ пищу религиозному чувству западныхъ христіанъ; но наша православная Церковь внушаетъ своимъ членамъ такое глубокое благоговѣніе къ Святымъ Дарамъ, при которомъ неприлична показалась бы самая мысль о какомъ-либо выставленіи ихъ напоказъ народу. Въ нашей Церкви на литургіи Святыя Дары даже и неосвященные переносятся священнослужителями съ жертвенника на престолъ (среди Херувимской пѣсни) съ особеннымъ благоговѣніемъ — и подъ покрывами. А на преждеосвященной литургіи пресуществленный и напоенный кровію св. Агнецъ переносится на престолъ самимъ священникомъ на главѣ (а не діаконѣ, какъ на обыкновенной литургіи), и всѣ присутствующіе въ храмѣ падаютъ ницъ, считая себя недостойными взирать на Св. Дары, хотя они и бывають закрыты на дискосѣ покрывомъ.

Что касается до пасхальнаго богослуженія римской церкви, то въ прежнее время оно совершаемо было со многими эффектными церемоніями. Здѣсь было полное драматическое, слишкомъ наглядное, и слишкомъ матеріально-грубое изображеніе всѣхъ обстоятельствъ Воскресенія Христова — шестіе мученицъ въ глубокую полночь къ пещерѣ, въ которой лежало тѣло Иисуса (т.-е. изображающая его статуя), и наглядное изображеніе мгновеннаго востанія Христова изъ гроба, и изумленіе мученицъ при видѣ упраздненнаго гро-

ба, и обратное шествіе ихъ къ апостоламъ съ извѣстіемъ о воскресеніи, и бесѣда воскресшаго Господа съ Магдалиной и т. д. Но въ послѣдствіи, вѣроятно, сама латинская іерархія замѣтила, что подобное слишкомъ матеріальное выраженіе религиозныхъ идей подаетъ поводъ только къ профанаци ихъ въ глазахъ народа (во время торжественныхъ полуночныхъ пасхальныхъ церемоній стали происходить соблазнительные беспорядки). Поэтому большая часть эффектныхъ церемоній была уничтожена и даже совсѣмъ отмѣнено ночное богослуженіе въ св. Пасху, и перенесено въ навечеріе праздника на Великую субботу, самую же литургію положено совершать въ обыкновенное время. Вслѣдствіе сего пасхальное богослуженіе римской церкви въ нынѣшне время не отличается никакою торжественностью отъ обыкновенной службы, кромѣ многократнаго пѣнія *аллилуія*, и только за вечерними службами во всю Свѣтлую недѣлю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершаются процессіи изъ храма въ крещальню, въ память шествія мѣроносиць ко гробу Христову, или въ память крещенія оглашенныхъ въ древней церкви въ св. Пасху. Еще въ Римѣ чрезъ каждые семь лѣтъ, въ субботу Свѣтлой седмицы (въ день отдаванія Пасхи — по римскому уставу), папа послѣ освященія даровъ благословляетъ такъ называемые *Агнцы Божіи* (*Agnus Dei*), приготовляемые изъ чистаго бѣлаго воска, напитаннаго св. мѣромъ и бальзамомъ. Эти агнцы папа раздаетъ послѣ кардиналамъ, епископамъ и другимъ знатымъ лицамъ, — и имъ приписывается чудесная, таинственная сила противъ всякихъ козней діавольскихъ, противъ всякихъ бѣдствій — повѣтрій, заразительныхъ болѣзней, бурь, наводненій, пожаровъ, внезапной смерти и т. п. Обычай полагать на престолѣ подлѣ св. тайнъ восковые Агнцы существовалъ давно въ западныхъ церквахъ, и уже на Трулльскомъ соборѣ про-

тивъ него сдѣлано было предостереженіе со стороны восточной церкви.

Кромѣ праздниковъ, общихъ съ православною церковію, латинская церковь имѣетъ не мало своихъ новыхъ праздниковъ, введенныхъ уже послѣ раздѣленія церквей, и отличающихся особенною торжественностью богослуженія и особенными обрядами. Въ этомъ собственно нѣтъ ничего предосудительнаго. И православная восточная церковь не отрицаетъ у себя права вводить новые праздники съ новыми обрядами и послѣ отдѣленія западной церкви. Но латинская церковь своимъ новоустановленнымъ праздникамъ придаетъ какъ будто слишкомъ много значенія сравнительно съ древними, всю церковь признаваемыми и уважаемыми праздниками; первые она отличаетъ и уважаетъ больше, чѣмъ послѣдніе, чего православная восточная церковь не дѣлаетъ. Притомъ на многихъ изъ этихъ нововведенныхъ праздниковъ римской церкви съ ихъ искусственными названіями, съ ихъ торжественными, но иногда суетно-торжественными обрядами и церемоніями, въ значительной степени отражается духъ средневѣковаго латинства, какъ будто старавшагося при установленіи ихъ не столько о правильномъ направленіи и удовлетвореніи религіознаго чувства народа, сколько о томъ, чтобы подѣйствовать на воображеніе простыхъ людей, иногда въ личныхъ интересахъ папы, какого-либо изъ орденовъ монашескихъ, или какой либо богословской или іерархической партіи въ римской церкви. Таковы праздники — св. тѣла Христова, св. сердца Іисусова, св. имени Іисусова, пяти язвъ Спасителя, терновому вѣнцу, копію и гвоздямъ Іисуса Христа, — семи скорбей Пресвятой Богородицы, сердца св. Дѣвы Маріи, законнаго очищенія св. Дѣвы Маріи, — чудеснаго перенесенія дома Пресвятой Дѣвы изъ Палестины въ Лоретто и др. Особенною торжественностью между этими празд-

никами отличается праздникъ тѣла Христова, установленный въ XIII вѣкѣ по случаю волновавшихъ тогда западную церковь споровъ о дѣйствительности пресуществленія хлѣба и вина въ евхаристіи въ истинное тѣло и кровь Христову. Праздникъ этотъ начинается въ первый четвертокъ послѣ отданія праздника пятидесятницы, и въ торжественныхъ церемоніяхъ и процессіяхъ продолжается восемь дней — не менѣе самаго великаго праздника Пасхи (ибо отданіе Пасхи на западѣ бываетъ неподъ Вознесеніе, какъ у насъ, а въ субботу Свѣтлой седмицы). Въ первый день совершается торжественная процессія съ св. Дарами, хоругвями, иконами и священными статуями; въ ней участвуетъ духовенство бѣлое и монашествующее (впрочемъ безъ облеченій, а въ обыкновенныхъ своихъ одеждахъ), знатнѣйшіе свѣтскіе чины, и въ столицахъ сами коронованныя лица. Процессію сопровождаетъ цѣлый военный парадъ — солдаты пѣшіе и конные въ киверахъ и съ ружьями. Кругомъ гремятъ трубы и барабаны и играетъ музыка; народъ разсыпаетъ цвѣты по дорогѣ ^(*); процессія не однократно останавливается, св. Дары здѣсь же на улицѣ поставляются на заранѣе приготовленныхъ такъ называемыхъ временныхъ престоловъ; хоръ поетъ соотвѣтствующіе гимны; предстоятель читаетъ молитву и крестообразно оѣняетъ народъ св. Дарами; сопровождающіе процессію припадаютъ на колѣно; солдаты, не снимая шапокъ, дѣлаютъ ружьями на караулъ, или прикладываютъ два пальца къ киверу. Затѣмъ св. Дары выставляются на престолѣ въ особенной дарохранительницѣ (*ostensorium*), и каждый вечеръ ими благословляется народъ. Въ вось-

ж) Такъ обыкновенно совершаются въ римской церкви и другія церковныя процессіи и крестные ходы, только въ другихъ случаяхъ во главѣ процессіи носятъ не св. Дары, а какая либо священная статуя богато-украшенная, и нерѣдко одѣтая въ изысканное платье новѣйшаго фасона.

мой день повторяется процессія перваго дня. Во всемъ этомъ не мало торжественности, но сей часъ же видно — не мало и суетности, не мало и неприличія. Еще съ большею торжественностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ большею суетностію совершаются въ Римѣ особенныя чрезвычайныя торжества, какъ напримѣръ, торжество канонизаціи святыхъ, торжество папскаго посвященія и возведенія на тронъ, юбилейныя торжества, совершаемыя въ римской церкви чрезъ каждыя 25 лѣтъ, а иногда и чаще — по усмотрѣнію папы. Во всѣхъ этихъ торжествахъ съ особенною выразительностію выказывается римско-католическая идея о величіи папы; здѣсь во всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ главное значеніе имѣеть уже не какая либо церковная святыня, а личность самого папы, носимаго на великолѣпномъ тронѣ подъ балдахиномъ, окруженнаго великолѣпно одѣтыми духовными и свѣтскими сановниками и швейцарскою стражей, сопровождаемаго пѣніемъ торжественнаго гимна: «Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою», а вмѣстѣ съ тѣмъ звукомъ трубъ и барабановъ, пальбою пушекъ и т. п.

Самый уставъ латинской церкви, какъ мы уже сказали, заключаетъ въ себѣ не мало разностей съ чиномъ нашего православнаго богослуженія. Но еще болѣе уклоняется латинское богослуженіе отъ нашего самымъ выполненіемъ своего устава на дѣлѣ. Римско-католическое богослуженіе, какъ оно совершается въ настоящее время, заключаетъ въ себѣ много отступленій отъ богослужебнаго устава самой же римско-католической церкви ^(в). Въ этомъ также нѣтъ особенно

(в) Церковный уставъ не одинъ и тотъ же во всѣхъ римско-католическихъ церквахъ. Не смотря на все стремленіе средневѣковаго латинства къ единообразію церковному, церкви Медіоланская и Галликанская, первоначально получившія свое устройство отъ восточныхъ миссіонеровъ, — и церковь Испанская, дол-

предосудительнаго. Уставъ богослужебный, какъ дѣло самой церкви, можетъ быть преобразуемъ церковію самъ въ себѣ, или въ практическомъ примѣненіи по соображенію съ уважительными обстоятельствами мѣста, времени и т. д. И въ православныхъ восточныхъ церквахъ безъ предосужденія допускаются измѣненія (сокращенія) въ древнемъ богослужебномъ уставѣ, конечно не по произволу частныхъ личностей, а по уважительнымъ причинамъ, принимаемымъ во вниманіе цѣлыми помѣстными церквами извѣстной страны, извѣстнаго времени. Но подобныя измѣненія могутъ превратиться въ настоящія отступленія отъ древнихъ церковныхъ уставовъ и отъ самаго духа Вселенской церкви, если принимаютъ слишкомъ большіе размѣры, или извращаютъ самый смыслъ и цѣль богослуженія. Въ этомъ отношеніи нельзя не обратить вниманія по крайней мѣрѣ на самыя главныя особенности латинскаго Богослуженія, отличающія его отъ нашего православнаго.

Въ латинскомъ церковномъ уставѣ, кромѣ литургіи, есть всѣ тѣже церковныя суточные службы, какія и въ нашемъ Восточномъ: вечерня, повечеріе, утренняя (при ней же и полунощница), 1-й, 3-й, 6-й и 9-й часы. Но совершаются эти службы только въ главныхъ кафедральныхъ и монастырскихъ церк-

гое время не зависѣвшая отъ Римской церкви, до сихъ поръ удерживаютъ не мало своеобразнаго въ церковныхъ чиноположеніяхъ, хотя и многое должны были принять въ разныя времена отъ Римской церкви. Такимъ образомъ въ западной церкви до сихъ поръ существуютъ четыре главныхъ богослужебныхъ устава. (Римскій, Медиоланскій, Галликанскій и Мозарабскій (Испанскій). И замѣчательно, что три послѣдніе имѣютъ въ себѣ больше сходства съ восточнымъ богослужебнымъ уставомъ, чѣмъ уставъ Римской церкви. Кромѣ того различныя монашескіе ордена латинской церкви имѣютъ свои особенныя чиноположенія церковныхъ службъ.

вахъ, да и то въ хорѣ. Въ прочихъ же предоставляется священнику вычитывать ихъ частнымъ образомъ, дома; народъ такимъ образомъ лишается участія въ этихъ богослуженіяхъ. Намѣренно ли этотъ обычай заведенъ Римскою іерархіею въ какихъ-либо видахъ, или онъ постепенно образовался самъ собою — вслѣдствіе охлажденія западныхъ христіанъ къ посѣщенію богослуженія, во всякомъ случаѣ онъ говоритъ не въ пользу западнаго христіанства. Въ нашей Православной церкви всѣ положенныя по уставу суточные службы совершаются въ храмахъ открыто для всѣхъ христіанъ (по времени соединяясь большею частью въ три службы — вечерню, утреню и литургію); въ мѣстностяхъ значительно населенныхъ—въ городахъ онѣ совершаются каждый день, — и по милости Божіей, православные храмы едва ли когда-нибудь даже и въ простой день остаются безъ молящихся.

Напротивъ въ совершеніи литургіи у римско-католиковъ допускается, если можно такъ выразиться, предосудительное и противозаконное излишество. Тамъ позволяется въ одномъ храмѣ въ одно и тоже время служить нѣсколько литургій—на разныхъ престолахъ—одну громко (*missa cantata*), а другія тайно (*missa lecta*); тайная литургія прочитывается священникомъ про себя въ какую-нибудь четверть часа, а иногда и меньше. Позволяется на одномъ и томъ же престолѣ, въ одинъ день служить литургію нѣсколько разъ. Позволяется наконецъ одному священнику служить въ одинъ день двѣ или три обѣдни (въ праздникъ Рождества Христова каждый священникъ можетъ служить три обѣдни); а въ средніе вѣка дозволялось даже и больше. Этихъ нововведеній Римской церкви ничѣмъ оправдать нельзя. Не теряется ли смыслъ богослуженія общественнаго, не теряется ли самая мысль о единствѣ безкровной жертвы Христовой, — при многихъ литургіяхъ совершаемыхъ заразъ въ одной и той же

церкви, или преемственно на одномъ и томъ же престолѣ? Какой смыслъ и какую цѣль могло имѣть установленіе или допущеніе тайной литургіи? И можно ли отъ священника ожидать надлежащей сосредоточенности духа, вниманія къ святому дѣлу, и даже точнаго формальнаго исполненія положенныхъ на литургіи молитвъ и дѣйствій, когда онъ всю литургію совершаетъ про себя въ нѣсколько минутъ? Наконецъ не упадаетъ ли въ священникѣ благоговѣніе къ самымъ священнымъ тайнамъ тѣла и крови Христовой, когда онъ совершаетъ ихъ и причащается нѣсколько разъ въ день. Всѣ эти обычаи образовались и особенно распространились въ латинской церкви въ темные средніе вѣка, — и составляютъ позднѣйшее порожденіе латинства. Протестантство происхождение этихъ обычаевъ объясняетъ не инымъ чѣмъ, какъ корыстолюбіемъ средне-вѣковаго латинскаго духовенства. Латинскіе монахи и священники, по объясненію протестантовъ XVI вѣка и позднѣйшихъ, изъ видовъ корысти всячески старались внушать невѣжественнымъ мірянамъ, что слушаніе одной общей для всѣхъ литургіи не приноситъ большой пользы душѣ, а нужно зажиточнымъ христіанамъ заказывать для себя священнику особенныя обѣдни, и за это конечно платить деньги. При множествѣ заказныхъ обѣденъ число существующихъ храмовъ, престоловъ и священниковъ оказалось недостаточнымъ. Поэтому нашли нужнымъ въ храмахъ устраивать по десяти и даже по двадцати престоловъ (лишь бы можно было въ какую бы то ни было сторону придѣлать престолъ къ стѣнѣ), а священникамъ позволено было совершать литургію нѣсколько разъ въ день каждому отдѣльно, и нѣсколькимъ въ одно и то же время на разныхъ престолахъ. Отсюда же получила свое начало и такъ называемая тайная месса; нѣсколько литургій заразъ въ одномъ храмѣ нельзя было совершать гром-

ко,—да и притомъ тайную литургію можно отслужить гораздо скорѣе, и вообще какъ только угодно будетъ самому священнику. Вслѣдствіе этого въ народѣ образовался какой-то механической, крайне грубый взглядъ на богослуженіе. Каждому зажиточному мірянину хотѣлось только, чтобы для него была совершаема особенная литургія, а какъ она будетъ совершаема, будетъ ли для него какое-нибудь сердечное и разумное участіе въ присутствованіи при ней, до этого ему не было дѣла. Привыкши и въ богослуженіи открыто, совершаемомъ на мертвомъ языкѣ, не понимать ни одного слова, онъ не считалъ лишеніемъ для своего религіознаго чувства и вовсе не слышать словъ богослуженія въ литургіи тайной. А между самыми священниками, вслѣдствіе ѣтихъ злоупотребленій естественно стала распространяться небрежность въ совершеніи святѣйшаго богослуженія, и даже открытое грубое кощунство. Вотъ эти-то злоупотребленія и привели къ той крайней, и въ свою очередь возмутительно-кощунственной оппозиціи противъ латинской, въ особенности тайной мессы, которая въ послѣдствіи обнаружилась въ протестантствѣ. Лютеръ говоритъ о себѣ, что онъ впервые потерялъ уваженіе къ латинскому богослуженію, когда будучи въ эрфуртскомъ Августинскомъ монастырѣ, долженъ былъ служить тамъ мессы по заказу окрестныхъ поселянъ, свозившихъ въ монастырь деньги, съѣстные припасы, боченки вина и т. д. А потомъ «во время путешествія въ Римъ, говорилъ онъ, мнѣ случалось видѣть такія мессы, совершаемыя итальянскими монахами, при воспоминаніи о которыхъ у меня до глубокой старости поднимаются дыбомъ волосы ...» Въ отзывахъ первыхъ вождей протестантства о латинской литургіи было много пристрастнаго, дерзкаго, возмутительно-кощунственнаго. Но эти крайніе отзывы вызваны были зло-

употребленіями, бывшими при латинскомъ богослуженіи. Эти дерзкіе отзывы не могли бы увлечь цѣлыя массы народа, воспитаннаго въ латинствѣ, къ фанатическому возстанію противъ латинскаго богослуженія, если бы въ Римской церкви предварительно внушено было этимъ массамъ уваженіе къ нему.

Священникъ А. Иванцовъ-Платоновъ.

С В Ъ Д Ъ Н І Я

О ЖИЗНИ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ПОКОЙНАГО АѦАНАСІЯ, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО.

Преосвященный АѦанасій, бывши еще ректоромъ тверской семинаріи ^(а), чрезвычайно полюбилъ бывшаго протоіерія тверской Владимірской церкви, магистра Алексѣя Петровича и его семейство. Любовь эта была чистая, нелицемѣрная, пламенная, — такая, къ какой способна была пылкая душа АѦанасія. Эта любовь влекла его въ домъ Алексѣя Петровича, гдѣ онъ находилъ всегда искреннее и нелицемѣрное радушіе и простосердечную готовность угостить дорогаго гостя, чѣмъ Богъ послалъ. АѦанасію это-то особенно и нравилось. «Помните ли, писалъ АѦанасій изъ Петербурга къ Алексѣю Петровичу, — помните ли, какъ я однажды у васъ по вечеру какъ-то пилъ не ѣвши, и закусывалъ не пивши, — пилъ волжскую холодную воду, и закусывалъ соленымъ огурцомъ; — помните ли, какъ вы, Ал. Петровичъ, тогда шутя говорили: «вотъ у насъ какое угощеніе для дорогихъ гостей! Да нѣтъ ли чего лучше?» Помните ли, какъ Татьяна Алѣксѣевна ^(б) отвѣчала вамъ и говорила простодушно: «да гдѣже мнѣ взять? Вѣдь не всегда у насъ такъ, какъ въ праздники; есть каша съ масломъ, не уго-

(а) Воспоминанія о жизни его въ Твери см. въ іюльской книжкѣ Душ. Чт. 1868 года.

(б) Супруга протоіеря Воинова.

дно ли?»—Какъ все это мнѣ пріятно теперь вспоминать? И мало ли есть словъ и выраженій, которыя мнѣ теперь такъ и чудятся, и которыя всегда желалъ бы слышать, не исключая ни единого. Попилъ бы теперь этой воды, поѣлъ бы этой каши съ масломъ; послушалъ бы вашей бесѣды неллицемѣрной». Когда перевели АѦанасія изъ ректоровъ тверской семинаріи въ С.-Петербургъ въ ректоры С.-Петербургской семинаріи,—тогда эта любовь къ протоіерею Воинову и его семейству усилилась еще болѣе, возбуждаемая разлукою. «Время разлуки,—писалъ АѦанасій, какъ дважды два должно доказать вамъ, что уже извѣстное вамъ мое расположеніе къ вамъ отъ времени не слабѣетъ и не умалется, но еще болѣе и болѣе крѣпнетъ и увеличивается безпрестанно. Я окаменѣлъ, я окостенѣлъ въ преданности и любви къ вамъ». Эта-то любовь завязала переписку между друзьями; и въ этой перепискѣ высказалась вся чистая, пламенная, порывистая и всегда благородная душа АѦанасія. У меня подъ руками цѣлый томъ писемъ его изъ Петербурга. Изъ этихъ писемъ я постараюсь выбрать то, что относится до святителя.

Вотъ какія чувства питалъ АѦанасій къ покойному своему родителю, тцецу Григорію: «4-е ноября есть день рожденія незабвеннѣйшаго и приснопамятнѣйшаго для меня изъ людей, день рожденія моего родителя для безсмертной жизни ^(в), бывшаго въ 1827 году, ровно то-есть за 10 лѣтъ предъ симъ ^(г). Да, никакъ нельзя мнѣ забыть 4-е ноября... «Послушайте! Не будете ли вы сегодня служить Божественную литургію и приносить безкровную жертву тѣла и крови Христовой за грѣхи всѣхъ людей, и живыхъ и мертвыхъ? Если будете, то прошу васъ вспомнить при семъ и моего покой-

(в) т. е. день кончины.

(г) Писано 4 ноябр. 1837.

наго родителя, раба Божія, тщеца *Григорія*, а также по христіанской любви, и меня, многогрѣшное чадо его, предъ вами ходатайствующее за него. За то всесвятая и живоначальная *Троица*, предстательствомъ честныхъ *Небесныхъ Силъ*, силою честнаго и животворящаго *Креста Господня*, молитвами празднуемыхъ сегодня святою церковію святыхъ преподобнаго отца нашего *Іоанникія Великаго*, и мучениковъ *Никандра* епископа мурскаго и *Ермея* пресвитера, а также и преподобнаго отца нашего Макарія, игумена Колязинскаго чудотворца ^(а), да помилуетъ и да спасетъ васъ самихъ и всѣхъ вашихъ, всѣхъ до одного, не исключая никого, яко благая и человеколюбивая».

Въ началѣ 1838 года Аѳанасій вызванъ былъ въ Петербургъ для проповѣданія слова Божія, и ему назначено было 9 проповѣдей. Первую проповѣдь говорилъ онъ 3-го февраля, и она надѣлала ему много тревоги; ее потребовалъ къ себѣ Филаретъ митрополитъ Московскій. За тѣмъ вскорѣ, именно 17-го марта состоялось опредѣленіе Св. Синода о перемѣщеніи Аѳанасія изъ ректоровъ Тверской семинаріи въ ректоры С.-Петербургской семинаріи на мѣсто Макарія (Зимина), котораго перевели въ Тверь. Вотъ какъ объ этомъ Аѳанасій писалъ къ Алексѣю Петровичу:

«День вашего ангела неожиданно сдѣлался для меня днемъ роковымъ; вчера (т. е. 18 марта) получено уже въ академическомъ правленіи и предписаніе о перемѣщеніи меня многогрѣшнаго грѣшника на мѣсто о. ректора Макарія въ С.-петербургскую семинарію, а о. ректора Макарія на мое мѣсто въ Тверь. Вотъ что иногда бываетъ съ нами! Друзе мой, друже! Итакъ я теперь долженъ проститься съ вами, —

(а) Святитель Аѳанасій, бывши ректоромъ Тверской семинаріи, былъ настоятелемъ Колязинскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи преподобнаго Макарія.

проститься, можетъ быть, уже не на годъ! Еще съ самаго приѣзда хотѣли было перемѣстить меня въ С.-Петербургъ на мѣсто о. Макарія; но я не такъ-то тогда предполагалъ это сбыточнымъ, потому что до сего времени не подалъ еще конспекта. Послѣ того еще болѣе почиталъ несбыточнымъ, потому что за неподачу конспекта досталось-таки мнѣ на свою долю отъ Московскаго первосвятителя. А потомъ я еще болѣе почиталъ это несбыточнымъ, когда Московскій же первосвятитель вовсе нечаянно 9-го февраля потребовалъ меня къ себѣ, и удостовѣрились отъ меня, что я 3-го февраля говорилъ первую проповѣдь, приказалъ мнѣ прислать ее къ себѣ на другой день. Проповѣдь вся мною перекрещена, и перемарана и перечищена послѣ произнесенія. Я просилъ было позволенія переписать ее; не тутъ-то было. Мнѣ на мою объ этомъ просьбу отвѣтствовано было: «вотъ этого-то и не нужно.» Вотъ тебѣ, думалъ я, и чай (ибо пилъ чай). Дѣлать нечего; пріѣхалъ домой; вертѣлъ, вертѣлъ проповѣдь въ рукахъ своихъ цѣлую ночь, думая, нельзя ли чего сдѣлать съ нею, т. е. хоть какънибудь попринарядить ее; но не тутъ-то было; ни убавить, ни прибавить; а проповѣдь-то три листа, какихъ въ Петербургѣ не водится. Дѣлать нечего; положилъ ее 10-го февраля въ пакетъ, запечаталъ и послалъ съ Иваномъ, повторяя самъ въ себѣ неоднократно: *буди воля Господня!* Авось опять хоть за проповѣдь-то не отпустятъ ли въ Тверь, въ которой я такъ не мало жилъ.—Что, Иванъ, отнесъ ли? — «Отнесъ.» — Кому отдалъ? — «Да тутъ у него такой?..» — Не сказано ничего? — «Велѣно вамъ кланяться.»—Такъ у меня сердце и обмерло. — И до сихъ поръ еще не знаю, что сдѣлалось съ моею проповѣдью; боюсь и на глаза показаться: но надобно теперь показаться по случаю перемѣщенія моего. *Буди воля Господня!*»

Этотъ простосердечный разговоръ, обнаруживая младенчес-

кую чистоту души Аѳанасія, въ тоже время показываетъ, какое неизмѣрно-огромное вліяніе на проповѣдниковъ, вызываемыхъ въ С.-Петербургъ, имѣлъ первосвятитель Московскій, и какъ внимательно слѣдилъ онъ за проповѣданіемъ слова Божія!

Аѳанасій ѣздилъ, по случаю своего перемѣщенія, къ первосвятителю Московскому; тотъ спросилъ его, какъ онъ понимаетъ это перемѣщеніе. «Я на это сказалъ ему,—пишетъ Аѳанасій, что никакъ не понимаю, а просто только какъ волю Божию принимаю. Владыка на это сказалъ мнѣ вотъ что: «тутъ есть маленькая несообразность; ректоръ академіи можетъ васъ по службѣ; но это сдѣлано потому, что въ семинаріи скорѣе можно сдѣлать перемѣну въ ректорѣ, чѣмъ въ академіи.»

О проповѣди не было помину, но самое перемѣщеніе говорило уже въ пользу ея.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ Аѳанасій началъ чувствовать нѣкоторый ломъ и слабую глухоту въ правомъ ухѣ. Вслѣдствіе этого былъ нарывъ въ ухѣ,—былъ да и прошолъ было благополучно; но около Пасхи сдѣлался новый нарывъ, который не только не давалъ ему дѣлать дѣло, но и спать. А владыка, митрополитъ С.-петербургскій Серафимъ, приказалъ ему готовить на Пасху проповѣдь вмѣсто о. Макарія. «Ума—разума нѣтъ, какъ съ ней справиться,—писалъ Аѳанасій къ другу своему, протоіерею Воинову. По причинѣ боли въ ухѣ ночи три уже не спалъ. Впрочемъ боль особенно несносна ночью; днемъ довольно еще сносна. Помолись о мнѣ многогрѣшномъ, друже мой пріискренній, и брате прелюбезный;—помолись, чтобы мнѣ исцѣлѣть и тѣлесно и душевно». Въ праздникъ свѣтлаго Воскресенія послѣ вечерни нарывъ прорвался. Это было 3-го апрѣля. А между тѣмъ за нѣсколько дней предъ Пасхою, 31-го марта въ ве-

ликій четвертокъ вскорѣ послѣ обѣдни Государь Императоръ Николай Павловичъ удостоилъ духовную академію своимъ посѣщеніемъ въ сопровожденіи оберъ-прокурора Св. Синода графа Протасова. «Изволилъ быть въ церкви,— писалъ АѦанасій,— почти во всѣхъ жилыхъ студенческихъ покояхъ и въ столовой; одобрилъ одежду студентовъ, какъ приличную духовному званію, и спрашивалъ, куда болѣе поступаютъ студенты изъ академіи, въ духовное званіе, или свѣтское; и когда сказано было, что въ духовное, то изволилъ изъявить желаніе, чтобъ какъ можно болѣе поступали въ духовное. Еще спрашивалъ, есть ли изъ академіи теплый ходъ въ семинарію; отвѣтствовано, что нѣтъ. Въ академіи особенно понравилась Государю церковь. При отбытіи Его Величество изъявилъ свое удовольствіе графу и о. ректору академіи. Вообще государь былъ весьма благодушенъ и съ улыбкою». — «О посѣщеніи Императоромъ академіи я и не зналъ,— писалъ далѣе АѦанасій, пока не пришелъ послѣ того вскорѣ и не пересказалъ о. ректоръ академіи, ибо я былъ очень боленъ тогда ухомъ, и нигде не выходилъ. А ужъ дойдетъ же видно чреда и до семинаріи. Графъ Протасовъ, въ бытность мою у него по случаю перемѣщенія моего въ С.-петербургскую семинарію, премоужество изъявилъ мнѣ желаній сдѣлать семинарію образцовою, и велѣлъ подать ему записку, что нужно для этого сдѣлать, даже съ профессорами. Боже мой! Какое бурное время! Молитесь Господу Іисусу, укротившему вѣтры на морѣ. Молитесь, чтобъ и мнѣ по грѣхамъ моимъ не потерпѣть кораблекрушенія! Впрочемъ да будетъ во всемъ святая воля Божія, а не моя!»

Вопреки опасенію АѦанасія Государь Императоръ не былъ при немъ въ семинаріи; но послѣ посѣщенія имъ академіи, разныя лица, принадлежавшія къ духовно-учебному управленію начали налетать на академію и на семинарію. 24 апрѣ-

ля въ духовной академіи послѣ обѣдни все осматривалъ, не исключая и бани, г. Карасевскій, правитель дѣлъ комиссіи духовныхъ училищъ, и сказалъ, что онъ донесетъ графу Протасову, что все нашелъ въ отличномъ порядкѣ. «Быть скоро какому-нибудь осмотру и въ семинаріи, — писалъ Аванасій другу своему въ Тверь; — а есть что посмотреть! Соружу-то, дряни-то и глазами не окинешь! Попалъ же я въ мѣстечко. По дѣломъ!.. Большею частію видишь расчетъ, лицемеріе, притворство, лезть. Также со мною разсуждаетъ и чувствуетъ и о. ректоръ академіи, съ которымъ съ перваго раза Богъ положилъ намъ по сердцу, какъ нельзя лучше, такъ что онъ скучаетъ, когда я нѣсколько дней не бываю у него, и весьма жалѣетъ, что ему неудобно до сего времени было ходить ко мнѣ.»

Въ такое-то время началась дѣятельность Аванасія въ С.-Петербургѣ; къ тому же предстояла постройка новой семинаріи. Съ необыкновенною энергіею Аванасій началъ трудиться самъ и возбуждать къ труду другихъ, особенно семинаристовъ. Вотъ какъ онъ описываетъ одно свое санктпетербургское утро, — именно утро 3-го мая.

«Вставъ поутру въ 5¼ часовъ, пошелъ я по комнатамъ, въ коихъ живутъ ученики семинаріи и училищъ. Въ комнатахъ нашелъ уже не много спящихъ; нашелъ вставшихъ даже и тѣхъ учениковъ семинаріи и училищъ, которые накануне за проспание лишены были мною обѣда. Нашелъ, что нѣкоторые изъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи занимаются изученіемъ первыхъ двухъ формъ еврейскихъ глаголовъ, которыя за нѣсколько предъ тѣмъ дней во второй разъ назначено было мною изучить къ 3-му мая, потому что въ первый по старой привычкѣ изучили худо. Одного ученика заставлялъ спрягать, и какъ онъ спрягалъ нетвердо, то далъ мнѣ обѣщаніе повторить къ классу твердо. Въ двухъ комна-

тахъ училищныхъ всѣхъ учениковъ засталъ еще спящими. Въ первой сказалъ я: «вставайте ребята! что вы долго спите?» Всѣ вдругъ начали вставать. «Я пришелъ-было къ вамъ, — сказалъ я имъ, узнать, кто изъ васъ отлично знаетъ урокъ; но вижу, что еще никто изъ васъ не знаетъ такъ урока, потому что всѣ вы проспали.» — «Я знаю, я знаю, я знаю», — закричали ребята въ одинъ голосъ со многихъ кроватей. «Такъ вставайте же, — сказалъ я, скорѣе, чтобы мнѣ васъ успѣть переслушать и записать въ журналъ. Кричавшіе ребята начали, какъ воробьи, порхать и хватать кто чулки, кто сапоги, кто шейные платки, кто жилеты, кто шлафроки, кто что, чтобы поскорѣе одѣться и отвѣчать мнѣ. Но я сказалъ имъ: «нѣтъ, ребята, долго васъ ждать; мнѣ пора въ другія комнаты; сами же вы виноваты, что проспали, а не я; я пришелъ къ вамъ рано; я послушаю васъ въ другое время, напр. завтра, если опять не проспите; (не проспимъ, — кричатъ ребята); будьте готовы (будемъ, кричатъ ребята); я приду (пораньше приходите, кричатъ ребята). Сказалъ это я и ушелъ. Въ другой комнатѣ, въ которой всѣхъ засталъ спящими, тоже случилось, съ тѣмъ только различіемъ, что ученикамъ въ этой комнатѣ я сказалъ въ утѣшеніе ихъ, что зайду къ нимъ, побывавъ въ другихъ смежныхъ съ ними комнатахъ, что и исполнилъ. По выходѣ изъ этой комнаты увидѣлъ, что ревностнѣйшіе изъ первой комнаты, въ которой всѣхъ засталъ спящими, стоятъ на крыльцѣ, на которое я вышелъ, и съ книжками. Я спросилъ ихъ: «за чѣмъ вы здѣсь? Не хотите ли, чтобы я васъ прослушалъ?» — Хотимъ, прослушайте, отвѣчали они въ одинъ голосъ. Я воротился съ ними въ комнату, всѣхъ переспросилъ, и всѣхъ велѣлъ записать въ журналъ, кого хорошо, а кого и очень хорошо. Далѣе въ одной комнатѣ обступило меня человѣкъ двадцать, объявивъ, на мой вызовъ,

что всё они знаютъ урокъ отлично. Я переспросилъ человѣкъ пять-шесть ревностнѣйшихъ, а прочихъ оставилъ безъ спроса, отозватшись недостаткомъ времени. Вообще во всѣхъ комнатахъ дѣти такъ и лезутъ ко мнѣ, чтобы я спросилъ ихъ, — лезутъ, кто съ греческимъ, кто съ географіей, кто съ исторіей, кто съ уставомъ, кто съ чѣмъ. А сперва смвало не вызовешь когонибудь къ отвѣту. Слава Богу! Все начинаетъ идти иначе и быстрѣе, чѣмъ прежде. Хорошо отвѣтившихъ всѣхъ вообще велѣлъ я отмѣтить въ журналѣ, а рано вставшимъ всѣмъ вообще сказалъ «спасибо», нѣкоторыхъ же особенно въ этомъ замѣченныхъ, не исключая и семинаристовъ, погладилъ и по головкѣ. Возвратившись въ концѣ 8 часа домой, напившись чаю, и прочитавъ нѣсколько ученическихъ сочиненій, въ половинѣ 9-го часа я пошелъ въ классъ чтенія св. писанія, гдѣ спрашивалъ, говорилъ самъ, и заставлялъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи повторять мною говоренное. Въ классѣ вспомнилъ, что мнѣ надобно идти еще къ митрополиту съ представленіемъ и для спрошенія, ѣхать ли мнѣ въ 10 часовъ на экзаменъ въ институтъ путей сообщеній. Увидѣвъ, что остается 10-го часа болѣе четверти, поспѣшилъ вонъ изъ класса, сказавъ профессору, чтобъ послѣ класса пришелъ ко мнѣ. «А какъ ты могъ увидѣть, что остается 10-го часа не болѣе четверти, не имѣя часовъ?» — Нѣтъ, любезнѣйшій, въ С.-Петербургѣ я уже имѣю часы; они здѣсь нужны. Видите, какаа перемѣна произошла со мною! Да и какихъ перемѣнъ не произошло со мною! Даже лобъ у меня сдѣлался еще открытѣе и казистѣе, чѣмъ въ Твери... Переодѣлся и тотчасъ отправился ко владыкѣ. Владыкѣ доложили о мнѣ, и мнѣ велѣно идти къ нему въ гостинную. Пришелъ. Владыка лежитъ на софѣ, а предъ нимъ на столѣ довольно толстое какое-то дѣло. Владыка всталъ, благословилъ и спросилъ: «что скажете?» Я сказалъ, что принесъ представленіе съ

приложеніемъ проекта предложенія отъ имени Его Высокопреосвященства комиссіи духовныхъ училищъ. Владыка спросилъ: «о чемъ?» Я отвѣтилъ, что слѣдовало. Потомъ владыка спросилъ меня: что, болѣзнь ваша прошла ли?—Кажется, что прошла, отвѣчалъ я. «То-то, —присовокупилъ владыка, а то вотъ (кивнувъ головою туда, гдѣ живетъ Ааронъ, лаврскій эконокъ, его лечившій и вылечившій) здѣсь можно посовѣтоваться. Я поклонившись на это сказала: что 1-го мая прїѣзжалъ ко мнѣ изъ института путей сообщенія полковникъ съ приглашеніемъ на экзаменъ сего дня въ 10-ть часовъ утра; что я отказывался невозможностію быть въ 10-ть часовъ на экзаменѣ, потому что 10-й и 11-й часы самъ долженъ быть въ классѣ; но что полковникъ, вѣроятно, для усиленія своего приглашенія, просилъ даже отъ графа Толя и требовалъ, чтобы я рѣшительно далъ обѣщаніе быть на экзаменѣ, хотя въ 1-мъ часу по полудни, дабы ему такъ донести и графу, и что отъ этого я не могъ рѣшительно отказаться. «Такъ что-жь?» спросилъ владыка. — «Что мнѣ прикажете дѣлать —спросилъ я; ѣхать ли мнѣ на экзаменъ отъ своего класса, или не ѣхать?» Владыка спросилъ: «да будетъ ли кто тамъ изъ духовныхъ?» — Это я не знаю, высокопреосвященнѣйшій владыко, отвѣчалъ я; а знаю только, что череднаго архимандрита тамъ не будетъ, потому что онъ готовился служить; да и преосвященный викарный куда-то ѣдетъ-же, только не на экзаменъ. «Да! у нихъ, сказалъ владыка, сего дня вынось, присовокупивъ и тѣмъ кончивъ рѣчь: «Э! поѣзжайте!»—Воротившись домой, я объявилъ профессору, чтобы онъ сходилъ за меня въ классъ, а служителю сказалъ, чтобы готова была карета. Служитель пошелъ, но тотчасъ воротился съ извѣстіемъ, что одной лошади нѣтъ, и что на ней уѣхалъ эконокъ въ городъ. Я послалъ служителя къ лаврскимъ властямъ, чтобы дали мнѣ лошадей съ экипажемъ ѣхать на эк-

заменя. Служитель не выходя изъ комнаты воротился съ повѣсткою изъ канцеляріи временнаго присутствія при с.-петербургской духовной консисторіи для рѣшенія старыхъ дѣлъ; въ повѣсткѣ канцелярія съ утвержденія митрополичья покорнѣйше просить о. ректора академіи и меня пожаловать въ 10-ть часовъ 3-го мая въ присутствіе. На повѣсткѣ въ слышаніи подписался уже о. ректоръ академіи. Я призадумался, что мнѣ дѣлать, удержалъ повѣстку и снова послалъ служителя въ Лавру за лошадьми и экипажемъ. Служитель воротившись сказалъ, что нѣтъ ни лошадей ни экипажей, потому что всѣ лошади и экипажи въ разбѣздѣ. Что дѣлать? Послалъ къ о. ректору академіи просить лошадей съ экипажемъ. А время все шло да шло. Служитель воротившись сказалъ, что о. ректоръ самъ ко мнѣ будетъ сію минуту, а объ экипажѣ ни слова. Не видя о. ректора, я снова послалъ служителя справиться, готовъ ли будетъ экипажъ. Служитель возвратившись сказалъ, что сейчасъ будетъ готовъ. Получивъ такое извѣстіе, я тотчасъ рѣшился написать на повѣсткѣ слѣдующее: «еще прежде полученія сей повѣстки, будучи командированъ его высокопреосвященствомъ для присутствованія при испытаніи въ институтѣ путей сообщенія, не могу быть во временномъ присутствіи при с.-петербургской духовной консисторіи». Подождавъ не много, я снова послалъ служителя узнать объ экипажѣ. Служитель возвратившись донесъ, что экипажъ совсѣмъ готовъ. Я тотчасъ отправился къ экипажу; но увидѣвъ на дворѣ, что семинарская лошадь возвратилась уже, я велѣлъ, какъ можно скорѣе приготовить свой экипажъ, а въ академію послалъ объ этомъ увѣдомить. Между тѣмъ подходит консисторскій приставъ съ двумя бумагами для подписи. «Некогда мнѣ, сказалъ я ему, — ты видишь, что я ѣду». — «Да о. ректоръ академіи подписалъ, — сказалъ служитель, а тоже совсѣмъ было куда-то собрался». Я взглянулъ на бумаги, бѣгло

прочелъ, и махъ въ комнату семинарскаго эконома для подписа... Почти уже въ 11 часовъ поѣхалъ я въ институтъ, и черезъ полчаса слишкомъ пріѣхалъ; и отъ стоящихъ у параднаго крыльца для пріема офицеровъ услышалъ, что экзаменъ въ законѣ Божіемъ, должно быть, уже окончился. Что дѣлать? Я хотѣлъ воротиться; но офицеры приглашаютъ. Я изъявилъ желаніе достовѣрно узнать, точно ли кончился экзаменъ въ законѣ Божіемъ, и упомянулъ, что и г. полковнику, привозившему ко мнѣ приглашеніе и усиленно звавшему на экзаменъ, я объявлялъ, что по моимъ обстоятельствамъ, я никакъ не могу быть на экзаменѣ раньше половины 1-го часа. Вслѣдствіе этого одинъ изъ офицеровъ вызвался вызвать г. полковника; я согласился, и онъ тотчасъ побѣжалъ и вызвалъ. Г. полковникъ сильно звалъ на экзаменъ, хотя на 10 минутъ, говоря, что теперь идетъ экзаменъ въ словесности. Но я рѣшительно отказался, говоря, что мнѣ совѣстно такъ поздно войти въ залу, наполненную множествомъ знатныхъ, каковы графы, князья и т. п., и произвестъ хотя малѣйшее движеніе, тѣмъ паче, что по окончаніи испытанія въ законѣ Божіемъ, мнѣ и не для чего быть на экзаменѣ; и вслѣдствіе этого поѣхалъ назадъ домой. «Вотъ прекрасно! — думалъ я. Опустилъ классъ, отказался отъ консисторіи, чтобъ быть на экзаменѣ; а между тѣмъ и на экзаменѣ-то не былъ. Что дѣлать? Надобно поправиться». И рѣшился заѣхать въ Консисторію. Времени было около четверти перваго. Подѣхавъ къ консисторіи, узналъ, что присутствіе еще не кончилось. Вхожу въ присутствіе, и тамъ нахожу о. ректора академіи и двухъ присутствующихъ протоіереевъ, обихъ пресѣдыхъ-сѣдыхъ, — старичка Добронравина и первокурснаго Маленина. Едва успѣлъ я сѣсть, какъ о. ректоръ говоритъ мнѣ: «поздравляю васъ». «Съ чѣмъ?» спросилъ я, думая, что съ прикомандированіемъ ко временному присутствію. «Сего

дня, продолжалъ о. ректоръ пришло изъ комиссіи духовныхъ училищъ предписаніе объ опредѣленіи васъ членомъ академической конференціи». — «А сколько я просилъ васъ, говорилъ я ему, чтобы вы погодили дѣлать о мнѣ представленіе впрядь до усмотрѣнія; а вы-таки все свое дѣлаете». — «Да мы, прибавилъ онъ, сегодня же приготовили еще представленіе (только еще не подписали) объ опредѣленіи васъ членомъ цензурнаго комитета; а послѣ представимъ и еще въ члены вѣшняго академическаго правленія». Затѣмъ спросилъ я, для чего меня призвали и по какому праву? Секретарь подалъ мнѣ представленіе временнаго присутствія его высокопреосвященству митрополиту, въ которомъ испрашивается у митрополита между прочимъ дозволеніе для слушанія и рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ приглашать чрезъ канцелярію отцевъ архимандритовъ ректоровъ академіи и семинаріи. Потомъ секретарь показалъ дѣло генераль-лейтенанта Купріанова о разводѣ его съ своей супругою, частяхъ въ трехъ и листовъ въ тысячу; по крайней мѣрѣ оно показалось мнѣ не мѣнѣе. Спусти около получаса послѣ моего входа въ присутствіе вошелъ въ оное и еще членъ, о. протоіерей Маловъ. Начали слушать экстрактъ, и слушали съ разстановками для разсужденій почти до шестаго часа; а по выслушаніи тотчасъ рѣшили. Во время слушанія входилъ въ присутствіе генераль Купріановъ и объяснивъ, что онъ уволенъ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ на 28 дней, просилъ о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла. Надобно замѣтить, что за медленность по этому дѣлу, по Высочайшему повелѣнію, секретарь уже отрѣшенъ, а присутствующимъ всѣмъ до одного сдѣланъ строжайшій выговоръ. Послѣ обѣда зашелъ мимоходомъ въ три ученическія комнаты, и, что весьма замѣчательно, нашелъ учениковъ занимающихся повтореніемъ формъ Пюль и Пюаль. По возвращеніи домой отъ о. ректора академіи въ концѣ 10-го часа, я

сходилъ къ профессору еврейскаго языка узнать, хорошо-ли ученики повторяли безъ меня Пакадъ и Нифальъ. Профессоръ сказалъ, что хорошо; но что онъ спросилъ только двоихъ въ ожиданіи меня въ классъ для спросовъ. Это хорошо, сказалъ я, что повторяли хорошо, а это худо, что вы спросили только двоихъ. Вамъ надлежало спросить по крайней мѣрѣ челоуѣкъ 20, или 15, чтобы поддержать пробуждающееся прилежаніе къ еврейскому языку; что же касается до меня, то я могъ и вновь переспросить вами спрошенныхъ; за тѣмъ ушелъ я отъ него въ томъ же духѣ любви, въ какомъ и приходилъ. И часу въ 12 легъ спать».

Вскорѣ АѦанасія опредѣлили въ члены строительнаго комитета по семинаріи.

«Вамъ, по любви вашей ко мнѣ, вѣрно любопытно знать, какое до сихъ поръ имѣлъ я вліяніе на учениковъ, писалъ АѦанасій къ другу своему въ Тверь. А вотъ какое: встаютъ раньше, чѣмъ прежде; классы полнѣе, чѣмъ прежде; отвѣчаютъ тверже, чѣмъ прежде. Двухъ богослововъ такъ крѣпко зацѣпилъ я по сочиненіямъ, что кажется не стали бы противиться, если бы я вздумалъ расправиться съ ними и *по домашнему*. Глядя на нихъ и прочіе позадумались. Одинъ изъ учениковъ говорилъ въ городѣ: «этотъ о. ректоръ, кажется, хочетъ взять насъ въ руки и кажется порядочно забираетъ». Нѣкто ему сказалъ на это: «что-жь? Не лучше-ли вамъ добровольно сдаться?»—«Да мы и саміи такъ думаемъ», отвѣчалъ ученикъ. Ученики училищъ моими частыми посѣщеніями ихъ и слушаніемъ ихъ уроковъ и повтореній въ ихъ комнатахъ, тоже, кажется, весьма довольны. Одинъ съ восхищеніемъ рассказывалъ своимъ почтеннымъ родителямъ, какъ я его спрашивалъ, какъ хвалилъ, и какъ велѣлъ записать въ училищный журналъ. Короче сказать вамъ: я имѣю какое-то внутреннее и непоколебимое убѣжденіе, что все пойдетъ хо-

рошо, потому что дѣйствую по совѣсти и въ духѣ любви христіанской, и всё послѣдствія своихъ дѣйствій вмѣстѣ съ собою предаю прелоблагой волѣ Божіей».

Въ маѣ-же мѣсяцѣ 1838 г., Аеанасію нужно было являться и къ первосвятителю московскому, и графу Протасову, и къ другимъ членамъ св. Синода съ благодарностію за то, что къ празднику Пасхи наградили его короною на орденъ св. Анны.

«4-го мая я поѣхалъ часовъ въ 12 къ кіевскому владыкѣ. У Исакіевского моста просидѣлъ вмѣстѣ съ другими болѣе получаса, пока его наводили, и нашелъ тутъ о. ректора академіи ѣдущаго къ кіевскому же владыкѣ. Отъ кіевского владыки заѣзжалъ уже часу въ 4-мъ къ владыкѣ московскому. Докладчикъ сказалъ, что владыка нездоровъ. Я однако велѣлъ доложить. Докладчикъ сходилъ, и сказалъ, что владыка заперся, и онъ не смѣетъ его тревожить. Отъ владыки московскаго заѣхалъ къ графу г. оберъ-прокурору св. Синода. Пробылъ у графа около получаса; графъ между прочимъ сказалъ, что онъ на сихъ дняхъ пріѣдетъ къ намъ въ семинарію. На эти слова я, привставши, сдѣлалъ графу легкій поклонъ. Графъ не давъ мнѣ ничего вымолвить, сказалъ: «что вы, благодарите? Тамъ посмотримъ, что будетъ». — «Я и не благодарю еще, сказалъ я, а прошу васъ быть къ намъ снисходительными». — «Что это значить?» спросилъ графъ. — «То, отвѣчалъ я, чтобы вы не говорили намъ публично при ученикахъ слишкомъ жесткихъ словъ». — «Почему?» спросилъ графъ. — «Потому, отвѣчалъ я, что такія слова могутъ привести насъ въ смущеніе; и мы вмѣсто надлежащаго отвѣта дадимъ вамъ отвѣтъ безсмысленный, и притомъ еще потеряемъ довѣріе учениковъ; а безъ довѣрія учениковъ не можемъ имѣть полезнато вліянія на нихъ». — «Да это нужно, сказалъ графъ, для учениковъ; они, видя, что съ васъ требуютъ, будутъ исправнѣе». — «Не нужно, отвѣчалъ я; ученики и безъ

того видятъ, что очень съ насъ взыскиваютъ всѣ». . . Думаю, надѣюсь и какъ-то увѣренъ, что графъ будетъ хорошъ и къ нашей семинаріи. Впрочемъ да будетъ во всемъ благая, премудрая и святая воля Божія. Что будетъ, напишу вамъ хоть коротенько, — на четверточкѣ; а вы знайте про себя».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ графъ Протасовъ, побывъ недолго на экзаменѣ въ академіи, зашелъ и въ семинарію, тогда какъ АѦнасіи оставался еще въ академіи на экзаменѣ. Впрочемъ АѦнасіи вскорѣ пришелъ и нашелъ оберъ-прокурора въ философскомъ классѣ; онъ слушалъ учениковъ и разсматривалъ философскую какую-то тетрадь. «Я поклонившись всталъ на свое мѣсто, писалъ АѦнасіи къ другу своему въ Тверь, чтобы вслушаться, въ чемъ дѣло. Г. оберъ-прокуроръ сказалъ мнѣ: «здравствуйте о. ректоръ. Благословите меня». Я благословилъ, и онъ продолжалъ мнѣ говорить, что ученики не понимаютъ, что читаютъ. Я спросилъ: «изъ чего это видно, ваше сіятельство?» — «Изъ того, что читаютъ такъ, какъ написано.» — «Это, возразилъ я, еще ничего не доказываетъ; чтобы узнать, подлинно ли они не понимаютъ, надобно ввести ихъ въ разговоръ и въ споръ; тогда виднѣе будетъ». Я началъ было заводить споръ; но онъ велѣлъ мнѣ спрашивать ихъ изъ катихизиса. Впрочемъ скоро онъ и это прекратилъ, сказавъ, что я за нихъ говорю. Въ богословіи вопросы касались тоже катихизиса и сверхъ того часовъ, читаемыхъ предъ литургіею и т. п. Въ словесности спрашиваны ученики изъ исторіи. Послѣ этого экзамена г. оберъ-прокуроръ замѣтилъ мнѣ, что ученики мало знаютъ *церковности* и что это есть общій недостатокъ семинаристовъ. Вотъ и весь нашъ экзаменъ при г. оберъ-прокурорѣ. Послѣ того были въ комнатахъ и въ столовой. Въ сей послѣдней г. оберъ-прокуроръ остался недоволенъ экономомъ собственно за ботвинье, въ которомъ мало показалось ему рыбы; что касает-

ся до комнатъ, то сказалъ, что онъ боится, если государь посѣтитъ ихъ. А я на это сказалъ ему, что для поправки ихъ нуженъ не одинъ десятокъ тысячъ, но что такой расходъ на нихъ дѣлать теперь комиссіи духовныхъ училищъ вовсе неблагоприятно, когда началась уже строиться семинарія. Все посѣщеніе кончилось тѣмъ, что онъ приказалъ мнѣ строже присматривать за экономомъ». Такъ писалъ Аѳанасій въ Тверь, откуда дошли до него слухи чрезъ Алексѣя Петровича, что графъ Протасовъ остался чрезвычайно недоволенъ экзаменомъ въ семинаріи.

Митрополитъ с.-петербургскій питалъ доброе расположеніе къ Аѳанасію. «Владыка, — писалъ Аѳанасій въ Тверь въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1838 года, — въ послужномъ моемъ спискѣ при мнѣ же, 15-го сентября, отмѣтилъ меня такъ: «поведенія честнаго, въ должности *очень* исправенъ и благонадеженъ», какъ никого не отмѣтилъ не только изъ служащихъ при семинаріи и изъ подвѣдомственныхъ семинаріи ректоровъ, въ числѣ коихъ и о. Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, но, какъ слышалъ я отъ достовѣрнаго человѣка, никого и изъ служащихъ при академіи. Владыка, — сказать въ добрый часъ, очень ко мнѣ расположенъ. При прежнихъ ректорахъ, слышалъ я, семинарскія бумаги доходили ко владыкѣ и отъ владыки въ семинарское правленіе чрезъ руки Ал. Ив. Сулова ^(д); но при мнѣ ни одной такой бумаги еще не было. Я принесу бумагу, я же и унесу въ тоже самое время, вовсе не заходя къ Ал. Ивановичу. И владыка ни въ чемъ еще со мной не спорилъ, а все утверждалъ безпрекословно».

Въ свободное отъ семинарскихъ занятій время Аѳанасію приходилось много заниматься дѣлами по постройкѣ семинаріи и по другимъ порученіямъ. «3-го, 4-го и 5-го генваря (1839 г.) просидѣлъ за дѣлами комитета по постройкѣ се-

(д) Письмоводитель при митрополитѣ.

минаріи, — писалъ онъ въ Тверь. Что сказать еще о ученіи объ отцахъ церкви, которое досталось на мою долю? Какъ это дѣло трудно, можетъ знать только тотъ, кто знаетъ сколько нибудь ихъ ученіе и то, сколь много ими написано. Хоть лопни отъ заботъ.»

22-го января 1839 года АѦнасію удалось быть у митрополита московскаго. «Принять былъ вообще ласково, — писалъ АѦнасіій въ Тверь, и былъ спрашиваемъ, пишутъ ли ко мнѣ изъ Твери, и нѣтъ ли тамъ какихъ слуховъ. Я отвѣчалъ: пишутъ по старому знакомству и по прежней пріязни, а слуховъ не передаютъ никакихъ. Тѣмъ владыка и удовольствовался. При прощаніи владыка сказалъ мнѣ тоже, что и прежде говорилъ: «ѣздите ко мнѣ по вечерамъ, когда будетъ досужно, поговорить кое о чемъ. Мнѣ пріятно будетъ». Я молча поклонился ему и ушолъ, думая про себя: «знаю, что пріятно будетъ; потому что я говорилъ то и такъ, что и какъ едвали другіе рѣшатся говорить. Пословица говоритъ: правда глаза колетъ. Но и то правда, что когда мы долго ни отъ кого не слышимъ правды, то рады ей какъ отцу, какъ матери, какъ брату, какъ сестрѣ». Въ чемъ состояла эта правда, это осталось тайною.

АѦнасію не нравилось между прочимъ то, что въ с.-петербургской семинаріи часто смѣняютъ профессоровъ, и иногда назначаютъ туда такихъ людей, которые недостойны и неблагонадежны, а между тѣмъ умѣютъ забѣгать или къ г. оберъ-прокурору, или къ кому нибудь изъ вліятельныхъ лицъ. Таковъ былъ нѣкто кандидатъ Тр—ій; онъ втирался въ с.-петербургскую семинарію; но АѦнасіій его *оттеръ*. Онъ сталъ проситься въ Ямбургъ смотрителемъ духовныхъ училищъ. Отстраняя его отъ с.-петербургской семинаріи, АѦнасіій между прочимъ выражался такъ въ письмѣ къ другу своему: «петербургская семинарія и училища похожи на са-

докъ, въ который сажаютъ рыбу только до перваго стола. Ну, право, скучно, то и дѣло что встрѣчай и провожай профессоровъ и учителей. Съ этими новичками,— продолжалъ Аванасій, пришлецами и переселенцами будьте осторожны. Они часто бываютъ большіе болтушки; обо всемъ обыкновенно судятъ и рядятъ, и обыкновенно часто безъ толку. Таковъ у насъ изъ двухъ переселившихся недавно, имянно въ сентябрѣ (1838 г.), изъ рязанской семинаріи; я такъ, кажется, порядкомъ проучилъ его; теперь кажется сталь помирнѣе и поскромнѣе; а то бывало несетъ такую дичь, что и слушать нечего.»

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1839 года за Т—го стали усиленно просить Аванасія, даже отъ имени самого оберъ-прокурора. Вотъ какъ Аванасій принялъ эти просьбы.

«Является ко мнѣ чиновникъ комиссіи духовныхъ училищъ и объявляетъ, что правитель дѣлъ комиссіи духовныхъ училищъ, Алек. Ив. Карасевскій, покорнѣйше проситъ меня объ опредѣленіи въ Ямбургъ смотрителемъ кандидата Т—го, приприсовокупляя, что это желательно и его сіятельству графу Протасову. «Кланяйтесь, сказалъ я, Александру Ивановичу, и жите ему, что не отъ меня зависитъ опредѣлить смотрителемъ Т—го, а отъ самой комиссіи.» — «Да вы, — говоритъ чиновникъ, представьте его» — Не можемъ, сказалъ я, потому что не имѣемъ ни права, такъ какъ онъ не въ нашемъ вѣдомствѣ, ни нужды, такъ какъ есть въ виду достойнѣйшій и благонадежнѣйшій.— За симъ спустя немного дней приходитъ самъ г. Карасевскій, и говоритъ, что графу желательно, чтобъ Т—ій опредѣленъ былъ смотрителемъ. «Если это желательно графу, отвѣчалъ я, — то всего легче это сдѣлать его сіятельству.» — Какъ?— спрашивалъ г. Карасевскій. — Пусть Т—ій, — сказалъ я, подастъ прошеніе въ комиссію духовныхъ училищъ, и пусть комиссіа предпи-

шетъ опредѣлить его. Въ такомъ случаѣ мы по неволѣ опредѣлимъ его. — «Впрочемъ графъ приказалъ спросить васъ, присовокупилъ Карасевскій, какъ вы думаете о Т—мъ, надеженъ ли онъ?» — Если угодно его сіятельству, сказалъ я, знать мое мнѣніе о Т—мъ, то скажите его сіятельству, что я не желаю Т—го, потому что, по моимъ замѣчаніямъ, въ немъ нѣтъ нужной въ начальникѣ степенности и основательности; притомъ онъ еще очень для смотрительства молодъ и неопытенъ; да къ тому же и невзраченъ; а притомъ еще, по моему мнѣнію, и несправедливо предпочесть его хотя и товарищу его, но магистру и профессору. — «И графъ также думаетъ,» сказалъ Карасевскій. — Почему же его сіятельство, спросилъ я, принимаетъ въ немъ такое участіе? — «Потому, отвѣчалъ г. Карасевскій, что считаетъ его обиженнымъ отъ митрополита отказомъ въ священническомъ мѣстѣ.» — А если предпочесть его—кандидата, нигдѣ еще не служившаго, магистру и профессору, то развѣ не сдѣлано будетъ обиды сему послѣднему? возразилъ я. — «Правда, сказалъ г. Карасевскій, и присовокупилъ: я такъ и скажу графу.» — Такъ и скажите, сказалъ я, и прошу ничего ни прибавлять, ни убавлять. — Тѣмъ это дѣло и кончилось. Магистръ профессоръ Казанскій теперь въ Ямбургѣ; а Т—го пихнули въ Тверь, чтобъ и вы на него поглядѣли. — Въ январѣ (1840) вновь началось дѣло о Т—мъ, онъ просился въ учителя Александро-Невскаго училища. Графъ предложилъ наконецъ академическому правленію перемѣстить его изъ тверской семинаріи во 2-й классъ Александро-Невскаго приходскаго училища. «А меня Богъ спасъ отъ графскаго гнѣва», писалъ АѦанасій.

15-го сентября 1841 года, АѦанасій, уже епископъ Томскій и Енисейскій, выѣхалъ изъ с.-петербурга.

Протоіерей В. Владиславцевъ.

ИЗЪ БЕСѢДЫ СЪ МОЛОКАНОМЪ ^(а).

Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца прошлаго 1867 года, прибылъ въ наше мѣстечко ^(б), по торговымъ своимъ дѣламъ, бѣндерскій молоканъ С. Ѳ. П., человекъ мнѣ довольно знакомый. Я пригласилъ его переночевать у меня. Вечеромъ на свободѣ зашла у насъ рѣчь о вѣрѣ. Онъ былъ грамотный, и я прежде всего предложилъ ему послушать «Историческія свѣдѣнія о молоканской сектѣ,» напечатанныя въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ» за 1858 годъ (часть 3 стр. 42—80, 291—327). Онъ съ удовольствіемъ согласился. Многое въ статьѣ «Собесѣдника» признавалъ онъ справедливымъ;

(а) Секта молоканская, одна изъ отраслей такъ называемаго Духоборчества, доселѣ еще мало извѣстна съ исторической ея стороны; весьма небогата наша литература и полемическими сочиненіями противъ молоканства. Поэтому всякая, съ знаніемъ дѣла составленная, статья о молоканахъ составляетъ пріобрѣтеніе, полезное для занимающихся полемикой противъ существующихъ въ Россіи расколовъ и сектъ; а предлагаемый разговоръ имѣеть тѣмъ большее достоинство, что онъ не вымышленный, писанъ не на основаніи извѣстныхъ молоканскихъ «исповѣданій» а происходилъ въ дѣйствительности и можетъ дать понятіе о томъ, какъ въ настоящее время разсуждаютъ молоканы о нѣкоторыхъ предметахъ православнаго вѣроученія. Судить, въ какой мѣрѣ удовлетворительно отвѣчалъ авторъ (недавно бывший старообрядцемъ) на возраженія своего собесѣдника-молокана, предоставляемъ самимъ читателямъ. *Н. Субботинъ.*

(б) Въ Бессарабіи.

но кое что и отвергалъ, — говорилъ: у насъ этого вовсе нѣтъ. Изъ упоминаемыхъ же тамъ молоканскихъ наставниковъ нѣкоторые, по его словамъ, даже ему знакомы, — бывали въ Бессарабіи у него въ домѣ, какъ напр., бѣглый выходецъ изъ Молдавіи Лукьянъ Петровъ ^(в). Когда я кончилъ чтеніе статьи, онъ сталъ меня хвалить, что я такой охотникъ (какъ ему казалось) читать и собралъ у себя много книгъ; но совѣтовалъ больше читать слово Божіе, то-есть Библию, и хорошенько вникать въ смыслъ священнаго писанія; «тогда только, прибавилъ онъ, узнаете, которая есть истинная вѣра. А то посмотрите-ка, продолжалъ онъ, сколько у васъ внесено неправильнаго въ ваши новыя книги, — одно прибавлено, другое убавлено, а такъ дѣлать великій грѣхъ. Апостолъ Павелъ страшно запрещаетъ учить чему-либо новому. Онъ говоритъ: *аще мы или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче еже благовѣстихомъ вамъ, анаѡема да будетъ* (Гал. гл. 1, ст. 8)». Тогда я спросилъ его: «что же такое вы находите неправильнаго въ нашихъ, какъ вы говорите, новыхъ книгахъ? Вѣдь онѣ всѣ основаны на томъ же словѣ Божіемъ и если которая книга слову Божію не согласна, мы таковую не почитаемъ и за истинную.»

Онъ. Да вотъ первое, въ чемъ книги ваши не согласны слову Божію: въ вашихъ новыхъ книгахъ заповѣдано поклоняться иконамъ, а во Евангеліи и въ Библии вообще нѣтъ нигдѣ такого повелѣнія.

Я. Дѣйствительно, церковь православная, послѣдуя древнѣйшему преданію и писаніямъ св. отецъ, повелѣваетъ чествовать св. иконы; но, поклоняясь иконамъ, нимало не противорѣчитъ Евангелію и слову Божію. Если и нѣтъ въ словѣ Божіемъ прямого наставленія о поклоненіи иконамъ, то ни-

(в) «Правосл. Собесѣд.» часть 3 стр. 305.

гдѣ не найдете въ словѣ Божіемъ и запрещенія поклоняться священнымъ изображеніямъ Бога и святыхъ Его.

Онъ. Въ Евангеліи такого запрещенія, правда, не находится; но въ ветхомъ завѣтѣ Господь съ страшными прещеніями повелѣваетъ не творить никакихъ образовъ и не поклоняться имъ. Послушайте, я приведу вамъ нѣсколько такихъ мѣстъ. 1-е въ книгѣ Исходъ, въ 20 главѣ, Самъ Богъ говоритъ: *Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горь, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подѣ землею: да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ.* 2-е въ книгѣ Премудрости Соломоновой въ главѣ 1-й: *Древосъщець тектонъ, древо криво и сучія полно приимъ, извая съ прилежаніемъ праздности своея, и искусствомъ разума изобрази его, и уподоби его образу челоуьчу, или нъкоему животному ничтожному уподоби его, помазавъ шарами различными, и очервлени видъ его. И, сотворивъ ему достойное его обитаніе, на стѣнь постави, укрѣпивъ желъземъ: да не убо падеть, предумысли о немъ. вѣдый, яко не можетъ помощи себѣ. Ибо идолъ есть и требуетъ помощи. О стяжаніяхъ же и о брацьяхъ и чадѣхъ своихъ моляся не стыдится къ бездушному глаголю: и о здравіи немощное призываетъ и о животѣ мертвое молить и въ помощь неключимое призываетъ* (ст. 13—18) и прочая. 3-е въ 14-й главѣ той же книги: *Рукотворенное проклято есть и сотворивый е, яко оу убо содѣла, сіе же тлѣнное, Богомъ именовася* (ст. 8). 4-е у пророка Исаіи:— въ главѣ 44-й пишется: *Избравъ древодѣля древо, постави е въ мѣру и клеємъ сооруди е: и сотвори е аки образъ мужескъ и аки красоту челоуьчу, поставити е въ дому. Сотвори е изваянное. и прекланяется имъ* (ст. 13 и 15). 5-е у Іереміа проро-

ка въ 10-й главѣ: *Законы языковъ суетни суть: древо есть отъ лѣса изсѣченное дѣло тектонское, и сляніе, серебромъ и златомъ украшена суть, и мѣлами и гвоздьми утвердиша я, да не движутся. Серебро изваяно есть, не глаголютъ: носими носятся, понеже ходити не возмогутъ. Не убойтеся ихъ, яко не сотворятъ зла, и блага нѣсть въ нихъ* (стихи 3, 4 и 5). Видите, какъ ясно воспрещается въ словѣ Божіемъ творить всякое подобіе и поклоняться рукотвореннымъ изображеніямъ. Ваши иконы тоже рукотворенныя и вы съ ними обращаетесь весьма похоже на то, какъ въ книгѣ Премудрости описано обращеніе язычниковъ съ идолами. Не ясно ли, что вы погрѣшаете, имѣя у себя иконы и поклоняясь имъ?

Я. Тѣ мѣста, которыя привели вы, дѣйствительно воспрещаютъ творить кумиры и подобія, но простирать сіе запрещеніе на святыя иконы, употребляемыя православною церковію, почитать ихъ за такіе же «кумиры и подобія», употребленіе которыхъ Богъ воспретилъ Іудеямъ, никакъ не должно, и вы сами въ этомъ случаѣ весьма погрѣшаете. О какихъ кумирахъ, о какихъ подобіяхъ говорится въ приведенныхъ вами мѣстахъ священнаго писанія? Говорится объ идолахъ языческихъ, объ истуканахъ, о подобіяхъ ложныхъ боговъ, которымъ поклонялись язычники, незнавшіе и нехотѣвшіе знать истиннаго Бога. Этихъ бездушныхъ идоловъ язычники почитали за всемогущихъ раздаятелей добра и зла, къ нимъ прибѣгали за помощію, на нихъ уповали, ихъ умилостивляли жертвами, вообще воздавали имъ божескія почести. Чтобы предохранить народъ свой отъ подражанія язычникамъ, отъ увлеченія въ идолопоклонство, къ которому склонны были Евреи, Богъ и издавъ чрезъ Моисея строгую заповѣдь, воспрещающую творить кумиры и подобія; чтобы утвердить Евреевъ въ поклоненіи истинному Богу, сотворшему небо и

землю, священные писатели въ указанныхъ вами мѣстахъ и изображаютъ съ такою силою всю тщету и ничтожность идоловъ языческихъ. Такъ ужели вы почитаете и святыя иконы, употребляемыя въ церкви, за изображенія подобныя истукану какого-нибудь студнаго языческаго бога, какого-нибудь быка — аписа, тельца и т. п.? Это и неразумно и нечестиво. Иконы, которымъ мы поклоняемся, суть, вопервыхъ, изображенія Бога истиннаго, Единороднаго Сына Божія, явившагося во плоти, и святыхъ, Богомъ прославленныхъ и данныхъ намъ въ ходатаи и заступники предъ Нимъ. А таковыхъ изображеній Богъ не только не воспрещаетъ, а напротивъ заповѣдуетъ ихъ творить. Моисею рече Богъ: *Сотвориши два херувима злата изваянна, и возложиши я отъ обоихъ странъ очистилища. Да сотворятся херувими, единъ отъ страны сея, и друій отъ страны друія очистилища: и сотвориши два херувима на обоихъ странахъ.* (Исх. гл. 25, ст. 18 и 19). Вотъ Самъ Богъ повелѣваетъ создать изображенія существъ истинныхъ, чистыхъ и достойныхъ почитанія, и чтобы возвысить еще болѣе значеніе этихъ священныхъ изображеній, — Онъ благоволилъ между двумя, по Его повелѣнію устроенными Херувимами открыть Себя Моисею и бесѣдовать къ нему: *и познанъ буду тебѣ оттуду и возлагаю Тебѣ сверху очистилища между двѣма Херувими, иже суть надъ кивотомъ свидѣнія* (тамъ же ст. 22). Еще Господь заповѣдалъ Моисею Херувимовъ же исткать на завѣсѣ скиніи свидѣнія, — *сотворить дѣломъ тканымъ* (тамъ же гл. 26, ст. 1). Вотъ съ этими ветхозавѣтными, священными изображеніями, по Бжественному повелѣнію устроенными и присутвіемъ самого Бога почтенными, имѣють точное сходство и св. иконы, въ церкви христіанской употребляемыя: какъ тѣ изображали существъ истинныхъ, ближайшихъ Божіихъ служителей, такъ и наши иконы суть изоб-

раженія истиннаго Бога и святыхъ, Ему благоугодившихъ; и если изображеніе Херувимовъ въ скиніи свидѣнія было устроено по непосредственному повелѣнію самого Бога, то не законно ли простирать сіе повелѣніе и на употребленіе священныхъ изображеній въ храмахъ христіанскихъ? Это я показалъ вамъ первое существенное различіе святыхъ иконъ и тѣхъ «кумировъ» и «подобій», которыя такъ рѣшительно воспрещаются въ приведенныхъ вами мѣстахъ священнаго писанія, показалъ, что первыя суть изображенія Бога истиннаго а послѣднія — истуканы ложныхъ боговъ, — и одно это существенное между ними различіе уже ясно показываетъ, что содержащіяся въ св. писаніи запрещенія дѣлать и почитать идоловъ на святыхъ иконы простираться не можетъ. Вотъ-рыхъ, великое различіе въ томъ, какъ язычники служили и служатъ идоламъ, и въ томъ, какъ христіане почитаютъ иконы. Идоловъ язычники, какъ я показалъ выше, почитали за боговъ, на нихъ уповали, ихъ чествовали и умилостивляли жертвами: христіанинъ пріемлетъ иконы только какъ изображенія Бога и святыхъ Его; взирая на образъ, возносится мыслию къ первообразному, отъ иконы къ изображенному на ней; воздастъ честь не веществу иконы, не дереву и краскамъ, но тому, кого при помощи сихъ вещественныхъ средствъ она представляетъ взорамъ нашимъ. Прочтите о семъ писанія святыхъ отцевъ, ратовавшихъ за иконы во времена иконоборства, и вы ясно поймете, какое безконечное различіе между иконопочитаніемъ и идолопоклонствомъ. И если въ словѣ Божіемъ предано осмѣянію поклоненіе идоламъ, какъ мнимымъ богамъ, то сказанное о идолопоклонствѣ, очевидно, никакъ не можетъ быть перенесено на почитаніе святыхъ иконъ, не боготворимыхъ нами, а чтимыхъ только ради изображаемаго на нихъ. И такъ вы должны сознаться, что вторую заповѣдь десятословія и изреченія пророковъ,

направленные противъ идолопоклонства, несправедливо и незаконно приводите вы противъ иконопочитанія. А что касается изреченія книги Премудрости Соломоновой: *рукотвореніе проклято есть и уже сотвори его* (14 глава), то и въ немъ точно также говорится не объ иконахъ, а объ идолахъ, которыхъ творили и почитали язычники, ибо дальше сказано: *сіе же тлѣнное Богомъ именовася*. Сіи-то нечестиво боготворимые идолы, вмѣстѣ съ сотворшими ихъ на соблазнъ и погибель людей, и прокляты здѣсь. Созидая своихъ идоловъ, язычники *измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣннаго чловѣка, и птицъ и четвероногихъ и гадъ. И почтоша и послужиха твари паче Творца* (Римл. 1, 23—25). А если на основаніи приведеннаго изреченія изъ книги Премудрости всякое рукотвореніе станете считать подлежащимъ проклятію, то выдетъ, что такому проклятію подлежить и Моисей, сотворившій кивотъ, скинію, херувимовъ и прочее, и, что всего страшнѣе, даже самъ Богъ, давшій Моисею повелѣніе ихъ создать.

Онъ. Нѣтъ, мы такъ не думаемъ, и Моисея за то, что онъ по Божію повелѣнію сотворилъ херувимовъ, мы не обвиняемъ. Но херувимовъ этихъ и ваши иконы нельзя почитать за едино: херувимовъ Самъ Богъ повелѣлъ сотворить; а объ иконахъ во всей библіи не отыщете предписанія, чтобъ ихъ изображать и имъ поклоняться. Я пожалуй съ вами согласенъ, что и запрещенія творить иконы въ библіи нѣтъ; но мы должны почитать и имѣть въ уваженіи только то, что Богъ заповѣдалъ творить и почитать, а чего Онъ не повелѣлъ, того не должны вымышлять изъ своей головы, хотя бы, по нашему мнѣнію, это было и непротивно Богу.

Я. Вамъ уже сказано мною, въ чемъ заключается сходство между херувимами, поставленными въ скиніи свидѣнія, и иконами, въ церкви христіанской употребляемыми, и по-

чему заповѣдь Божию о созданіи херувимовъ можно прости-
 рать и на иконы. А то ваше заключеніе, что не должно тво-
 рить ничего, даже и угоднаго Богу, если на то нѣтъ прямого
 Божія повелѣнія, признать справедливымъ невозможно. Въ
 томъ же ветхомъ завѣтѣ вы найдете примѣры, что нѣкото-
 рые изъ людей Божіихъ созидали жертвенники Богу и другія
 сооруженія, не имѣя на то Божія повелѣнія, и не только не
 были осуждены Богомъ, но и заслужили Его благоволеніе.
 Напримѣръ, не видно, чтобъ Іаковъ имѣлъ отъ Бога повелѣ-
 ніе поставить столпъ каменный и возлечь елей вверху его,
 и прозвать имя мѣсту тому *домъ Божій* (Бытія гл. 28, ст.
 18 и 19); и однако же сдѣлалъ все это, и Богъ съ благово-
 леніемъ принялъ дѣло его. Равнымъ образомъ Давидъ за-
 мыслилъ создать домъ Божій, не имѣя на то предварительнаго
 повелѣнія отъ Бога, а Соломонъ въ храмъ Господнемъ со-
 творилъ херувимовъ, и воловъ, море мѣдное и прочее, так-
 же безъ особеннаго указанія Божія (2 Цар. гл. 7. 1 Паралип.
 гл. 22); и однако всѣ эти сооруженія не отринуты Богомъ,
 напротивъ освящены присутствіемъ Его силы и благодати,
 ибо созданы были во славу Его святаго имени. Такъ же слѣ-
 дуетъ разсуждать и объ иконахъ. Хотя и нѣтъ въ свящ. Пи-
 саніи положительнаго постановленія объ употребленіи ихъ,
 но поелику онѣ устрояются для прославленія имени Божія и
 святыхъ Божіихъ, то употребленіе ихъ должно почитать не
 только не противнымъ Богу, но и угоднымъ Ему. А что онѣ
 дѣйствительно угодны Богу, это Онъ засвидѣтельствовалъ въ
 безчисленныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, чрезъ святыхъ иконы
 явленныхъ. Вы, конечно, не вѣрите симъ чудесамъ; но не
 вѣрить имъ нельзя, ибо они подтверждаются достовѣрными
 свидѣтельствами, которыхъ вы опровергнуть не можете.

Онъ. Все-таки, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ имѣть
 иконы и поклоняться имъ: вѣдь простые неграмотные люди,

не зная, что иконы — только изображенія Бога и святыхъ, прямо обращаются къ нимъ какъ къ Самому Богу и святымъ, воздаютъ имъ такія почести, которыя приличны только Богу Единому. Такимъ образомъ иконы только вводятъ людей неграмотныхъ въ заблужденіе и приносятъ не пользу, а вредъ.

Я. Нельзя согласиться и съ этимъ вашимъ разсужденіемъ. Неужели ради нѣсколькихъ невѣждъ слѣдуетъ уничтожать то, что само въ себѣ священно и спасительно? Напримѣръ, скопцы, читая святое Евангеліе, находятъ въ немъ такія мѣста, которыя будто бы даютъ имъ право искажать себя. Неужели же для того, чтобъ это не служило имъ ко вреду, слѣдуетъ исключить изъ Евангелія тѣ слова, въ разумѣніи которыхъ они погрѣшаютъ? И еще: нѣкоторые боготворили, а можетъ быть и теперь гдѣ-нибудь боготворятъ солнце, мѣсяць, звѣзды, огонь и воду; ужели поэтому нужно признать вредными и уничтожить всѣ сіи величественныя и столь необходимыя въ составѣ міра творенія Божіи? Видите ли, какъ неразумно разсуждать по вашему, будто иконы должно отвергнуть потому, что нѣкоторые смотрятъ на нихъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Здѣсь вина падаетъ не на иконы, а на тѣхъ, которые имѣютъ превратное понятіе объ иконахъ. Да и справедливо ли вы говорите, будто вообще простой народъ нашъ почитаетъ иконы за боговъ? Положимъ, что иногда вы услышите въ народѣ и такое выраженіе; но сдѣлайте замѣчаніе тому, кто употребилъ его, и онъ сейчасъ же сознаетъ свою вину, — скажетъ вамъ, что ошибся, что икона не Богъ, а изображеніе Бога Спасителя или Божіей Матери. Ибо каждый, какъ бы простъ ни былъ, знаетъ, что Богъ нашъ на небеси живетъ во свѣтѣ неприступномъ. Если же, наконецъ, дѣйствительно найдутся невѣжды, такъ превратно разумѣющіе о святыхъ иконахъ, то ихъ слѣдуетъ вразумить, а не иконы ради ихъ неразумія предавать порицанію. Не могу я согла-

ситься и съ тѣмъ заключеніемъ вашимъ, будто иконы вообще служатъ не на пользу людямъ безграмотнымъ. Я думаю, напротивъ, для нихъ-то особенно и полезны иконы, ибо служатъ имъ вмѣсто книгъ; икона таже книга, только написанная не буквами, для нихъ непонятными, а въ лицахъ и образахъ, для каждаго вразумительныхъ.

Онъ. Что вы ни говорите, а иконы все-таки не слѣдуетъ имѣть въ такомъ уваженіи, какое онѣ имѣютъ у васъ; мы въ этомъ увѣрены твердо. Вы, какъ человекъ грамотный, читайте побольше слово Божіе и сами увидите, что дѣлать этого не слѣдуетъ: писаніе воспрещаетъ!

Я. Но я уже показалъ вамъ, какіе образы запрещаетъ писаніе, показалъ и то, какое великое различіе между запрещенными въ писаніи идолами, кумирами, подобіями и между почитаемыми церковію иконами. Кое общеніе свѣта ко тьмѣ? Что общаго между иконою Спасителя, благоговѣнно чтимою нами, и истуканами тщетныхъ боговъ? И не богохульствуетъ ли тотъ, кто находитъ между ними что-либо общее? А что вы не хотите понять истиннаго ученія объ иконахъ, находите употребленіе ихъ вреднымъ, и какъ бы за грѣхъ считаете, на то ваша добрая воля и принуждать васъ къ принятію истины я не могу; моя обязанность была только показать вамъ истину, а за непріятіе истины вы сами будете отвѣчать предъ Богомъ.

Онъ. Это справедливо, — никто за другаго отвѣчать не станетъ, каждый что посѣтъ, то и пожветъ. Но вѣдь мы стараемся во всемъ держаться только слова Божія, и поступать вопреки оному считаемъ неправымъ дѣломъ.

Я. Не много ли вы сказали о себѣ, что во всемъ поступаете согласно слову Божію? Что, если я покажу вамъ, что напротивъ во многомъ вы отступаете отъ слова Божія?

Онъ. Въ чемъ же напримѣръ?

Я. Напримѣръ, какъ вы учите о таинствѣ крещенія?

Онъ. Мы приедемъ крещеніе.

Я. Но какое крещеніе? Когда у васъ родится дитя, крестите ли вы его, такъ какъ заповѣдано въ словѣ Божіемъ и какъ св. церковь крестить, т.-е. чрезъ троекратное погруженіе въ воду?

Онъ. Нѣтъ, такъ не крестимъ, да и въ словѣ Божіемъ такъ крестить не заповѣдано. Въ словѣ Божіемъ крещеніемъ называется ученіе Христово, а не въ воду погруженіе.

Я. Вотъ вы сейчасъ и показали, что отступаете отъ Слова Божія, ибо превратно его толкуете. Подъ крещеніемъ разумѣется въ писаніи именно погруженіе, что явствуетъ изъ словъ Христа Спасителя: *аще кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5).

Онъ. Да что здѣсь подъ водой-то разумѣется? Разумѣется Слово Божіе; вы прочитайте-ка въ Евангеліи, что сказалъ Спаситель, когда бесѣдовалъ съ Самарянкой. *Аще бы выдала еси даръ Божій, и кто есть глаголюй ти: даждь ми пити: ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу* (Іоан. гл. 4, ст. 10). Такъ вотъ она вода-то какая! — Господне ученіе, а не простая вода. Да и что намъ поможетъ вода? Вѣдь она ничего не значить. Помогла ли бы она Нееману Сіріанину отъ проказы, еслибы его Елисей пророкъ не исцѣлилъ (4 кн. Цар. гл. 5.)?

Я. Въ бесѣдѣ съ Самарянкой Господь, говоря о водѣ живой, дѣйствительно, употребилъ иносказательное выраженіе, — разумѣлъ воду не чувственную, что показываетъ и самое изреченіе *вода живая*. Но заключать отсюда, что и тамъ, гдѣ говорится о водѣ крещенія, нужно разумѣть также не чувственную воду, а ученіе, никакъ не слѣдуетъ. Въ этихъ мѣстахъ говорится весьма ясно и прямо о водѣ стихійной, что подтверждается и примѣрами крещенія въ водѣ, о которыхъ

упоминается въ священномъ же писаніи, а наиваче примѣромъ Самого Спасителя, крестившагося отъ Іоанна въ струяль Іорданскихъ. А что вы сказали о исцѣленіи Неемана Сіріанина, то въ словахъ вашихъ никакого доказательства противъ крещенія водою я не вижу. Правда сами по себѣ воды Іордана никакой пользы Нееману принести не могли, и сколько бы разъ онъ ни погружался въ Іорданъ по своему собственному желанію, не получилъ бы исцѣленія отъ проказы. Но когда онъ сдѣлалъ это по повелѣнію пророка, или по волѣ Самого Бога, чудодѣйствовавшаго пророкомъ, та же вода подаетъ ему исцѣленіе, и не погружившись въ воду, исцѣленія онъ не получилъ бы. Въ примѣрѣ этомъ можно находить даже нѣкоторое подобіе или указаніе дѣйствія и силы крещенія. И въ крещеніи употребляемая вода сама по себѣ не имѣетъ силы очищать скверну душевную; но когда эта же самая вода, согласно установленію Спасителя и Его Апостоловъ, дѣлается веществомъ таинства, — когда по освященіи воды, крещаемый погружается въ оную троекратно съ призываніемъ имени Св. Троицы: тогда дѣлается она банею паки-бытія для крещаемого, и крещенный исходитъ изъ нея омытый и очистившійся отъ всякія скверны плоти и духа.

Онъ. Нѣтъ! — По нашему не такъ. Вода ничего не значить и не нужна для крещенія; Христосъ и апостолы нигдѣ ясно не говорятъ, чтобы совершать крещеніе водное, — оно должно быть непременно духовное.

Я. Такъ вы рѣшительно утверждаете, что Христосъ и апостолы нигдѣ ясно ни говорятъ о крещеніи водномъ? Напрасно вы это говорите. Вотъ послушайте, я приведу вамъ нѣсколько мѣстъ священнаго Писанія, въ котрыхъ о крещеніи водою сказано весьма ясно. Спаситель, посылая апостоловъ на проповѣдь, сказалъ: *идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и святаго Духа*

(Матѣ. 28, 19). Я не стану вамъ говорить о томъ, что по объясненію ученыхъ, греческое слово, которое по славянски переведено словомъ *крестить*, значитъ именно погружать въ воду: ни вы, ни я погречески не знаемъ, и повѣрить это толкованіе по греческому тексту не можемъ. Но вотъ вамъ подтвержденіе этаго толкованія самое простое и довольно ясное. Спаситель у Евангелиста Марка въ главѣ 7-й (стихъ 8) упоминаетъ о *крещеніи чваномъ*. Что значитъ это выраженіе? Надѣюсь, что и вы согласитесь, что здѣсь разумѣется погруженіе сосудовъ въ воду для омовенія, хотя о водѣ совсѣмъ не упомянуто. Такъ и въ повелѣніи апостоламъ должно разумѣть подъ крещеніемъ — крещеніе чрезъ погруженіе въ воду. Еще яснѣе говорится о крещеніи водою въ евангельскомъ повѣствованіи о крещеніи самого Спасителя, здѣсь сказано между прочимъ: *и крестився Иисусъ взыде абіе отъ воды* (Матѣ. 3, 16). *Взыде отъ воды*, — очевидно крещеніе состояло въ томъ, что Спаситель сходилъ (погружался) въ воду, и потомъ вышелъ изъ воды. О такомъ же водномъ крещеніи свидѣтельствуютъ и апостолы и словомъ и дѣломъ. Апостоль Павелъ въ 1-мъ посланіи къ Коринѣянамъ пишетъ: *ни единаго отъ васъ крестихъ, точію Криспа и Гаія, крестихъ же и Стефаниновъ домъ: прочее не вѣмъ, аще кого крестихъ, не посла бо мене Христосъ крестити, но благовѣстити* (гл. 1, ст. 14, 16, 17) Несомнѣнно, что здѣсь разумѣется крещеніе водою, а не духовное — посредствомъ ученія. Если допустить, что здѣсь разумѣется послѣднее, т. - е. крещеніе ученіемъ, то какъ объясните вы эти слова апостола: *не посла мене Христосъ крестити, но благовѣстити*? Ученіе, проповѣдь, благовѣствованіе — слова одностепенныя: и выйдетъ по вашему, что апостоль говорить: *не послалъ меня Христосъ учить, но учить!* Видите ли, къ какимъ несообразностямъ приводитъ ваше желаніе

подъ крещеніемъ разумѣть ученіе? Если же разумѣть здѣсь, какъ и слѣдуетъ, крещеніе водою, то слова апостола Павла будутъ ясны и понятны. Онъ говоритъ, что не былъ посланъ собственно крестить (ибо на то избраны были другіе апостолы, которые преимущественно и занимались совершеніемъ крещенія надъ вѣрующими, какъ на примѣръ Стефанъ, Филиппъ, Прохоръ, и прочіе), и потому крестилъ очень не многихъ, но что главнымъ его назначеніемъ было — учить людей вѣрѣ Христовой посредствомъ благовѣствованія. Приведу еще одинъ самый очевидный примѣръ крещенія водою изъ Дѣяній апостольскихъ. Вы знаете исторію, какъ апостоль Филиппъ крестилъ каженика, вельмому царицы Египетской. Каженикъ ѣхалъ, читая книгу Исаи пророка; въ это время, восхищенный Духомъ святымъ, является предъ нимъ Филиппъ и начинаетъ съ нимъ бесѣду о Христѣ Спасителѣ, предвозвѣщенномъ Исаею. Каженикъ увѣровалъ и изъявилъ желаніе креститься. Въ это самое время они подъѣхали къ такому мѣсту, гдѣ была вода: *и рече каженикъ: се вода: что возбраняетъ ми креститися? Рече же ему Филиппъ: аще вѣруеши отъ всего сердца твоего, мощно ти есть. Отвѣщавъ же рече: вѣрую Сына Божія быти Исуса Христа. И повелъ стати колесницю; и спидоста оба въ воду, Филиппъ же и каженикъ и крести его* (Дѣян. гл. 8, 36, 37, 38). Скажите мнѣ, о какой водѣ говорится здѣсь, чувственной, или духовной, т.-е. объ ученія?

Онъ. Положимъ, что здѣсь говорится о водѣ обыкновенной.

Я. Значитъ апостоль Филиппъ совершилъ крещеніе водою, каковое крещеніе въ церкви апостольской и употреблялось вообще надъ пріемлющими вѣру Христову. Такъ вотъ съ какой ясностью въ словѣ Божіемъ говорится о крещеніи водою, и утверждать, что подъ крещеніемъ въ Священномъ

писаніи разумѣется обыкновенно ученіе, значитъ уже извращать смыслъ писанія, что вы и дѣлаете.

Онъ. Положимъ, что Филиппъ крестилъ каженика въ водѣ, но все таки и здѣсь вода ничего не значила, не въ водѣ сущность дѣла.

Я. Странное разсужденіе! Самъ Господь и апостолы Его заповѣдуютъ и словомъ и дѣломъ, что крещеніе нужно совершать водой; а вы утверждаете, что вода здѣсь ничего не значитъ, что и безъ нея можно обойтись, и даже совѣтъ не употребляете ее для крещенія! Что же, вы хотите исправить Христово и апостольское ученіе? Хотите по своему рѣшать, что въ немъ годится и что не годится? Какая дерзость! Да не сами ли вы говорили, что во всемъ слѣдуете слову Божию? Но вотъ я показалъ вамъ ясныя мѣста священнаго писанія о водномъ крещеніи, а вы ихъ не приѣмлете, или, что тоже, превратно толкуете, и значитъ слову Божию не слѣдуете. Такъ и не хвалитесь же, не называйте себя строгими его хранителями.

Онъ. Что вы ни говорите, а все-таки крещеніе надобно признавать духовное — ученіемъ, а не чувственное — водою. Такъ и слово Божіе повелѣваетъ.

Я. Вижу, что никакихъ, самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ о истинѣ вы принять не хотите, и опять мнѣ остается сказать, что ваше дѣло принять истину, или не принять, а я только считалъ дѣломъ совѣсти указать вамъ истинное ученіе. Вотъ и еще спрошу васъ: принимаете ли вы таинство причащенія тѣла и крови Христовой подъ видомъ хлѣба и вина, установленное Господомъ и имѣющее совершаться неизмѣнно до Его втораго пришествія?

Онъ. Въ таврической губерніи, нѣкоторые изъ нашихъ во время собранія на молитву, причащаются хлѣбомъ, подобно какъ и вы; но у насъ это почитается неправильнымъ. Прича-

щеніе, по нашему, должно быть также духовное, то-есть причащеніе Христова ученія.

Я. На какомъ же это основаніи? Гдѣ въ священномъ Писаніи нашли вы такое свидѣтельство, что причащеніе должно быть духовное, совершаемое посредствомъ ученія? Писаніе напротивъ весьма ясно говоритъ о причащеніи тѣла и крови Христовой подъ видомъ хлѣба и вина. Вотъ слова самого Спасителя: *плоть моя истинно есть брашно и кровь моя истинно есть пиво* (Іоан. гл. 6, ст. 55). Усиленное выраженіе: *истинно* есть брашно, и *истинно* есть пиво, несомнѣнно доказываютъ, что Спаситель разумѣлъ здѣсь видимое принятіе вѣрующими тѣла и крови Его а не духовное, посредствомъ ученія. Онъ же на тайной вечери *пріемъ хлѣбъ, и благословивъ преломи, и дающе ученикомъ, рече: пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое. И пріемъ чашу и хвалу воздавъ, даде имъ глаголя: пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь моя новаго завѣта, яже за мноія изливаемая во оставленіе грѣховъ.* (Матѣ. гл. 26. ст. 26). *Сіе творите въ мое воспоминаніе* (Лук. гл. 22, ст. 19). Спаситель, принявъ, благословилъ и преломилъ хлѣбъ истинный: такой же истинный хлѣбъ Онъ заповѣдалъ и ученикамъ приносить въ Его воспоминаніе: *сіе творите въ мое воспоминаніе.* И такъ какъ Господь предалъ плоть свою на страданія, и пролилъ свою пречистую кровь для нашего спасенія, то и приобщеніе плоти и крови Его содѣлалъ непремѣннымъ условіемъ спасенія для каждаго изъ вѣрующихъ: *Аще не съесте плоти Сына человеческого, говорилъ Онъ, ни пїете крови Его, живота не имаете въ себѣ. Ядый мою плоть и пїй мойю кровь, имать животъ вѣчный: и Азъ воскрешу Его въ послѣдній день. Ядый мою плоть и пїй мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ. Ядый хлѣбъ сей живъ будетъ во вѣки* (Іоан. гл. 6. ст. 53, 54, 55, 56). Какъ

же послѣ этого можете вы отвергать столь великое таинство, какъ приобщеніе тѣла и крови Христовой, и какъ можете надѣяться живота вѣчнаго?

Онъ. Да вы не такъ понимаете слова Христовы,—вы понимаете ихъ буквально, а надобно принимать въ смыслѣ духовномъ; такъ повелѣлъ Самъ Онъ: послѣ словъ, которыя вы привели, сейчасъ Онъ сказалъ: *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже: глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть* (Іоан. гл. 6. ст. 63.). Видите, рѣчь идетъ здѣсь не о вещественномъ хлѣбѣ, а о духовномъ

Я. Дѣйствительно слова эти: *глаголы яже Азъ глаголахъ вамъ духъ суть и животъ суть*, были сказаны Спасителемъ; но вспомните, по какому поводу. Когда Спаситель сказалъ: *хлѣбъ, еяже Азъ дамъ, плоть моя есть*, то *жидове пряхуся между собою, глаголюще: како можетъ сей намъ дати плоть свою ясти* (Іоан. гл. 6. ст. 52); даже нѣкоторые изъ учениковъ Спасителя говорили: *жестоко есть слово сіе: и кто можетъ его послушати?* (тамъже ст. 60) Видя, что многіе соблазняются, не разумѣя словъ Его, Спаситель и объясняетъ имъ, что они поняли его неправильно,—не самую плоть Его, какъ они видятъ ее, даетъ Онъ въ пищу людямъ, но даетъ подъ видомъ хлѣба, который духовнымъ, непостижимымъ для насъ образомъ будетъ претворяться въ истинное тѣло Его. Въ этомъ смыслѣ и сказалъ Онъ: *Глаголы, яже Азъ глаголахъ, духъ суть и животъ суть*. Все это Спаситель говорилъ еще до учрежденія таинства Евхаристіи; неудивительно поэтому, что Его не поняли даже сами ученики. А въ послѣдствіи, когда Онъ на вечери тайной, предлагая хлѣбъ и вино, сказалъ: *сіе есть тѣло мое и сія есть кровь моя*, смыслъ и прежнихъ словъ Его сталъ ясенъ. Апостолы, слѣдуя примѣру своего Учителя, и

сами совершали причащеніе тѣла и крови Христовой подѣ видомъ хлѣба и вина и вѣрующимъ также точно совершать оное заповѣдали. Апостоль Павелъ пишетъ: *чаша благословенія, юже благословляемъ, не общеніе ли крови Христовы есть; хлѣбъ, еюже ломимъ, не общеніе ли тѣла Христова есть* (1 Кор. гл. 10, ст. 16). Апостоль говорить о чашѣ, о хлѣбѣ, о преломленіи, о предметахъ и дѣйствіяхъ видимыхъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говорить еще яснѣе: *Азъ пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Иисусъ въ ночь, въ нюже предакъ бываше, приемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: приимите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое. Сіе творите въ мое воспоминаніе. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сія чаша Новый завѣтъ есть въ Моей крови: сіе творите, елижды аще пиете, въ мое воспоминаніе. Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію пиете, смерть Господню возвъщаете, дондеже приидетъ* (1 Кор. гл. 11 ст. 23, 24, 25 и 26). Нужно ли еще болѣе ясное свидѣтельство о томъ, что таинство причащенія должно совершать, какъ совершали его Спаситель и апостолы, т. е. подѣ видомъ хлѣба и вина?

Онъ. Все это вы говорите потому, что такъ научили васъ ваши учителя Василиій (великій) да Іоаннъ (Златоустъ) и прочіе, имъ подобные. Но вѣдь это были не истинные учителя. Посмотрите-ка, что говоритъ Спаситель о лжеучителяхъ (Матѣ. гл. 24. ст. 24-26). Они-то и есть тѣ ложные учителя, о которыхъ Спаситель говорилъ. Много они прибавили къ истинному Христову ученію, чего прежде вовсе не было; а послѣ ученики ихъ прибавили еще больше, такъ что истинное ученіе совсѣмъ извратили.

Я. Какъ это дерзнули вы произнести такую тяжкую хулу на святыхъ Божіихъ! Какъ не боитесь гнѣва Божія, прилагая слова Спасителя о лжеучителяхъ къ истиннымъ Его служите-

ламъ и проповѣдникамъ? Что нашли вы общаго съ изображенными въ Евангеліи лжепророками и лжеучителями въ упомянутыхъ вами отцахъ Церкви Василии Великомъ, Іоннѣ Златоустомъ и другихъ? Никто изъ нихъ не выдавалъ себя за Христа или пророка, никто не предлагалъ ученія, несогласнаго съ проповѣдію Спасителя и апостоловъ; каждый училъ, и мало не отступая отъ слова Божія. Вѣдь ихъ писанія сохранились доселѣ, и всѣмъ доступны: кромѣ праваго ученія вѣры и назиданія духовнаго ничего вы не найдете въ нихъ. И то примите во вниманіе, что они не сами собой восхитили учительство, но были на то избраны и поставлены верховною въ Христовой церкви властію, преемственно отъ святыхъ апостоловъ идущею. Они были именно тѣ пастыри и учителя, которыхъ самъ Господь поставилъ на дѣло служенія: а вы дерзаете говорить на нихъ такія укоризны! Лучше обратите вниманіе на вашихъ собственныхъ наставниковъ. Отъ кого они ведутъ начало? Отъ недавно проявившагося вашего лжеучителя Уклеина! А самъ Уклеинъ кѣмъ поставленъ и посланъ на дѣло проповѣди? Апостоль Павелъ пишетъ: *како проповѣдятъ, аще не послани будутъ?* (Рим. 10, ст. 15). Кто же, спрашиваю, послалъ на проповѣдь вашихъ наставниковъ и учителей? Никто. Такъ вотъ лучше вы разсудите о томъ, правильно ли учатъ ваши непризванные учителя; а отъ укоризнъ на пастырей церкви себя удержите. Я привелъ вамъ ясныя свидѣтельства священнаго Писанія о томъ, что таинство Евхаристіи должно преподавать подъ видомъ хлѣба и вина; а вы ни на что не обращаете вниманія, — говорите мнѣ, что такъ думать научились мы отъ отцовъ церкви, а не отъ писанія! Кто же васъ-то научилъ думать иначе? Кто вамъ внушилъ слѣдовать не прямому и ясному смыслу священнаго Писанія, а все въ немъ понимать духовно и таинственно? Подумайте объ этомъ. А о нашихъ наставникахъ и

то помыслите, ужели они, изучая долгіе годы священное Писаніе, и послѣ постоянно имъ занимаясь, менѣе способны разумѣть слово Божіе и учить истинѣ, чѣмъ ваши наставники, люди простые, едва и читать-то умѣющіе?

Онъ. А вы развѣ не знаете, что сказано въ писаніи: *утаилъ еси отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ* (Мѡ. 11, ст. 25)? Это слова Самого Спасителя. И апостоль Павелъ говоритъ въ посланіи къ римлянамъ: *глаголющеся быти мудри объюродѣша* (Римл. I, ст. 22). Кто знаетъ,—отъ вашихъ-то учителей и сокрыта премудрость Божія, такъ что они хоть и желаютъ, но не находятъ истины.

Я. Странно вы судите. Не самъ ли Богъ даровалъ церкви пастырей и учителей и вручилъ имъ дѣло служенія,— чтобы руководили насъ къ познанію истины? Какъ же возможно, чтобъ истину сію Онъ хранилъ отъ нихъ сокровенною? Милосердый Богъ всѣмъ человѣкамъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити; а вы говорите, что путь спасенія и истины Богъ утаилъ отъ пастырей церкви и такого множества людей, ими пасомыхъ! Нѣтъ, съ такимъ вашимъ мнѣніемъ никто изъ здравомыслящихъ согласиться не можетъ. А слова Спасителя, вами приведенныя, сказаны о книжникахъ и фарисеяхъ, которымъ прстивопоставилъ Онъ апостоловъ. Книжники и фарисеи мечтали о себѣ, что они знаютъ въ совершенствѣ волю Божію и несомнѣнно будутъ наслѣдниками царства Христова, хотя въ сущности были извратители закона и лицемѣры; отъ нихъ-то, почитавшихъ себя мудрыми, и утаилъ Господь истину Свою, а открылъ ее — младенцамъ, безвѣстнымъ и неученымъ рыбалямъ, т.-е. апостоламъ, отъ которыхъ ее наслѣдовали и пастыри церкви, прямые ихъ преемники. Къ кому же относятся слова апостола Павла: *глаголющеся быти мудри объюродѣша*, это самъ онъ

показываетъ, продолжая рѣчь: *измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна чловѣка и птицѣ и четвероногихъ и гадѣ*. Очевидно, рѣчь идетъ о язычникахъ, не знающихъ Бога и вмѣсто Бога поклоняющихся бездушнымъ истуканамъ. Замѣчу кстати, что вы не хорошо сдѣлали, приведя слова апостольскія не сполна, а только одну часть ихъ, которой хотѣли воспользоваться для укоренія пастырей церкви. Такъ пользоваться священнымъ Писаніемъ не добросовѣстно; это обыкновенно пріемъ вашихъ наставниковъ для совращенія простыхъ и неопытныхъ людей съ пути истины.

Онъ. Что-жь? Хотя и не сполна я привелъ слова апостола, но вѣдь и то, что не привелъ я, къ вамъ и вашимъ пастырямъ относится; и вы тоже кланяетесь изображеніямъ и подобіямъ. Нѣтъ! что ни говорите, а ваши пастыри все-таки ошибаются. Мало ли они у васъ прибавили? Теперь посмотрите-ка, сколько у васъ придумано разныхъ обрядовъ, церемоній, сколько составлено лишнихъ молитвъ! и къ чему все это? будто безъ этого нельзя молиться? вѣдь ничего такого при апостолахъ не было.

Я. Относительно изображеній, употребляемыхъ въ церкви, я говорилъ уже вамъ достаточно; потому лишнимъ считаю повторять одно и тоже нѣсколько разъ. Говорилъ и о томъ, что слова изъ посланія къ Римлянамъ о языческихъ идолахъ, изображавшихъ не только чловѣческія лица, но и птицѣ, четвероногихъ и гадовъ, ни малѣйшаго отношенія къ употребленію иконъ не имѣютъ. А что вы говорите, будто наши пастыри сами изобрѣли разные обряды и церемоніи, составили много лишнихъ молитвъ, и будто всего этого при апостолахъ не было, такъ и здѣсь вы далеко отступаете отъ правды. Многія обрядовыя дѣйствія, употребляемыя при совершеніи таинствъ, установлены самими апостолами.

Онѣ. Нѣтъ! Это вы ужь напрасно говорите: апостолы нигдѣ не упоминають объ обрядахъ.

Я. Въ писаніяхъ апостольскихъ говорится наприм. о возложеніи рукъ на пріемлющихъ священство, о помазаніи елеемъ болящихъ, о преклоненіи колѣнъ, о воздѣяннн рукъ въ молитвѣ. Развѣ все это не обрядовыя дѣйствія? И всѣ они, очевидно, ведутъ свое начало отъ апостоловъ, ими самими и при нихъ употреблялись. А что при апостолахъ учреждены и разные другіе обряды, это яснѣ можно узнать изъ сочиненій, составленныхъ учениками апостоловъ, напр. Діонисія Ареопагита, ученика апостола Павла, Климента Римскаго, ученика апостола Петра, Игнатія Богоносца и другихъ, которые жили вмѣстѣ съ апостолами и отъ апостоловъ научились тому, что передали намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Извѣстно, что апостолы не все передали церкви Христовой въ своихъ посланіяхъ, но многія постановленія соблюдаются отъ ихъ временъ по устному преданію. Вы преданіямъ не вѣрите; но истину ихъ подтверждаютъ сами апостолы: *хваляю вы, братіе, пишеть, ап. Павелъ, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите* (1 Кор. гл. 11, ст. 2-й); и еще: *тѣмже убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистесь или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Солун. гл. 2, ст. 15). Или словомъ, т.-е. устно, или *посланемъ*, т.-е. въ письмени. Вотъ сіи то словесныя преданія и записаны апостольскими учениками; отъ нихъ дошли до насъ и содержатся православною церковію со всѣмъ подобающимъ благоговѣніемъ. Послѣ нѣкоторые учителя церкви дѣйствительно составили не мало церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній. Но что же вы находите въ нихъ предосудительнаго? Всѣ онѣ вполнѣ согласны ученію слова Божія и выражаютъ самыя чистыя и возвышенныя чувства души, обращающей къ Богу съ молитвою, прошеніемъ,

хваленіемъ, благодареніемъ Человѣкъ не совершенно испорченный, произнося ихъ, и самъ невольно проникается тѣми же спасительными чувствами.

Онъ. Да для чего же прибавлять и писать новыя молитвы, когда есть уже молитвы пророческія и псалмы Давида? Можно молиться и по нимъ.

Я. Церковь и по нимъ молится, — употребляетъ пророческія молитвы и псалмы, даже предпочитаетъ ихъ другимъ молитвамъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что никакія молитвы больше не нужны, и составлять оныя не должно? Примите во вниманіе, что составленныя въ Ветхомъ Заветѣ молитвы и псалмы, какъ ни назидательны, но не имѣютъ непосредственныхъ молитвенныхъ обращеній ко Христу Спасителю. Христіанинъ же непремѣнно долженъ обращаться въ молитвахъ своихъ къ Нему — Искупителю нашему. Этой потребности и удовлетворяютъ вполнѣ молитвы, составленныя пастырями церкви и издревле освященныя употребленіемъ. Да и вы, хотя возстаете противъ обрядовъ православной церкви и составленныхъ церковными учителями молитвъ, но безъ обрядовъ и молитвъ и сами не обходитесь. Вѣдь вы читаете, я слышалъ, молитву: «слава Отцу и Сыну и Святому Духу», и «Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ». А эти молитвы составлены пастырями православной церкви. Еще скажите мнѣ: кто и какъ совершаетъ у васъ вѣнчаніе?

Онъ. У насъ вѣнчаетъ браки избранный на то старикъ.

Я. Какъ же онъ это дѣлаетъ? Читаетъ что-нибудь надъ новобрачными или нѣтъ?

Онъ. Какъ же, читаетъ новобрачнымъ тѣ мѣста изъ Слова Божія, т. - е. изъ Библии, которыя относятся къ браку. Еще поется при этомъ псаломъ: *Блажени вси боящіися Господа.* Потомъ новобрачные приносятъ клятву въ вѣрности

другъ другу, и родители невѣсты вручаютъ ее жениху, повязавъ ей голову по-женски. Вотъ и все ^(г).

Я. Значить и у васъ есть свои обряды. Такъ зачѣмъ же вы возстааете противъ нашихъ, когда и сами безъ обрядовъ не обходитесь?

Онъ. Какіе же это обряды? Это только наставленія да молитвы, взятыя изъ Слова Божія.

Я. А клятва, произносимая новобрачными, врученіе невѣсты жениху, разныя чтенія и весь вообще чинъ брака, что это какъ не обрядъ? И вся эта форма вѣнчанія составлена вашими наставниками. Еще спрошу васъ: для чего вашъ наставникъ выбираетъ изъ Библии такія мѣста, которыя относятся къ браку? Пусть бы читаль изъ Библии что случится, что откроется.

Онъ. Какъ же такъ? Человѣкъ вѣдь долженъ поступать разумно, — что къ чему идетъ, то и читать.

Я. Хорошо; но вѣдь апостолы этого не написали, что когда будетъ совершаться бракъ, то читать такія-то мѣста изъ Библии, а при погребеніи, напримѣръ, такія и проч.?

Онъ. Апостолы не указали; но человѣкъ самъ долженъ понимать, что къ чему слѣдуетъ.

Я. Такъ вотъ видите, вы и сами пришли къ тому же, что я доказывалъ вамъ, и значить напрасно вы возстааете противъ нашихъ пастырей, составившихъ церковныя чинопослѣдованія, пѣснопѣнія и молитвы. Они, также приспособляясь къ каждому обстоятельству, выбирали чтенія изъ священнаго Писанія, и молитвы и пѣснопѣнія составили также на основаніи Слова Божія, и даже большею частію изъ длинныхъ выраженій священнаго Писанія.

(г) Брачный обрядъ, совершаемый молоканами, см. въ приложеніи

Онъ. Нѣтъ! вашимъ пастырямъ и тому, что они написали въ своихъ книгахъ, мы не вѣримъ.....

Послѣ этого мы говорили объ устройствѣ храмовъ, которое молоканы признаютъ ненужнымъ, объ употребленіи въ пищу свинныхъ мясъ, которыхъ они гнушаются, и о другихъ предметахъ. Я представлялъ, по мѣрѣ моего разумѣнія, доказательства противъ ихъ заблужденій; но къ сожалѣнію и здѣсь собесѣдникъ мой остался также непоколебимъ въ своемъ упорствѣ, какъ и въ вышеизложенныхъ бесѣдахъ. Замѣтилъ я, впрочемъ, что молоканы съ особенною силой возстаютъ противъ употребленія иконъ въ православной церкви; на все же остальное смотрятъ болѣе снисходительно. Кстати сообщу здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о молоканахъ, заимствованныя мною изъ разговора съ моимъ гостемъ и изъ личныхъ моихъ наблюденій надъ ними.

Переходъ въ секту молоканскую не сопровождается никакимъ чинопріемомъ, — нужно только изъявить согласіе, чтобы быть молоканомъ; этимъ и кончается вся справа. Стариковъ своихъ, которые у нихъ всѣмъ заправляютъ, они имѣютъ въ хорошемъ уваженіи, — называютъ ихъ даже пресвитерами. Всѣ почти молоканы поведенія безупречнаго, трезвы, несквернословы, честны, и на слово ихъ можно всегда положиться. Нетрезвыхъ между ними очень рѣдко можно встрѣтить. Дѣвицы ихъ пѣсень никогда не поютъ. Живутъ они зажиточно; другъ другу помогаютъ въ нуждѣ. Вообще въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ они люди заслуживающіе почтенія.

Въ Бендерахъ молоканъ находится около тридцати семей; въ Кишеневѣ и въ Одессѣ надобно полагать не менѣе этого; есть нѣсколько въ Аккерманѣ.

Подраздѣленіе на секты существуетъ и у нихъ. Такъ не-

давно, сказывалъ мнѣ мой собесѣдникъ, бендерскіе молоканы получили письмо съ Кавказа отъ какого-то наставника молоканской секты, который предложилъ имъ свои вопросы касательно какихъ-то религіозныхъ разностей; ему изъ Бендеръ отвѣчали, а отъ него будто бы никакого отвѣта еще не получили.

Въ первыхъ числахъ сентября прошедшаго 1867 года пріѣзжали въ Одессу два какіе-то Англичанина за тѣмъ, чтобъ освѣдомиться о молоканской сектѣ. Они слышали, что и въ Россіи есть люди, которые держатся такихъ же убѣжденій въ вѣрѣ, какъ и они сами; вотъ они и захотѣли разузнать объ этомъ на мѣстѣ, пріѣхали нарочно въ Одессу. Здѣсь они упросили одного одесскаго купца, держащагося молоканской секты, г-на В, чтобъ онъ собралъ въ свой домъ молоканскихъ наставниковъ, а въ особенности чтобы пригласилъ самаго главнаго, наиболѣе уважаемаго наставника ихъ Никиту Ивановича ^(д), перешедшаго давно въ ихъ секту изъ старообрядцевъ, человѣка, по увѣренію молоканъ, въ дѣлѣ вѣры опытнаго. Когда составлено было въ домѣ г. В. собраніе, то пріѣзжіе Англичане предлагали молоканскимъ наставникамъ чрезъ г. В., который служилъ переводчикомъ, свои вопросы, и оказалось, будто бы, что русскіе молоканы дѣйствительно держатся одинакихъ съ ними убѣжденій по вѣрѣ. Потомъ и молоканы предложили Англичанамъ нѣсколько своихъ вопросовъ, и тѣ отвѣчали, будто бы, вполне согласно съ ученіемъ молоканъ. Вышеупомянутые Англичане говорили, что скоро имѣетъ пріѣхать въ Россію изъ Англіи чело-

(д) Не онъ ли упоминается въ статьѣ *Православнаго Собесѣдника* (1858 года въ 3 части на 297 страницѣ), какъ первый распространитель между молоканами слуха о скорой кончинѣ міра, и наступленіи тысячелѣтняго царства Христова? Онъ въ Одессѣ живетъ почти на всемъ содержаніи г. В.

вѣкъ, вполне образованный, знающій на всѣхъ языкахъ говорить, въ томъ числѣ и на русскомъ, прїѣдетъ съ тою цѣлю, чтобы со всею обстоятельностью изучить мѣтнія молочанъ: для чего побываетъ въ губерніяхъ: Самарской, Оренбургской и въ другихъ, гдѣ болѣе живутъ молочаны. Съ живущими въ Бессарабіи нѣмецкими колонистами молочаны въ близкихъ находятся отношеніяхъ, какъ видно, по тому же, что считаютъ ихъ своими близкими братьями по вѣрѣ.

О. Б.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Обрядъ духовныхъ христіанъ при совершеніи брака.

Благословеніе дщери родителями. Когда она упадетъ предъ ногами ихъ, они и говорятъ: «Буди дщерь наша благословена Богомъ Вышнимъ, да благословитъ тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима вся дни живота твоего. И узриши сыны сыновъ твоихъ, миръ на Израіля. Да благопоспѣшитъ тебѣ, чадо, Богъ небесе, прежде неже умрети намъ. Чти свекра и свекровь твою, яко тѣи нынѣ родители твои суть. Да услышимъ о тебѣ слухъ добръ отнынѣ и до вѣка. Аминь». Потомъ поставятъ жениха и невѣсту другъ противъ друга. И должно спросить ихъ: по согласію ли они желаютъ вступить въ законное супружество? Не по принужденію ли своихъ родителей? И по полученіи удовлетворительнаго отвѣта отецъ и мать должны взять отроковицу за руку и отдать жениху въ руку, сказавъ: «се вдаю дщерь мою въ руку твою, тебѣ въ жену, по повелѣнію закона Божія, пошли ю и отведи ко отцу твоему. Аминь».

Благословеніе обоихъ — жениха и невѣсты. «Будите чада наши благословена Богомъ Вышнимъ, и да благословитъ васъ Господь отъ Сіона, и узрите благая Іерусалима вся дни живота вашего, и узрите сыны сыновъ вашихъ. Да почіетъ миръ на главахъ вашихъ. Аминь».

«Домъ и имѣніе раздѣляютъ отцы чадамъ и отъ Господа сочетаетсяъ жена мужу. Яже Богъ сочета, человѣка да не разлучаетъ.»

К Л Я Т В А.

«Мы, именованные рабы Бога живаго, общаемся и клянемся предъ Всемогущимъ Богомъ и предъ святымъ Его Евангеліемъ и предъ всѣмъ собраніемъ въ томъ, что по повелѣнію закона Божія и по согласію нашихъ родителей, и по собственному нашему желанію, желаемъ мы совокупиться законнымъ бракомъ, съ тѣмъ, чтобы безъ нарушенія Божіихъ заповѣдей соблюсти вѣрность, и не скверно удалиться бы намъ отъ блуда и прелюбодѣянія до скончанія нашей жизни. Аминь.,

Реченіе жениха: «не поиму отъ жены инья, кромѣ сего юже поемлю нынѣ.»

Реченіе невѣсты: «не буду я имѣть иного мужа, кромѣ сего, за негоже нынѣ посягаю.»

Реченіе обоихъ: «въ заключеніе нашего обѣщанія полагаемъ вѣрность и истину до скончанія нашей жизни. Аминь.»

Внушается имъ отъ священнаго писанія:

1-е посланіе къ Коринѳянамъ глава 7.

Къ Ефесеямъ главы 5, стихъ 22.

Къ Колоссянамъ главы 3, стихъ 18.

1-е посланіе Петрово главы 3, стихъ 1.

Сирахъ — глава 3.

Послѣ невѣсту отвести и обрядить по-женски, а жениху пѣть псаломъ: *Господи Господь нашъ, яко чудно имя Твое по всей земли.* Послѣ всего читается молитва: «Благословенъ еси Боже Отецъ нашихъ, благословено имя Твое святое и славное во вѣки, и да благословятъ Тя небеса и созданіе Твое», до конца (смотри у Товита глава 8, ст. 5, 6, 7, 8).

ДВА ПОУЧЕНІЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ЕВГЕНІЯ ^(а).

I. На праздниѣ Нерукотвореннаго образа Господа нашего Иисуса Христа.

Иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ непцева быти равенъ Богу. Но себе умаливъ, зракъ раба приимъ, въ подобіи человечествѣмъ бывъ, и образомъ обрътеся, якоже человекъ. (Филип. 2, в. 7).

Угодно было Спасителю чудесно изобразить лице свое на холстѣ и послать къ едесскому князю, какъ увѣряетъ предаіе первенствующей церкви. Сколь ни славно сіе чудо, слушатели, но то несравненно выше, что Онъ, *во образъ Божіи сый*, принялъ зракъ раба, *въ подобіи человечествѣмъ бывъ, и образомъ обрътеся якоже человекъ*. Любовь Божія въ принятіи образа человѣческаго, можно сказать, истощила себя. Мы столько сдѣлались непотребны, что потеряли образъ Божій; а Богъ столько былъ милосердъ, что Сына сво-

(а) Высокопреосвящ. Евгений, членъ Святѣйшаго Синода, бывшій Епископъ Курскій, Архіепископъ Псковскій, Тобольскій, Рязанскій, и Ярославскій, жительствуетъ въ настоящее время въ Донскомъ монастырѣ, надъ которымъ лично съ 1854 года настоятельствуетъ. Въ текущемъ году ему исполнилось 90 лѣтъ отъ рожденія и 50 архіерействованія. 14 іюля правдуемо было пятидесятилѣтіе его архіерейства. Описаніе праздника уже было во многихъ журналахъ и газетахъ.—Высокопреосвящ. Евгений былъ ревностнымъ проповѣдникомъ слова Божія. Проповѣди его дышуть пастырскою ревностію, сердечною теплотою и простотою. Въ 1854 году изданы 29 словъ его. Но это слишкомъ немного изъ многого. Предлагаемыя вниманію читателей два поученія его еще нигдѣ не были напечатаны.

его Единороднаго облекъ для спасенія нашего въ образъ чело-
вѣческій.

За всѣмъ тѣмъ какъ мало и нынѣ мы чувствуемъ милосер-
діе Божіе! Знаемъ, что мы спасены кровію Іисуса Христа: но,
увы намъ! о томъ столь мало заботимся, какъ бы для того
умеръ Сынъ Божій за насъ, чтобы тѣмъ безпечальнѣе мы грѣ-
шили.

Нѣтъ, слушатели! Милосердіе Божіе не спасаетъ ожесто-
ченныхъ грѣшниковъ, кровь Христова не оmyваетъ нераская-
янныхъ. *Волею бо согрѣшающимъ, свидѣтельствуемъ грозно*
святій апостоль, по принятіи разума истины, ктому
о грѣсѣхъ необрѣтается жертва, страшно же нѣкое
чаяніе суда, и огня ревность поясти хотѣщаго сопро-
тивныя (Евр. 10, 26. 27.).

Непоможетъ намъ то, что мы родились отъ христіанскихъ
родителей, что устами Христа исповѣдуемъ, ежели сердце
наше долеко отъ Христа. Напротивъ, тѣмъ строже осудимся,
чѣмъ болѣе мы знали, а менѣе дѣлали. *Аще бысте слѣпни*
были, говоритъ Спаситель фарисеямъ, не бысте имѣли грѣ-
ха: нынѣ же глаголете, яко видимъ, грѣхъ убо вашъ пре-
бываетъ (Іоан. 9, 41.).

Иной подумаетъ, что это сказалъ Христосъ къ такимъ
грѣшникамъ, которые жили въ ужасныхъ грѣхахъ. И сіе
несправедливо. Онъ говорилъ фарисеямъ: а фарисеи были
блюстители всѣхъ наружныхъ добродѣтелей, какъ хвалится
въ Евангеліи презиравшій мытаря фарисей. Онъ говоритъ:
нѣсмъ якоже прочіи челоуѣцы, хищницы, неправедницы,
прелюбодѣе... пощуся два краты въ субботу, десятину
даю всего, елико притяжу (Лук. 18, 11. 12.). Видите, что
онъ чужаго не присвоаялъ, неправды не дѣлалъ, отъ прелюбо-
дѣйства былъ удаленъ, посты соблюдалъ, положенную зако-
номъ на церковь десятую часть годовыхъ отъ земли и скота

прибытковъ вѣрно отдавалъ. За всемъ тѣмъ онъ осужденъ судомъ Божіимъ потому только, что любовался своими добродѣтелями.

Кто же изъ насъ сдѣлавши добро не хвалится? Притомъ фарисей похвалился не передъ людьми, но передъ Богомъ, въ церкви, и кажется весьма скромно, принося за то благодарность Богу, ибо онъ такъ говорилъ: *Боже, хвалу тебѣ воздаю, яко нльсмь якоже прочіи*. Но мы сколь часто хвалимся предъ людьми какою-нибудь малою добродѣтелію, будучи еще далеки и отъ фарисея? Не горшее ли постигнетъ насъ осужденіе?

Что же остается дѣлать намъ? Ужь не лучше ли грѣшить съ мытаремъ, чтобъ умножилась надъ нами благодать? Боже сохрани насъ отъ сей равно ужасной крайности. Худо дѣлая добро хвалиться, еще хуже дѣлая зло искушать Бога. Грѣшить для того, чтобы покаяться, есть искушать Бога, и Богъ такового грѣшника оставитъ въ нераскаяніи. Онъ будетъ всегда твердить: покаюся, и никогда не покается.

Любезенъ Богу грѣшникъ плачущій съ мытаремъ, смывающій слезами постелю свою съ Давидомъ; любезенъ Богу праведникъ, который невидитъ правды своей, по Христову наставленію: *аще и вся сотворите, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. 17, 10). Да и кто можетъ назвать себя праведнымъ? *Всяка правда чловѣча, яко портъ нечистый*. Какое добро можемъ мы сдѣлать безъ самолюбія? Что можемъ мы сдѣлать, не имѣя въ виду какой-нибудь своей пользы? Нечисто сердце наше, нечисты мысли, нечисты дѣла. О! Какъ нужно и праведнику смиреніе!

Посему-то апостоль Павелъ совѣтуетъ и повелѣваетъ обновляться духомъ ума нашего и облещися въ новаго чловѣка, созданнаго по Богу. И Сынъ Божій для того единственно привялъ образъ чловѣческой, чтобы возвратить намъ

образъ Божій. Если же мы не обновляемся духомъ, неочищаемся сердцемъ, не приобрѣтаемъ въ Христѣ образа Божія: то напрасно Онъ принялъ образъ человѣческой, напрасно воплотился, пострадалъ, умеръ и воскресъ, и вознесшись ниспослалъ Святаго Духа, когда мы Ему не сораспинаемъ, не совоскресаемъ, не совносимся, и не исполняемъ Святаго Духа. *Вѣмъ намъ надобно преобразиться въ образъ Христовъ. Образъ бо дахъ вамъ, вѣщаетъ Онъ, да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. 13, 15). Тоже и апостоль Павелъ внушаетъ: *подобни мнѣ бывайте, якоже Азъ Христу.*

Любезная братія и чада о Госиодѣ! Ежели Иисусъ Христосъ вообразится въ сердцахъ вашихъ: то праздникъ вашъ будетъ истинный, и гораздо высшій, нежели простое воспоминаніе чудеснаго изображенія лица Христова на полотнѣ. Сколко душа дороже и живѣе холста, столько драгоцѣннѣе воображеніе Христово въ душахъ человѣческихъ. Аминь.

Говорено Рыльскаго уѣзда въ селѣ Дроновкѣ при служеніи 1819 года августа 16 дня.

II. При посѣщеніи Новаго Оскола.

Не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство (Лук. 12, 32).

Слова нынѣ чтеннаго Евангелія.

Посѣщая грады и веси ввѣренной мнѣ отъ Господа паствы, усердно желалъ я и въ вашемъ градѣ, благочестивые обитатели Новаго Оскола, принести Вышнему молитвы о васъ, и соутѣшиться духовною бесѣдою. Первое благословилъ Господь совершить, о послѣдней молю Его благость, да вложить въ уста мои слово достойное вниманія вашего, полезное къ созиданію сердець христіанскихъ. Слыша нынѣ чтенное Евангеліе, казалось мнѣ, я слышалъ наставленіе, что слова Спаси-

телевы весьма приличны и достойны вниманія вашего. *Не бойся малое стадо*, говоритъ Спаситель: *яко благоизволи Отець вашъ дати вамъ царство*. Градъ вашъ не столь древенъ, чтобы могъ равняться со старѣйшими здѣшняго края своею великостію и многолюдствомъ; но если благочестіе и вѣра украшаютъ сердца ваши; то въ очахъ Божіихъ онъ восходитъ въ достоинство духовно-царственныхъ градовъ: *небойся, малое стадо: яко благоизволи Отець вашъ дати вамъ царство*.

И число апостоловъ Христовыхъ не велико было; и имена ихъ въ мірѣ сначала неизвѣстны: но что говоритъ о нихъ Св. Писаніе? *Яко незнаемы и познаваемы: яко умирающе и се живи есмь: яко наказуемы, и не умерщвляемы: яко скорбяще, присно же радующеса: яко нищи, а мнози богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9. 10).

Подобное нѣчто усматривается и во градѣ вашемъ, возлюбленніи! Распространеніе Слова Божія какъ во времена апостольскія было для Іудеевъ соблазномъ, а для Еллиновъ безуміемъ: такъ и въ наше время суевѣрныхъ соблазняетъ, вольнодумцевъ изумляетъ. Но вы предупредили лучшіе города учрежденіемъ сословія, пекущагося о распространеніи Слова Божія. Ежели сей святой подвигъ вѣрно свидѣтельствуетъ ваше благочестіе и ревность о славѣ Божіей: то приличны вамъ слова Спасителя: *не бойся малое стадо, яко благоизволи Отець дати вамъ царство*.

Можетъ быть, не всѣ участвуютъ въ семъ благочестивомъ учрежденіи; но и апостолы не были многочисленны, и Христово стадо наименовано самимъ Спасителемъ: *малое стадо*. Уже велико и то, что отворена дверь распространенію Слова Божія въ здѣшнемъ краю. Съ умноженіемъ книгъ умножится и чтеніе; съ умноженіемъ чтенія умножится познаніе истины.

Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже встѣмъ человекомъ хочетъ спастися и въ познаніе истины пріити (1 Тим. 2, 3, 4). Если бы Слово Божіе нераспространилось во вселенной проповѣдію апостоловъ и учителей: то не распространилась бы и вѣра христіанская. Св. Писаніе есть источникъ нашей вѣры.

Спаситель прорекъ апостоламъ: *небойся малое стадо: яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство*. Его прореченіе въ точности исполнилось. Они распространили повсюду царство Божіе, распространили вѣру, несмотря на всѣ усилія невѣрія. И чѣмъ они побѣдили вселенную? Словомъ. Если и мы приедемъ съ любовію Слово Божіе: то сею струею жизни Отецъ небесный вселяетъ въ сердца наши царство Свое. Мы каждодневно молимся: *да пріидетъ царствіе Твое*. Не то ли значитъ молитва наша: да вселится во всѣ сердца Слово Божіе?

Отъ чего же многіе читаютъ Слово и нечувствуютъ его силы? Сіе рѣшилъ самъ Спаситель въ притчѣ Своей о сѣмени. Какъ упавшее при пути позобають птицы, на камени увядаетъ, въ терніи заглушается: такъ и Слово Божіе въ умахъ разсѣянныхъ расхищается разсѣяніемъ, въ душахъ заботливыхъ подавляется заботами, въ сердцахъ нетвердыхъ увядаетъ въ искушеніи. Но кто читаетъ и слушаетъ съ вѣрою и чистотою сердца: тотъ Словомъ Божиимъ возраждается, обновляется, и исполняется Духомъ Святымъ.

Отъ чего святые Отцы писали сладостно и умиленно, жили свято и богоугодно? Отъ того, что читали непрестанно и усердно Святое Писаніе. Сколько очищаются мысли, сколько и дѣла благопоспѣшаютъ внимательнымъ чтеніемъ, или слушаніемъ Слова Божія, какъ свидѣтельствуетъ изъ опыта св. пророкъ Давидъ: кто въ законѣ Господни поучится день и ночь, тотъ будетъ *яко древо насажденное при исходи-*

щазь водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и вся елика аще творить успѣтъ.

Посмотрите напротивъ на дѣла тѣхъ людей, которые занимаются чтеніемъ книгъ мірскихъ, Слову Божію или не внимаютъ, или и смѣются: достойно ли подражанія ихъ поведеніе, достойны ли вниманія ихъ разговоры, вѣнчаются ли успѣхами ихъ предпріятія? Они жалки въ себѣ самихъ, еще жалостнѣе въ своихъ дѣтяхъ, которые, перенявъ распутство родителей, дополняютъ неблагодарностію и неуваженіемъ къ виновникамъ ихъ несчастнаго бытія.

Да и можетъ ли сынъ уважать родителя, который не боится Бога? И можетъ ли бояться Бога, кто презираетъ Слово Божіе?

Родители! Хотя для пользы вашей любите Слово Божіе и приучайте къ нему дѣтей вашихъ. Говорятъ, отъ грубыхъ кормилицъ всасываютъ дѣти дурные нравы: а то еще вѣрнѣе, что отъ худыхъ книгъ портится и заражается юношество.

Родители, читать неумѣющіе и необучающіе! Водите дѣтей вашихъ въ церковь Божію: они услышатъ ушами, чего не прочтутъ глазами. Благородные! Напитайте юныя сердца чадъ вашихъ страхомъ Божиимъ въ храмѣ слышаніемъ, въ домѣ чтеніемъ. А паче всѣхъ умоляю васъ, духовные, научать отъ юности вашихъ дѣтей чтенію Слова Божія. Сколько пагубно, столько же и стыдно служителямъ слова жизни воспитывать чадъ въ невѣдѣніи слова. Ежели и здѣсь ваше нерадѣніе строго истязуется; то какъ явится нерадивый отецъ предъ вѣчнаго Судію?

О сколь любезны Отцу небесному тѣ родители и дѣти, которые любятъ Слово Божіе! Ими растетъ и спѣетъ царство Божіе на земги и собирается богатая и славная жатва въ житницу Божію. Аминь.

Говорено въ Новооскольскомъ соборѣ 1819 года сентября 3 дня.

О ХРИСТИАНСКОМЪ ПРИГОТОВЛЕНІИ

КЪ ОБЩЕПОЛЕЗНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

СЛОВО НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДА-
РЫНИ, ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ *.

*Благочестіе на все полезное есть, обѣтованіе и мѹще жи-
вота нынѣшняго и грядущаго. 1 Тим. 4, 8.*

Собравшись нынѣ для единодушнаго вознесенія молитвъ о здравіи и спасеніи Царствующаго Дома и въ особенности Благочестивѣйшей Государыни, Императрицы Маріи Александровны, мы, православныя чада Россіи, благословляемъ въ лицѣ Ея благотворное попеченіе о нуждахъ народа, соединяющееся съ ревностнымъ усердіемъ къ вѣрѣ и благочестію. Церковь съ своей стороны, вознося наши молитвы ко Господу, представляетъ нашему вниманію подобное же сочетаніе благочестія съ благодѣтельнымъ служеніемъ челоуѣчеству въ лицѣ празднуемаго нынѣ Святаго Великомученика Пантелеимона. Это двойное указаніе на тѣсную связь между служеніемъ Богу и дѣлами на пользу ближнимъ представляетъ живое подтвержденіе Апостольскаго слова, внушающаго ту истину, что приготовленіе къ общеполезной дѣятельности достигаетъ своей цѣли тогда, когда совершается въ духѣ вѣры и благочестія.

Вообще объ этомъ приготовленіи въ настоящее время заботятся болѣе, нежели прежде: кромѣ общаго, всякому по-

* Произнесено въ Моск. Усп. соборѣ 27 іюля.

требнаго образованія и развитія умственныхъ силъ, предлагаются еще частныя и частнѣйшія свѣдѣнія по разнымъ предметамъ общественной дѣятельности, безъ которыхъ и доступъ къ оной почти невозможенъ. Нельзя безъ искренней радости и признательности не видѣть въ этомъ подобающаго уваженія къ гражданскому долгу и живаго радѣнія о благѣ общемъ. Но въ равной ли степени прилагается также стараніе о воспитаніи нравственно-религіозныхъ правилъ въ будущихъ общественныхъ дѣятеляхъ? При вступленіи въ избранный родъ занятій и при отправленіи ихъ, въ равной ли степени сознаютъ они необходимость какъ книжныхъ руководствъ науки, такъ и живаго руководства вѣры и просвѣтленной вѣрою совѣсти? Дай Богъ, чтобъ было такъ: иначе *тѣлесное*, т. е. одно только научное *обученіе*, какъ бы ни было широко и блистательно, будетъ *вмалль полезно*. Ближайшая опасность отъ многуучености та, что она легко порождаетъ въ людяхъ самомнѣніе, убѣжденіе въ непогрѣшимости; но признать себя непогрѣшимымъ, человѣкомъ, которому не остается ничего неизвѣстнаго въ томъ или другомъ кругѣ предметовъ, значитъ обречь себя на умственный застой и открыть свободный доступъ ошибкамъ, которыя будутъ тѣмъ чаще, чѣмъ больше дѣйствительная жизнь будетъ представлять случаевъ, не подходящихъ подъ готовые, извѣстныя опредѣленія науки, и требующихъ новаго изслѣдованія и соображенія. И какъ нерѣдко люди весьма способные, многознающіе, одушевленные рвеніемъ къ дѣлу становятся жертвами такого самообольщенія! Какъ нерѣдко намъ приходится быть свидѣтелями шумнаго появленія новыхъ свѣтилъ, восходящихъ надъ той или другой сферой общепользной дѣятельности, сопровождаемой неожиданно быстрымъ закатомъ! Съ презрѣніемъ къ предшествовавшимъ трудамъ, вооруженные какимъ нибудь новымъ блестящимъ открытіемъ, они возвѣщаютъ рѣшитель-

ныя перемѣны, возбуждаютъ широкія надежды общества, въ началѣ оправдываемыя успѣшными дѣйствіями; но невозмутимо покойная, неумолимо строгая дѣйствительность вскорѣ обнаруживаетъ, что это открытіе далеко не такъ обширно и рѣшительно, чтобы навсегда измѣнить прежній порядокъ дѣла во всѣхъ его частяхъ; что планы, такъ стройно составляемые въ ученыхъ кабинетахъ, оказываются неприложимыми къ разнообразнымъ явленіямъ самой жизни: и тогда мудрость, почитавшая себя всеобъемлющею и нежелающая уже ничему учиться, съ озлобленіемъ отрекается отъ дальнѣйшаго труда, представляя себя не понятою, слишкомъ высокою для своего времени. Не были ли мы свидѣтелями еще болѣе печальныхъ явленій, когда подъ вліяніемъ новой книги и новыхъ взглядовъ, мнимые руководители народа и радѣтели о его благѣ хотѣли измѣнить коренныя основы народной жизни, поколебать преданность престолу, разрушить семью и Церковь? Тотъ же самый народъ, о просвѣщеніи котораго они такъ заботились, показалъ имъ, какъ бессмысленны были ихъ начинанія; и однако этимъ людямъ, по крайней мѣрѣ главнымъ изъ нихъ, нельзя отказать въ немалой ученой подготовкѣ: что же могло бы удержать ихъ отъ пагубнаго увлеченія? Что вообще можетъ вѣрнѣ всего предохранять насъ отъ обольщенія собственною мудростью? Это та богопросвѣщенная мудрость, которая, за предѣлами извѣстнаго человѣку, открываетъ необъятную область таинственнаго, непостижимаго, и тѣмъ какъ бы постоянно твердить ему: *сыне, о твоей премудрости не превозносися: не буди мудръ о себѣ, бойся же Бога* (Притч. 3, 6. 7.); это—то, воспитываемое изученіемъ закона Божія и посильнымъ упражненіемъ въ немъ, чувство, которое, какъ на неприкосновенную святыню, взираетъ на установленныя Богомъ правила Церкви и Богомъ освященные законы семьи и государства; это—та, укрѣпляемая размышленіями о

Богъ и дѣлахъ Его, вѣра, что во всѣхъ не только великихъ міровыхъ и государственныхъ событіяхъ, но даже и въ нашихъ малыхъ дѣлахъ исполняется воля Божія, безъ которой и противъ которой безсильны всѣ усилія человѣческія. Вотъ источникъ силы, которая неуклонно направляетъ научное образованіе къ истинно полезной дѣятельности; вотъ источникъ чистоты, которой часто недостаетъ нашей самообольщающейся мудрости!—Возвратимся къ примѣру воспоминаемаго нынѣ угодника Божія Пантелеимона. Отъ юности предназначенный Богомъ на служеніе болящимъ, надѣленный обильно способностями къ врачебному искусству, изучившій, подъ руководствомъ опытнаго наставника, знаменитѣйшихъ творцевъ сего искусства, онъ, какъ скоро узнаетъ истину вѣры христіанской, всецѣло подчиняетъ ей свои способности и познанія: приступаетъ къ одру недужнаго не иначе, какъ призвавъ имя Христа Спасителя, Его силѣ приписываетъ все дѣйствіе, къ Его славѣ обращаетъ всѣ совершаемыя имъ исцѣленія. Что же, умалились ли чрезъ то самое искусство его, его полезная дѣятельность? Напротивъ онъ посвящаетъ врачеванію все свое время; не стѣняясь никакимъ мѣстомъ, является Ангеломъ-цѣлителемъ и въ царскомъ дворцѣ и въ темницахъ, гдѣ томились христіанскіе узники; всюду приносить помощь и утѣшеніе; врачуя недуги тѣлесныя, просвѣщаетъ въ то же время души слѣпотствующихъ въ язычествѣ; наконецъ превосходитъ мѣру естественнаго врачеванія, совершаетъ такія чудныя исцѣленія, которыя явно показываютъ въ немъ избранное орудіе всемогущей силы Божіей, и которыя озлобленное суевѣріе не можетъ объяснить ничѣмъ другимъ, какъ только дѣйствіемъ волшебства. Таковы плоды истиннаго, и ученаго и вмѣстѣ христіанскаго приготовленія къ служенію ближнимъ.

Другой недостатокъ, который нерѣдко лишаетъ насъ истин-

но полезных дѣятелей, есть недостатокъ твердой, готовой на борьбу воли. Мы имѣемъ весьма много людей, охотно разсуждающихъ о вопросахъ науки, искусства, промышленности, государственнаго устройства и другихъ; — не мало людей, хорошо понимающихъ тѣ или другіе предметы, но сравнительно мало такихъ, которые бы неизмѣнно посвятили себя избранному общеплезному дѣлу, и вели бы его до конца, не смотря ни на какія затрудненія. Отъ чего бы ни зависѣло это, отъ того ли главнымъ образомъ, что при нашемъ воспитаніи заботятся преимущественно о расширеніи познаній, и весьма мало приучаютъ къ самостоятельному труду, во всякомъ случаѣ эту желанную нравственную силу, которая вѣнчаетъ успѣхомъ всякое доброе дѣло, можно найти вѣрнѣе всего въ убѣжденіяхъ святой вѣры и въ простыхъ благочестивыхъ навыкахъ, воспитываемыхъ церковію въ ея чадахъ: всякое иное воодушевленіе на служеніе обществу измѣнчиво и ненадежно. Честолюбіе обыкновенно ищетъ дѣятельности открытой, видной, и пренебрегаетъ той мелкой, скромной работой, которою зиждется успѣхъ всякаго общественнаго дѣла; болѣе стремится къ широтѣ и блеску дѣйствія, нежели старается о внутренней исправности его; любитъ пользоваться готовыми плодами чужихъ трудовъ, дѣлая изъ нихъ болѣе или менѣе удачныя приложенія; служить не дѣлу только, но и лицамъ, и часто имъ больше, нежели дѣлу. Но кому не извѣстно, какъ часто мѣняется положеніе лицъ въ обществѣ? А съ этими переменами для честолюбцевъ обыкновенно закрываются и пути къ высшимъ и почетнымъ должностямъ, гдѣ только они и желали бы дѣйствовать. Что же еще можно указать на мѣсто честолюбія, такъ часто обманывающагося и измѣняющаго? Исканіе ли личныхъ выгодъ? Дѣйствительно, это для многихъ служить рычагомъ, пробуждающимъ отъ бездѣйствія: но это далеко не общій и не чистый

источникъ дѣятельности. Желаніе пріобрѣтенія можетъ происходить или отъ нужды, или отъ корыстолюбія: въ первомъ случаѣ что же заставитъ трудиться тѣхъ, которые не терпятъ нужды? Развѣ мало у насъ было, да и теперь развѣ нѣтъ еще людей, которые отъ всякаго общественнаго труда отказываются тѣмъ, что имъ ничего не нужно? Развѣ не видимъ даже и между не богатыми того довольно общаго недуга лѣности, по которому начавшійся трудъ прекращается, коль скоро удовлетворены первоначальныя потребности житейскія? А что касается до жажды корысти, то, желая извлечь изъ всякаго дѣла какъ можно больше собственной выгоды и прибѣгая для сего не только ко всѣмъ позволительнымъ, но даже незаконнымъ средствамъ, она всегда и вездѣ является злѣйшимъ врагомъ, истощающимъ общественное благоденствіе и извращающимъ самыя благодѣтельныя учрежденія. Врачъ, къ которому сотни и тысячи страждущихъ взываютъ о помощи, если затворяетъ для нихъ дверь свою потому только, что не нуждается въ средствахъ къ существованію, или если, минуя хижины бѣдныхъ, спѣшитъ только туда, гдѣ надѣется на щедрое вознагражденіе, гдѣ не только нужно врачевать болѣзни дѣйствительныя и опасныя, но и можно поддерживать болѣзни мнимыя и легкія для своего обогащенія, — развѣ это другъ и слуга человѣчества? Законникъ, тщательно изучившій судебное дѣло, если отвергаетъ просьбы обиженныхъ и несправедливо обвиняемыхъ потому, что они не сопровождаются вещественными убѣжденіями, и только на вѣсъ золота продаетъ свою опытность и свое краснорѣчіе, прикрывая имъ тяжесть вины своего довѣрителя, — развѣ это достойное орудіе правосудія? Служитель алтаря, если имѣетъ въ виду только питаться отъ алтаря, и исправляетъ свои обязанности только въ той мѣрѣ, въ какой это служитъ къ обезпеченію его содержанія, — развѣ это рабъ Божій, поставленный послужить душевной

пользѣ ближнихъ? Нужно ли перечислять еще другіе роды служенія ближнимъ, которые корысть обращаетъ въ служеніе мамонѣ, чтобъ убѣдиться, что кромѣ нужды и вещественной выгоды должны быть еще иныя, высія побужденія къ трудамъ на пользу общую? Изъ числа этихъ побужденій могутъ указать на природную склонность къ тому или другому занятію, которая при правильномъ развитіи и образованіи обращается уже въ потребность: но какъ ни желательно, чтобъ общепользные труды распредѣлялись по возможности сообразно съ склонностями и способностями трудящихся, должно однако сознаться, что особенныя, рѣзко выдающіяся склонности и способности бывають удѣломъ не многихъ, не всегда примѣчаются при воспитаніи, и не рѣдко бывають окружены неблагоприятной средой для ихъ развитія и приложенія къ дѣлу. Впрочемъ и на соответствующемъ природному влеченію поприщѣ занятій, всегда ли оно бываетъ достаточно сильно, чтобы провести трудъ до конца, среди искушеній и препятствій разнаго рода? Всякій ли напимѣръ способенъ добровольно обречь себя на трудъ, сопряженный съ лишеніями, когда съ другой стороны представляется беззаботная жизнь со множествомъ удовольствій? Еще тяжелѣе борются съ нуждою и горемъ. Какъ часто даже и богато надѣленные дарованіями люди, послѣ первыхъ обнаруженій своего таланта, охладѣвають къ дальнѣйшему труду потому, что встрѣчаютъ, вмѣсто сочувствія, поощренія и содѣйствія, зависть, стѣсненіе и преслѣдованіе!

Гдѣ же найти тотъ источникъ, изъ котораго бы потребность дѣятельности была неизсякаемымъ и чистымъ ключемъ при всѣхъ и благопріятныхъ и враждебныхъ обстоятельствахъ? Въ какомъ горнилѣ душа должна закалить себя противъ увлеченій и страха опасностей, чтобы твердо и богоугодно совершать служеніе ближнимъ? Примѣръ вождя и законодателя

народа Божія да вразумить насъ о семъ. Чего, повидимому, не имѣлъ этотъ великій радѣтель своего народа, чтобы въ первую еще пору жизни сдѣлаться его освободителемъ? Онъ наученъ былъ всей премудрости того времени; горѣлъ пламенной любовію къ страждущимъ соплеменникамъ такъ, что ради ея возжелалъ оставить роскошную жизнь во дворцѣ фараона, и *паче изволи страдати съ людьми Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость* (Евр. 11, 25.); отъ чувства онъ не замедлилъ перейти къ дѣлу: вступить заобижаемаго израильянина и умертвить обидчика было мгновеннымъ движеніемъ его пылкой души. Казалось, въ это время онъ совершенно готовъ былъ къ тому, чтобы принять отъ рукъ Божіихъ жребій вождя и спасителя Евреевъ. Но какъ ненадежно движеніе самаго добраго чувства человеческого, коль скоро оно слишкомъ надѣется на себя! Довольно было Моисею узнать, что ему угрожаетъ опасность отъ фараона, и онъ уже бѣжитъ, оставляя страдать народъ свой. Куда же ведетъ его рука Господня? Въ пустыню: тамъ въ теченіе сорокалѣтней смиренной, суровой пастушеской жизни, онъ долженъ былъ научиться тому, чтобы, переставъ вѣрвать въ собственные силы, всюо душою обратиться къ Богу—Источнику силы и всякаго блага. И вотъ, когда это трудное воспитаніе на концѣ вознаграждается явленіемъ Іеговы, предъ Нимъ предстоитъ уже не тотъ прежній пылкій патріотъ, готовый стать во главѣ народа, а смиренный рабъ, пятикратно отрицающійся отъ высокаго служенія, предлагаемаго теперь самимъ Богомъ. Что же? Не умерла ли въ немъ любовь къ своему народу? Нѣтъ, онъ всецѣло посвящаетъ ей всю остальную жизнь, исполненную непрестанныхъ и необычайныхъ трудовъ, и молитъ Бога лучше его изгладить изъ книги живота, только не губить народъ свой: а умерло въ немъ только чувство самонадѣянности. Не продолжаетъ ли онъ бояться гнѣва фараонова? Нѣтъ, онъ

страшится только своего недостойнства; а къ царю является безстрашно; во имя Божіе требуетъ, силою Божіей получить свободу Израилю; и потомъ, среди всевозможныхъ опасностей и затрудненій, остается безстрашнымъ и невозмутимымъ только онъ — богопросвѣщенный вождь малодушнаго народа.

Только подобное воспитаніе духа въ вѣрѣ и благочестіи, укрѣпившее руку Моисея на безчисленныя благодѣянія народу, часто неблагодарному, можетъ укрѣплять и всякаго трудяющагося на пользу общую: на мѣсто измѣнчивыхъ и случайныхъ побужденій къ труду, оно ставитъ одно неизмѣнное сознаніе долга, воспитываетъ высокое чувство любви къ ближнимъ, способное торжествовать надъ слабостями и увлеченіями себялюбія. Кто въ служеніи обществу, великомъ и маломъ, видитъ непремѣнную обязанность, возлагаемую самимъ Богомъ на всякаго гражданина, тотъ исполняетъ его всегда и вездѣ съ одинаковымъ усердіемъ, хотя бы оно и казалось ниже его способностей, не приносило большихъ выгодъ, не возбуждало людской молвы. Кто научился искреннимъ сердечнымъ смиреніемъ обуздывать порывы самонадѣянности, тотъ не ищетъ дѣлъ громкихъ и многихъ, но и не уклоняется ни отъ одного изъ тѣхъ, къ которымъ призываетъ его долгъ, или челоуѣколюбіе; не трубитъ передъ собою, исходя на дѣланіе, но началомъ всему полагаетъ молитву; ею же совершаетъ и такіе подвиги, которымъ другіе могутъ только удивляться. Кто навыкнулъ воздержанію, посту и другимъ добровольнымъ лишеніямъ, тому не трудно по нуждѣ отказать себѣ не только въ удовольствіяхъ, но даже въ необходимомъ покоѣ и обыкновенныхъ удобствахъ житейскихъ, для полезнаго дѣла. Кто положилъ въ сердцѣ своемъ, во всемъ, что ни дѣлаетъ, *работать Господеву*, тотъ не смотритъ на то, какъ принимаютъ его дѣла люди, для ко-

торыхъ онъ трудится, не огорчается неблагодарностію; во всякомъ дѣлѣ на себя онъ принимаетъ только трудъ, исполненіе долга, а успѣхъ и плоды передаетъ волѣ Божіей, потому и не возмущается духомъ, когда самыя благородныя усилія остаются безплодными, самыя добросовѣстные труды не приводятъ къ желанной цѣли. Кто смотритъ на жизнь, не какъ на веселый пиръ, а какъ на время дѣланія для спасенія души, тотъ остается дѣлательмъ до конца, и, какъ вѣрный стражъ, не смѣетъ сойдти съ своего поста до тѣхъ поръ, пока Господь отзоветъ его къ иному служенію, или же къ другой жизни.

Такъ, братіе, чтобы быть полезнымъ слугою отечества, нужно въ то же время быть вѣрнымъ рабомъ Божіимъ.

Прот. И. Богословскій-Платоновъ.

ТРИ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. Къ Маргаритѣ Михайловнѣ Тучковой.

Благословеніе Божіе вамъ и сыну вашему. Книгу буду читать; не общаю читать поспѣшно. Дѣтей вдовы надлежало бы взять кому-либо изъ дѣтей православныя церкви. Или, нельзя ли помѣстить ихъ въ здѣшній домъ трудолюбія, хоть бы пенсіонерками, для чего потребное каждый годъ можно было бы собирать, ибо тамъ не дорого? Не грѣхъ было бы отломить для нихъ кусокъ Юрьевской бронзы или золота; но мысль сія не дойдетъ туда.—А что лишнее у сей бумаги, то потрудитесь передать вдовѣ правою, не сказывая лѣвой.

Февр, 20 1825.

2. Къ ней же.

Здравіе, миръ и спасеніе! Благодарю за многократное воспоминаніе о мнѣ немощномъ. Не прогнѣвайтесь, что посѣщенія принять не могъ. Лѣкарство мое, покой и безмолвіе: отворивъ дверь одному, бываю пойманъ многими, а потому принужденъ имѣть ее затворенною на время.

Возвращаю книжку. Прочиталъ около третьей доли, глаза не позволяютъ болѣе, и любопытство не сильно. Что можетъ быть принято, то кажется знакомымъ. А иногo лучше бы не читать, какъ напримѣръ страницы, гдѣ рядомъ стоятъ Моисей, Магометъ и — нехочу выговорить, — съ признаками

разности обоюдно выраженными. Дрожжи революціонной философіи бродятъ въ умѣ автора, и онъ еще не отстоялся для чистой истины, хоть она есть въ семь смѣшеніи, безспорно есть. Щастливъ умствователь, который не забываетъ новое вино своихъ мудрованій поставлять предъ вѣчное солнце, чтобы дрожжи предразсудковъ и до страсти любимыхъ мнѣній упали на дно, прежде нежели онъ понесетъ сосудъ свой поставить на трапезу.

Марта 3, 1825.

3. къ Александрѣ Ильиничѣ Извѣдиной.

(Въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ жаловалась, что чувствуетъ тоску).

О тоскѣ не знаю что сказать вамъ. Есть тоска, которую мы сами на себя наводимъ, и есть тоска посылаемая на насъ. И Тотъ, въ Комъ источникъ всѣхъ радостей, вѣкогда *скорбьль и тужилъ, былъ прискорбенъ душою даже до смерти*. Наша тоска, конечно, меньше, нежели Его; и мы свою болѣе и болѣе должны почитать себѣ свойственною, нежели Онъ. По сему и для насъ, безъ сомнѣнія, довольно того врачества-противу тоски, которую употребилъ Онъ; то-есть: *да будетъ воля Твоя!* Если сіе надлежащимъ образомъ выговорить, то никакія узы не будутъ тяжки, никакой мракъ не страшень. Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи Самъ да изречетъ вамъ слово утѣшенія.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

АВГУСТЪ.

1868.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АЛТАЙСКАГО МИССИОНЕРА ІЕРОМОНАХА МАКАРІЯ ЗА ДЕКАБРЬ 1866 Г. И ЗА 1867 ГОДЪ.

1 декабря 1866 года. Съ новокрещеннымъ Николаемъ выѣхали къ Татарамъ, живущимъ по рѣкѣ Чулышману, и остановились въ юртѣ калмыка Карагата. Вечеромъ обошли нѣсколько юртъ; въ одной изъ нихъ, пользуясь вниманіемъ слушателей, благоувствовали объ истинномъ Богѣ, Творцѣ неба и земли.

2 декабря. Приѣхали въ юрту калмыка Чергѣя, на р. Улаганѣ, впадающей въ р. Башкаусъ, съ правой стороны. Народу было много; хозяинъ большой охотникъ поговорить и послушать. Во время вечерней бесѣды съ нимъ, съ достаточною подробностію, изложено было мною ученіе о пришествіи на землю Сына Божія для спасенія людей отъ діавола и вѣчныхъ мученій. Истину христіанской вѣры мы доказывали, между прочимъ, тѣмъ, что христіанская вѣра написана въ книгахъ, по наученію Божію, св. людьми, и какъ было за нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ, такъ вѣруемъ и нынѣ. Старикъ говорилъ: „это правда, у васъ и Китайцевъ вѣра написана въ книгахъ, а у насъ нѣтъ книгъ, что скажутъ камы, тому и вѣримъ“. Онъ сравнивалъ христіанскую вѣру съ китайскою, считая ту и другую одинаково справедливыми. Мы при этомъ старались внушить своимъ слушателямъ, что между вѣрою христіанскою и китайскою есть существенное различіе, что первая есть вѣра истинная, а вторая — ложная. Старикъ, обращаясь къ слушателямъ, говорилъ: „хорошо было бы, еслибы все это помнить! Стоитъ того, чтобы слушать и помнить!“ До глубокаго вечера хозяинъ и двое изъ слушавшихъ заучивали число лѣтъ отъ сотворенія міра и отъ пришествія Сына Божія на землю до настоящаго времени.

Въ той же юртѣ 3 декабря исторію о сотвореніи міра и о пришествіи Сына Божія на землю я еще разъ прочиталъ

по книгѣ. Хозяинъ спросилъ: „сколько теперь народовъ, вѣрующихъ въ Иисуса Христа?“ Я перечислилъ ему всѣхъ христіанскихъ народовъ. При отъѣздѣ хозяинъ подарилъ намъ овчинку, взамѣнъ которой мы отсыпали ему немного соли и дали листъ бумаги.

Того же дня послѣ полудня мы пріѣхали въ юрту калмыка Тадынъ; онъ вмѣстѣ и камъ; у него мы расположились ночевать. Вечеромъ послѣ долгихъ и напрасныхъ стараній завести рѣчь о предметахъ вѣры христіанской, я успѣлъ, наконецъ, склонить вниманіе моихъ собесѣдниковъ въ свою пользу и, послѣ краткаго объясненія сущности христіанской религіи, предложилъ имъ, какъ единственное средство избавиться отъ діавола, обращеніе ко Христу. На это хозяинъ и хозяйка (также камъ) сказали: „если мы крестимся, то діаволь убьетъ насъ“. На слова мои о силѣ креста и имени Христова, Котораго бѣсы трепещутъ, и что бѣсъ не приближается туда, гдѣ съ вѣрою призывается имя Христово и огрызаются крестнымъ знаменіемъ, еслибы даже камъ и призывалъ бѣсовъ, — камы удивляясь (этому) говорили: „мы не пробовали камлатъ при христіанахъ и незнаемъ, правда ли это“. Спать мнѣ пришлось подъ двумя бубнами, которые висѣли надъ моей головой. Перекрестившись я заснулъ, но ночью слышались мнѣ легкіе удары въ бубенъ; не знаю, что это: обманъ ли это слуха, или что другое.

4 декабря. Пріѣхали мы на р. Каракудюръ, впадающую въ Башкаусъ, съ лѣвой стороны, въ юрту бѣдной вдовы Чоолу. Здѣсь три юрты; живутъ бѣдные. Здѣсь говорилось многое, потому что слово растворялось вѣрою слушающихъ; въ одной изъ юртъ было камланье. Народу было довольно. Говорить съ ними былъ полный просторъ. Когда я рассказалъ исторію сотворенія міра и искупленія людей, слушатели просили меня еще повторить для тѣхъ, которые пришли послѣ; между ними былъ и самъ камъ. По желанію ихъ, я нѣсколько разъ повторилъ рассказъ, чтобъ они могли запомнить слышанное.

15 декабря. Мы прибыли въ юрту Темея, на р. Чуѣ. Вечеромъ народу къ нему собралось много. Одинъ старикъ особенно былъ любопытенъ и разговорчивъ. Тутъ были и новокрещенные. Проповѣдь о Христвѣ слушали внимательно.

17 декабря. Пріѣхали мы въ юрту Аильчи (на р. Каракудюрѣ). Вечеромъ набралось народу много. Говорили о народахъ, о царяхъ, о Китайцахъ, о войнѣ, о плане-

тахъ и проч. Послѣ того однимъ изъ собесѣдниковъ былъ предложенъ вопросъ о кончинѣ міра. Въ отвѣтъ на это я разсказалъ о признакахъ втораго пришествія Христа. Съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушали они ученіе Иисуса Христа о любви. Послѣ бесѣды одинъ изъ слушавшихъ сравнивалъ христіанское ученіе съ вѣроученіемъ китайскимъ и монгольскимъ, Хормуста съ Иисусомъ Христомъ. Распространенное ламами ученіе Будды алтайцы помнятъ; но они охотно слушаютъ и христіанское ученіе, и оно безъ сомнѣнія утвердится между ними, если только чаще будетъ проповѣдуемо у нихъ.

20 декабря. Мы возвратились въ монастырь. Здѣсь во время моей поѣздки крещено о. Платономъ 9 человекъ. По пріѣздѣ моемъ крещено мною еще три человекъ.

25 декабря. На праздникъ Рождества Христова приходили въ церковь многіе изъ новокрещенныхъ съ вечера. Такъ какъ жилища ихъ отстоятъ отъ монастыря довольно далеко, то многіе изъ нихъ остались ночевать въ монастырѣ, чтобы не проспять утрени, а другіе уходили въ ближайшія къ монастырю юрты и дома новокрещенныхъ. Послѣ вечерни, которая для нихъ была совершена на татарскомъ языкѣ, разсказана была имъ исторія праздника нѣсколько разъ. Чтобы они могли яснѣе усвоить слышанное, послѣ разсказа мы заставляли ихъ самихъ повторять одно и то же нѣсколько разъ, пока можно было увѣриться, что всѣ они вполне поняли и усвоили событіе праздника. Послѣ литургіи всѣ новокрещенные напоены были въ монастырѣ чаемъ.

29 декабря. Я выѣхалъ опять въ стойбища Татаръ, живущихъ выше Чулышмана по р. Улагану. Здѣсь, какъ слышно было, болѣе десяти лѣтъ скрываются между Татарами трое новокрещенныхъ. Одного изъ нихъ, по имени Павла-Аильчи, я отыскалъ въ настоящую поѣздку. Онъ скрывался на высокой горѣ, въ густомъ лѣсу. Пробираясь къ его юртѣ, мы съ ямщикомъ едва не попали на стрѣлу, поставленную Татарами для лова звѣрей. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, навстрѣчу намъ попалъ Татаринъ, хозяинъ стрѣлы, объяснилъ намъ опасность, которой мы едва не подверглись, и довелъ до юрты Аильчи. Аильчи, какъ было сказано, жилъ среди Татаръ болѣе 10 лѣтъ. Онъ женился на Татаркѣ и прижилъ съ нею шестерыхъ дѣтей. Я пожилъ у Аильчи, говорилъ съ нимъ объ истинномъ Богѣ и убѣждалъ воротиться опять къ крещеннымъ. Аильчи далъ слово весной переѣхать въ Чу-

лышманъ, а жена его креститься, но просилъ меня теперь прислать имъ съ попутчиками ячменя. За другими новокрещенными я послалъ нарочнаго челоуѣка, но тотъ не засталъ ихъ дома.

1867 годъ.

3—11 января. Происходилъ выборъ новокрещеннаго Бошки Никиты въ демичи для управленія новокрещенными Чулышманцами, по предписанію г. исправника. Необходимость избранія демичи изъ новокрещенныхъ признана начальствомъ вслѣдствіе жалобъ новокрещенныхъ на притѣсненія и оскорбленія отъ некрещенныхъ своихъ начальниковъ, которые самовольно лишали ихъ правъ, какими они пользовались въ своемъ обществѣ до крещенія (такъ напр. новокрещеннаго Никиту некрещенный демича удалилъ отъ должности Бошки за обращеніе его въ христіанство), были несправедливы къ нимъ въ судахъ, останавливали и наказывали желающихъ креститься. Татары этому избранію сильно противились. Они никакъ не предполагали, чтобы, презираемые ими крещенные ихъ собратья могли пользоваться особеннымъ покровительствомъ начальства и потому предписанія г. исправника избрать для жителей Чулышмана демичу изъ крещенныхъ было тяжелымъ ударомъ для ихъ гордости, почему старшины народа рѣшились ѣхать къ зайсанамъ, надѣясь при ихъ содѣйствіи остановить распоряженія г. исправника. Не смотря на то, воля начальства была исполнена и Никитѣ ввѣрено управленіе новокрещенными. Другое предписаніе г. исправника относительно выдачи крестившимся дѣтямъ татаръ принадлежащаго имъ наследственнаго имуществва исполнено безъ большаго сопротивленія со стороны послѣднихъ, къ радости новокрещенныхъ, нашедшихъ себѣ защиту въ христіанскомъ начальствѣ, и къ не малой досадѣ презиравшихъ ихъ татаръ.

13 января. Начато обученіе дѣтей, прерванное по случаю праздниковъ и хлопотъ о выборѣ для новокрещенныхъ демичи.

14 января. Отправляя у новокрещенныхъ всенощное бдѣніе, по-татарски; послѣ богослуженія бесѣдовалъ съ ними о жизни христіанской, о состояніи отшедшихъ душъ по смерти и объ ангелахъ хранителяхъ. Послѣднее они слушали съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ свое, что у нихъ есть невидимые и сильные поборники противъ злобы діавола, они выражали жестаами.

16 января. Съ послушникомъ Іосифомъ, которому поручено обученіе дѣтей, отправились въ училище. Дѣти разбираютъ хорошо всякое слово, составленное изъ тѣхъ буквъ и слоговъ, которые они учили. Мальчикъ Николай, недавно получившій наслѣдство отъ своего дяди, особенно любилъ писать счетъ своего имущества, состоящаго изъ 33 скотинъ. Находившіеся тутъ новокрещенные удивлялись богатству Николая и его умѣнью вести счетъ своего имущества.

18 января. Одинъ изъ новокрещенныхъ привелъ къ намъ мальчика, который, сказавши матери, что онъ ѣдетъ въ гости къ крещенымъ родственникамъ, открылъ новокрещенному о своемъ желаніи креститься. Что побудило его оставить мать и, какъ говорилъ онъ, ради Бога идти къ людямъ незнакомымъ, я не могъ дознать. На жестокое обращеніе съ нимъ матери своей онъ не жалуется, а напротивъ высказалъ, что и она, изъ жалости къ нему, скоро сама придетъ креститься. Мы оставили его у себя до прихода матери. На другой день она дѣйствительно пришла за нимъ и увела его домой, такъ какъ онъ самъ, соскучившись захотѣлъ того.

20 января. Послушникъ Іосифъ пріѣхалъ изъ училища и объявилъ мнѣ, что новокрещенный Андрей не отпускаетъ дѣтей учиться. Вечеромъ я поѣхалъ въ деревню Казакову узнать о причинѣ перемѣны въ мнѣніи Андрея. На вопросъ мой Андрей отвѣчалъ: „какая польза будетъ дѣтямъ отъ ученья? они нужны для матери, которой не кому помогать въ работахъ (онъ говорилъ неправду, потому что дѣти малолѣтны, и для матери плохія помощницы). Сюда пріѣзжалъ одинъ новокрещенный изъ Урсула, продолжалъ Андрей, и говорилъ, что тамъ дѣвочекъ не учатъ. Потому-то я и боюсь, какъ бы дѣтей выучивши грамотъ, не отобрали куда нибудь“. Объяснивъ Андрею пользу обученія грамотъ, и сказавъ между прочимъ, что въ Улалѣ и дѣвочки учатся грамотъ, я просилъ его оставить дѣтей учиться хотя изъ послушанія къ своему священнику, который всегда учитъ ихъ только добру. Андрей не сталъ болѣе прекословить и согласился, чтобы дѣти продолжали начатое ученье. Вечеромъ я показывалъ дѣтямъ картинки изъ св. Исторіи, объясненіе ихъ они уже знаютъ.

21 января. Утромъ вмѣстѣ съ Іосифомъ училъ дѣтей. Вечеромъ пріобщалъ больную жену новокрещеннаго слѣпца Маварія. Въ юртѣ у нихъ, кромѣ желѣзной чаши и чашки ячменя, полученнаго отъ насъ, нѣтъ ничего. Больная

лежить на голой землѣ и одѣта доскутками изношенной шубы; въ головахъ лежитъ полно. Напутствовавъ большую св. Тайнами, я съ послушникомъ Іосифомъ служилъ всенощное бдѣніе въ училищѣ. Дѣти и новокрещенные пѣли. По возвращеніи домой больной были посланы кочма и одѣяло.

22 января. У литургіи новокрещенные были почти всѣ. Было прочитано поученіе о заповѣдяхъ Христовыхъ, по-татарски.

Въ февралѣ, по дѣламъ службы. выѣхалъ въ Улагу, главный станъ миссіи.

Въ теченіе марта, апрѣля и первой половины мая живя въ Улагѣ, я исключительно занимался составленіемъ татарско-русской азбуки для инородческихъ дѣтей, подъ руководствомъ достоуважаемаго начальника миссіи о. архимандрита Владимира, и переводомъ на татарскій языкъ послѣдованія крещенія и воскреснаго всенощнаго бдѣнія.

Въ половинѣ мая съ студентомъ Томской семинаріи А. Завадовскимъ и толмачемъ выѣхалъ изъ Улаги. 24 мая прибыли въ Благовѣщенскій монастырь, наканунѣ праздника Вознесенія Христова. Вечеромъ совершенно было всенощное бдѣніе.

25 мая. Праздникъ Вознесенія Господня. Къ литургіи собралось народу много, почти полная церковь. Новокрещенныхъ Тоолосовъ уже болѣе 100 человекъ. Богослуженіе совершалось частію на русскомъ, частію на татарскомъ языкѣ. Послѣ литургіи для новокрещенныхъ сваренъ былъ чай, который пили они, или лучше сказать, хлебали ложками, на монастырскомъ дворѣ, усѣвшись въ кружокъ. Послѣ братской трапезы, со студентомъ Завадовскимъ мы посѣтили новокрещенныхъ. Они живутъ въ двухъ мѣстахъ: одни въ д. Казаковой, находящейся отъ монастыря въ 3 верстахъ, на лѣвомъ берегу р. Чулышмана, а другіе далѣе отъ нихъ въ 6 верстахъ вверхъ по Чулышману. Казаковскихъ новокрещенныхъ можно назвать осѣдлыми въ томъ смыслѣ, что они зимой не переезжаютъ на другое мѣсто. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ выстроены дома, и скота у нихъ не много, потому нѣтъ необходимости перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Верхніе новокрещенные побогаче Казаковскихъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ найдется болѣе сотни одного рогатаго скота. Кочевка для нихъ почти необходимость. Вновь крестившіеся охотнѣе селятся у верхнихъ новокрещенныхъ, потому что около нихъ бѣдному лѣтому можно пропитать-

ся удобнѣе. Настаивать, чтобы всѣ новокрещенные жили вмѣстѣ, ближе къ церкви, пока невозможно, потому что это послужило бы не малымъ вредомъ для ихъ скотоводства. Во всѣ воскресныя дни дальніе и ближніе приходятъ въ церковь неопустительно, безъ предварительнаго зова и напоминанія о праздникѣ, значеніе коего они понимаютъ едвали не всѣ. Дѣти приходятъ иногда заранѣе, съ вечера.

Въ праздникъ Вознесенія Господня мы повѣстили, какъ сказано было выше, Казаковскихъ новокрещенныхъ. Они собрались къ намъ въ юртѣ Андрея. На вопросъ мой: „не забыли ли они молитвъ“? отвѣчали: „нѣтъ, помнимъ“. Мы заставили нѣкоторыхъ изъ нихъ прочитать выученныя молитвы, что и исполнили они весьма удовлетворительно. Затѣмъ мы объяснили имъ исторію настоящаго праздника и приступили къ изложенію 10 заповѣдей. Напившись съ ними взятаго съ собою чая, возвратились домой.

28 мая. Новокрещенные, по обычаю, пришли къ литургіи въ монастырь. На всенощное бдѣніе они сюда не приходятъ, потому что возвращаться домой ночью чрезъ рѣку не безопасно, а оставаться въ монастырѣ неудобно. Сверхъ того, бдѣніе, совершаемое по уставу монастырскому довольно продолжительно, для новокрещенныхъ кажется отяготительнымъ. Потому вечернее богослуженіе для нихъ совершается отдѣльно, въ училищномъ домѣ, на татарскомъ языкѣ. Къ литургіи же они всегда собираются въ монастырь. Въ настоящій день во время литургіи новокрещеннымъ было объяснено значеніе нѣкоторыхъ молитвъ и пѣснопѣній, совершаемыхъ во время литургіи, съ краткимъ наставленіемъ, какъ должно стоять въ церкви, особенно во время важнѣйшихъ священнодѣйствій божественной литургіи.

4 іюня. Праздникъ пятидесятницы. Литургія совершена большею частію на татарскомъ языкѣ. Послѣ трапезы съ толмачемъ отправились къ новокрещеннымъ, живущимъ въ дальней деревнѣ. Предъ вечеромъ новокрещенные собрались все и, сѣвши на травѣ въ кружокъ, дружно и громко повторяли за мной 10 заповѣдей Господнихъ. Ученье продолжалось около часа. Послѣ заучиванья на память объяснено было значеніе каждой заповѣди отдѣльно. Нѣкоторые изъ стариковъ при изученіи первой и второй заповѣдей говорили: „на что намъ другіе боги! Мы ихъ оставили и теперъ вѣруемъ единому Господу Богу.“ На

четвертую заповѣдь одинъ изъ старцевъ сдѣлалъ замѣчаніе, что праздничная работа не бываеъ прочна. Пятая заповѣдь особенно нравилась родителямъ, у которыхъ есть дѣти; потому они произносили эту заповѣдь съ особенною выразительностію. Седьмую и восьмую заповѣди нѣкоторые произносили такимъ тономъ, который обличалъ ихъ согрѣшенія противъ этихъ заповѣдей.

5 іюня. Утромъ съ новокрещенными повторено ученіе 10 заповѣдей. Совершено освященіе воды, которою окроплены всѣ юрты. Днемъ собраны были одни дѣти; послѣ повторенія заповѣдей они учились пѣть. Призваны были и тѣ изъ недавно крещенныхъ, которые не твердо знаютъ молитвы; они учились до самаго вечера и дали слово доучить молитвы послѣ насъ. Одна изъ женщинъ на вопросъ мой: „молится ли она дома по утрамъ и вечерамъ?“ отвѣчала: „какъ же, всѣ мы молимся и утромъ, и вечеромъ, и предъ принятіемъ пищи. Намъ теперь и спится спокойно, не являются во снѣ курюмеси, какъ бывало прежде; нѣкоторые изъ насъ теперь видятъ во снѣ, что вы приходите къ намъ съ книгой, читаете и учите насъ.“ Вечеромъ опять собирались всѣ и послѣ повторенія заповѣдей преподано было имъ краткое христіанское вѣроученіе. Одинъ изъ слушателей между прочимъ спросилъ: „Если прежде созданія неба и земли ничего не было а былъ только одинъ Богъ то на чемъ же Онъ стоялъ?“ Въ поясненіе того, что для Бога, не нужно мѣста, гдѣ бы Ему жить, какъ живутъ люди, я представилъ ему тотъ примѣръ, что и духъ человѣческой также не имѣетъ нужды въ точкѣ опоры. Находясь тѣломъ въ одномъ мѣстѣ, человекъ можетъ духомъ своимъ носиться вездѣ.— „Это правда, замѣтилъ другой изъ новокрещенныхъ, вотъ напр. я теперь здѣсь, а мысляю могу быть у Союнцева, ходить и торговать тамъ; и Богъ также, какъ духъ, находится вездѣ.“ Вечеръ тихій, теплый и отрадный. Пріятна жизнь среди новокрещенныхъ, младенцевъ вѣры, которымъ Отецъ небесный благоволяетъ открывать тайны своей премудрости.

6 іюня. Возвратились въ монастырь. Студентъ Завадовскій учитъ дѣтей тщательно. Они читаютъ св. Исторію по-татарски и учатся писать. Изъ учившихся зимой 5 мальчиковъ взяты родителями для работъ; теперь учатся только 4 дѣвочки и 1 мальчикъ.

7 іюня. Занятіе переводомъ на татарскій языкъ воскресныхъ евангелій и отправка новокрещенныхъ за мона-

стырскимъ хлѣбомъ къ заозерскому анбару. Вечеромъ одинъ изъ новокрещенныхъ приходилъ просить совершить молебствіе о дарованіи дождя, потому что хлѣбъ на поляхъ отъ засухи начинаетъ подсыхать. Я посовѣтовалъ ему пригласить съ собой всѣхъ новокрещенныхъ и придти на молебень въ церковь. 8 *іюня*. Переведены на татарскій языкъ эктенія, евангеліе апостоль и молитвы, читаемыя на молебнѣ во время бездождія. 9 *іюня*. Переведено евангеліе къ будущему воскресному дню и исправленъ прежній переводъ слова на исходъ души, Макарія Александрійскаго.

10 *іюня*. Со студентомъ Завадовскимъ занимались грамматикой. Вечеромъ въ деревнѣ Казаковой служили всенощную. Всѣ предстоящіе пѣли не стройно, но довольно бойко. 11 *іюня*. Въ воскресный день, послѣ литургіи и трапезы, съ толмачемъ Никитой ѣздили къ верхнимъ новокрещеннымъ. Раздѣливъ собравшійся народъ на двѣ партіи, съ одними повторяли заповѣди, а другихъ учили молитвамъ. За тѣмъ, прочитавъ слово Макарія Александрійскаго объ исходѣ души, съ объясненіемъ непонятныхъ мѣстъ, и отслуживъ вечерню, возвратились домой.

12 *іюня*. Совершенно молебствіе по случаю бездождія. Съ св. водой и иконами обошли по полямъ, въ сопровожденіи собравшихся новокрещенныхъ. 13 *іюня*. Небольшой дождь оросилъ изсохшія поля. Богу слава! 14—17 *іюня*. Былъ дождь; хлѣбъ сталъ оживать. Переведено евангеліе къ слѣдующему воскресному дню.

22 *іюня*. Написано житіе св. Трифона по-татарски. Вечеромъ я былъ въ деревнѣ Казаковой. Новокрещенный Андрей, выслушавъ разсказъ о чудесахъ св. Трифона, сказалъ: „истинно, силенъ и милостивъ Господь къ тѣмъ, которые съ вѣрою призываютъ Его! Мы съ женой сами видѣли на себѣ милость Божию. Это было пынѣшней зимой. Съ женой мы ѣздили къ Татарамъ, живущимъ при озерѣ Телецкомъ. Ледъ былъ тонокъ. Когда мы возвращались домой съ сумами наполненными ячменемъ, ледъ подъ нами провалился и сумы упали въ воду; сами мы успѣли выскочить на ледъ, но вытащить сумы изъ воды было невозможно. Провожавшіе насъ некрещенные родственники оставили насъ, боясь провалиться, совѣтовали и намъ оставить сумы, чтобы самимъ не погибнуть. Жаль намъ было хлѣба! Тогда я вспомнилъ истиннаго Бога Иисуса Христа и перекрестившись сказалъ: „Господи Боже нашъ Иисусе Христе! Мы на Тебя надѣмся, помоги

намъ“. Послѣ этого мы съ женой осторожно вѣлились за сумы и такъ легко вытащили ихъ изъ воды, какъ будто кто-нибудь снизу приподнялъ ихъ. Кто, какъ не Господь Иисусъ Христосъ, Котораго мы призвали съ вѣрою, помогъ намъ здѣсь? Послѣ крещенія мы много разъ видѣли милость Божию на себѣ и на всемъ домѣ своемъ!“

16 июля. Вечеромъ ѣздилъ къ дальнимъ новокрещеннымъ. Между прочимъ нѣкоторые изъ новокрещенныхъ говорили: „благодареніе Богу, мы живемъ послѣ крещенія благополучно, видимъ на себѣ милость Божию; въ нуждахъ и болѣзняхъ нашихъ помогаетъ намъ Богъ. Только некрещенные наши сосѣди стараются всячески досаждаютъ намъ“.

17 июля. Оглашена некрещенная жена новокрещеннаго Сергея-Куйбука и наречена Мариною. Она изъявила желаніе креститься частію по убѣжденію мужа своего, частію по совѣту новокрещенныхъ, говорившихъ ей, что животворящія Тайны тѣла и крови Христовой, послужившія для нѣкоторыхъ изъ нихъ спасительнымъ врачевствомъ противъ болѣзней, могутъ исцѣлить и ее отъ недуга, если она увѣруетъ въ Иисуса Христа и приметъ св. крещеніе. Мучимая болѣзнію Марина желала крещенія, какъ обыкновеннаго врачевства противъ своей болѣзни, мало заботясь о недугѣ души своей, и о достойномъ приготовленіи къ принятію св. врачевства. Нужно было объяснить и убѣдить ее въ томъ, что крещеніе и св. причащеніе бываютъ спасительны для души и, аще Господь изволитъ, цѣлительны для тѣла, только вѣрующаго и кающагося грѣшника. Марина стала учиться и приготовляться къ крещенію.

6 августа. ѣздилъ къ новокрещеннымъ, училъ оглашенную. Марина, мучимая болѣзнію и не могши дожидаться крещенія, хотѣла уже обратиться къ каму за помощію, но новокрещенные убѣдили ее оставить это намѣреніе и предаться волѣ Божіей. Марина послушалась и просила меня по крайней мѣрѣ окропить ея юрту св. водою, что и было исполнено.

19 августа. Оглашенная Марина привезена мужемъ своимъ въ монастырь для крещенія. Молитвы она выучила. На вопросы о вѣрѣ отвѣчала удовлетворительно.

23 августа. Она крещена и во время литургіи приобщена св. Тайнъ. Весь день была весела, на болѣзнь не жалуется.

30 августа. Повѣнчаны свадьбы новокрещенныхъ, присланныхъ для сего изъ Увалы, миссіонеромъ свящ. о. Іоанномъ Смольяниковымъ.

1 сентября. Оглашена калмыцкая дѣвица Ширалу и наречена Елизаветой. Это невѣста одного новокрещеннаго мальчика Трофима, высватанная за него матерью еще въ дѣтствѣ его. Калыма за нее уплачено 70 подо (подо стоитъ 4 руб. сер.; 70 подо равняется 280 руб). Мать жениха, нуждаясь въ помощницѣ по домохозяйству, взяла высватанную за сына невѣсту съ согласія родителей послѣдней, и хотѣла уже, по обычаю калмыковъ, поселить ее съ малолѣтнимъ женихомъ въ особо-устроенной для нихъ юртѣ, но посланный отъ насъ толмачъ объяснилъ ей, что крещенымъ такъ дѣлать нельзя. Поэтому старица привела невѣсту къ намъ, и просила крестить ее съ тѣмъ, чтобы по крещеніи, до совершеннолѣтія жениха, поселить у себя въ юртѣ для пособія въ домашнихъ работахъ. Елизавета крещена 9 сентября.

2 сентября. Новокрещенная женщина Анастасія, сильно страдавшая воспаленіемъ печени, спазмами въ груди, перевезена изъ юрты къ монастырю. Въ юртѣ лежать ей было холодно, и новокрещенные отказались служить ей во время болѣзни, считая ее бѣсноватою, потому что она въ безпамятствѣ иногда уходила въ воду, иногда бродила вочью по лѣсу, а иногда взбиралась на гору. Черезъ двѣ недѣли она стала поправляться. Сегодня она рассказала сонъ. „Недавно видѣнная мною во снѣ женщина (говорила Анастасія), которая тогда помазывала меня какою-то мазью и общала мнѣ выздоровленіе, сегодня опять явилась мнѣ во снѣ. На головѣ ея было покрывало, которое спускалось на руки и закрывало ихъ до кистей. Лице было необыкновенной красоты. Подойдя ко мнѣ, она утѣшала меня, говоря: „не плачь и не скорби. Я жалю всѣхъ сиротъ, и тебя мнѣ жаль, что ты такъ страдаешь.“ Видя состраданіе ко мнѣ, я заплакала. Потомъ она сказала мнѣ: „ты слушайся меня и исполни обѣщанное. Не ходи по людямъ и не ѣшь чего не слѣдуетъ ѣсть. Не подражай тѣмъ новокрещенымъ, которые живутъ худо, не слушай ихъ худыхъ совѣтовъ. Я не люблю тѣхъ крещенныхъ, которые живутъ худо. Чтѣ могла я понимать, то говорила она мнѣ по-русски, а прочее по-татарски.“

13 сентября. Оглашена калмычка Орыжакъ и наречена Любовью.

Новокрещенный Сергѣй Куйбукъ приходилъ въ монастырь просить у насъ сохи и коней для распашки новой земли подъ пашню, обѣщаясь за это попахать нѣсколько для монастыря. Просимое ему обѣщано съ тѣмъ услови-

емъ, чтобъ онъ, вмѣсто монастырской пашни, попахаль своимъ новокрещеннымъ собратіямъ.

Въ нынѣшнее лѣто урожай хлѣба у Чулышманскихъ новокрещенныхъ былъ неодинаковъ. У тѣхъ изъ нихъ, которые сѣяли хлѣбъ на землю вспаханную сохой, урожай хлѣба былъ большею частію хорошъ, а на поляхъ, вскопанныхъ абыдомъ, какъ водится у большей части здѣшнихъ калмыковъ, хлѣбъ погорѣлъ отъ засухи.

Въ теченіи мѣсяца сентября крещены мною въ Благоуѣщенскомъ монастырѣ двѣ инородки.

Обученіемъ дѣтей грамотѣ занимался студентъ семинаріи Анемподистъ Завадовскій. Учащихся было 4 дѣвочки. Прочія дѣти, учившіяся въ прошедшую зиму, весной взяты были родными домой.

Въ теченіи 1867 года, по октябрь мѣсяць, крещено мною изъ Чулышманскихъ язычниковъ 18 человекъ; кромѣ того іеромонахомъ о. Платономъ крещено 34 человекъ. Всего 52 души обоюго пола.

ИНОКЪ ГЕРОНТІЙ.

Инокъ Геронтій, бывшій архимандритъ Австрійской лжеіерархіи и основатель оной, мирно скончался сыномъ православной церкви 18-го числа іюля 1868 года, въ 4 часа по полудни, въ нашей Гуслицкой обители. Мирское имя его — Герасимъ Колпаковъ. Родомъ онъ Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда, какой волости и селенія незнаю. Крещенъ былъ въ православной Грекороссійской церкви. Отецъ его былъ зажиточный крестьянинъ и имѣлъ свою фабрику. О. Геронтій, такъ рассказывалъ мнѣ о своемъ возвращеніи въ расколъ: „Въ одно время я, лежа на палатахъ, слышу разноглагольствіе двоихъ нашихъ работниковъ фабричныхъ; одинъ изъ нихъ былъ православный, другой раскольникъ. Я углубился въ ихъ бесѣду, — и замѣтилъ, что православный беретъ верхъ. Раскольникъ же, вскочивши, поднялъ правую руку, сложилъ два перста и съ горячностію сказалъ: кто не будетъ такъ молиться, всѣ пропадутъ и пойдутъ въ адъ. И началъ свои слова подтверждать клятвою и божбою. Я себѣ думаю: стало быть онъ убѣжденъ въ правотѣ старой вѣры, что такъ

клянется и предаеть душу свою сатанѣ; если бы не зналъ истины, не сталъ бы божиться такъ. Вотъ я и рѣшился перейти въ расколъ, какъ бы въ старую вѣру; тутъ же и перемѣнилъ трехперстіе на двуперстіе. Вотъ и вся исторія моего обращенія въ расколъ, и послѣ, для большаго убѣжденія въ правотѣ раскола, я ничего не читалъ и пренія ни съ кѣмъ не имѣлъ. Сначала впрочемъ оставался покуда дома и ходилъ въ церковь, хотя внутри уже былъ раскольникъ. Потомъ меня родители женили, и я, поживши съ женою года два, рѣшился наконецъ окончательно бросить православную церковь и поступить въ иночество въ какомъ либо старообрядческомъ монастырѣ. Я оставилъ домъ, родителей, жену и весь міръ, и пришелъ на Рогожское кладбище, — тамъ меня преревели въ расколъ чрезъ муропомазаніе.“ — До сего его слова.

Потомъ изъ Рогожскаго кладбища Геронтій направилъ стопы свои на югъ въ Стародубскія слободы, а оттуда далѣе чрезъ Кіевъ въ Бессарабію, въ Серковскій монастырь, гдѣ его и приписали, выправивъ ему паспортъ Кишиневскаго жителя. Это было около 1825 года. Здѣсь онъ постриженъ въ монашество бѣглымъ чернымъ попомъ, наименованъ Геронтіемъ. Какъ искусный сборщикъ, онъ ежегодно ѣздилъ въ Россію, и познакомился съ московскими и петербургскими богачами раскольниками, — Рахмановыми и Громовыми, и подобными имъ. Жена же его, подождавши 7 лѣтъ и не имѣя объ немъ никакого слуха, вышла за мужъ за другаго. Но онъ около 1832 года жену увезъ въ Бессарабію и съ дѣтьми, съ ея согласія, и опредѣлилъ ее, въ селѣ Окуничномъ, въ скитъ.

По разореніи Серковскаго монастыря, Геронтій перешелъ за границу въ Бѣлокриницкій монастырь, въ Буковинѣ, что въ Австрійскихъ владѣніяхъ, и оттуда началъ ѣздить въ Россію за сборомъ подъ именемъ купца Геронтія Леонова. Потомъ сошлись съ Геронтіемъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ иноки Алимпій, Павелъ и прочіе. Они избрали Геронтія своимъ начальникомъ и тѣмъ дали ему болѣе славы и силы. Стали толковать между собою, что церковь ихъ 180 лѣтъ находится безъ главы, безъ епископа, вдовствуетъ, оставаясь только при двухъ чинахъ, и какъ-бы уже вратами адовыми одолѣна, противно слову евангельскому, да и бѣглые поны стали переводиться. И начали Геронтій съ Алимпіемъ и Павломъ помышлять о возстановленіи трехъ-чиннаго священства, съ епископомъ во главѣ. Геронтій подъ именемъ купца

отправился въ Россію съ этими предположеніями. Московскіе богачи, раскольники, а особенно Рахмановы, приняли участіе въ этомъ дѣлѣ. Потомъ Геронтій прибылъ въ Петербургъ и здѣсь объявилъ свои затѣи купцу Громову. Громовъ вполнѣ принялъ ихъ къ сердцу, но сказалъ: надобно посовѣтоваться съ одной высокою придворною особою, гр. В., жившимъ съ нимъ въ сосѣдствѣ. Громовъ пригласилъ эту особу въ гости какъ сосѣда, началъ предъ нею расписывать бѣдственное положеніе старообрядцевъ, неимѣющихъ полного священства. Гость сказалъ: „я при теперешнихъ обстоятельствахъ помочь вамъ не могу, а совѣтовалъ бы вамъ приобрести своего епископа внѣ Россіи за границей, онъ бы вамъ надѣлалъ поповъ, — и кучера и дворники были бы попы ваши“. — Раскольники эту мысль подхватили, и положили непременно добыть себѣ епископа. Тутъ Геронтію явился первый помощникомъ Авеоній Кузмичъ Чуркинъ, Горбатовскій мѣщанинъ Нижегородской губерніи, известный начетчикъ, а за деньгами дѣло не стало. Геронтія послали въ Австрію, чтобы приготовить мѣсто епископу. Между тѣмъ пріѣзжалъ въ Вѣдую Криницу уніатскій митрополитъ Михаилъ Левитскій, и тоже далъ раскольникамъ совѣтъ приобрести своего епископа и даже обѣщалъ имъ въ этомъ содѣйствовать. Геронтій возвратившись въ Австрію, нашелъ дѣло уже въ ходу: Алимпій и Павелъ отправились въ Вѣну съ рекомендательными письмами отъ митрополита Михаила и тамъ имъ удалось получить указъ отъ правительства, чтобы имѣть липованамъ своего епископа. Геронтій немедленно отправился въ Россію, и потомъ посовѣтовавшись съ купцами, Геронтій съ Павломъ и Авеоніемъ Кузмичемъ отправился въ Грузію, чтобы тамъ обмануть какого либо епископа. Къ одному епископу, проживавшему на покоѣ около Кутаиса, даже доставлены письма фальшивыя изъ Петербурга, чтобы посвятить одного изъ пріѣхавшихъ монаховъ во епископа, а другаго во іеромонаха. Но обманъ не удался; Геронтій съ товарищами были арестованы и три мѣсяца просидѣли въ острогѣ. Но чрезъ деньги кое-какъ выбрались. Потомъ пытались кого либо изъ русскихъ епископовъ, живущаго на покоѣ, сманить въ расколъ, но и это неудалось. Наконецъ положили на золото Рахмановыхъ искать епископа за границей, Грека или Болгарина. По пріѣздѣ въ Австрію, Геронтій послалъ Павла и Алимпія прежде въ Сербію и Черногорію, но тамъ неудалось; послалъ ихъ на Востокъ

въ Сирію, Палестину и въ Египеть, но и тамъ ничего недобыли. Наконецъ въ Суезѣ случайно они встрѣтились съ Костюшкой, выкращеннымъ евреемъ, который зналъ многіе языки: русскій, греческій, молдавскій, еврейскій, турецкій, арабскій. Онъ обѣщалъ Павлу и Алимпію достать епископа въ Константинополь, и точно, по проiscaмъ Константина, сманили запрещеннаго митрополита Амвросія Грека, и привезли его въ Бѣлую-Криницу. Задумавъ искать себѣ епископа, Геронтій съ Павломъ позаботились сыскать и древняго мѹра для помазанія епископа, потому что въ Австріи его не было. Просили Московскихъ добыть древняго мѹра. Московскіе раскольники посылали разыскивать, не осталось ли гдѣ древнее мѹро послѣ монастырей; посланные нашли его гдѣ-то въ слободѣ, и привезли стекляницу, закатанную въ холстъ, зашитую и запечатанную; съ таковою находкою они прибыли въ Бѣлую-Криницу, въ самую пору. Геронтій и Павелъ были очень рады, что мѹро подоспѣло дня за три до помазанія митрополита Амвросія. Геронтій и Павелъ вдвоемъ распечатали холстъ и нашли стекляницу; но къ удивленію и къ несчастію увидали, что въ стекляницѣ пусто и сухо, только замѣтно, что когда-то что-то было въ ней. Павелъ же незатруднился этимъ, — съ согласія Геронтія налилъ въ стекляницу изъ лампы деревяннаго масла, и потомъ сказалъ: по вѣрѣ все будетъ, и масло вмѣсто мѹра подѣйствуетъ. Это сдѣлано тайно даже отъ Онуфрія и Алимпія, какъ мнѣ самъ Геронтій рассказывалъ при многихъ свидѣтеляхъ, и не одинъ разъ при Онуфрѣ и Іустинѣ и Пафутіи, бывшихъ епископахъ Австрійскихъ, и при раскольникахъ.

Амвросій, перейдя въ расколъ, не замедлилъ поставить Кирилла въ епископы, а Геронтія въ архимандриты. Только Геронтій нѣсколько разъ признавался, что когда ставили его въ діаконы, онъ ничего не помнилъ, имъ одолѣла дремота и сонъ, такъ что нѣсколько разъ спотыкался, и хотѣлъ было уйти изъ церкви. „Я, говорилъ Геронтій, видѣлъ, что благодать Божія совершенно тутъ не присутствовала, и это всегда осталось у меня въ памяти и смущало меня; отслуживши только три литургіи, больше я и не служилъ, и отправился въ Россію за деньгами; пріѣхавши въ Москву, остановился въ номерахъ, и побывалъ у богатыхъ своихъ единовѣрцевъ; они наградили меня щедро, болѣе пуда золотыми червонцами и утварью, и облаченіями, и я отправился обратно; но полиція узнала мою

квартиру и слѣдила за мною. На одной изъ станцій, въ Тульской губерніи, арестовали меня и препроводили въ Петербургъ, въ III отдѣленіе, а потомъ заключили въ Петропавловскую крѣпость. Это было въ Севастопольскую войну, и меня даже заподозрили въ политическихъ замыслахъ, такъ что я ожидалъ себя казни. Но какъ этому я былъ непричастенъ, то Господь и помиловалъ меня⁴. Въ Петропавловской крѣпости Геронтій просидѣлъ 8 лѣтъ, и 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Онъ еще говорилъ: „я благодарю Бога и Царя земнаго за мое заключеніе. Оно было для меня училищемъ, гдѣ, читавши всякія книги, и дошелъ до признанія моихъ заблужденій. Какая мнѣ польза въ мученіяхъ, сталъ я думать, если терплю ихъ не за истину? Сталъ я также размышлять, что наше общество было 180 лѣтъ безъ епископа, а безъ епископа Церковь истинная быть не можетъ. По обѣщанію Господню, ея врата ада не одолѣютъ; стало быть у насъ Церкви истинной Христовой не было, и такъ далѣе; потомъ я потребовалъ къ себѣ крѣпостнаго священника, и послѣ многихъ бесѣдъ, пожелалъ присоединиться къ православной греко-россійской Церкви, и въ 1866 году присоединился. Послѣ того еще полтора года меня искушали, подозрѣвая, не изъ выгодъ ли какихъ присоединился. Но наконецъ увѣрились въ моей искренности и послали къ вамъ въ монастырь⁴. Это разказъ самаго Геронтія.

24-го апрѣля, въ 9 часу ночи являются ко мнѣ жандармы съ пакетомъ. Я смотрю, распечатаваю, читаю, и что же вижу: привезли ко мнѣ отца Геронтія, котораго 29 лѣтъ не видалъ; я полагалъ, что давнымъ давно померъ. И мы долго, обнявшись, плакали. Онъ жилъ у насъ только три мѣсяца, каждую недѣлю причащался св. Таинъ, и ни одной церковной службы не пропускалъ, радовался и веселился, и говорилъ: „теперь я попалъ какъ въ рай, теперь только началась моя жизнь⁴. Онъ желалъ принять великую схиму, но не дождался: 18-го числа, въ 4 часа по полудни мирно и безболѣзненно скончался. Смиреніе и любовь была у него неограниченная. Онъ часто повторялъ: „мнѣ очень жалко раскольниковъ, что они погибаютъ. Я за нихъ страдалъ 21 годъ⁴. Мы погребли его подлѣ праваго клироса Воскресенской церкви.

Игумень Парвеній.

25 іюля 1866 года.

ДВА СЛУЧАЯ НЕПОСРАМЛЕННАГО УПОВАНІЯ НА ПОМОЩЬ УГОДНИКОВЪ БОЖІИХЪ.

1. Два купца, сосѣди по домамъ и сотоварищи по торговымъ своимъ оборотамъ, отправлялись однажды домой съ одной изъ значительнѣйшихъ нашихъ ярмарокъ, принесшей имъ довольно хорошую выручку. Довольные этимъ, спѣшили они къ своимъ семействамъ; на пути заѣхали для ночлега въ одинъ постоялый дворъ, пользовавшійся довольно дурною извѣстностью. Должно полагать, впрочемъ, что не были они предупреждены этими слухами, или же не обратили на нихъ вниманія, почему преспокойно расположились въ немъ ночевать. Хозяинъ постоялаго, радушно, повидимому, принимая дорогихъ гостей, вмѣстѣ съ тѣмъ задумалъ думу, какъ-бы воспользоваться ихъ деньгами и безъ шуму въ тихомолку ночью порой отправить ихъ въ вѣчность. Пустынность мѣста и отсутствіе другихъ заѣзжихъ, давали къ тому все удобство. Одинъ изъ этихъ купцовъ, Д. К.—въ, человѣкъ богобоязненный и благочестивый, имѣлъ похвальный обычай, — гдѣ бы онъ ни былъ и какъ бы ни былъ утомленъ или занятъ, не иначе отходить на ночной покой какъ прочитавъ молитвенное послѣдованіе, положенное св. церковью на сонъ грядущимъ. Обычай достоподражаемый, свято соблюдавшійся нашими благочестивыми предками, нынѣ же, къ сожалѣнію, многими пренебрегаемый. Неизмѣнивъ благочестивой своей привычки и на сей разъ, замѣтилъ онъ, что до молитвы совершенно спокойный и веселый духомъ, почувствовалъ онъ послѣ нея особенно-мучительное томленіе, страхъ и тоску, чего прежде съ нимъ никогда не случалось. Не желая обезпокоить крѣпко спавшаго сотоварища, и пытаясь вмѣстѣ съ тѣмъ сколько нибудь успокоить мятущуюся свою душу, обратился онъ опять къ молитвенному подвигу, надѣясь имъ умирить свое волненіе. Соименный Святителю и Чудотворцу Дмитрію Ростовскому, питая къ нему особенное благоговѣйное уваженіе, обратился онъ къ нему въ своихъ молитвахъ, стараясь прочесть наизусть хорошо знакомый ему акаѣистъ этому святителю. Не успѣвъ онъ прочесть до половины, какъ сильный стукъ въ окно со двора, обратилъ на себя его вниманіе. „Ей, господинъ купецъ, — слышался голосъ за окномъ, — что терять удобное время да лунную ночь, и притомъ ночевать въ постояломъ, гдѣ—чего добраго—зарѣжутъ и спу-

стоять въ оврагъ волкамъ на поживу. Собирайтесь-ка поживѣй, поѣдемъ вмѣстѣ, охотнѣе будетъ: обозъ нашъ великъ, а къ утру и въ городъ будемъ.“ Мигомъ догадался купецъ, что не даромъ тосковала его душа, и не даромъ случились ему эти попутчики: разбудивъ сотоварища, не внимая всѣмъ увѣщаніямъ обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ хозяина, поспѣшилъ онъ поскорѣе покинуть опасное мѣсто. Выѣхавъ со двора, ни обоза, ни говорившаго у окна человѣка, нигдѣ они не видали, но тѣмъ не менѣе, совершенно благополучно доѣхали къ утру до ближняго города, гдѣ и узнали, что на покинутомъ ими постояломъ дворѣ, очень часто не досчитываются зажиточныхъ проѣзжающихъ. Поблагодарилъ тогда благочестивый купецъ отъ души Господа Бога, спасаго его отъ явной опасности быть ограблену и убиту, поблагодарилъ и заступника своего небеснаго, угодника Божія Святителя Димитрія, заступленію коего приписалъ онъ свое избавленіе. Уже нынѣ покойникъ, воспоминается онъ на своей родинѣ и доселѣ, какъ человѣкъ благочестивый и милостивый. Разсказъ же этотъ слышала я отъ его дѣтей, подражающихъ родителю своему въ его добродѣтеляхъ.

II. Одному изъ знаемыхъ мною духовныхъ лицъ, ар. Г-ну, досталось однажды по дѣламъ управляемой имъ обители посѣтить южный берегъ Крыма, какъ извѣстно, изобилующій горными крутизнами, и узкими вьющимися среди обваловъ и пропастей тропами. Ъхалъ онъ на тройкѣ добрыхъ лошадокъ, въ легкій небольшомъ экипажѣ съ привычнымъ къ горамъ возницею, и потому не чувствовалъ особеннаго страха на столь небезопасной дорогѣ, тѣмъ паче, что былъ человѣкъ глубоко вѣрующій и притомъ по природѣ неустрашимый: онъ не вставалъ даже въ опасныхъ мѣстахъ изъ экипажа. Съ одной высокой горы предстояло имъ спускаться опять внизъ, по спуску крутому до чрезвычайности. Келейникъ началъ просить своего настоятеля, не рисковать жизнію и лучше сойти изъ экипажа и пройти опасныя мѣста пѣшкомъ. „Богъ милостивъ, съѣдемъ“, — перекрестившись сказалъ настоятель, рѣшившись и на этотъ разъ остаться въ экипажѣ. Лошади спускали сперва исправно, но по несчастію, на самой срединѣ спуска, лопнулъ одинъ изъ ремней ихъ упряжи, и волей-неволей понеслись они внизъ съ ужасающей быстротой. Келейникъ сейчасъ же выпрыгнулъ изъ экипажа съ немалою опасностью жизни, умоляя послѣдовать своему примѣру и настоятеля. Но онъ и теперь на это не рѣшался, мысленно умоляя Господа и Его

Святыхъ Угодниковъ, спасти его иже въсть судьбами отъ явной смерти: ибо небезопасно было слабому тѣло-сложеніемъ и немощному человѣку прыгать изъ летящаго стрѣлой экипажа, равно небезопасно было и въ немъ оставаться, потому что видимо катился онъ въ пропасть. Призвалъ онъ въ числѣ прочихъ угодниковъ Божіихъ св. Христову Стратотерпицу Варвару: „Великомученица Варвара, помоги мнѣ, избави отъ напрасной смерти!“ Съ этимъ возгласомъ, сильный толчокъ экипажа о камень, противъ воли выбросилъ изъ него путника въ сторону, и притомъ безъ всякаго вреда, даже малѣйшаго ушиба; экипажъ же опять помчался далѣе, пока искуснымъ поворотомъ не удалось возницѣ свернуть его на сторону и тѣмъ воспрепятствовать окончательно скатится въ оврагъ. Испуганный порядкомъ, ушибшійся келейникъ со страхомъ искалъ своего настоятеля, передумавъ всего въ это время, и несказанно обрадовался, найдя его цѣлымъ и невредимымъ, въ свою очередь безпокоющимся за него. Рассказывая въ послѣдствіи объ этомъ случаѣ, какъ особенномъ дѣйствии молитвеннаго предстательства св. Великомученицы, которой приписалъ онъ счастливое свое паденіе отъ столь явной опасности, засвидѣтельствовалъ онъ это свое благочестивое убѣжденіе устройствомъ придѣла во имя св. Великомученицы, при одномъ изъ храмовъ управляемой имъ обители.

Андрей Ковалевскій.

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАГУЗИНЪ, ПРИЧЕТНИКЪ-ГЕРОЙ 1812 Г.

Послѣ Бородинской битвы, какъ извѣстно, французскія войска 1812 г. быстро вторгнулись въ предѣлы Московской губерніи и на пути къ Москвѣ скоро заняли Можайскъ, Верею, Рузу и Звенигородъ. Во время пребыванія непріятелей въ Москвѣ, отряды ихъ войска, занимаемая поименованные города, дѣлали набѣги на окрестныя селенія даже до предѣловъ Волоколамска.

Изъ русскаго войска около Волоколамска противъ непріятелей дѣйствовали генераль-маіоръ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ съ тремя полками казаковъ и полковникъ Викторъ Антоновичъ Прендель. Къ отраженію непріятелей содѣйствовали и мѣстные гражданскіе начальники, какъ-то Русскіе исправникъ Смирновъ, стряп-

чей Петропавловскій, и волоколамскій исправникъ Бѣляевъ; они съ уѣздными помѣщиками возбуждали крестьянъ и другихъ обывателей къ защитѣ своихъ селеній и имущества.

Въ это время оказалъ, какъ личную храбрость и неустрашимость въ дѣйствіяхъ противъ непріятелей, такъ и отличную смѣтливость и распорядительность по порученіямъ военно-гражданскаго начальства, дьячекъ Волоколамскаго уѣзда, села Рюховскаго Василій Григорьевичъ Рагузинъ. Онъ, какъ видно по дѣламъ архива Московской Консистеріи, во время нашествія непріятельскаго, собралъ до 500 мѣстныхъ крестьянъ, убѣдилъ ихъ день и ночь быть вооруженными для защиты своихъ селеній. Крестьяне подъ его предводительствомъ не разъ отражали и поражали непріятелей. Такъ, когда непріятельскіе отряды въ большомъ числѣ напали на деревни Свинухово и Авиницево, крестьяне подъ предводительствомъ Рагузина, воодушевляемые его примѣромъ и храбростію, отразили и прогнали непріятелей. Рагузинъ шесть верстъ гнался одинъ за 7 непріятелями, и не могли ими овладѣть, на пути при церквахъ ударилъ въ набатъ и съ помощію діакона села Шипонова и подоспѣвшихъ крестьянъ забралъ непріятелей въ плѣнъ. Гдѣ нужно, Рагузинъ, вмѣсто храбрости, употреблялъ противъ непріятелей другія средства. Такъ, когда непріятели въ неодолимомъ множествѣ напали на село Рюховское и намѣревались грабить церковь, Рагузинъ съ пономаремъ, поклонами и слезами убѣдилъ ихъ не трогать храма Божія. Вышепоказанные воинскіе и гражданскіе начальники много разъ давали порученія Рагузину; посылали въ Можайскъ, въ Колоцкій монастырь и въ другія мѣста для развѣдокъ о предуріятіяхъ непріятеля. Ему данъ былъ открытый листъ, чтобы крестьяне давали ему подводу и содѣйствовали. Непріятели нерѣдко захватывали Рагузина при этихъ развѣдкахъ и подвергали его побоямъ, онъ все переносилъ. По изгнаніи непріятелей военные и гражданскіе начальники дали Рагузину письменное свидѣтельство слѣдующаго содержанія: „1812 г. сентября съ 13 по 12 октября онъ, Рагузинъ, былъ посылаемъ въ разные мѣста для развѣдыванія непріятеля и собиралъ во многомъ числѣ изъ разныхъ селеній съ вооруженіемъ крестьянъ, съ которыми и вмѣстѣ съ казачьими отрядами ѣздилъ для пораженія разсѣяннаго по селеніямъ Русскаго, Можайскаго и Гжатскаго округовъ непріятеля нѣсколько разъ, гдѣ всегда былъ храбръ и не-

устрашимъ“. Преосвященный Августинъ изъ суммы, асигнованной отъ правительства на вспоможеніе раззоренному непріателемъ духовенству, далъ въ 1813 г. Рагузину, какъ многосемейному (у него было 8 человекъ дѣтей) единовременно въ пособіе 120 р. Въ 1816 г. при указѣ св. Синода отъ 27 мая прислана была Рагузину серебряная медаль съ надписью; „за полезное“, для ношенія на лентѣ ордена св. Анны, въ награду, какъ сказано въ указѣ, за подвиги его на пользу отечества. оказанные во время вторженія непріателя въ 1812 г., но того же года графъ Аракчеевъ при отношеніи отъ 20 августа выслалъ пр. Августину медаль для ношенія Рагузинымъ въ петлицѣ, вмѣсто Аннинской, на голубой лентѣ, и 400 р. для поправленія его состоянія.

Къ сожалѣнію герой-дьячекъ возгордился своими подвигами и не доволенъ былъ званіемъ дьячка. Рагузинъ въ томъ же 1816 г. подалъ пр. Августину прошеніе о произведеніи его во священника къ Стратилатской въ селѣ Средь церкви. По справкѣ въ консисторіи оказалось, что Рагузинъ отъ рода 44 лѣтъ; съ 1788 г. января 5, онъ изъ грамматическаго класса опредѣленъ былъ въ село Рюховское съ посвященіемъ его въ тоже время въ стихарь. Преосвященный отказалъ Рагузину въ просьбѣ о произведеніи его во священника и велѣлъ внушить ему, что на священническія мѣста есть много ученыхъ. Рагузинъ въ 1817 г. подалъ просьбу объ увольненіи его въ Петербургъ для свиданія, какъ объяснялъ въ прошеніи, съ своими родными. Когда по дѣлу спросили его, кто въ Петербургѣ у него родные, онъ отвѣчалъ, что двора государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны камергеръ и кавалеръ Иванъ Алексѣичъ Долгоподовъ, родной братъ жены брата его роднаго; также народнаго училища главный надзиратель бригадиръ Андрей Михайловичъ Терлевъ ему двоюродный братъ и канцеляріи св. Синода секретарь Иванъ Ивановичъ Ястребцовъ доводится ему въ сватовствѣ. Мѣстный священникъ села Рюховскаго соглашался отпустить Рагузина послѣ наступавшей Свѣтлой недѣли; но Рагузинъ оскорбился медленнымъ производствомъ его дѣла и послалъ къ государю императору письмо съ жалобою на преосвящ. Августина, объясняя, что преосвященный отобралъ отъ него медаль на Аннинской лентѣ, что не произвелъ его во священника. что не даетъ ему билета въ С.-Петербургъ для испрошенія лично у св. Синода священническаго мѣста, — и просилъ государя при-

казать произвести его, Рагузина, во священники. Графъ Аракчеевъ возвратилъ письмо преосвящ. Августину для объявленія Рагузину, чтобъ онъ не утруждалъ государя не дѣльными бумагами. Рагузинъ тогда же подалъ просьбу къ оберъ-священнику Державину о принятіи и производствѣ его во священника въ полкъ. Оберъ-священникъ затребовалъ отъ консисторіи свѣдѣній о Рагузинѣ; справка ему доставлена, но требованія объ увольненіи Рагузина на службу въ военное вѣдомство отъ оберъ-священника въ консисторію не поступало.

Въ 1818 г. Рагузинъ послалъ прошеніе въ св. Синодъ, объясняя о подвигахъ своихъ въ 1812 г., и жаловался на пр. Августина, что по неоднократнымъ просьбамъ не производитъ его во священника, прибавляя, что онъ, Рагузинъ, проходя дьяческую должность, исправляетъ колокольный звонъ, мететъ въ церкви, держитъ у священника шляпу съ тростью, отправляетъ у благочиннаго дежурство и пр., — и просилъ произвести его во священника. Синодъ требовалъ отъ епархіальнаго начальства о Рагузинѣ справку и въ 1819 г. сентября 6 предписалъ, что, буде дьячекъ Рагузинъ, при прошеніи о произведеніи его къ какой церкви во священника, представить одобреніе приходскихъ людей и по испытаніи окажется къ тому достойнымъ, въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть произведенъ во священника по усмотрѣнію епархіальнаго архіерея.

Подавалъ Рагузинъ прошенія о произведеніи его на мѣсто во священника и даже въ діакона; но не удавалось нашему герою получить желаемое мѣсто, и онъ оставался причетникомъ въ селѣ Рюховскомъ до 1833 г. Въ этомъ году, будучи уже преклонныхъ лѣтъ, сдалъ свое мѣсто причетнику, согласившемуся взять за себя дочь его; а себѣ нашелъ пріютъ въ богадѣльнѣ при страннопріимномъ графа Шереметева въ Москвѣ домѣ, гдѣ въ 1840 г. мая 4 скончался и погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Намъ показывали мѣсто, гдѣ погребенъ Василій Григоричъ. Надъ прахомъ его нѣтъ даже деревяннаго креста, который обыкновенно освяняетъ могилу и послѣдняго бѣдняка. Только плакушія березы простираютъ вѣтви свои надъ могилою почившаго.

Миръ праху твоему, забытый герой!

Н. Розановъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1868 ГОДА.

I.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ И АВГУСТЪ.

Стран.

1. О древнихъ иконахъ. Мнѣніе московскаго митрополита Филарета	1—19
2. Письма митрополита Филарета	17—24, 159—164, 287—288
3. Воспоминанія о преосвященномъ Аѳанасіѣ, архіепископѣ казанскомъ	25—49
4. Поученіе о добрыхъ духахъ	50—56
5. Изъ воспоминаній инока Павла (Прусскаго)	57—73, 109—115
6. Что препятствуетъ намъ всегда радоваться, по заповѣди апостольской: Радуйтесь всегда о Господѣ, и пакы реку: радуйтесь? Филлип, 4, 4	74—80
7. Маврикія Ходвева, игуменья Горницкаго монастыря, въ сѣмѣ Маріи	81—106
8. Письмо отца архимандрита Теофана къ игуменѣ Маврикіи	107—108
9. Поученіе о злыхъ духахъ	116—124
10. Свѣдѣнія о жизни протоіеря Николая Петровича Другова	125—153
11. Два письма протоіеря Н. П. Другова къ госпожѣ С. М. Еропкиной	153—156
12. Мнѣніе митрополита Филарета о возрастѣ поступающихъ въ монастырь послушниковъ	157—158
13. Рѣчь Высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія, митрополита московскаго, говоренная въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, 26-го мая, 1868 года	165—166
14. Кедръ. Бесѣда по поводу торжественнаго вступленія Высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія на святительскую кафедру московскую, сказанная іюня 2 дня, въ московскомъ Казанскомъ соборѣ	167—178
15. Разказы изъ Исторіи Русской Церкви	179—199, 285—300
16. Свѣдѣнія о жизни покойнаго Аѳанасія, архіепископа казанскаго въ Твери и въ Петербургѣ	200—215, 322—341
17. Слово преосвященнаго Аѳанасія казанскаго	216—232
18. О римско-католическомъ богослуженіи въ сравненіи съ православнымъ	233—259, 301—321
19. Бесѣда инока Павла о крестѣ осьмиконечномъ и четырехконечномъ	260—264
20. Блаженны	267—286
21. Изъ бесѣды съ молоканомъ	342—399
22. Два поученія высокопреосвященнѣйшаго Евгенія	370—376
23. О христіанскомъ приготовленіи къ общепользующей дѣятельности. Слово	377—386
24. Три письма митрополита Филарета	387—388
25. Псалмы въ рускомъ переводѣ. (Въ приложеніи)	49—64

(ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.)

II.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ И АВГУСТЪ.

Стр.к.

1. Вознесенскій Хорошевъ дѣвичій монастырь	1—23
2. Письмо къ митрополиту Филарету примаса епископальной церкви въ Шотландіи	23—24
3. Письмо къ нему же оксфордскаго епископа Самуила	24—25
4. О времени благовѣста при церквахъ въ Москвѣ въ прошломъ столѣтіи и въ текущемъ	25—32
5. О московскихъ городскихъ кладбищахъ	33—48
6. Замѣчательныя сновидѣнія	48—50
7. Исцѣленіе отъ глазной болѣзни по молитвамъ къ пресвятой Богородицѣ	50—54
8. Двѣ привѣтственныя рѣчи Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Иннокентію, при встрѣчѣ Его къ Казанскомъ соборѣ, мая 26 дня 1868 года	54—36
9. Письмо митрополита аѳинскаго къ московскому Филарету по случаю пожертвованій жителямъ Крита	56—57
10. Труды митрополита Филарета, напечатанные въ «Душеполезномъ Читаніи» безъ имени его	57—58
11. О Рогожскомъ кладбищѣ и объ открытій при немъ единаго вѣрнѣи и его обрядахъ	59—72
12. Камилавка, пожалованная Наполеономъ I, въ бытность его въ Москвѣ въ 1812 г., московскому священнику	72—74
13. Грозный «Палій»	75—77
14. Случай помилованія Божія въ опасностяхъ жизни	77—79
15. Изъ записокъ алтайскаго миссіонера іеромонаха Макарія за декабрь 1866 года и за 1867 годъ	81—92
16. Инокъ Геронтій	92—96
17. Два случая непосредственнаго упованія на помощь угодииковъ Божіихъ	97—99
18. Василій Григорьевичъ Рагузинъ, причетникъ-герой 1812 г.	99—102